

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

**WORLDS
OF ISAAC
ASIMOV**

**THE END
OF ETERNITY**

**THE GODS
THEMSELVES**

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

**КОНЕЦ
ВЕЧНОСТИ
САМИ БОГИ**

Издательская фирма «Полярис»

1993

The End of Eternity
Copyright © 1955 by Isaac Asimov

The Gods Themselves
Copyright © 1972 by Isaac Asimov

Конец вечности
© 1966 Ю. Эстрин,
перевод на русский язык

Сами боги
© 1976 И. Гурова,
перевод на русский язык

© 1993 А. Кириллов, иллюстрации,
форзац

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом — запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-044-1

КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ

Глава 1

ТЕХНИК

Техник Эндрю Харлан вошел в капсулу. Капсула находилась внутри колодца, образованного редкими вертикальными прутьями. Прутья плотно облегли круглые стенки капсулы и, уходя вверх, терялись в непроницаемой дымке в шести футах над головой Харлана. Харлан повернул рукоятки управления и плавно нажал на пусковой рычаг.

Капсула осталась неподвижной.

Харлана это не удивило. Капсула не должна была двигаться ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад. Только промежутки между прутьями словно растаяли, затянувшись серой пеленой, которая была твердой, но все-таки нематериальной. Харлан почувствовал легкую дрожь в желудке и слабое головокружение и по этим признакам понял, что капсула со всем своим содержимым стремительно мчится в будущее сквозь Вечность.

Он вошел в капсулу в 575-м Столетии. Этот Сектор Вечности стал его домом два года назад. Никогда до этого ему не приходилось забираться в будущее так далеко. Но сейчас он направлялся в 2456-е Столетие.

Месяц назад при одной только мысли об этом Харлану стало бы не по себе. Его родное 95-е Столетие осталось далеко в прошлом. Это был век патриархальных традиций, в котором атомная энергия находилась под запретом, а всем строительным материалам предпочитали дерево. Век славился своими напитками, кото-

рые в обмен на семена клевера вывозились почти во все другие Столетия. Хотя Эндрю Харлан не был «дома» с тех пор, как он в пятнадцать лет стал Учеником и прошел специальную подготовку, его никогда не оставляла тоска по родным Временам. Между 95-м и 2456-м Столетиями пролегло почти двести сорок тысяч лет, а это ощутимый промежуток даже для закаленного Вечного. При обычных обстоятельствах все было бы именно так.

Однако сейчас Харлану было не до абстрактных размышлений. Рулоны перфолент оттягивали его карманы, планы тяжким грузом лежали на сердце, мысли были скованы страхом и неуверенностью.

Он машинально остановил капсулу в нужном Столетии.

Странно, что Техник способен волноваться. Харлан вспомнил сухой голос Наставника Ярроу:

— Первая заповедь Техника — ничего не принимать близко к сердцу. Совершаемое им Изменение Реальности может отразиться на судьбах пятидесяти миллиардов человек. Миллион или более могут измениться настолько, что их придется рассматривать как совершенно новые личности.

Пытаясь отделаться от воспоминаний, Харлан резко тряхнул головой. Кто бы мог подумать тогда, что именно он, Харлан, станет Техником и к тому же одним из самых талантливых! И все-таки он волновался. Но не за судьбу пятидесяти миллиардов человек. Что ему пятьдесят миллиардов обитателей Времени? Только один человек существовал для него во всех Столетиях. Единственный.

Харлан заметил, что капсула остановилась, однако, прежде чем выйти наружу, он задержался на какую-то долю секунды, чтобы собраться с мыслями и вновь обрести бесстрастное, невозмутимое расположение духа. Капсула, которую он покинул, разумеется, не была той же самой, в которую он вошел: она уже не состояла из тех же атомов. Харлан воспринимал это обстоятельство как нечто само собою разумеющееся. Только Ученики ломают себе голову над загадками путешествий во Времени. Вечные заняты более важными делами.

Харлан снова ненадолго задержался у бесконечно тонкой завесы Темпорального Поля, которое не было ни Временем, ни Пространством, но которое сейчас отделяло его как от Вечности, так и от обычного Времени.

По ту сторону завесы лежал совершенно неизвестный ему Сектор Вечности. Он, конечно, заглянул перед отъездом в Справочник Времен и кое-что о нем узнал. Но Справочник — это одно, а личное впечатление — совсем другое. Харлан внутренне приготовился к любым неожиданностям.

Он настроил управление на выход в Вечность (это было совсем просто, куда проще, чем выйти во Время) и шагнул вперед. Оказавшись по ту сторону завесы Темпорального поля, он зажмурил глаза от ослепительно яркого блеска и инстинктивно прикрыл их руками.

Перед ним стоял только один человек. Вначале Харлан едва различал черты его лица.

— Я Социолог Кантор Вой, — сказал человек. — Полагаю, что вы и есть Техник Харлан?

Харлан кивнул.

— Разрази меня Время! — воскликнул он. — Неужели вы никогда не включаете эту иллюминацию?

— Вы имеете в виду молекулярные пленки? — снисходительно спросил Вой, оглядевшись.

— Вот именно! — раздраженно буркнул Харлан. Справочник упоминал о них, но Харлан никогда не подозревал, что блеск световых отражений может быть таким неистовым.

Харлан понимал причину своего раздражения. Если не считать нескольких энергетических Столетий, цивилизация во все Времена основывалась на использовании вещества. В 2456-м Столетии из вещества изготовлялось все, начиная со стен и кончая гвоздями. Поэтому Харлан с самого начала рассчитывал хотя бы на принципиальное сходство со знакомым ему миром. Здесь можно было не опасаться встретить ни совершенно непонятные (для человека, родившегося в вещественном веке) энергетические вихри, заменяющие вещество в 300-м, ни силовые поля 600-го.

Конечно, вещество веществу рознь, хотя человек из энергетического Столетия мог бы не согласиться с этим

утверждением. Для него всякое вещество было чем-то грубым, громоздким и варварским. Но Харлан родился в вещественном веке и воспринимал вещество как дерево, металл (легкий или тяжелый), бетон, пластмассу, кожу и т. п.

Но попасть в мир, состоящий из одних зеркал!

Именно таким было его первое впечатление от 2456-го. Каждая поверхность сверкала, отражая свет. Эффект молекулярных пленок создавал везде впечатление зеркальной глади. Куда ни глянь, всюду были видны отражения Социолога Воя, его самого и всего, что находилось вокруг. От яркого блеска и путаницы красок просто мутило.

— Сожалею, — сказал Вой, — но таков уж обычный Столетия, а мы в нашем Секторе стараемся по возможности перенимать все, что практично. Потерпите немного, и вы привыкнете.

Вой быстро подошел к стене, наступая на пятки своему отражению, которое шагало вниз головой, в точности повторяя каждое движение Социолога, и передвинул волосок индикатора по спиральной шкале к нулю.

Отражения исчезли, яркие огни потускнели. Харлан почувствовал себя в более привычной обстановке.

— Не пройдет ли вы теперь со мной? — пригласил Социолог.

Харлан последовал за ним сквозь пустые коридоры, в которых всего несколько мгновений назад царил хаос радужных огней и бесчисленных отражений. Они поднялись по пандусу вверх и прошли через переднюю в кабинет Воя.

На всем пути им не встретилось ни одной живой души. Можно было не сомневаться, что весть о прибытии Техника уже разнеслась по всему Сектору. Харлан настолько привык к тому особому положению, которое занимали в Вечности люди его профессии, что воспринимал безлюдные коридоры как должное. Он удивился бы, заметив спешащую скрыться человеческую фигуру. Даже Вой пытался держаться на известном расстоянии и поспешно отшатнулся, когда Харлан случайно задел ладонью его рукав.

Чувство горечи, испытанное при этом Харланом, неприятно удивило его. Он полагал, что его душа, как улитка в раковине, давно уже неуязвима для подобных уколов. Но если стенки его раковины стали тоньше, то этому могла быть только одна причина: Нойс.

Со стороны могло показаться, что Социолог дружелюбно наклонился к Технику, но Харлан машинально отметил, что их разделяет довольно длинный стол.

— Я польщен, — начал Вой, — что такой знаменитый Техник, как вы, заинтересовался нашей маленькой проблемой.

— Да, она представляет определенный теоретический интерес.

Харлан ответил сухо и бесстрастно, как и следовало говорить Технику. (Но был ли его голос действительно бесстрастен? Не проглядывают ли наружу его истинные побуждения? Не бросается ли в глаза его вина, написанная на лбу холодными каплями пота?)

Харлан вытащил из внутреннего кармана небольшой рулончик перфолент с кратким закодированным описанием планируемого Изменения Реальности. (Это был тот самый экземпляр, который Вой месяц назад послал на рассмотрение Совета Времен. Благодаря своей близости к Старшему Вычислителю Твисселу — к великому Твисселу! — Харлану удалось заполучить проект без большого труда.) Но, перед тем как расстелить ленту на поверхности стола, где ее будет удерживать слабое парамагнитное поле, Харлан на мгновение замешкался.

Молекулярная пленка, покрывающая стол, была «при-тушена», но полностью не исчезла. Протянув руку, Харлан невольно взглянул на крышку стола, откуда на него мрачно глядело собственное лицо. Ему было тридцать два года, но он выглядел старше и сам это хорошо понимал. Возможно, его старило узкое лицо, которому темные брови над черными глазами придавали суровый, насупленный вид (типичный, по мнению Вечных, для Техника). А возможно, причина была в том, что сам Харлан ни на минуту не забывал о своей профессии.

Развернув рулон, Харлан решительно приступил к делу.

— Я не Социолог, сэр.

— Устрашающее начало, — усмехнулся Вой, — такое вступление обычно предвещает, что за ним вот-вот последует самое банальное суждение по данному вопросу.

— О нет, не суждение — скорее просьба. Будьте так добры: просмотрите еще раз ваше заключение и поищите, нет ли в нем небольшой ошибки.

Лицо Вой сразу же помрачнело:

— Надеюсь, что нет.

Одна рука Харлана лежала на спинке стула, другая — на коленях. Он не мог позволить себе забарабанить по столу беспокойными пальцами, он не мог закусить губу. Малейшее проявление чувств — и все погибло.

Целый месяц Харлан регулярно просматривал все новые проекты Изменений Реальности по мере того, как они перемальвались административными жерновами Совета Времен. Для личного Техника Старшего Вычислителя Твиссела это не представляло особых трудностей, если только не считаться с небольшим нарушением профессиональной этики. В последние дни, когда все внимание Твиссела полностью поглотил его собственный проект, рыться в его бумагах стало совсем безопасно. (У Харлана слегка раздулись ноздри. Теперь он кое-что знал об этом проекте.) Но в распоряжении Харлана оставалось так мало времени, что его могла спасти только невероятная удача. Поэтому, наткнувшись на проект Изменения Реальности с 2456-го по 2871-е Столетие, серийный номер В-5, он в первый момент подумал, что напряжение помутило его рассудок и он принимает желаемое за действительное. Не доверяя самому себе, он весь день проверял уравнения и зависимости, и чем дальше, тем сильнее становилось его возбуждение. С чувством благодарности, к которой примешивалась слабая горечь, он вспоминал своих Наставников, обучивших его хотя бы элементарной психоматематике.

Сейчас Вой недоуменными и озабоченными глазами просматривал ту же самую перфоленку.

— Может быть, я и ошибаюсь, — произнес он наконец, — но мне лично кажется, что все в полном порядке.

— Тогда я позволю себе обратить ваше внимание на психоматрицы любовных отношений, характерные для Реальности вашего Столетия. Это область Социологии — вот почему я решил в первую очередь встретиться именно с вами.

Вой нахмурился. Он все еще был вежлив, но в его голосе явственно послышался холодок.

— Наблюдатели нашего Сектора очень опытные. Я совершенно уверен в правильности их донесений. Может быть, вы располагаете другими сведениями.

— Отнюдь нет, Социолог Вой. Я основываюсь на ваших же данных и ставлю под сомнение только выводы. Взгляните вот сюда: не будет ли комплекс-тензор в этой точке переменным, если подставить точные значения психоматриц?

Вой с явным облегчением взглянул на перфоленгу.

— Разумеется, Техник, разумеется, но вы не заметили, что уравнение в этой точке вырождается в тождество. В итоге получается небольшая вилка без побочных ответвлений, а дальше дороги снова сливаются. Надеюсь, вы мне простите употребление этих цветистых сравнений вместо точного математического языка.

— Ценю вашу любезность, — сухо сказал Харлан, — из меня такой же Вычислитель, как и Социолог.

— Ну что ж, отлично. Переменный комплекс-тензор, о котором вы говорили (или же попросту вилка) не играет никакой роли. Пути смыкаются, и решение вновь становится единственным. Это такой пустяк, что не стоило даже упоминать о нем в наших рекомендациях.

— Раз вы так считаете, сэр, то мне остается только согласиться с вами. Теперь перейдем к выбору МНВ.

Харлан заранее знал, что при этих словах Социолог поморщится. МНВ означало Минимальное необходимое воздействие, и в этом вопросе решающее слово всегда оставалось за Техником. Пока Социолог занимался математическим анализом бесчисленных возможных Реальностей, он мог считать себя выше критики со стороны

существ низшего порядка, но, как только дело доходило до выбора МНВ, хозяином положения становился Техник.

Решить эту проблему при помощи одних только математических вычислений было невозможно. Даже самый большой и быстродействующий Кибермозг, управляемый самым умным и опытным Старшим Вычислителем, в лучшем случае мог только указать область вероятных поисков МНВ. Правильный выбор всецело зависел от интуиции и опыта Техника. Хороший Техник ошибался крайне редко. Первоклассный Техник не ошибался никогда.

Харлан никогда не ошибался.

— МНВ, рекомендованное вашим Сектором, — продолжал Харлан ровным, бесстрастным голосом, словно чеканя звуки Единого межвременного языка, — предусматривает аварию космического корабля и мучительную смерть двенадцати человек.

— К сожалению, это неизбежно, — сказал Вой, пожимая плечами.

— Я же, напротив, полагаю, что МНВ может быть сведено к простому перемещению небольшого ящика с одной полки на другую. Взгляните вот сюда.

Харлан указательным пальцем сделал слабую отметку вдоль одной из серий перфораций.

Вой молчал, напряженно размышляя.

— Это решение обладает тем преимуществом, что оно устраняет просмотренную вами вилку и приводит нас...

— ...к вероятной МОР, — тихо подсказал Вой.

— ...к точной Максимальной ожидаемой реакции, — закончил Харлан.

Вой поднял глаза; на его смуглом лице попеременно отражались гнев и досада. Харлан мимоходом обратил внимание на щель между верхними передними зубами Социолога, делавшую его похожим на трусливого зайчишку. Но сходство было обманчивым. В словах Вой слышалась сдержанная сила.

— Полагаю, что Совет Времен еще укажет мне на эту ошибку.

— Сомневаюсь. Насколько мне известно, Совет ничего не заметил. Во всяком случае, ваш проект Изменения попал ко мне без комментариев. — Харлан не уточнил слова «попал», и Вой не спросил его об этом.

— Следовательно, ошибку обнаружили лично вы?

— Да.

— И не сообщили о ней Совету?

— Нет.

В первый момент Вой облегченно вздохнул, затем нахмурил брови.

— А почему?

— Подобные ошибки почти неизбежны. Я решил, что смогу исправить ее, пока не поздно. Так я и сделал. Чего же еще?

— Ну что ж, благодарю вас, Техник Харлан. Вы поступили как настоящий друг. Хотя ошибка, допущенная нашим Сектором, как вы сами сказали, почти неизбежна, боюсь, что в протоколе Совета она выглядела бы непростительной оплошностью. — После секундной паузы Вой продолжал: — Впрочем, что значит преждевременная смерть нескольких человек по сравнению с теми сдвигами в миллионах личностей, которые будут вызваны предстоящим Изменением Реальности.

«Не очень-то похоже на искреннюю благодарность, — мелькнуло в голове у Харлана, — вероятно, он обиделся. А если он к тому же подумает, что от выговора его спас какой-то Техник, то ему станет жаль себя до слез. Будь я Социологом, он горячо пожал бы мне руку, но Технику он руки не подаст. Даже кончиком пальца не притронется к Технику, а сам готов не моргнув глазом обречь двенадцать человек на смерть от удушья».

И так как ждать, пока Социолог обидится всерьез, значило все погубить, Харлан решил идти напролом.

— Я надеюсь, что в знак благодарности вы не откажете мне в маленькой услуге?

— Услуге?

— Мне нужен Расчет Судьбы. Проект Изменения Реальности в 482-м и все необходимые данные у меня с собой. Мне надо выяснить влияние этого Изменения на судьбу определенной личности.

— Я не вполне уверен, что правильно понял вас, Техник, — медленно проговорил Вой. — Точно так же вы можете сделать все это в своем Секторе.

— Мог бы. Но мне не хочется, чтобы о моих личных исследованиях стало известно до их завершения. Проведение этого Расчета в моем Секторе встречает известные трудности, да и к тому же... — Харлан завершил фразу неопределенным жестом.

— Вас не устраивает официальный путь? Вы хотите совершить этот Расчет тайно?

— Да. Мне нужен строго конфиденциальный ответ.

— Но вы же знаете, что это противозаконно. Я не могу пойти на такое вопиющее нарушение правил.

Харлан нахмурился:

— Но ведь и я нарушил правила, не сообщив Совету о вашей ошибке. Однако против первого нарушения вы почему-то не возражали. Если уж быть таким щепетильным в одном случае, то следует быть не менее щепетильным и в другом. Надеюсь, вы меня понимаете?

Вой отлично все понял — об этом красноречиво свидетельствовало выражение его лица. Он протянул руку.

— Разрешите взглянуть?

У Харлана отлегло от сердца. Основное препятствие осталось позади. Он внимательно следил за Социологом, молча изучавшим привезенные им перфоленты. Только один раз Вой нарушил молчание:

— Клянусь Временем, это же совсем ничтожное Изменение!

Воспользовавшись случаем, Харлан решил рискнуть.

— В том-то и дело. Слишком ничтожное, на мой взгляд. Но вы, конечно, понимаете, что с моей стороны было бы незачем проводить эти Расчеты в моем Секторе, не убедившись предварительно в своей правоте.

Вой ничего не ответил, и Харлан умолк, боясь наговорить лишнего.

Наконец Социолог встал:

— Я передам ваш материал моему Расчетчику. Мы все сохраним в тайне. Надеюсь, вы понимаете, что это не следует рассматривать как прецедент.

— Разумеется.

— В таком случае, если вы не возражаете, я хотел бы поскорее осуществить Изменение Реальности. Смею надеяться, что вы окажете нам честь и лично совершите МНВ.

Харлан кивнул:

— Всю ответственность я беру на себя.

Когда они вошли в наблюдательную камеру, там уже были включены два экрана. Инженеры заранее настроили Хроноскопы на нужные координаты в Пространстве и Времени и удалились, Харлан и Вой были одни в сверкающей огнями комнате. (Блеск молекулярных пленок по-прежнему слепил глаза, но Харлан смотрел только на экраны.)

Оба изображения были неподвижны. Они соответствовали математически точным мгновениям Времени.

Одно изображение сохранило яркие естественные краски. Харлан узнал в нем машинный зал экспериментального космического корабля. Дверь еще не успела закрыться, и в оставшейся щели виден был сверкающий башмак из красного полупрозрачного материала. Башмак не шевелился. Все застыло, словно в мертвом царстве. Если бы резкость изображения позволила разглядеть пылинки в воздухе, то и они были бы неподвижны.

— Машинный зал будет пуст два часа тридцать шесть минут, — сказал Вой, — разумеется, в текущей Реальности.

— Знаю, — пробормотал Харлан, натягивая перчатки. Он отметил быстрым взглядом положение нужного ящика на полке, измерил число шагов до него, нашел, куда его следует переместить. Он мельком взглянул на второй экран.

Поскольку машинный зал находился во Времени, которое по отношению к данному Сектору Вечности можно было считать «настоящим», то его изображение было четким и сохраняло естественные краски. Второе изображение отстояло от первого на двадцать пять Столетий. Подобно всем изображениям «будущего» оно было подернуто голубой дымкой.

Это был космический порт. Ярко-синее небо; отливашающие синевой металлические конструкции, зеленовато-синяя почва. На переднем плане стоял голубой цилиндр необычной формы, с массивным основанием. Два таких же цилиндра глядели расщепленными носами вверх; расщелина почти надвое рассекала каждый корабль.

Харлан поднял брови.

— Как странно они выглядят!

— Электрогравитация, — сухо ответил Вой. — За всю историю человечества только в 2871-м были созданы электрогравитационные космические корабли. В них нет ни камер сгорания, ни ядерных установок. Они красивы; их конструкция доставляет эстетическое наслаждение. Жаль, что Изменение уничтожит их, очень жаль. — Его устремленный на Харлана взгляд выражал открытое неодобрение.

Харлан стиснул зубы. Неодобрение. А чего еще он мог ждать? Ведь он Техник.

Совесть остальных была чиста. Сведения о потреблении наркотиков собрал, конечно, какой-то Наблюдатель. Статистик обработал их и показал, что число наркоманов в дальней Реальности достигло рекордной цифры. Социолог — возможно, сам Вой — построил по этим данным Психологическую характеристику общества. Наконец Вычислитель рассчитал Изменение, сводящее потребление наркотиков до безопасного уровня, и обнаружил, что побочным эффектом этого Изменения явится исчезновение электрогравитационных космолетов. Десятки, сотни людей, занимающих в Вечности самые различные посты, приняли участие в разработке этого проекта.

Но до сих пор это был только проект. Для его осуществления на сцену должен выйти Техник (например, он сам). Именно Техник, следуя разработанным для него инструкциям, совершит то самое действие (МНВ), которое вызовет Изменение. И тогда на него обрушатся гнев и презрение остальных. Их высокомерные взгляды скажут ему: «Мы тут ни при чем. Ты один виноват. Это ты своими руками уничтожил такую красоту». И чем сильнее будет в них говорить стремление

оправдать себя, тем упорнее будут они избегать и сторониться Техника.

— Корабли не в счет, — резко заявил Харлан, — нас с вами должны интересоваться вот эти штучки.

А «штучками» были люди. Рядом с громадами кораблей они действительно казались карликами точно так же, как сама Земля и все людские дела кажутся ничтожными из космической дали.

Крохотные фигурки людей были раскиданы маленькими группами по всему космодрому. Они застыли в причудливых позах с потешно задранными тонюсенькими ручками и ножками.

Вой молча пожал плечами.

Харлан надел портативный генератор Темпорального Поля на запястье левой руки.

— Давайте кончать с этим делом.

— Погодите. Сначала я свяжусь с Расчетчиком и узнаю, как скоро он сможет выполнить вашу просьбу. Мне хочется поскорее покончить и с тем и с другим.

Вой быстро застучал маленьким подвижным контактом, в ответ послышалась серия щелчков.

«Вот еще одна характерная черта Столетия, — подумал Харлан, — звуковой код. Остроумно, но уж очень претенциозно, так же как и эти молекулярные пленки».

— Он говорит, что справится часа за три, — произнес наконец Вой, — кстати, он просил передать вам, что ему понравилось имя этой особы. Нойс Ламбент. Женщина, конечно?

У Харлана перехватило дыхание:

— Да.

Губы Воя скривились в улыбке.

— Звучит заманчиво. Я бы и сам не прочь взглянуть на нее. В этом Секторе вот уже несколько месяцев не было ни одной женщины.

Харлан испугался, что голос выдаст его. Он ничего не ответил, лишь пристально посмотрел на Социолога и отвернулся.

Отсутствие женщин было единственным изъяном в безупречной организации Вечности. Харлан узнал о нем сразу же после вступления в Вечность, но, лишь встретив Нойс, впервые почувствовал его на себе. С

этого дня он катился по наклонной дорожке, пока не изменил присяге Вечного и всему, во что свято верил прежде.

Ради Нойс.

Ради нее одной...

Ему не было стыдно. Он не испытывал угрызений совести за ту длинную цепь преступлений, которые он уже совершил и по сравнению с которыми незтичное использование секретного Расчета Судьбы выглядело мелким, незначительным проступком.

Если понадобится, он совершит еще более тяжкие преступления.

В это мгновение в его голове промелькнула мысль, оказавшая впоследствии такое влияние на его жизнь. И хотя в первый момент Харлан в ужасе отогнал ее, но в глубине души он уже тогда был уверен, что, явившись однажды, она вернется еще не раз.

Мысль была проста: если не останется другого выхода, он уничтожит Вечность.

Страшнее всего было сознание, что он может сделать это.

Глава 2

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Стоя у выхода во Время, Харлан размышлял над происшедшими с ним переменами. Еще недавно все было так просто. Были идеалы, ради которых стоило жить, даже если от них остались лишь заученные слова. Вся жизнь Вечного подчинена определенной цели. Как это там говорилось, в первой фразе «Основных принципов»: «Жизнь Вечного можно разделить на четыре периода...»

Когда-то он слепо верил в это, но вера разлетелась вдребезги, и ее уже не склеишь вновь.

Каждый из этих четырех периодов он прожил честно и добросовестно. Вначале, первые пятнадцать лет своей жизни он еще не был Вечным, он был просто Времянином. Родиться Вечным не может никто; им может стать лишь Времянин — человек, живущий во Времени.

Выбор пал на Харлана, когда ему исполнилось пятнадцать лет. Он даже не подозревал о сложном процессе тщательного отбора и отсеивания, предшествовавшем этому выбору. После мучительного прощания с родными завеса Вечности навсегда закрылась за ним. Уже тогда ему недвусмысленно объяснили, что ни при каких обстоятельствах он не сможет вернуться назад. Прошло немало лет, прежде чем он узнал почему.

Оказавшись в Вечности, он сделался Учеником и десять лет проучился в школе. Окончив школу, он вступил в третий период своей жизни, став Наблюдате-

лем. И только после этого он стал Специалистом и подлинным Вечным. Таковы четыре периода жизни Вечного: Обитатель Времени, Ученик, Наблюдатель и Специалист.

Харлан прошел через все эти этапы без единой осечки.

Как отчетливо сохранился в его памяти тот день, когда, покончив с Ученичеством, они стали полноправными членами Вечности; когда, еще не сделавшись Специалистами, они уже могли официально называть себя Вечными!

Этот день он запомнил на всю жизнь. Вот он стоит в одном ряду с пятью другими выпускниками; руки заложены за спину, ноги чуть-чуть расставлены, взгляд устремлен вперед.

Сидя за кафедрой, Наставник Ярроу обратился к ним с напутственной речью. Харлан великолепно помнил Ярроу — маленького суетливого человечка с всклокоченными рыжими волосами, веснушчатыми руками и тоскливым выражением в глазах; это выражение тоски во взгляде было не редкостью среди Вечных — тоска по дому и привязанностям, неосознанная крамольная тоска по одному-единственному недоступному Столетию.

Слов Ярроу Харлан, конечно, не запомнил, но смысл их он не мог забыть никогда.

— С этого дня вы Наблюдатели, — говорил Ярроу, — эта работа не считается особенно почетной. Специалисты смотрят на нее свысока, как на детскую забаву. Может быть, и вы, Вечные... — Тут он сделал многозначительную паузу, давая им возможность подтянуться и просиять от гордости. — Может быть, вы сами думаете так, но тогда вы глупцы, недостойные быть Наблюдателями.

Ведь не будь Наблюдателей, Вычислителям нечего было бы вычислять, Расчетчики Судеб не знали бы, что рассчитывать, у Социологов не было бы материала для анализа — словом, все Специалисты остались бы без работы. Я знаю, что вы не раз уже все это слышали, но я хочу, чтобы мои слова врезались вам в память.

Вам, совсем еще юношам, предстоит трудная задача — выйти из Вечности во Время и вернуться обратно

с фактами. Это должны быть объективные, беспристрастные факты, свободные от ваших вкусов и симпатий. Факты достаточно точные, чтобы их можно было ввести в Счетные машины, достаточно достоверные для подстановки в социальные уравнения; достаточно объективные, чтобы стать основанием для Изменения Реальности.

И еще запомните вот что. Эту работу нельзя делать кое-как, лишь бы от нее отделаться. Только здесь вы сможете показать, чего вы стоите. Не школьные отметки, а работа Наблюдателем определит вашу специальность и всю вашу будущую карьеру. Для вас — это курсы высшей квалификации, и достаточно совершить небольшой промах, допустить малейшую небрежность, чтобы, несмотря на все ваши таланты, навсегда попасть в Работники. Я кончил.

Он пожал руку каждому, и Харлан, взволнованный и серьезный, был охвачен благоговейным трепетом при мысли, что ему выпала величайшая, ни с чем не сравнимая привилегия стать Вечным и отвечать за счастье всех людей, живущих в подвластных Вечности Столетиях.

Первые поручения Харлана были незначительными и строго контролировались, но он отточил свои способности на оселке опыта, наблюдая десятки Изменений Реальности в десятках различных Столетий.

На пятый год ему присвоили звание Старшего Наблюдателя и прикрепили к 482-му Сектору. Теперь ему предстояло работать совершенно самостоятельно, и при мысли об этом он лишился значительной доли своей обычной самоуверенности. Харлан почувствовал это при первом же разговоре с Вычислителем Гобби Финжи, возглавлявшим Сектор.

У Финжи был маленький, недоверчиво сжатый рот и злые глазки, которые никак не вязались с его обликом; вместо носа у него была круглая лепешка, вместо щек — две лепешки покрупнее. Ему не хватало только мазка алой краски да седой бороды, чтобы стать похожим на первобытный рисунок Деда Мороза, или Санта Клауса, или святого Николая. Харлан знал все три имени. Он сомневался, чтобы кому-нибудь из ста тысяч Вечных доводилось слышать хоть одно из них. С первых же

дней в школе он увлекся Первобытной историей, и наставник Ярроу поощрял его увлечение. Постепенно Харлан по-настоящему полюбил эти диковинные Столетия, предшествовавшие не только основанию Вечности в 27-м, но и самому открытию Темпорального поля в 24-м. Он изучал старинные книги и журналы. В поисках нужных материалов ему даже случалось забираться — если удавалось получить на то разрешение — в далекое прошлое, в самые первые Столетия Вечности. За пятнадцать лет он сумел собрать неплохую личную библиотеку, которая почти целиком состояла из напечатанных на бумаге книг. Там был томик, написанный человеком по имени Уэллс, и еще один, автора которого звали В. Шекспир, — все какие-то допотопные истории. Но подлинной жемчужиной его коллекции было полное собрание переплетенных томов Первобытного еженедельника, которое занимало невероятно много места, но которое он просто из сентиментальности никак не решался заменить микропленкой.

Время от времени он самозабвенно погружался в этот странный мир, где жизнь была жизнью, а смерть — смертью, где человек принимал решения безвозвратно, где нельзя было ни воспрепятствовать злу, ни способствовать добру и где битва при Ватерлоо, будучи однажды проигранной, оставалась проигранной раз и навсегда. Ему очень нравилась старинная поговорка, в которой утверждалось, что написанное пером уже не может быть уничтожено даже грубым оружием из железа.

Как невыносимо трудно бывало ему после этого возвращаться мыслями к Вечности — к миру, в котором Реальность была чем-то мимолетным и изменчивым и где люди вроде него держали судьбы человечества в своих руках, придавая им по желанию лучшую форму!

Однако сходство с Дедом Морозом немедленно исчезло, стоило только Финжи заговорить деловым, повелительным тоном:

— К предварительному изучению текущей Реальности вы приступите завтра же. Я требую, чтобы это изучение была тщательным, аккуратным и конкретным. Я не потерплю ни малейшей расхлябанности. Ваша

первая пространственно-хронологическая Инструкция будет готова к завтрашнему утру. Усвоили?

— Да, Вычислитель, — ответил Харлан.

Он уже тогда пришел к горькому для себя выводу, что вряд ли им удастся поладить.

На следующее утро Харлан получил свою Инструкцию в виде сложного узора перфораций, пробитых на ленте Кибермозгом. Боясь допустить в самом начале своей деятельности хотя бы ничтожную ошибку, Харлан перевел ее на Межвременной язык при помощи карманного дешифратора. Разумеется, он давно уже умел читать перфоленты на глазок.

Инструкция объясняла ему, где он мог находиться в мире 482-го Столетия, а где — не мог, что ему разрешалось, а чего он должен был избегать любой ценой. Его присутствие было допустимо только там и тогда, где оно не представляло угрозы для Реальности.

482-е Столетие пришлось не по душе Харлану. Оно нисколько не походило на его суровый и аскетический век. Этика и мораль в том виде, как их понимал Харлан, не существовали. Это была эпоха грубых материальных наслаждений с многочисленными признаками матриархата. Семья не признавалась юридически, и пары вступали в сожительство и расходились по взаимному согласию, кроме которого их ничего не связывало.

Существовали сотни причин, по которым это общество внушало Харлану отвращение, и он мечтал в душе об Изменении. Ему не раз приходило в голову, что одним только своим присутствием в этом Столетии он, человек из другого Времени, может вызвать «вилку» и направить историю по новому пути. Если бы ему удалось своим присутствием в какой-то определенной критической точке оказать достаточно сильное влияние на естественный ход событий, то возникла бы новая линия развития, бывшая до тех пор неосуществленной вероятностью, и миллионы ищущих наслаждений женщин превратились бы в любящих и преданных жен и матерей. Они жили бы в новой Реальности с новыми воспоминаниями и ни во сне, ни наяву не могли бы ни вспомнить, ни вообразить, что их жизнь когда-то была совершенно иной!

К несчастью, поступить так — значило нарушить Инструкцию. Даже если бы Харлан решился на это неслыханное преступление, случайное воздействие могло изменить Реальность самым неожиданным образом. Она могла стать еще хуже. Только кропотливый анализ и тщательные Вычисления могли предсказать истинный характер Изменения Реальности.

Но каковы бы ни были мысли Харлана, он оставался Наблюдателем, а идеальный Наблюдатель — это просто машина, составляющая донесения и снабженная органами чувств. Для эмоций здесь места не было.

В этом смысле донесения Харлана были само совершенство.

В конце второй недели Вычислитель Гобби Финжи пригласил Харлана в свой кабинет.

— Хочу похвалить вас, Наблюдатель, за ясность и стройность ваших докладов, — голос Вычислителя звучал сухо и холодно. — Однако меня интересует, что вы думаете на самом деле.

Лицо Харлана сделалось настолько непроницаемым, словно оно было вырезано из милого его сердцу дерева.

— Я не думаю на такие темы.

— Бросьте. Вы ведь из 95-го, и мы с вами оба отлично понимаем, что это значит. Несомненно, 482-е должно вас раздражать.

Харлан пожал плечами.

— Найдите в моих отчетах хоть одно слово, свидетельствующее о раздражении.

Ответ был дерзким, и Финжи со злостью забарабанил по столу коротенькими пальчиками.

— Отвечайте на мой вопрос.

— С точки зрения Социологии это Столетие во многих отношениях докатилось до предела. Три последних Изменения Реальности только ухудшили положение вещей. Я полагаю, что раньше или позже вмешательство станет необходимым. Крайности еще никогда не приводили к добру.

— Значит, вы взяли на себя труд познакомиться с прошлыми Реальностями Столетия?

— В качестве Наблюдателя я обязан знать все относящиеся к делу факты.

Разумеется, знакомство со всеми фактами было правом и даже обязанностью Харлана. Не знать этого Финжи не мог. Каждое Столетие периодически сотрясали Изменения Реальности. Даже самые тщательные Наблюдения через некоторое время теряли свою ценность и нуждались в дополнительной проверке. Именно поэтому все Столетия, охватываемые Вечностью, находились под ее непрерывным контролем. Но профессиональное Наблюдение заключалось не только в собирании фактов, но и в установлении их связей с фактами из прошлых Реальностей.

Харлан пришел к выводу, что их разговор не был вызван одной только неприязнью Финжи к нему. Что-то крылось за этой попыткой вывести его мысли. Поведение Вычислителя было явно враждебным.

В другой раз Финжи, неожиданно заглянув в маленькую комнатку, служившую Харлану кабинетом, заявил:

— Ваши отчеты произвели благоприятное впечатление на Совет Времен.

После короткой паузы Харлан неуверенно пробормотал:

— Благодарю вас.

— Совет считает, что вы проявили недюжинную проницательность.

— Я делаю все, что могу.

Следующий вопрос Финжи был совершенно неожиданным:

— Вам когда-нибудь доводилось встречаться со Старшим Вычислителем Твисселом?

— С Вычислителем Твисселом? — Харлан широко раскрыл глаза. — Нет, сэр. А почему вы спросили?

— Похоже, что именно он особо заинтересовался вашими отчетами. — Финжи надул свои румяные щеки и переменял тему разговора: — Вы знаете, у меня сложилось впечатление, что ваши взгляды на историю довольно своеобразны.

Искушение оказалось слишком велико. В краткой схватке осторожности с тщеславием последнее взяло верх.

— Я занимался изучением Первобытной истории, сэр.

— Первобытной истории? В школе?

— Нет, не в школе. Скорее по собственному почину. Первобытная история — это, так сказать, мое хобби. Глядишь на нее, и кажется, что она застыла неподвижно, не то что Столетия Вечности, которые непрерывно меняются. — Заговорив о любимом предмете, Харлан немного оживился. — Все равно как если бы взять фильмокнигу и детально рассматривать кадр за кадром. Мы увидим массу подробностей, которых никогда бы и не заметили, если бы лента двигалась с нормальной скоростью. Я думаю, что мое увлечение здорово помогает мне в работе.

Финжи чуть шире раскрыл свои маленькие глазки, изумленно посмотрел на Харлана и вышел, не сказав ни слова.

Впоследствии он не раз заводил разговор о Первобытной истории и молча выслушивал сдержанные комментарии Харлана; при этом его пухлое личико оставалось совершенно бесстрастным.

Харлан не знал, сожалеть ли ему об этом разговоре или же рассматривать его как удачный шаг на пути к повышению.

Он стал склоняться к первому мнению после того, как, столкнувшись с ним в коридоре N1, Финжи спросил вдруг так, чтобы слышали окружающие:

— Скажите, Харлан, почему у вас всегда такая постная физиономия? Вам хоть раз в жизни случалось улыбаться?

Харлан с горечью подумал, что Финжи его ненавидит. Сам же он после этого эпизода стал испытывать к главе Сектора что-то вроде безгливого отвращения.

Потратив три месяца на изучение порученного ему вопроса, Харлан обсосал его до косточек. Поэтому его несколько не удивило неожиданное распоряжение срочно явиться в кабинет Финжи.

Он давно уже ожидал нового назначения. Заключительный доклад был готов уже неделю назад. В 482-м существовало сильное стремление увеличить экспорт тканей из целлюлозы в Столетия, лишенные лесов,

вроде 1174-го, однако встречное предложение о поставках копченой лососяны вызывало серьезные возражения. У Харлана накопился длинный список подобных вопросов, и все они были тщательно проанализированы.

Захватив проект заключения, он направился к Финжи. Однако речь пошла совсем не о 482-м. Вместо этого Финжи представил Харлана маленькому сморщенному человечку с редкими седыми волосами и улыбающимся личиком гнома. Улыбка карлика, то озабоченная, то добродушная, ни на секунду не исчезала с его лица. В желтых от табака пальцах была зажата горящая сигарета.

Не будь эта сигарета первой, увиденной Харланом за всю его жизнь, он, пожалуй, уделил бы больше внимания человечку, чем дымящемуся цилиндрику, и слова Финжи не явились бы для него такой неожиданностью.

— Старший Вычислитель Твиссел, перед вами Наблюдатель Эндрю Харлан, — сухо произнес Финжи.

Взгляд Харлана испуганно метнулся с сигареты на лицо карлика.

— Здравствуйте, — сказал Твиссел писклявым голосом, — значит, вы и есть тот молодой человек, который пишет такие великолепные донесения?

Харлан лишился дара речи. Лабан Твиссел был мифом, живой легендой. Таких людей, как он, полагалось узнавать с первого взгляда. Твиссел был самым выдающимся Вычислителем в Вечности, другими словами, он был самым знаменитым из всех ныне живущих Вечных. Он был председателем Совета Времен. Он рассчитал больше Изменений Реальности, чем любой другой Вычислитель за всю историю Вечности. Он был... Он сделал...

Харлан окончательно растерялся. С глуповатой улыбкой он кивал головой, не в силах произнести ни слова.

Твиссел поднес сигарету к губам и несколько раз торопливо затянулся.

— Оставьте нас, Финжи, — сказал он, — мне надо побеседовать с этим юношей с глазу на глаз.

Финжи пробормотал что-то невнятное, встал и вышел.

— Не волнуйся, паренек, — проговорил Твиссел, — тебе нечего бояться.

Но встреча с Твисселом оказалась для Харлана настоящим потрясением. Считать человека гигантом и вдруг обнаружить, что в нем нет и пяти с половиной футов росту, — тут было от чего прийти в замешательство. Неужели за этим покатым лысеющим лобиком скрывается мозг гения? Что светится в этих прищуренных глазках, окруженных паутинкой морщинок, — острый ум или же просто благодушное настроение?

Совершенно сбитый с толку, он глядел на сигарету, не в силах собраться с мыслями. Поперхнувшись дымом, он вздрогнул и отодвинулся назад.

Твиссел сощурил глазки, словно пытаясь проникнуть взором за дымовую завесу, и заговорил с ужасным акцентом на языке десятого тысячелетия:

— Может быть, малыш, мне лучше твой язык говорить?

Харлан с трудом подавил истеричное желание рассмеяться.

— Я неплохо владею Единым межвременным языком, сэр, — осторожно произнес он.

Межвременным языком пользовались все Вечные в разговорах друг с другом. Харлан выучился ему в первые же месяцы своего пребывания в Вечности.

— Чушь, — высокомерно ответил Твиссел. — К чему нам Межвременный, когда я совершенно безукоризненно говорю на языках всех Времен.

Харлан догадался, что прошло по крайней мере лет сорок с тех пор, как Твиссел пользовался его родным диалектом.

Однако, удовлетворив свое тщеславие, Твиссел продолжал на Межвременном:

— Я предложил бы тебе сигарету, не будь я совершенно уверен, что ты не куришь. На курение смотрят косо почти во всех Временах. Но если ты все-таки сделаешься курильщиком, мой тебе совет: хорошие сигареты умеют делать только в 72-м. Мне их специально доставляют оттуда. А вообще с этим курением одни неприятности. На прошлой неделе я застрял на пару деньков в 123-м. Курение запрещено. Закури я там сигарету, им бы показалось, что на них небо обрушилось. Порой у меня появляется сильное желание расчитать такое Изменение Реальности, чтобы одним махом

уничтожить запреты на курение во всех Столетиях. Жаль только, что подобное Изменение вызовет войны в 58-м и рабовладельческое общество в 1000-м. Всегда что-нибудь да не так.

Смущение Харлана перешло в беспокойство. Что кроется за всей этой болтовней?

— Могу я спросить, почему вы захотели повидаться со мной, сэр? — с трудом выговорил он.

— Мне нравятся твои отчеты, мой мальчик.

В глазах Харлана на мгновение мелькнул радостный огонек, но он даже не улыбнулся.

— Благодарю вас, сэр.

— В них чувствуется рука мастера. У тебя неплохое чутье. Мне кажется, я понял твоё истинное призвание; я нашел твоё место в Вечности и хочу тебе его предложить.

«Чудеса, да и только!» — подумал Харлан. Он постарался скрыть свой восторг.

— Вы оказываете мне великую честь, сэр.

Тем временем Старший Вычислитель Твиссел докурив свою сигарету, с ловкостью фокусника извлек неведомо откуда новую и прикурил ее от окурка.

— Послушай-ка, юноша, заклинаю тебя Временем — брось ты эти заученные фразы, — проговорил он между затылками, — «великую честь». Пуф. Пуф. Говори человеческим языком. Пуф. Ты рад?

— Да, сэр, — осторожно произнес Харлан.

— Вот и отлично. Иначе и быть не могло. Хочешь стать Техником?

— Техником?! — Харлан даже вскочил со стула.

— Садись. Садись. Ты, кажется, удивлен?

— Вычислитель Твиссел, я никогда не собирался быть Техником.

— Знаю, — сухо проговорил Твиссел, — никто почему-то не собирается. Кем угодно, лишь бы не Техником. А между тем Техники очень нужны, и на них всегда большой спрос. Их не хватает во всех Секторах.

— Боюсь, что я не подхожу для такой работы.

— Иными словами, такая работа не подходит тебе. Тебя не устраивает работа, которая влечет за собой столько неприятностей. Клянусь Вечностью, мой мальчик, если только ты действительно предан нашему

делу — а я думаю, что ты предан ему, — тебя это не остановит. Дураки станут избегать тебя — ну и что? Одиночество? Ты к нему привыкнешь. Зато ты всегда будешь испытывать удовлетворение, зная, что ты нужен, очень нужен. И в первую очередь мне.

— Вам, сэр? Лично вам?

— Да, лично мне. — Улыбка старика светилась проницательностью. — Ты не будешь рядовым Техником. У тебя будет особое положение. Ты станешь моим личным Техником. Ну как, нравится тебе такое предложение?

— Не знаю, сэр. А вдруг я не справлюсь?

Твиссел упрямо покачал головой.

— Мне нужен ты. Только ты. Твои отчеты убедили меня, что у тебя здесь есть кое-что. — Он постучал пальцем по лбу. — Ты неплохо учился. Секторы, в которых ты был Наблюдателем, дали о тебе положительный отзыв. Но больше всего мне понравился отзыв Финжи.

Харлан был искренне изумлен:

— Неужели вычислитель Финжи дал обо мне благоприятный отзыв?

— Тебе это кажется странным?

— Н-не знаю...

— Видишь ли, мой мальчик, я ведь не сказал, что отзыв был благоприятным. Если уж на то пошло, отзыв совсем скверный — хуже некуда. Финжи рекомендует отстранить тебя от всякой работы, связанной с Изменениями Реальности. Он считает, что самое благоразумное — перевести тебя в Работники.

Харлан покраснел.

— Почему он так думает, сэр?

— Оказывается, у тебя есть хобби. Ты увлекаешься Первобытной историей, а?

Твиссел без удержу размахивал сигаретой, и Харлан, забыв с досады об осторожности, вдохнул струйку дыма и судорожно закашлялся.

Твиссел с благожелательным видом выжидал, когда молодой Наблюдатель перестанет кашлять.

— А что, разве не так? — спросил он.

— Какое право он имеет... — начал было Харлан, но Твиссел прервал его:

— Брось. Я упомянул об этом отзыве, потому что мне как нельзя более подходит твоё увлечение. А вообще-то отзыв — дело секретное, и чем скорее ты забудешь о нём, тем лучше.

— Но что плохого в увлечении Первобытной историей, сэръ?

— Финжи считает, что оно свидетельствует о сильной «одержимости Временем». Понимаешь?

Ещё бы не понять! Нельзя было жить в Вечности, не усвоив психиатрической терминологии и в первую очередь этого выражения. Считалось, что каждый Вечный испытывает непреодолимое желание вернуться, если уж не к своим современникам, так хоть в какое-нибудь определённое Столетие, пустить в нём корни, перестать быть вечным скитальцем во Времени. Вечность беспощадно подавляла малейшие проявления подобных стремлений, но от этого тяга не становилась слабее — впрочем, у большинства она сохранялась где-то в подсознании!

— Ко мне это не имеет отношения, — сказал Харлан.

— Я тоже так думаю. Более того, я считаю твоё увлечение очень ценным. Именно из-за него ты мне и нужен. Я дам тебе Ученика. Ты обучишь его всему, что знаешь или сможешь узнать из Первобытной истории. В свободное время ты будешь исполнять обязанности моего личного Техника. Ты приступишь к работе в ближайшие дни. Согласен?

Согласен ли он? Получить официальное право изучать эпоху до Вечности? Работать рука об руку с величайшим из Вечных? На таких условиях даже отвратительное звание Техника казалось почти сносным.

Но осторожность не совсем изменила ему.

— Если это необходимо для блага Вечности, сэръ...

— Для блага Вечности? — возбужденно прервал его карлик. Он с такой силой отшвырнул свой окурочок, что тот ударился о противоположную стену и рассыпался целым фейерверком искр. — Да от этого зависит само существование Вечности!

Глава 3

УЧЕНИК

Харлан прожил в 575-м несколько недель. Он успел освоиться со своим новым жилищем, привыкнуть к стерильной чистоте фарфора и стекла. Он выучился с умеренным отвращением носить эмблему Техника и уже не пытался прикрывать ее каким-нибудь посторонним предметом или прислоняться к стене, чтобы скрыть нашивку на рукаве.

Ничего хорошего из таких попыток все равно не получалось. Другие только презрительно улыбались и становились еще неприступнее, всем своим видом показывая, что ни под каким предлогом они не позволят Технику втереться к ним в доверие и завоевать их симпатию.

Старший Вычислитель Твиссел каждый день приносил ему новые задачи. Харлан тщательно изучал их и по четыре раза переписывал свои заключения, но даже последний вариант казался ему недоработанным.

Наскоро проглядев заключение, Твиссел кивал головой:

— Чудесно, чудесно!

Затем он окидывал Харлана беглым взглядом своих голубых глазок, и улыбка его становилась чуточку холоднее.

— Дадим Кибермозгу проверить эту догадочку, — говорил он на прощание.

Он всегда именовал заключения «догадочками». Ни разу он не сообщил Харлану результатов проверки, и

Харлан не осмеливался спросить его. Он был в отчаянии оттого, что ему не поручают исполнить ни одного из его заключений. Значило ли это, что Кибермозг находит в них ошибки, что он неверно выбирает место и время и не обладает даром отыскивать Минимальное необходимое воздействие в указанном интервале? (Прошло немало времени, прежде чем он научился небрежно произносить МНВ.)

Однажды Твиссел явился к нему в сопровождении какого-то растерянного субъекта, не смевшего поднять на Харлана глаза.

— Техник Харлан, знакомьтесь, это Ученик Купер, — произнес Твиссел.

— Здравствуйте, — равнодушно сказал Харлан.

Внешность посетителя не произвела на него большого впечатления. Купер не вышел ростом, его черные волосики были расчесаны на пробор. Глаза водянисто-карие, подбородок слишком узок, уши чересчур велики, ногти обкусаны.

— Вот этого парнишку ты и будешь учить Первобытной истории, — продолжал Твиссел.

— Разрази меня Время! — воскликнул Харлан. И как он мог забыть? В нем сразу проснулся интерес к посетителю.

— Здравствуйте! — повторил он с большим жаром, чем прежде.

— Составь с ним расписание занятий, — сказал Твиссел, — было бы неплохо, если бы ты смог уделить ему два дня в неделю. Учи его сам, как знаешь. В этом я полностью полагаюсь на тебя. Если тебе понадобятся книги, пленки или старинные документы, которые можно найти в Вечности или достижимом для нас Времени, ты только скажи мне, и тебе их доставят. Ну как, справишься?

Как всегда, он вдруг неизвестно откуда выудил зажженную сигарету, и воздух наполнился табачным дымом. Харлан закашлялся и, заметив, как судорожно скривился рот Ученика, понял, что тот охотно сделал бы то же самое, но не смеет.

После ухода Твиссела Харлан заговорил:

— Ну что ж, присаживайся... — он на мгновение запнулся и затем решительно добавил: — Сынок. Присаживайся, сынок. Мой кабинет невелик, но он в твоём полном распоряжении.

Харлану не терпелось поскорее приступить к занятиям. Подумать только, что он будет работать совершенно самостоятельно! Первобытная история всегда была для него чем-то вроде личной собственности.

Ученик поднял глаза (кажется, впервые за все время) и, заикаясь, спросил:

— Так, значит, вы — Техник?

От доброжелательности и возбуждения, переполнявшего Харлана, не осталось и следа.

— Ну и что с того?

— Нет, ничего, — пробормотал Купер, — просто я...

— Разве вы не слышали, как Вычислитель Твиссел назвал меня Техником?

— Да-да, сэр.

— Решили, что это была обмолвка? Собственным ушам не поверили?

— Н-нет, сэр.

— Что вы там заикаетесь? Разучились говорить? — жестко спросил Харлан и почувствовал в глубине души укол совести.

Купер мучительно покраснел.

— Я не очень хорошо владею Единым межвременным языком, сэр.

— Это еще почему? Сколько времени вы учитесь?

— Меньше года, сэр.

— Меньше года? Сколько же вам лет?

— Двадцать четыре биогода, сэр.

Харлан посмотрел на него широко раскрытыми глазами:

— То есть вы хотите сказать, что вас взяли в Вечность в возрасте двадцати трех лет?

— Да, сэр.

Харлан опустил на стул и сжал руки. Такие вещи попросту не делались. Самым подходящим для вступления в Вечность считался возраст в пятнадцать-шестнадцать лет. Что это значит? Может быть, Твиссел придумал новый способ испытать его?

— Садись и давай приступим. Твое полное имя и номер твоего Столетия?

— Бринсли Шеридан Купер из 78-го, сэр, — заикаясь, ответил Ученик.

Харлан немного смягчился. Это было близко, почти рядом. Всего на семнадцать веков раньше его собственного Столетия. Можно сказать, соседи во Времени.

— Тебя интересует Первобытная история?

— Я почти ничего о ней не знаю. Меня просил ею заняться Вычислитель Твиссел.

— А чем ты еще занимаешься?

— Математикой. Механикой Времени. Пока что я познакомился только с самыми основами. У себя в 78-м я чинил спидваки.

Харлан даже не поинтересовался, что такое спидваки. Они могли оказаться чем угодно — от пылесоса до счетной машины. Ему это было безразлично.

— А историю ты никогда не изучал?

— Я проходил историю Европы.

— Ты, наверно, из тех мест?

— Да, я родился в Европе. Нам, конечно, в основном преподавали современную историю. Начиная с революции 54-го, то есть я имел в виду 7554-го года.

— Отлично. Для начала выкинь все это из головы. История, которую учат Времяне, лишена всякого смысла; она меняется с каждым Изменением Реальности. Сами они, разумеется, даже не подозревают об этом. Для каждой Реальности ее история кажется единственной. С Первобытной историей дело обстоит совершенно иначе. Собственно, в этом-то заключается вся ее прелесть. Что бы мы ни делали, Первобытная история всегда остается неизменной. Колумб и Вашингтон, Шекспир и Герефорд — все они существуют.

Купер нерешительно улыбнулся. Он провел мизинцем по верхней губе, и Харлан заметил на ней темную полоску, словно Ученик отращивал усы.

— Скоро год, как я здесь, а все никак не могу... вполне привыкнуть.

— К чему именно?

— К тому, что меня отделяют от дома пятьсот веков.

— Я и сам немногим ближе. Я ведь из 95-го.

— Вот и это тоже. Вы старше меня, но в другом смысле я старше вас на семнадцать веков. Я вполне могу оказаться вашим прапрапрапра- и так далее — дедушкой.

— Какое это имеет значение? Допустим, так оно и есть.

— Ну, уж знаете... с этим еще надо привыкнуть. — В голосе Купера зазвучали мятежные нотки.

— Мы все в одинаковом положении, — сухо заметил Харлан и приступил к уроку.

Три часа занятий истекли, а Харлан все еще растолковывал Куперу, как это получилось, что до 1-го Столетия существовали еще и другие.

— Но разве 1-е Столетие не было действительно первым? — жалобным голосом спросил Купер.

На прощание Харлан вручил Ученику книгу, не самую лучшую, но вполне пригодную для первого знакомства с предметом.

— Позднее я подберу тебе что-нибудь посерьезнее, — пообещал он.

К концу недели темная полоска на губе Купера превратилась в маленькие, хорошо заметные усики, которые подчеркивали узость его подбородка и старили его лет на десять. «Не очень-то они тебя красят», — подумал Харлан.

— Я прочел вашу книгу, — сказал Купер.

— Что ты о ней думаешь?

— Как бы это сказать... — Последовала длительная пауза, после чего Купер начал снова: — Последние Первобытные Столетия немного похожи на 78-е. Я никак не мог отделаться от воспоминаний о доме. Два раза я видел во сне свою жену...

— Жену?! — взорвался Харлан.

— Я был женат, прежде чем попал сюда.

— Разрази меня Время! Неужели твою жену тоже взяли сюда?

Купер отрицательно покачал головой:

— Я даже не знаю, не затронуло ли ее прошлогоднее Изменение? Если так, то возможно, что она уже и не жена мне.

Харлан постепенно собирался с мыслями. Конечно, если Ученика берут в Вечность в возрасте двадцати трех лет, то вполне может оказаться, что он женат. Один беспрецедентный факт влечет за собой другой.

Что творится на свете? Начни только менять законы, не успеешь и оглянуться, как наступит хаос.

— Надеюсь, ты не собираешься прогуляться в 78-е и выяснить, чья она теперь жена? — Он не хотел быть грубым, но слишком уж велико оказалось его беспокойство за судьбу Вечности.

Ученик поднял голову; глаза его были холодны и спокойны.

— Нет.

Харлан смущенно поерзал на стуле.

— Вот и хорошо. У тебя больше нет семьи. Никого нет. Отныне ты Вечный и забудь обо всех, кого ты знал там, во Времени.

Купер поджал губы и быстро проговорил с сильным акцентом:

— Вы рассуждаете как типичный Техник.

Харлан ухватился обеими руками за крышку стола. Хриплым голосом он произнес:

— На что ты намекаешь? На то, что я — Техник и, следовательно, Изменения — дело моих рук? Поэтому, мол, я защищаю их и требую, чтобы ты им радовался? Послушай, мальчик, ты еще года здесь не провел, даже говорить как следует не научился. Ты еще весь напичкан Временем и Реальностью, но уже вообразил, что все знаешь о Техниках и можешь лягать их как тебе заблагорассудится.

— Простите, — торопливо проговорил Купер, — я не хотел вас обидеть.

— Пустое, разве можно обидеть Техника? Просто ты наслушался разговоров. Говорят же: «Черств, как Техник» или: «Техник зевнул — миллиона людей как не бывало». И еще кое-что в том же духе. Так в чем же дело, Ученик Купер? Решил присоединиться к общему хору? Захотелось стать взрослым? Вообразил себя крупной шишкой в Вечности?

— Я же сказал — простите.

— Ладно. Мне только хотелось сообщить тебе, что я стал Техником месяц назад и что я не совершил еще ни одного Изменения Реальности. А теперь давай займемся делом.

На другой день Старший Вычислитель Твиссел вызвал Эндрю Харлана в свой кабинет.

— Послушай, мой мальчик, как ты согласишься на то, чтобы прогуляться во Время и произвести МНВ? — спросил он.

Это предложение подвернулось как нельзя более кстати. Все утро Харлан со стыдом вспоминал о своей трусливой попытке отмежеваться от ответственности, о наивном ребячем выкрике: «Не вините меня, я еще не сделал ничего плохого». Этот выкрик был равносильным признанию, что в работе Техника и в самом деле есть нечто постыдное, а он, Харлан, еще новичок, у которого просто не было времени стать преступником.

Хватит отговорок! Теперь он сможет сказать Куперу: «Да, я сделал нечто такое, из-за чего миллионы людей стали новыми личностями, но это было необходимо, и я горжусь этим поступком».

— Я готов, сэр! — радостно воскликнул Харлан.

— Чудесно, чудесно. Думаю, тебе приятно будет узнать, мой мальчик, — Твиссел выпустил клуб дыма, и кончик его сигареты вспыхнул алой точкой, — что все твои заключения подтвердились с высокой степенью точности.

— Благодарю вас, сэр. («Итак, — подумал Харлан, — теперь это уже заключения, а не «догадки»».)

— У тебя талант, мой мальчик. Рука мастера. Я жду от тебя великих дел. А пока мы займемся вот этим небольшим дельцем из 223-го. Ты был совершенно прав, утверждая, что достаточно заклинить муфту сцепления в двигателе. При этом действительно получается необходимая «вилка» без нежелательных побочных эффектов. Возьмешься заклинить сцепление?

— Слушаюсь, сэр.

Так совершилось подлинное посвящение Харлана в Техники. После этого он уже не был просто человеком с розовой нашивкой на плече. Он изменил Реальность. За несколько минут, украденных из 223-го, он испор-

тил двигатель, и в результате некий молодой человек не попал на лекцию по механике. Из-за этого так и не стал заниматься солнечными установками, и очень простое устройство не было изобретено в течение десяти критических лет. А в результате всего этого, как ни странно, война в 224-м была вычеркнута из Реальности.

Разве это не было благом? И так ли уж важно, что какие-то личности изменились? Новые личности были такими же людьми, как и прежние, с таким же правом на жизнь. Чьи-то жизни стали короче, зато у большего числа людей они стали дольше и счастливее. Правда, великое литературное произведение, грандиозное создание человеческого разума и чувств, не было написано в новой Реальности, но разве несколько экземпляров этой книги не сохранились в библиотеке Вечности? И разве в новой Реальности не будут созданы иные великие творения искусства?

И все же в эту ночь Харлан долго и мучительно не мог заснуть, а когда он наконец задремал, с ним произошло то, чего не случалось уже много лет.

Он увидел во сне свою мать.

Несмотря на столь жалкое проявление слабости в самом начале деятельности, не прошло и биогода, как Харлан стал известен по всей Вечности в качестве Техника Твиссела, а также под язвительными прозвищами «чудо-ребенок» и «безошибочный Техник».

Его отношения с Купером стали более спокойными. Подлинной дружбы между ними так и не возникло. (Если бы Купер пересилил себя и предпринял какие-то шаги к сближению, то Харлан, наверно, растерялся бы.) Тем не менее ладили они неплохо, а Первобытной историей Купер интересовался теперь ничуть не меньше, чем его учитель.

— Послушай, Купер, ты не будешь возражать, если мы отложим урок на завтра? — как-то спросил его Харлан. — Мне необходимо на этой неделе попасть в 300-е, чтобы уточнить одно Наблюдение, а человек, с которым я хочу встретиться, свободен как раз сегодня вечером.

У Купера жадно заблестели глаза.

— А я не мог бы поехать вместе с вами?

— Ты хочешь?

— Конечно, хочу. Я никогда не ездил в капсуле, если не считать того раза, когда меня доставили сюда из 78-го, а тогда я еще совершенно ничего не понимал.

Харлан обычно пользовался Колодцем С, который по неписаной традиции был предоставлен в распоряжение Техников во всей своей бесконечной протяженности во Времени.

Купер последовал за Харланом без малейших признаков замешательства и занял место на круглом диванчике, почти полностью опоясывавшем внутренние стенки капсулы.

Но когда Харлан, включив Поле, послал капсулу в прошлое, на лице Купера появилось комичное выражение изумления и растерянности.

— Я ничего не чувствую. В чем дело? — спросил он.

— Все в порядке. Ты ничего не чувствуешь, потому что мы не двигаемся в буквальном смысле этого слова. Нас как бы протягивает сквозь Время. Фактически, — продолжал Харлан, незаметно для себя впадая в назидательный тон, — в данный момент ни ты, ни я не состоим из вещества, хотя наши органы чувств и утверждают обратное. Сотни людей могут пользоваться в это же самое мгновение нашей капсулой, перемещаясь (если только можно так выразиться) в разных направлениях Времени, проходя один сквозь другого и так далее. Законы обычного мира неприменимы к Колодцу Времени.

Губы Купера изогнулись в лукавой усмешке, и Харлан смущенно подумал: «Парнишка изучает Темпоральную механику и знает об этих вещах гораздо больше меня. Мне бы лучше помалкивать, незачем строить из себя дурака».

Угрюмо замолчав, он принялся разглядывать Ученика. За прошедшие месяцы усики Купера выросли и свисали теперь книзу по так называемой Маллансоновой моде. Изобретатель Темпорального Поля Виккор Маллансон на единственной подлинной и очень скверной фотографии был изображен с точно такими же

усиками; по этой причине они пользовались среди Вечных большой популярностью, хотя мало кому шли.

Глаза Купера были устремлены на циферблат, где быстро сменявшие друг друга числа отмечали номера Столетий, сквозь которые они проносились.

— Как далеко в будущее тянутся Колодцы Времени? — спросил вдруг Купер.

— Неужели ты еще не проходил этого?

— Я почти ничего не знаю о капсулах.

Харлан пожал плечами.

— Вечности нет конца. Колодцы тянутся беспрдельно.

— А вам случалось бывать далеко-далеко в будущем?

— Дальше нашего Сектора — ни разу. Вот доктор Твиссел — так тот был даже в 50000-м.

— Разрази меня Время! — прошептал Купер.

— Это еще пустяки. Некоторые Вечные бывали даже за 150000-ом.

— Ну и что там?

— А ничего, — утрюмо ответил Харлан, — полно всяких тварей, но разумных существ нет. Человечество исчезло.

— Вымерло? Уничтожено?

— Не думаю, чтобы кто-нибудь мог ответить на этот вопрос.

— А разве нельзя изменить это?

— Видишь ли, начиная с 70000-го и дальше... — начал было Харлан и осекся. — Послушай, Время нас побери, давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

Существовала тема, к которой Вечные относились чуть ли не с суеверным страхом. По молчаливому соглашению они избегали разговоров о «Скрытых Столетиях» (так назывался период Времени между 70000-м и 150000-м). Своими скудными познаниями Харлан был обязан лишь тесному сотрудничеству с Твисселом. Наверняка известно было только то, что ни в одном из тысяч этих Столетий Вечные не могли проникнуть во Время. Двери между Вечностью и Временем были непроницаемы. Почему? Этого не знал никто.

Твиссел как-то заявил с усмешкой:

— Когда-нибудь мы и до них доберемся. А пока нам вполне хватает хлопот с семьюдесятью тысячами Столетий.

Однако этот довод показался Харлану малоубедительным.

Из разрозненных замечаний Твиссела Харлан заключил, что делались попытки изменить Реальность в Столетиях, непосредственно предшествовавших 70000-му, но без должных Наблюдений в последующих веках трудно было рассчитывать на успех.

— А что произошло с Вечностью после 150000-го?

Харлан вздохнул. Купер, очевидно, не собирался менять тему разговора.

— Ничего не произошло, — ответил он. — Секторы имеются в каждом Столетии, но после 70000-го в них никто не живет. Секторы тянутся на миллионы лет, пока не исчезнет всякая жизнь на Земле, и после этого, пока Солнце не вспыхнет как Новая, и даже после этого. Вечности нет конца. Поэтому-то ее и называют Вечностью.

— Разве наше Солнце стало Новой?

— Разумеется. Иначе не было бы Вечности. Солнце, превратившись в Новую, стало нашим источником энергии. Ты себе даже не представляешь, сколько энергии требуется для создания Темпорального Поля. Поле, созданное Маллансоном, имело протяженность всего две секунды от одного конца до другого и было так мало, что едва вмещало спичечную головку, но для него потребовалась вся энергия атомной электростанции за целый день. Почти сто лет ушло на то, чтобы протянуть тоненькое, как волосок, Поле достаточно далеко в будущее и начать черпать лучистую энергию вспышки Солнца. Лишь после этого удалось создать Поле настолько больших размеров, что в нем смог поместиться человек.

— Как все это интересно! — вздохнул Купер. — А меня все пичкают на уроках уравнениями полей и Темпоральной механикой. Вот если бы я жил во времена Маллансона...

— Ты бы ничего тогда не узнал. Маллансон жил в 24-м, а Вечность была создана только в конце 27-го. Сам понимаешь, что открыть Темпоральное Поле и

создать Вечность — далеко не одно и то же. В 24-м не имели ни малейшего понятия о значении открытия Маллансона.

— Выходит, что он опередил свое Время?

— На сотни лет. Он не только открыл Поле, но и предсказал почти все характерные черты Вечности, кроме разве Изменений Реальности. Он сделал это довольно точно, и... кажется, мы приехали.

Они вышли из капсулы.

Никогда прежде Харлан не видел Старшего Вычислителя Твиссела в таком гневе. О Твисселе поговаривали, что он не способен ни на какие проявления чувств; его называли бездушным, зажившимся в Вечности стариком и сплетничали, что он давно уже забыл номер своего родного Столетия. Ходили слухи, что сердце его атрофировалось в ранней молодости и что он заменил его маленьким ручным анализатором, вроде того, который он всегда носил с собой в кармане брюк.

Твиссел никогда не пытался опровергнуть эти слухи. Многие были убеждены, что он и сам в них верит.

Поэтому, согнувшись под обрушившейся на него лавиной гневных упреков, Харлан все же каким-то уголком мозга успел удивиться, что Твиссел способен так бурно проявлять свои чувства. Он даже подумал, не пожалеет ли позднее Вычислитель, что механическое сердце предало его, оказавшись на поверку жалким органом из мышц и клапанов, которому не чужды никакие человеческие страсти.

Скрипучим старческим голосом Твиссел кричал:

— Всемогущее Время, с каких это пор ты возомнил себя членом Совета? По какому праву ты здесь командуешь? Кто кому отдает распоряжения, ты — мне или я — тебе? Давно ли ты распоряжаешься движением капсул? Уж не должны ли мы все являться к тебе за разрешением на поездку?

Время от времени Твиссел останавливался, требовал: «Отвечай!» — и, не дождавшись ответа, обрушивал на голову Техника новую лавину язвительных вопросов.

— Если ты еще хоть раз позволишь себе подобное своеволие, я пошлю тебя ремонтировать канализацию до конца дней твоих, — заключил он наконец.

Харлан, бледный от все возрастающего смущения, пролепетал:

— Мне никто никогда не говорил, что Ученика Купера нельзя брать в капсулу.

Однако это объяснение не смягчило Твиссела.

— Что толку в негативных оправданиях, мой мальчик? Тебе никогда не говорили, что его нельзя обрить наголо. Спаивать его тебе тоже не запрещали. Всемогущее Время, что именно было тебе поручено?

— Мне поручили обучить его Первобытной истории.

— Так этим ты и занимайся. И больше ничем.

Твиссел бросил окурок на пол и яростно растер его ногой, словно это было лицо его злейшего врага.

— Я бы хотел обратить ваше внимание, Вычислитель, — рискнул вставить Харлан, — что многие Столетия текущей Реальности в некоторых отношениях сильно напоминают интересующий нас период Первобытной истории. Я намеревался взять с собой Ученика Купера в эти эпохи, разумеется, в строгом соответствии с пространственно-хронологическими Инструкциями.

— Что?! Послушай, дурья голова, ты будешь хотя бы изредка спрашивать у меня разрешения? Поездки категорически исключаются. Никаких практических занятий. Никаких лабораторных экспериментов. Оглянуться не успеешь, как ты начнешь изменять Реальность, просто чтобы показать ему, как это делается.

Харлан облизнул сухим языком пересохшие губы, обиженно пробормотал извинения и в конце концов был отпущен с миром.

Однако прошла не одна неделя, прежде чем обида его улеглась.

Глава 4

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

Через два года после того, как Эндрю Харлан стал Техником, ему снова довелось побывать в Секторе 482-го. Он с трудом узнал его. Но Сектор остался прежним. Изменился он сам.

Два года работы Техником не прошли для Харлана даром. Жизнь его стала более оседлой и спокойной. Ему больше не приходилось с каждым новым Наблюдением изучать новые языки, привыкать к новому стилю одежды и новому образу жизни. С другой стороны, за эти два года он замкнулся в своей скорлупе и все реже тосковал о былых днях, когда он жил и работал в недоступной для него ныне атмосфере братства и товарищества.

Но, пожалуй, самая крупная перемена заключалась в том, что он по-настоящему полюбил свою работу и даваемое ею ощущение власти над судьбами мира, и это сознание собственного могущества помогало ему теперь с высоко поднятой головой нести бремя своего одиночества.

Холодно взглянув на Связиста, сидевшего за своей конторкой у входа в Сектор, Харлан произнес, четко разделяя слоги:

— Техник Эндрю Харлан просит сообщить Вычислителю Финжи, что он прибыл в Сектор и временно поступает в его распоряжение.

Связист мельком взглянул на Харлана и поспешно отвел глаза.

Среди вечных это называется «коситься на Техника» — человек кидал быстрый непроизвольный взгляд на розовый наплечный знак, после чего пускался на любые ухищрения, лишь бы увидеть его вторично.

Харлан взглянул на эмблему человека, сидевшего за конторкой. Она не была желтой, как у Вычислителей, или зеленой, как у Расчетчиков, или голубой, как у Социологов, или белой, как у Наблюдателей. Это была попросту голубая полоска на белом фоне — эмблема Службы связи. Связист был всего-навсего Работником; целая пропасть отделяла его от Специалистов.

Но и он «косился на Техника».

— Я жду, — с затаенной грустью напомнил Харлан.

— Вызываю Вычислителя Финжи, — торопливо ответил Связист.

482-е Столетие запомнилось Харлану своей массивной и внушительной обстановкой; сейчас она показалась ему просто убогой.

За эти два года он успел привыкнуть к стеклу и фарфору 575-го, к царившему там культу чистоты. Ему стал близок этот мир ясности и белизны с редкими бликами светлых пастельных тонов.

Безвкусные гипсовые завитушки, яркие, кричащие краски, размазанные металлические конструкции 482-го Столетия вызывали в нем брезгливое отвращение.

Даже Финжи словно стал ниже ростом. Два года назад Наблюдателю Харлану каждый жест Финжи представлялся исполненным силы и зловещего смысла. Теперь Технику Харлану с недостижимых высот его нового положения Финжи показался жалким и растерянным. Харлан спокойно ждал, пока Вычислитель кончит рыться в грудe перфолент и поднимет голову с видом человека, решившего, что посетитель уже простоял положенное время и с ним можно заговорить, не боясь уронить свой авторитет.

Харлан как-то узнал от Твиссела, что Финжи родился в энергетическом 600-м Столетии, и поведение главы Сектора стало ему более понятным. Частые приступы раздражительности могли быть естественным следствием постоянного чувства неуверенности, испытываемого грузным человеком, которому вместо несокрушимо

прочных силовых полей приходится иметь дело с хрупкой и податливой материей. Кошачья, крадущаяся походка Финжи хорошо запомнилась Харлану; как часто в прошлом, подняв голову от стола, он вдруг замечал невесту откуда взявшегося Вычислителя; его появления всегда были совершенно бесшумными. Сейчас Харлану показалось, что Финжи ходит на цыпочках, боясь, как бы под его тяжестью не проломился пол.

«Нет, ему не место в этом Секторе, — с добродушной снисходительностью подумал Харлан, — новое назначение — вот единственное, что может его спасти!»

— Здравствуйте, Техник Харлан, — наконец произнес Финжи.

— Здравствуйте, Вычислитель.

— За эти два года, как вы...

— Два биогода, — поправил его Харлан.

Финжи удивленно взглянул на него.

— Ну да, конечно, два биогода.

Время в обычном понимании этого слова не существовало внутри Вечности, но человеческие тела продолжали стареть, и это старение служило единственной и неумолимой мерою Времени. Физическое Время отсутствовало, но биологическое Время продолжало идти, и за один биогод внутри Вечности человек старел так же, как и за обычный год во Времени.

Однако даже самые педантичные из Вечных редко вспоминали об этом различии. Слишком удобно было говорить «увиджу вас завтра», или «вчера я вспоминал о вас», или «встретимся на той неделе», как будто в Вечности и в самом деле существовали «вчера», «завтра» или «будущая неделя». Для удовлетворения природных инстинктов человека были введены условные «сутки», состоящие из двадцати четырех биочасов с формальным разделением на «день» или «ночь», «сегодня» и «завтра».

— За два биогода, прошедших после вашего отъезда, — продолжал Финжи, — в 482-м появились признаки кризиса. Возникла очень странная, чрезвычайно щекотливая и почти беспрецедентная ситуация. Никогда еще мы так остро не нуждались в точных Наблюдениях.

— Вы собираетесь использовать меня как Наблюдателя?

— Да. Разумеется, это непростительное расточительство — поручать талантливому Технику работу простого Наблюдателя, но ваши прежние Наблюдения до сих пор остаются непревзойденным образцом четкости и проницательности. Именно эти качества нам сейчас необходимы. А теперь позвольте вам обрисовать некоторые детали...

Но Харлану в тот раз так и не удалось познакомиться с деталями. Отворилась дверь, и он уже больше ничего не слышал: все его внимание целиком поглотила вошедшая в комнату девушка.

Нельзя сказать, что Харлану никогда не доводилось видеть в Вечности женщин. Никогда — это чересчур. Редко, крайне редко — так будет вернее.

Работая Наблюдателем, Харлан насмотрелся на женщин, но там, во Времени, они были для него почти неодушевленными предметами, как чашки и ложки, столы и стулья, стены и потолки. Они были всего только фактами, подлежащими Наблюдению.

Но встретить такую девушку! Да еще в Вечности!

Она была одета так, как одевались аристократки в 482-м. Коротенькие бриджи из тонкого материала да прозрачная накидка выше талии — вот, собственно, и все.

Иссиня-черные волосы свободно падали ей на плечи. Тонкая линия помады на верхней губе и толстая на нижней создавали впечатление, что она капризно надула губки. Ее юное, почти детское лицо было молочно-белым, и на нем резко выделялись мочки ушей и веки глаз, окрашенные в розовый цвет. С плеч свешивались драгоценные подвески, которые тихонько позвякивали, как бы приглашая обратить внимание на совершенную форму ее груди.

Она присела за маленький столик, стоящий в углу, и за все время, пока Харлан сидел в кабинете, лишь раз скользнула по его лицу быстрым взглядом своих темных глаз.

Когда Харлан вновь обрел способность слышать, Финжи уже заканчивал:

— Все эти сведения вы найдете в официальном отчете, а пока можете занять свою старую квартиру и прежний рабочий кабинет.

Харлан так и не помнил, каким образом он оказался за дверью. Надо полагать, просто вышел...

Из всех чувств, овладевших им, самым очевидным было негодование. Разрази его Время, нельзя позволять Финжи выкидывать такие фокусы! Это издевательство над...

Придя в себя, он перестал стискивать челюсти и разжал кулаки. Надо в этом разобраться. Немедленно! Он решительно направился к столу связиста; шум собственных шагов гулко отдавался в его ушах.

Связист поднял голову и, стараясь не смотреть на Техника, вкрадчиво произнес:

— Я вас слушаю, сэр.

— Там, в кабинете Финжи, сидит женщина, — спросил Харлан, — она что, новенькая?

Он намеревался задать этот вопрос безразличным, скучающим тоном, как бы между делом. Но его слова прозвучали как удар цимбал.

И тут Связист словно пробудился. Его глаза заблестели, и он лукаво посмотрел на Харлана, словно хотел сказать: хоть ты, брат, и Техник, а все же мы оба — мужчины и отлично понимаем друг друга.

— Вы имеете в виду эту малюточку? Уф! Ну и красotka!

— Вы не ответили на мой вопрос, — процедил сквозь зубы Харлан.

Сразу же заскучав, Связист отвел глаза в сторону.

— Она — Временница. У нас — недавно.

— Чем она здесь занимается?

По лицу Связиста медленно расплзлась плотоядная ухмылка.

— Считается, что она секретарша босса. Зовут Нойс Ламбент.

— Достаточно. — Харлан резко повернулся и вышел.

Его первая вылазка во Время состоялась на следующий день и продолжалась ровно тридцать минут. Судя по всему, она была чисто ознакомительной и преследо-

вала только одну цель — помочь ему свыкнуться с окружающей обстановкой, проникнуться духом Столетия. На следующий день он пробыл во Времени полтора часа. Третий день оказался свободным. Он воспользовался им, чтобы снова привыкнуть к местным костюмам, вспомнить язык, просмотреть свои старые донесения.

За эти два биогода в 482-м произошло лишь одно Изменение Реальности, да и то незначительное. Политическая клика, бывшая у власти, перешла в оппозицию. В остальном он не заметил особых перемен.

Сам еще не вполне понимая почему, Харлан перерыл свои старые донесения в поисках сведений об аристократах. Не может быть, чтобы он не наблюдал их!

Но сведения, которые он разыскал, оказались сухими и безличными. В них речь шла о классе, а не об отдельных людях.

Ни разу в прошлом у него не было возможности наблюдать аристократию в ее собственном круту. Почему? Наблюдателю не полагалось задавать вопросов. Харлан был зол на себя за праздное любопытство.

За эти три первых дня Нойс Ламбент попалась ему на глаза раза четыре. При первой встрече он заметил только ее костюм и украшения. Теперь он разглядел, что она была на полголовы ниже его, но казалась выше своих пяти футов и шести дюймов благодаря стройной фигуре и прямой осанке. Его первое впечатление относительно ее возраста тоже оказалось ошибочным; сейчас он решил, что ей около тридцати, во всяком случае, больше двадцати пяти.

Держалась она сдержанно и скромно. Встретив как-то Харлана в коридоре, она улыбнулась ему и опустила глаза. Харлан резко отстранился, чтобы случайно не задеть ее, и сердито зашагал дальше.

В конце третьего дня Харлан решил, что долг Вечного не оставляет ему иного выбора. Вполне возможно, что действия Финжи не нарушают буквы закона, а Нойс Ламбент вполне удовлетворена своим положением. Но неблагоприятное вызывающее поведение Вычислителя противоречит духу закона, и этому немедленно следует положить конец.

Харлан решил, что во всей Вечности ни один человек еще не вызывал у него такой антипатии, как Финжи. Он даже не вспомнил, что всего два дня назад он готов был снисходительно простить Вычислителю былые обиды.

Утром четвертого дня Харлан обратился к Финжи с просьбой о неофициальной встрече. Получив разрешение, он решительно вошел в кабинет и, к собственному удивлению, с первых же слов приступил к сути дела.

— Вычислитель Финжи, я советую вам незамедлительно возвратить мисс Ламбент в ее Время.

Финжи сощурил глазки, кивком головы указал Харлану на кресло и, подперев пухлый подбородок сложенными вместе ладонями, раздвинул в улыбке углы губ:

— Да вы садитесь, Харлан. Так вы считаете, что мисс Ламбент некомпетентна? Что она не справляется со своими обязанностями?

— Справляется она или нет — я ничего сказать не могу. Мне ведь неизвестно, в чем заключаются ее «обязанности». Но вам следует понять, что ее пребывание здесь скверно влияет на нравы Сектора.

Финжи глядел на него отсутствующим взглядом, словно его мозг Вычислителя был занят в этот момент решением абстрактных проблем, недоступных пониманию рядового Вечного.

— В чем же выражается ее скверное влияние?

— На вашем месте я не стал бы задавать этого вопроса. — Харлан с трудом сдерживал кипевшее в нем негодование. — Ее костюмы чересчур откровенны, ее...

— Постойте, постойте. Да остановитесь же хоть на секунду, Харлан. Вы были Наблюдателем в 482-м и обязаны знать, что она одета в обычный для ее эпохи костюм.

— Как сказать. Там, во времени, среди людей ее круга, подобная одежда, может быть, и допустима, хотя я должен заметить, что она одета чересчур вызывающе даже для 482-го. Уж вы позвольте мне быть судьей в этом вопросе. Здесь же, в Вечности, не место таким, как она.

Финжи несколько раз медленно кивнул головой. Казалось, этот разговор забавляет его.

— Мисс Ламбент находится здесь с определенной целью. Она выполняет специальное задание. Ее пребывание в Секторе не затянется слишком надолго. А пока вам придется как-нибудь перетерпеть ее присутствие.

У Харлана задрожал подбородок. Финжи ловко вывернулся, обернув его протест против него самого. К черту всякую осторожность! Сейчас он выложит ему все, что думает!

— Я прекрасно понимаю, в чем заключаются «специальные задания» этой женщины. Никто бы не позволил вам держать ее открыто.

Он неуклюже повернулся и направился к двери, но голос Финжи остановил его на полпути:

— Послушайте, Техник, ваши отношения с Твисселом, возможно, внушили вам преувеличенное представление о важности вашей персоны. Вы заблуждаетесь. Кстати, скажите-ка, Техник, была ли у вас когда-нибудь... — он остановился, подбирая подходящее слово, — ...подружка?

По-прежнему стоя к нему спиной, Харлан с оскорбительной точностью и тщательностью процитировал Устав:

— «Во избежание излишней привязанности к какой-либо эпохе Вечный не должен жениться. Во избежание излишней привязанности к семье Вечный не должен иметь детей».

— Я спрашивал не о семье и не о детях, — многозначительно произнес Вычислитель.

Харлан продолжал цитировать:

— «Непродолжительные союзы с женщинами из Времени могут заключаться только с одобрения Центрального расчетного бюро при Совете Времен при наличии благоприятного Расчета Судьбы. Встречи лиц, состоящих в союзе, должны протекать в строгом соответствии с пространственно-хронологическими Инструкциями».

— Совершенно справедливо. Обращались ли вы за разрешением на союз?

— Нет, Вычислитель.

— Собираетесь?

— Нет, Вычислитель.

— А не мешало бы. Это расширит ваш кругозор. Может быть, тогда вас меньше станут занимать детали женского туалета или чьи-то воображаемые интимные отношения.

Задыхаясь от ярости, Харлан выскочил из кабинета.

Вылазки в 482-е с каждым днем давались Харлану все труднее, хотя их продолжительность пока не превышала двух часов. Его душевное равновесие было поколеблено, и причиной тому был Финжи с его непрощенными циничными советами относительно союзов с Временницами.

Союзы существовали. Это ни для кого не было секретом. Вечность сознавала необходимость компромисса с природными инстинктами человека (сама эта фраза звучала для Харлана омерзительно), но ограничения, связанные с выбором любовницы, лишали компромисс даже тени романтики и свободы. А немногим счастливицам, удостоившимся разрешения, рекомендовалось держать язык за зубами, во-первых, из соображений приличия, а во-вторых, дабы не вызывать зависти большинства.

Среди Вечных низшего ранга, особенно среди Работников, постоянно ходили полузавистливые, полунегодующие слухи о женщинах, выкрадываемых из Времени. В качестве героев подобных историй молва обычно называла Вычислителей и Расчетчиков. Только они были способны определить, какая из женщин может быть похищена без риска вызвать серьезное Изменение Реальности.

Менее лакомой пищей для языков служили не столь сенсационные сплетни, связанные с кухарками и горничными, которых каждый Сектор нанимал на определенный срок в своем Столетии (при благоприятных пространственно-хронологических данных) для приготовления пищи, уборки и прочей грязной работы.

Но взять женщину из Времени «в секретарши», да еще такую женщину, как Нойс, — со стороны Финжи

это было прямым издевательством над теми идеалами, ради которых была создана и существовала Вечность.

Несмотря на мелкие уступки человеческой природе, на которые Вечные шли, будучи людьми практичными, идеалом Вечного по-прежнему оставался человек, отрекающийся от всех радостей жизни и ставящий перед собой одну только цель — улучшение Реальности, увеличение суммы человеческого счастья. (Харлану нравилось думать, что Вечность похожа в этом отношении на средневековые монастыри.)

Ночью Харлану приснилось, как он рассказывает обо всем Твисселу, и Твиссел, идеальнейший из Вечных, содрогается от ужаса и отвращения. Ему снилось, как он с желтой нашивкой Вычислителя на плече наводит порядок в Секторе и великодушно направляет разжалованного, поверженного в прах Финжи в Работники. Ему снилось, что Твиссел сидит рядом с ним и с восхищенной улыбкой рассматривает составленную им новую схему организации — четкую, последовательную, без единого изъяна. Ему снилось, как он вызывает Нойс Ламбент и просит ее размножить копии.

Однако Нойс Ламбент явилась к нему во сне обнаженной, и Харлан проснулся в холодном поту, дрожащий и пристыженный.

Как-то он повстречался с Нойс в коридоре и, опустив глаза, посторонился, чтобы дать ей дорогу. Но девушка остановилась прямо перед ним и глядела на него в упор так, что ему пришлось поднять глаза и встретить ее взгляд. Она показалась ему ярким цветком; до него донесся слабый запах ее духов.

— Вас зовут Техник Харлан, не правда ли? — спросила она.

Первым его побуждением было грубо осадить ее, оттолкнуть, но потом он подумал, что она, собственно, ни в чем не виновата. К тому же оттолкнуть ее — значило прикоснуться к ней.

— Да, — сухо кивнул он в ответ.

— Я слышала, что вы крупный специалист по нашему Времени.

— Я бывал в нем.

— Как бы я хотела узнать, что вы думаете о нас!

— Я очень занят. У меня нет ни одной свободной минуты.

— О, Техник Харлан, так уж и ни одной?..

Ее улыбка была обворожительна.

Хриплым шепотом Харлан произнес:

— Проходите, прошу вас. Или дайте пройти мне. Прошу вас.

Она медленно двинулась прочь, и от плавного покачивания ее бедер у Харлана закружилась голова и кровь хлынула к щекам.

Он разозлился на нее за то, что она смутила его, разозлился на себя за свое смущение, но более всего, по каким-то таинственным причинам, он разозлился на Финжи.

Финжи вызвал к себе Харлана в конце второй недели. По длине и сложности рисунка лежавшей на столе перфоленты Харлан догадался, что на этот раз речь пойдет не о получасовой прогулке во Время.

— Присаживайтесь, Харлан, и просмотрите, пожалуйста, свое задание, — сказал Финжи, — нет, не визуально. Воспользуйтесь дешифратором.

Слегка приподняв брови, Харлан с безразличным видом вставил ленту в щель аппарата. По мере того как она медленно вползала внутрь, на молочно-белом прямоугольнике экрана появлялись слова.

Где-то посередине Харлан вдруг резким движением выключил дешифратор и выдернул ленту с такой силой, что она разорвалась пополам.

— У меня есть запасной экземпляр, — спокойно произнес Финжи.

Но Харлан продолжал держать обрывки двумя пальцами вытянутой руки с таким видом, словно боялся, что они вот-вот взорвутся.

— Вычислитель Финжи, этого не может быть, здесь какая-то ошибка. Поселиться почти на неделю в доме этой женщины — нет, невозможно.

Финжи поджал губы.

— Этого требует Инструкция. Впрочем, если ваши отношения с мисс Ламб...

— Никаких отношений, — с жаром прервал его Харлан.

— Положим, дыма без огня не бывает. В создавшейся ситуации я даже готов в виде исключения объяснить вам некоторые аспекты стоящей перед нами проблемы.

Харлан сидел неподвижно, но мысли одна за другой вихрем проносились в его мозгу. Из одной только профессиональной гордости ему следовало отказаться от всяких объяснений. Наблюдатели (или Техники) делали свое дело, не задавая вопросов. В обычных обстоятельствах Вычислителю и в голову бы не пришло что-то объяснять.

Но сейчас обстоятельства были не совсем обычными, Харлан выразил недовольство присутствием так называемой «секретарши». Финжи боится, что он может донести на него.

«Бежит виновный, хоть погони нет», — со злорадным удовлетворением подумал Харлан, пытаясь припомнить, где он вычитал эту фразу.

Тактику Финжи было нелегко разгадать. Поместив Харлана в дом этой женщины, он сможет в случае необходимости выдвинуть против него любые контробвинения и тем самым избавиться от опасного свидетеля.

Что ж, послушаем, под каким благовидным предлогом Финжи хочет заставить его провести неделю в доме Нойс. Харлан приготовился слушать, почти не скрывая своего презрения.

— Как вам известно, — начал Финжи, — многие Столетия знают о существовании Вечности. Они полагают, что мы занимаемся межвременной торговлей и видят в этом нашу главную цель, что нам только на руку. Кроме того, ходят слухи, что мы должны предотвратить грозящую человечеству катастрофу. Разумеется, это не больше как суеверие, но поскольку оно более или менее соответствует истине, то неплохо, что оно существует. Многие поколения людей черпают в нем спокойствие и уверенность в своем будущем. Вам это понятно?

Харлан молча кивнул. «Неужели этот тип принимает меня за Ученика?» — подумал он.

— Существуют, однако, вещи, о которых Временам ни в коем случае не следует знать. И в первую очередь — о том, как мы в случае необходимости изменяем Реальность. Потеря уверенности в завтрашнем дне привела бы к самым ужасным последствиям. Мы всегда стремились вычеркнуть из Реальности любую мелочь, которая могла бы зародить у Времени хотя бы смутное подозрение относительно нашей истинной деятельности.

Тем не менее в каждом Столетии то и дело зарождаются не такие опасные, но все же нежелательные поверья относительно Вечности. Как правило, они возникают среди правящих классов, то есть в той группе людей, которая чаще сталкивается с нами и одновременно оказывает наибольшее влияние на так называемое общественное мнение.

Финжи сделал паузу, словно ожидая реплики или вопроса, но Харлан упорно молчал.

— С тех пор как приблизительно год назад... м-м-м, биогод назад, произошло Изменение Реальности 433 — 486, серийный номер Ф-2, — продолжал Финжи, — появились признаки возникновения подобного нежелательного для нас поверья. Я решил его уничтожить, рассчитав соответствующее Изменение и представил свои рекомендации Совету Времени. Однако Совет считает, что я исхожу из предпосылок, вероятность которых очень мала, и требует, чтобы мои исходные данные были бы подтверждены прямым Наблюдением. Я уже говорил вам, что Наблюдение связано с крайне щекотливыми обстоятельствами. По этой причине я попросил направить в мое распоряжение именно вас, и по этой же причине Вычислитель Твиссел согласился удовлетворить мою просьбу. Следующим моим шагом было найти аристократку, которая бы мечтала о работе в Вечности. Я сделал ее своей секретаршей и находился с ней в тесном контакте, чтобы выяснить, насколько она пригодна для наших целей...

«Вот уж воистину в «тесном контакте!» — подумал Харлан, и снова его гнев был направлен не столько против Нойс, сколько против самого Финжи.

— По всем признакам она нам подходит. Сейчас она будет возвращена в ее Время. Поселившись в ее доме, вы сможете без труда изучить жизнь людей ее круга. Надеюсь, вы теперь понимаете, почему она находилась здесь и почему вам необходимо прожить несколько дней в ее доме?

— Уверяю вас, я все отлично понимаю, — не скрывая иронии, ответил Харлан.

— Значит, вы принимаете мое поручение?

Харлан вышел из кабинета в самом воинственном настроении. Финжи не удастся провести его. Еще неизвестно, кто кого оставит в дураках.

И, конечно, только предвкушение грядущего поединка и твердая решимость перехитрить Финжи были причиной того радостного возбуждения, которое охватило Харлана при мысли о предстоящей вылазке в 482-е.

Только это и ничто другое.

Глава 5

НОЙС

От тихого и безлюдного поместья Нойс Ламбент было рукой подать до одного из крупнейших городов Столетия. Харлан хорошо знал этот город, намного лучше, чем любой из его многочисленных обитателей. Работая Наблюдателем, он посетил в нем каждый квартал и каждое десятилетие.

Он знал город не только в Пространстве, но и во Времени. Он представлял его себе как единое целое, как живущий и развивающийся организм с его взлетами и падениями, радостями и печалью. Сейчас ему предстояло прожить в этом городе неделю — краткое мгновение в долгой жизни существа из бетона и стали.

В этот раз исследования Харлана были посвящены «перизйцам» — самым богатым и влиятельным гражданам города, которые заправляли в нем всеми делами, однако сами предпочитали жить в своих загородных имениях — вдали от городского шума и суеты.

482-е было отнюдь не единственным Столетием с резкими контрастами бедности и богатства. Социологи объясняли это явление при помощи специального уравнения. Хотя Харлан и не владел социальной математикой, ему было известно, что 482-е находится на самой грани допустимого. Социологи морщились, важно покачивали головами и жаловались, что если новые Изменения не улучшат положения дел, то потребуются самые «тщательные Наблюдения».

Хотя Вечные на словах ратовали за социальную справедливость, им казался привлекательным праздный и утонченный образ жизни привилегированного сословия, которое — в лучшую свою пору — покровительствовало искусствам и наукам и всегда обладало такими прекрасными и изысканными манерами. И пока загнивание культуры не становилось совершенно очевидным, Вечные предпочитали закрывать глаза на отклонения от равномерного распределения благ и занимались исправлением менее привлекательных периодов истории.

Незаметно для Харлана его отношение к 482-му Столетию сделалось более терпимым. Его прежние ночевки во Времени обычно проходили в гостиницах, расположенных в беднейших кварталах города, в трущобах, где приезжему было легко остаться незамеченным, где одним человеком больше или меньше — ровно ничего не значило и где присутствие Наблюдателя не грозило обрушить карточный домик Реальности. Однако порой и это было небезопасным, и тогда Харлану приходилось ночевать где-нибудь в поле под живой изгородью. У него даже вошло в привычку всегда держать на примете изгородь, реже других посещаемую по ночам фермерами, бродягами или бездомными собаками.

Но сейчас Харлан попал в обстановку утонченного комфорта, и он нежился в постели, сделанной из вещества, пропитанного силовым полем, — особый сплав вещества и энергии. Подобная штука была редкостью, хотя в длинной цепи Столетий она встречалась чаще, чем чистое силовое поле. Во всяком случае, постель была на редкость удобной — недаром такую роскошь могли себе позволить только самые богатые люди, — она принимала форму тела, словно гипсовая отливка, и была твердой пока лежишь неподвижно, но подавалась при малейшем движении. «Да, недурно живут аристократы», — размышлял Харлан.

Уже засыпая, он вспомнил о Нойс.

Ему снилось, что он заседает в Совете Времен и, положив на стол скрещенные руки, глядит вниз на маленького, крохотного Финжи, а тот, дрожа от страха, выслушивает приговор, обрекающий его на вечное Наблюдение в одном из неизвестных Столетий где-то

далеко-далеко в будущем. Харлан сурово читает беспощадный приговор, а справа от него сидит Нойс Ламбент. Вначале он ее не заметил, но теперь он все чаще и чаще искоса поглядывает на девушку, и в голосе его уже нет прежней уверенности.

Неужели ее никто не видит? Члены Совета смотрят куда-то вдаль, и только Твиссел улыбается Харлану, глядя сквозь Нойс, словно ее не существует.

Харлан приказывает ей уйти, но слова застывают у него на губах. Он хочет оттолкнуть ее, но руки наливаются свинцом, и он не в силах поднять их.

Финжи начинает смеяться... громче... громче...

...И вдруг он понимает, что это смеется Нойс.

Харлан открыл глаза и несколько секунд с ужасом глядел на девушку, прежде чем вспомнил, где он находится и как он сюда попал. Комната была залита ярким солнечным светом.

— Вам приснилось что-нибудь нехорошее? — спросила Нойс. — Вы громко стонали во сне и колотили по подушке.

Харлан промолчал.

— Ванна готова. И одежда тоже. Я принесла вам приглашение на сегодняшний вечер. Как странно снова вернуться к прежней жизни после такого долгого пребывания в Вечности!

Ее словоохотливость встревожила Харлана.

— Надеюсь, вы никому не сказали, кто я?

— Ну что вы, конечно, нет.

Конечно, нет! Финжи должен был позаботиться о такой мелочи и сделать ей внушение под наркозом. Но Вычислитель мог посчитать меры предосторожности излишними. Ведь он находился в «тесном контакте» с нею.

Эта мысль была ему неприятна.

— Я прошу вас как можно реже беспокоить меня, — раздраженно проговорил он.

Нойс нерешительно посмотрела на него и вышла.

В мрачном расположении духа Харлан принял ванну и оделся. Предстоящий вечер не сулил ему особых развлечений. Ему придется избегать разговоров и держаться как можно неприметнее. Большую часть вечера он проведет, «подпирая стенку» в каком-нибудь даль-

нем углу. Но от его глаз и ушей не должны будут ускользнуть ни один жест, ни одно слово.

Обычно он не задумывался, какую цель преследуют его наблюдения. Еще на школьной скамье он усвоил, что Наблюдателю не полагается знать, зачем он послан и какие выводы будут сделаны из его донесений. Любые размышления приводят к предвзятым идеям; любое знание автоматически искажает видение мира, и никакие попытки сохранить объективность ему уже не помогут.

Но сейчас неведение раздражало и беспокоило. В глубине души Харлан был уверен, что наблюдать нечего и что Финжи в каких-то своих целях просто вертит им словно куклой.

Свирепο посмотрев на свое объемное изображение, воссозданное Отражателем на расстоянии вытянутой руки, он пришел к выводу, что яркие, тесно облегающие одежды делают его смешным.

Харлан уже заканчивал завтрак, принесенный ему роботом, когда в комнату ворвалась Нойс Ламбент.

— Техник Харлан, — воскликнула она, задыхаясь от быстрого бега, — сейчас июнь!

— Не называйте меня здесь так, — строго предупредил Харлан. — Ну и что с того, что сейчас июнь?

— Но ведь я поступила на работу... — она нерешительно замаялась, — *туда* в феврале, а это было всего месяц назад.

Харлан сдвинул брови.

— Какой теперь год?

— О, год правильный.

— Вы уверены?

— Совершенно. А что, произошла ошибка?

У нее была раздражающая манера разговаривать, стоя почти вплотную к нему, а легкая шепелявость (свойственная, впрочем, всем ее современникам) делала ее речь похожей на лепет очень маленького и беспомощного ребенка.

Харлан решительно отстранился. Его не возьмешь кокетством.

— Никакой ошибки нет. Вас поместили в этот месяц, потому что так надо. Фактически вы все это время прожили здесь.

— Но как это может быть? — она испуганно посмотрела на него. — Я ничего не помню. Разве я раздваивалась?

Пожалуй, Харлану не следовало бы так раздражаться. Но как он мог объяснить ей существование микроизменений, вызываемых любым передвижением во Времени, которые меняли судьбу человека без существенных последствий для Столетия в целом. Даже Вечные порой путали микроизменения с Изменениями Реальности.

— Вечность знает, что делает. Не задавайте ненужных вопросов, — произнес он с такой важностью, словно сам был Старшим Вычислителем и лично решил, что июнь самый подходящий месяц в году и микроизменение, вызванное скачком через три месяца, не может развиваться в Изменение.

— Но ведь я потеряла три месяца жизни, — не унималась Нойс.

Харлан вздохнул.

— Ваши передвижения во Времени не имеют никакого отношения к вашему биологическому возрасту.

— Так я потеряла или не потеряла?

— Что именно?

— Три месяца жизни.

— Клянусь Вечностью, женщина, я же вам ясно говорю, что вы не можете потерять ни секунды. Это невозможно. — Последние слова он почти прокричал.

Нойс испуганно отступила назад и вдруг захихикала.

— Ой, какое у вас смешное произношение! Особенно когда вы сердитесь.

Она вышла.

Харлан растерянно смотрел ей вслед. Почему смешное? Он говорит на языке пятидесятого тысячелетия не хуже любого Наблюдателя в их Секторе. Даже лучше.

Глупая девчонка!

Он вдруг обнаружил, что снова стоит у Отражателя, глядя на свое изображение, а изображение, нахмутив брови, глядит на него. Разгладив морщины на лбу, он подумал: «Красивым меня не назовешь. Глаза маленькие, подбородок квадратный, уши торчат».

Никогда прежде он не задумывался над такими вещами, но сейчас ему неожиданно пришло в голову, что, наверно, приятно быть красивым.

Поздно ночью на свежую память Харлан дополнял записанные им разговоры своими заметками. Как всегда в таких случаях, он работал с молекулярным фонографом, изготовленным в 55-м Столетии. Это был маленький, не больше мизинца, ничем не примечательный цилиндрок, окрашенный в неброский темно-коричневый цвет. Его легко было спрятать в манжету, карман или подкладку в зависимости от стиля одежды или же привесить к поясу, пуговице или браслету.

Но, где бы и как бы он ни был спрятан, имея его при себе, можно было записать свыше двадцати миллионов слов на каждом из трех его молекулярных уровней. Крохотные наушники и микрофон, соединенные с фонографом волновой связью, позволяли слушать и говорить одновременно.

Вслушиваясь в каждый звук, произнесенный за несколько часов «вечеринки», Харлан диктовал свои заметки, которые записывались на втором уровне. Здесь он описывал свои впечатления, давал пояснения и комментарии. Позднее он воспользуется этим же фонографом, чтобы на третьем уровне записать свое донесение в виде сжатой квинтэссенции фактов и комментариев.

Неожиданно в комнату вошла Нойс Ламбент. Харлан демонстративно снял микрофон и наушники, вставил их внутрь цилиндрика, вложил его в футляр и резко захлопнул крышку.

— За что вы так невзлюбили меня? Почему вы злитесь? — кокетливо спросила Нойс. Ее руки и плечи были обнажены; мягкий пенолон, окутывающий ее талию и длинные ноги, светился слабым мерцающим светом.

— Я совсем не злюсь. И вообще не испытываю к вам никаких чувств.

В эту минуту он был совершенно искренен.

— Разве можно так поздно работать? Вы, наверно, устали?

— Я не могу работать, пока вы здесь, — брюзгливо ответил Харлан.

— У-у-у, злючка! За весь вечер вы даже слова мне не сказали.

— Я ни с кем не разговаривал. Меня сюда прислали не для болтовни. — Всем своим видом он показывал, что ждет ее ухода.

— Не сердитесь на меня. Лучше выпейте. Я следила за вами и видела, как вам понравился наш напиток. Но один бокал — это так мало. Особенно если вы хотите еще работать.

Из-за ее спины появился маленький робот с бокалом на подносе и плавно заскользил к Харлану.

За ужином Харлан ел умеренно, но перепробовал почти все блюда. Они были знакомы ему по прежним Наблюдениям, но раньше он всегда воздерживался от них, ограничиваясь дегустацией крохотных кусочков с исследовательской целью. С большой неохотой он вынужден был сознаться, что ему понравились эти кушанья, понравился пенистый светло-зеленый, чуть пахнущий мятой напиток (не алкогольный, действующий как-то иначе), который пользовался среди гостей большим успехом. Два биогода тому назад, до последнего Изменения Реальности, этого напитка не существовало.

Он взял бокал и поблагодарил Нойс кивком головы.

Интересно все-таки, почему Изменение Реальности, которое практически никак не сказалось на жизни Столетия, принесло с собой новый напиток? Впрочем, что толку задавать подобные вопросы — ведь он не Вычислитель.

И кроме того, даже самые подробные вычисления никогда не смогут устранить все неопределенности, учесть все случайные эффекты. Иначе для чего нужны были бы Наблюдатели?

Он и Нойс были одни во всем доме. Вот уже два десятилетия, как роботы вытеснили живых слуг, и мода на них сохранится еще лет десять.

Конечно, с точки зрения Нойс и ее современников, в том, что они остались вдвоем, не было ничего «непристойного»; женщина этой эпохи наслаждалась полной

экономической независимостью и при желании могла стать матерью, не зная тягот беременности.

И все же Харлану было неловко.

Девушка лежала на софе, опершись на локоть. Узорное покрывало софы податливо прогибалось под ней, словно с жадностью обнимая ее тело. Ее прозрачные туфельки были сброшены, и под мягким пенолоном было видно, как она сгибает и разгибает пальцы ног, точно игривый котенок, выпускающий и прячущий свои коготки.

Она встряхнула головой, и ее черные волосы, уложенные в форме причудливой башенки, неожиданно освободились от того, что их удерживало, и заструились по ее обнаженным плечам, которые показались Харлану еще белее и очаровательнее.

— Сколько вам лет?

Голос ее звучал лениво и томно.

Отвечать на вопрос не следовало ни в коем случае.

Не ее это дело. Вежливо, но твердо он должен был сказать: «Позвольте мне продолжать мою работу». Вместо этого он вдруг услышал свое невнятное бормотание:

— Тридцать два.

Он имел в виду биогоды, разумеется.

— Я моложе вас. Мне двадцать семь. Как жаль, что скоро я буду выглядеть старше вас! Еще немного, и я стану старухой, а вы останетесь все таким же, как сейчас. Скажите, неужели вам нравится ваш возраст? Почему бы вам не скинуть несколько лет?

— О чем это вы?

Харлан потер рукой лоб.

— Вы никогда не умрете, — тихо сказала она, — ведь вы Вечный.

Что это, вопрос или утверждение?

— Вы с ума сошли, — ответил он, — мы старимся и умираем как все люди.

— Рассказывайте, — протянула она низким насмешливым голосом.

Как мелодично звучал в ее устах язык пятидесятого тысячелетия, всегда казавшийся Харлану грубым и неприятным! Впрочем, может быть, полный желудок и напоенный ароматом воздух притупили его слух?

— Вы можете побывать во всех Временах, вам доступны все места на Земле. Я так мечтала работать в Вечности. Сколько пришлось ждать, пока мне разрешили. Я все надеялась, что меня тоже сделают Вечной, и вдруг я узнала, что там лишь одни мужчины. Некоторые из них не хотели разговаривать со мной только потому, что я женщина. Вот вы, например, — вы даже не смотрели на меня.

— Мы все так заняты, — растерянно пробормотал Харлан, — у меня минуты свободной не было.

Он безуспешно пытался сопротивляться состоянию довольства и покоя, которое все сильнее овладевало им.

— А почему среди Вечных нет женщин?

Харлан не доверял себе настолько, чтобы ответить на этот вопрос. Да и что он мог сказать? Что члены Вечности подбирались очень тщательно и осторожно. Что они должны были удовлетворять по крайней мере двум условиям: во-первых, обладать необходимыми способностями, и, во-вторых, их изъятие из Времени не должно было вредно отразиться на Реальности.

Реальность! Этого слова в разговорах с Временами следовало избегать любой ценой. Комната медленно поплыла перед ним, и он прикрыл глаза, пытаясь остановить ее вращение.

Сколько блестящих кандидатур остались нетронутыми во Времени только потому, что изъятие их означало бы, что кто-то не родится, не умрет, не женится и последствия будут настолько ужасны, что Совет Времен никак не мог этого допустить.

Разве можно было посвятить ее в эти сокровеннейшие тайны Вечности? Конечно, нет. Разве можно было рассказать ей, что женщины почти никогда не удовлетворяли поставленным условиям, потому что по каким-то недоступным его пониманию причинам — может быть, Вычислители и понимали их, но он — нет — изъятие женщины из Реальности влекло за собой в сотни раз худшие последствия, чем изъятие мужчины.

Мысли смешались в голове у Харлана; они разбегались, кружились и снова сплетались в странные, нелепые и чем-то забавные образы. Улыбающееся лицо Нойс было совсем близко. Ее голос доносился до него, как легкое дуновение ветерка:

— Ох уж эти мне Вечные! Все вы такие таинственные. Даже слово боитесь вымолвить. Сделай меня Вечной.

Ее слова сливались в его мозгу в одну неумолкающую музыкальную ноту.

Больше всего на свете ему хотелось сказать ей:

«Послушайте, красотка, Вечность не забава и не развлечение для скучающих особ. Мы работаем дни и ночи. Мы осуществляем величайшую миссию. Мы изучаем до малейших подробностей все Времена с основания Вечности и до последних дней рода человеческого и рассчитываем неосуществленные возможности, а число их бесконечно, но среди них нам надо отыскать самые лучшие, а затем мы ищем момент Времени, когда ничтожное действие превратит эту возможность в действительность, но и лучшая действительность не предел, и мы снова ищем новые возможности, и так без конца с тех пор, как в далеком Первобытном 24-м веке Виккор Маллансон открыл Темпоральное Поле, после чего стало возможным основать Вечность в 27-м, таинственный Маллансон, который взялся неведомо откуда и практически основал Вечность... и новые возможности... и так без конца... по кругу... вечно... снова и снова...»

Он потряс головой, но мысли по-прежнему неслись вихрем, их сочетания становились все причудливее и фантастичнее, и вдруг безумная догадка ослепительной вспышкой взорвалась в его мозгу... и погасла.

Он пытался ухватиться за это мгновенье, как за соломинку, но ее унесло течением.

Мятный напиток?

Нойс была уже совсем рядом, так близко, что лицо ее казалось ему светящимся туманным облаком. Он чувствовал легкое прикосновение ее волос к своим щекам, теплоту ее дыхания. Он должен был отодвинуться, встать, уйти, но — странно, почти невероятно, — ему не хотелось отодвигаться.

— Если бы я стала Вечной... — шептала она так тихо, что удары его сердца почти заглушали слова. Ее влажные губы были слегка приоткрыты. — Сделай меня Вечной!..

Он пытался понять смысл ее слов, но внезапно они потеряли для него всякое значение. Мир исчез в языках пламени.

Кто он? Эндрю Харлан или кто-то другой? Где он? Во сне? Наяву?

Все, что с ним произошло, вовсе не было таким отталкивающим и ужасным, как представлялось ему прежде. И это явилось для него путающим и радостным откровением.

А потом она прильнула к нему, ласково и нежно улыбаясь одними глазами, а он, задыхаясь и дрожа от непривычного счастья, неумело гладил ее влажные черные волосы.

Все переменялось. Она уже не была для него прежней Нойс Ламбент, женщиной со своей отдельной, непонятной ему жизнью. Станным и неожиданным образом она сделалась частью его самого.

Случившееся не было предусмотрено Инструкцией, но Харлан не испытывал ни малейших угрызений совести. Только мысль о Финжи пробудила в нем сильное чувство. Он упивался своим торжеством!

В эту ночь Харлан долго не мог уснуть. Головокружение прошло, бездумная легкость постепенно рассеялась, но ощущение необычности происходящего никак не покидало его. В первый раз за всю свою сознательную жизнь он лежал в постели с женщиной.

Он слышал тихое дыхание Нойс; смутное мерцание стен и потолка позволяло различить рядом ее силуэт. Он мог бы даже коснуться ее тела — стоило только протянуть руку, — но он не смел пошевелиться, боясь разбудить ее.

Он с испугом подумал: а вдруг он сам и все, что было между ними, только сон, ее сон, и ему стало страшно, что она может проснуться и все исчезнет.

Что за странная мысль — словно она отбилась от фантастического хоровода, кружившегося недавно в его мозгу...

Эти безумные мысли, порожденные необузданной фантазией, лежащие за гранью рассудка, как они при-

шли ему в голову? Он попытался припомнить их и не смог. И внезапно стремление вернуть эти мысли поглотило его без остатка, сделалось для него важнее всего на свете. Хотя он не помнил никаких подробностей, им овладела твердая уверенность, что на какое-то мгновение ему открылось нечто очень важное.

Он не помнил, в чем заключалась его догадка, но его охватило то ощущение легкости, какое бывает у человека в полусне, когда мозг не скован логикой и внутреннему взору открываются недоступные наяву перспективы.

Даже мысли о спящей рядом с ним девушке отодвинулись на второй план.

«Если бы мне только удалось ухватиться за ниточку, — размышлял он, — я думал о Реальности и Вечности... да, и еще о Маллансоне и Купере...»

Он вдруг замер. Почему он вспомнил об Ученике? При чем тут Купер? Он не думал о нем тогда.

Но в таком случае почему эта мысль пришла ему в голову сейчас?

Харлан сдвинул брови. Что скрывается за всем этим? Что именно пытается он понять? Откуда в нем это непреодолимое стремление что-то вспомнить?

Он похолодел, потому что эти вопросы озарили все вокруг слабым отсветом недавней вспышки, и он уже почти вспомнил.

Он лежал, затаив дыхание, боясь спугнуть рождающуюся в нем мысль. Пусть она придет сама.

Пусть придет сама!

В тишине ночи, и без того уже ставшей самой важной и значительной в его жизни, к нему пришла невероятная догадка, которую в другой, менее безумный миг он отбросил бы без всяких колебаний.

Он дал этой мысли расцвести и созреть, пока она не объяснила ему сотни странных и непонятных вещей, которые раньше оставались просто странными и непонятными.

После возвращения в Вечность ему придется еще многое расследовать и проверить, но в глубине души он был уже совершенно убежден, что разгадал страшную тайну, которую ему никак не полагалось знать.

Тайну, от которой зависело существование Вечности!

Глава 6

РАСЧЕТЧИК

С той памятной для Харлана ночи прошел биомесяц. Но сейчас по обычному счету Времени его отделяли от нее почти двести тысяч лет. Он находился в Секторе 2456-го Столетия, пытаясь с помощью лести, уговоров и неприкрытого шантажа выведать участь, уготовленную Нойс Ламбент в новой Реальности.

Его поведение было грубейшим нарушением профессиональной этики, хуже того, оно граничило с преступлением. Харлана это не трогало. В своих собственных глазах он давно уже стал преступником. Было бы просто глупо скрывать от себя этот очевидный факт. Новое преступление уже ничего не меняло, зато в случае удачи он выигрывал многое.

И вот в результате всех этих жульнических махинаций (ему даже в голову не пришло подыскать более мягкое выражение) он стоял у выхода из Вечности перед незримой завесой Темпорального Поля, отделявшей его от 2456-го. Выйти из Вечности в обычное Время было неизмеримо сложнее, чем пройти через ту же завесу в Колодец Времени. Необходимо было с очень высокой точностью установить на шкалах приборов координаты соответствующей точки земной поверхности и требуемого момента времени. Но, несмотря на огромное внутреннее напряжение, Харлан работал с легкостью и уверенностью, говорящими о большом опыте и природном таланте.

Он оказался в машинном зале космолета. Совсем недавно он вместе с Социологом изучал этот зал на экране Хроноскопа. Вой, конечно, сидит сейчас у этого же экрана, наблюдая в полной безопасности, как Техник совершает свой Акт Воздействия.

Харлан не спешил. Зал будет пуст 156 минут. Правда, его пространственно-хронологическая Инструкция разрешала ему использовать только 110 минут, оставшиеся 46 минут представляли собой обычный сорокапроцентный «запас». «Запас» давался на случай крайней необходимости, но пользоваться им не рекомендовалось.

«Пожиратели запасов» недолго оставались Специалистами.

Впрочем, Харлан собирался пробыть во Времени не более двух минут. Наручный генератор Поля окружал его облаком Биовремени — образно выражаясь, эманацией Вечности — и защищал от любых последствий Изменения Реальности. Сделав шаг вперед, Харлан снял с полки маленький ящичек и переставил его на заранее выбранное место на нижней полке.

Вернуться после этого в Вечность было для него таким же обыденным делом, как войти в комнату через дверь. Постороннему зрителю в этот момент показалось бы, что Харлан попросту исчез.

Маленький ящичек лежал теперь на новом месте. Ничто не выдавало его роли в судьбах мира. Несколько часов спустя капитан космолета протянет за ним руку и не найдет его. Полчаса уйдут на розыски, а тем временем сломается двигатель, и капитан потеряет самообладание. В порыве гнева он решится на поступок, от которого воздержался в предшествующей Реальности. В результате важная встреча не состоится; человек, который должен был умереть, проживет годом дольше; другой же, наоборот, умрет несколько раньше.

Эти Возмущения, словно круги на воде, будут распространяться все шире и шире, пока не достигнут максимума в 2481-м Столетии, через двадцать пять веков после Акта Техника. Затем интенсивность Изменения пойдет на убыль. Теоретически оно никогда не станет равным нулю, даже через миллионы лет, но уже через пятьдесят Столетий его нельзя будет обнаружить

никакими Наблюдениями. С практической точки зрения этот срок можно считать верхней границей.

Разумеется, Времяне даже не подозревали о случившемся. Изменения затрагивали не только материальные объекты, но и мозг человека, его память, и только Вечные взирали со стороны на происходящие перемены.

Социолог Вой, не отрываясь, глядел на голубой экран, где еще недавно была видна кипучая, суетливая жизнь космического порта. Даже не повернув к Харлану головы, он пробормотал несколько слов, которые при большом желании можно было принять за приветствие.

На экране произошли разительные перемены. Исчезли блеск и величие; жалкие развалины ничем не напоминали прежних грандиозных сооружений. От космолетов остались только ржавые обломки. Людей нигде не было видно.

Харлан позволил себе на мгновение улыбнуться одними уголками губ. Да, это действительно была МОП — Максимальная ожидаемая реакция. Все совершилось сразу. Вообще говоря, Изменение не обязательно происходило немедленно вслед за Актом Воздействия. Если соответствующие расчеты проводились небрежно или слишком приближенно, приходилось ждать (по биологическому времени) часы, дни, иногда недели. Только после того, как были исчерпаны все степени свободы, возникала новая Реальность; пока оставалась хотя бы ничтожная вероятность взаимоисключающих действий, Изменения не было.

Собственное мастерство служило для Харлана неиссякаемым источником гордости и тщеславия: если он сам выбирал МНВ и своей рукой совершал Акт Воздействия, то степени свободы исчерпывались сразу, и Изменение наступало незамедлительно.

— Как они были прекрасны! — грустно произнес Вой.

Эта фраза больно кольнула Харлана; ему показалось, что она умаляет красоту и совершенство его работы.

— А по мне, хоть бы их и вовсе не было!

— Да?

— А что в них толку? Увлечение космосом никогда не длится больше тысячи, ну, двух тысяч лет. Затем оно приедается. Люди возвращаются на Землю; колонии на других планетах чахнут и вымирают. Проходит четыре-пять тысячелетий, и все начинается сначала, чтобы вновь прийти к бесславному концу. Бесполезная, никому не нужная трата средств и сил.

— А вы, оказывается, философ, — сухо сказал Вой.

Харлан почувствовал, что краснеет. Все они хороши! Бессмысленно даже разговаривать с ними, подумал он и сердито буркнул, меняя тему разговора:

— Что слышно у Расчетчика?

— А именно?

— Не пора ли поинтересоваться, как у него идут дела? Может быть, он уже получил ответ?

Социолог неодобрительно поморщился, как бы осуждая подобную нетерпеливость. Вслух он сказал:

— Пройдемте к нему. Я провожу вас.

Табличка на дверях кабинета возвещала, что Расчетчика зовут Нерон Фарук. Это имя поразило Харлана своим сходством с именами двух правителей, царствовавших в районе Средиземного моря в Первобытную Эпоху (еженедельные занятия с Купером сильно углубили его познания в Первобытной истории).

Однако, насколько Харлан мог судить, Расчетчик не был похож ни на одного из этих правителей. Он был худ как скелет; нос с высокой горбинкой был туго обтянут кожей. Нажимая легкими движениями длинных узловатых пальцев на клавиши Анализатора, он напоминал Смерть, взвешивающую на своих весах людскую судьбу.

Харлан почувствовал, что он не в силах оторвать взгляда от Анализатора. Эта машинка была сердцем Расчета Судьбы, а также его плотью, кровью, мышцами и всем прочим. Стоит только ввести в нее матрицу Изменения Реальности и необходимые данные человеческой биографии, нажать вот эту кнопку, и она захи-

хикает в бесстыдном веселье, а затем через минуту или через день выплюнет из себя длинную ленту с описанием поступков человека в новой Реальности, аккуратно снабдив каждый поступок ярлычком его вероятности.

Вой представил Харлана. Фарук, не скрывая отвращения, взглянул на эмблему Техника и ограничился сухим кивком головы.

— Ну как, уже рассчитали судьбу этой молодой особы? — небрежно спросил Харлан.

— Еще нет. Как только кончу, я пошлю вам специальное извещение.

Фарук был одним из тех, у кого неприязнь к Технику выливалась в открытую грубость,

— Спокойнее, Расчетчик, — укоризненно проговорил Вой.

У Фарука были белесые ресницы и бесцветные брови, отчего лицо его напоминало череп. Сверкнув глазами на Харлана — казалось, они поворачиваются в пустых глазницах, — он проворчал:

— Загубили уже электрогравитацию?

— Вычеркнули из Реальности, — кивнул Вой.

Беззвучно, одними губами Фарук произнес несколько слов. Скрестив руки на груди, Харлан в упор посмотрел на Расчетчика. Тот смущенно поерзал на стуле и в замешательстве отвернулся. «Понимает, что и сам не без греха», — злорадно подумал Харлан.

— Послушайте, — обратился Фарук к Социологу, — раз уж вы здесь, объясните, что мне делать с этим ворохом запросов на противораковую сыворотку? Сыворотка есть не только в нашем Столетии. Почему все запросы адресуют только нам?

— Другие Столетия загружены не меньше. Вы это прекрасно знаете.

— Так пусть, Время их побери, вообще прекратят присылать запросы!

— Интересно, как мы можем их заставить?

— Легче легкого. Пусть Совет Времен перестанет с ними цацкаться.

— Я не командую в Совете.

— Зато вы вертите стариком.

Харлан машинально, без особого интереса прислушивался к разговору. По крайней мере это отвлекало его

от «хихиканья» Анализатора. Он знал, что под стариком подразумевался Вычислитель, стоящий во главе Сектора.

— Я уже разговаривал со стариком, — ответил Вой, — и он запросил Совет.

— Чушь! Он послал по инстанциям обычную докладную записку. Ему надо было проявить твердость. Давно пора коренным образом изменить нашу политику в этом вопросе.

— Совет Времен в наши дни не склонен рассматривать какие-либо изменения в политике. Вы ведь знаете, какие ходят слухи.

— Еще бы! Они, мол, заняты важнейшим делом. Каждый раз, как только они начинают тянуть волюнку, возникает слух, что они заняты важнейшим делом.

Будь Харлан настроен иначе, он, пожалуй, не смог бы удержаться от улыбки.

Фарук погрузился на несколько секунд в мрачное раздумье и вдруг взорвался:

— Разрази меня Время! Когда эти олухи поймут, что сыворотка от рака — это не сажены и не волновые двигатели? Мы все знаем, что даже щепка может отрицательно повлиять на Реальность, но ведь от сыворотки зависит человеческая жизнь, и тут все в сотни раз сложнее и запутаннее.

Нет, вы только подумайте, сколько людей ежегодно умирает от рака в тех Столетиях, которые не имеют своей противораковой сыворотки. Умирать, разумеется, никому не хочется. И вот земные правительства из каждого Столетия бомбардируют Вечность запросами: «Помогите, просим, умоляем, срочно вышлите семьдесят пять тысяч ампул для спасения жизни людей, чья смерть явится невосполнимой потерей для науки, искусства, культуры. Анкетные данные и биография прилагаются».

Вой торопливо и умиротворяюще кивал головой, но Фарук еще не излил накопившуюся в нем горечь.

— Читаешь эти биографии, и каждый человек — герой. Каждый совершенно незаменим. Делать нечего, садишься считать. Сначала считаешь, что будет с Реальностью, если они выживут поодиночке, затем — что произойдет, если они — Время их побери! — выживут в различных сочетаниях.

За прошлый месяц я рассчитал 572 запроса. В семнадцати случаях — вы обратите внимание, всего в семнадцати — отрицательные эффекты отсутствовали. Заметьте, что не было ни одного случая, который повлек бы за собой благоприятное Изменение Реальности, но Совет постановил, что и в нейтральных случаях следует давать сыворотку. Они, видите ли, гуманисты! И вот за месяц семнадцать человек из разных Столетий спасены от смерти.

А что дальше? Разве Столетия стали хоть капельку счастливее? Чепуха! Излечили одного, а десятку, сотне в то же самое Время, в той же стране дали умереть. И всех, конечно, интересует: а почему именно он? Может быть, сотни умерших были славными ребятами, которых все любили и уважали, а единственный спасенный нами счастливчик занят только тем, что избивает свою престарелую мать, а в немногие свободные минуты колотит своих детей. Ведь Время не подозревает об Изменениях Реальности, и мы не можем даже намекнуть им.

Помяните мои слова, Вой, мы сами накличем на себя беду, если Совет Времен не примет решения давать сыворотку только в случае желательного Изменения Реальности. Наша единственная цель — улучшать Реальность. Либо излечение этих людей ведет к этой цели, либо нет. Вот и все. И не надо болтать ерунду насчет того, что, дескать, «хуже не будет»...

Социолог, слушавший его со страдальческим выражением лица, попробовал возразить:

— Но представьте себе, Фарук, что это вы умираете от рака...

— Не стройте из себя дурачка, Вой. Разве мы можем позволить, чтобы сентиментальная жалость влияла на наши решения? Да мы никогда не произвели бы ни одного Изменения Реальности. Ведь всегда найдется бедолага, которому не повезет. Представьте себя на его месте, а?

И подумайте заодно вот над чем. Всякий раз, когда мы совершаем Изменение, все труднее и труднее становится найти следующее, которое было бы благоприятным. С каждым биогодом возрастают шансы, что

случайное Изменение приведет к скверным последствиям. Следовательно, и число исцелений будет уменьшаться. Оно уже уменьшается. Скоро у нас будет не больше одного исцеления за биогод, даже с учетом нейтральных случаев. Не забывайте об этом.

Харлану наскучил этот разговор. Подобный «загиб» был своего рода профессиональным заболеванием. Психологи и Социологи в своих редких работах, посвященных Вечности, называли его «отождествлением». Люди отождествляли себя со Столетием, в котором они работали. И заботы века то и дело становились их собственными заботами.

Вечность прилагала титанические усилия для изгнания беса отождествления. Никто не имел права работать или находиться ближе двух Столетий к Времени своего рождения. При назначении на работу предпочтение отдавалось Столетиям, уклад жизни которых как можно больше отличался от привычного с детства. (Харлану невольно вспомнился Финжи, работающий в 482-м). Более того, при первых же подозрительных признаках Вечного немедленно переводили в другой Сектор. Харлан не дал бы и ломаного гроша за то, что Фарук удержится на своем месте больше одного биогода.

И все же люди упорно стремились найти свое место во Времени, обрести в нем себе новую «родину». Одержимость Временем — кто не слышал о ней? По каким-то необъяснимым причинам эпохи космических полетов вызвали к себе особенно сильную привязанность. Давно уже следовало бы изучить причины этого, не страдая Вечность хронической боязнью оглянуться на самое себя.

Еще месяц назад Харлан презрительно обозвал бы Фарука тряпкой и сентиментальным идиотом, распускающим нюни из-за утраты электрогравитации и отводящим душу в наивных выпадах против Столетий, не умеющих лечить рак.

Он мог бы даже сообщить о нем куда следует. Более того, долг Вечного обязывал его сделать это немедленно. Ясно как день, что на этого человека уже нельзя полагаться.

Но поступить так сейчас он уже не мог. Ему даже стало жаль Расчетчика. Его собственные преступления

были куда ужаснее. И снова — в который раз! — мысли его по проторенной дорожке вернулись к Нойс.

В ту ночь ему удалось заснуть только под утро. Проснулся он поздно. Сквозь полупрозрачные стены пробивался рассеянный дневной свет, и Харлану показалось, что он лежит на облаке, плывущем по туманному утреннему небу.

Нойс, смеясь, тормошила его:

— Вставай, соня, я уже устала тебя будить.

Судорожным движением Харлан попытался натянуть на себя простыню или одеяло, но их не оказалось. Затем он вспомнил все, что произошло, и жгучая краска стыда залила ему щеки. Что ему теперь делать?

Но тут новая мысль мгновенно отодвинула все эти переживания на второй план. Рывком он спустил ноги на пол.

— Разрази меня Время! Я проспал? Уже больше двух?

— Успокойся, еще и одиннадцати нет. Завтрак ждет тебя.

— Спасибо, — пробормотал он.

— Иди умываться. Я согрела тебе воду в бассейне и приготовила костюм на сегодня.

— Спасибо, — снова пробормотал он.

Он завтракал, не поднимая глаз. Нойс сидела напротив, опершись локтем на столик и положив подбородок на ладонь. Ее черные волосы были зачесаны на одну сторону, ресницы казались неестественно длинными. Она ничего не ела, только следила за каждым его движением.

— Куда ты идешь в два часа?

— На аэробол, — промямлил он, — мне удалось достать билет.

— Ах да, сегодня ведь финальный матч. Подумать только, что из-за этого скачка во Времени я пропустила целый сезон. Эндрю, милый, а кто выиграет сегодня?

Это «Эндрю, милый» окончательно привело его в замешательство; он почувствовал, как по всему его телу разливается непонятная слабость. Отрицательно

качнув головой, он попытался придать своему лицу суровое, неприступное выражение, еще вчера ему это отлично удавалось.

— Но как ты можешь не знать? Ведь ты изучил весь наш период.

Ему следовало бы сохранить холодный тон, но у него не хватило духу.

— Столько событий происходит в разное время в разных местах. Разве я могу запомнить такую мелочь, как счет матча?

— У-у-у, противный! Конечно, помнишь — просто сказать не хочешь.

Вместо ответа Харлан подцепил золотой вилочкой маленький сочный плод и отправил его целиком в рот.

Немного помолчав, Нойс заговорила снова:

— А нас ты видел?

— Не расспрашивай меня, Н-нойс. — Ему стоило большого труда назвать ее по имени.

Голос ее звучал тихо и нежно:

— Разве ты не видел нас? Разве ты не знал с самого начала, что мы...

— Нет, нет, я не могу увидеть себя, — заикаясь, прервал ее Харлан, — ведь я не принадлежу к Реаль... Меня не было здесь до моего появления. Я не могу тебе этого объяснить.

От смущения и замешательства ему стало совсем не по себе. Какое бесстыдство — спокойно говорить о таких вещах! И он тоже хорош: чуть не попался в ловушку и не ляпнул слова «Реальность» — самого запретного из всех слов при разговорах с Временами.

Она слегка подняла брови, от чего ее глаза стали совсем круглыми: в них засветилось лукавое изумление.

— Тебе что, стыдно?

— Нам не следовало бы так поступать.

— Почему? — С точки зрения 482-го Столетия ее вопрос был совершенно невинным. — Разве Вечным нельзя?

В ее голосе послышалась насмешливая издевка, словно она спрашивала, разрешают ли Вечным есть.

— Не называй меня Вечным, — остановил ее Харлан. — А если тебя это интересует: как правило — нет.

— Ну что ж, тогда ты не говори им. И я не скажу.

Встав, она плавным движением бедер оттолкнула с дороги стоявший между ними столик и присела к нему на колени.

Харлан на мгновение оцепенел с протянутыми вперед руками, безуспешно пытаясь остановить ее. Нагнувшись, она поцеловала его в губы, и от этого поцелуя стыд и замешательство растаяли без следа.

Незаметно для себя Харлан занялся тем, чего профессиональная этика Наблюдателя не допускала ни в коем случае, — он стал задумываться над проблемами существующей Реальности и характером предстоящего Изменения.

Это Изменение не должно было коснуться ни распущенных нравов, ни искусственного выращивания плода, ни господства женщин во всех областях жизни. Все это было и в предшествующих Реальностях, и Совет Времен с неизменным благодушием взирал на подобные вещи. Финжи сказал, что Изменение будет малым, почти неуловимым.

Одно было ясно: Изменение коснется группы людей, находившихся под его Наблюдением. Оно затронет привилегированные классы: аристократию, богачей, «сливки общества». Больше всего его тревожило, что Изменение почти наверняка затронет Нойс.

С каждым пролетающим днем его мысли становились все мрачнее, отравляя ему даже радость от встреч с Нойс.

— Что стряслось с тобой? — беспокойно спрашивала она. — Первые дни ты был совсем не таким, как в Веч... как в том месте. Тебя ничто не угнетало. А сейчас у тебя снова такой озабоченный вид. Это потому, что тебе надо возвращаться обратно?

— И поэтому тоже, — ответил Харлан.

— А тебе обязательно надо вернуться?

— Да.

— А что случится, если ты опоздаешь?

Харлан чуть было не улыбнулся.

— Им бы не понравилось мое опоздание, — сказал он и с тоской подумал о двух запасных днях, предусмотренных Инструкцией.

Нойс включила маленький музыкальный инструмент. Сложное математическое устройство выбирало из слу-

чайных комбинаций звуков приятные сочетания, ласкавшие слух. Импровизированные мелодии повторялись не чаще, чем узоры снежинок, и были не менее изысканными и прекрасными.

Завороженный звуками музыки, Харлан не сводил с Нойс глаз; все его мысли вились вокруг нее. Кем станет она в новом своем воплощении? Торговкой рыбой? Фабричной работницей? Толстой и уродливой, вечно хворой матерью шестерых детей? Кем бы она ни стала, она забудет Харлана. В новой Реальности он уже не будет частью ее жизни. И кем бы она ни стала, она уже никогда не будет прежней Нойс.

Он не просто был влюблен — мало ли в кого можно влюбиться! Он любил Нойс. (Странно: впервые в жизни он мысленно произнес это слово и нисколько не удивился.) Он любил в ней все: ее манеру одеваться, ходить, разговаривать, даже ее кокетливые ужимки. Двадцать семь лет, прожитые ею в этой Реальности, весь ее жизненный опыт понадобились, чтобы она стала именно такой. В предыдущей Реальности в прошлом биогоду она не была его Нойс. В следующей Реальности она тоже не будет его.

Может быть, новая Нойс будет лучше во всех отношениях, но Харлан, еще не успев разобраться в своих чувствах, уже совершенно точно знал одно: ему нужна вот эта Нойс, что сидит сейчас напротив него. Если у нее есть недостатки, она нужна ему вместе с ними.

Что ему делать?

Разные планы приходили ему в голову, но все они были противозаконными. В первую очередь необходимо было выяснить характер Изменения, узнать, как оно повлияет на Нойс. В конце концов никогда нельзя знать заранее...

Гнетущая тишина пробудила Харлана от воспоминаний. Он снова был в кабинете Расчетчика. Вой искоса поглядывал на него. Рядом с креслом Харлана стоял Фарук, склонив над ним свою голову мертвеца.

В наступившей тишине было что-то зловещее. Всего мгновенье потребовалось Харлану, чтобы понять, в чем дело. Анализатор молчал.

Харлан вскочил.

— Получили ответ, Расчетчик?

Фарук взглянул на пленки, зажатые в руке.

— Да, конечно, только вот немного странный.

— Покажите. — Протянутая рука Харлана заметно дрожала.

— В том-то и дело, что нечего показывать. — Голос Фарука доносился откуда-то издалека. — В новой Реальности ваша дамочка не существует. Нет ее, фу-фу, испарилась! Никаких сдвигов личности, ничего. Я просчитал все переменные вплоть до значения вероятности в одну стотысячную, ее нигде нет. Больше того, — он задумчиво потер подбородок своими длинными сухими пальцами, — при той комбинации фактов, которые вы мне дали, я не совсем понимаю, как она могла существовать в предыдущей Реальности.

Харлан еле слышал его; комната медленно поплыла перед глазами.

— Но ведь Изменение так незначительно.

— Знаю. Просто странное стечение обстоятельств. Так вы возьмете пленки?

Харлан даже не заметил, как он взял их. Нойс исчезнет? Ее не будет в новой Реальности? Неужели это возможно?

Он почувствовал чью-то руку на своем плече; в ушах прозвучал голос Социолога:

— Что с вами, Харлан? Вам нездоровится?

Рука отдернулась, словно пожалел о своем неосмотрительном контакте с телом Техника.

Харлан проглотил слюну и усилием воли придал лицу спокойное выражение.

— Со мной все в порядке. Будьте добры проводить меня к капсуле.

Нельзя проявлять свои чувства так открыто. Его долг вести себя так, словно эти исследования и в самом деле представляют для него чисто академический интерес. Любой ценой он должен скрыть огромную, непереносимую радость, захлестнувшую его при мысли о том, что Нойс не существует в новой Реальности.

Глава 7

ПРЕЛЮДИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Войдя в капсулу, Харлан бросил быстрый взгляд через плечо. Ему хотелось убедиться в непроницаемости завесы Темпорального Поля, отделяющего Колодец Времени от Вечности. Он боялся, что Социолог Вой может подглядывать за ним. В последние недели он то и дело оглядывался, не прячется ли кто-нибудь у него за спиной — это движение стало уже привычным, чуть ли не рефлексорным.

Затем, вместо того чтобы вернуться в 575-е, он снова послал капсулу в будущее. Сидя на диванчике, он смотрел на Счетчик Столетий, показания которого сменяли друг друга с такой быстротой, что трудно было разобрать отдельные цифры. Хотя капсула двигалась почти с предельной скоростью, путешествие должно было занять несколько биочасов.

Времени на размышления было хоть отбавляй.

Как все изменилось после неожиданного открытия Расчетчика! Даже характер преступления стал совсем другим.

Нити паутины сходились все ближе к Финжи. Эта фраза с дурацкой внутренней рифмой привязалась к нему и зажужжала в его мозгу, словно крупная осенняя муха, бьющаяся о стекло: все ближе к Финжи... все ближе к Финжи...

Вернувшись в Вечность после дней, проведенных с Нойс в 482-м, Харлан постарался избежать немедленной встречи с Финжи. Не успели Врата Времени захлоп-

нуться за ним, как угрызения совести начали терзать его с новой силой. Нарушение клятвы, казавшееся в 482-м безделицей, в стенах Вечности представлялось тяжким преступлением.

Послав донесение по безличной пневматической почте, он заперся в своей комнате. Ему нужно было выиграть время, чтобы осмыслить происшедшее и прийти в себя.

Но Финжи не оставил его в покое. Не прошло и часа после отправки донесения, как он вызвал Харлана по видеофону. Пухлая физиономия Вычислителя строго глядела с экрана.

— Я рассчитывал застать вас в вашем кабинете.

— Вы получили мой отчет, сэр, — возразил Харлан. — Не все ли равно, где я буду дожидаться нового назначения.

— Вы так думаете? — Финжи скосил глазки на пучок лент, зажатых в его руке, поднес их ближе к лицу и, прищурясь, стал вглядываться в сложный узор перфорации. — Едва ли можно считать отчет полным. Вы разрешите мне зайти к вам?

Харлан заколебался. Но Финжи был пока еще его начальником, и, хотя он бесцеремонно напрашивался в гости, отказ мог смахивать на неповиновение. Более того, этот отказ явился бы замаскированным признанием вины, чего больная совесть Харлана никак не могла допустить.

— Буду рад видеть вас, Вычислитель. — произнес он сдавленным голосом.

Среди аскетической, почти убогой обстановки квартиры Харлана округлые тела Финжи казались чуждым эпикурейским элементом. Родной век Харлана тяготел к спартанскому стилю, и Харлан на всю жизнь сохранил вкус к простоте. Несколько стульев из гнутых металлических трубок с сиденьем из пластика, которому искусственно, но не слишком искусно была придана фактура дерева. В углу стоял предмет, вид которого никак не вязался с принятым в Секторе стилем.

Глазки Финжи так и впились в него. Вычислитель провел толстеньким пальчиком по его поверхности, как бы проверяя, из чего она сделана.

— Что это за материал?

— Дерево, сэр.

— Не может быть! Настоящее дерево? Просто паразитально! Вероятно, им пользуются в вашем родном Столетии?

— Да, сэр.

— Понимаю. Впрочем, правилами это не запрещается. — Он потер палец, которым касался дерева, о ткань одежды. — Но все равно подобное тяготение к родной культуре представляется мне неуместным. Истинный Вечный приспосабливается к любой обстановке, в которую он попадает. Взять, к примеру, меня. За последние пять лет мне не довелось и двух раз поесть из энергетической посуды. — Он вздохнул. — А если бы вы знали, как противно есть пищу, соприкасавшуюся с веществом. Но я не сдаюсь, Техник, я не сдаюсь. — Он снова посмотрел на деревянный предмет и, спрятав руки за спину, спросил: — Что это такое?

— Книжные полки, — ответил Харлан.

У него появилось сильное искушение спросить у Финжи, не противно ли ему, что его руки прикасаются сейчас к веществу его собственного зада, не хочется ли ему заменить одежду и некоторые части тела чистым и благородным силовым полем.

— Книжные полки? — Финжи удивленно поднял брови. — Тогда вот эти штучки на них — книги?

— Совершенно верно, сэр.

— Подлинные экземпляры?

— Только подлинные, Вычислитель. Я собирал их в 24-м. Вот эти, например, изданы в 20-м Столетии. Только, пожалуйста, будьте осторожны, если вы захотите на них взглянуть. Хотя они были восстановлены и пропитаны специальным составом, их страницы очень ломки. С ними нужно очень аккуратно обращаться.

— Я не собираюсь к ним даже притрагиваться. Подумать только, что на них сохранилась подлинная пыль Первобытных веков. — Он фыркнул. — Настоящие книги, чудовищно! Со страницами из целлюлозы — вы ведь не станете этого отрицать?

— Да, целлюлоза, пропитанная для долговечности особым составом. — Харлан глубоко вздохнул, стараясь сохранять спокойствие. Было бы нелепо отождествлять себя с этими книгами, воспринимать насмешку над ними, как издевку над собой.

— А ведь, пожалуй, — продолжал Финжи, упорно не желая сменить тему разговора, — все содержание этих книг может быть переснято на два метра пленки и уместиться на кончике пальца. О чем они, эти книги?

— Это переплетенные тома одного журнала, вышедшего в 20-м Столетии.

— Вы умеете читать Первобытные книги?

— Здесь всего лишь несколько томов из моей полной коллекции, — с гордостью ответил Харлан. — Ни одна библиотека в Вечности не может соперничать с ней.

— Да, да. Припоминаю — ваше хобби. Помню, вы как-то рассказывали мне о своем увлечении Первобытной историей. Удивляюсь, как только ваш Наставник позволил вам интересоваться подобной чепухой. Совершенно бессмысленная трата энергии.

Харлан сжал губы. Он понял, что Финжи намеренно пытается вывести его из себя, лишить его способности хладнокровно рассуждать. Этого нельзя было допустить.

— Вы пришли поговорить со мной о моем отчете? — сухо заметил он.

— Вот именно. — Вычислитель огляделся, выбрал стул и осторожно уселся на нем. — Как я уже сказал вам — ваш отчет далеко не полон.

— В каком отношении, сэр?

Спокойствие! Спокойствие!

Финжи криво усмехнулся.

— Мне нужно знать все, о чем вы умолчали, Харлан.

— Ни о чем, сэр. — Хотя он произнес эти слова твердым голосом, вид у него был виноватый.

— Бросьте, Техник! Вы ведь провели значительное время в обществе молодой девицы. Во всяком случае, обязаны были провести по Инструкции. Надеюсь, вы не осмелились нарушить Инструкцию?

Муки совести довели Харлана до такого состояния, что его уже не задело даже открытое сомнение в его профессиональной честности.

— Я следовал Инструкции, — с трудом выговорил он.

— И что же? Вы не включили в отчет ни слова из разговоров с этой женщиной?

— Они не представляют особого интереса, сэр. — Губы Харлана пересохли.

— Не будьте смешным, Харлан. В ваши годы и с вашим опытом вам бы уже следовало знать, что никого не интересует мнение Наблюдателя.

Финжи не сводил с Харлана глаз. Его пристальный взгляд никак не соответствовал мягкому тону его слов.

Харлан великолепно все замечал, и ласковая манера Финжи отнюдь не ввела его в заблуждение, но привычное чувство долга взяло верх. Обязанностью Наблюдателя было сообщать абсолютно все, не умалчивая ни о каких подробностях. Наблюдатель не был человеком; он был просто щупальцем, закинутым Вечностью в воды Времени; щупальцем, которое осязало окружающий мир и затем втягивалось обратно.

Словно отвечая затверженный урок, Харлан начал рассказ о событиях, не включенных им в донесение. Тренированная память Наблюдателя помогала ему слово в слово повторять разговоры, воспроизводя интонацию и выражения лиц. Рассказывая, он словно заново все переживал и совсем упустил из виду, что настойчивый допрос Финжи и болезненное чувство долга загнали его в ловушку. Но когда повествование подошло к кульминационному пункту, он запнулся, не в силах больше скрывать свои чувства под маской бездушной объективности Наблюдателя.

Финжи избавил его от дальнейших подробностей, неожиданно подняв руку и проговорив насмешливым, колючим голосом:

— Благодарю вас. С меня довольно. Вы собирались рассказать, как вы переспали с этой женщиной.

Харланом овладел гнев. Слова Финжи буквально соответствовали истине, но тон, которым они были сказаны, делал все происшедшее грубым, непристой-

ным и, хуже того, пошлым. А в его близости с Нойс не было ничего пошлого.

Однако у Харлана было заранее заготовлено объяснение странному поведению Финжи, его беспокойным расспросам и неожиданному отказу дослушать донесение до конца: Финжи ревновал! У него были свои виды на Нойс, да не вышло.

Гнев перешел в торжество. Как сладок вкус мести! Впервые в жизни Харлана появилось что-то более важное, чем беззаветное служение идеалам Вечности. Финжи придется ревновать и впредь, потому что Нойс и Харлан всегда будут принадлежать друг другу.

В состоянии радостной приподнятости Харлан решил высказать просьбу, с которой прежде собирался обратиться, благоразумно переждав несколько дней:

— Я хочу просить разрешения на союз с женщиной из Времени, сэр.

Эти слова вывели Финжи из задумчивости:

— С Нойс Ламбент, если я верно вас понял?

— Да, Вычислитель. Поскольку вы возглавляете этот Сектор, то моя просьба рано или поздно попадет к вам.

Харлан был доволен, что его просьба попадет к Финжи. Пусть помучается. Если он сам мечтает о союзе с Нойс, ему придется заявить об этом во всеуслышание, и тогда Харлан сможет потребовать, чтобы Нойс предоставили право выбора. Вот когда он окончательно насладится своим торжеством!

Разумеется, в обычных обстоятельствах Техник и думать не смел о том, чтобы встать на пути Вычислителя, но Харлан был уверен в поддержке Твиссела, а Финжи по сравнению с Твисселом — просто мелкая сошка.

Однако Финжи остался невозмутим.

— Мне сдается, что вы и без разрешения уже вступили в противозаконную связь с этой женщиной.

Харлан покраснел и принялся неуклюже оправдываться:

— Инструкция настаивала на том, чтобы мы с ней длительное время оставались наедине. Поскольку ничто из происшедшего специально не запрещалось, я не чувствую за собой никакой вины.

Он лгал. Сознание вины неотступно преследовало его, и по лицу Финжи было видно, что Вычислитель знает об этом и забавляется сложившейся ситуацией.

— Не забывайте, что скоро там произойдет Изменение Реальности,

— В таком случае я буду просить разрешения на союз с мисс Ламбент в новой Реальности.

— Какая чудовищная самоуверенность! Я бы вам не советовал. Что вы знаете об этой Реальности? А вдруг мисс Ламбент окажется замужем или утратит свою красоту? Я даже могу сказать вам точно: в новой Реальности вы ей не будете нужны. Она даже не поглядит в вашу сторону.

Харлана охватила тревога.

— Не вам об этом судить.

— Да? Вы полагаете, что ваша великая любовь — это идеальный союз двух душ, который устоит перед любыми Изменениями? Вы что, начитались там, во Времени, дешевых романчиков?

Харлан утратил остатки осторожности.

— Во-первых, я не верю ни единому вашему слову...

— Что вы сказали? — холодно проговорил Финжи.

— Вы лжете! — Харлану было уже на все наплевать. — Вы ревнуете ее ко мне. Вы сами волочились за нею, только она предпочла меня. Вы просто беситесь от ревности.

— Да вы хоть отдаете себе отчет?.. — начал было Финжи.

— Отдаю. Не такой уж я дурачок, как вы думаете. Я, правда, не Вычислитель, но и не круглый невежда. Вот вы сказали сейчас, что в новой Реальности она не захочет меня знать? А откуда вам это известно? Ведь вы тоже не знаете, какой будет новая Реальность. А вдруг Изменение окажется ненужным? Всего час назад вы получили мой отчет. Его необходимо тщательно проанализировать, прежде чем приступить к вычислениям, не говоря уже о том, что еще предстоит получить одобрение Совета. Поэтому, когда вы строите из себя всезнайку, вы просто лжете.

У Финжи было много возможностей ответить на этот выпад. В разгоряченном воображении Харлана проносилась одна картина за другой, и он не мог даже

ответить, какая из них больше пугает его. Финжи мог просто выйти из комнаты с видом оскорбленного достоинства; он мог вызвать офицера Службы безопасности и арестовать Харлана за оскорбительное поведение; он мог...

Но Финжи ничего подобного не сделал. Тихим и спокойным голосом он произнес:

— Присядьте, Харлан, и выслушайте меня.

И так как эта реакция была совершенно неожиданной, у Харлана отвисла челюсть и он в полном смятении присел на краешек стула.

Что бы это могло значить? Весь его задор как рукой сняло.

— Вы, должно быть, помните, — начал Финжи, — наш разговор о проблемах, возникших в связи с нежелательным предрассудком некоторых обитателей текущей Реальности в отношении Вечности. Вы помните наш разговор, не правда ли?

Он говорил с мягкой настойчивостью педагога, объясняющего урок туповатому школьнику, но Харлану показалось, что он различает злорадный блеск в его глазах.

— Помню, — ответил Харлан.

— Тогда вы должны были также запомнить, что Совет Времен не соглашался с моими рекомендациями и настаивал на их подтверждении путем прямых Наблюдений. Разве из этого не следует, что у меня уже были проделаны все необходимые вычисления?

— А мой отчет содержал это подтверждение?

— Целиком и полностью.

— Все равно для анализа потребуется какой-то срок.

— Чепуха! Вашему отчету — грош цена. Подтверждением явились ваши слова.

— Не понимаю вас.

— Тогда я открою вам, что именно не устраивает нас в текущей Реальности. Среди высших слоев общества, в особенности среди женщин, появилось поверье, что Вечные действительно являются вечными в буквальном смысле слова, что они бессмертны. Не верите? Да ведь Нойс Ламбент сама сказала вам об этом. Пяти минут не прошло, как вы повторили мне ее слова.

Харлан глядел на Финжи невидящим взглядом. Он вспомнил черные бездонные глаза склонившейся над ним Нойс, услышал ее тихий, нежный шепот: «Ты никогда не умрешь. Ведь ты Вечный».

— Подобное поверье само по себе нежелательно, — продолжал Финжи, — но ничего ужасного в нем нет. Конечно, оно приводит к известным неудобствам, затрудняет деятельность Сектора, но Вычисления показывают, что Изменение затронет лишь маленькую группу людей. Тем не менее если это Изменение все-таки произойдет, то в первую очередь ему подвергнутся те, кто заражен подобными суевериями. Иными словами — аристократки, в их числе и Нойс.

— Пусть так, но я все же рискну, — упорствовал Харлан.

— Да у вас не будет даже самого крохотного шанса. Неужели вы действительно воображаете, что своим мужским обаянием вы покорили изнеженную аристократку и она бросилась в объятия Техника? Будьте реалистом, Харлан, взгляните правде в глаза.

Харлан упрямо сжал губы и промолчал.

— Все еще не понимаете? Жаль. Я считал вас умнее. Тогда послушайте. Из своих предрассудков о бессмертии Вечных эти женщины сделали очень странный вывод. Они решили, что интимная близость с Вечным сделает бессмертными их самих.

Удар попал в цель.

Харлан зашатался. Он снова отчетливо услышал голос Нойс: «Сделай меня Вечной...» — и затем ее поцелуи...

— Трудно было поверить, что подобные предрассудки могут сочетаться с высоким уровнем культуры. За всю историю Вечности мы еще не сталкивались ни с чем подобным. Чудовищная, беспрецедентная глупость! Вероятность возникновения таких заблуждений лежит в области случайных ошибок — настолько она мала. Расчеты, по данным последнего Изменения, не дали нам ничего определенного. Поэтому Совет Времен потребовал от меня доказательств — прямого и решительного подтверждения. Для проведения эксперимента я выбрал мисс Ламбент как отличный экземпляр женщин этого круга. В качестве второго объекта я выбрал вас...

Харлан вскочил со стула:

— Вы посмели выбрать меня объектом эксперимента?!

— Я очень сожалею, — холодно сказал Финжи, — но это было необходимо. Из вас вышел совсем неплохой объект.

Взгляд Харлана был настолько выразителен, что Финжи поежился.

— До чего же вы тупы, Харлан! Взгляните на себя: вы — порождение Вечности с рыбьей кровью в жилах. Вы презираете женщин. Все связанное с ними представляется вам безнравственным. Нет, не то. Есть лучшее слово: греховным! В глазах женщин вы по своей привлекательности можете соперничать только с протухшей макрелью.

С другой стороны, очаровательное существо, изнеженное создание гедонистического века, и эта женщина в первый же вечер чуть не силой навязывает вам себя. Вся ваша нелепая интрижка просто немыслима, если только не рассматривать ее как подтверждение моих выводов.

— Вы хотите сказать, что она продалась... — Харлан запнулся.

— К чему такие громкие слова? В этом Столетии другие взгляды, другая мораль. Смешно, конечно, что она выбрала вас, но чего не сделаешь ради бессмертия.

Протянув вперед руки с растопыренными пальцами, Харлан ринулся к Финжи с единственным желанием вцепиться ему в горло. Финжи торопливо отступил на несколько шагов и дрожащей рукой вытащил из кармана аннигилятор.

— Не смейте прикасаться ко мне! Назад! — взвизнул он.

Собрав последние крохи рассудка, Харлан заставил себя остановиться. Он с трудом дышал. Мокрая рубашка прилипла к спине.

Финжи проговорил дрожащим голосом:

— Как видите, я неплохо вас изучил. Я предвидел, что ваша реакция может быть бурной. Только пошевелитесь, и я расщеплю вас на атомы.

— Вон отсюда! — прохрипел Харлан.

— О, я уйду. Но сначала вы меня выслушаете. За нападение на Вычислителя вас следует разжаловать, но пока оставим это. Однако вы должны понять, что я не солгал. Кем бы ни стала Нойс Ламбент в новой Реальности, она будет лишена своих предрассудков. Изменение уничтожит их. А без них, — в его голосе слышалась нескрываемая издевка, — на что вы нужны такой женщине, как Нойс?

И, не сводя с Харлана дула аннигилятора, толстый Вычислитель стал пятиться к выходу. В дверях он задержался и добавил с мрачной иронией:

— Раз уж вам так повезло, то наслаждайтесь своим счастьем, Харлан. Когда еще вам выпадет такая удача? Продолжайте вашу связь, попробуйте даже официально оформить ее. Но торопитесь, торопитесь, скоро наступит Изменение, и тогда уж вам не видать ее больше. Какая жалость, что даже в Вечности нельзя продлить мгновенье! Не правда ли?

Но Харлан даже не смотрел в его сторону. Финжи все-таки выиграл бой и теперь покидал поле сражения торжествующим победителем. Опустив голову, Харлан тупо разглядывал носки своих ботинок. Когда он вновь поднял глаза, Финжи уже не было. Прошло ли после его ухода пять секунд или пятнадцать минут — Харлан сказать не мог.

Несколько следующих часов Харлан был будто в бреду. Все, что сказал Финжи, было горькой и очевидной правдой — слишком горькой и слишком очевидной. Каждое слово, каждый жест Нойс, всплывая в его непогрешимой памяти Наблюдателя, представлялись ему теперь в совершенно ином свете.

Никакой внезапно вспыхнувшей страсти не было и в помине. Как мог он быть настолько глуп, чтобы поверить в ее любовь? Любовь к такому человеку, как он?

Нет, тысячу раз нет! Жгучие слезы стыда и раскаяния застилали ему глаза. Девчонка не лишена привлекательности и совершенно лишена моральных принципов. Хладнокровно и расчетливо она пустила в ход свои чары и добилась успеха. Эндрю Харлан не был челове-

ком в ее глазах, он был всего лишь Вечным. Будь на его месте другой, ничего бы не изменилось.

Длинные пальцы Харлана машинально поглаживали корешки книг, стоявших на маленькой полке. Взяв один из томов, он раскрыл его наудачу.

Шрифт расплывался в глазах. Выцветшие цветные иллюстрации казались уродливыми, бесформенными пятнами.

Зачем Финжи понадобилось сообщать ему эти сведения? Строго говоря, он не имел на это права. Наблюдателю не полагается знать, к чему приводят его Наблюдения. Знание было помехой, отнимающей у Наблюдателя его бездушную объективность.

Ответ был все тот же — ревность; жалкая, мелочная месть; стремление раздавить его.

Продолжая поглаживать раскрытую страницу, Харлан вдруг обнаружил, что разглядывает рекламную картинку с изображением ярко-красного наземного экипажа типа, характерного для 45-го, 182-го, 590-го и 984-го Столетий, так же как и для последних веков Первобытной эры. Весьма заурядное средство передвижения с двигателем внутреннего сгорания. В Первобытные Времена источником энергии служили продукты перегонки природной нефти, а колеса примитивным образом покрывались слоем резины. Экипажи последующих Столетий были, разумеется, более совершенными.

Харлан как-то прочел Куперу целую лекцию о рекламе. Он принялся сейчас вспоминать этот урок, подсознательно стараясь отвлечься от того, что его мучило.

— Рекламные объявления, — говорил Харлан, — рассказывают нам о Первобытных Временах куда больше, чем так называемая хроника из того же журнала. Заметки хроники рассчитаны на читателя, хорошо знакомого со своим миром. В них никогда не разъясняется значение различных терминов или предметов, потому что в этом нет необходимости. Вот, например, что такое «теннисный мяч»?

Купер охотно признался в своем невежестве.

Харлан продолжал привычным назидательным тоном, в который он неизменно впадал во время уроков:

— Из случайных упоминаний мы можем прийти к выводу, что он представлял собой небольшой шар из

неизвестного нам материала. Мы знаем, что он использовался в какой-то спортивной игре, хотя бы потому что упоминания о нем встречаются в разделе «Спорт». Из отдельных упоминаний можно даже заключить, что целью игры было перекинуть этот шар партнеру по игре. Но зачем зря ломать голову? Взгляни на картинку. Ее единственное назначение — заставить купить этот шар, и вот перед нами великолепное его изображение во всех подробностях.

Но Купер, родившийся в эпоху, не знавшую рекламы, с трудом понимал Харлана.

— Все это просто противно, — сказал он. — Неужели найдутся дураки, которые поверят бахвальству человека, расхваливающего собственную продукцию? Неужели он сознается в ее недостатках или воздержится от преувеличений?

Харлан, успевший в детстве немного познакомиться с рекламой в пору ее относительного расцвета, снисходительно поднял брови.

— С этим приходится мириться. Таков уж был их образ жизни, а мы никогда не вмешиваемся ни в чей образ жизни, если только он не приносит человечеству в целом серьезного вреда.

Но, разглядывая крикливые рекламные объявления, Харлан вновь вернулся мыслями к настоящему. Внезапно его охватило волнение. Почему он стал думать о рекламе? Не связано ли это с тем, что его разум мучительно ищет выхода из наступающего мрака?

Реклама! Способ привлечь внимание, развеять сомнения, пробудить интерес. Разве для продавца этих наземных экипажей имело хоть какое-то значение, хочет ли кто-нибудь купить его товар? Если ему удавалось внушить это желание клиенту (так они, кажется, назывались) и тот действительно совершал покупку, то не все ли равно, что он думал о ней?

А раз так, то стоит ли мучить себя вопросом: что руководило Нойс — страсть или расчет? Важно, чтобы они были вместе, и тогда она обязательно полюбит его. Если люди любят друг друга, то не все ли равно, чем вызвана эта любовь? Харлан даже пожалел, что никогда не читал романов, о которых так язвительно отозвался Финжи.

И тут в голову ему пришла новая мысль, заставившая его сжать кулаки. Если Нойс обратилась за бессмертием к нему, Харлану, то из этого следовало, что она не получала этого дара раньше. Значит, до этого она не была любовницей ни одного из Вечных. Значит, по отношению к Финжи она оставалась только секретаршей, и не более. Иначе зачем бы ей понадобился Харлан?

Но ведь Финжи наверняка пытался, не мог не пытаться... (даже мысленно Харлан не мог закончить фразу). Он же мог лично доказать существование этого суеверия. Невероятно, чтобы, ежедневно встречаясь с Нойс, он не сделал такой попытки! Следовательно, она отвергла его.

Тогда ему пришлось использовать Харлана, и Харлан добился успеха там, где Финжи потерпел поражение. Вот почему Финжи так пылал жаждой мести и пытался убедить Харлана, что Нойс действовала из чисто практических побуждений.

Как бы там ни было, Нойс отвергла Финжи, несмотря на свою мечту о бессмертии, и выбрала Харлана. Следовательно, ею руководил не один только голый расчет. Какую-то роль играло чувство.

С каждой секундой возбуждение Харлана становилось все сильнее, намерения — все безумнее.

Он и Нойс должны быть вместе. Теперь же! До Изменения! Как сказал в насмешку Финжи: даже в Вечности нельзя продлить мгновение.

А может быть, все-таки можно?

План действий сложился сразу. Злые насмешки Финжи довели Харлана до такого состояния, что он был готов на все, а заключительная колкость Вычислителя подсказала Харлану характер его преступления.

После этого он уже не тратил времени на размышления. Радостно, чуть ли не бегом он покинул квартиру, чтобы совершить свое первое преступление против Вечности.

Глава 8

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Никто не остановил его. Никто не поинтересовался, куда он идет. Все-таки в социальной изоляции Техников были и свои выгоды. Пройдя через Колодцы к Вратам Времени, Харлан настроил управление на координаты комнаты Нойс. Существовала опасность, что кому-то понадобится на законном основании воспользоваться этим же выходом. После недолгих колебаний Харлан запечатал выход своей личной печатью. На запечатанную дверь никто не обратит внимания: незапечатанные Врата с работающими приборами могут на целую неделю стать предметом толков и пересудов.

Не исключено, конечно, что у выхода его будет поджидать сам Финжи. Приходилось рисковать.

Нойс все еще стояла на том же месте, где он покинул ее. После возвращения в Вечность прошло несколько долгих мучительных часов (по биологическому времени), но для Нойс Харлан появился чуть ли не через секунду после своего исчезновения. Ни один волосок не успел шелохнуться на ее голове.

— Ты что-нибудь забыл, Эндрю? — спросила она с испугом.

Харлан с тоской поглядел на нее, но, боясь заметить на ее лице тень отвращения, не сделал даже попытки прикоснуться к ней. Слова Финжи не выходили у него из памяти.

— Нойс, ты должна будешь сделать то, о чем я тебя попрошу. — Голос его звучал хрипло.

— Значит, все-таки что-то случилось? Ведь ты исчез только что. Сию секунду.

— Не бойся, — ответил Харлан.

Он с трудом подавил желание обнять ее, успокоить, хотя бы взять за руку. Ну зачем ему понадобилось возвращаться в первое же возможное мгновение? Словно какая-то сила все время толкала его на опрометчивые поступки. Он только напугал ее своим неожиданным появлением.

Но в глубине души он хорошо понимал, чем вызвана его торопливость. Инструкция давала ему два запасных дня. Чем раньше он вернется, тем больше шансов на успех, тем меньше вероятность, что он попадется. А с другой стороны, такая спешка таила в себе новую опасность. Он легко мог ошибиться в настройке и войти во Время раньше того момента, когда он покинул Нойс. Что тогда? Первое правило, которое он выучил, работая Наблюдателем, гласило: Человек, дважды входящий в один и тот же отрезок Времени в одной и той же Реальности, рискует встретить самого себя.

Почему-то этого следовало избегать. Почему? Харлан не знал. Он только был совершенно уверен, что у него нет ни малейшего желания встречаться с самим собой. Ему не хотелось взглянуть в глаза другого, более раннего (или позднего) Харлана. Кроме того, это было бы парадоксом, а Твиссел любил повторять: «Во Времени нет ничего парадоксального, но только потому, что Время всячески избегает парадоксов».

И пока в голове Харлана проносились эти бессвязные мысли, Нойс, не отрываясь, смотрела на него своими большими лучистыми глазами. Затем она подошла к нему и, положив свои прохладные ладони на его пылающие щеки, тихо спросила:

— У тебя неприятности?

Каким нежным и любящим показался Харлану ее взгляд! Неужели он ошибается? Ведь она уже добилась своего. Что ей еще нужно? Сжав ее руки, он глухо сказал:

— Хочешь пойти со мной? Только сразу. Не задавая вопросов.

— Так надо? — спросила она.

— Надо, Нойс. Это очень важно.

— Идем, — сказала она так просто и буднично, словно ей каждый день приходилось отвечать согласием на подобные просьбы.

У входа в капсулу Нойс на мгновение замешкалась, но тут же преодолела свой страх и вошла.

— Мы двинемся по течению Времени, Нойс, — сказал он.

— Это значит в будущее, да?

В капсуле раздавалось тихое гудение, свидетельствующее о том, что приборы включены. Харлан незаметно надавил локтем на пусковой рычаг.

Ни с чем не сравнимое чувство «движения» сквозь Время не вызвало у нее тошноты, как опасался Харлан. Она сидела притихшая, спокойная и такая красивая, что при взгляде на нее у Харлана замирало сердце, и плевать ему было на то, что, проведя ее — человека из Времени — в Вечность без специального разрешения, он нарушил закон.

— Эндрю, что означают эти цифры? Годы? — спросила она.

— Нет, Столетия.

— Ты хочешь сказать, что мы перескочили через много тысяч лет? Уже?

— Да.

— Но я ничего не заметила. — Она огляделась. — А как мы движемся?

— Не знаю, Нойс.

— *Не знаешь?*

— В Вечности есть много вещей, которые трудно понять.

Цифры на счетчике Столетий сменялись все быстрее и быстрее, пока не слились в туманное пятно. Харлан разгонял капсулу на предельном темпоральном ускорении. Повышенный расход энергии мог быть замечен на Энергоподстанции, но Харлан сомневался, чтобы кто-нибудь из инженеров заподозрил неладное. Никто не ждал их у входа в Вечность, когда он вернулся вместе с Нойс, и одно это гарантировало девять

десятих успеха. Сейчас ему оставалось только спрятать ее в безопасном месте.

— Вечные не всеведущи, — проговорил он после паузы.

— А я даже не Вечная, — пробормотала Нойс, — я знаю так мало.

У Харлана екнуло сердце. Все еще не Вечная? Но ведь Финжи утверждал...

«Оставь, — просил он себя, — не копайся. Она пошла за тобой. Она улыбается тебе. Не искушай судьбу. Что тебе еще надо?»

И все-таки он спросил:

— Ты веришь в бессмертие Вечных?

— Видишь ли, они сами называют себя Вечными, и поэтому все уверены, что они живут вечно. — Она лукаво улыбнулась. — Но я знаю, что это неправда.

— Значит, ты не веришь?

— После того как я поработала в Вечности, — нет. Люди, которые живут вечно, не разговаривают так, и потом там были старики.

— И все же ты мне сказала той ночью, что я никогда не умру.

Все еще улыбаясь, она придвинулась поближе к нему.

— А я подумала: кто знает?

— А как Времяне относятся к тому, чтобы стать Вечными? — Харлан хотел задать вопрос непринужденно, но в голосе против его воли проскользнула напряженная нотка.

Ее улыбку как рукой сняло. Почудилось ли ему или она действительно покраснела?

— Почему ты спрашиваешь?

— Мне интересно.

— Все это глупые выдумки, — ответила она, — мне не хочется о них говорить.

Нойс опустила голову и принялась рассматривать свои ногти, которые тускло поблескивали в слабо освещенной капсуле.

— Зачем тебе понадобилась моя любовь? — вдруг спросил Харлан.

Она чуть побледнела, откинула назад свои длинные волосы и очень серьезно посмотрела ему прямо в глаза:

— Раз уж тебе так необходимо знать — у нас есть поверье: любовь Вечного делает девушку бессмертной. А я не хочу умирать. Это одна причина.

— Ты же сказала, что не веришь этим бредням.

— А я и не верю. Но ведь попытка — не пытка. Особенно если учесть вторую причину.

Он осуждающе посмотрел на нее, ища спасения от боли и разочарования на неприступных высотах морали своего Столетия.

— Какую?

— Мне все равно хотелось.

— Ты хотела, чтобы я полюбил тебя?

— Да.

— Но почему именно я?

— Ты мне сразу понравился. Ты был такой смешной.

— Смешной?

— Ну, странный. Ты так старался изо всех сил не смотреть на меня, а сам глаз с меня не сводил. Ты воображал, что ненавидишь меня, а я чувствовала, что тебя тянет ко мне. И мне стало немножко жаль тебя.

— При чем тут жалость? — У Харлана пылали щеки.

— Ты так мучился и страдал. А в любви все очень просто. Надо только спросить девушку. Так приятно любить и быть любимой. Зачем же страдать?

Харлан покачал головой: «Ну и нравы в этом Столетьи!»

— Спросить — и все тут, — пробормотал он, — так просто? И больше ничего не надо?

— Глупенький, конечно, надо понравиться девушке. Но почему не ответить на любовь, если сердце свободно? Что может быть проще?

Теперь настал черед Харлана потупить глаза. В самом деле, что может быть проще? Ничего непристойного в этом не было. Во всяком случае, для Нойс и ее современниц. Уж ему-то следовало бы это знать! Он был бы непроходимым кретином, если бы стал допрашивать Нойс о ее прежних увлечениях. С таким же точно успехом он мог бы расспрашивать девушку из своего родного Столетия, не случалось ли ей обедать в присутствии мужчин и было ли ей при этом стыдно?

Слегка покраснев, он смущенно спросил:

— А что ты сейчас думаешь обо мне?

— Ты славный и очень милый, — ответила она. — Если бы ты к тому же пореже хмурил брови... Почему ты не улыбаешься?

— Смешного мало, Нойс.

— Ну, пожалуйста. Я хочу проверить, могут ли твои губы растягиваться. Давай попробуем.

Она положила свои пальчики на уголки его губ и слегка оттянула их. Харлан отдернул голову и не смог удержаться от улыбки.

— Вот видишь. Ничего страшного не случилось. Твои щеки даже не потрескались. Тебя очень красит улыбка. Если ты будешь каждый день упражняться перед зеркалом и научишься улыбаться, то станешь совсем красивым.

Но его улыбка, и без того еле заметная, сразу погасла.

— Нам грозят неприятности? — тихо спросила Нойс.

— Да, Нойс, большие неприятности.

— Из-за того, что у нас было? Да? В тот вечер?

— Не совсем.

— Но ведь ты знаешь, что я одна во всем виновата. Если хочешь, я им так и скажу.

— Ни за что! — энергично запротестовал Харлан. — Не смей брать на себя вину. Ты ни в чем, ни в чем не виновата. Дело совсем в другом.

Нойс тревожно посмотрела на счетчик:

— Где мы? Я даже не вижу цифр.

— *Korga* мы, — поправил ее Харлан. Он убавил скорость настолько, чтобы можно было различить номера Столетий.

Нойс изумленно раскрыла глаза.

— Неужели это верно?

Харлан равнодушно взглянул на Счетчик. Тот показывал 72000.

— Не сомневаюсь.

— Но где же мы остановимся?

— Когда мы остановимся? В далеком-далеком будущем, — угрюмо ответил он, — там, где тебя никогда не найдут.

Они молча смотрели, как растут показания Счетчика. В наступившей тишине Харлан мысленно вновь и

вновь повторял себе, что Финжи намеренно оклеветал ее. Да, она откровенно призналась, что в его обвинении была доля истины, но ведь с той же искренностью она сказала ему, что и сам по себе он ей небезразличен.

Внезапно Нойс встала и, подойдя к Харлану, решительным движением остановила капсулу. От резкого темпорального торможения к горлу подступила тошнота.

Ухватившись руками за сиденье, Харлан закрыл глаза и несколько раз тяжело сглотнул.

— В чем дело?

Нойс стояла рядом, ее лицо было пепельно-серым; две-три секунды она ничего не могла ответить.

— Эндрю, не надо дальше. Я боюсь. Эти числа так велики.

Счетчик показывал: 111394.

— Сойдет, — угрюмо заметил Харлан и, протянув ей руку, добавил с мрачной торжественностью: — Пошли. Я покажу тебе твое новое жилище.

Взявшись за руки, словно дети, они бродили по пустынным помещениям. Тускло освещенные коридоры терялись вдаль. Стоило только переступить через порог, как в темных комнатах вспыхивал яркий свет. Воздух был неподвижен, ни сквозняка, ни дуновения, но его свежесть и чистота свидетельствовали о хорошей вентиляции.

— Неужели здесь никого нет? — тихо спросила Нойс.

— Ни души. — Харлан хотел громким и уверенным ответом развеять свой страх перед «Скрытыми Столетиями», но почему-то и он сбился на шепот.

Они забрались так далеко в будущее, что Харлан даже не знал толком, как это Время называть. Говорить — сто одиннадцать тысяч триста девяносто четвертое — было смешно. Обычно этот период называли просто и неопределенно — «Стотысячные Столетия».

Глупо было в их положении ломать голову еще и над этой проблемой, но теперь, когда возбуждение, вызванное побегом сквозь Время, несколько улеглось, Харлан вдруг с особенной силой почувствовал, что

находится в области Вечности, куда не ступала нога человеческая, и ему стало не по себе. Ему было стыдно за свой испуг; стыдно вдвойне, поскольку Нойс была свидетельницей его страха, но он ничего не мог с собой поделать. От страха противно сосало под ложечкой и по спине бежали мурашки.

— Как здесь чисто, — прошептала Нойс, — даже пыли нет.

— Автоматическая уборка, — ответил Харлан. Ему казалось, что он чуть не надорвал связки от крика, на самом же деле он произнес и эти слова тихим голосом. — И ни одного человека на тысячи Столетий в прошлое и будущее, — добавил он.

По-видимому, Нойс это ничуть не встревожило.

— Неужели везде все устроено так же, как здесь? — спросила она. — Ты обратил внимание — на складах полно продовольствия и всяких запасов, полки библиотеки заставлены фильмокнигами?

— Да, конечно. Каждый Сектор полностью снаряжен и оборудован.

— Но зачем, если в них никто не живет?

— Простая логика, — ответил Харлан. Когда он разговаривал, ему было не так жутко. Выскажи вслух то, что тебя пугает, и это явление, потеряв ореол таинственности, покажется обыденным и простым. — Давным-давно, еще на заре существования Вечности где-то в 300-х Столетиях был изобретен дубликатор массы. Не понимаешь? При помощи специального резонансного поля можно превратить энергию в вещество, причем атомные частицы занимают те же положения — с учетом принципа неопределенности, — что и в исходной модели. В результате получается идеально точная копия предмета.

Вечность приспособила дубликатор для своих нужд. В то время у нас было построено всего шестьсот или семьсот Секторов. Перед нами стояли грандиозные задачи по расширению зоны нашего влияния. «Десять новых Секторов за один биогод» — таков был ведущий лозунг тех лет. Дубликатор сделал эти огромные усилия ненужными. Мы построили один Сектор, снабдили его запасами продовольствия, воды, энергии, начинили самой совершенной автоматикой и запустили

дубликатор. И вот сейчас мы имеем по Сектору на каждое Столетие. Я даже не знаю, насколько они протянулись в будущее — вероятно, на миллиарды лет.

— И все похоже на этот?

— Да, все совершенно одинаковые. По мере расширения Вечности мы просто занимаем очередной Сектор и переоборудуем его по моде соответствующего Столетия. Затруднения возникают только в энергетических Столетиях. Но ты не бойся — до этого Сектора мы еще не скоро доберемся.

Он решил не рассказывать ей о Скрытых Столетиях. Незачем ее пугать. Прочитав на ее лице недоумение, он торопливо добавил:

— Не думай, что строительство Секторов было неразумной тратой сил и материалов. В конце концов расходовалась только энергия, а ее мы черпаем в неограниченных количествах из вспышки Новой...

Она прервала его:

— Нет, дело не в этом. Просто я никак не могу вспомнить.

— О чем?

— Ты сказал, что дубликатор изобрели в 300-х. Но у нас в 482-м его нет, и я никак не могу вспомнить ни одного упоминания о нем в фильмокнигах по истории.

Харлан задумался. Хотя Нойс была всего на два дюйма ниже его, он внезапно почувствовал себя великаном рядом с ней, могущественным полубогом Вечности. Нойс казалась ему маленьким, незащищенным ребенком, и он должен был провести ее по головокружительным тропкам, ведущим к истине, и открыть ей глаза на мир.

— Нойс, дорогая моя, — сказал он. — Давай присядем где-нибудь, и я тебе все объясню.

Представление о том, что Реальность не является чем-то установившимся, вечным и нерушимым, что она подвержена непрерывным изменениям, было не из тех, которые легко укладываются в сознании человека.

В безмолвной тишине бессонных ночей Харлан до сих пор еще нередко вспоминал первые дни Ученичест-

ва и свои отчаянные попытки отрешиться от Времени, разорвать все связи со своим Столетием.

Рядовому Ученику требовалось почти полгода, чтобы узнать и осмыслить правду; понять до конца, что он уже *никогда* (в самом буквальном смысле этого слова) не сможет вернуться домой. И дело было не только в суровых законах Вечности, которые запрещали ему это, но и в неумолимом факте, что того дома, который он знал, могло уже больше не существовать, что в каком-то смысле этого дома вообще не существовало.

На разных Учеников это известие действовало по-разному. Харлан хорошо помнил, как посерело и вытянулось лицо его однокурсника Бонки Латуретта, когда Наставник Ярроу развеял их последние сомнения на этот счет.

В тот вечер никто из Учеников не притронулся к ужину. Они сбились в кучку, словно согревая друг друга теплом своих тел. Никто не заметил отсутствия Латуретта. Было много шуток и смеха, но шутки не получались, а смех звучал фальшиво.

Кто-то произнес робким, дрожащим голосом:

— Выходит, у меня и мамы не было. Если я вернусь к родителям, в 95-е, они, наверно, скажут: «А ты откуда взялся? Мы тебя не помним. Чем ты докажешь, что ты наш ребенок? У нас вообще не было сына. Уходи от нас и не выдумывай».

Они нерешительно улыбались и кивали головами, одинокие мальчики, у которых не осталось ничего, кроме Вечности.

Латуретта обнаружили в постели. Он спал крепким сном. Его дыхание было подозрительно учащенным, а на левой руке виднелась небольшая красная точка, оставшаяся после укола шприца. К счастью, на нее сразу же обратили внимание. Вызвали Наставника, и несколько дней они боялись, что в их классе станет одним Учеником меньше, но все обошлось. Через неделю Бонки уже сидел за партой. Но Харлан был дружен с ним и знал, что рана, оставленная в его душе этой ужасной ночью, так и не зажила.

А теперь Харлану предстояло объяснить, что такое Реальность, девушке, которая, в сущности, была немногим старше тех мальчиков, и объяснить так, чтобы она

поняла раз и навсегда. У него не было выбора. Нойс должна знать, что их ждет и как ей себя вести.

Он начал рассказ. Они сидели в конференц-зале за длинным столом, рассчитанным человек на двадцать, ели консервы, замороженные фрукты, пили холодное молоко, и Харлан рассказывал.

Он пытался смягчить удар, осторожно выбирая выражения, но в этом не было нужды. Нойс схватывала его объяснения на лету, и, еще не дойдя до середины своей лекции, Харлан вдруг с изумлением обнаружил, что ее реакция не так уж плоха. Она не испугалась и не растерялась; она только разозлилась.

От гнева ее бледное лицо слегка порозовело, а черные глаза, казалось, стали еще более черными и бездонными.

— Но ведь это же преступление! — воскликнула она. — Как вы смеете? Кто позволил Вечным распоряжаться нашей судьбой?

— Наша цель — благо человечества, — снисходительно пояснил Харлан.

Конечно, ей всего не понять. Она — человек из Времени с ограниченным кругозором. Как все Времяне, она ничего не видит дальше собственного Столетия. Ему даже стало немного жаль ее.

— Благо человечества? А дубликатор вы тоже уничтожили для нашего блага?

— Пусть судьба дубликатора тебя не беспокоит. Мы сохранили его у себя.

— Вы-то сохранили, а как насчет нас? Ведь мы в 482-м тоже могли бы его иметь.

Она взволнованно размахивала в воздухе двумя маленькими кулачками.

— Вам бы он не принес ничего хорошего. Не волнуйся, дорогая, и послушай меня до конца.

Судорожным движением — ему еще предстояло научиться дотрагиваться до нее, не боясь прочесть на ее лице отвращение, — он схватил ее за руки и крепко сжал их.

Несколько секунд она пыталась вырваться, затем смирилась и даже рассмеялась.

— Продолжай, глупенький, только не смотри на меня так мрачно. Ведь я виню не тебя.

— Тут некого винить, Нойс. Никто ни в чем не виноват. Мы были вынуждены так поступить. Случай с дубликатором — один из классических примеров. Я проходил его еще в школе. Дублируя предметы, можно дублировать и людей. При этом возникают очень сложные и запутанные проблемы.

— Но разве эти проблемы не в состоянии решать само человечество?

— Не всегда. Мы тщательно изучили всю эту эпоху и убедились, что люди не нашли удовлетворительного решения этой проблемы. Не забывай, что каждая неудача сказывается не только на них самих, но и на всех их потомках, на всех последующих обществах. Более того, проблема дубликатора вообще не может иметь удовлетворительного решения. Это одна из тех гадов, вроде атомных войн и наркотических сновидений, которые не имеют права на существование. Их надо вырывать с корнем, когда бы они ни встретились. Дубликатор может принести людям только несчастье.

— Откуда такая уверенность?

— Пойми, Нойс, мы располагаем великолепными Вычислительными машинами. Кибермозг по своим возможностям превосходит все созданное людьми в этой области во всех Реальностях и Столетиях. Он может рассчитывать с учетом влияния тысяч и тысяч переменных, насколько желательна или нежелательна любая Реальность.

— Машина! — презрительно фыркнула Нойс.

Харлан осуждающе посмотрел на нее, но тут же раскаялся.

— Пожалуйста, не веди себя как ребенок. Конечно, тебе неприятно думать, что окружающий тебя мир совсем не так прочен и незыблем, как кажется. Всего год назад, до прошлого Изменения, ты сама и весь твой мир могли быть только тенью вероятности, но разве это что-либо меняет? Ты ведь помнишь свое детство и своих родителей, не правда ли?

— Конечно.

— Так не все ли тебе равно, как ты жила в той Реальности? Я хочу сказать, что результат тот же самый, как если бы ты прожила свою жизнь в соответствии со своими теперешними воспоминаниями.

— Не знаю. Мне надо подумать. А что если мой завтрашний день снова станет лишь сновидением, тенью, призраком, или как ты там его назвал?

— Что ж, тогда будет новая Реальность, а в ней будет жить новая Нойс со своими новыми воспоминаниями. Все будет так, словно ничего не произошло, с той только разницей, что общая сумма человеческого счастья снова немного возрастет.

— Знаешь, меня почему-то это не удовлетворяет.

— Кроме того, — торопливо добавил Харлан, — тебе сейчас ничего не угрожает. Скоро в твоём Столетьи возникнет новая Реальность, но ведь ты сейчас находишься в Вечности, под защитой Поля Биовремени. Изменение не коснется тебя.

— Если, как ты утверждаешь, никакой разницы нет, — угрюмо сказала Нойс, — к чему тогда было затевать эту историю с моим похищением?

— Потому что ты мне нужна такой, какая ты есть, — с неожиданным для себя пылом воскликнул Харлан, — я не хочу, чтобы ты изменилась хоть на самую малость!

Еще немного, и он бы проболтался, что, если бы не ее суеверие относительно Вечных и бессмертия, она даже не поглядела бы в его сторону.

Нойс испуганно оглянулась.

— Неужели мне придется всю свою жизнь провести вот здесь? Мне будет... одиноко.

— Нет, нет, не бойся. — Он с такой силой сжал ее руки, что она поморщилась от боли. — Я выясню твою судьбу в новой Реальности, и ты вернешься обратно, но только как бы под маской. Я позабочусь о тебе. Мы получим официальное разрешение на союз, и я прослежу, чтобы тебя впредь не коснулись никакие Изменения. Я Техник и, говорят, неплохой, так что я немного разбираюсь в Изменениях. И я еще кое-что знаю, — угрожающе добавил он и осекся...

— Но разве это дозволено? — спросила Нойс. — Я хочу сказать, разве можно забирать людей в Вечность, предохраняя их от Изменений? У меня это как-то не вяжется с тем, что ты мне рассказал.

При мысли о десятках тысяч безлюдных Столетий, окружающих его со всех сторон, по спине у Харлана пробежала холодная дрожь. Ему стало жутко. Он по-

чувствовал себя изгнанником, отрезанным от Вечности, которая до сих пор была для него единственным домом и единственной верой; отщепенцем вдвойне, изринутым из Времени и пожертвовавшим Вечностью ради любимой женщины.

— Нет. Это запрещено, — подавленно ответил он. — Я совершил ужасное преступление, и мне больно и стыдно. Но, если бы понадобилось, я повторил бы его еще раз и еще раз...

— Ради меня, Эндрю? Да? Ради меня?

— Нет, Нойс, ради себя самого. — Он сидел, опустив глаза. — Я не могу тебя потерять.

— А если нас поймают? Что тогда?

Ответ на этот вопрос был известен Харлану с той самой ночи в 482-м. Его безумная догадка сулила ему огромное могущество. Но до сих пор он все еще не осмеливался взглянуть правде в глаза.

— Я никого не боюсь, — медленно проговорил он. — Пусть только попробуют тронуть нас! Они даже не подозревают, как много я знаю.

Глава 9

ИНТЕРМЕДИЯ

Последующие дни казались потом Харлану настоящей идиллией. Впрочем, единственное, что в них было идиллического, это часы, проведенные им с Нойс, но они словно окрасили все его воспоминания в розовый цвет. Столько событий произошло в эти бионедели, что все смешалось в его памяти. Ему запомнились только отдельные эпизоды.

Эпизод первый. Вернувшись в Сектор 482-го, он не спеша уложил свои личные пожитки, главным образом одежду и пленки; тщательно и любовно упаковал тома Первобытного журнала.

Переноска его вещей в грузовую капсулу уже заканчивалась, когда к нему подошел Финжи.

— Я вижу, вы нас покидаете. — Как всегда, Финжи безошибочно выбрал самое банальное выражение. Он улыбался, почти не разжимая губ. Руки его были заложены за спину, и он словно шарик покачивался на пухлых ножках.

Даже не взглянув на своего бывшего начальника, Харлан глухо пробормотал:

— Да, сэр.

— В своем донесении Старшему Вычислителю Твисселу я упомяну, что вы провели Наблюдение самым удовлетворительным образом.

Харлан промолчал. Благодарить Финжи было выше его сил.

Финжи продолжал, неожиданно понизив голос:

— Я решил пока не сообщать о вашем нападении на меня.

Несмотря на приторную улыбку и ласковый взгляд, в его голосе явно проскальзывало злорадство.

Пристально посмотрев на него, Харлан ответил:

— Как вам будет угодно, Вычислитель.

Эпизод второй. Он снова обосновался в 575-м. Вскоре после своего возвращения он встретил Твиссела.

Он был почти счастлив снова увидеть эту крохотную фигурку с морщинистым личиком гнома. Даже вид белого цилиндрика, дымящегося между двумя испачканными табаком пальцами, доставил ему удовольствие.

— Вычислитель, — обратился к нему Харлан.

Твиссел, выходявший в этот момент из своего кабинета, несколько минут глядел на Техника, не узнавая его. Было заметно, как сильно он устал; лицо его осунулось, глаза покраснели и ввалились.

— А, Техник Харлан, — сказал он наконец. — Ну как, закончили свою работу в 482-м?

— Да, сэр.

Реакция Твиссела была странной. Он посмотрел на свои часы, которые, как и все часы в Вечности, показывая биологическое время, служили заодно календарем, и произнес:

— Дела идут на лад, мой мальчик, дела идут на лад. Теперь уже скоро.

У Харлана екнуло сердце. В прошлую встречу с Твисселом эти слова не имели бы для него никакого значения. Теперь же ему показалось, что он понимает их скрытый смысл. Твиссел, вероятно, очень устал, иначе его намек не был бы таким прозрачным. А может быть, Вычислитель считает его достаточно загадочным и потому безопасным.

— Как поживает мой Ученик? — Харлан постарался задать этот вопрос как можно более непринужденным

тоном, чтобы не чувствовалась его связь со словами Твиссела.

— Чудесно, чудесно, — ответил Твиссел, но его мысли были заняты чем-то другим. Он торопливо затянулся почти догоревшей сигаретой, отпустил Харлана быстрым кивком головы и заторопился прочь.

Эпизод третий. Ученик.

Купер выглядел старше. Его возмужалость чувствовалась в каждом движении, даже в том, как он со словами «Рад, что вы вернулись, Харлан» протянул ему руку.

А может быть, дело просто в том, что прежде Купер был для Харлана всего только Учеником, а сейчас, зная, какие грандиозные планы с ним связаны, Харлан уже не мог смотреть на него прежними глазами.

Однако выдавать себя не следовало. Они сидели в комнате Харлана, где молочная белизна фарфоровых стен доставляла Технику чисто физическое наслаждение после кричащих аляповатых красок 482-го. Как ни пытался он связать необузданную пышность барокко с воспоминаниями о Нойс, эта безвкусица ассоциировалась в его мозгу только с Финжи. Воспоминания о Нойс связывались у него с атласно-розовыми сумерками и, как ни странно, с аскетической строгостью Секторов в Скрытых Столетиях.

Он торопливо заговорил, словно пытаясь скрыть свои опасные мысли:

— Ну, Купер, чем ты здесь без меня занимался?

Купер засмеялся, застенчиво погладил свои свисающие книзу усы и ответил:

— Математикой, одной лишь математикой.

— Да? Наверно, уже добрался до очень мудреных разделов?

— До самых мудреных.

— Ну и как успехи?

— Пока сносно. Я, знаете ли, усваиваю все довольно легко. Вообще математика мне нравится. Вот

только задания с каждым разом все больше и сложнее.

Харлан кивнул, чувствуя, как крепнет его уверенность.

— Матрицы Темпоральных Полей и все такое прочее?

Но Купер, слегка покраснев, повернулся к книжным полкам и уклонился от ответа.

— Давайте поговорим о Первобытных Временах! Меня интересует несколько вопросов.

— А именно?

— Городская жизнь в 23-м веке. Особенно в Лос-Анджелесе.

— Почему в Лос-Анджелесе?

— Да так, занятный городишко. Вам не кажется?

— Нет, почему же? Но только его надо изучать в 21-м, в пору его наивысшего расцвета.

— Неважно. Меня почему-то больше интересует 23-й век.

— Ладно. Я не возражаю.

Лицо Харлана осталось непроницаемым, но, если бы эту непроницаемость можно было соскоблить, под ней обнажилась бы упрямая уверенность. Его гениальная интуитивная догадка уже не была больше только догадкой. Все подтверждало ее.

Эпизод четвертый. Изыскания. Точнее, двойной поиск.

В первую очередь — выяснить судьбу Нойс. Ежедневно жадными глазами он пробегал донесения, складываемые на стол Твиссела. Копии проектов предполагаемых или запланированных Изменений Реальности в различных Столетиях автоматически направлялись Твисселу как члену Совета Времен, и Харлан был уверен, что ничего не пропустит. Прежде всего он хотел познакомиться с предстоящим Изменением в 482-м, а кроме того, найти проект еще одного Изменения — любого Изменения в любом Столетии, — которое содержало бы какой-то дефект, ошибку, недос-

таток, малейшее отклонение от совершенства, заметное его натренированному глазу.

Строго говоря, эти донесения не предназначались для него, но Твиссел в эти дни редко бывал в своем кабинете, а никто другой не осмелился бы вмешаться в действия его личного Техника.

Такова была первая половина его поисков. Вторая проходила в библиотеке — точнее, в филиале центральной библиотеки, расположенном в 575-м.

Впервые он отважился выйти за рамки тех отделов, которые раньше всецело поглощали его внимание. В прошлом он то и дело наведывался к полкам с пленками, посвященными Первобытной истории — этот раздел был представлен очень скудно, так что большую часть источников ему приходилось выписывать из далекого прошлого, в основном, разумеется, из Секторов, расположенных в конце третьего тысячелетия.

Теперь же он с любопытством бродил среди катушек фильмокниг, посвященных другим проблемам. Впервые он занялся изучением пленок, описывающих само 575-е Столетие: его географию, которая почти не менялась от Реальности к Реальности, историю, менявшуюся в большей степени, и Социологию, претерпевавшую наибольшие изменения. Это не были донесения Наблюдателей или доклады Вычислителей (с ними он более или менее был знаком), а книги, созданные самими Временами.

Среди них были художественные произведения, написанные в 575-м, и их вид напоминал ему бурные дискуссии о влиянии Изменений на произведения искусства.

Вечный вопрос — повлияет ли Изменение на данный шедевр или нет? Если повлияет, то как? Можно ли считать Изменение удачным, если при этом гибнут произведения искусства?

Кстати, возможно ли вообще не субъективное мнение по вопросам искусства? Можно ли свести искусство к количественным показателям, доступным обработке на Вычислительных машинах?

Главным оппонентом Твиссела по этому вопросу был Вычислитель по имени Август Сеннор. Постоянные выпады Твиссела по адресу Сеннора и его воззрений разожгли любопытство Харлана и побудили его прочесть некоторые книги Сеннора. Он был поражен прочитанным.

Сеннор открыто (к полному замешательству Харлана) задавал вопрос: не может ли появиться в новой Реальности личность, аналогичная человеку, взятому из предыдущей Реальности в Вечность? Затем он подвергал анализу возможность встречи Вечного со своим Аналогом во Времени, рассматривая отдельно случаи, когда Вечный знает и не знает об этом. (Здесь он слишком близко подошел к тому, что для каждого Вечного было предметом затаенного страха, и Харлан, беспокоясь, пожившись, торопливо пропустил несколько кадров.) И, разумеется, он уделял много внимания судьбам произведений литературы и искусства при Изменениях Реальности.

Твиссел даже слышать не хотел о подобных вещах.

— Если невозможно рассчитать ценность произведений искусства, — кричал он Харлану, — то какой смысл вести бесконечную дискуссию!

И Харлан знал, что взгляды Твиссела разделяет подавляющее большинство членов Совета Времен.

И все же теперь, стоя перед полками с книгами Эрика Линколлея, называемого обычно самым выдающимся романистом 575-го, Харлан думал именно об этом. Он насчитал пятнадцать Полных собраний сочинений, взятых из разных Реальностей. Было очевидно, что все они чем-то отличаются друг от друга. Один комплект, например, был меньше всех остальных. Харлан подумал, что, верно, добрая сотня Социологов заработала свои звания, проанализировав отличия в этих Собраниях сочинений с точки зрения социологической структуры каждой Реальности.

Харлан побродил немного по выставке приборов и механизмов, изъятых из различных Реальностей 575-го. Он знал, что многие из них были вычеркнуты из Времени и сохранились только в музеях Вечности как образцы человеческого таланта. Вечность была вынуждена

ники всегда доставляло Вечным кучу хлопот. Не проходило биогода, чтобы где-нибудь во Времени ядерная технология не подошла слишком близко к опасной точке: требуя срочного вмешательства со стороны Вечности.

Он вернулся в библиотеку и направился к полке с фильмокнигами по математике и истории ее развития. После некоторого раздумья он отобрал штук пять пленок и расписался за них.

Эпизод пятый. Нойс.

Это была самая важная часть интермедии, ее единственная идиллическая часть.

В свободные часы, после ухода Купера, когда ему разрешалось есть в одиночестве, читать в одиночестве, спать в одиночестве, ждать в одиночестве следующего дня, он пробирался к капсулам.

От всего сердца он радовался особому положению, занимаемому в обществе Техниками. Он был искренне признателен окружающим за то, что они избегали его. Ему даже не снилось, что можно быть настолько благодарным за эту изоляцию и обособленность.

Никто не оспаривал его права находиться в капсуле, никому не было дела, направляется ли он в прошлое или в будущее. Ничьи любопытные глаза не следили за ним, ничья доброжелательная рука не поднималась помочь ему, ничей словоохотливый рот не докучал ему болтовней.

Он был свободен делать все, что ему вздумается.

— Слушай, Эндрю, ты переменялся, — говорила ему Нойс. — Если бы ты только знал, как ты переменялся!

Он смотрел на нее и улыбался.

— В чем, Нойс?

— Да ведь ты улыбаешься. Подумать только — ты улыбаешься! Неужели ты ни разу не видел в зеркале своей улыбки?

— Я боюсь смотреть в зеркало. Я постоянно повторяю себе: не может быть, чтобы я был так счастлив. Я

болен. У меня бред. Я сошел с ума и грежу наяву, не подозревая об этом.

Нойс ущипнула его.

— Чувствуешь что-нибудь?

Он привлек ее к себе и словно утонул в ее шелковистых черных волосах.

Когда он наконец отпустил ее, она произнесла, задыхаясь:

— Вот и еще одна перемена. Ты и этому научился.

— У меня превосходная учительница... — начал было Харлан и осекся, испугавшись, что ей будет неприятен намек на его многочисленных предшественников, которые сделали из нее такую хорошую учительницу.

Но ее звонкий смех не был омрачен подобной мыслью. Они ужинали вместе. В привезенных им нарядах она выглядела очень уютно, почти по-домашнему, и Харлан, не отрываясь, смотрел на нее.

Проследив за его взглядом, она легким движением оправила юбку и сказала:

— Лучше бы ты не делал этого, Эндрю, честное слово.

— Пустяки, это не опасно, — беззаботно ответил он.

— Не нало глупить. Это очень опасно. Я вполне могу обойтись тем, что отыскала здесь... пока ты все не устроишь.

— Почему бы тебе не носить собственные платья и побрякушки?

— Потому что не стоит из-за них выходить во Время и посещать мой дом, рискуя быть пойманным. А вдруг они совершат Изменение, пока ты там?

— Меня не поймают, — нерешительно начал Харлан и уверенно добавил: — А кроме того, мой наручный генератор окружает меня Полем биовремени, так что Изменение не может коснуться меня, понимаешь?

— Нет, не понимаю, — вздохнула Нойс. — Боюсь, что никогда не смогу усвоить эти премудрости.

— Да это же проще простого.

Харлан с увлечением принялся объяснять. Нойс внимательно слушала, но по выражению ее глаз никак

нельзя было понять, действительно ли ее интересуют эти объяснения или же только забавляют.

Эти разговоры стали важнейшей частью жизни Харлана. Впервые он мог с кем-то обсуждать свои дела, мысли, поступки. Она как бы стала частью его самого, его вторым «я», с независимым ходом мыслей и неожиданными ответами и поступками. «Как странно, — думал Харлан, — сколько раз мне приходилось наблюдать такое социальное явление, как супружество, а самое важное всегда ускользало от меня. Ну разве мог я когда-либо вообразить, что бурные вспышки страсти совсем не главное в браке и что такие спокойные минуты вдвоем с любимой таят в себе столько прелести?»

Свернувшись клубочком в его объятиях, Нойс спросила:

— Как продвигается твоя математика?

— Хочешь взглянуть на нее?

— Не убеждай меня, что ты всегда носишь ее с собой.

— А почему бы нет? Поездки в капсулах отнимают много времени. Зачем терять его впустую?

Осторожно высвободив руку, Харлан достал из кармана маленький фильмоскоп, вставил в него пленку и с влюбленной улыбкой смотрел, как она подносит приборчик к своим глазам. Покачав головой, Нойс вернула фильмоскоп.

— В жизни не видела столько закорючек. Как бы мне хотелось уметь читать на вашем Едином межвременном языке!

— Большинство этих «закорючек», как ты их называешь, — ответил Харлан, — вовсе не буквы Межвременного, а просто математические символы.

— Неужели ты их все понимаешь?

В ее взгляде сквозило искреннее восхищение, но, как ни горестно было Харлану разрушать ее иллюзии, он был вынужден сознаться:

— К сожалению, не настолько хорошо, как мне хотелось бы. Но все же достаточно, чтобы понять главное.

Он подкинул фильмоскоп вверх, поймал его быстрым движением руки и положил на маленький столик. Нойс следила за ним жадным взглядом, и внезапно Харлана осенило:

— Разрази меня Время! Ведь ты не умеешь читать на Межвременном.

— Конечно, нет.

— Тогда здешняя библиотека для тебя все равно что не существует. Как мне не пришло это в голову раньше? Тебе нужны пленки из 482-го.

— Нет, нет, я не хочу... — торопливо ответила Нойс.

— Ты их получишь!

— Честное слово, я не хочу. Глупо рисковать ради...

— Ты их получишь! — решительно повторил Харлан.

В последний раз он стоял перед завесой Поля, отделяющего Вечность от дома Нойс в 482-м. Он твердо решил, что этот раз будет последним. Изменение должно было вот-вот наступить. Он скрыл это от Нойс, боясь причинить ей боль.

И все же он сравнительно легко решился на еще одну вылазку во Время. С одной стороны, это была чистая бравада, желание покрасоваться перед Нойс, принести ей фильмокниги, вырванные, так сказать, из львиной пасти; с другой — непреодолимое стремление еще раз «опалить бороду испанского короля», если только эта первобытная поговорка была применима к гладко выбритому Финжи.

В какой-то степени сыграло роль его желание снова окунуться в таинственную чарующую атмосферу обреченного дома. Он уже испытывал это чувство раньше, во время своих предыдущих вылазок. Оно непрестанно преследовало его, пока он бродил по пустым комнатам, собирая одежду, безделушки, странные коробки и непонятные инструменты с туалетного столика Нойс.

В доме царила зловещая тишина обреченной Реальности, и дело было не только в физическом отсутствии

звуков. Харлан не мог предсказать, чем станет этот дом в новой Реальности. Дом мог превратиться в загородный коттедж или в многоэтажный доходный небоскреб где-нибудь в трущобах. Он мог вообще исчезнуть, и прекрасный парк, окружавший его сейчас, мог смениться диким пустырем. Он мог не претерпеть никаких изменений. В следующей Реальности в нем могла жить новая Нойс, ее Аналог (Харлан боязливо отгонял эту мысль), и с таким же успехом могло случиться, что в нем будет жить кто-то другой.

Пять раз он посетил этот дом, и только однажды царившая в нем тишина была нарушена каким-то звуком. Он был в этот момент в буфетной, радуясь, что в данной Реальности слуги не в моде и что поэтому у него одной проблемой меньше. Кончив рыться среди коробок и банок с деликатесами, он подумал, что отобрал уже достаточно для одного раза и что Нойс будет рада возможности разнообразить обильное, но безвкусное меню пустого Сектора своими любимыми блюдами. Он даже громко рассмеялся, вспомнив, что еще не так давно искренне считал эти блюда декадентским извращением. И вдруг, еще продолжая смеяться, он отчетливо услышал резкий отрывистый звук.

Харлан окаменел.

Звук раздался где-то сзади, за его спиной; и пока он стоял не в силах пошевелиться, в его мозгу промелькнули две догадки: сначала он решил, что это случайный вор, и затем ему пришла в голову мысль о гораздо более страшной опасности — это мог быть кто-нибудь из Вечных, посланный сюда для расследования.

Конечно, это не вор. Весь период Времени, отведенный ему Инструкцией, включая два запасных дня, был тщательно проверен и выбран из всех других возможных периодов Времени, именно из-за отсутствия всяких осложняющих обстоятельств. С другой стороны, он произвел микроизменение (а может быть, даже и не микро) тем, что похитил Нойс.

Чувствуя, что сердце вот-вот выскочит у него из груди, Харлан заставил себя обернуться. Ему показалось, что дверь за его спиной только что закрылась,

скользнув у него на глазах на последний миллиметр, прежде чем слиться со стеной.

Он подавил желание открыть эту дверь и обыскать дом. Собрав отложенные банки и коробочки, он стремглав вернулся в Вечность и целых два дня выжидал, прежде чем снова отправиться к Нойс в далекое будущее. Однако этот эпизод не имел никаких последствий, и постепенно он позабыл о нем.

Но сейчас перед выходом во Время, устанавливая ручки настройки на определенные координаты в Пространстве и Времени, он снова вспомнил об этом происшествии. А может быть, ему не давала покоя мысль о совсем уже близком Изменении. Во всяком случае, потом ему казалось, что одно из этих двух обстоятельств и послужило причиной ошибки в настройке. Другого объяснения он придумать не мог.

Ошибка сказалась не сразу. Пройдя сквозь завесу Темпорального Поля, Харлан очутился в библиотеке Нойс.

Он настолько уже проникся сам духом упадка, что у него не вызывали прежнего отвращения изощренные формы и причудливые узоры футляров с фильмокнигами. Названия книг были выведены красивой, но до того замысловатой вязью, что прочитать их можно было только с большим трудом. Практичность и удобство были безоговорочно принесены в жертву моде.

Харлан прочитал наудачу названия нескольких пленок и был изумлен. Одна из книг называлась «Социальная и экономическая история нашего Времени».

Почему-то он никогда не обращал внимания на эту особенность природы Нойс. Ее нельзя было назвать пустой или глупой, но ему в голову не приходило, что ее могут интересовать такие солидные труды. Ему захотелось самому просмотреть эту книгу, но он сдержался. Если он захочет, то всегда найдет ее в библиотеке Сектора. Финжи, подготавливая Изменение, несомненно, отобрал из этой Реальности все сколько-нибудь интересное уже много месяцев назад.

Он отложил пленку в сторону и выбрал после недолгих поисков парочку романов и несколько описаний

путешествий. Прихватив два карманных фильмоскопа, он тщательно упаковал все в свой рюкзак.

И тут он снова услышал, как тишину дома нарушили звуки. На этот раз ошибки быть не могло. То, что он услышал, не было кратковременным шумом непонятно-го происхождения. Кто-то — судя по голосу, мужчина, — громко рассмеялся. В доме был посторонний.

Харлан даже не заметил, как выронил рюкзак. Первой его мыслью было, что он попал в ловушку.

Глава 10

В ЛОВУШКЕ

Положение казалось безвыходным. Судьба словно издевалась над ним. В последний раз совершил он вылазку во Время, в последний раз решил он поиграть с Финжи в прятки; словно кувшин из старинной поговорки, в последний раз отправился он по воду. Надо же было ему попасться именно теперь!

Кто смеялся? Финжи?

Кто еще стал бы выслеживать его, устраивать засаду и теперь упиваться своим торжеством?

Неужели все потеряно? В первое мгновение Харлан был настолько в этом уверен, что ему даже не пришло в голову попытаться улизнуть или вернуться в Вечность. Он решил встретиться с Финжи лицом к лицу. Если понадобится, он убьет его.

Харлан, крадучись, направился к двери, из-за которой слышался смех. Выключив автоматический звуковой сигнал, он осторожно приоткрыл дверь рукой. Два дюйма. Три. Дверь скользила совершенно бесшумно.

В соседней комнате спиной к нему стоял человек. Для Финжи незнакомец был слишком худ и высок ростом, и, к счастью, это обстоятельство вовремя дошло до сознания Харлана и удержало его на месте.

Затем, по мере того как спадало охватившее их обоих в первый момент оцепенение, тот, второй, начал медленно, дюйм за дюймом, поворачивать голову.

Однако, прежде чем он повернулся впол оборота, Харлан, не успев даже как следует разглядеть его

профиль, из последних сил в паническом ужасе отпрянул назад. Автоматический механизм беззвучно закрыл дверь.

Ничего не видя, Харлан пятился от двери. Он тяжело дышал, с трудом заглатывая воздух; сердце колотилось так, точно хотело выпрыгнуть из груди.

Финжи, Твиссел и весь Совет Времен, вместе взятые, не могли бы довести его до подобного состояния. Его лишил мужества вовсе не страх перед реальной опасностью, а скорее инстинктивное отвращение к тому, что могло сейчас произойти.

Он подобрал отложенные пленки и, неловко прижимая их к себе, ухитрился после двух неудачных попыток открыть дверь в Вечность. Ноги сами несли его. Каким-то чудом добрался он до 575-го, а затем до своей комнаты. Звание Техника, которое он только недавно по-настоящему оценил, снова выручило его. Встречные отворачивались и уступали дорогу.

Это было спасением, потому что на его мертвенно-бледном лице застыло выражение ужаса. Никто даже не взглянул в его сторону, и Харлан возблагодарил за это Время, и Вечность, и то слепое нечто, которое сплетает нити человеческой судьбы.

Он не успел как следует разглядеть человека, стоявшего в комнате Нойс, но он был совершенно уверен, что не ошибся.

Когда Харлан впервые услышал шум в доме Нойс, он смеялся, и звук, прервавший его смех, был звуком падения чего-то тяжелого в соседней комнате. Во второй раз кто-то рассмеялся в соседней комнате, и он, Харлан, уронил на пол сверток с пленками. В первый раз он, Харлан, обернулся и увидел, как закрылась дверь. Во второй раз он, Харлан, закрыл дверь, когда незнакомец начал поворачиваться.

Он встретил самого себя!

В один и тот же момент Времени и почти в одном и том же месте он встретил другого, более раннего Харлана, чуть было не столкнулся с ним лицом к лицу. Он допустил ошибку, настроился на уже использованное мгновение, и в результате он встретил самого себя: Харлан встретил Харлана.

Воспоминание о пережитом кошмаре преследовало его много дней, мешая работать. Он обзывал себя трусом и размазней, но ничего не помогало.

Вся его жизнь словно покатилась под уклон. Он мог совершенно точно провести роковую черту, с которой все началось. Неудачи стали преследовать его с того самого мгновенья, когда он в последний раз настроил управление Врат Времени на выход в 482-е и каким-то образом допустил ошибку. С тех пор дела шли плохо, просто скверно.

Изменение Реальности, произведенное в 482-м, только усугубило его уныние. За две прошедшие недели он нашел три проекта Изменений Реальности, содержащих незначительные дефекты, и теперь выбирал между ними, не в силах решиться на активные действия.

Его выбор пал на проект Изменения Реальности 2456—2781, серия В-5 по ряду причин. Из всех трех оно было самым отдаленным во Времени. Ошибка в проекте была незначительной, но она влекла за собой человеческие жертвы. Кратковременная поездка в 2456-е, небольшой шантаж, и он узнает судьбу Нойс в новой Реальности и выяснит, что представляет собой ее Аналог.

Но недавнее происшествие лишило его мужества. Тонко задуманная операция уже не казалась простой и легкой. Допустим, ему удастся выяснить природу Аналога Нойс — что дальше? Вернуть Нойс во Время в образе кухарки, прачки, работницы или кого-нибудь еще? А что делать с самим Аналогом? С ее мужем, если он у нее будет? С ее семьей? С детьми?

Раньше он как-то не задумывался над этими вопросами, всячески избегал их: «Там будет видно...»

Сейчас он не мог думать ни о чем другом.

В состоянии полного упадка он валялся в постели, пренебрегая работой и презирая самого себя, как вдруг на противоположной стене засветился экран видеофона и он услышал голос Твиссела, в котором звучали усталость и недоумение:

— Харлан, что с тобой? Ты болен? Купер сказал мне, что ты пропустил несколько уроков.

Харлан попытался придать себе беспечный вид.

— Нет, Вычислитель Твиссел, я здоров. Немного устал — вот и все.

— Ну что ж, мой мальчик, это простительно.

Чуть ли не впервые за все время их знакомства улыбка почти совсем исчезла с лица Вычислителя.

— Ты уже слышал об Изменении в 482-м?

— Да, — коротко ответил Харлан.

— Финжи говорил со мной и просил передать тебе, что Изменение прошло успешно.

Харлан пожал плечами и вдруг заметил, что Твиссел пристально, в упор, глядит на него с экрана. Ему стало не по себе, и он спросил:

— Вы мне что-то хотите сказать, Вычислитель?

— Нет, ничего, — проговорил Твиссел, и, возможно, бремя прожитых лет отозвалось в его голосе усталостью и печалью. — Я думал... может быть, ты хочешь со мной поговорить?

— Нет, сэр.

— Что ж, тогда мы увидимся с тобой завтра, когда откроется Вычислительный зал. Мне многое надо сказать тебе.

— Да, сэр, — ответил Харлан и еще долго после того, как погас экран, задумчиво смотрел на него.

В словах Твиссела ему послышалась скрытая угроза. Значит, Финжи все-таки говорил с Твисселом. Что же такое он сказал ему?

Но эта внешняя угроза была именно тем толчком, которого ему сейчас не доставало. Бороться с собственным унынием было безнадежно — все равно что сражаться с зыбучими песками, грозя им маленьким прутиком. Бороться с Финжи — другое дело. Впервые за много дней Харлан вспомнил, каким оружием он обладает, и к нему вернулась былая уверенность.

Смена настроений произошла так внезапно, словно закрылась одна дверь и открылась другая. Оцепенение Харлана сменилось бурной деятельностью. Он отправился в 2456-е и, ошеломив Социолога Воя, получил нужную ему информацию. Свою роль он сыграл блестяще. Он узнал все, что хотел. Вернее, даже больше, чем хотел; больше, чем смел надеяться.

Уверенность всегда вознаграждается. В его родном Столетьи была поговорка: «Схватись отважно за крапиву — она врагу дубинкой покажется».

Итак, Нойс не имела Аналога в новой Реальности. Она могла занять свое место в обществе любым удобным, не вызывающим подозрений способом, или она могла остаться в Вечности. Не было никаких причин, по которым ему могли отказать в союзе с ней, кроме чисто теоретического факта нарушения закона, — а он хорошо знал, как отвести это обвинение.

И вот сейчас он мчался в будущее, сгорая от нетерпения увидеть Нойс и сообщить ей эту великую новость, насладиться вместе с ней огромной удачей после мучительных дней отчаяния и тяжелых предчувствий.

Внезапно капсула остановилась.

Она не замедлила свой ход, а просто остановилась, словно наткнувшись на невидимую преграду. Если бы капсула двигалась в Пространстве, мгновенная остановка разбила бы ее вдребезги, докрасна раскалила бы ее металл, превратила бы Харлана в бесформенную кучу поломанных костей, в кровавое пятно на стене.

Но поскольку капсула двигалась во Времени, остановка вызвала только сильную тошноту и такую острую боль в желудке, что он согнулся в три погибели.

Когда боль чуть отпустила, он потянулся к Счетчику. Сквозь плавающий в глазах туман он разглядел циферблат. Счетчик показывал: 100000.

Внезапно его охватил страх. Число было слишком круглым.

Он лихорадочно повернулся к приборам. Что случилось? Но приборы утверждали, что все в порядке, и это напугало его еще больше. Пусковой рычаг был в исправности и находился в крайнем положении, соответствующем движению в будущее с максимальной темпоральной скоростью. Не было никаких признаков короткого замыкания. Ни одна стрелка не перешла за красную черту. Энергопитание не было отключено. Тоненькая стрелка энергометра молчаливо настаивала на том, что потребление энергии по-прежнему составляет миллионы мегаватт.

Что же тогда остановило капсулу?

Медленным, осторожным движением Харлан дотронулся до рычага и перевел его в нейтральное положение. Стрелка энергометра стала на нуль. Он потянул рычаг на себя, стрелка снова пошла вверх, а Счетчик принялся отщелкивать Столетия в обратном направлении.

Назад... еще назад... 99983... 99972... 99950...

Харлан остановил капсулу и снова послал ее в будущее. На этот раз медленно, очень медленно.

99985... 99993... 99997... 99998... 99999... 100000...

Стоп! Счетчик застрял на 100000. Энергия вспышки Солнца потреблялась в фантастических количествах без всякого результата.

Он снова послал капсулу назад, на этот раз еще дальше. Рванулся вперед на предельной скорости. И вновь остановка!

Сквозь стиснутые зубы со свистом прорывалось его дыхание. Харлан чувствовал себя узником, бьющимся в бессильной ярости окровавленной головой о прутья тюремной решетки.

После десятка бесплодных попыток капсула по-прежнему застряла на 100000.

Надо сменить капсулу! Но в глубине души он уже знал, что это бесполезно.

В мертвой тишине 100000-го Столетия Эндрю Харлан вышел из капсулы и выбрал наудачу новый Колодец Времени.

Минуту спустя, сжимая рукоятку, он глядел на число 100000 на Счетчике, теперь уже точно зная, что ему не пройти и здесь.

Его охватило бешенство. Надо же было ему потерпеть поражение именно сейчас, после того, как ему так неожиданно повезло! Проклятие той роковой ошибки все еще тяготело над ним.

Рванув рычаг, он послал капсулу на полной скорости назад, в прошлое. По крайней мере в одном направлении он еще мог двигаться, один путь еще был для него свободен.

Нойс отгорожена от него барьером, Нойс вне его досягаемости, — что еще они могут ему сделать? Теперь ему нечего терять.

В 575-м он выскочил из капсулы и, не разбирая дороги, не глядя по сторонам, кинулся в библиотеку. Там он взял давно облюбованный экспонат и даже не оглянулся — следят за ним или нет. Не все ли равно?

Снова в капсулу и снова в прошлое. План действия сложился сразу. По пути он взглянул на большие настенные часы, показывающие биовремя и номер одной из трех рабочих смен, на которые были разбиты сутки. Финжи сейчас, вероятно, в своей квартире. Что ж, тем лучше!

Когда Харлан наконец прибыл в 482-е, он весь горел как в лихорадке. Рот пересох, словно его набили ватой. Грудь спирало. Но под рубашкой у него было спрятано оружие, которое он прижимал локтем к телу, и это холодное прикосновение металла было единственным ощущением, с которым стоило считаться.

Вычислитель Гобби Финжи взглянул на Харлана, и удивление в его взгляде медленно уступило место беспокорью. Харлан молча смотрел на него, ожидая, когда беспокорье перейдет в страх. Неторопливо сделав несколько шагов в сторону, он оказался между Вычислителем и видеофоном.

Финжи был раздет до пояса. На его голой груди виднелись редкие волоски; грудь была жирной и похожей на женскую. Рыхлый живот выпирал над поясом толстой складкой. Харлан с удовлетворением подумал, что у Вычислителя совсем не величественный, скорее отталкивающий вид. Что ж, так даже лучше.

Правой рукой он судорожно сжимал под рубашкой рукоятку оружия.

— Не стоит поглядывать на дверь, Финжи, — заговорил Харлан. — Никто не заметил меня. Ни одна живая душа не явится вам на помощь. Вам следует понять, что вы имеете дело с Техником. Знаете ли вы, что это значит?

Голос Харлана звучал глухо. Его злило, что в глазах Финжи не было страха, только беспокорье. Вычислитель неторопливо потянулся за рубашкой и, не говоря ни слова, принялся одеваться.

— Известно ли вам, Финжи, какие привилегии связаны со званием Техника? — продолжал Харлан. — Впрочем, откуда вам знать, ведь вы никогда не были

Техником. Самая большая привилегия заключается в том, что Техник становится невидимкой; никто не видит, куда он идет или что он делает. Вечные так усердно отворачиваются при встрече с Техниками, что в конце концов вообще перестают их замечать. Например, я могу пройти в библиотеку Сектора и взять там все, что моей душе угодно, пока библиотекарь будет сидеть, уткнув нос в свои бумаги и боясь даже повернуть голову в мою сторону. Я могу пройти по жилым коридорам 482-го, и все встречные будут отводить глаза, а потом клясться, что никого не видели. Привычка не замечать Техников стала у Вечных второй натурой. Вот почему я могу делать все, что мне вздумается, и ходить туда, куда мне вздумается. Я могу, например, зайти в личные апартаменты Вычислителя, возглавляющего Сектор, под дулом оружия вырвать у него любые признания, и весь Корпус безопасности не в состоянии мне помешать.

Впервые после его прихода Финжи заговорил:

— Что вы там прячете?

— Оружие, — ответил Харлан и вытащил руку из-под рубашки. — Узнаете?

Оружие напоминало старинный пистолет со стволом в виде раструба, который заканчивался блестящим металлическим утолщением.

— Если только вы меня убьете... — начал Финжи.

— Не бойтесь. Я не убью вас, — ответил Харлан. — В прошлую нашу встречу у вас был аннигилятор. У меня в этот раз нечто получше. Эта штука была изобретена в одну из прошлых Реальностей 575-го. Возможно, что вы никогда не слышали о ней. Ее вычеркнули из Реальности. Отвратительная вещь. Это нейронный излучатель. Его также называют — вернее, называли — болеизлучателем. Им можно убить человека, но при малой мощности излучения он воздействует на болевые центры нервной системы и вызывает паралич. Учтите, он заряжен. Я опробовал его на себе. — Харлан показал скрюченный мизинец левой руки. — Могу вас уверить, ощущение было не из приятных.

Финжи беспокойно поежился.

— Сохрани меня Время, что вам от меня нужно?

— Я требую, чтобы вы сняли блокировку Времени в 100000-м.

— Блокировку Времени?

— Нечего притворяться удивленным — вам это все равно не поможет. Вчера вы говорили с Твисселом. Сегодня все Колодцы Времени заблокированы. Я хочу знать, что вы сказали Твисселу. Я хочу знать, что было предпринято в связи с вашим доносом и что еще собираются предпринять. Разрази меня Время, Вычислитель, если вы не скажете мне правду, я с удовольствием пушу в ход излучатель! Считаю до трех, после чего вы убедитесь, шучу я или нет.

— Тогда слушайте... — Финжи слегка заикался, в его голосе слышались нотки страха. — Вы хотите знать правду — так получайте ее. Нам все известно о вас и о Нойс.

У Харлана задрожали веки:

— Что именно?

— Неужели вы думали, что ваши действия останутся незамеченными и безнаказанными? — Финжи говорил, не сводя глаз с боеизлучателя; его лоб покрылся испариной. — Я был бы недостоин звания Вычислителя, если бы после того, что вы натворили в период Наблюдения, не установил за вами слежки. Мы знаем, что вы взяли Нойс в Вечность. Мы знали это с самого начала. Вот вам вся правда — и подавитесь ею!

Никогда в жизни Харлан еще так не презирал себя за собственную тупость.

— Вы знали все с самого начала?

— Да. Мы знаем, что вы прячете ее в Скрытых Столетиях. Каждый раз, когда вы прокрадывались в 482-е, чтобы выкрасть ее тряпки или изысканные блюда, мы знали об этом. Запомните это, жалкий дурак, променявший клятву Вечности на женскую юбку.

— Почему же вы не остановили меня? — Харлан решил испытать чашу унижения до дна.

— Вам все еще мало? — По мере того как надежды Харлана разлетались вдребезги, Финжи, казалось, набирался храбрости.

— Говорите.

— Тогда я скажу вам, что я с самого начала считал вас недостойным звания Вечного. Вы можете быть не-

плохим Наблюдателем или небесталанным Техником, но для Вечного у вас кишка тонка. Я дал вам последнее поручение только для того, чтобы доказать это Твисселу, который по каким-то непонятным причинам цепляется за вас. Ваша работа не была просто проверкой аристократических предрассудков, она одновременно была проверкой вас как Вечного, и вы не выдержали ее, в чем я лично был уверен с самого начала. А теперь спрячьте оружие, этот болеизлучатель, как вы его называете, и убирайтесь отсюда вон.

Все попытки Харлана сохранить остатки собственного достоинства разбивались о злобный взгляд Финжи; ему казалось, что его мозг утратил гибкость и чувствительность, подобно мизинцу левой руки, парализованному болеизлучателем.

— И вы пришли тогда в мою комнату специально для того, чтобы подтолкнуть меня на преступление?

— Вот именно. Точнее, я искушал вас. Я сказал вам тогда чистую правду, что только в той Реальности вы могли сохранить Нойс. Вы предпочли действовать не как Вечный, а как сопливый мальчишка. Впрочем, ничего другого я от вас и не ждал.

— Я бы и сейчас поступил точно так же, — хрипло сказал Харлан. — И поскольку вам все известно, то мне, как вы сами понимаете, терять нечего.

Он приставил болеизлучатель к жирному животу Финжи и проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Что вы сделали с Нойс?

— Понятия не имею.

— Не пытайтесь меня обмануть. Что вы сделали с Нойс?

— Я уже сказал вам, что не знаю.

Харлан что было сил сжал рукоять болеизлучателя, его голос звучал совсем тихо:

— Сначала в ногу. Вам будет очень больно.

— Послушайте, сохрани меня Время, подождите...

— Жду. Что вы сделали с Нойс?

— Нет, послушайте меня. До сих пор ваши поступки были простым нарушением дисциплины. Реальность не пострадала. Я специально проверил это. Вы отделаетесь разжалованием в Работники. Но если вы меня убьете

или нанесете мне телесные повреждения, то за нападение на старшего по званию вас приговорят к смертной казни.

Эта жалкая угроза вызвала на лице Харлана презрительную улыбку. После всего, что случилось, смерть будет для него самым простым и легким выходом.

Но Финжи, очевидно, не понял значения этой улыбки, потому что он торопливо добавил:

— Не думайте, что в Вечности нет смертной казни — раз вы никогда о ней не слышали. Мы, Вычислители, лучше осведомлены. Нам известны десятки преступлений, повлекших за собой смертную казнь. Привести приговор в исполнение очень просто. В каждой Реальности насчитывается немало катастроф, после которых не находят трупов. Ракеты взрываются в воздухе, аэролайнеры тонут в океане или разбиваются вдребезги в горах. Приговоренного помещают внутрь обреченного корабля за несколько минут или секунд до катастрофы. Теперь вы мне верите?

Харлан содрогнулся, но тут же овладел собой.

— Если вы собираетесь запугать меня — не выйдет! Послушайте лучше, что я скажу вам. Никакие наказания мне не страшны. Более того, я собираюсь заключить союз с Нойс. Она нужна мне теперь. В текущей Реальности у нее нет Аналога, и нет никаких причин, по которым мне могли бы отказать в разрешении.

— Союз с Техником. Это против всех обычаев...

— Мы предоставим решать это Совету Времен. — В Харлане наконец проснулась гордость. — Я не боюсь отказа, так же как я не боюсь убить вас. Я ведь не просто Техник.

— Хотите сказать, что вы Техник Твиссела? — На крутом, потном лице Финжи появилось странное выражение — то ли ненависти, то ли торжества, то ли того и другого вместе.

— Нет, причина куда важнее... А теперь... — С мрачной решимостью Харлан положил палец на спусковую кнопку.

— Тогда идите в Совет! — истерично взвизгнул Финжи. — Совет Времен знает все. Объясните им... — У него сорвался голос.

Палец Харлана нерешительно задрожал на кнопке.

— Что вы сказали?

— Неужели вы думаете, что в подобном деле я стал бы действовать в одиночку? Я доложил обо всем Совету сразу же после Изменения Реальности. Вот копия моего донесения.

— Ни с места!

Но Финжи не обратил внимания на этот окрик. Он метнулся к картотеке с такой быстротой, словно в него вселился злой дух. Отыскав кодовый номер нужного отчета, он торопливо набрал его, и из щели в столе поползла серебристая лента, на которой простым глазом можно было разобрать сложный узор точек.

— Хотите прослушать ее? — спросил Финжи и, не дожидаясь ответа, вставил ленту в озвучиватель.

Харлан слушал, окаменев. В своем донесении (вернее, доносе) Финжи ничего не упустил. Насколько Харлан мог припомнить, каждая его поездка во Времени была описана со всеми подробностями.

— А теперь идите в Совет! — закричал Финжи, когда лента кончилась. — Я не блокировал Время. Я даже не знал, что это возможно. И не думайте, что Совет погладит вас по головке. Да, вы правы, я говорил вчера с Твисселом. Но это он вызвал меня, а не я его. Идите, объясните Твисселу, что вы за важная птица. А если вам так уж хочется сначала убить меня, то стреляйте, Время вас побери!

В голосе Вычислителя явственно слышались ликующие нотки. Он чувствовал себя победителем, и в эту минуту ему не был страшен даже болеизлучатель. Почему? Неужели он так сильно ненавидит Харлана? Неужели ревность к Харлану заглушает в нем все остальные чувства, даже чувство самосохранения?

Харлан не успел ответить себе на эти вопросы. Неожиданно Финжи и все связанное с ним потеряло для него всякое значение.

Он сунул болеизлучатель в карман, резко повернулся и, не оглядываясь, направился к ближайшему Колодцу Времени.

Теперь ему предстояло иметь дело с Советом или по крайней мере с Твисселом. Он не боялся их ни порознь, ни вместе взятых.

С каждым днем в нем крепла уверенность в своей незаменимости. Даже Совету Времен придется пойти ему на уступки, если на одной чаше весов будет Нойс, а на другой — судьба Вечности.

Глава 11

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Стремительно выскочив из капсулы в 575-м, Техник Эндрю Харлан, к собственному удивлению, обнаружил, что попал в ночную смену. В безумных метаниях из Столетия в Столетие он даже не заметил, как пролетело несколько биочасов. Непонимающими глазами он смотрел на пустые, тускло освещенные коридоры, свидетельствующие о том, что во всем Секторе бодрствует лишь немногочисленный дежурный персонал.

Плотно прижимая локтем к телу жесткую рукоять болеизлучателя, Харлан остановился перед дверью Твиссела. (Он нашел ее по именной табличке с четкой строгой надписью.) Переведя регулятор звукового сигнала двери на максимальную громкость, он нажал влажной ладонью на кнопку и стоял, не отнимая руки. Даже сквозь дверь он слышал глухое гуденье.

За спиной слышались легкие шаги, но Харлан не обратил на них внимания в полной уверенности, что и этот прохожий, кем бы он ни был, постарается пройти мимо, не заметив его. (О благословенная розовая нашивка Техника!)

Но против ожидания человек остановился за его спиной и вопросительно произнес:

— Техник Харлан?

Харлан круто обернулся. Перед ним стоял Младший Вычислитель из новеньких. Харлан с трудом подавил раздражение. Что поделаешь, здесь не 482-е, где он был рядовым Техником. В 575-м он был Техником

Твиссела, и молодые Вычислители, стремясь снискать расположение великого Твиссела, проявляли какой-то минимум вежливости даже по отношению к его Технику.

— Вы хотите видеть Старшего Вычислителя Твиссела? — спросил Вычислитель.

— Да, сэр, — кисло поморщившись, ответил Харлан. (Что за идиот? А с какой еще стати, по его мнению, он стоит у двери, нажимая на кнопку сигнала? Чтобы вызвать капсулу?)

— Боюсь, что это невозможно, — проговорил Вычислитель.

— Мое дело не терпит отлагательства.

— Не спорю. Но Вычислителя Твиссела сейчас нет в 575-м. Он в другом Времени.

— В каком именно? — нетерпеливо спросил Харлан.

Во взгляде Вычислителя появилась презрительная надменность.

— Мне это неизвестно.

— Но у меня с ним на утро назначена важная встреча.

— Вот именно. — У Вычислителя было такое выражение лица, словно его что-то очень забавляло; однако причина его веселости оставалась полнейшей загадкой для Харлана. Откровенно улыбаясь, Вычислитель продолжал: — Вам не кажется, что вы явились несколько рановато?

— Мне надо срочно с ним встретиться.

Улыбка Вычислителя расплылась еще шире.

— Не беспокойтесь — завтра утром он будет здесь.

— Но...

Вычислитель повернулся, стараясь не коснуться даже одежды Техника, и пошел прочь. Харлан свирепо глядел ему вслед, сжимая и разжимая кулаки. Затем, поскольку все равно больше ничего не оставалось, он медленно, не разбирая дороги, поплелся в свою комнату.

Казалось, ночи не будет конца. Он твердил себе, что ему необходимо выспаться, но уснуть не мог. Почти всю ночь он провел в бесплодных размышлениях.

Прежде всего о Нойс. Он вновь и вновь повторял себе, что они не посмеют коснуться даже волоска на ее голове. Ее не могли отослать обратно во Время, не рассчитав предварительно, как это повлияет на Реальность, а для этого нужны были дни, может быть, даже недели. Правда, с ней могли сделать то, чем Финжи угрожал ему, — поместить за несколько секунд до катастрофы в ракету, обреченную на бесследное исчезновение.

Однако Харлан даже не задумывался всерьез над подобной возможностью. У Совета не было настоящей необходимости прибегать к крайним мерам. Вряд ли они рискнут вызвать его неудовольствие. (В сонной тишине ночи Харлан впал в то полудремотное состояние, в котором ничто уже не кажется удивительным, и ему не показалась странной даже собственная уверенность, что Совет Времен не осмелится вызвать неудовольствие Техника.)

Конечно, с женщиной, находящейся в заключении, многое может случиться. Особенно с красивой женщиной из гедонистического Столетия...

Харлан решительно отбрасывал эту мысль всякий раз, как она приходила ему в голову; подобная возможность была одновременно и более вероятной и более ужасной, чем смертная казнь, и ему было страшно даже думать о ней.

Он стал думать о Твисселе.

Старика нет в 575-м. Где он может находиться в эти ночные часы? Почему он не спит? Старики должны отдыхать.

А вдруг члены Совета совещаются? Что делать с Харланом? Что делать с Нойс? Как поступить с незаменимым Техником, которого до поры до времени нельзя трогать?

Харлан уже не сомневался в правильности своей догадки. Он поджал губы. Даже если Финжи поторопился сообщить о вторичном нападении Техника, его донос ровно ничего не меняет. Новое преступление едва ли может существенно усугубить его вину и насколько не уменьшает его незаменимость.

А Харлан вовсе не был уверен, что Финжи непременно донесет на него. Уже одно то, что Вычислитель струсил перед Техником и все ему рассказал, ставило Финжи в смешное положение, и он вполне мог предпочесть молчание.

Эта мысль навела его на размышления о Техниках как о группе людей с общей судьбой и интересами. В последнее время такие мысли редко приходили Харлану в голову. Его несколько необычное положение личного Техника Твиссела и Наставника Купера отдаляло его от товарищей по профессии. Но другие Техники тоже держались порознь. Почему?

Почему и в 575-м и в 482-м он так редко виделся или разговаривал с другими Техниками? Почему они избегают друг друга: почему ведут себя так, словно разделяют дурацкие предрассудки Вечных в отношении самих себя?

В своих мечтах он уже принудил Совет к капитуляции по всем вопросам, касавшимся Нойс, и теперь выдвигал новые требования. Техники должны получить право создать собственную организацию, они должны чаще встречаться друг с другом, больше дружить; должен быть положен решительный конец их бойкотированию.

Засыпая, он уже видел себя бесстрашным героем-революционером, совершающим рука об руку с Нойс великий социальный переворот внутри Вечности.

Его разбудило настойчивое хриплое бормотанье звукового сигнала. Собравшись с мыслями, Харлан кинул взгляд на маленькие часы над кроватью и глухо простонал.

Разрази его Время! Кончилось тем, что он проспал.

Не вставая с постели, он дотянулся до нужной кнопки, и квадратное окошко в двери обрело прозрачность. Лицо Вечного, стоявшего за дверью, было ему незнакомо, но в нем чувствовались властность и уверенность.

Харлан открыл дверь, и в комнату вошел человек с оранжевой нашивкой Администратора.

— Техник Эндрю Харлан?

— Да, Администратор. У вас есть дело ко мне?

Однако Администратор, казалось, даже не заметил вызывающего тона, которым был задан этот вопрос.

— Вам была назначена на сегодняшнее утро встреча со Старшим Вычислителем Твисселом.

— Ну и что?

— Меня послали сообщить вам, что вы опаздываете. Харлан с удивлением посмотрел на него.

— Послушайте, что все это значит? Ведь вы не из 575-го?

— Я работаю в 222-м, — последовал ледяной ответ, — Помощник Администратора Арбут Лемм. Я отвечаю за организационную сторону мероприятия и во избежание ненужных толков предпочел не пользоваться видеофоном.

— Какое мероприятия? Какие толки? О чем вы говорите? Послушайте, я почти каждый день встречаюсь с Твисселом; он мое непосредственное начальство. Какие толки это может вызвать?

Несмотря на все попытки Администратора сохранить официальную бесстрастность, его взгляд выразил крайнее удивление.

— Разве вы ничего не знаете?

— О чем?

— Сейчас в 575-м происходит заседание Специального Комитета Совета Времен. В нашем Секторе только об этом и говорят.

— Они хотят видеть меня?.. — не успев договорить до конца, Харлан подумал: «Ну, конечно же, они хотят видеть меня. Кому еще, как не мне, может быть посвящено это заседание?»

Теперь он понял, почему так веселился вчера ночью Младший Вычислитель, встретивший его у дверей Твиссела. Вычислитель знал о предстоящем заседании Комитета, и ему смешно было даже подумать, что Техник надеется в подобный момент встретиться с Твисселом. «Очень смешно», — с горечью подумал Харлан.

— Я только повинуюсь полученным мной распоряжениям, — сказал Администратор, — больше мне ничего не известно. — И удивленно добавил: — Неужели вы ничего не слышали?

— Техники отличаются нелюдимостью, они ведут замкнутый образ жизни! — с едким сарказмом ответил Харлан.

Пятеро, не считая Твиссела! Шесть Старших Вычислителей! Шесть Старейшин Совета Времен!

Месяц назад честь завтракать с такими людьми за одним столом ошеломила бы Харлана; мысль об олицетворяемой ими ответственности и могуществе сковала бы ему язык. Они бы казались ему сказочными великанами.

Но сейчас они были его врагами; хуже того — судьями. У него не было времени для благоговейного трепета; ему надо было срочно придумать план действий, выбрать линию поведения.

Члены Совета — если только Финжи вторично не донес на него — могли рассчитывать застать Харлана врасплох. Днем в Харлане окончательно окрепла уверенность, что Финжи не решится сделать из себя пошмешце, публично сознавшись в оскорблении, нанесенном ему Техником.

Как ни мало было это преимущество, пренебрегать им не стоило. Харлан решил выжидать, пока не будет произнесена фраза, знаменующая начало военных действий. Пусть они сами сделают первый шаг.

Однако члены Совета не спешили. Сидя за скромным завтраком, они безмятежно разглядывали Харлана, словно он был интересным экспонатом, подвешенным в музейной витрине на слабых антигравитаторах. С мужеством отчаяния Харлан стал по очереди рассматривать своих сотрапезников.

Он знал всех присутствующих по их прославленным именам, а также по объемным изображениям, которые то и дело попадались в ежемесячных информационных стереофильмах. Эти фильмы предназначались для обмена опытом между Секторами, и Вечные всех рангов, начиная с Наблюдателей, обязаны были регулярно являться на их просмотры.

В первую очередь его внимание привлек Август Сеннор — совершенно лысый человек, даже без бровей и ресниц. С близкого расстояния его безволосое и

безбровое лицо производило еще более странное впечатление, чем со стереозкрana. Кроме того, Харлан много слышал о сильных разногласиях между Сеннором и Твисселом. И наконец, Сеннор не ограничивался разглядыванием Харлана. Он буквально засыпал его вопросами, задавая их резким пронзительным голосом.

Вначале это были невинные риторические вопросы, вроде: «Скажите, молодой человек, почему вас вдруг заинтересовала Первобытная история?» или: «Что дало вам это увлечение?»

Затем он уселся поудобнее в кресле и, сбросив небрежным жестом свою тарелку в люк для грязной посуды, сложил перед собой руки со сплетенными пальцами. (Харлан обратил внимание, что и на руках у него не было волос.)

— Меня давно интересует один вопрос, — начал Сеннор. — Может быть, вы мне поможете.

«Вот оно, началось», — подумал Харлан.

— Если только смогу, сэр, — сказал он вслух.

— Некоторые из членов Совета, — я не хочу сказать, все или даже большинство. — Тут он бросил взгляд на усталое лицо Твиссела, в то время как остальные подвинулись поближе и приготовились внимательно слушать, — но, во всяком случае, некоторые из нас интересуются философскими вопросами Времени. Вы понимаете меня?

— Вы имеете в виду парадоксы путешествий во Времени, сэр?

— Да, если вам больше нравится это мелодраматическое название. Но дело, конечно, не только в парадоксах. Нас интересуют вопросы истинной сущности Реальности, почему при Изменении продолжает действовать закон сохранения массы-энергии и тому подобное. Для нас, Вечных, путешествия во Времени — привычное дело, и это обстоятельство накладывает свой отпечаток на все наши размышления о Времени. А вот милые вашему сердцу Первобытные существа не умели путешествовать во Времени. Что они думали обо всем этом?

С противоположного конца стола донесся громкий шепот Твиссела:

— Мозговые выкрутасы!

Однако Сеннор, казалось, даже не заметил этого выпада.

— Я вас слушаю, Техник, — сказал он.

— В Первобытную Эпоху люди не задумывались над вопросами путешествий во Времени, Вычислитель, — ответил Харлан.

— Не считали их возможными, а?

— Думаю, что так.

— Даже не фантазировали на эту тему?

— Что касается этого, — неуверенно проговорил Харлан, — то мне кажется, что фантазии такого рода встречались в их так называемой научно-фантастической литературе. Я не очень хорошо знаком с ней, но, по-моему, излюбленной темой были приключения человека, который попадает в прошлое и убивает там собственных дедушку или бабушку до того, как появились на свет его родители.

Сеннор был в восторге:

— Великолепно! Просто великолепно! Ведь это фундаментальный парадокс путешествий во Времени, если считать Реальность неизменной. Далее, я осмелюсь утверждать, что вашим Первобытным существам даже в голову не приходило, что Реальность способна изменяться. Не правда ли?

Харлан помедлил с ответом. Его беспокоило, что он никак не может понять, куда клонит Сеннор.

— Моих знаний недостаточно, чтобы ответить вам более или менее определенно, сэр, — произнес он наконец. — Я полагаю, что они допускали возможность существования взаимоисключающих путей развития или же различных плоскостей бытия. Точно не знаю.

Сеннор выпятил нижнюю губу.

— Уверю вас, вы ошибаетесь. Вас, вероятно, ввели в заблуждение некоторые туманные выражения в этих книгах, и вы стали приписывать им свои мысли. Нет, нет, не познав на опыте возможность путешествовать во Времени, человеческий мозг не в силах постигнуть всю сложность понятия Реальности. Вот, например, почему Реальность обладает инерцией? Мы все знаем, что это так. Для того чтобы вызвать Изменение, настоящее Изменение, всякое воздействие должно превы-

силье некую критическую величину. Даже после этого Реальность стремится вернуться к исходному состоянию.

Предположим мысленно, что мы совершили Изменение здесь, в 575-м. Реальность будет меняться во все возрастающей степени примерно до 600-го Столетия. Потом интенсивность Изменения пойдет на убыль, однако его можно будет проследить, скажем, вплоть до 650-го. Дальше Реальность останется неизменной. Мы знаем об этом из опыта, но кто может ответить, почему это происходит? Казалось бы, на первый взгляд, изменения должны накапливаться в возрастающей прогрессии и их влияние должно сказываться на всей последующей истории человечества, но это не так.

Возьмем другой пример. Мне говорили, что Техник Харлан обладает исключительным талантом находить Минимальное необходимое воздействие в любой возможной ситуации. Я готов держать пари, что он не в состоянии объяснить, как он это делает.

Теперь представьте себе, насколько беспомощны были Первобытные люди. Их волновал вопрос о том, можно ли убить своего дедушку, потому что они не понимали, что такое Реальность. Представим себе более вероятную и легче анализируемую ситуацию: путешествуя во Времени, человек встречается самого себя...

— Как вы сказали? «Встречает самого себя»? — возбужденно воскликнул Харлан.

То, что Харлан прервал Вычислителя, само по себе было неслыханным нарушением этикета. Тон, которым были сказаны его слова, делал его выходку неприличной, почти скандальной, и укоризненные взгляды присутствующих обратились в его сторону.

Сеннор поперхнулся, но продолжал говорить. Он закончил прерванную фразу, уклонившись таким образом от необходимости прямо ответить на бестактно заданный вопрос.

— ...и рассмотрим четыре случая, возможных в этой ситуации. Назовем более молодого в биологическом отношении индивидуума А и более старого — Б. Случай первый: А и Б не встречаются друг друга, и действия одного никак не затрагивают другого. Тогда можно

считать, что практически они не встречались, и мы отбросим этот случай как тривиальный.

Случай второй: Б, более поздняя личность, видит А, но А не видит Б. Здесь тоже нельзя ожидать никаких серьезных последствий. Личность А не получает никакой информации о своем будущем. Ничего принципиально нового здесь нет.

Третья и четвертая возможности заключается в том, что А видит Б, но Б не видит А и что А и Б видят друг друга. В каждом из этих случаев наиболее существенным является то, что А видит Б. Человек на более ранней стадии своего биологического бытия видит себя существующим на более поздней стадии. Заметим, что из этого он может заключить, что доживет до возраста Б. Он видит, как Б совершает какое-то действие, и приходит к выводу, что ему предстоит совершить это действие в будущем. Но человек, знающий свое будущее даже в незначительной степени, может начать действовать на основании этого знания и тем самым изменить это будущее. Отсюда следует, что Реальность должна измениться настолько, чтобы их встреча стала невозможной, или же, по меньшей мере, чтобы А не смог увидеть Б. Далее, поскольку никакими способами нельзя обнаружить Реальность, переставшую существовать, то, следовательно, А никогда не встречался с Б. Аналогично в любом явном парадоксе, связанном с перемещением во Времени, реальность всегда изменяется таким образом, чтобы не допустить парадокса, и мы приходим к заключению, что парадоксов, связанных с путешествием во Времени, нет и не может быть.

И Сеннор, явно довольный собой и своими силлогизмами, обвел присутствующих торжествующим взглядом, но в этот момент из-за стола поднялся Твиссел.

— Прощу прощения, — нетерпеливо произнес он, — Время не ждет.

И совершенно неожиданно для Харлана завтрак окончился.

Пятеро членов Комитета встали из-за стола и, распрощавшись с Харланом кивком головы, вышли один за другим из комнаты с видом людей, удовлетворивших свое любопытство. Только Сеннор присовокупил к кивку крепкое рукопожатие и грубовато проворчал:

— Счастливого оставаться, молодой человек.

Со странным чувством Харлан смотрел, как они покидают комнату. Зачем было приглашать его на завтрак? Зачем надо было упоминать о человеке, встречающем самого себя? О Нойс не было сказано ни слова. Неужели они собрались только посмотреть на него? Оглядели его с головы до ног и предоставили Твисселу принимать окончательное решение.

Твиссел вернулся к столу, с которого уже исчезла посуда и пища. Они остались с Харланом вдвоем, и словно для того чтобы подчеркнуть это обстоятельство, Твиссел закурил новую сигарету.

— А теперь за работу, Харлан, — сказал он. — У нас сегодня большой день.

Но Харлан уже не мог и не хотел ждать. Он решил «взять быка за рога».

— Прежде чем мы что-либо начнем, мне необходимо поговорить с вами.

Твиссел удивленно посмотрел на него, сощурил свои выцветшие глазки и задумчиво стряхнул пепел.

— Разумеется, мы поговорим, если ты этого хочешь, — сказал он, — только сначала сядь, сядь и рассказывай.

Но Техник Эндрю Харлан был уже не в состоянии сидеть. Он шагал взад и вперед вдоль стола, выпаливая фразу за фразой, изо всех сил пытаясь не сбиться на нечленораздельное бормотание. Старшему Вычислителю Твисселу, не сводившему с него глаз, приходилось то и дело поворачивать за ним голову, похожую на перезревшее яблочко.

— Вот уже несколько недель, — говорил Харлан, — как я просматриваю пленки по истории математики. Я изучаю книги из ряда Реальностей 575-го. Реальности разные; но математика все та же. Ни последовательность, ни характер ее развития не меняются; меняются только имена, одни и те же открытия в разных Реальностях делают разные люди, но конечные результаты... Как бы там ни было, а мне удалось подметить эту интересную закономерность. Что вы о ней скажете?

— Странное занятие для Техника, — произнес Твиссел, нахмурившись.

— Но ведь я не простой Техник, — возразил Харлан, — и вам это отлично известно.

— Продолжай, — сказа́д Твиссел, взглянув на часы. Его пальцы с необычной для него нервозностью крутили сигарету.

— Давным-давно, еще в Первобытные Времена, — продолжал Харлан, — жил в 24-м Столетии один человек по имени Виккор Маллансон. Более всего он известен тем, что ему первому удалось получить Темпоральное Поле, или Поле Времени. Отсюда, разумеется, следует, что он основал Вечность, поскольку Вечность — это всего лишь обширное Темпоральное Поле, в котором обычное Время замкнуто накоротко и на которое не распространяются физические законы обычного Времени.

— Мой мальчик, тебя учили этому еще в школе.

— Но меня не учили в школе, что Виккор Маллансон никак не мог получить Темпоральное Поле в 24-м веке. Ни он и никто другой. Тогда еще не существовало необходимой математической базы. Фундаментальные уравнения Лефевра могли быть выведены только после появления в 27-м Столетии работ Жана Вердые.

Для Старшего Вычислителя Твиссела существовал только один способ выразить свое крайнее удивление — выронить сигарету, что он и сделал. Даже улыбка куда-то исчезла с его лица.

— Разве ты изучал уравнения Лефевра, мой мальчик?

— Нет. И я не стану вас уверять, что понимаю их. Но я усвоил одно, без них нельзя создать Темпоральное Поле. И еще: они не могли быть открыты до 27-го века. Это я тоже знаю твердо.

Твиссел нагнулся за упавшей сигаретой и задумчиво посмотрел на нее.

— А что если Маллансон получил Темпоральное Поле, даже не подозревая о связанных с этим математических трудностях? Что если это было чисто эмпирическим открытием? В истории наук известно немало подобных примеров.

— Я и об этом подумал. После того как Поле было открыто, потребовалось почти триста лет, чтобы разработать соответствующую теорию, и за все это время

первоначальная установка Маллансона не претерпела никаких изменений или усовершенствований. Даже при беглом знакомстве с этой установкой становится ясно, что при ее создании были использованы уравнения Лефевра. Но если Маллансон знал о них или вывел их самостоятельно, что совершенно невозможно без работ Вердье, то почему он нигде не говорит об этом?

— Ты упорно хочешь рассуждать как математик, — сказал Твиссел. — От кого ты узнал эти подробности?

— Я читал пленки.

— Только-то и всего?

— Еще размышлял.

— Без специальной математической подготовки? Ну, знаешь, мой мальчик, я внимательно следил за тобой много лет, но даже не подозревал о твоих талантах в этой области. Продолжай.

— Пункт первый: Вечность не могла бы возникнуть, если бы Маллансон не создал Темпоральное Поле. А Маллансон не мог сделать своего открытия, не зная специальных разделов математики, разработанных гораздо позднее.

Пункт второй: в настоящее время здесь в Вечности есть Ученик, который был взят в Вечность в нарушение всех существующих правил, поскольку он не подходит по возрасту и вдобавок женат. Вы обучаете его математике, а я — Первобытной Социологии.

— Ну и что из этого?

— Я утверждаю, что вы собираетесь каким-то образом послать его в прошлое, за нижнюю границу Вечности, в 24-е Столетие. Вы хотите, чтобы этот Ученик — Бринсли Купер — обучил Маллансона уравнениям Лефевра. Следовательно, вы должны понять, что мое исключительное положение как специалиста по Первобытным Временам и как человека, понимающего, что здесь происходит, позволяет мне рассчитывать на особое ко мне отношение. На совершенно особое отношение.

— Святое Время! — пробормотал Твиссел.

— Я ведь угадал, не так ли? Только с моей помощью вы можете замкнуть круг, иначе... — Он намеренно не закончил фразу.

— Ты очень близок к истине, — сказал Твиссел, — хотя я бы мог поклясться, что ничем... — Он впал в задумчивость, в которой ни окружающий его мир, ни Харлан не играли, казалось, никакой роли.

— Только лишь близок к истине? То, что я сказал, и есть истина. — Харлан даже не мог сказать, откуда у него взялась такая уверенность.

— Нет, нет, ты вплотную подошел к разгадке, но не сделал еще самого последнего шага. Ученик Купер не отправляется в 24-й век учить чему-либо Маллансона.

— Я вам не верю.

— Но ты должен мне поверить. Ты должен понять всю важность нашего дела. Для того чтобы успешно завершить проект, мне необходима твоя помощь. Видишь ли, Харлан, крут почти замкнут, ситуация гораздо сложнее, чем тебе кажется. Дело в том, что Ученик Бринсли Шеридан Купер и *есть* Виккор Маллансон!

Глава 12

НАЧАЛО ВЕЧНОСТИ

Харлан был настолько уверен в полной непогрешимости своих умозаключений, что слова Твиссела прозвучали для него как гром с ясного неба. Неужели он ошибся?

— Купер... Маллансон?... — растерянно пробормотал он.

Твиссел спокойно докурил сигарету, извлек новую и продолжал:

— Да, Маллансон. Хочешь, я расскажу тебе в двух словах его биографию? Вот послушай. Маллансон родился в 78-м Столетьи, два года провел в Вечности и умер в 24-м.

Своей маленькой ручкой Твиссел слегка сжал локоть Харлана, и на морщинистом лице карлика еще шире расплылась неизменная улыбка.

— Пойдем, мой мальчик. Бювремя летит, и даже мы не властны над ним. Сегодня мы с тобой не принадлежим себе. Наш разговор мы продолжим в моем кабинете.

Твиссел вышел из комнаты, и Харлан, не успев как следует прийти в себя, последовал за ним, не разбирая дороги, не замечая ни движущихся лестниц, доставлявших их с этажа на этаж, ни дверей, автоматически открывавшихся при их приближении. С лихорадочной поспешностью он перестраивал свой план действий, приспособлявая его к услышанной новости. После краткого периода растерянности прежняя уверенность с

новой силой овладела им. В конце концов ничего не изменилось, разве только его позиция стала более прочной, а сам он еще более незаменимым. Теперь-то ему уж ни в чем не посмеют отказать. Хотят они или не хотят — им придется вернуть ему Нойс.

Нойс!

Разрази его Время, пусть только попробуют ее тронуть!

Жизнь без Нойс потеряла для него всякий смысл. Все идеалы Вечности — пропади она пропадом! — не стоят волоска на ее голове!

Харлан вдруг обнаружил, что он стоит посередине кабинета Твиссела. Несколько секунд он растерянно оглядывался по сторонам, пытаясь остановить свой взгляд на каком-то предмете в хаосе примелькавшихся вещей, ухватиться за него, как за соломинку, обрести под ногами твердую почву. Тщетные усилия! Все происходящее по-прежнему казалось ему частью несуразного затянувшегося сна.

Кабинет Твиссела представлял собой большую, длинную комнату; в ослепительной чистоте ее фарфоровых стен было что-то больничное. Одна из длинных стен от пола до потолка была заставлена блоками Вычислительной машины, представляющей собой крупнейший Кибермозг в индивидуальном пользовании и едва ли не самый крупный во всей Вечности. Противоположная стена была занята стеллажами, снизу доверху забитыми катушками пленки со справочной литературой.

Свободным между этими двумя стенами оставался только узенький проход, перегороженный письменным столом с двумя креслами. На столе громоздились друг на дружку дешифраторы, фильмоскопы, фонографы и прочая аппаратура. Помимо них, на столе стоял какой-то непонятный предмет, назначение которого Харлан никак не мог себе уяснить, пока Твиссел не кинул в него остатки докуренной сигареты.

Окурок бесшумно вспыхнул, но, прежде чем он догорел, Твиссел с ловкостью фокусника уже успел вытащить и закурить новую сигарету.

Хватит ходить вокруг да около, подумал Харлан и заговорил несколько громче и агрессивнее, чем, может быть, следовало:

— У меня есть девушка. Она из 482-го...

Твиссел нахмурился и быстро замаха л руками, как человек, пытающийся уклониться от неприятного разговора:

— Знаю, все знаю. Ей ничего не сделают. Тебе тоже. Все обойдется. Даю слово.

— Вы хотите сказать?..

— Я уже сказал — мне все известно. Если тебя волнует только это, тогда успокойся.

Харлан изумленно посмотрел на старика. Только-то и всего? Так просто? Несмотря на то что в мечтах он неоднократно репетировал эту сцену, он все же не ожидал таких быстрых и неоспоримых доказательств своего могущества.

Но Твиссел уже снова заговорил:

— Позволь мне рассказать тебе одну историю. — Судя по тону, можно было подумать, что он разговаривает с только что поступившим Учеником. — Вот уж никогда не думал не гадал, что мне придется ее рассказывать тебе. Впрочем, и сейчас в этом нет особой необходимости, но ты заслужил мой рассказ своими исследованиями и недюжинной проницательностью.

Он остановился и испытующе посмотрел на Техника.

— Ты знаешь, мне все еще не верится, что ты пришел к этим выводам совершенно самостоятельно.

Немного помолчав, он продолжал:

— Человек, которого большинство Вечных знает под именем Виккора Маллансона, оставил записки о своей жизни. Эти записки трудно назвать дневником или автобиографией. Скорее всего, они представляют собой руководство, адресованное Вечности, которая, как он знал, должна была возникнуть через несколько веков после его смерти. Это своеобразное завещание было оставлено в особом непроницаемом сейфе, секрет которого известен только Вычислителям. Рукопись пролежала там в полной неприкосновенности свыше трех Столетий, и только после основания Вечности Старший Вычислитель Генри Уодсмен — гениальный Генри Уодсмен, первый из великих деятелей Вечно-

сти, — открыл сейф и, прочитав эти записки, сразу понял их колоссальную важность. С тех пор эта рукопись как секретнейший документ передавалась в течение многих поколений одним из Старших Вычислителей его преемнику, пока не попала в мои руки. Эти записки среди посвященных в тайну получили название «Мемуара Маллансона».

В них рассказывается история жизни человека по имени Бринсли Шеридан Купер, который родился в 78-м и был взят Учеником в Вечность в нарушение всех правил в возрасте двадцати трех лет после того, как он был свыше года женат, но — к счастью — не имел детей.

Попав в Вечность, Купер изучал матричное исчисление Темпоральных Полей под руководством одного из Старших Вычислителей, а личный техник этого Вычислителя давал Куперу уроки Первобытной истории и Социологии. В мемуаре говорится, что Вычислителя звали Лабан Твиссел, а Техника — Эндрю Харлан. После того как Купер основательно овладел обеими дисциплинами, его послали в далекое прошлое, в 24-е Столетие, с заданием обучить некоторым разделам математики Первобытного ученого по имени Виккор Маллансон.

Оказавшись в 24-м, Купер долго и осторожно приспособлялся к окружающей обстановке, изучая непривычные нравы и образ жизни. Постепенно он превратился в настоящего аборигена. Немалую роль в этом превращении сыграли познания, полученные под руководством Техника Харлана. С особой благодарностью Купер вспоминает советы Вычислителя Твиссела, который с нечеловеческой проницательностью предвидел многие из ожидавших его трудностей.

После двух лет напряженных поисков Купер нашел Виккора Маллансона. Тот жил незлым затворником в маленькой хижине, затерянной в глуши лесов Калифорнии. У Маллансона было много странностей и чудачеств, но он обладал смелым и нешаблонным умом. Очень осторожно, шаг за шагом, Купер завоевал его доверие и постепенно приучил его к мысли, что перед ним посланник из будущего. Так начались их совместные занятия. Купер обучал Маллансона уравнениям

Лефевра и технологии Темпоральных генераторов и исподволь готовил его к предстоящей роли. Судя по воспоминаниям Купера, этот период его жизни был не из легких. Ему приходилось принаравливаться к привычкам Маллансона и терпеливо сносить резкие смены настроений своего подопечного. Немало трудностей доставляли Куперу и сами условия жизни. Они жили в глухой, безлюдной местности, которую не пересекали направленные энергопучки, и поэтому им приходилось довольствоваться старинным, ветхим электрогенератором, работавшим на дизельном топливе. Насколько примитивными были устройства, используемые ими для отопления, освещения, приготовления пищи и тому подобного, ты можешь судить хотя бы по тому, что эти устройства приходилось соединять с электрогенератором при помощи металлических проводов.

Но время шло, а обучение подвигалось туго — то ли первобытный ум Маллансона с трудом осваивал непривычные понятия, то ли педагогические таланты Купера оказались не из блестящих. С каждым днем Маллансон становился все более недоверчивым и нелюдимым. Купер с ужасом чувствовал, что теряет с таким трудом завоеванные позиции, как вдруг разразилась совершенно непредвиденная катастрофа — Маллансон погиб, сорвавшись при невыясненных обстоятельствах со скалы в пропасть. Несколько недель Купер провел в состоянии беспробудного отчаяния; ему казалось, что все рухнуло; Вечность никогда не будет создана, и человечество обречено на гибель. И тогда у него возник дерзкий замысел. Он скрыл смерть Маллансона. Поселившись в хижине покойного, он приступил к созданию из подручных материалов генератора Темпорального Поля. Как ему это удалось — для нас несущественно. После долгих лет упорного труда, проявив чудеса терпения и изобретательности, Купер построил генератор и отправился с ним в Калифорнийский технологический институт, тот самый, куда он много лет назад собирался послать Маллансона.

Дальнейший ход событий тебе известен со школьной скамьи. Его встретили насмешками и недоверием; все ведущие ученые наотрез отказались даже обсуждать его изобретение. Ты должен помнить, как настоя-

чивость Купера привела к тому, что его поместили в психиатрическую лечебницу, откуда он бежал, чуть было не потеряв свой генератор, и как его спас и приютил владелец придорожного кафе. Этот человек, имя которого нам неизвестно, сейчас один из героев Вечности. Ты должен был проходить в школе, как Куперу удалось уговорить профессора Цимбалиста на проведение одного-единственного эксперимента, в котором белая мышь перемещалась взад и вперед во Времени. Я не буду докучать тебе общеизвестными подробностями.

Боясь выдать свое истинное происхождение, Купер воспользовался именем Виктора Маллансона. Труп настоящего Маллансона так и не нашли. Весь остаток жизни Купер посвятил незначительным усовершенствованиям генератора Темпорального Поля. С его помощью ученые Института построили еще несколько генераторов. На большее он не осмеливался. Он не мог написать уравнения Лефевра — для того, чтобы их смогли понять, математике предстояло развиваться еще триста лет. Он не мог намекнуть, откуда он, — его бы снова засадили в сумасшедший дом. Ему нельзя было делать больше того, что в свое время, насколько он знал, сделал настоящий Виктор Маллансон.

Ученые, работавшие с Купером, были обескуражены, они не верили в чудеса, но перед ними был гений, который добивался фантастических результатов и не умел объяснить, как и почему он что-либо делает. И сам Купер тоже был обескуражен, потому что он ясно представлял, не будучи в состоянии хоть как-то помочь, тот грандиозный путь, который предстояло пройти науке до классических экспериментов Жана Вердье, на основании которых великий Антуан Лефевр впоследствии выведет свои фундаментальные уравнения Реальности. Постепенно Купер смирился с мыслью, что Вечность для него недостижима.

И только уже на самом склоне лет, глядя в один прекрасный вечер, как Солнце опускается в воды Тихого океана — этот эпизод подробно описан в мемуаре, — Купер вдруг понял, что он и есть настоящий Виктор Маллансон. Биография Маллансона, которую он изучал в Вечности, во всех деталях совпала с его

собственной жизнью в 24-м Столетьи. Человек, вошедший в историю под именем Виктора Маллансона, гениальный первооткрыватель Темпорального Поля, на самом деле был Бринсли Шериданом Купером.

Это великое прозрение вдохновило Купера на создание его мемуара. Целью мемуара было рассказать Вечным истинную историю возникновения Вечности; сделать процесс основания Вечности более простым и безопасным; помочь своему будущему Аналогу избежать многочисленных трудностей, которые встретятся на его пути. Написав свое завещание, Купер спрятал его в маленьком изготовленном им самим времянепроницаемом сейфе в своей комнате.

Так был замкнут круг. Разумеется, мы не можем и не будем считаться с теми намерениями, которые руководили Купером-Маллансоном при написании его мемуара. Куперу предстоит прожить свою жизнь в точности так же, как он прожил ее. Первобытная Реальность не терпит никаких Изменений. В настоящий момент биовремени Купер даже не подозревает о том, что его ждет. Он искренне верит, что после непродолжительного периода обучения Маллансона он возвратится в Вечность. Всю свою жизнь он будет мечтать о возвращении в Вечность и только в самом ее конце поймет свою ошибку и напишет «Маллансоновский мемуар».

Замыкание круга во Времени преследует важную и благородную цель — спасти человечество от гибели. Мы должны раскрыть людям тайну путешествий во Времени и основать Вечность задолго до того, как это позволит сделать естественный ход развития науки. В противном случае предоставленное самому себе человечество не познает истинной природы Времени и Реальности, пока не будет слишком поздно. Развитие науки и техники в других направлениях без контроля Вечности приведет человечество к неизбежному самоуничтожению.

Харлан весь превратился в слух; его воображение было потрясено величественной картиной грандиозного круга Времени, который пересекает Вечность и замыкается в ней на себя.

— Значит, вы с самого начала знали все? То, что предстоит сделать вам? То, что предстоит мне? Значит, вы давно уже знали все, что я сделал?

Твиссел сидел, погружившись в глубокую задумчивость, уставясь невидящим взором на голубоватое облачко табачного дыма, но вопрос Харлана вернул его к действительности. Его пронизательные старческие глазки укоризненно посмотрели на Техника.

— Я не ждал от тебя такого наивного вопроса. Между пребыванием Купера в Вечности и созданием мемуара прошли десятки лет по биологическому Времени. Купер мог вспомнить лишь немногие события, очевидцем которых ему довелось быть. Он никак не мог вспомнить того, чего *никогда не знал*.

Твиссел глубоко затаился, выпустил тоненькую струйку дыма и разбил ее на множество маленьких завихрений быстрыми движениями узловатых пальцев.

— Все шло как по маслу. Вначале нашли и взяли в Вечность меня. Затем через много биолет я стал Старшим Вычислителем, и тогда мне вручили мемуар и поставили во главе проекта. Я должен был возглавить проект — ведь в мемуаре говорилось, что я возглавлял его. Снова шли биогоды. Затем после очередного Изменения в 95-м появился ты (мы внимательно следили за твоими Аналогами в предыдущих Реальностях). Потом мы нашли Купера.

Мелкие подробности, не указанные в мемуаре, мне пришлось домысливать самому, пользуясь иногда Кибермозгом, но чаще — собственным здравым смыслом. Если бы ты только знал, сколько осторожности пришлось мне проявить, инструктируя твоего Наставника Ярроу, — я не мог доверить ему величайший секрет Вечности. Ярроу, в свою очередь, пришлось проявить немало хитрости и изобретательности, поощряя, в соответствии с моими инструкциями, твое увлечение Первобытной историей.

Как тщательно приходилось следить за Купером, чтобы он — сохрани Время! — случайно не получил лишних сведений, которых, судя по мемуару, у него раньше не было! — Твиссел печально улыбнулся. — Сеннор, вот кто любит философствовать на такие темы. Он называет это «обращением причины и следствия».

Нам, мол, известно следствие, поэтому мы подгоняем под него причину. К счастью, я не погряз подобно Сеннору в паутине метафизики.

Я был очень рад, мой мальчик, когда из тебя получился отличный Техник. В мемуаре об этом не было сказано ни слова, поскольку Купер не видел твою работу и не мог судить о ней. Твои таланты пришлось весьма кстати. Они как бы оправдывали особое к тебе отношение. Благодаря им твоя исключительно важная роль в судьбах Вечности была не так заметна. Даже просьба Финжи направить тебя к нему и та пригодилась. Купер упоминает в мемуаре о твоём длительном отсутствии, во время которого его занятия математикой сделались настолько интенсивными, что он с нетерпением ожидал твоего возвращения. Но один раз ты здорово напугал меня.

— Когда я взял Купера в капсулу?

— Как ты догадался? — потребовал ответа Твиссел.

— Это был единственнейший случай, когда вы по-настоящему на меня рассердились. Теперь я понимаю, что мой поступок противоречил «Мемуару Маллансона».

— Не совсем. Просто в мемуаре ни разу не упоминаются Колодцы Времени. Мне казалось, что умолчание о столь важном аспекте Вечности свидетельствует о полной неосведомленности Купера в этой области. Поэтому я стремился держать его подальше от капсул. Меня сильно обеспокоила ваша поездка, но ничего страшного не произошло. Все идет как надо.

Твиссел медленно потер руки, глядя на Харлана с нескрываемым любопытством и удивлением.

— Подумать только — ты сумел почти обо всем догадаться сам! Невероятно, просто невероятно! Я готов поклясться, что даже хорошо подготовленный Вычислитель не смог бы прийти к правильным выводам на основе той скудной информации, которая была в твоём распоряжении. Для Техника — это чудо проницательности.

Наклонившись к Харлану, Твиссел ласково потрепал его по колену.

— Само собой, в «Мемуаре Маллансона» о твоей жизни после отъезда Купера нет ни слова.

— Понимаю, сэр, — ответил Харлан.

— Собственно говоря, в отношении тебя мы сможем сделать все, что нам придет в голову. Такими талантами, как твой, не бросаются. Думаю, что ты недолго останешься Техником. Не хочу кружить тебе голову преждевременными обещаниями, но, я надеюсь, ты понимаешь, что звание Вычислителя не является для тебя чем-то недостижимым?

«Дополнительная взятка», — подумал Харлан. Ему удалось сохранить невозмутимое выражение лица.

Но довольствоваться одними предположениями было опасно. Беспочвенная сумасшедшая догадка, озарившая его той вдохновенной ночью, после библиотечных изысканий, превратилась в разумную гипотезу. Рассказ Твиссела подтвердил ее почти во всем, кроме одной детали: Купер оказался Маллансоном.

Эта ошибка не сыграла никакой роли; его положение осталось таким же неизменным, но, однажды допустив ошибку, он уже не доверял себе. Нельзя слепо полагаться на случай. Надо убедиться, насколько велика его власть. Спокойно, почти небрежно Харлан начал:

— Теперь, когда я узнал правду, моя ответственность неизмеримо возросла.

— Да?

— Вы обязаны сказать мне, какие опасности грозят проекту. Насколько велик риск? Вдруг какое-то непредвиденное обстоятельство помешало или помешает мне сообщить Куперу необходимые сведения?

— Я не понимаю твоего беспокойства.

Почудилось ли это Харлану или же в усталых глазах старика действительно мелькнул страх?

— Я должен знать, возможно ли разомкнуть круг? Что если неожиданный удар по голове выведет меня из строя в тот самый момент, когда в соответствии с мемуаром я должен буду совершить какое-то действие? Значит ли это, что все пойдет прахом? Или, предположим, по каким-то причинам я поступлю вопреки указаниям мемуара? Что тогда?

— С чего это тебе в голову взбрело?

— Если я вас правильно понял, то неосторожным или злонамеренным действием я могу разорвать круг. Из этого следует, что в моих руках находится судьба

Вечности. А если это так, — многозначительно продолжал Харлан, — то вам следует сделать все от вас зависящее, чтобы я остерегался подобных действий. Хотя я полагаю, что только уж очень необычное стечение обстоятельств может толкнуть меня на такой шаг.

Твиссел громко рассмеялся, но Харлан уловил в его смехе фальшивые нотки.

— Мой мальчик, хватит с меня логических хитро-сплетений, которые мне приходится выслушивать от моих коллег по Комитету. Ничего страшного не произойдет, поскольку ничего страшного не произошло. Круг будет замкнут.

— А вдруг? Девушка из 482-го...

— ...в полной безопасности. Сколько раз можно повторять тебе одно и то же? — нетерпеливо прервал его Твиссел и поднялся с места. — Я вижу, что этим разговорам не будет конца. Мы зря теряем биовремя, а мне надо многое сказать тебе. Ты еще даже не знаешь, зачем я тебя вызвал. Пойдем со мной.

Харлан был удовлетворен. Никаких сомнений в собственном могуществе у него не осталось. Твиссел понял, что Харлан может отказаться от занятий с Купером или же, напротив, сообщить ему сведения, противоречащие мемуару. Если Вычислитель рассчитывал ошеломить Техника важностью и значением его роли и таким путем принудить его к слепому повиновению, то он ошибся. Харлан недвусмысленно связал свою угрозу погубить Вечность с судьбой Нойс, и то, как Твиссел торопливо крикнул ему: «Она в безопасности!» — показывало, что Вычислитель отчетливо понял всю серьезность этой угрозы.

Харлан встал и молча последовал за Твисселом.

Харлан был уверен, что неплохо знает весь Сектор, однако он даже не подозревал о существовании колоссального зала, в который они вошли. В него можно было попасть только через узкий коридор, перегороженный барьером силового поля. Автоматы в течение нескольких секунд изучали лицо Твиссела, прежде чем отключили защиту и пропустили их внутрь.

Большая часть зала была занята огромным шаром, возвышавшимся почти до самого потолка. Сквозь отки-

нутую дверцу люка были видны четыре небольшие ступеньки и часть ярко освещенной площадки.

Пока Харлан оглядывался по сторонам, из шара послышались голоса, и в отверстии появилась пара ног. Человек спустился вниз, и Харлан узнал в нем члена Совета Августа Сеннора. Вслед за ним спустился еще один Старший Вычислитель, также присутствовавший за завтраком.

При виде посторонних Твиссел недовольно поморщился, но голос его прозвучал сдержанно:

— Разве члены Комитета все еще здесь?

— Только Райс и я, — уклончиво ответил Сеннор. — Какая великолепная машина! Она чем-то напоминает мне космический корабль.

У Райса был толстый живот и нос картошкой. На его лице застыло удивленное выражение человека, который уверен, что он прав, но почему-то неизменно проигрывает любой спор. Погладив себя по носу, Райс ухмыльнулся:

— Новое увлечение Сеннора. Ни о чем, кроме космических путешествий, он теперь не разговаривает.

У Сеннора ярко заблестела лысина.

— Вот послушайте, Твиссел, как ваше мнение: при расчете Реальности космические путешествия следует считать положительным или отрицательным фактором?

— Бессмысленный вопрос, — раздраженно ответил Твиссел. — Какой тип космических путешествий? В какой Реальности? При каких обстоятельствах?

— Не придирайтесь, Твиссел. Можно ведь что-то сказать о космических путешествиях вообще, абстрактно?

— Только то, что они являются быстро проходящим увлечением, отнимают у человечества массу сил и средств и ничего не дают взамен.

— Следовательно, они бесполезны и должны рассматриваться как отрицательный фактор, — с удовлетворением заключил Сеннор. — Целиком и полностью присоединяюсь к вашей точке зрения.

— Как вам будет угодно, — ответил Твиссел. — А сейчас нам необходимо освободить зал от посторонних. Купер должен прийти сюда с минуты на минуту.

— Нас уже нет здесь!

Сеннор подхватил Райса под руку и повел его к выходу. Его громкий голос доносился до них даже из коридора:

— Периодически, мой дорогой Райс, все усилия человечества почему-то сосредотачиваются на космических путешествиях, причем из-за бесцельности космических путешествий эти усилия не приносят человечеству ничего, кроме разочарований. У меня есть доказательства этого положения в матричной форме, но, по-моему, все ясно и так. Когда умы заняты космосом, к земным делам начинают относиться с пренебрежением. Я сейчас готовлю специальный меморандум Совету, в котором рекомендую разработать Изменение и навсегда вычеркнуть из Реальности всякую возможность космических путешествий.

В ответ послышался дискант Райса:

— Помилуйте, Сеннор, нельзя же подходить так круто! В некоторых цивилизациях космические путешествия служат спасительным клапаном. Возьмем, к примеру, пятьдесят четвертую Реальность 290-го Столетия. Если только я правильно припоминаю, там...

— Станный человек этот Сеннор, — сказал Твиссел, покачав головой. — Он вдвое умнее любого члена Совета, но его губит то, что он так разбрасывается.

— А как вы думаете, он прав? — с любопытством спросил Харлан. — Относительно космических путешествий?

— Сомневаюсь. Впрочем, мы сможем лучше судить об этом, когда он представит обещанное доказательство. Но я мало верю, что он его доведет до конца. Он всегда загорается и так же быстро остывает. Какое-нибудь новое увлечение помешает ему. Но хватит об этом...

Твиссел хлопнул ладонью по обшивке шара, который от удара глухо загудел, но ему пришлось поднести эту руку ко рту, так как докуренная до конца сигарета обожгла ему губы.

— Ну как, чудо-Техник, можешь догадаться, что это такое?

— Какой-то котел с крышкой. А вообще похоже на капсулу-переросток.

— Молодец! Ты угадал. Это и есть капсула. Зайдем-ка в нее.

Харлан последовал за Твисселом внутрь шара. Капсула была достаточно просторна, чтобы вместить пять-шесть человек. Внутри она была пуста. Гладкий пол, вогнутые полированные стены, два окна — и больше ничего.

— А где же управление? — удивился Харлан.

— Управление осуществляется дистанционно с особого пульта, — ответил Твиссел, погладив стенку рукой. — Обрати внимание — двойные стены. Пространство между ними заполнено замкнутым на себя Темпоральным Полем. Эта капсула в своих перемещениях во Времени не ограничена Колодцами; в ней можно отправиться куда угодно — хоть за нижнюю границу Вечности в Первобытные Столетия. В «Мемуаре Маллансона» мы нашли ряд ценных намеков, которые позволили нам сконструировать и изготовить ее. Но пойдём дальше.

Пульт управления находился в дальнем углу зала и был отгорожен от него массивной перегородкой. Войдя внутрь, Харлан с любопытством посмотрел на забранные решетками окна.

— Ты слышишь меня, мой мальчик? — раздался вдруг голос Твиссела.

Харлан вздрогнул и резко обернулся. Войдя в пульттовую, он не обратил внимания, что Твиссел не последовал за ним. Он машинально направился к окну и увидел, что Вычислитель снаружи машет ему рукой.

— Я вас слышу, сэр, — ответил Харлан. — Хотите, чтобы я вышел к вам?

— Вовсе нет. Ты заперт.

Харлан метнулся к двери и почувствовал, как у него оборвалось сердце и похолодело внутри. Так и есть! Дверь не подалась. Разрази его Время, что здесь происходит?!

— Надеюсь, тебе будет приятно узнать, мой мальчик, — продолжал Твиссел, — что на этом твоя ответственная миссия кончается. Мне кажется, я понял причину твоей повышенной нервозности в последние дни, а также к чему клонились твои наводящие вопросы в нашем недавнем разговоре. Твои намеки были

совершенно недвусмысленны. Мысль о грандиозной ответственности не давала тебе покоя. Так вот, с этой минуты от тебя больше ничего не зависит. Я один отвечаю за все. К сожалению, тебе придется немного посидеть взаперти. В «Мемуаре Маллансона» говорится, что в момент отправления капсулы ты стоял за пультом и дал старт. Но для наших целей будет вполне достаточно, если Купер увидит тебя через окно.

Однако я все же попрошу тебя в нужный момент нажать на пусковой рычаг в соответствии с Инструкциями, которые я тебе дам. Но, если и эта ответственность покажется тебе слишком большой, не волнуйся. Все будет сделано и без тебя. У нас есть параллельный пульт управления, за которым сидит другой человек. Если по каким-то причинам ты не нажмешь на рычаг, то это сделает он. И это еще не все. Сейчас я выключу передатчик видеофона в твоей комнате. Ты сможешь слышать нас, но будешь лишен возможности говорить с нами. После этого можно будет не опасаться, что какое-нибудь твое невольное восклицание разомкнет круг.

Харлан беспомощно смотрел в окно.

— Купер вот-вот будет здесь, — говорил Твиссел, — старт капсулы состоится через два биочаса. После этого проект будет завершен, и мы с тобой уже больше не будем его рабами.

Все поплыло и закружилось в водовороте отчаяния. Как ловко Твиссел перехитрил его! Неужели с самого начала он преследовал только одну цель — без лишнего шума запереть Харлана в пультовой? Неужели, узнав о догадке Харлана, Вычислитель мгновенно с дьявольской хитростью придумал этот коварный план, занял Харлана разговором, убаюкал его своими побасенками, водил его туда и сюда, пока не пришло время посадить его под замок?

А быстрая сдача позиций в отношении Нойс? «Ей ничего не будет, — клялся Твиссел, — даю слово!»

Как он мог поверить в эту явную ложь? Если они не собираются причинять вред Нойс, то зачем было блокировать Колодцы в 100000-м? Один только этот факт должен был выдать Твиссела с головой.

Он вел себя как последний дурак! Ему так хотелось верить в свое могущество, что он позволил Твисселу

несколько часов водить себя за нос. И вот доигрался: сидит взаперти в пультовой, и в нем не нуждаются даже для того, чтобы нажать на пусковой рычаг.

Сила, могущество, незаменимость — одним ударом его лишили всего. Один ловкий ход — и вместо козырей у него на руках простые двойки и тройки. Все кончено! Нойс потеряна для него навсегда! Предстоящее наказание его мало трогало. Что ему все их угрозы теперь, когда Нойс потеряна для него навсегда?

Ему даже в голову не приходило, что проект так близок к завершению. В этом была его главная ошибка; вот почему он потерпел поражение.

Глухо прозвучал голос Твиссела:

— Я отключаю тебя, мой мальчик.

Харлан остался один, беспомощный, никому не нужный...

Глава 13

В ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Вошел Купер. От возбуждения его узкое личико порозовело и казалось почти юношеским, несмотря на густые маллансоновские усы, свисающие с верхней губы.

(Харлан мог видеть его через окно, слышать его голос по видеофону. Он с горечью подумал: «Маллансоновские усики! Ну конечно...»)

Купер устремился к Твисселу.

— Вычислитель, меня не хотели пускать сюда раньше.

— Правильно делали, — ответил Твиссел. — На этот счет были даны специальные Инструкции.

— Но ведь мне уже пора отправляться, да?

— Почти пора.

— А я вернусь обратно? Я еще увижу Вечность?

Несмотря на все старания Купера придать себе бодрый вид, в его голосе звучала неуверенность.

(Харлан с отчаянием стиснул кулаки и стукнул изо всех сил по металлической сетке окна; ему хотелось выбить стекло, закричать: «Стойте! Согласитесь на мои условия, не то я...» Что толку? Он был беспомощен.)

Купер оглядел комнату, даже не заметив, что Твиссел воздержался от ответа на его вопросы. В окне пультавой он заметил Харлана и возбужденно замахал ему.

— Техник Харлан! Идите сюда. Я хочу пожать вашу руку перед отъездом.

— Не сейчас, мой мальчик, не сейчас, — вмешался Твиссел. — Харлан занят. Он настраивает аппаратуру.

— В самом деле? А вы знаете, мне кажется, что ему нехорошо. Он не болен?

— Я только что рассказал ему об истинной цели нашего проекта, — сказал Твиссел. — Боюсь, что от этого кому угодно станет не по себе.

— Разрази меня Время, если это не так! — воскликнул Купер. — Вот уже несколько недель, как я знаю правду и все никак не могу привыкнуть. — В его смехе слышались нервные, почти истерические нотки. — Никак не могу вбить в свою твердолобую башку, что в этом спектакле мне отводится главная роль. Я... я даже капельку трушу.

— Ничуть не виню тебя за это.

— Во всем, знаете ли, виноват мой желудок. Это наименее геройская часть моего организма.

— Ну ладно, — сказал Твиссел, — все это вполне естественно и скоро пройдет. А пока — час твоего отправления приближается. Перед отъездом тебе необходимо получить последние Инструкции. Например, ты, собственно, еще не видел капсулу, которая доставит тебя в прошлое.

В течение двух последующих часов Харлан слышал каждое произнесенное ими слово, независимо от того, видел он их или нет. Он понимал, почему Твиссел наставляет Купера в такой напыщенной и высокопарной манере. Куперу сообщались те самые подробности, о которых он должен будет впоследствии упомянуть в «Маллансоновском мемуаре».

(Замкнутый круг. Замкнутый круг! И не разомкнуть, не разорвать его в ярости отчаяния; не обрушить, подобно библейскому Самсону, крышу храма на голову своих врагов; круг смыкается стремительно и неудержимо.)

— Движение обычной капсулы внутри Вечности из Столетия А в Столетие Б, — слышал он голос Твиссела, — происходит, как тебе известно, под действием Темпорального Поля, при этом капсула, образно выражаясь, выталкивается из пункта А и притягивается в пункт Б. Энергия, необходимая для движения капсулы,

имеется как в пункте отправления, так и в пункте назначения.

Но капсула, которая доставит тебя в прошлое, должна будет выйти за пределы Вечности; необходимую энергию она может получить только в пункте отправления. По аналогии с Пространственной механикой, если только эта аналогия приложима к Темпоральным силам, мы как бы мощным толчком закидываем капсулу в пункт назначения. Потребление энергии в этом случае возрастает в десятки тысяч раз. Попадобилось проложить специальные энергопроводы вдоль Колодцев Времени, чтобы отсасывать энергию вспышки Солнца, ставшего Новой, в нужной концентрации.

У этой капсулы все необычно, начиная с пульта управления и кончая источниками питания. Десятки биолет мы прочесывали прошлые Реальности в поисках нужных сплавов и специальной технологии. Самая важная находка была сделана в 13-й Реальности 222-го Столетия. Там был создан Темпоральный толкатель, без которого эта капсула никогда не была бы построена. 13-я Реальность 222-го Столетия.

Последние слова Твиссел выговорил особенно отчетливо.

(«Запомни это, Купер, — с горечью подумал Харлан, — 13-я Реальность 222-го Столетия. Запомни для того, чтобы ты мог упомянуть о ней в «Маллансоновском мемуаре», для того, чтобы Вечные знали, где вести поиски, для того, чтобы они могли сказать тебе об этом, для того, чтобы ты мог упомянуть... Снова и снова замыкается круг...»)

— Разумеется, мы еще ни разу не посылали капсулу с человеком за нижний предел Вечности, — продолжал Твиссел, — но внутри Вечности мы испытывали ее неоднократно. Поэтому мы убеждены в успехе.

— А разве может быть иначе? — спросил Купер. — То есть я хотел сказать, что мой Аналог уже попал туда, иначе Маллансон не мог бы создать Поле, а он его создал.

— Вот именно, — ответил Твиссел. — Ты окажешься в безопасной и пустынной местности в малонаселенном районе юго-запада Соединенных Штатов Амелики.

— Америки, — поправил Купер.

— Пусть Америки. Это будет 24-е Столетие, или, с точностью до сотых долей, 23,17. Я полагаю, что мы даже можем назвать это Время, если хочешь, 2317 годом. Капсула, как ты видишь, очень вместительна. Сейчас ее загрузят водой, продовольствием, средствами защиты и всем необходимым для создания убежища. У тебя будут подробнейшие инструкции, понятные только тебе одному. Я хочу еще раз подчеркнуть, что ты должен принять все мыслимые меры предосторожности. Никто из местных жителей не должен тебя обнаружить, прежде чем ты будешь к этому готов. С помощью специальной землеройной машины ты выроешь себе в горах глубокую пещеру. Все вещи будут уложены в капсулу таким образом, чтобы ты смог как можно скорее разгрузить ее.

(«Повторяйте ему еще и еще, — думал Харлан. — Все это уже говорилось ему много раз, но необходимо еще раз повторить все то, что должно войти в мемуар. Снова и снова по кругу...»)

— На разгрузку тебе дастся пятнадцать минут — и ни секундой более, — говорил Твиссел, — после чего капсула автоматически вернется в исходный пункт вместе со всеми инструментами и приборами, неизвестными в 24-м веке. Список этих вещей ты получишь перед отправлением. После исчезновения капсулы ты будешь предоставлен самому себе.

— Неужели капсула должна возвратиться так спешно? — спросил Купер.

— Быстрое возвращение увеличивает шансы на успех, — ответил Твиссел.

(Капсула должна вернуться через пятнадцать минут, потому что в прошлый раз она вернулась через пятнадцать минут. Круг замыкается...)

— Мы не хотели рисковать, подделывая денежные знаки той эпохи, — в голосе Твиссела появились торопливые нотки, — тебе дадут золото в виде небольших самородков. Рассказ о том, как они попали к тебе, подробно записан в Инструкции. Ты будешь одет так же, как аборигены; во всяком случае, твоя одежда для начала вполне сойдет за местную.

— Отлично, — произнес Купер.

— А теперь запомни. Ни одного поспешного шага. Не торопись. Если надо, выжидай неделями. Тебе необходимо духовно свыкнуться с эпохой; вжиться в нее. Уроки Техника Харлана — это хорошая основа, но их далеко не достаточно. Приемник электромагнитных волн, изготовленный на основе принципов того времени, позволит тебе быть в курсе всех текущих событий и, самое главное, изучить правильное произношение и интонацию. Сделай это как можно тщательно. Я уверен, что Техник Харлан превосходно знает английский язык, но ничто не может заменить изучения языка непосредственно на месте.

— А что если я попаду не туда, куда надо? — спросил Купер. — Я хочу сказать: а вдруг я попаду не в 2317?

— Проверь это тщательно. Но все будет в порядке. Все кончится благополучно.

(«Все кончится благополучно, потому что все уже один раз кончилось благополучно, — подумал Харлан, — круг замыкается...»)

Однако на лице Купера, должно быть, промелькнула тень сомнения, потому что Твиссел торопливо добавил:

— Точность настройки тщательно отработана. Я как раз собирался объяснить тебе положенный в основу принцип, и мы сейчас этим займемся. Кстати, наша беседа поможет Харлану лучше понять систему управления.

(Харлан стремительно повернулся от окна к пульта. В беспросветном мраке отчаяния блеснул слабый луч надежды. А что если?..)

Твиссел продолжал читать Куперу лекцию нарочито педантичным тоном школьного учителя, и Харлан краем уха продолжал прислушиваться к его словам.

— Нетрудно понять, — говорил Твиссел, — что основная наша проблема заключалась в том, чтобы определить, насколько далеко можно забросить материальное тело в Первобытную Эпоху, сообщив ему определенный энергетический толчок. Проще всего было бы посылать эту капсулу с человеком в прошлое, тщательно измеряя при этом затраченное количество энергии. Этот человек мог бы каждый раз определять, в какое Время он попал, с точностью до сотых долей Столетия

либо при помощи астрономических наблюдений, либо извлекая необходимую информацию из радиопередач. Однако этот способ был бы очень медленным и к тому же крайне опасным, так как, если наш посланец был бы обнаружен местными жителями, это, вероятно, повлекло бы за собой катастрофические последствия для всего проекта.

Вместо человека мы посылали в прошлое определенную массу радиоактивного изотопа, ниобия-94, который, испуская бета-частицы, превращается в стабильный изотоп, молибден-94. Период полураспада ниобия-94 составляет почти 500 Столетий. Первоначальная интенсивность радиоактивного образца нам известна. Со временем интенсивность убывает по хорошо известному закону и может быть измерена с высокой точностью.

Когда капсула попадает в какое-то Столетие Первобытной Эпохи, ампула с изотопом выстреливается в горный склон, и капсула возвращается обратно в Вечность. В тот же самый момент биовремени, когда происходит выстрел, ампула одновременно появляется во всех будущих Временах, соответственно постарев. В 575-м Столетьи Техник выходит из Вечности во Время в том самом месте, где была спрятана ампула, находит ее по излучению и извлекает ее. Измерив уровень радиации, легко определить, сколько времени эта ампула пролежала на склоне горы, а следовательно, узнать с точностью до двух десятичных знаков, в какое Столетие попала наша капсула. Послав в прошлое дюжину ампул с различной энергией толчка, мы построили калибровочную кривую. Затем эта кривая была проверена посылкой ампул не в Первобытную Эпоху, а в первые Столетия Вечности, где были возможны прямые наблюдения.

Были у нас и неудачи. Несколько первых ампул было потеряно, так как мы не учли геологических изменений, происшедших в период между последними Столетиями Первобытной Эпохи и 575-м. Следующие три ампулы тоже найти не удалось. Возможно, что катапультирующий механизм вогнал их слишком глубоко в недра горы. Отладив методику, мы успешно провели серию опытов, пока уровень радиации в этой местно-

сти не сделался чересчур высоким. Мы опасались, что какой-нибудь житель Первобытных Времен обнаружит радиацию и заинтересуется, каким образом сюда попали радиоактивные отходы. Но все же мы провели ряд удачных экспериментов и совершенно уверены, что можем послать человека в любое Первобытное Столетие с точностью до сотых долей. У тебя есть вопросы?

— Я отлично все понял, Вычислитель Твиссел, — ответил Купер. — Я уже видел прежде эту калибровочную кривую, не понимая ее значения, но теперь мне все совершенно ясно.

Харлан слушал этот разговор со все возрастающим интересом. Он смотрел на шкалу прибора. Сверкающая дуга фарфора на металле была разделена тонкими черточками на Столетия, Децистолетия и Сантистолетия. Цифры были очень мелкими, но, пригнувшись, Харлан разглядел, что на шкале нанесены Столетия с 17-го по 27-е. Тоненькая, как волосок, стрелка стояла на отметке 23,17. Харлану уже доводилось встречаться с аналогичными Векометрами, и он привычным жестом нажал на пусковой рычаг. Но рычаг был заклинен. Волосок даже не шелохнулся.

— Техник Харлан!

— Слушаю, Вычислитель! — крикнул он в ответ, но затем вспомнил, что Твиссел не слышит его. Подойдя к окну, он кивнул головой.

Твиссел заговорил, словно прочитав мысли Харлана:

— Векометр установлен на посылку капсулы в 23,17. Никакой дополнительной подстройки не требуется. Единственная твоя задача — это в соответствующий момент биовремени включить контакт. Справа от Векометра расположен секундомер. Кивни, когда найдешь его.

Харлан кивнул.

— Секундомер будет отсчитывать биосекунды, остающиеся до запуска. В минус пятнадцать секунд включи контакт. Это просто. Ты понял как?

Харлан снова кивнул.

— Особой точности не требуется. Ты можешь включить его в минус четырнадцать, или минус тринадцать секунд, или даже в минус пять секунд, но все-таки постарайся включить его не позднее чем минус десять секунд. Как только ты включишь контакт, остальное

довершат автоматы, которые точно в нулевой момент сообщат капсуле Темпоральный толчок. Ты понял?

Харлан еще раз кивнул головой. Он понял даже больше, чем сказал Твиссел. Если он не включит контакт в минус десять секунд, то это сделают без него.

«Обойдемся без посторонней помощи», — угрюмо подумал Харлан.

— У нас еще осталось тридцать биоминут, — продолжал Твиссел. — Мы с Купером пойдем проверим его снаряжение.

Они ушли. Закрылась дверь, и Харлан остался наедине с пультом, Временем (секундомер уже заработал, неторопливо отсчитывая секунды, оставшиеся до старта) и твердой решимостью довести задуманное до конца.

Отвернувшись от окна, Харлан сунул руку в карман и вытащил все еще лежавший там болеизлучатель. Рука его слегка дрожала.

Снова промелькнула мысль: «Самсон, разрушающий храм!»

Язвительно и цинично он подумал: «Кто из Вечных хоть когда-либо слышал о Самсоне? Кто из них знает, как он погиб?»

Оставалось всего двадцать пять минут. Харлан не знал, сколько времени займет затеянная им операция. Да и вообще у него не было никакой уверенности в успехе.

Впрочем, выбора у него не было. Отвинчивая влажными пальцами наконечник болеизлучателя, он чуть было не уронил его.

Работал он быстро, не думая о последствиях; меньше всего его беспокоила мысль о том, что он сам перейдет в небытие.

В минус одну минуту Харлан в полной готовности стоял у пульта.

«Может быть, последняя минута жизни», — отвлеченно подумал он.

Он ничего не видел, кроме возвратного движения красной стрелочки, отсчитывающей уходящие секунды.

Минус тридцать секунд.

«Больно не будет. Ведь это не смерть», — мелькнула мысль.

Он решил в оставшиеся ему секунды думать только о Нойс.

Минус пятнадцать секунд.

Нойс!

Левая рука Харлана потянула рычаг на себя. Не торопиться!

Минус двенадцать секунд.

Контакт!

Заработали автоматы. Старт будет дан в нулевой момент. Харлану оставалось сделать только одно движение.

Движение Самсона, сокрушающего храм!

Правая рука начала подниматься. Он старался не смотреть на нее.

Минус пять секунд.

Нойс!

Правая рука... НОЛЬ... рывком рванула рычаг на себя. Он так и не взглянул на нее.

Неужели это и есть небытие?..

Нет, пока нет. Он все еще жив.

Не двигаясь, Харлан застывшим взглядом смотрел в окно. Время словно остановилось для него.

Зал был пуст. На месте огромной, занимавшей его почти целиком капсулы зияла пустота. Мощные металлические конструкции опор сиротливо вздымались в воздух. В гигантском зале все замерло, словно в зачарованной пещере, и только Твиссел, казавшийся крохотным гномиком, суетливо вышагивал взад и вперед.

Несколько минут Харлан равнодушно следил за ним, затем отвел глаза.

Внезапно и совершенно беззвучно капсула появилась на прежнем месте. Ее переход через тончайшую грань, отделяющую будущее мгновение от прошедшего, не шелохнул даже пылинки.

Грозда капсулы заслонила Твиссела, но секунду спустя он появился из-за ее края и бегом направился к пультовой. Стремительным движением руки Вычисли-

тель включил механизм, открывающий дверь, и ворвался внутрь, крича в ликующем возбуждении:

— Свершилось! Свершилось! Мы замкнули круг!

Он хотел сказать еще что-то, но ему не хватило дыхания.

Харлан молчал.

Твиссел подошел к окну и уперся в стекло ладонями.

Харлан обратил внимание на то, как дрожат его руки, заметил старческие узелки на синеватых венах. Казалось, мозг его потерял способность и желание отделять важное от несущественного и тупо выхватывал из окружающей действительности отдельные случайные детали.

«Какое все это имеет значение? — устало подумал он. — И что вообще имеет сейчас значение?»

Твиссел снова заговорил, но Харлан едва слышал его; слова доносились словно откуда-то издалека:

— Теперь-то я могу признаться, что хоть я и не подавал виду, но я здорово волновался. Сеннор одно время любил повторять, что вся эта затея совершенно немыслима. Он настаивал на том, что непременно должно произойти нечто непредвиденное — и все рухнет... В чем дело?

Он резко обернулся, услышав, как Техник что-то глухо пробурчал. Отрицательно покачав головой, Харлан сдавленно выдал:

— Ничего...

Твиссел не стал допытываться и снова отвернулся. Было непонятно, обращается ли он к Харлану или просто говорит в пустоту. Казалось, ему хочется выговориться за все годы волнений и тревог.

— Сеннор — неисправимый скептик. Сколько мы спорили с ним, как только не убеждали его! Мы приводили ему математические выкладки, мы ссылались на результаты, полученные многими поколениями исследователей за все биовремя существования Вечности. Он же отметал в сторону наши рассуждения и преподносил в качестве доказательства парадокс о человеке, встречающем самого себя. Да ведь ты слышал, как он рассуждал об этом. Это его излюбленная тема.

«Нельзя знать будущее», — говорил Сеннор. Например, я, Лабан Твиссел, знаю из мемуара, что хотя я буду очень стар, но я доживу до того момента, когда Купер отправится в свое путешествие за нижний предел Вечности. Я знаю и другие подробности о своем будущем, знаю, что мне предстоит совершить.

«Это невозможно, — настаивал он. — Знание собственной судьбы обязательно изменит Реальность, даже если из этого следует, что круг никогда не замкнется и Вечность никогда не будет создана».

Что заставляло его так говорить, понятия не имею! Может быть, он искренне верил в свои выдумки, может быть, они были для него чем-то вроде интеллектуальной игры, а может быть, ему просто хотелось нас подразнить. Во всяком случае, проект продвигался впереди. Например, мы отыскиали Купера именно в том Столетьи и той Реальности, которые были указаны в мемуаре. Уже одно это не оставляло камня на камне от всех рассуждений Сеннора, но и это его не убедило. К тому времени у него появилось новое увлечение.

Твиссел тихо засмеялся, не заметив, как сигарета догорела почти до самых кончиков его пальцев.

— И все же, знаешь, мне долгие годы было не по себе. Ведь что-то действительно могло произойти. Реальность, в которой была основана Вечность, могла измениться таким образом, чтобы не допустить «парадокса», как любил называть его Сеннор. И тогда в этой новой Реальности уже не было ни Вечности, ни нас с тобой. Ты знаешь, иногда по ночам, во время бессонницы, мне вдруг начинало казаться, что все погибло... И теперь, когда все закончилось благополучно, я могу спокойно посмеяться над своими страхами и обозвать себя выжившим из ума старым дураком.

— Вычислитель Сеннор был прав, — очень тихо сказал Харлан.

— Что такое? — метнулся к нему Твиссел.

— Проект провалился. Круг не замкнул.

Харлану казалось, что его рассудок медленно освобождается от густого тумана.

— О чем это ты болтаешь? — Старческие руки Твиссела с неожиданной силой впились в плечи Харлана. — Ты болен, мой мальчик. У тебя сдали нервы.

— Нет, не болен. Мне все опротивело. Вы. Я. Но я не болен. Взгляните сами. Сюда, на Векометр.

— Векометр?

Тоненький волосок стрелочки был прижат к правому концу шкалы около отметки 27-го Столетия.

— Что здесь произошло?

Радость на лице Твиссела сменилась страхом.

Харлан уже полностью овладел собой.

— Я расплавил предохранительный механизм и высвободил рычаг управления.

— Как тебе удалось это сделать?

— У меня был болеизлучатель. Я разобрал его и использовал вделанный в него в качестве источника питания микрореактор. Он сработал как автогенный резак. Энергии хватило только на одну вспышку, но этого было достаточно. Вот все, что от него осталось.

Харлан подтолкнул ногой маленькую кучку металлических обломков, валявшихся на полу.

Твиссел все еще не хотел верить.

— 27-е? Ты хочешь сказать, что Купер попал в 27-е Столетие?

— Я понятия не имею, куда он попал, — вяло ответил Харлан, — сначала я передвигал рычаг вниз, далеко за 24-е. Но я не знаю куда. Я не посмотрел. Потом я переставил его в это положение. Вот и все.

Твиссел с ужасом глядел на Харлана, его лицо приобрело землистый оттенок, губы дрожали.

— У меня нет ни малейшего представления, где сейчас Купер, — продолжал Харлан. — Он затерялся в Первобытных веках. Круг разорван. Сначала я думал, что все кончится сразу, в нулевой момент. Но это глупо. Придется ждать. Наступит такое мгновение, по биовремени, когда Купер поймет, что он не в том Столетии, когда он сделает что-нибудь противоречащее мемуару, когда он...

Харлан не закончил фразу и засмеялся натянутым хриплым смехом.

— Не все ли нам равно? Все это только отсрочка, пока Купер не совершит какой-нибудь непоправимой ошибки, пока он не разорвет круг. Мы бессильны помешать ему. Минуты, часы, дни. Не все ли равно? Когда отсрочка исчезнет, Вечность прекратит существование. Вы меня слышите? Вечности крышка!

Глава 14

ДАВНЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Но что толкнуло тебя на этот шаг? Что?

Твиссел растерянно перевел глаза со шкалы на Техника; растерянность и недоумение, прозвучавшие в его голосе, отразились в этом взгляде, словно в зеркале.

Харлан поднял голову.

— Нойс! — одним словом ответил он.

— Женщина, которую ты спрятал в Вечность? — спросил Твиссел.

Горькая усмешка Харлана была ему единственным ответом.

— Но при чем здесь она? — продолжал недоумевать Твиссел. — Я ничего не понимаю, мой мальчик.

— Да что тут понимать? — взорвался Харлан. — Бросьте притворяться! Да, у меня была женщина. Кому мешало наше счастье? Кому оно причинило зло? Ведь ее даже не существует в новой Реальности.

Твиссел тщетно пытался вставить хоть слово.

— Но у Вечности свои законы, — продолжал бешевать Харлан. — О, я знаю их все наизусть. Союзы требуют разрешения; союзы требуют расчета; союзы требуют высокого знания; союзы — вещь рискованная. Что вы замыслили сделать с Нойс по завершении проекта? Поместить ее в гибнущую ракету? Или же предоставить ей тепленькое местечко общей любовницы знатных Вычислителей? Но теперь-то всему крышка — вам и вашим планам.

В полном изнеможении он закончил свою тираду, и Твиссел быстро подошел к видеофону. Очевидно, передатчик видеофона снова был включен. Вычислитель повторял сигнал вызова до тех пор, пока не добился ответа.

— Говорит Твиссел. Вход в это помещение категорически запрещен, — произнес он не допускающим возражений тоном. — Никто не имеет права войти сюда. Вам ясно? Тогда выполняйте! Нет, никаких исключений. И для членов Совета тоже. К ним это относится в первую очередь.

Он снова повернулся к Харлану и задумчиво проговорил:

— Они не посмеют нарушить мой приказ, потому что я старейший член Совета и еще потому, что я слышу чудакom. Они втайне считают, что я выжил из ума. Вот почему мне всегда и во всем уступают. — Он пристально посмотрел на Харлана. — Ты тоже так думаешь?

В этот момент он был похож на маленькую сморщенную обезьянку.

«Разрази меня Время! Он и впрямь безумен, — со страхом подумал Харлан. — Потрясение лишило его рассудка».

Мысль, что он заперт наедине с сумасшедшим, заставила Харлана испуганно отступить назад. Но он быстро опомнился. Безумен Твиссел или нет, он всего только дряхлый старик, и к тому же скоро наступит конец всему, даже безумию.

Скоро? А почему не сразу? Чем вызвана эта отсрочка?

— Ты не ответил мне, — вкрадчиво продолжал Твиссел. (Вот уже несколько минут в его руках не было привычной сигареты, но он, казалось, не замечал этого.) — Ты тоже считаешь, что я выжил из ума? Думаю, что да. Если бы ты считал меня своим другом, а не капризным, свихнувшимся стариком, ты бы поделился со мной своими сомнениями. И тогда не было бы этой глупой выходки.

Харлан насупилсЯ. Оказывается, Твиссел считает, что спятил-то он, Харлан.

— Меня толкнули на это, — сердито буркнул он. — Я в здравом рассудке.

— Но ведь я же сказал тебе, что девушке ничего не грозит.

— А я, как последний глупец, поверил вам. Только дурак может поверить в справедливость и великодушные Совета по отношению к Технику.

— При чем тут Совет?

— Финжи знал все; это он донес на меня Совету?

— Как ты узнал об этом?

— Вырвал признание у Финжи под дулом болеизлучателя. Болеизлучатель помог ему забыть о разнице в наших званиях.

— Ты и вот это сделал тем же излучателем? — Твиссел указал на шкалу Векометра, которой подтеки расплавленного металла придавали сходство с перекошенным гримасой лицом.

— Да.

— Натворил бед этот излучатель, ничего не скажешь. — Его тон стал более резким. — А ты знаешь, почему Финжи не принял мер сам, а послал донесение Совету?

— Потому что он ненавидел меня и хотел действовать наверняка. Ему нужна была Нойс.

— До чего же ты наивен! Если бы дело было только в Нойс, он без труда устроил бы себе союз с ней. И уж не Техник встал бы у него на пути. Этот человек ненавидел меня.

В его руках по-прежнему не было сигареты, отчего выпачканный табаком палец, которым он ткнул себя в грудь, казался голым до неприличия.

— Вас?

— Мой мальчик, что ты смыслишь в политике? Не каждому Вычислителю удастся стать членом Совета Времен. Финжи честолюбив. Он готов был добиваться этого поста любой ценой. Но я помешал ему, так как счел его эмоционально неуравновешенным. Сохрани меня Время, я только теперь понял, как я был прав тогда... Послушай, мой мальчик, он знал, что я тебе покровительствую. Он видел, как из рядового Наблюдателя я сделал тебя первоклассным Техником. Ты постоянно работал со мной. Как еще мог бы Финжи отомстить мне? Если бы ему удалось доказать, что мой любимчик виноват в страшном преступлении против

Вечности, то это немедленно отразилось бы на мне. Я был бы вынужден подать в отставку, и, как по-твоему, кто тогда занял бы мое место?

Привычным жестом он поднес руку к губам и, не обнаружив сигареты, посмотрел отсутствующим взглядом на промежуток между большим и указательным пальцами.

«Не так уж он спокоен, как притворяется, — подумал Харлан. — Да и можно ли оставаться спокойным в такой момент? Но для чего рассказывать мне всю эту чушь теперь, когда истекают последние минуты Вечности? — И снова его обожгла мысль: — Но когда же конец? Почему отсрочка?»

— Когда я недавно отпустил тебя к Финжи, — продолжал Твиссел, — у меня было предчувствие беды. Но в «Мемуаре Маллансона» говорилось, что ты отсутствовал весь последний месяц, а никакого другого предлога не подвернулось. К счастью для нас, Финжи перестарался.

— Каким образом? — устало спросил Харлан. Ему это было совершенно безразлично, но Твиссел говорил не умолкая, и легче было принять участие в разговоре, чем пытаться отключиться.

— Финжи озаглавил свое донесение «О непрофессиональном поведении Техника Эндрю Харлана». Он разыгрывал из себя истинного Вечного, бесстрастно и невозмутимо выполняющего свой долг. Негодование он оставлял на долю Совета. К несчастью для себя, он не подозревал о твоём истинном значении. Ему даже в голову не пришло, что любое донесение, касающееся тебя, будет немедленно передано мне.

— И вы мне ничего не сказали?

— А как я мог? Я хотел оградить тебя от ненужных волнений накануне решающего момента. Я ждал, пока ты сам расскажешь мне о своих затруднениях.

Харлан недоверчиво скривил рот, но затем он вспомнил усталое лицо Вычислителя на экране видеофона, вспомнил его настойчивые вопросы. Это было вчера. Всего лишь вчера!

Ничего не ответив, он опустил глаза.

— Я сразу понял, — уже мягче продолжал Твиссел, — что Финжи намеренно толкает тебя на... опрометчивый шаг.

Харлан поднял голову.

— Вы знали об этом?

— Ты удивлен? Я давно знаю, что Финжи подкапывается под меня. Я уже старик, мой мальчик, и интриги для меня не новость. Если Вычислитель вызывает подозрения — нетрудно проследить за ним. Для этого существуют особые устройства, изъятые из Времени, которых ты не сыщешь даже в наших музеях. Среди них есть такие, о которых известно только Совету.

Харлан с горечью подумал о блокировке Колодцев Времени в 100000-м.

— На основании донесения Финжи и той информации, которую я получил из других источников, было нетрудно восстановить истину.

— А Финжи подозревал, что вы за ним шпионите? — неожиданно спросил Харлан.

— Возможно. Меня бы это не удивило.

Харлан вспомнил свои первые дни в 482-м. Финжи ничего не знал о проекте Маллансона, и необычный интерес Твиссела к молодому Наблюдателю насторожил его. «Вы встречались прежде со Старшим Вычислителем Твисселом?» — спросил он как-то. Харлан припомнил, что в голосе Финжи звучало острое беспокойство. Уже тогда Финжи мог заподозрить Харлана в том, что он подослан к нему Твисселом. Так вот в чем источник его ненависти!

— Если бы ты сам пришел ко мне... — продолжал Твиссел.

— Прийти к вам? — не выдержал Харлан. — А как насчет Совета?

— Во всем Совете знал я один.

— И вы им так-таки ничего не сказали? — Харлан попытался придать своему голосу ироническую интонацию.

— Так-таки ничего.

Харлан почувствовал, что его лихорадит. Одежда душила его. Неужели этому кошмару не будет конца? Глупая, бессмысленная болтовня. Зачем? Во имя чего?

Почему не погибла Вечность? Почему не наступает желанный покой небытия? Разрази его Время, неужели он ошибся?!

— Ты все еще не веришь мне? — спросил Твиссел.

— А почему я должен вам верить? — снова взорвался Харлан. — Всего лишь сегодня утром весь Комитет в полном составе явился поглазеть на меня. Что привело их, если не донесение Финжи? Их заинтересовал чудной субъект, который нарушил законы Вечности, но расправу с которым приходилось откладывать на один день. Всего на день, пока не будет завершен проект. Они пришли позлорадствовать в ожидании завтрашнего дня.

— Мой мальчик, ты глубоко не прав. Их желание видеть тебя было вызвано простым любопытством. Члены Совета — всего-навсего люди с обычными человеческими слабостями. Они не могли присутствовать при отправлении капсулы, им нельзя было поговорить с Купером — обо всем этом в мемуаре нет ни слова. Сохрани меня Время, как ты не понимаешь, что их разбирало любопытство? Ты был для них самой доступной частью проекта — вот почему они так разглядывали тебя.

— Я не верю вам.

— Но это правда.

— Да? А чем тогда были вызваны рассуждения члена Совета Сеннора о человеке, встречающем самого себя? Он явно знал о моих противозаконных вылазках в 482-е и о том, как я чуть было не встретил там самого себя. Он дразнил меня, хитроумно развлекаясь за мой счет.

— Сеннор? Тебя беспокоит Сеннор? Если бы ты только знал, что это за жалкая фигура! Он родился в 803-м Столетии. Его современники в угоду своим извращенным представлениям о красоте намеренно уродуют человеческие тела. Когда Сеннор был еще подростком, ему выщипали все волосы на теле.

Знаешь ли ты, как уродство влияет на человека? Оно разрушает его связи с предками и потомками. Ты почти не найдешь среди Вечных выходцев из этого Столетия — слишком уж они отличны от нас. За всю

историю Вечности Сеннор — единственный, кто получил место в Совете.

Нетрудно догадаться, как все это отразилось на его психике. Неуверенность в завтрашнем дне — страшная вещь. Тебе, вероятно, и в голову не приходило, что член Совета может чувствовать себя неуверенно? Сеннору неоднократно приходилось выслушивать призывы к исправлению его Реальности; к уничтожению в ней тех самых обычаев, из-за которых он так резко выделяется среди нас. В один прекрасный день так и будет. И тогда он останется чуть ли не единственным таким уродом.

Он ищет утешения в философии. В качестве моральной компенсации он неизменно затрагивает в разговоре самые непопулярные или непризнанные точки зрения. Парадокс о человеке, встречающем самого себя, — излюбленная его тема. Я уже рассказывал тебе, что он имел обыкновение предсказывать неудачу проекту. Сегодня за завтраком он дразнил нас, членов Совета, а не тебя. К тебе это не имело ни малейшего отношения.

Твиссел разгорячился. Увлечшись своим монологом, он забыл о том, где они находятся, забыл о настоящей катастрофе, он снова превратился в хорошо знакомого Харлану карлика с быстрой жестикуляцией и неловкими движениями. Он даже вытащил сигарету из нарукавного карманчика, но, впрочем, так и не закурил ее.

Внезапно он замолчал, резко повернулся и пристально посмотрел на Харлана, словно до его сознания только сейчас дошел смысл последних слов Техника.

— Ты сказал, что чуть было не встретил самого себя. Что это значит?

Харлан вкратце рассказал о своем приключении.

— Разве вы не знали об этом?

— Нет.

Последовавшие за этим несколько секунд тишины были для сжигаемого лихорадкой Харлана тем же, что глоток воды для умирающего от жажды.

— А что если ты действительно встретил сам себя?

— Но ведь...

— Случайные отклонения всегда возможны, — не обращая на него внимания, продолжал Твиссел. — Ес-

ли учесть, что число допустимых Реальностей бесконечно велико, ни о каком детерминизме не может быть и речи. Предположим, что в Реальности Маллансона, в предшествовавшем цикле...

— Разве циклы повторяются бесконечно? — не удержался от вопроса Харлан. Оказывается, способность удивляться не совсем еще атрофировалась в нем.

— А ты думал — только дважды? По-твоему, двойка — магическое число? За конечный промежуток биовремени может осуществиться бесчисленное множество циклов. Точно так же, как можно, например, бесконечно водить карандашом по одной и той же окружности, но тем не менее описывать конечную площадь. В предшествовавшем цикле ты не встретился сам с собой. В теперешнем цикле в силу принципа статистической неопределенности это событие стало возможным. При этом Реальность должна была измениться так, чтобы предотвратить эту встречу, и в новой, уже изменившейся Реальности ты послал Купера не в 24-е, а в...

— Но к чему все это? — вскричал Харлан. — Что вы хотите от меня? Ведь все уже кончено. Все! Оставьте меня. Слышите? Оставьте меня в покое!

— Я хочу, чтобы ты понял свою ошибку. Я хочу, чтобы ты осознал всю глубину своего заблуждения.

— Я был прав. А если и нет, все равно уже поздно.

— Нет, не поздно. Выслушай меня. — Мягко, но настойчиво Твиссел продолжал уговаривать, упрашивать, умолять: — Тебе вернут твою девушку. Я обещал и еще раз подтверждаю свое обещание. Ни тебе, ни ей не причинят ни малейшего вреда. Я согласен дать тебе любые гарантии.

Харлан посмотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Но ведь уже слишком поздно. Сделанного не вернешь.

— В том-то и дело, что еще не поздно. Надежда еще не потеряна. С твоей помощью мы можем добиться успеха. Но надо, чтобы ты захотел помочь, захотел «вернуть сделанное».

Харлан облизнул пересохшим языком потрескавшиеся губы. Твиссел свихнулся. Его разум не может

примириться с неудачей... или... Неужели Совет действительно знает что-то, неведомое остальным?

Знает ли? Неужели есть средство противостоять приговору Изменения Реальности? Неужели можно остановить Время и обратить его вспять?

— Но ведь вы сами заманили меня в пултовую, где я, по вашему мнению, был совершенно беспомощен, и держали меня взаперти, пока все не было кончено.

— Ты боялся, что не выдержишь напряжения, что у тебя не хватит сил довести свою роль до конца.

— Это была угроза.

— Я понял тебя буквально. Прости меня. Ты должен мне помочь.

Итак, они снова вернулись к исходной точке. Его помощь необходима. Кто из них сошел с ума? Он? Твиссел? Есть ли смысл в безумии? Или хоть в чем-нибудь?

Совет нуждается в нем. Чего только они не наобещают ему сейчас: Нойс, звание Вычислителя, все, что угодно. Но что получит он, когда спасет их? Нет, во второй раз его уже не одурачат!

— Нет, — решительно ответил он.

— Тебе вернут Нойс!

— Хотите сказать, что Совет нарушит законы Вечности, когда минует опасность? Не верю.

(К чему все это? Разве можно спасти Вечность?)

— Совет ничего не узнает.

— Неужели вы захотите стать преступником? Честнее и благороднее вас я не встречал человека. Всю свою жизнь вы посвятили Вечности. Как только минует опасность, вы подчинитесь закону. Вы просто не сможете поступить иначе.

Щеки Твиссела покрылись красными пятнами. Его старческое лицо уже не казалось мудрым и властным; оно выражало только странную печаль.

— Я сдержу слово и нарушу закон по причине, о которой ты даже не подозреваешь, — медленно произнес Твиссел. — Я не знаю, сколько еще просуществует Вечность. Может быть, месяцы, а может быть, считанные часы. Но я уже потратил так много времени,

пытаясь образумить тебя, что потрачу еще немного. Об одном прошу — выслушай меня.

Харлан замаялся. Затем, решив, что спорить бесполезно, он устало произнес:

— Говорите.

— Много раз до меня доходили слухи, — начал свой рассказ Твиссел, — что я появился на свет глубоким стариком, что я набрался мудрости у Кибермозга, что даже во сне я не расстаюсь с карманным анализатором, что вместо крови по моим жилам течет смазочное масло для счетных машин, в котором плавают крохотные перфокарты, что я — не человек, а искусно сделанный робот.

То и дело мне приходится выслушивать подобные бредни, и, сказать по правде, я даже чуть-чуть горжусь ими. Может быть, в глубине души я и сам верю в них. Недаром говорят, что я выжил из ума. Смешно и глупо, дожив до седых волос, верить в подобные выдумки. Но что поделаешь, они облегчают жизнь.

Ты удивлен? Да, я, Лабан Твиссел, Старший Вычислитель, Старейшина Совета Времен, стремлюсь облегчить свою жизнь.

Ты никогда не задумывался, почему я курю? Вечные не курят, да и большинство Времян тоже. Мне иногда представляется, что это просто жалкий бунт, мелкая месть за провал большого восстания...

Нет, нет, со мной все в порядке. Одна-две слезинки мне не повредят. Я не притворяюсь, поверь мне. Просто я давно не вспоминал об этом. Грустная вещь — воспоминания.

Как и у тебя, все началось с женщины. Такое совпадение не случайно; если хорошенько подумать — оно почти неизбежно. Все мы, променявшие радости семейной жизни на рулончики перфолент, подвержены этой инфекции. Вот почему Вечность вынуждена принимать такие строгие меры предосторожности. И наверно, по той же причине Вечные то и дело так изобретательно нарушают законы.

Та женщина — я помню ее как живую. Должно быть, глупо так цепляться за воспоминания. Ведь я почти ничего не помню о том биовремени. От моих бывших коллег сохранились лишь имена в архивах; Изменения, которые я рассчитывал (все, кроме одного) — только номера в катушках памяти Кибермозга. А ее я помню. Впрочем, как раз ты, вероятно, сможешь понять меня.

Много лет я просил разрешения на союз, но получил его, только став Младшим Вычислителем. Она оказалась девушкой из этого же Столетия, из 575-го. До получения разрешения я, как водится, и в глаза ее не видел. Она была умна и добра, хотя ее нельзя было назвать красивой или хотя бы хорошенькой. Но ведь и я даже в молодости (а я был молод — не верь легендам) не отличался красотой. Мы отлично ладили друг с другом, и не будь я Вечным, я был бы счастлив назвать ее своей женой. Сколько раз повторял я ей эти слова! Они льстили ее самолюбию, но это действительно было правдой. Вечные вынуждены встречаться со своими женщинами лишь в строгом соответствии с Расчетами, и мало кому из них выпадает на долю такая удача.

В той Реальности ей было суждено умереть молодой. Я смотрел на это философски. В конце концов, именно краткость ее жизни делала возможным наш союз.

Стыдно вспомнить, но в самом начале ее близкая смерть не слишком огорчала меня. Но так было только в самом начале.

Я проводил с ней все время, отпускаемое мне Инструкциями, боясь упустить хотя бы минуту, бесстыдно пренебрегая работой, забывая про еду и сон. Даже в самых смелых мечтах я не мог представить, что женщина может быть настолько мила и привлекательна. Я полюбил ее. Мне нечего к этому прибавить. Мой опыт в любви ничтожен, а знания, которые приобретаешь, подглядывая в Хроноскоп за Временами, стоят немного. Думаю все же, что я действительно любил ее.

Из простого удовлетворения чувственных желаний наша связь выросла в огромное всепоглощающее чувство. И тогда неизбежность ее смерти нависла надо мной подобно катастрофе. Я рассчитал ее Судьбу. Я не

обратился к Расчетчикам. Всю работу я проделал сам. Пусть это не удивляет тебя. Да, я нарушил традиции, я погрешил против своего звания, но все это бледнеет по сравнению с преступлениями, которые я совершил потом.

Да, да, я преступник, я — Старший Вычислитель Лабан Твиссел.

Трижды наступал и проходил момент биовремени, когда ничтожное вмешательство с моей стороны могло изменить ее личную судьбу и спасти ее. Разумеется, я знал, что ни одно Изменение, вызванное эгоистическими мотивами, никогда не будет одобрено Советом. Все равно я начал чувствовать себя ее убийцей.

Потом она забеременела. И снова я нарушил свой долг, не приняв никаких мер. Видишь ли, я сам рассчитал ее Судьбу, приняв во внимание наши встречи, и знал, что вероятность беременности для нее довольно велика. Как ты, возможно, знаешь, а может быть, и не знаешь, связи Вечных с женщинами из Времени то и дело, несмотря на все предосторожности, приводят к подобным неприятностям. Все бывает. Но так как Вечным нельзя иметь детей, мы быстро и безболезненно ликвидируем последствия.

Но она так радовалась тому, что станет матерью! У меня не хватило духу огорчить ее, лишить ее этого счастья. Из Расчета Судьбы я знал, что она умрет до родов, и оправдывал этим свое бездействие. Она часами рассказывала мне, какое это счастье чувствовать в себе трепет новой жизни, а я сидел рядом с ней и пытался выдавить улыбку.

А затем случилось совершенно непредвиденное. Она родила до срока...

Не удивительно, что ты так на меня посмотрел. У меня был ребенок, настоящий ребенок, мой собственный. Никто из Вечных не может сказать этого о себе. Но и это неслыханное нарушение законов — пустяк по сравнению с тем, что я совершил позднее.

Рождение ребенка было для меня полной неожиданностью. В этих вопросах мой жизненный опыт был крайне мал.

В панике бросился я к Расчету Судьбы и обнаружил, что проглядел маловероятную «вилку». Профессиональ-

ный Расчетчик сразу бы заметил ее. Я был наказан за свою чрезмерную самонадеянность.

Но что я мог поделаться?

Убить ребенка? Его матери оставалось жить лишь две недели, и я решил: пусть они проживут этот срок вместе. Разве это так уж много — две недели счастья?

Расчет не солгал. Ровно через две недели она умерла. День, час и причина смерти — все было известно заранее. И то, что я целый год уже знал об этом, только усугубляло мое горе. Инструкция позволила мне провести с ней последние минуты. До самого конца я держал ее за руку. Другой рукой я обнимал своего сына.

Я сохранил ему жизнь. Почему ты так вскрикнул? Какое право ты имеешь осуждать меня?

Откуда тебе знать, что испытывает отец, держа на руках своего сына — крохотную частичку собственной жизни? Пусть у меня вместо сердца счетная машина, но я-то знаю!

Да, я сохранил ему жизнь. Что значило для меня еще одно преступление? Я поместил его в воспитательный дом и часто навещал (в строгой хронологической последовательности через определенные промежутки биовремени), оплачивая все расходы по его содержанию.

Так прошло два года. То и дело я проверял Расчет Судьбы своего сына (это нарушение вошло у меня в привычку) и каждый раз с удовольствием убеждался, что вредные эффекты отсутствуют с точностью до 0,00001. Мальчик научился ходить и лепетать несколько слов. Но никто не учил его называть меня «папой». Я не знаю, какие догадки в отношении меня строили Времена, заведовавшие этим домом. Но они брали мои деньги и ни о чем не спрашивали.

Через два года на рассмотрение Совета Времен был вынесен проект Изменения, которое краешком захватывало 575-е. Незадолго до этого меня произвели в Вычислители. Детальная разработка проекта была поручена мне. Я гордился своим повышением. Возможность самостоятельно рассчитать Изменение привела меня в восторг.

Но к моей радости примешивалась озабоченность. В текущей Реальности мой сын был незванным пришельцем. В новой Реальности он не должен был иметь Аналогов. Мысль о том, что ему предстоит перейти в небытие, приводила меня в отчаяние.

Я разработал проект, который мне тогда казался безукоризненным. Но я поддался искушению. Заранее уверенный в ответе, я все же еще раз проделал Расчет Судьбы моего сына в новой Реальности.

А затем я провел сутки в своем кабинете без еды и сна, до изнеможения повторяя этот Расчет в тщетной надежде отыскать в нем ошибку. Но ошибки не было.

Утром я должен был вручить свои рекомендации Совету. Вместо этого я, пользуясь приближенным методом, наскоро разработал для себя Инструкции и вышел во Время в точке, отстоящей от момента рождения моего сына на тридцать с лишним лет.

Ему было тридцать четыре года; столько же, сколько и мне тогда. Я представился ему в качестве дальнего родственника его матери. О своих родителях он ничего не знал; никаких воспоминаний детства у него не сохранилось.

Он работал авиационным инженером. В 575-м существовало много способов воздушных сообщений (так же, как и в теперешней Реальности). У него была интересная работа, он был уважаемым и преуспевающим членом общества. Его жена была очаровательной женщиной, но детей у них не было. В новой Реальности, где мой сын не должен был существовать, Аналог этой женщины никогда не выйдет замуж. Все это я знал давно. Я знал, что Реальность не пострадает, иначе я не мог бы оставить своего сына в живых. Все-таки я не был законченным негодяем.

Целый день я не отходил от своего сына. Любезно улыбаясь, мы беседовали на разные отвлеченные темы. Когда время, отпущенное мне Инструкцией, истекло, мы сухо простились. Но, прикрываясь маской равнодушия, я жадно впитывал каждый его жест, каждое слово, пытаясь навсегда сохранить их в своей памяти. На следующий день (по биовремени) эта Реальность должна была прекратить свое существование.

Как мне хотелось посетить заодно и тот отрезок Столетия, когда еще была жива моя жена, но у меня не оставалось ни секунды. Да и не знаю, хватило бы у меня мужества хоть издали взглянуть на нее.

Возвратившись в Вечность, я провел еще одну бессонную ночь. Трудно описать, какая борьба шла в моей душе. Но чувство долга победило. С опозданием на сутки я вручил свои рекомендации Совету.

Твиссел понизил голос до шепота и умолк. Сгорбившись, он сидел совершенно неподвижно, уставясь в какую-то точку на полу, и только руки его медленно сжимались и разжимались.

Не дождавшись продолжения, Харлан тихо кашлянул. Ему стало жаль старика.

— И это все? — спросил он после долгой паузы.

— Нет, хуже... гораздо хуже, — прохрипел Твиссел. — У моего сына в новой Реальности оказался Аналог. В четырехлетнем возрасте после полиомиелита он стал параликом. Сорок два года в постели при обстоятельствах, не позволяющих применить к нему технику регенерации нервов, открытую в 900-м. Я бессилен спасти его или хотя бы безболезненно окончить его мучения.

Эта Реальность все еще существует. Мой сын все еще там. Я один во всем виноват. Это я убил его мать и сделал его калекой. Я сам рассчитал это Изменение и отдал приказ совершить его. Много раз я нарушал законы ради него или ради его матери, но мне всегда будет казаться, что, исполнив свой долг и сохранив верность клятве Вечного, я совершил самое большое и единственное злодеяние за всю свою жизнь.

Харлан молчал, не находя слов.

— Но теперь-то ты понимаешь, почему я так близко принял к сердцу твою историю, почему я хочу, чтобы ты и Нойс были счастливы? — продолжал Твиссел. — Вечности это не повредит, а для меня, может быть, явится искуплением.

И вдруг Харлан поверил ему.

Сжав голову кулаками, он упал на колени и медленно раскачивался, не находя выхода отчаянию.

Подобно библейскому Самсону, он одним ударом разрушил свой храм. Он должен был спасти Вечность — и погубил ее; он мог обрести Нойс — и навсегда ее потерял.

Глава 15

В ПОИСКАХ КУПЕРА

Твиссел тряс Харлана за плечи, настойчиво окликающая его по имени:

— Харлан! Харлан! Во имя Вечности, будь мужчиной.

Харлан медленно выбирался из трясины отчаяния.

— Что же нам теперь делать?

— Только не падать духом. Ни в коем случае не опускать руки. Для начала выслушай меня. Отрешись от своей профессиональной точки зрения на Вечность и попробуй взглянуть на нее глазами Вычислителя. Все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Когда ты совершаешь во Времени какую-то вариацию и тем самым вызываешь Изменение Реальности, то Изменение наступает сразу. Почему?

— Потому что вариация сделала Изменение неизбежным, — слабым голосом ответил Харлан. Его все еще трясло как в лихорадке.

— Разве? Ты ведь можешь вернуться назад и уничтожить все следы этой вариации. Можешь или нет?

— Наверно, могу. Но мне никогда не приходилось делать этого. Я даже не слышал о таких вещах.

— Совершенно верно. Поскольку мы не отказываемся от своего намерения произвести Изменение, оно протекает согласно нашим планам. Здесь же мы имеем дело с обратным случаем. Ненамеренная вариация. Ты послал Купера не в то Столетие, и теперь мы хотим во

что бы то ни стало исправить эту ошибку и вернуть Купера обратно.

— Да, но как это сделать?

— Еще не знаю, но это возможно. Если бы это было невозможно, то вариация была бы необратима; Изменение произошло бы сразу. Но Изменение пока не наступило. Мы все еще находимся в Реальности «Мемуара Маллансона». Это означает, что вариация обратима и будет обращена.

— Что?!

Харлану казалось, что он снова погружается в бурлящую бездонную пучину бредовых кошмаров.

— Несомненно, существует какой-то способ замкнуть круг во Времени, и вероятность того, что мы сумеем найти этот способ, по-видимому, очень велика. Иначе наша Реальность уже исчезла бы. Пока она существует, мы можем быть уверены, что идем по правильному пути. Если в какой-то момент я или ты придем к ложным выводам, если вероятность замкнуть круг станет меньше определенной величины, Вечность перестанет существовать. Тебе это понятно?

В этом Харлан был не слишком уверен. Впрочем, он не особенно старался что-либо понять. Он медленно поднялся с колен и, дотащившись до кресла, бессильно упал в него.

— Вы думаете, что мы сможем вернуть Купера назад?..

— ...и послать его в нужное Время. Захватим его в момент выхода из капсулы, и он попадет в 24-е Столетие постаревшим на несколько биочасов, от силы на несколько биодней. Разумеется, это тоже будет вариацией, но, к счастью, незначительной. Реальность будет поколеблена, но не погибнет.

— Но как мы найдем его?

— Мы знаем, что это возможно, иначе Вечность бы уже не существовала. Что касается того, как это сделать, то как раз здесь мне необходима твоя помощь; поэтому-то я так стремлюсь привлечь тебя на свою сторону. Ты ведь у нас специалист по Первобытным Временам. Вот ты и скажи мне, что надо делать.

— Не могу, — простонал Харлан.

— Нет, можешь, — настаивал Твиссел.

Его голос снова звучал бодро, казалось, он даже помолодел. Глаза его загорелись упоением битвы, и он размахивал зажженной сигаретой, как копьем. Даже для Харлана, которого пережитые потрясения сделали почти бесчувственным, было очевидно, что Твисселом овладел азарт борьбы и он упивается этим чувством.

— Попробуем восстановить ход событий, — говорил Твиссел. — Вот пульт. Ты стоишь около него и ждешь сигнала. Пора. Ты включаешь контакт и в то же время переводишь рычаг на несколько Столетий назад. На сколько?

— Не знаю. Я же сказал вам: не знаю!

— Ты-то, может быть, не знаешь, но мышцы твои должны помнить. Становись сюда к пульта и положи руку на контакт. Возьми себя в руки, мой мальчик. Иди сюда. Так. Стань вот здесь. Ты ждешь сигнала. Ты ненавидишь меня, ненавидишь Совет, ненавидишь Вечность. Твое сердце изнывает от тоски по Нойс. Вернись мысленно к этому мгновению. Попробуй пережить его еще раз. Теперь я пущу секундомер. Я даю тебе одну минуту, чтобы войти в роль. Затем в нулевой момент рвани правой рукой рычаг, как ты сделал это прежде, и убери руку. Не возвращай рычаг назад. Приготовился?

— Не думаю, чтобы у меня получилось.

— Он не думает! Святое Время, да у тебя нет выбора! Или ты знаешь другой способ вернуть свою девушку?

Выбора действительно не было. Усилием воли Харлан заставил себя подойти к пульта; и как только он это сделал, недавние чувства снова захлестнули его. Ему не пришлось искусственно вызывать их. Они сами нахлынули на него, стоило ему только повторить знакомое движение. Красная стрелка секундомера двинулась по циферблату.

«Может быть, последняя минута жизни», — отвлеченно подумал он.

Минус тридцать секунд.

«Больно не будет. Ведь это не смерть», — мелькнула мысль.

Он решил думать только о Нойс.

Минус пятнадцать секунд.

Нойс!

Левая рука потянулась к контакту.

Минус двенадцать секунд.

Контакт!

Начала подниматься правая рука.

Минус пять секунд.

Нойс!

Правая рука... НОЛЬ... рывком рванула рычаг на себя.

Тяжело дыша, Харлан отскочил в сторону.

Твиссел стремительно бросился к прибору и нагнулся над шкалой.

— Двадцатое Столетие, — сказал он, — точнее, девяtnадцать целых, тридцать восемь сотых.

— Не знаю, — сдавленным голосом выговорил Харлан, — я старался как можно точнее воспроизвести свои ощущения, но все было немного иначе. Я знал, что я делаю, и в этом вся разница.

— Понимаю, — ответил Твиссел. — Возможно, что ты ошибся. Будем считать наш опыт первым приближением.

Он замолчал, мысленно произведя какие-то расчеты, начал было вытаскивать карманный анализатор, но передумал и засунул его обратно.

— Разрази Время все эти десятичные знаки! Прием вероятность того, что ты заслал его во вторую четверть двадцатого Столетия, равной 0,99. Ну, скажем, куда-нибудь между 19,25 и 19,50. Хорошо?

— Не знаю.

— Ладно, теперь слушай меня внимательно. Я принимаю решение вести поиски только в этом отрезке Времени, исключив все остальные. Если я ошибусь, мы потеряем последнюю возможность замкнуть круг во Времени, и Вечность исчезнет. Само по себе это решение уже является Минимальным необходимым воздействием, МНВ, которого достаточно, чтобы вызвать Изменение. Теперь я принимаю решение. Я решаю твердо и бесповоротно...

Харлан осторожно огляделся вокруг, словно Реальность вдруг сделалась такой зыбкой, что могла рухнуть от резкого поворота головы.

— Я абсолютно уверен в существовании Вечности, — сказал он.

Своим спокойствием Твиссел настолько заразил Харлана, что он произнес эти слова твердым голосом (во всяком случае, так ему показалось).

— Значит, Вечность еще существует, — сухо и деловито сказал Твиссел, — и, следовательно, мое решение верно. Здесь нам больше нечего делать. Я предлагаю перейти в мой кабинет, а сюда пустим членов Комитета. Пусть себе болтаются по залу, если им это доставляет удовольствие. Им незачем что-либо знать. Они думают, что проект благополучно завершен. Если мы потерпим неудачу, они никогда об этом не узнают. И мы тоже.

Твиссел внимательно осмотрел со всех сторон свою сигарету и начал:

— Вопрос вот в чем: что предпримет Купер, когда обнаружит, что попал не в то Столетие?

— Понятия не имею!

— Ясно одно: он смысленный парнишка, неглупый и с воображением. Как ты считаешь?

— Ясное дело, ведь он Маллансон.

— Вот именно. И он уже задумывался над возможностью ошибки. Помнишь, один из последних его вопросов: а вдруг он попадет не в то Время?

— Ну и что же? — Харлан не имел ни малейшего представления, куда клонит Твиссел.

— Следовательно, внутренне он подготовлен к такой возможности. Он попытается что-то предпринять, связаться с нами, облегчить нам поиски. Помни, что часть своей жизни он был Вечным. Это очень существенно.

Твиссел выпустил колечко дыма и, разбив его пальцем, внимательно следил, как синие струйки свивались в маленькие клубочки.

— Для Купера нет ничего необычного в идее послать сообщение через сотни Столетий. Он вряд ли без борьбы примирится с тем, что безвозвратно затерян во Времени. Он ведь знает, что мы будем искать его.

— Но, не имея капсулы, за семь веков до создания Вечности, как он может хоть что-то сообщить нам? — спросил Харлан.

— Множественное число здесь ни к чему, Техник. Не нам, а тебе. Ты наш специалист по Первобытной Эпохе. Ты обучал Купера. Естественно, он придет к выводу, что только ты сможешь разыскать его следы.

— Какие следы?

Твиссел взглянул на Харлана, его пронизательное старческое личико лучилось морщинами.

— С самого начала мы собирались оставить Купера в Первобытной Эпохе. У него нет защитной оболочки в виде поля биовремени. Вся его жизнь как бы вплетена в ткань Времени, и точно так же вплетены в эту ткань любые предметы, знаки или сообщения, которые он мог оставить для нас. Я не сомневаюсь, что, когда вы изучали 20-е Столетие, вы пользовались какими-нибудь специальными источниками. Документы, архивные материалы, пленки, справочники, любые подлинные материалы, датированные той Эпохой.

— Разумеется.

— Он изучал их вместе с тобой?

— Да.

— Не было ли среди этих материалов таких, которые пользовались особым твоим расположением; материалов, в отношении которых Купер мог бы рассчитывать, что ты очень хорошо с ними знаком и легко обнаружишь в них малейшее упоминание о нем.

— Теперь я понимаю, к чему вы клоните, — сказал Харлан и задумался.

— Так что же? — нетерпеливо спросил Твиссел.

— Почти наверняка — это мой еженедельник. Еженедельные журналы пользовались большой популярностью в 20-м Столетьи. У меня есть почти все выпуски одного из них, начиная с начала 20-го Столетия и почти до конца 22-го.

— Отлично. Как ты думаешь, каким способом Купер мог бы поместить свое сообщение в этот еженедельник? Помни, ему известно, что ты читаешь этот журнал и хорошо знаком с ним.

— Не знаю. — Харлан покачал головой. — Эти журналы отличались крикливым и манерным стилем.

Их содержание никогда не блистало полнотой и объективностью и, как правило, носило случайный характер. Полагаться на то, что они напечатают определенное сообщение и к тому же в нужном виде, почти невозможно. Любое событие могло быть искажено до неузнаваемости. Даже если Куперу удалось получить работу в редакции, а это маловероятно, нельзя поручиться, что его заметка минует многочисленных редакторов без купюр и изменений. Я не вижу такого способа, Вычислитель.

— Заклинаю тебя Вечностью, подумай как следует! Сосредоточься на проблеме еженедельника. Представь, что ты — Купер и что ты в 20-м Столетии. Ты обучал его, Харлан. Ты формировал его мышление. Так что же он предпримет? Как он заставит журнал напечатать его сообщение, не изменив в нем ни единого слова?

Харлан широко раскрыл глаза:

— Реклама!

— Что? Что?

— Реклама. Платное объявление, которое печатается в точности так, как этого хочет заказчик. Мы с Купером несколько раз обсуждали вопросы, связанные с рекламой.

— Ах да, да! Что-то в таком духе было в 186-м.

— Ни одно Столетие не может сравниться в этом отношении с 20-м. Это было время наивысшего расцвета рекламы. Уровень культуры...

— Возвратимся к этому рекламному объявлению, — торопливо прервал его Твиссел. — Каким оно может быть?

— Хотел бы я знать...

Твиссел уставился на горящий кончик своей сигареты, словно ища в нем искорку вдохновения.

— Он не может действовать открыто. Он не может написать: Купер из 78-го Столетия заброшен в 20-е и вызывает Вечность...

— Почему вы так уверены?

— Совершенно невозможно. Подобное сообщение, опубликованное в 20-м Столетии, еще вернее разорвало бы Маллансоновский круг, чем ошибочное действие с нашей стороны. Но мы еще здесь — следовательно,

за всю свою жизнь в текущей Реальности 20-го Столетия Купер не сделал ни одного ложного шага.

— А кроме того, — сказал Харлан, уводя разговор в сторону от всей этой круговой казуистики, которая, казалось, совершенно не смущала Твиссела, — кроме того, ни одна редакция не согласилась бы на публикацию объявления, которое показалось бы ей безумным или бессмысленным. Они заподозрили бы мошенничество или еще что-нибудь столь же незаконное и побоялись бы связываться. Кстати, поэтому же Купер не мог написать свое объявление на Межвременном языке.

— Да, идея должна быть тонкой и хитроумной, — задумчиво проговорил Твиссел. — Ему, вероятно, пришлось прибегнуть к иносказаниям. Это объявление должно казаться современникам вполне обычным. Без сучка и задоринки. И в то же время в нем должно содержаться нечто совершенно очевидное для нас. Какая-нибудь деталь, которую мы заметим с первого взгляда, потому что искать это объявление придется среди тысяч ему подобных. Харлан, как по-твоему, они дорого стоили?

— Крайне дорого.

— А у Купера наверняка не густо с деньгами. И кроме того, оно все равно должно быть небольшим во избежание излишних подозрений. Подумай, Харлан. Как велико оно может быть?

— Полколонки, — показал руками Харлан.

— Колонки?

— Видите ли, эти журналы печатались на бумаге. Текст располагался колонками.

— Да, да. У меня книги всегда ассоциируются только с пленками... Ну вот, мы получили еще одно приближение. Нам следует искать рекламное объявление на полколонки, которое с первого взгляда покажет нам, что его поместил человек из более позднего Столетия, но в котором люди 20-го Столетия не увидели ничего странного или подозрительного.

— А что если я не найду его? — спросил Харлан.

— Обязательно найдешь. Вечность ведь существует, не так ли? Пока она существует, мы на верном пути. Кстати, скажи мне, когда ты занимался с Купером, тебе не попадалось похожего объявления? Не было

чего-нибудь хоть на секунду остановившего твой взгляд каким-то внутренним несоответствием?

— Нет.

— Мне не нужны мгновенные ответы. Подумай минут пять, потом отвечай.

— Что толку думать? Когда я просматривал эти журналы вместе с Купером, его еще не было в 20-м Столети.

— Мой мальчик, для чего у тебя голова? Послав Купера в 20-е, ты произвел вариацию. Это еще не Изменение, вариация не является необратимой. Но существуют изменения с малой буквы, микроизменения, как их называют при Вычислениях. В то же самое мгновение, в которое Купер был послан в 20-е, в соответствующем выпуске журнала появилось это объявление. Твоя собственная Реальность претерпела микроизменение в том смысле, что ты с большей вероятностью остановил бы свой взгляд на странице с объявлением, чем на странице без объявления. Ты понял?

И снова у Харлана голова пошла кругом от той легкости, с которой Твиссел пробирался сквозь джунгли «парадоксов» Времени. Он растерянно покачал головой.

— Не припоминаю ничего похожего, сэр.

— Ну что ж, оставим это. Где ты хранишь свою коллекцию?

— Я воспользовался особым положением Купера и построил специальную библиотеку в Секции Два.

— Чудесно, — ответил Твиссел, — пошли туда немедленно.

Войдя в библиотеку Харлана, Твиссел долго и изумленно рассматривал старинные переплетенные тома и затем снял один из них с полки. Книги были так стары, что непрочную бумагу пришлось пропитать специальным составом; в неловких руках Вычислителя хрупкие страницы разламывались с легким треском.

Харлан поморщился как от боли. В другое время он велел бы Твисселу держаться подальше от полок, будь он хоть трижды Старшим Вычислителем.

Твиссел напряженно разглядывал хрустящие страницы, медленно и беззвучно шевеля губами.

— Так это и есть тот самый английский язык, о котором столько толкуют лингвисты? — спросил он, постукая пальцем по странице.

— Да, английский, — пробормотал Харлан.

— Громоздкая и неудобная штука.

Харлан пожал плечами. Конечно, в большинстве Столетий, охватываемых Вечностью, в ходу были фильмо-книги; там, где технический прогресс шагнул еще дальше, применяли запись на молекулярном уровне. Все же книги и печать не были чем-то неслыханным.

— Печатать книги было проще и дешевле, чем изготавливать пленки, — ответил он.

Твиссел потер рукой подбородок.

— Возможно. Приступим к поискам?

Он снял с полки другой том и, открыв его на первой попавшейся странице, принялся настойчиво ее разглядывать.

«Что это он делает? — подумал Харлан. — Неужели он рассчитывает, что ему сразу же повезет?»

Очевидно, догадка Харлана была верной, потому что Твиссел, встретив его удивленный взгляд, смущенно покраснел и торопливо поставил книгу на место.

Харлан взял первый том, относящийся к 25-му сантостолетию 20-го Столетия, и начал методично его перелистывать. Все его тело застыло в напряженной сосредоточенности, двигались только глаза, да изредка правая рука переворачивала страницу.

Через долгие, казавшиеся ему бесконечными промежутки биовремени Харлан вставал и, что-то бормоча себе под нос, тянулся за новым томом. В эти коротенькие перерывы рядом с ним обычно оказывалась чашка кофе или бутерброд.

Харлан глубоко вздохнул:

— Ваше присутствие здесь бесполезно.

— Я тебе мешаю?

— Нет.

— Тогда я лучше останусь, — пробормотал Твиссел.

Он вставал, садился, снова вставал и принимался бродить по комнате, беспомощно разглядывая корешки переплетов. Одна за другой догорали его бесчисленные сигареты, обжигая порой пальцы или губы, но он не замечал этого.

Биодень подошел к концу.

Харлан спал мало и плохо. Утром в перерыве между двумя томами Твиссел, помедлив над последним глотком кофе, задумчиво проговорил:

— Порой мне кажется странным, почему я не отказался от звания Вычислителя после того, как я... ты знаешь, о чем я говорю.

Харлан кивнул.

— Мне очень хотелось так поступить. Долгие биомесяцы я страстно надеялся, что мне больше не придется иметь дела ни с одним Изменением. У меня появилось болезненное отвращение к Изменениям; я даже стал задумываться, имеем ли мы право их совершать. Забавно, до чего могут довести человека эмоции.

Ты специалист по Первобытной истории, Харлан. Ты знаешь, что она из себя представляла. Реальность тогда развивалась слепо по линии наибольшей вероятности, и если эта наибольшая вероятность означала эпидемию чумы, или десять Столетий рабства, или упадок культуры, или... давай поищем что-нибудь по-настоящему скверное... или даже атомную войну, если бы только она была возможна в Первобытную Эпоху, то, разрази меня Время, *это происходило*.

— Люди были бессильны предотвратить катастрофу.

— После возникновения Вечности мир стал совсем иным. Начиная с 28-го Столетия, подобным явлениям нет больше места в истории. Святое Время, мы подняли нашу Реальность на такой высокий уровень благоденствия, о котором в Первобытные Времена невозможно было даже мечтать. Если бы не вмешательство Вечности, человечество никогда не достигло бы этого уровня; его вероятность ничтожно мала.

«Чего он добивается? — пристыженно подумал Харлан. — Заставить меня работать еще напряженнее? Я и так делаю все, что в моих силах».

— Если мы упустим сейчас эту возможность, — продолжал Твиссел, — то Вечность погибнет, и вероятнее всего, безвозвратно. Одним грандиозным скачком Реальность изменится в сторону максимальной вероятности. Я совершенно уверен, что это означает атомную войну и гибель человечества.

— Я думаю, мне пора заняться следующим томом, — сказал Харлан.

— Как много еще осталось! — растерянно произнес Твиссел в очередной перерыв. — Разве нельзя двигаться побыстрее?

— Скажите как. Мне лично кажется, что я должен просмотреть каждую страницу от начала и до конца. Делать это быстрее, чем сейчас, я просто не в силах.

Он методически продолжал переворачивать страницы.

— Все. Больше не могу, — сказал Харлан, — буквы расплываются, а это значит, что пора спать.

Второй биодень подошел к концу.

На третий биодень поисков в 10 часов 22 минуты по единому биовремени Харлан изумленно уставился на страницу и тихо сказал:

— Вот оно.

— Что? — не понял его Твиссел.

Харлан поднял голову, его лицо выражало крайнее удивление.

— Я не верил в это. Поймите, я ни на минуту по-настоящему не верил в это. Все ваши измышления насчет рекламных объявлений и журналов казались мне беспросветной чепухой.

До Твиссела, наконец, дошло, в чем дело.

— Ты нашел его!

Он бросился к Харлану и судорожно вцепился дрожащими пальцами в толстый том.

Харлан резко вырвал у него книгу, захлопнул ее и спрятал за спину.

— Что ты наделал? — взвизгнул Твиссел. — Ты же снова потерял его.

— Не волнуйтесь. Я знаю, где оно находится. Но прежде...

— Что прежде?

— Вычислитель Твиссел, нам еще осталось решить один небольшой вопрос. Вы сказали, что мне вернут мою девушку. Верните ее. Я хочу на нее взглянуть.

Твиссел удивленно посмотрел на Харлана; его редкие седые волосы в беспорядке торчали во все стороны.

— Ты что, смеешься надо мной?

— Нет, — резко ответил Харлан. — Мне не до шуток. Вы обещали мне, что все устроите... Может быть, это вы шутили? Вы дали слово, что мне вернут Нойс.

— Да, я обещал. Это решено.

— Тогда покажите мне ее живой и невредимой.

— Но я все никак не пойму тебя. Я ведь не прячу твою девушку. Никто ее не трогал. Она все еще там, в далеком будущем, в том Секторе, который Финжи указал в своем донесении. Святое Время, я же сказал тебе, что она в безопасности.

Харлан почувствовал, как его нервы натянулись до предела. Он сдавленно произнес:

— Прекратите играть словами. Ладно, она в безопасности. Но мне-то что от этого? Снимите блокировку Времени в 100000-м.

— Снять что?

— Барьер. Капсула не проходит сквозь него.

— Ты мне ни слова не сказал об этом.

— Разве?

Харлан был крайне удивлен. Говорил он об этом или нет? Все эти дни ни о чем другом он не думал. Неужели он не сказал ни слова? Он никак не мог вспомнить. Им снова овладел гнев.

— Ладно, — жестко проговорил он, — считайте, что я сказал вам об этом *теперь*. Снимите его.

— Но ведь это невозможная вещь. Барьер, непроницаемый для капсулы? Блокировка Времени?

— Вы что, хотите сказать мне, что не вы его поставили?

— Я не ставил его, клянусь Вечностью!

— Тогда... тогда... — Харлан почувствовал, как он бледнеет. — Значит, Колодцы заблокировал Совет. Они все знали и решили принять свои меры независимо от вас. Но тогда — клянусь Временем и Реальностью! — пусть сами поищут это объявление, Купера, Маллансона и все, что останется от Вечности. Черта с два они что-нибудь найдут!

— Стой, стой! — Твиссел в отчаянии схватил Харлана за локоть. — Возьми себя в руки, мой мальчик. Подумай сам. Совет не ставил барьера.

— Кто же его поставил?

— Никто не мог поставить. Его нельзя поставить. Это невозможно теоретически.

— Значит, вы знаете не всю теорию. Но барьер все же существует.

— Я знаю больше всех членов Совета и утверждаю, что подобная вещь невозможна.

— Барьер существует!

— Но если это так...

И Харлан вдруг заметил в глазах Твиссела такой ужас, какого не было даже в тот момент, когда он впервые услышал, что Купер послан не в то Столетие и что Вечности угрожает гибель.

Глава 16

СКРЫТЫЕ СТОЛЕТИЯ

Погруженный в свои мысли, Эндрю Харлан рассеянно следил, как подвигается работа. Работники вежливо не замечали его, потому что он был Техником. В обычных обстоятельствах Харлан даже не взглянул бы в их сторону, так велико было презрение Специалистов к Обслуживающему Персоналу. Но, глядя сейчас на их слаженные, уверенные действия, Харлан вдруг поймал себя на чувстве зависти к ним.

Серо-стальная форма и черные нашивки с красной зигзагообразной молнией выдавали их принадлежность к Отделу межвременных перевозок.

С помощью сложной аппаратуры они быстро и умело проверяли Темпоральные двигатели капсулы и степени гипер-свободы вдоль временной протяженности Колодцев. Их теоретические познания были невелики, но свое дело они знали в совершенстве.

Учась в школе, Харлан почти не сталкивался с Работниками. Честно говоря, ему совсем не хотелось знакомиться с ними. В Работники направляли Учеников, не выдержавших испытания. Попасть в не-Специалисты, как их деликатно называли, значило всю жизнь носить на себе клеймо провала, и Ученики старались не думать о подобной возможности.

Но сейчас, наблюдая за Работниками, Харлан пришел к выводу, что они по-своему счастливы.

Ничего удивительного. Их было раз в десять больше, чем Специалистов, «истинных Вечных». У них было

свое общество, свои жилые Секции, свои радости и удовольствия. Их рабочий день не превышал определенного числа биочасов, и никто не глядел на них косо, если в свободное время они занимались посторонними делами, не имеющими отношения к их профессии. Они могли посвящать свой досуг книгам и стереофильмам, отобранным из различных Реальностей. У Специалистов никогда не хватало на это времени.

Суматошная жизнь Специалистов казалась неестественной по сравнению с простым существованием Работников. Их психика также, вероятно, была более спокойной и уравновешенной.

Работники были тем фундаментом, на котором держалась Вечность. Странно, что эта очевидная мысль ни разу прежде не приходила ему в голову. Работники ведали доставкой из Времени воды и продовольствия, уничтожали отходы, обслуживали энергетические установки. Это они обеспечивали безотказную работу сложного механизма Вечности. Если бы в один прекрасный день вымерли все Специалисты, то Работники могли бы и дальше поддерживать существование Вечности. А вот если бы исчезли Работники, то Специалистам оставалось бы только бежать из Вечности или погибнуть самым бесславным образом от голода и жажды.

Как относятся Работники к безбрачию, невозможно-сти вернуться в родное Время, к запрету иметь семью и детей? Они не знают нужды и болезней, им не грозят Изменения Реальности. Служит ли это в их глазах достаточной компенсацией? Интересуется ли хоть кто-нибудь их мнением по разным вопросам? Харлан почувствовал, как в нем снова разгорается пыл борца за социальную справедливость.

Появление Твиссела отвлекло его от этих мыслей. Они расстались полчаса назад, когда Работники приступили к осмотру капсулы. Твиссел, запыхавшись, трусил мелкой рысцой, и вид у него был еще более замученный, чем прежде.

«Как только он выдерживает такое напряжение? — подумал Харлан. — Ведь он уже очень стар».

Твиссел быстро по-птичьему оглядел Работников, которые при его появлении почтительно выпрямились.

— Ну, что с Колодцами? — спросил он.

— Все в порядке, сэр, — отъехал один из Работников. — Путь чист, интенсивность Поля везде нормальная.

— Вы все проверили?

— Да, сэр. Весь интервал, обслуживаемый отделом.

— Вы свободны. — Его слова прозвучали как категорический приказ немедленно удалиться.

Работники, вежливо поклонившись, заторопились прочь.

Твиссел и Харлан остались в Колодце вдвоем.

— Подожди меня здесь, — попросил Твиссел, — я скоро вернусь.

Харлан отрицательно покачал головой:

— Я поеду с вами.

— Ну, как ты не понимаешь! Что бы ни случилось со мной, ты знаешь, как найти Купера. Если же что-нибудь произойдет с тобой, то что смогут сделать без тебя я, или любой другой Вечный, или даже все Вечные, вместе взятые?

Харлан снова упрямо покачал головой.

Твиссел поднес сигарету к губам и глубоко затянулся.

— Сеннор почуял неладное. За два последних биодня он несколько раз вызывал меня по видеофону. Он допытывается, почему я вдруг уединился. Если он узнает, что по моему приказу проведена полная проверка всего оборудования Колодцев... Мне надо ехать, Харлан. Сейчас же. Не задерживай меня.

— Я вас не задерживаю. Я готов.

— Ты настаиваешь на своем?

— Если барьера нет, то нет и опасности. Если же он существует... ну что ж, я уже был там и вернулся. Что вас пугает, Вычислитель?

— Я не хочу рисковать без особой нужды.

— Тогда прибегните к своему любимому рассуждению. Твердо решите, что я еду вместе с вами. Если после этого Вечность не исчезнет — следовательно, круг еще можно замкнуть, а значит, с нами ничего не случится. Если этот шаг ложен, то Вечность погибнет, но она с одинаковым успехом погибнет и в том случае, если я не поеду, потому что — клянусь! — без Нойс я и пальцем не пошевелю, чтобы вызволить Купера.

— Я сам привезу ее к тебе.

— Если это так легко и просто, почему бы и мне не поехать вместе с вами?

Было видно, что Твиссела раздражают сомнения. Наконец он хрипло сказал:

— Ладно, поехали!

И Вечность уцелела.

Но испуганное выражение в глазах Твиссела не исчезло и после того, как они вошли в капсулу. Он не сводил взгляда с мелькающих на Счетчике Столетий цифр. Даже более грубый Счетчик Килостоletий, установленный специально для этой поездки, и тот щелкал с минутными интервалами.

— Тебе не следовало бы ехать!

— Почему? — пожал плечами Харлан.

— Я не могу объяснить. Меня одолевают предчувствия. Назови это, если угодно, суеверием. Я себе места не нахожу.

— Не понимаю вас.

Твиссел напрашивался на разговор; казалось, он стремится заговорить беса сомнения.

— Вот послушай. Ты у нас специалист по Первобытной истории. Сколько времени в Первобытной Эпохе существовал человек?

— Десятки тысяч Столетий. От силы пятнадцать.

— Так, и за это время он превратился из обезьяноподобного существа в гомо сапиенса. Верно?

— Да. Но это знают все.

— Все знают, однако никто не задумывается над тем, как велика была скорость эволюции. Всего за пятнадцать тысяч Столетий от обезьяны до человека.

— Ну и что?

— А то, что я, например, родился в 30000-м...

Харлан невольно вздрогнул. Ни он и никто из тех, с кем ему приходилось сталкиваться, знать не знали, откуда Твиссел родом.

— Я родился в 30000-м, — повторил Твиссел, — а ты в 95-м. Нас разделяет промежуток, вдвое превышающий все время существования человека в Первобытной Эпохе, а чем мы отличаемся друг от друга? У моих современников на четыре зуба меньше, чем у тебя, и

отсутствует аппендикс. Анатомические различия на этом кончаются. Обмен веществ протекает у нас почти одинаково. Самая большая разница заключается в том, что клетки твоего организма могут образовывать стероидные ядра, а моего не могут, поэтому для меня необходим холестерин, а ты можешь без него обойтись. У меня был ребенок от женщины из 575-го. Вот как мало изменений внесло Время в человеческие существа.

На Харлана это рассуждение не произвело особого впечатления. Он никогда не сомневался в том, что человек в принципе одинаков во всех Столетиях. Для него это положение было аксиомой.

— Есть и другие существа, не претерпевшие изменений за миллионы Столетий.

— Не так уж много. И кроме того, эволюция человека прекратилась после возникновения Вечности. Что это, случайность? Подобными вопросами у нас интересуются лишь немногие, вроде Сеннора, а я никогда не был Сеннором. Я никогда не занимался беспочвенным теоретизированием. Если проблему нельзя рассчитать с помощью Кибермозга, то Вычислитель не имеет права тратить на нее свое Биовремя. И все-таки, когда я был моложе, я порой задумывался...

«О чем? — заинтересовался Харлан. — Что ж, слушаем Твиссела».

— Я пытался вообразить, что из себя представляла Вечность вскоре после своего возникновения. Она простиралась всего на несколько Столетий между 30-ми и 40-ми и занималась в основном Межвременной торговлей. Она интересовалась проблемой восстановления лесов, перемещала во Времени почву, пресную воду, химикалии. Жизнь была проста в те дни.

Но затем были открыты Изменения Реальности. Старший Вычислитель Генри Уодсмен с присущим ему драматизмом предотвратил войну, испортив тормоза в автомобиле одного конгрессмена. После этого центр тяжести Вечности все больше и больше смещался от торговли к Изменениям Реальности. Почему?

— Кто ж не знает? Благоденствие человечества.

— Да, да. Обычно и я так думаю. Но сейчас я говорю о своих кошмарах. А что если существует и другая причина, невысказанная, подсознательная? Че-

ловек, имеющий возможность отправиться в бесконечно далекое будущее, может встретить там людей, настолько же обогнавших его в своем развитии, насколько он сам ушел от обезьяны. Разве не так?

— Возможно. Но люди остаются людьми...

— ...даже в 70000-м. Да, я знаю. А не связано ли это с нашими Изменениями Реальности? Мы изгнали необычное. Даже безволосые создания из века Сеннора и те находятся под вопросом, а уж они-то, видит Время, совершенно безобидны. А что если мы, несмотря на все наши честные и благородные намерения, остановили эволюцию человека только потому, что боялись встретиться со сверхлюдьми?

Но и эти слова не высекли искры.

— Остановили так остановили, — ответил Харлан. — Какое это имеет значение?

— А что если сверхлюди все-таки существуют в том отдаленном будущем, которое недоступно нам? Мы контролируем Время только до 70000-го, дальше лежат Скрытые Столетия. Но почему они Скрытые? Не потому ли, что эволюционировавшее человечество не желает иметь с нами дела и не пускает нас в свое Время? Почему мы позволяем им оставаться Скрытыми? Не потому ли, что и мы не хотим иметь с ними дела и, потерпев один раз неудачу, отказались от всех дальнейших попыток? Я не хочу утверждать, что мы сознательно руководствуемся этими соображениями, но сознательно или подсознательно — мы все-таки руководствуемся ими.

— Пусть так, — угрюмо заявил Харлан, — они недостижимы для нас, а мы — для них. Живи сам и другим не мешай.

Твиссела даже передернуло от этих слов.

— «Живи сам и другим не мешай». Но ведь мы-то поступаем как раз наоборот. Мы совершаем Изменения. Через какое-то число Столетий Изменения затухают из-за инерции Времени. Помнишь, Сеннор за завтраком говорил об этом эффекте как об одной из неразрешимых загадок? Ему следовало сказать, что все эти данные — чистая статистика. Действие одних Изменений растягивается на большее число Столетий, действие других — на меньшее. Почему, никто не знает. Теоре-

тически существуют Изменения, способные затронуть любое число Столетий — сто, тысячу, даже сто тысяч. Люди будущего из Скрытых Столетий могут знать об этом. Предположим, они обеспокоены возможностью, что в один прекрасный день какое-то Изменение затронет всю эту эпоху, вплоть до 200000-го.

— Но что толку сейчас беспокоиться об этом? — спросил Харлан с видом человека, которого гложут куда более серьезные заботы.

Твиссел зашептал:

— А ты представь себе, что это беспокойство было не особенно серьезным, пока Секторы в Скрытых Столетиях оставались необитаемыми. Для них это служило доказательством, что у нас нет агрессивных намерений. И вдруг кто-то нарушил перемирие и поселился где-нибудь за 70000-м. Что если они посчитали это первым признаком готовящегося вторжения? Они в состоянии отгородить от нас свое Время — следовательно, их наука намного опередила нашу. Кто знает, может быть, они в состоянии сделать то, что нам кажется теоретически невозможным — заблокировать Колодцы Времени, отрезать нас...

С криком ужаса Харлан вскочил на ноги.

— *Они похитили Нойс?!*

— Не знаю. Все это только мои домыслы. Может быть, никакого барьера и не было. Может быть, твоя капсула просто была неисправна...

— Был барьер, был! — закричал Харлан. — Ваше объяснение единственно верное. Почему вы мне раньше ничего не сказали?

— Я не был уверен! — простонал Твиссел. — Я и сейчас сомневаюсь. Мне не следовало бы вспоминать о своих дурацких фантазиях. Но все совпало... мои страхи... история с Купером... Подождем. Осталось несколько минут.

Он указал на счетчик. Стрелка двигалась между 95000-м и 96000-м.

Положив руку на рычаг управления, Твиссел осторожно притормозил капсулу. 99000-е осталось позади.

Стрелка грубого счетчика замерла неподвижно. На более чувствительном счетчике медленно сменялись номера отдельных Столетий.

99726 — 99727 — 99728...

— Что нам делать? — шептал Харлан.

Твиссел покачал головой; робкая надежда и призыв к терпению красноречиво слились в этом жесте с сознанием собственного бессилия.

99851 — 99852 — 99853...

Харлан приготовился к удару о барьер и в полном отчаянии подумал: неужели придется спасать Вечность только для того, чтобы получить отсрочку, выиграть время для предстоящей борьбы с созданиями из Скрытых Столетий? Но как еще вернуть Нойс? Как спасти ее? Скорее назад, в 575-е, и там напрячь все силы!..

99938 — 99939 — 99940...

Харлан затаил дыхание. Твиссел еще сбавил скорость. Капсула еле ползла вперед. Все ее механизмы работали безукоризненно; она чутко отзывалась на каждое движение руки Вычислителя.

99984 — 99985 — 99986...

— Сейчас, сейчас, вот сейчас... — сам того не замечая, шептал Харлан.

99998 — 99999 — 100000 — 100001 — 101002...

Двое мужчин, словно в трансе, напряженно следили за сменой чисел на счетчике.

Твиссел первым пришел в себя.

— Никакого барьера нет! — радостно вскричал он.

— Но ведь был барьер, был! — отозвался Харлан. Страдание причиняло ему физическую боль. — Неужели они уже похитили ее и сняли барьер за ненадобностью?..

111394-е.

С отчаянным воплем «Нойс! Нойс!» Харлан выскочил из капсулы. Гулкое эхо заметалось по пустынным коридорам и замерло вдалеке.

— Харлан, стой!.. — крикнул вслед ему Твиссел, не поспевая за своим молодым спутником.

Бесполезно! Харлан стремительно летел сквозь людные переходы в ту часть Сектора, где они с Нойс устроили себе какое-то подобие дома.

На мгновение он подумал о возможности встречи со «сверхлюдьми», как их называл Твиссел, и почувствовал, что волосы у него встают дыбом, но стремление отыскать Нойс оказалось сильнее страха.

— Нойс!

И внезапно, прежде даже, чем он успел разглядеть ее, она оказалась в его объятиях; закинув ему руки за шею, она прижалась к нему всем телом и уткнулась щекой в плечо так, что его подбородок совершенно потонул в ее мягких черных волосах.

— Эндрю, — шептала она, задыхаясь в его объятиях, — где ты пропадал? Тебя все не было и не было, я уже начала бояться.

Харлан отстранил ее и залюбовался ею с жадным восхищением.

— С тобой ничего не случилось?

— Со мной-то нет. Я опасалась, не стряслась ли с тобой беда. Я думала...

Она вдруг осеклась, и в глазах ее мелькнул ужас.

— Эндрю!

Харлан стремительно повернулся.

Но это был всего только Твиссел, запыхавшийся от быстрого бега.

Выражение лица Харлана, должно быть, несколько успокоило Нойс, и она спросила более ровным голосом:

— Ты его знаешь, Эндрю? Он с тобой?

— Не бойся, — ответил Харлан, — это мое начальство, Старший Вычислитель Лабан Твиссел. Ему все известно.

— Старший Вычислитель?!

Нойс испуганно отшатнулась.

Твиссел медленно приблизился к ней.

— Я помогу тебе, мое дитя. Я помогу вам обоим. Я дал слово Технику, но он не хочет мне верить.

— Прошу прощения, Вычислитель, — проговорил Харлан без особых признаков раскаяния.

— Прощаю, — ответил Твиссел.

Нойс робко и не без колебания позволила ему взять себя за руку.

— Скажи мне, девочка, тебе хорошо здесь жилось?

— Я беспокоилась.

— С тех пор как Харлан оставил тебя, здесь никого не было?

— Н-нет, сэр.

— Никого? Ни одной живой души?

Нойс покачала головой и вопросительно посмотрела на Харлана.

— А почему вы спрашиваете?

— Так, пустяки. Глупая фантазия. Пойдем, мы отвезем тебя в 575-е.

На обратном пути Эндрю Харлан постепенно впал в глубокую задумчивость. Он даже не взглянул на счетчик, когда они миновали 100000-е и Твиссел издал громкий вздох облегчения, словно до последней минуты боялся оказаться в ловушке.

Даже маленькая ручка Нойс, скользнувшая ему в ладонь, не вывела Харлана из этого состояния, и ответное пожатие его пальцев было чисто машинальным.

После того как Нойс мирно уснула в соседней комнате, нетерпеливость Твиссела достигла предела.

— Объявление, давай сюда объявление, мой мальчик. Я сдержал слово. Тебе вернули твою возлюбленную.

Молча, все еще занятый своими мыслями, Харлан раскрыл лежащий на столе том и нашел нужную страницу.

— Все очень просто. Я сначала прочту вам это объявление по-английски, а затем переведу его.

Объявление занимало верхний левый угол 30-й страницы. На фоне рисунка, сделанного тонкими штриховыми линиями, было напечатано крупными черными буквами несколько слов:

АКЦИИ
ТОРГОВЫЕ СДЕЛКИ
ОПЫТНЫЙ
МАКЛЕР

Внизу мелкими буквами было написано: «Почтовый ящик 14, Денвер, Колорадо».

Твиссел, напряженно слушавший перевод, разочарованно спросил:

— Что такое акции? Что они хотели этим сказать?

— Способ привлечения капитала, — нетерпеливо пояснил Харлан, — бумажки, которые продавались на бирже. Но дело не в них. Разве вы не видите, на фоне какого рисунка напечатано это объявление?

— Вижу. Грибовидное облако взрыва атомной бомбы. Попытка привлечь внимание. Ну и что?

— Разрази меня Время! — взорвался Харлан. — Что с вами стряслось, Вычислитель? Взгляните-ка на дату выпуска.

Он указал на маленькую строчку в самом верху страницы: «28 марта 1932 года».

— Едва ли это нуждается в переводе. Цифры выглядят почти так же, как и в Межвременном, и вы без моей помощи прочтете, что это 1932. Неужели вы не знаете, что в то Время ни одно живое существо еще не видело грибовидного облака? Никто не мог бы нарисовать его так точно, кроме...

— Постой, постой. Ведь здесь всего несколько тонких линий, — сказал Твиссел, стараясь сохранить спокойствие. — Может быть, это просто случайное совпадение?

— Случайное совпадение? Тогда взгляните на первые буквы строк: Акции — Торговые сделки — Опытный — Маклер. Составьте их вместе, и вы получите слово АТОМ. По-вашему, это тоже случайное совпадение?

Разве вы не видите, Вычислитель, что это объявление удовлетворяет всем вами же выработанным условиям? Оно сразу бросилось мне в глаза. Купер знал, что я не пропущу подобный анахронизм. И в то же время для человека из 1932-го в нем нет никакого скрытого смысла.

В 20-м Столетьи поместить такое объявление мог только Купер. Это и есть его послание нам. Мы знаем его положение во Времени с точностью до одной недели. У нас есть его почтовый адрес. Остается отправиться за ним. Во всей Вечности только один человек достаточно хорошо знает Первобытную Эпоху, чтобы отыскать там Купера, — это я.

— И ты согласен отправиться за ним? — Твиссел облегченно вздохнул.

— Согласен — при одном условии.

— Снова условия? — Твиссел сердито нахмурился.

— Условие все то же: безопасность Нойс. Я не выдвигаю новых требований. Она поедет со мной. Здесь я ее не оставляю.

— Ты все еще мне не доверяешь? Разве я хоть в чем-нибудь обманул тебя? Что беспокоит тебя?

— Только одно, Вычислитель, — мрачно ответил Харлан, — только одно: в 100000-м был поставлен барьер. С какой целью? Вот мысль, которая не дает мне покоя.

Глава 17

КРУТ ЗАМЫКАЕТСЯ

Эта мысль неотвязно преследовала его. В суете приготовлений к отъезду время пролетало незаметно, но с каждым днем беспокойство Харлана становилось все сильнее. Сначала между ним и Твисселом, а позже между ним и Нойс встала стена отчуждения. Настал день отъезда, но и это не вывело Харлана из состояния мрачной задумчивости.

Когда Твиссел вернулся и заговорил с ним о специальном заседании Комитета, Харлан с трудом поддерживал разговор.

— Что они сказали? — спросил он.

— Ничего хорошего, — устало ответил Твиссел.

Харлан готов был удовольствоваться этим ответом, но чтобы заполнить паузу, пробормотал:

— Надеюсь, вы им не рассказали о...

— Не бойся, — последовал раздраженный ответ. — Я не сказал им ни о девушке, ни о твоей роли во всем этом деле. Я заявил, что всему виной неполадки в механизмах, неблагоприятное стечение обстоятельств. Всю ответственность я взял на себя.

Как ни тяжело приходилось Харлану, он почувствовал острый укол совести.

— Вся эта история скверно отразится на вас.

— Сейчас Совет бессилён. Им приходится ждать, пока ошибка будет исправлена. До этого они не тронут меня. Если мы добьемся успеха, победителей не судят. Если же нет, то наказывать будет некого и некому. —

Твиссел пожал плечами. — Да и потом я все равно собираюсь по завершении этого дела устраниваться от активной деятельности.

Не докурив сигарету даже до половины, он погасил ее и бросил в пепельницу.

— Я бы охотно не посвящал их в это дело, но не было никакой другой возможности получить разрешение на использование специальной капсулы для новых поездок за нижнюю границу Вечности, — со вздохом закончил он.

Харлан отвернулся. Его мысли снова вернулись на проторенную дорожку. Харлан смутно слышал, как Твиссел что-то сказал, но Вычислителю пришлось несколько раз повторить свой вопрос, прежде чем Харлан, вздрогнув, пришел в себя:

— Простите?

— Я спрашиваю: твоя девушка готова? Понимает ли она, что ей предстоит?

— Да, конечно. Я ей все объяснил.

— Ну и как она к этому отнеслась?

— Что?... А, да, да... Гм... Так, как я и рассчитывал. Она не испугалась.

— Осталось меньше трех биочасов.

— Знаю.

На этом разговор оборвался, и Харлан снова остался наедине со своими мыслями и щемящим сознанием того, что ему предстоит дорогой ценой искупить свою вину.

Когда с загрузкой капсулы и отладкой управления было покончено, появились Харлан и Нойс. Они были одеты так, как одевались в сельской местности в начале 20-го Столетия.

Нойс внесла несколько исправлений в рекомендации Харлана относительно ее костюма, ссылаясь на свое чутье в вопросах одежды и эстетики. Она тщательно выбирала детали своего одеяния по рекламным картинкам в соответствующих томах еженедельника и внимательно разглядывала вещи, доставленные из десятка различных Столетий.

Несколько раз она обращалась к Харлану за советом. Он пожимал плечами.

— Когда говорит женское чутье, мне лучше молчать.

— Слишком уж ты покладист, Эндрю. — В ее веселости было что-то неестественное. — Это скверный признак. Что стряслось с тобой? Ты на себя не похож. Вот уже несколько дней, как я просто не узнаю тебя.

— Ничего не случилось, — уныло отвечал Харлан.

Увидев их в роли аборигенов 20-го Столетия, Твиссел натянуто рассмеялся.

— Сохрани меня Время! Что за уродливые костюмы носили эти Первобытные люди, и все-таки даже этот отвратительный наряд не в силах скрыть вашу красоту, моя милая, — обратился он к Нойс.

Нойс одарила его приветливой улыбкой, и Харлан, стоявший рядом с ней в мрачном молчании, был вынужден признать, что в старомодном галантном комплименте Твиссела есть доля истины. Платье Нойс скрывало красоту ее тела; косметика сводилась к нескольким невыразительным мазкам краски на губах и щеках, брови были уродливо подведены, и — самое ужасное — прелестные длинные волосы были безжалостно подстрижены. И все же она была прекрасна.

Сам Харлан уже освоился с тем, что ему давит пояс и жмет под мышками, пригляделся к мышинной серости красок грубо сотканной ткани: ему не раз приходилось носить странные костюмы чужих Столетий.

— Мне бы очень хотелось установить в капсуле ручное управление, как мы собирались, — обратился Твиссел к Харлану, — но, оказывается, это невозможно. Инженерам необходим для этого достаточно мощный источник энергии, а таких источников вне Вечности нигде нет. Мы забрасываем вас в Первобытную Эпоху, изменяя отсюда локальную напряженность Темпорального Поля. Но нам все же удалось установить рычаг возврата.

Он провел их в капсулу, пробираясь между кипами снаряжения, и указал на маленький рычажок на полированной внутренней стенке.

— Он действует как простой выключатель. Вместо того чтобы сразу же автоматически возвратиться в Вечность, капсула останется в Первобытном Времени. Как

только вы захотите вернуться, поверните этот рычаг. Затем еще несколько минут, и последняя поездка...

— Как, еще одна поездка? — вырвалось у Нойс. Харлан повернулся к ней.

— Видишь ли, я не успел тебе объяснить. Цель нашей экспедиции — точно установить момент появления Купера в 20-м. Мы не знаем, сколько времени прошло между его прибытием и публикацией объявления. Мы напишем ему по указанному в объявлении почтовому адресу и постараемся выяснить у него эти сведения как можно точнее. Затем прибавим к этому моменту те пятнадцать минут, которые капсула оставалась в Первобытном...

— Понимаете, мы не можем послать капсулу в одно и то же Место и Время в два различных момента биовремени, — вмешался Твиссел. Он сделал попытку улыбнуться Нойс.

Нойс добросовестно пыталась усвоить это объяснение.

— Понимаю, — не слишком уверенно сказала она. Твиссел продолжал, обращаясь к ней:

— Перехватив Купера в момент его прибытия, мы обратим все микроизменения. Объявление с грибовидным облаком исчезнет, а сам Купер будет знать только то, что капсула исчезла, как ей и полагалось, и вдруг неожиданно появилась снова. Он так и не узнает, что побывал не в том Столетии, а мы не скажем ему об этом. Ему объяснят, что в его Инструкции оказался упущенным какой-то очень важный пункт (этот пункт еще предстоит придумать), а дальше нам остается только надеяться, что он не придаст этому событию особого значения и не упомянет в своем мемуаре о том, что его посылали в прошлое дважды.

Нойс подняла выщипанные брови:

— Все это слишком сложно для меня.

— Да, к сожалению.

Твиссел потер руки и посмотрел на них так, словно его мучили внутренние сомнения. Затем он выпрямился, закурил новую сигарету и даже умудрился придать голосу некоторую беззаботность:

— Ну что ж, счастливого пути, друзья!

Он торопливо пожал руку Харлану, кивнул Нойс и вышел из капсулы.

— Мы уже отправляемся? — спросила Нойс, когда они остались вдвоем.

— Через одну-две минуты, — ответил Харлан.

Он кинул на нее быстрый взгляд. Нойс глядела ему прямо в глаза и бесстрашно улыбалась. С большим трудом ему удалось удержать ответную улыбку. Чувства сильнее рассудка, подумал он и отвернулся.

В путешествии не было ничего или почти ничего особенного; оно ничем не отличалось от обычной поездки в капсуле. На какое-то мгновение они ощутили внутренний толчок, вероятно, соответствовавший переходу через нижнюю границу Вечности. Впрочем, этот толчок был едва заметен и мог быть просто плодом их возбужденного воображения.

Когда капсула остановилась в Первобытном Времени, они вышли из нее в скалистый пустынный мир, освещенный яркими лучами заходящего солнца. В слабом дуновении ветерка уже чувствовалась легкая свежесть наступающей ночи. Ни один звук не нарушал тишины.

Кругом громоздились скалы, голые и величественные, тускло расцвеченные окислами железа, меди и хрома во все цвета радуги. Великолепие этой безлюдной и почти безжизненной местности подавило и ошеломило Харлана. Вечность не принадлежала к материальному миру; в ней не было солнца, и даже воздух был привозным. Воспоминания детства были смутными и неопределенными. А в своих Наблюдениях он имел дело только с людьми и их городами. Ни разу в жизни он не видел ничего похожего на эту картину.

Нойс тронула его за рукав.

— Эндрю, я замерзла.

Вздрагнув, он повернулся к ней.

— Эндрю, — повторила она, — мне холодно. Может быть, установим инфралампу?

— Хорошо. В пещере Купера.

— А ты знаешь, где она?

— Рядом, — последовал лаконичный ответ.

Харлан был уверен в этом. Местоположение пещеры было точно указано в мемуаре, и вначале Купер, а затем и они были посланы в это самое место.

Правда, на школьной скамье у Харлана зародились сомнения в возможности в любой момент Времени точно попасть в любой пункт на поверхности Земли. Ему вспомнилось, как он однажды поспорил с Наставником Ярроу.

— Ведь Земля вращается вокруг Солнца, — говорил Харлан, — а Солнце движется относительно центра Галактики, и сама Галактика тоже находится в движении. Если переместиться с какого-то места на Земле на сто лет назад, то мы окажемся в пустоте, потому что Земле потребуется целых сто лет, чтобы достичь этой точки пространства. (В те дни он еще говорил «сто лет» вместо Столетия).

— Нельзя разделять Время и Пространство, — ответил на его возражение Ярроу. — Двигаясь назад во Времени, ты движешься в Пространстве вместе с Землей. Уж не кажется ли тебе, что птица, поднявшись в воздух, вдруг окажется в пустоте, потому что Земля вращается вокруг Солнца и улетает из-под нее со скоростью тридцать километров в секунду?

Аналогия, как известно, вещь рискованная, но позднее Харлан познакомился и с более вескими доказательствами. Вот почему сейчас, после беспрецедентного путешествия в Первобытный мир, Харлан уверенно сделал несколько шагов и не испытал ни малейшего удивления, обнаружив вход в пещеру именно там, где было указано в Инструкции.

Он разгреб груды камней и гальки, скрывавших вход, и вошел внутрь. Тоненький лучик его фонарика рассекал темноту, словно скальпель. Дюйм за дюймом он тщательно осматривал пол, стены и потолок пещеры. Нойс, не отходявшая от него ни на шаг, спросила шепотом:

— Что ты ищешь?

— Сам не знаю. Что угодно, — ответил он.

Это «что угодно» нашлось в самом конце пещеры в виде пачки зеленых бумажек, придавленных плоским

камнем. Отбросив камень, Харлан провел пальцем по краю пачки.

- Что это такое? — спросила Нойс.
- Банкноты. Средство расплаты. Деньги.
- Ты рассчитывал найти их здесь?
- Я ни на что не рассчитывал. Просто надеялся...

Это была опять все та же логика наизнанку, которой пользовался Твиссел, — нахождение причины по следствию. Вечность существует — следовательно, Купер должен был прийти к правильному решению. Если он рассчитывал, что объявление приведет Харлана в соответствующее Время, то естественно было воспользоваться пещерой в качестве дополнительного средства связи.

Дела обстояли даже лучше, чем Харлан смел надеяться. Много раз во время подготовки к путешествию Харлан опасался, что его появление в городе со слитками золота, но без гроша в кармане вызовет подозрение и задержку. Конечно, Купер успешно прошел сквозь все это, но Купер мог действовать не торопясь. Харлан полистал пачку. Не так-то просто накопить такую кучу денег. Этот юнец недурно устроился в чужой эпохе, совсем недурно!

Еще немного, и круг замкнется!

В красноватых лучах закатного солнца они разгрузили капсулу и перенесли припасы в пещеру. Сама капсула была накрыта отражающей диффузной пленкой, надежно скрывавшей ее от любопытных глаз. Ее можно было обнаружить, только подойдя вплотную, но на этот случай Харлан был вооружен аннигилятором. Установили инфралампу, воткнули в расщелину фонарик, и в пещере стало тепло и уютно.

А снаружи наступила холодная мартовская ночь.

Нойс задумчиво глядела на медленно вращающийся параболический отражатель инфралампы.

— Что ты собираешься теперь делать, Эндрю?

— Завтра утром я отправлюсь в ближайший город. Я знаю, где он находится... то есть где он должен находиться.

«Все будет в порядке», — подумал он. Снова та же твисселовская логика наизнанку.

— Я тоже пойду с тобой, да?

— Нет, ты останешься здесь, — покачал головой Харлан, — ты не знаешь языка, а у меня и без того слишком много забот.

Неожиданный гнев, сверкнувший в глазах Нойс, заставил Харлана смущенно отвернуться.

— Не надо считать меня дуручкой, Эндрю. Ты почти не разговариваешь со мной, даже не глядишь в мою сторону. В чем дело? Может быть, мораль твоего века снова взяла над тобой верх? Или ты не можешь мне простить, что из-за меня ты чуть не погубил Вечность? Уж не думаешь ли ты, что я совратила тебя? В чем дело?

— Ты даже не представляешь, что я думаю, — ответил он.

— Так расскажи мне. Нам надо поговорить сейчас. Кто знает, будет ли у нас потом такая возможность? Ты все еще любишь меня, Эндрю? Зачем ты взял меня с собой? Объясни мне. Почему бы тебе не оставить меня в Вечности, если я не нужна тебе, если тебе противно даже смотреть на меня?

— Существует опасность, — пробормотал Харлан.

— Неужели?

— Больше чем опасность. Кошмар. Кошмар Вычислителя Твиссела. Когда мы в панике мчались к тебе сквозь Скрытые Столетия, он посвятил меня в свои размышления относительно этих Столетий. Он боится, что в отдаленном будущем скрывается от нас эволюционировавшая ветвь человечества, неведомые существа, может быть, сверхлюди, оградившие себя от нашего вмешательства и замышляющие положить конец нашей работе по Изменению Реальности. Он решил, что они установили барьер в 100000-м. Затем мы нашли тебя, и Вычислитель Твиссел забыл о своем кошмаре. Он пришел к выводу, что барьер мне просто почудился, и вернулся к более насущной проблеме спасения Вечности.

Но его страхи передались мне. Я-то знаю, что барьер был. Никто из Вечных не мог поставить его, потому что, по словам Твиссела, подобная штука теоретически немыслима! Впрочем, возможно, что наука Вечных недостаточно развита. Но барьер был. И кто-то поставил его.

Разумеется, кое в чем Твиссел заблуждается. Ему кажется, что человек должен эволюционировать, но это не так. Палеонтология не принадлежит к числу наук, популярных в Вечности, но она успешно развивалась в последние Столетия Первобытной Эпохи; так что я в ней кое-что смыслю. И вот что мне известно: живые существа эволюционируют только под влиянием изменений в окружающей среде. Если окружение стабильно, то и эти существа остаются неизменными в течение миллионов Столетий. Первобытный человек эволюционировал очень быстро, потому что он жил в суровой, постоянно меняющейся обстановке. Но как только человек научился по собственному желанию изменять свою среду, он, естественно, перестал эволюционировать.

— Я не имею ни малейшего представления, о чем ты говоришь, — сказала Нойс, ни капли не смягчившись, — поняла только то, что ты ни слова не сказал о нас с тобой, а это единственная тема, которая меня сейчас интересует.

На лице Харлана не дрогнул ни один мускул.

— Так вот, какую же цель преследовала эта блокировка Времени? — продолжал он. — Ты была невредима. Для чего был нужен барьер? И тогда я задал себе вопрос: что произошло из-за того, что барьер был поставлен, или иначе, чего бы не произошло, если бы он отсутствовал?

Харлан помолчал, глядя на свои тяжелые, неуклюжие ботинки из натуральной кожи. Он подумал, с каким облегчением он бы снял их...

— На этот вопрос возможен только один ответ. Наткнувшись на барьер, я потерял от ярости голову и помчался назад за болеизлучателем, чтобы вырвать с его помощью признание у Финжи. А затем я решил рискнуть Вечностью, чтобы спасти тебя, и чуть было не погубил Вечность при мысли, что навсегда тебя потерял. Понимаешь?

Нойс смотрела на него со смешанным выражением недоверия и ужаса.

— Неужели ты хочешь сказать, что люди будущего заставили тебя совершить все эти действия? Что они

рассчитывали именно на такую реакцию с твоей стороны?

— Да. И не смотри на меня так. Да. Разве ты не понимаешь, что это все меняет? Я согласен отвечать за свои поступки до тех пор, пока я действую по своей воле. Но знать, что меня завлекли, одурачили, что кто-то управляет и манипулирует моими чувствами, словно я Счетная машина, в которую достаточно вложить соответствующую программу...

Харлан вдруг понял, что кричит, и осекся. Переждав несколько секунд, он продолжал:

— Знать, что я был просто марионеткой в чьих-то руках, свыше моих сил. Я должен исправить все, что я натворил. Только тогда я смогу обрести покой.

Что ж, может быть, он и обретет его тогда. Круг замыкается. Несмотря на ожидающую его личную трагедию, чувство долга все-таки восторжествует.

Нойс нерешительно протянула к нему руку, но он отодвинулся.

— Все было подстроено. Моя встреча с тобой. Все, что произошло потом. Мой характер был проанализирован. Это очевидно. Действие и реакция. Нажмите на эту кнопчку — и человек дернется сюда. Нажмите на другую — он дернется туда. — Стыд и раскаяние мешали ему говорить. — Одного только я не понимал вначале: как я догадался, что Купера должны послать в Первобытную Эпоху? Самая невероятная догадка на свете. У меня не было для нее никаких оснований. Твиссел никак не мог примириться с этим. Он не раз удивлялся, как это я при моем слабом знании математики, умудрился прийти к правильному выводу.

А все же я догадался. И знаешь, когда эта догадка впервые осенила меня? В ту самую ночь. Ты спала, а я никак не мог уснуть. У меня было странное ощущение, точно мне обязательно надо было припомнить какие-то слова, какую-то мысль, мелькнувшую в моей голове. Я думал и думал, пока вдруг не понял значения всего, что было связано с Купером, и одновременно в моей голове мелькнула мысль, что я в состоянии уничтожить Вечность. Позднее я изучал историю математики, но в этом уже не было особой необходимости. Я все знал и

так. Больше того, я был в этом совершенно уверен. Как? Почему?

Нойс настороженно смотрела на него. Она больше не делала попыток взять его за руку.

— Неужели ты хочешь сказать, что люди из Скрытых Столетий подстроили и это? Что они вложили в твой мозг эти мысли и направляли твои действия?

— Да, да! Именно это они и делали. Но они еще не довели дело до конца. Круг замыкается, но он еще не замкнут.

— Но как они могут сделать что-нибудь сейчас? Ведь их нет здесь?

— Нет? — Голос его прозвучал так глухо, что Нойс побледнела.

— Невидимые сверхсущества? — прошептала она.

— Нет, не сверхсущества. Я уже объяснил тебе, что, создав свое собственное окружение, собственную среду, человек перестал эволюционировать. Человек Скрытых Столетий — это гомо сапиенс. Обычный человек из плоти и крови.

— Тогда их наверняка нет здесь.

— Здесь есть ты, Нойс, — печально проговорил Харлан.

— Да. И ты. И больше никого.

— Ты и я, — согласился Харлан, — и никого больше. Женщина из Скрытых Столетий и я... Хватит при- творяться, Нойс. Прошу тебя.

Она в ужасе посмотрела на него.

— Что ты говоришь, Эндрю?

— То, что должен сказать. Что ты мне нашептывала в тот вечер, когда опоила меня мятным напитком? Твой ласковый голос... нежные слова... Я ничего не понимал тогда, но подсознательно я все запомнил. О чем ты шептала мне так нежно? О Купере, которого посылают в прошлое? О Самсоне, разрушающем храм Вечности? Не правда ли?

— Я даже не знаю, кто такой этот Самсон, — сказала Нойс.

— Тебе нетрудно догадаться об этом. Скажи мне, когда ты впервые появилась в 482-м? Чье место ты заняла? Или ты просто... втиснулась в Столетие? Специалист из 2456-го рассчитал по моей просьбе твою

Судьбу. В новой Реальности ты не существовала. У тебя даже не было Аналога. Странно, конечно, для такого незначительного Изменения, но все же возможно. А затем Расчетчик сказал мне одну вещь, и я услышал ее, но не понял. Удивительно, что я вообще запомнил его слова. Может быть, уже тогда они задели какую-то струнку во мне, но я был слишком переполнен тобой, чтобы прислушаться. Вот что он сказал: *«При той комбинации фактов, которую вы мне дали, я не совсем понимаю, как она могла существовать в предыдущей реальности»*.

Он был прав. Ты и не существовала в ней. Ты была пришельцем из далекого будущего и играла мною, да и Финжи тоже, в своих собственных целях.

— Эндрю...

— Все сходится. Как я мог быть таким слепым? Книга в твоей библиотеке под названием «Социальная и экономическая история». Я и тогда удивился, наткнувшись на нее. Но ведь она была тебе необходима, не правда ли, чтобы войти в роль. И еще одно. Помнишь нашу поездку в Скрытые Столетия? Ведь это ты остановила капсулу в 111394-м. Ты остановила ее точно и без промедления. Где ты научилась управлять капсулой? Ведь, судя по всему, это было твоим первым путешествием во Времени. Кстати, почему именно в 111394-м? Это что, твое родное Столетие?

— Зачем ты взял меня с собой? — тихо спросила она.

— Чтобы спасти Вечность! — неожиданно заорал Харлан. — Я не знаю, что ты могла бы там натворить. Но здесь ты беспомощна, потому что я раскусил тебя. Признавайся, что все это правда! Признавайся!

— Неужели после всех этих рассуждений ты все еще сомневаешься? — спросила она. — Да и какое это имеет значение, признаюсь я или нет?

Харлан почувствовал, как в нем снова поднимается волна бешенства.

— Признайся, чтобы мне потом не чувствовать ни раскаяния, ни сожаления.

— Раскаяния?

— Нойс, у меня с собой аннигилятор, и я твердо решил убить тебя.

Глава 18

НАЧАЛО БЕСКОНЕЧНОГО ПУТИ

Дуло аннигилятора глядело на Нойс.

Но в голосе Харлана не было уверенности; в глубине его сердца, подтачивая остатки решимости, снова закопошились сомнения.

Почему она не отвечает? Что скрывается за ее напускной невозмутимостью?

Разве может он убить ее?

Разве может оставить ее в живых?

— Что ж ты молчишь? — хрипло спросил он.

Она уселась поудобнее, сложив руки на коленях, словно не замечая наведенного на нее аннигилятора. В ее отрешенности сквозила таинственная, почти мистическая сила. Когда она наконец заговорила, голос ее звучал пугающе спокойно:

— Ты хочешь убить меня, но совсем не потому, что ты не видишь другого способа спасти Вечность. Ведь ты мог бы связать мне руки и ноги, заткнуть кляпом рот и, оставив меня в пещере, спокойно отправиться в путь на рассвете. Или взять меня с собой и бросить в пустыне. Или же попросить Твиссела продержать меня до твоего возвращения взаперти. Но нет, только моя смерть может удовлетворить тебя. И знаешь почему? Потому что ты уверен, что я завлекла тебя в свои сети и толкнула на измену Вечности. Ты хочешь убить меня за то, что я обманула и предала твою любовь; и не надо уверять себя, что это справедливое возмездие. Ты про-

сто мстишь мне за свое оскорбленное самолюбие, вот и все.

Харлан поежился.

— Но ведь ты из Скрытых Столетий? Отвечай?

— Да, — ответила Нойс. — Что же ты не стреляешь?

Палец Харлана задрожал на спусковой кнопке аннигилятора. Но сомнения не покинули его. Наперекор рассудку он пытался оправдать ее, цепляясь за остатки своей любви. Может быть, доведенная до отчаяния его подозрениями, она намеренно наговаривает на себя, играя со смертью? Может быть, это просто глупая бравада истеричной женщины, испугавшейся, что она навсегда потеряла любимого человека?

Нет! Так могла вести себя героиня фильмокниги, написанной в слащавых и сентиментальных традициях 289-го, но уж никак не Нойс. Она была не из тех, кто умирает, словно надломленная лилия, на руках отвергнувшего ее любовника.

Но почему она сомневается в его решимости убить ее? В чем дело? Уж не в том ли, что она уверена в своих чарах и отлично знает, что он все еще любит ее? Уж не считает ли она, что эта любовь в решающий момент свяжет его по рукам и ногам, превратит в покорного исполнителя ее воли?

Удар пришелся не в бровь, а в глаз. Палец, перестав дрожать, твердо лег на спусковую кнопку.

— Ты медлишь, — вновь заговорила Нойс. — Может быть, ты ждешь моих оправданий?

— Так у тебя, оказывается, есть оправдания? — с язвительной усмешкой спросил Харлан.

Но в глубине души он был рад отсрочке. Она отдаляла то мгновение, когда ему придется нажать на кнопку аннигилятора.

«Пусть говорит, — подумал он. — Чем больше она расскажет о Скрытых Столетиях, тем лучше для Вечности».

Эта мысль возвысила его в собственных глазах, придала нерешительности видимость твердой политики. В его взгляде ненадолго появились спокойствие и уверенность.

— Тебя интересуют Скрытые Столетия? — продолжала Нойс, словно прочитав его мысли. — Если так, то мне оправдаться не трудно. Что именно тебя интересует? Не хочешь ли ты, например, узнать, почему человечество исчезло с лица Земли после 150000-го Столетия?

Ни выпрашивать, ни покупать сведения Харлан не собирался. У него был аннигилятор, и он твердо решил не выказывать никаких признаков слабости.

— Говори! — отрывисто приказал он и густо покраснел, увидев в ответ ее насмешливую улыбку.

— Мы узнали о существовании Вечности, прежде чем она достигла отдаленных Столетий, прежде чем она успела добраться хотя бы до 100000-го. Кстати, ты был прав, я действительно из 111394-го. Мы тоже умеем путешествовать во Времени, но наша этика запрещает нам делать это. Вместо того чтобы перемещать во Времени материальные объекты, мы наблюдаем прошлые Столетия. Только прошлые.

Впервые о возникновении Вечности мы узнали косвенным путем. Мы рассчитали вероятность существования своей Реальности, и нас поразило, что эта вероятность ничтожно мала. Как возникла наша практически невозможная Реальность? Вопрос этот не давал нам покоя... Но ты не слушаешь меня, Эндрю. Неужели тебе это совсем неинтересно?

Она произнесла его имя с той же интимной нежностью, как и прежде.

Казалось, такая циничная фальшь должна была кольнуть ему слух, но он с ужасом почувствовал, что даже не рассердился.

— Продолжай свой рассказ, женщина, и не трати время, — сказал он, призывая на помощь все свое мужество. Он попытался уравновесить теплоту и ласку, прозвучавшие в этом «Эндрю», холодным гневом, вложенным в слово «женщина», и снова единственным ответом на его резкость была мимолетная улыбка Нойс.

— Мы начали поиски в прошлом, — продолжала она, — и наткнулись на Вечность, подчиняющую себе все новые и новые Столетия. И тогда мы поняли, что в какой-то предыдущий отрезок биовремени — у нас тоже есть это понятие, только мы пользуемся другим термином — наша Реальность была совсем другой. Эту

Реальность с максимальной вероятностью существования мы назвали Естественным Состоянием. Нам было ясно, что когда-то мы или, вернее, наши Аналоги жили в этом Естественном Состоянии. О природе этого Состояния мы в то время не имели даже отдаленного представления.

Однако мы знали, что причиной отклонения от него послужило одно из совершенных Вечностью Изменений. Мы решили выяснить, что представляет собой Естественное Состояние, и в случае необходимости вернуться к нему. Прежде всего мы установили карантинную зону, которую вы называете Скрытыми Столетиями, изолировав наше Время от Вечности, начиная с 70000-го Столетия. Эта изоляция должна была защищать нас от дальнейших Изменений. Она не давала абсолютной гарантии, но позволяла выиграть время.

А затем мы совершили поступок, находящийся в вопиющем противоречии со всей нашей этикой и культурой. Мы исследовали свое будущее. Нам было необходимо узнать судьбу человечества в существующей Реальности, чтобы впоследствии сравнить ее с Естественным Состоянием. Оказалось, что где-то около 125000-го человечество раскрыло секрет полета к звездам. Люди научились совершать прыжки через гиперпространство. Наконец-то человек достиг звезд, осуществив свою извечную мечту.

Харлан слушал ее тщательно продуманный рассказ со все возрастающим вниманием. Что в ее словах соответствовало истине? Что было лишь расчетливой попыткой обмануть его?

— Когда люди достигли звезд, они покинули Землю, — прервал он ее, стараясь стряхнуть гипнотическое очарование ее голоса. — Наши ученые давно уже догадались об этом.

— В таком случае ваши ученые просто ошиблись. Человек пытался покинуть Землю. К несчастью, мы не единственные разумные обитатели Галактики. У многих звезд есть свои планеты. На некоторых из них возникли цивилизации. Правда, ни одна из них не может по древности сравниться с человеческой, но пока люди в течение двенадцати с половиной миллионов лет прозя-

бали на Земле, более молодые цивилизации обогнали нас и покорили Галактику.

Когда Человек достиг звезд, во Вселенной уже не оставалось необжитых мест. На каждом шагу разведчики натывались на предупредительные знаки: **ЗАНЯТО! НЕ НАРУШАТЬ ГРАНИЦ! ВХОД ВОСПРЕЩЕН!** Люди не стали вступать в конфликты. Они отозвали свои исследовательские отряды и остались на Земле. Но в мировоззрении людей произошел переворот: родная планета стала для них тюрьмой, окруженной безграничным океаном свободы...

— Пустите нас в Скрытые Столетия, — прервал ее Харлан, — и мы все исправим. Смогли же мы в освоенных нами Столетиях добиться наивысшего блага...

— Наивысшего блага? — насмешливо переспросила Нойс. — А что это такое? Кто отвечает на этот вопрос? Ваши Счетные машины, ваши Анализаторы, ваш Кибермозг? Но кто настраивает машины? Кто вкладывает в них программу? Кто задаст им оценки? Ведь даже Кибермозг не обладает большим прозрением, чем человек, он только быстрее решает проблемы. Только быстрее! А что является благом с точки зрения Вечности? Я отвечу тебе. Безопасность. И еще раз безопасность! Осторожность! Умеренность! Ничего сверх меры. Никакого риска без стопроцентной уверенности в успехе.

Харлан промолчал. С неожиданной силой ему припомнился недавний разговор с Твисселом о людях из Скрытых Столетий. «Мы изгнали необычное», — сказал тогда Твиссел.

Неужели Нойс права?

— Кажется, ты задумался, — снова заговорила Нойс. — Подумай тогда вот о чем: почему в существующей Реальности человек то и дело предпринимает попытки космических путешествий, хотя неизменно терпит неудачу? Каждое Столетие, разумеется, знает о провалах в прошлом. Зачем же пробовать снова и снова?

— Я не занимался специально изучением этого вопроса, — неуверенно пробормотал Харлан.

Он с беспокойством подумал вдруг о колониях, которые чуть ли не в каждом тысячелетии создавались

на Марсе, и всегда неудачно. Он подумал о той странной притягательной силе, с которой идея космических полетов действовала даже на Вечных. О том, как Социолог Кантор Вой со вздохом сказал после уничтожения электрогравитационных космолетов: «Как они были прекрасны!» О том, как горько выругался при этом известии Расчетчик Нерон Фарук и в тщетной попытке облегчить душу принялся поносить Вечность за торговлю противораковой сывороткой.

Не обладают ли разумные существа инстинктивным стремлением разорвать цепи тяготения, вырваться на простор Вселенной, достигнуть звезд? Не это ли стремление побуждало человека десятки раз заново создавать космические корабли, чтобы вновь и вновь путешествовать к мертвым мирам Солнечной системы, в которой только Земля была пригодна для жизни? И только ли случайностью был факт, что большинство Изменений уничтожало космические корабли, а люди вновь и вновь создавали их?

— Оберегая человечество от забот и несчастий Реальности, — продолжала Нойс, — Вечность тем самым лишает его всех триумфов и завоеваний. Только преодолев величайшие испытания, человечество может успешно подняться к прекрасным и недостижимым вершинам. Способен ли ты понять, что, устраняя ошибки и неудачи человека, Вечность не дает ему найти собственные, более трудные и поэтому более верные решения стоящих перед ним проблем; подлинные решения, которые помогают преодолевать трудности, а не избегать их.

— Величайшее благо наибольшего числа людей состоит в том... — заученным голосом начал Харлан, однако Нойс не дала ему договорить:

— Предположи, что Вечность не была создана.

— И что же?

— Послушай, я расскажу тебе. Те усилия, которые были затрачены на решение проблем путешествий во Времени, были бы посвящены развитию атомной физики. Вместо Вечности были бы созданы межзвездные корабли. Человечество достигло бы звезд на миллионы лет раньше, чем в нашей Реальности. Галактика была бы свободной, и ее заселили бы люди.

— Ну и что мы выиграли бы? — упорствовал Харлан. — Разве мы стали бы от этого счастливее?

— Кого ты имеешь в виду под словом «мы»? Человечество представляло бы из себя не крохотный затерянный мирок, а миллионы, миллиарды миров. Могущество человека не знало бы границ. У каждого мира была бы своя история, свои собственные ценности и идеалы, возможность искать счастья своим путем. У счастья много разновидностей. Это и есть Естественное Состояние человечества.

— К чему строить пустые догадки? — сказал Харлан; он был зол на себя за то, что его увлекла нарисованная Нойс картина будущего. — Откуда ты знаешь, что было бы на самом деле?

— Вас смешит невежество Землян, полагающих, что существует только одна Реальность. Нас же смешит невежество Вечных, которые знают, что Реальностей много, но думают, что существовать может только одна.

— Что означает этот набор слов?

— Мы не рассчитываем Реальности; вместо этого мы наблюдаем их. Мы можем видеть неосуществившиеся Реальности в их состоянии Нереальности.

— Нечто вроде волшебной страны теней, где «может быть» играет в прятки с «если»?

— Да, только твой сарказм здесь ни к чему.

— И как же вы это делаете?

— Я не могу объяснить это, Эндрю, — сказала Нойс, помолчав. — Существует множество вещей, с которыми мы свыкаемся, не понимая их. Можешь ли ты объяснить, как устроен Кибермозг? Но все же ты знаешь, что он существует и работает.

— Ну, и что же дальше?

— Мы научились наблюдать Реальности и нашли среди них ту, которая является Естественным Состоянием человечества. Я уже рассказала тебе о ней. Затем мы обнаружили Изменение, которое уничтожило Естественное Состояние. Оно не было одним из тех Изменений, которые совершает Вечность; оно заключалось в создании Вечности, в самом факте ее существования. Любая система, которая, подобно Вечности, позволяет кучке людей принимать решения за все человечество, выбирать за человечество его будущее, неизбежно при-

водит к тому, что высшим благом начинают считать умеренность и безопасность — синонимы посредственности. В такой Реальности звезды недостижимы. Само существование Вечности исключает покорение Галактики человеком. Чтобы достичь звезд, необходимо сначала покончить с Вечностью.

Число возможных Реальностей бесконечно велико. И у каждой Реальности существует бесчисленное множество вариаций. Например, число Реальностей, в которых существует Вечность, бесконечно; число Реальностей, в которых Вечность не существует, бесконечно; и, наконец, число Реальностей, в которых Вечность существовала, но была уничтожена, тоже бесконечно. Среди последних — люди моего Столетия выбрали группу Реальностей, в которых мне отводилась главная роль.

Все это было задумано без моего участия. Меня подготовили для этой задачи так же, как вы с Твисселом готовили Купера. Но число Реальностей, в которых я могла бы уничтожить Вечность, тоже бесконечно велико. Мне предложили на выбор пять вариантов, которые казались наиболее простыми. Среди них я выбрала ту единственную Реальность, в которой был ты.

— Что же заставило тебя выбрать именно ее? — спросил Харлан.

Нойс опустила глаза.

— Я люблю тебя, пойми это. Я полюбила тебя задолго до того, как мы встретились. — Она сказала это с такой неподдельной искренностью, что Харлан был потрясен.

«Но ведь это только игра», — с отвращением подумал он.

— Не смейся надо мной. — В его голосе звучало страдание.

— Я не смеюсь. Из всех Реальностей я выбрала ту, в которой меня послали в 482-е Столетие, где я сначала встретила Финжи, а затем тебя. Я выбрала ту Реальность, в которой ты любил меня; Реальность, в которой ты взял меня в Вечность, спасая от Изменения, и спрятал в моем родном Столетии; Реальность, в которой ты заслал Купера вместо 24-го в 20-е Столетие

Первобытной Эпохи. Мы отправились с тобой в это Столетие на поиски Купера и остались в нем до конца наших дней. Я видела, как мы любили друг друга и были счастливы. Это совсем не смешно. Я выбрала ту Реальность, в которой существует наша любовь.

— Притворство. Сплошное притворство! Неужели ты рассчитываешь, что я поверю тебе? — Он на секунду замолчал, пытаясь осмыслить новый довод, пришедший ему в голову. — Постой! Ты сказала, что знала все наперед? Все, что должно было произойти?

— Да.

— Тогда ты бессовестно лжешь. Ты бы знала, что все кончится аннигилятором. Ты бы знала заранее, что потерпишь неудачу. Что ты на это скажешь?

Нойс тихо вздохнула.

— Я уже объясняла тебе, что у каждой Реальности существует бесчисленное количество вариаций. Как бы точно мы ни фокусировали данную Реальность, мы всегда на самом деле наблюдаем множество очень похожих Реальностей. Чем резче фокусировка, тем меньше неопределенность, но добиться идеальной резкости теоретически невозможно. Вероятность того, что случайная вариация исказит результат, никогда не равна нулю. Все испортило одно небольшое отклонение.

— Какое?

— Я ждала твоего возвращения ко мне после снятия блокировки Времени в 100000-м. Но ты должен был вернуться один. Вот почему я так испугалась в первый момент, увидев с тобой Вычислителя Твиссела.

И снова Харлан не знал, что думать. Как ловко сводит она концы с концами!

— Я бы еще больше испугалась, — продолжала Нойс, — если бы я поняла тогда все значение этой вариации. Вернись ты один, ты бы взял меня с собой в Первобытную Эпоху, и здесь из любви ко мне, из любви к человечеству не стал бы разыскивать Купера. Ваш порочный круг был бы разорван, с Вечностью было бы покончено, а мы с тобой были бы счастливы.

Но произошла случайная вариация — ты вернулся с Твисселом. В пути он рассказал тебе о своих кошмарах, связанных со Скрытыми Столетиями, и тем самым положил начало цепочке твоих размышлений, которая

заставила тебя усомниться во мне. И вот между нами аннигилятор. Это конец, Эндрю. Можешь стрелять. Ничто не помешает тебе.

У Харлана затекли пальцы, судорожно сжимающие рукоятку аннигилятора. Он переложил его в другую руку. Неужели в ее рассказе нет ни одного уязвимого места? А он-то надеялся, что стоит ему убедиться в происхождении Нойс, как всем его сомнениям наступит конец. Наивные мечты!

— Но для чего понадобилось отправлять меня в Первобытную Эпоху? Почему бы не покончить с Вечностью сразу, одним ударом, когда я послал сюда Купера?

— Потому что просто уничтожить Вечность еще недостаточно, — ответила Нойс. — Необходимо свести к минимуму вероятность нового возникновения Вечности в любой форме. Мы не случайно выбрали именно этот момент. Здесь сейчас 1932 год. Мне предстоит послать письмо на полуостров, который в 20-м Столетии называется Апеннинским. Если я пошлю это письмо, то через несколько лет один итальянский физик начнет эксперименты по бомбардировке урана нейтронами. Мое письмо — на вашем языке — МНВ.

Харлану стало страшно.

— Ты собираешься изменить Первобытную историю?

— Да. В этом-то и заключается моя задача. В новой, уже окончательной Реальности первый ядерный взрыв произойдет не в 30-м Столетии, а в 1945 году.

— Ты представляешь себе, к каким последствиям это может привести? Способны ли вы понять, какая опасность грозит человечеству?

— Да. Мы знаем, что это опасно. Существует определенный риск, что Земля превратится в огромное радиоактивное кладбище. Но мы верим в разум человека.

— И что же, по-вашему, оправдывает этот риск?

— Покорение Галактики человеком. Возвращение к Естественному Состоянию. Естественное развитие истории человечества.

— И вы еще смее обвинять Вечность во вмешательстве?

— Мы обвиняем Вечность в том, что она вмешивается непрерывно для того, чтобы держать человечество в тюрьме ради его безопасности. Мы же вмешаемся только один раз, чтобы Вечность никогда не смогла возникнуть.

— Нет, Вечность должна существовать; человечество может погибнуть без ее руководства. — Харлан отчаянно цеплялся за остатки заученных доводов.

— Как знаешь. Выбор в твоих руках. Если ты предпочитаешь, чтобы будущее человечества диктовалось психопатами...

— *Психопатами?!* — взорвался Харлан.

— А разве нет? Ты ведь хорошо знаешь их. Подумай сам.

Харлан с ужасом посмотрел на нее, но против собственной воли его захлестнула волна воспоминаний.

Он вспомнил, как велико бывает потрясение, когда Ученики узнают правду о Реальности и как Ученик Латуретт из его класса пытался покончить жизнь самоубийством. Его спасли, он даже стал Вечным и составлял потом проекты Изменений, но никто не знал, какие шрамы в его душе оставила эта история. Он вспомнил кастовую систему Вечности, тщательно скрываемую тоску по родным Временам, ненормальную безбрачную жизнь. Он вспомнил о подсознательном ощущении собственной вины, находящем выход в ненависти к Техникам. Он вспомнил о склоках, раздирающих Совет; о Финжи, интригующем из карьеристских соображений против Твиссела, и о Твисселе, шпионящем за Финжи. Он вспомнил Сеннора, в котором уродство породило чувство противоречия всему на свете.

Он вспомнил о том, как сам Твиссел, великий, непогрешимый Твиссел, нарушал законы Вечности.

Затем он подумал о себе.

Ему показалось, что он всегда знал Вечность именно такой. Иначе почему у него могло возникнуть желание уничтожить ее? Но он никогда не признавался себе в этом, ни разу до этого мгновенья не мог он набраться смелости взглянуть правде в глаза.

Сейчас он отчетливо видел Вечность такой, какой она была в действительности, — клоакой закоренелых

психозов, спутанным клубком человеческих жизней, беспощадно вырванных из контекста.

Выражение ужаса в его глазах сменилось растерянностью.

— Теперь ты понимаешь меня, Эндрю? — голос Нойс звучал нежно и ласково. — Тогда пойдем со мной к выходу из пещеры.

Словно во сне, он последовал за ней, не в силах прийти в себя от крутой перемены, совершившейся в нем за несколько секунд. Впервые за всю ночь дуло аннигилятора отклонилось от прямой линии, соединявшей его с сердцем Нойс.

Небо на востоке уже начало сереть, и громада капсулы тяжелой тенью вырисовывалась на его фоне. Под защитной завесой Темпорального Поля очертания капсулы казались неясными и расплывчатыми.

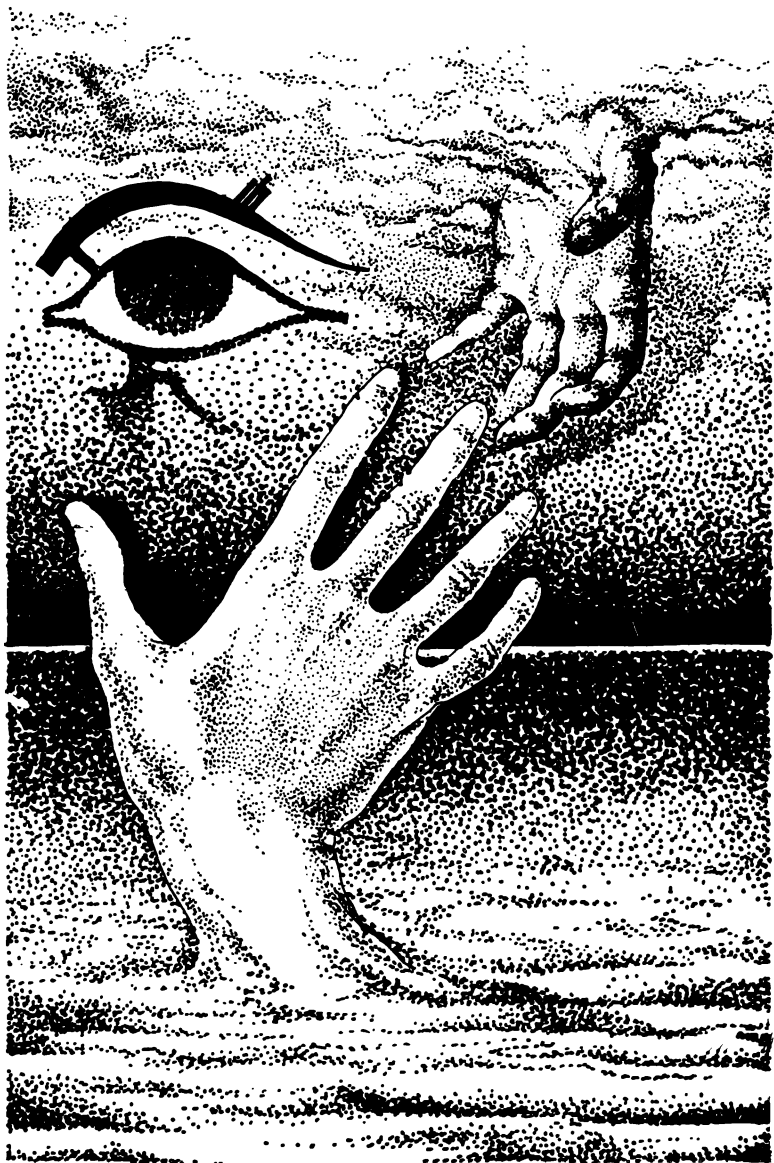
— Смотри, перед нами Земля, — сказала Нойс, — но не вечный и единственный приют человечества, а всего лишь его колыбель, отправная точка бесконечного приключения. Ты должен принять решение. Будущее людей в твоих руках. Поле Биовремени предохранит нас с тобой от последствий Изменения. Исчезнет Купер, погибнет Вечность, а вместе с ней и Реальность моего Столетия, но останется человечество и останемся мы с тобой. У нас будут дети и внуки, и они станут свидетелями того, как человек достигнет звезд.

Харлан повернулся и увидел ее улыбку. Перед ним снова была прежняя Нойс, которую он знал и любил; и, как прежде, при взгляде на нее его сердце забилось сильнее.

Но он еще сам не знал, что уже принял решение, пока громада капсулы вдруг не исчезла, перестав заслонять алеющую полосу неба.

Обнимая прильнувшую к нему Нойс, он понял, что это исчезновение означает конец Вечности... и начало Бесконечного Пути.

САМИ БОГИ

Посвящается Человечеству в
надежде, что война с безрассуд-
ством все-таки будет выиграна

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОТИВ ГЛУПОСТИ

Глава 6*

-Без толку! — резко бросил Ламонт. — Я ничего не добился.

Лицо его было хмурым. Оно и всегда казалось насупленным из-за глубоко посаженных глаз и чуть скошенного набок подбородка. Даже когда он был в хорошем настроении. Но сейчас его настроение никак нельзя было назвать хорошим. Второй официальный разговор с Холлемом завершился еще большим фиаско, чем первый.

— Не впадай в мелодраму, — вяло посоветовал Майрон Броновский. — Ты ведь ничего другого и не ждал. Сам же говорил.

Он подбрасывал вверх ядрышки арахиса и ловил их пухлыми губами. Прodelывал он это очень ловко — ни одно ядрышко не пролетало мимо. Броновский был не слишком высок и не очень строен.

— Так что же, мне теперь радоваться? Впрочем, ты прав — это значения не имеет. У меня есть другие средства, и я намерен к ним прибегнуть, а кроме того, я рассчитываю на тебя. Если бы тебе удалось...

— Не продолжай, Питер! Все это я уже слышал. От меня требуется всего лишь расшифровать мыслительные процессы внеземного разума.

— Но зато высокоразвитого! И ведь они там у себя, в паравселенной, явно добиваются, чтобы их поняли.

* Повествование начинается с главы 6. Это не ошибка. У меня есть на то свои глубокие причины. А потому спокойно читайте и (надеюсь) получайте удовольствие.

— Возможно, — вздохнул Броновский. — Но посредником-то служит мой разум, и хотя я считаю, что он, конечно, развит неимоверно высоко, однако все-таки не настолько. Ночью, когда не спится, меня начинают одолевать сомнения, а способны ли вообще разные типы разума понять друг друга. Ну а если день выдался особенно скверный, то мне и вовсе мерещится, что слова «разные типы разума» не имеют ни малейшего смысла.

— Как бы не так! — свирепо сказал Ламонт, и его руки в карманах лабораторного халата сжались в кулаки. — Хэллем и я — вот тебе эти типы. То есть прославленный дурак доктор Фредерик Хэллем и я. И вот тебе доказательство: он попросту не понимает того, что я ему говорю. Его тупая физиономия багровеет еще больше, глаза вылезают на лоб, а уши глохнут. Я бы сказал, что его рассудок перестает функционировать, но у меня нет никаких оснований предполагать, что он вообще функционирует.

— Ай-ай-ай! Разве можно говорить так про Отца Электронного Насоса? — пробормотал Броновский.

— То-то и оно! Псевдоотец! Уж если кто тут ни при чем, так это он. Его вклад был минимальным. Я-то знаю.

— И я знаю. Ты мне это без конца твердишь! — Броновский подбросил очередное ядрышко. И опять не промахнулся.

Глава 1

За тридцать лет до этого разговора Фредерик Хэллем был заурядным радиохимиком. Его диссертация еще пахла типографской краской, и ничто в нем не свидетельствовало о таланте, способном потрясти мир.

А потрясение мира началось, собственно, с того, что на рабочем столе Хэллема стояла запыленная колба с ярлычком «Вольфрам». Ее поставил сюда не он. Он даже никогда к ней не прикасался. Она досталась ему в наследство от прежнего владельца кабинета, которому когда-то бог весть по какой причине понадобился вольфрам. Да и содержимое колбы уже, собственно говоря, перестало быть вольфрамом. Это были серые запыленные крупинки, покрытые толстым слоем окиси. Их давно пора было выбросить.

И вот однажды Хэллем вошел в лабораторию (ну да, это произошло 3 октября 2070 года) и приступил к работе. Около десяти часов он поднял голову, уставился на колбу и вдруг схватил ее. Пыли на ней не стало меньше, выцветший ярлычок нисколько не изменился, но Хэллем тем не менее крикнул:

— Черт подери! Какой сукин сын трогал эту колбу?

Так по крайней мере утверждал Денисон, который слышал этот вопль и много лет спустя поведал о нем Ламонту. Парадный рассказ об обстоятельствах замечательного открытия, запечатленный во множестве книг и учебников, этой фразы не содержит. Перед читателем возникает образ пронизательного химика, который орлиным взором сразу же подметил изменения и мгновенно сделал далеко идущие выводы.

Куда там! Хэллему вольфрам был не нужен, он его совершенно не интересовал. И, в сущности, ему было все равно, трогал кто-то колбу или нет. Просто он (подобно многим другим людям) терпеть не мог, когда на его столе хозяйничали без его ведома, и всегда готов был заподозрить окружающих в таких посягательствах, продиктованных исключительно желанием ему насолить.

Но в покушении на колбу никто не признавался. Бенджамин Аллан Денисон услышал возглас Хэллема потому, что сидел в кабинете напротив лицом к открытой двери. Он поднял голову и встретил сверлящий взгляд Хэллема.

Хэллем не внушал ему особых симпатий (впрочем, он никому их не внушал), а в то утро Денисон плохо выспался и — как он вспоминал впоследствии — был даже рад сорвать на ком-нибудь свое дурное настроение. Хэллем же был для этого идеальным объектом.

Когда Хэллем поднес колбу к самому его лицу, Денисон брезгливо отстранился.

— На какого дьявола мне понадобился бы ваш вольфрам? — спросил он саркастически. — Да и кому он вообще нужен? Если бы вы посмотрели на колбу повнимательнее, то заметили бы, что ее уже лет двадцать никто не открывал и что единственные следы на ней — от ваших же лап.

Хэллем побагровел. И сказал, еле сдерживаясь:

— Слушайте, Денисон. Кто-то подменил содержимое. Это не вольфрам.

Денисон позволил себе негромко фыркнуть.

— А вы-то почему знаете?

Вот из таких пустяков — мелочной досады и бесцельных уколов — рождается история.

Такой выпад не мог бы пройти бесследно при любых обстоятельствах. Академические успехи Денисона, который, как и Хэллем, еще совсем недавно работал над диссертацией, были куда более внушительными, и он слыл подающим надежды молодым ученым. Хэллем это знал. Знал это и сам Денисон, — что было значительно хуже, поскольку он не трудился скрывать свое превосходство. Поэтому денисонское «а вы-то почему знаете?» с ударением на «вы» оказалось достаточной причиной

для всего, что последовало дальше. Без этой фразы Хэллем никогда не стал бы самым великим, самым почитаемым в истории ученым — так выразился Денисон в своей беседе с Ламонтом много лет спустя.

Согласно официальной версии в то знаменательное утро Хэллем, сев за свой рабочий стол, заметил, что серые запыленные крупинки исчезли (как и пыль на внутренних стенках колбы). Теперь за стеклом тускло поблескивал чистый темно-серый металл. Естественно, он начал исследовать...

Но оставим официальную версию. Причиной всему был Денисон. Если бы он ограничился простым «нет» или только пожал плечами, Хэллем, скорее всего, опросил бы других своих соседей, а затем ему надоело бы заниматься таким, пусть и необъясненным, пустяком, он отставил бы колбу в сторону и не предотвратил бы трагического исхода (то ли постепенного, то ли мгновенного — это уже зависело от того, насколько задержалось бы неизбежное открытие истины), который и определил бы грядущие события. Но в любом случае тогда оседлал бы смерч и вознесся бы на нем к вершинам славы отнюдь не Хэллем.

Однако, уязвленный до глубины души денисоновским «а вы-то почему знаете?», Хэллем взвизгнул:

— Я вам докажу, что знаю!

И он закусил удила. Теперь у него была одна задача — поскорее получить анализ металла в старой колбе, одна цель — стереть ироническую улыбку с узких губ Денисона, добиться, чтобы тот перестал презрительно морщить тонкий нос.

Денисон не забыл их стычки, потому что брошенная им фраза принесла Хэллему Нобелевскую премию, а его самого ввергла в пучину неизвестности.

Откуда ему было знать (впрочем, тогда он все равно не придал бы этому ни малейшего значения), что Хэллем в полной мере обладал тем ожесточенным упрямством, в которое выливается страх посредственности уронить себя в собственных глазах, и что в данных обстоятельствах это упрямство окажется куда более действенным оружием, чем его — Денисона — блестящие способности?

Хэллем начал действовать немедленно. Он отнес металл в лабораторию масс-спектрографии. Для него, специалиста по радиохимии, это был самый естественный ход. Он знал там всех лаборантов, он работал с ними и к тому же был напорист. Напорист до такой степени, что ради своего металла заставил отложить куда более важные и первоочередные задания.

В конце концов спектрометрист объявил:

— Это не вольфрам.

Плоское сумрачное лицо Хэллема сморщилось в злорадной улыбке.

— Чудесненько. Так мы и скажем вашему хваленому Денисону. Мне нужна справка по форме...

— Погодите, доктор Хэллем. Я сказал, что это не вольфрам, но что это такое, я не знаю.

— Как так не знаете?

— Получается черт-те что! — Спектрометрист помолчал. — Этого просто не может быть. Отношение заряда к массе не лезет ни в какие ворота.

— В каком смысле?

— Чересчур велико. Не может этого быть, и все тут.

— Ну в таком случае, — начал Хэллем, и независимо от руководивших им побуждений продолжение этой фразы открыло ему дорогу к Нобелевской премии (причем, возможно, и с некоторым на то правом), — в таком случае определите частоту его характеристического рентгеновского излучения и рассчитайте заряд. Это будет лучше, чем сидеть сложа руки и твердить, будто что-то там «невозможно».

Когда спектрометрист несколько дней спустя вошел в кабинет Хэллема, на его лице были написаны растерянность и тревога. Но Хэллем не умел замечать настроения других людей и спросил только:

— Ну как, установили вы... — но тут в свою очередь встревожился, покосился через коридор на Денисона и поспешил закрыть свою дверь. — Значит, вы установили заряд ядра?

— Да, но таких не бывает.

— Ну тогда, Трейси, рассчитайте еще раз.

— Да я уже десять раз проверял и перепроверял! Все равно выходит чепуха.

— Если ваши измерения точны, значит, это так. И нечего спорить с фактами.

Треиси поскреб за ухом и сказал:

— Тут поспоришь! Если я приму это за факт, значит, вы мне дали плутоний сто восемьдесят шесть.

— Плутоний сто восемьдесят шесть? Что?! Плутоний... сто восемьдесят шесть???

— Заряд — плюс девяносто четыре. Масса — сто восемьдесят шесть.

— Но это же невозможно! Нет такого изотопа. И не может быть.

— А я что вам говорю? Но такой получается результат.

— То есть в ядре не хватает пятидесяти с лишним нейтронов? Плутоний сто восемьдесят шесть получить невозможно. Нельзя сжать девяносто четыре протона в одно ядро со всего только девяносто двумя нейтронами — такое вещество не просуществует и триллионной доли секунды.

— А я что вам говорю, доктор Хэллем? — терпеливо повторил Треиси.

Тут Хэллем умолк и задумался. У него пропал вольфрам. Изотоп этого элемента — вольфрам-186 — устойчив. Ядро вольфрама-186 содержит семьдесят четыре протона и сто двенадцать нейтронов. Неужто каким-то чудом двадцать нейтронов превратились в двадцать протонов? Да нет, это невозможно.

— А как насчет радиоактивности? — спросил Хэллем, ощупью отыскивая дорогу из лабиринта.

— Я проверял, — ответил спектрометрист. — Он устойчив. Абсолютно.

— Тогда это не может быть плутоний сто восемьдесят шесть.

— Ну а я что говорю?

Хэллем сказал обессиленно:

— Ладно, давайте его сюда.

Оставшись один, он отупело уставился на колбу. Наиболее устойчивым изотопом плутония был плутоний-240, но, для того чтобы девяносто четыре протона удерживались вместе и сохраняли хотя бы относительную устойчивость, требовалось сто сорок шесть нейтронов.

Так что же теперь делать? Проблема была явно ему не по зубам, и он уже раскаивался, что вообще ввязался в эту историю. В конце-то концов у него есть своя работа, а эта... эта загадка не имеет к нему никакого отношения. Трейси что-нибудь напутал, или масс-спектрометр начал врать, или...

Ну и что? Выбросить все это из головы, и конец!

Но на это Хэллем пойти не мог. Рано или поздно Денисон заглянет к нему и с мерзкой своей полуулыбкой спросит про вольфрам. И что Хэллем ему ответит? «Да, это оказался не вольфрам, как я вам и говорил?» А Денисон скажет: «Ах так! Что же это такое?» Хэллем представил себе, какие насмешки посыплются на него, если он ответит: «Это плутоний сто восемьдесят шесть!» Да ни за что на свете! Он должен выяснить, что это такое. И выяснить сам. Совершенно очевидно, что доверять никому нельзя.

И вот примерно через две недели он ворвался в лабораторию к Трейси, прямо-таки задыхаясь от ярости.

— Э-эй! Вы же сказали мне, что эта штука не радиоактивна!

— Какая штука? — с недоумением спросил Трейси.

— А та, которую вы назвали плутонием сто восемьдесят шесть!

— Вот вы о чем! Ну да. Полнейшая устойчивость.

— В голове у вас полнейшая устойчивость! Если, по-вашему, это не радиоактивность, так идите в водопроводчики!

Трейси нахмурился.

— Ладно. Давайте проверим. — Через некоторое время он сказал: — Это надо же! Радиоактивна, черт! Самую чуточку — и все-таки не понимаю, как я мог проморгать в тот раз.

— Так как же я могу верить вашему бреду про плутоний сто восемьдесят шесть?

Хэллем был уже не в силах остановиться. Он не находил разгадки и воспринимал это как личное оскорбление. Тот, кто в первый раз подменил колбу или ее содержимое, либо вновь проделал свой фокус, либо изготовил неизвестный металл, специально чтобы выставить его дураком. В любом случае он готов был разнести

мир вдребезги лишь бы добраться до сути дела, — и разнес бы, если бы мог.

Упрямство и злость подстегивали его, и он пошел прямо к Г. К. Кантровичу, незаурядной научной карьере которого предстояло оборваться менее чем через год. Заручиться помощью Кантровича было нелегко, но, раз начав, он доводил дело до конца.

И уже через два дня Кантрович влетел в кабинет Хэллема вне себя от возбуждения.

— Вы руками эту штуку трогали?

— Почти нет, — ответил Хэллем.

— Ну и не трогайте. Если у вас есть еще, так ни-ни. Она испускает позитроны.

— Что-что?

— И позитронов с такой высокой энергией я еще не видел. А радиоактивность вы занизили.

— Как занизил?

— И порядочно. Меня только одно смущает: при каждом новом измерении она оказывается чуть выше.

Глава 6 (продолжение)

Броновский нащупал во вместительном кармане своей куртки яблоко, вытащил его и задумчиво надкусил.

— Ну хорошо, ты побывал у Хэллема и тебя попросили выйти вон, как и следовало ожидать. Что дальше?

— Я еще не решил. Но в любом случае его жирный зад зачесется. Я ведь был у него прежде — один раз, когда только поступил сюда, когда верил, что он — великий человек. Великий человек... Да он величайший злодей в истории науки! Он ведь переписал историю Насоса — вот тут переписал (Ламонт постучал себя по лбу). Он уверовал в собственный вымысел и отстаивает его с упорством маньяка. Это карлик, у которого есть только один талант — умение внушать другим, будто он великан.

Ламонт поглядел на круглое невозмутимое лицо Броновского, которое расплылось в улыбке, и принужденно засмеялся.

— Ну да словами делу не поможешь, и все это я тебе уже говорил.

— И не один раз, — согласился Броновский.

— Но меня просто трясет при мысли, что весь мир...

Глава 2

Когда Хэллем взял в руки колбу с подмененным вольфрамом, Питеру Ламонту было два года. В двадцать пять лет, когда типографская краска его собственной диссертации была еще совсем свежа, он приступил к работе на Первой Насосной станции и одновременно получил место преподавателя на физическом факультете университета.

Для молодого человека это было блестящим началом. Правда, Первой станции не хватало технического глянца станций, построенных позже, но зато она была бабушкой их всех — всей цепи, опоясавшей планету за каких-нибудь два десятка лет. Такого стремительного скачка в масштабах всей планеты технический прогресс еще не знал, но ничего удивительного тут не было. Ведь речь шла о неограниченных запасах даровой и совершенно безопасной энергии, равно доступной для всех — волшебная лампа Аладдина, принадлежащая всему миру.

Ламонт пришел на станцию, чтобы заниматься сложнейшими теоретическими проблемами, но неожиданно для себя заинтересовался поразительной историей создания Электронного Насоса и сразу столкнулся с тем фактом, что ни одна из книг, посвященных этой истории, не была написана человеком, который понимал бы его теоретические принципы (в той мере, в какой они вообще могли быть поняты) и в то же время сумел бы изложить их в доступной для широкого читателя форме. О, разумеется, сам Хэллем написал немало статей для научно-популярных журналов и передач, но они не слагались в последовательную и полностью обоснован-

ную историю вопроса. И Ламонт возжаждал взять эту задачу на себя.

Для начала он проштудировал статьи Хэллема, а также все опубликованные воспоминания (единственные, так сказать, официальные документы) и добрался до потрясшей мир фразы Хэллема — Великого Прозрения, как ее нередко называли, и обязательно с большой буквы.

Ну а потом, когда Ламонт пережил свое горькое разочарование, он принялся копать глубже и вскоре усомнился, что знаменитую фразу произнес действительно Хэллем. Она была сказана на семинаре, который, собственно, и привел к созданию Электронного Насоса, но выяснилось, что узнать подробности об этом историческом семинаре чрезвычайно трудно, а получить его звукозапись и вовсе невозможно.

В конце концов Ламонт заподозрил, что странная нечеткость следа, который семинар оставил в песках времен, отнюдь не случайна. Хитроумно сопоставив ряд отрывочных сведений, он пришел к выводу, что, по-видимому, нечто очень похожее на ошеломляющее заявление Хэллема, сказал Джон Ф. К. Макфарленд, и главное — раньше Хэллема.

Он отправился к Макфарленду, который вообще не фигурировал ни в одном официальном отчете и занимался теперь изучением верхних слоев атмосферы и воздействия на них солнечного ветра. Это было не самое видное положение, но у него были свои преимущества, и работа в значительной степени была связана с процессами, имеющими прямое отношение к Насосу. Макфарленд, несомненно, сумел избежать пучины неизвестности, поглотившей Денисона.

Макфарленд принял Ламонта достаточно любезно и был готов беседовать с ним о чем угодно — кроме семинара. Все, что там произошло, просто изгладилось из его памяти.

Но Ламонт не отступал и перечислил факты, которые ему удалось собрать.

Макфарленд взял трубку, набил ее, тщательно проверил, плотно ли она набита, и сказал размеренно:

— Я не хочу ничего помнить, потому что это не имеет значения. Ни малейшего. Ну, предположим, я начну

утверждать будто сказал что-то. Ведь никто не поверит. Я буду выглядеть как дурак — к тому же дурак, страдающий манией величия.

— А Хэллем позаботится, чтобы вас отправили на пенсию?

— Этого я не говорю, но не думаю, чтобы подобное заявление оказалось для меня очень полезным. Да и ради чего, собственно?

— Ради исторической истины, — сказал Ламонт.

— А, чушь! Историческая истина состоит в том, что Хэллем довел дело до конца. Он прямо-таки принуждал людей браться за исследования, чуть ли не против их воли. Без него этот вольфрам в конце концов, несомненно, взорвался бы, унеся уж не знаю сколько человеческих жизней. Второго образчика могло бы и не найтись, и мы не получили бы Насоса. Так что вся честь его создания принадлежит Хэллему, хотя она ему и не принадлежит, — а если это бессмысленно, то я тут ничего поделать не могу: история всегда бессмысленна.

Ламонту волей-неволей пришлось удовлетвориться этим, поскольку больше Макфарленд об Электронном Насосе и его создании говорить не пожелал.

Историческая истина!

Во всяком случае, одно, по-видимому, было неоспоримо: великая карьера «хэллемовского вольфрама» (так его теперь называли по освященному временем обычаю) началась благодаря его странной радиоактивности. Вопрос в том, вольфрам ли это и не подменили ли его, утратил всякое значение, и даже тот факт, что загадочный металл по всем характеристикам выглядел изотопом, которого не могло быть, отошел на задний план. Слишком велико было изумление перед веществом, которое демонстрировало нарастающую радиоактивность, не подходившую ни под один тип радиоактивного распада, известный в то время.

...Некоторое время спустя Кантрович пробормотал:

— Надо бы его рассредоточить. Даже небольшие куски неизбежно испарятся или взорвутся, загрязнив полгорода. А может быть, и то и другое вместе.

Поэтому вещество превратили в порошок, разделили на мельчайшие доли и смешали с порошком обычного вольфрама, а когда и обычный вольфрам стал радиоак-

тивными, использовали графит, эффективное сечение которого гораздо ниже.

Менее чем через два месяца после того, как Хэллем заметил изменения в колбе, Кантрович прислал в «Ядерное обозрение» сообщение, подписанное и Хэллемом в качестве соавтора, об открытии плутония-186. Таким образом доброе имя Трейси было восстановлено, но в сообщении не упомянуто, — как не упоминалось оно и впредь. С этой минуты хэллемовский вольфрам начал свой стремительный путь к превращению в благодетеля человечества, а Денисон ощутил первые симптомы процесса, который в конце концов превратил его в пустое место.

Существование плутония-186 уже само по себе выглядело черт знает чем. Но первоначальная устойчивость, которая затем сменялась нарастающей радиоактивностью, была еще хуже.

Для рассмотрения этой проблемы был организован семинар под председательством Кантровича — обстоятельство, исторически небезынтересное, поскольку с тех пор любым сколько-нибудь представительным собранием, которое было так или иначе связано с Электронным Насосом, непременно руководил Хэллем. Во всяком случае, Кантрович умер пять месяцев спустя, и таким образом с пути Хэллема исчез единственный человек, обладавший достаточным престижем, чтобы удерживать его в тени.

Семинар протекал на редкость бесплодно, пока Хэллем не возвестил о своем Великом Прозрении — однако по версии, созданной Ламонтом, все решилось во время перерыва на обед. Именно тогда Макфарленд, который согласно официальной версии никаких исторических фраз не произносил (хотя на семинаре, несомненно, присутствовал), задумчиво сказал: «А знаете, тут следовало бы немножко пофантазировать. Что если...»

Он сказал это Дидерику ван Клеменсу, а тот записал их разговор в дневнике с помощью собственной стенографической системы. Но он умер задолго до того, как Ламонт начал свое расследование. И хотя эти беглые заметки полностью убедили молодого ученого, он тем не менее отдавал себе отчет, что без дополнительного подтверждения они как официальное свидетельство не

стоят ничего. К тому же не было никаких доказательств, что Хэллем слышал рассуждения Макфарленда. Ламонт готов был побиться об заклад хоть на миллион, что Хэллем в ту минуту находился где-то рядом, но его готовность юридической силы не имела.

Но и сумей он это доказать, что тогда? Да, непомерное самолюбие Хэллеме будет задето, но его положение останется неуязвимым. Ведь сам собой напрашивается аргумент, что Макфарленд просто фантазировал и вовсе не собирался выдвигать никакой гипотезы. Это Хэллем увидел проблеск истины. Это Хэллем не побоялся навлечь на себя град насмешек и смело провозгласил свою теорию. А Макфарленд вряд ли рискнул бы «немножко пофантазировать» на трибуне.

Ламонт, правда, мог бы возразить, что Макфарленду, молодому радиомеханику, любые публичные бредни, касающиеся ядерной физики, сошли бы с рук как неспециалисту.

Но что бы там ни было на самом деле, Хэллем, если верить официальной стенограмме, сказал следующее:

«Господа, мы зашли в тупик. А потому я намерен продолжить гипотезу — не потому, что считаю ее заведомо верной, но потому лишь, что она все-таки менее нелепа, чем все, что я слышал до сих пор... Мы имеем дело с веществом, с плутонием сто восемьдесят шесть, которое согласно физическим законам нашей вселенной вообще существовать не может, а о том, чтобы оно хоть на самое короткое время обрело устойчивость, и говорить, казалось бы, нечего. Но раз оно бесспорно существует и было сперва устойчивым, отсюда следует, что прежде оно, хотя бы какой-то срок, должно было находиться в месте, во времени или условиях, где физические законы вселенной действуют не так, как они действуют здесь и теперь. Попросту говоря, вещество, которое мы изучаем, возникло вовсе не в нашей вселенной, а в иной, альтернативной, параллельной вселенной — называйте ее как хотите.

Оказавшись здесь — каким образом это произошло, я объяснить не берусь, — оно некоторое время оставалось устойчивым, как я предполагаю, потому, что несло в себе законы своей вселенной. Тот факт, что постепенно оно стало радиоактивным и его радиоактив-

ность все возрастает, возможно, означает, что оно медленно проникается законами нашей вселенной, если вы позволите мне так выразиться.

Я хочу напомнить, что одновременно с появлением плутония сто восемьдесят шесть бесследно исчезло некоторое количество вольфрама, состоявшего из нескольких устойчивых изотопов, включая вольфрам сто восемьдесят шесть. Возможно, этот вольфрам переместился в параллельную вселенную. Ведь логично предположить, что обмен массами произвести легче, чем осуществить одностороннее перемещение.

Быть может, в параллельной вселенной вольфрам сто восемьдесят шесть — такая же аномалия, как плутоний сто восемьдесят шесть у нас. Не исключено, что он вначале окажется устойчивым, а затем постепенно будет становиться все более радиоактивным. И может послужить там источником энергии точно так же, как плутоний сто восемьдесят шесть здесь у нас».

По-видимому, аудитория онемела от удивления — во всяком случае, Хэллему как будто никто не перебивал, и он после вышеприведенной фразы сам сделал паузу, то ли переводя дух, то ли дивясь собственной наглости.

Тут кто-то из зала (предположительно Антуан-Жером Лапен, хотя в протоколе это не отражено) спросил, верно ли он понял, что, по мнению профессора Хэллема, некие разумные существа в паравселенной сознательно произвели обмен, чтобы получить источник энергии. Вот так в язык вошло выражение «паравселенная», возникшее, судя по всему, как сокращение сочетания «параллельная вселенная». По крайней мере до этого момента оно нигде зарегистрировано не было.

После некоторого молчания Хэллем, совсем уж закусив удила, объявил:

«Да, я так считаю. И я считаю, кроме того, что практическую пользу из подобного источника энергии можно извлечь, только если наша вселенная и паравселенная будут работать вместе, каждая у своей стороны насоса, перекачивая энергию от них к нам и от нас к ним и извлекая взаимную выгоду из различий в физических законах, действующих там и здесь».

Вот это и было сутью Великого Прозрения.

Используя термин «паравселенная», Хэллем тем самым его присвоил. Кроме того, он первым употребил в таком смысле слово «насос» (которое с тех пор писалось только с большой буквы).

Официальная версия создает впечатление, будто гипотеза Хэллеме сразу завоевала признание. Но это было не так. Те немногие, кто вообще счел нужным высказаться по поводу ее, в лучшем случае отозвались о ней как о любопытном предположении. А Кантрович не сказал ничего. Это была решающая минута в карьере Хэллеме.

Сам Хэллем, конечно, не мог разработать свою гипотезу ни в теоретическом, ни в практическом плане. Тут требовалась совместная работа многих ученых. И такие ученые нашлись. Однако вначале они избегали открыто связывать свое имя с этой гипотезой, а потом было уже поздно: когда пришел успех, широкая публика точно знала, что все сделал Хэллем и только Хэллем. В глазах всего мира Хэллем и только Хэллем открыл таинственное вещество, именно он разгадал его тайну и доказал истинность своего Великого Прозрения. А потому Хэллем и был Отцом Электронного Насоса.

Во многих лабораториях соблазнительно выкладывались крупинки вольфрама. В одной лаборатории из десяти происходила замена и появлялся новый запас плутония-186. Таким же способом предлагались и другие элементы, но эти приманки оставались нетронутыми... Однако где бы ни появился плутоний-186, кто бы ни доставил его в специальный научно-исследовательский центр, в глазах публики это была лишь новая порция «хэллемовского вольфрама».

И опять-таки Хэллем предложил широкий публике наиболее доходчивое объяснение теории паравселенной. К собственному удивлению (как он не преминул указать впоследствии), он обнаружил, что пишет весьма легко и популяризирует с удовольствием. Помимо всего прочего, успех обладает особой инерцией, и публика просто не желала получать информацию ни от кого другого.

В своей прославленной статье для воскресного еженедельника «Североамериканский тележурнал» Хэллем писал:

«Нам неизвестно, как и в чем законы паравселенной отличаются от наших, но, по-видимому, мы не ошибемся, предположив, что сильное ядерное взаимодействие, самая могучая из известных сил нашей вселенной, в паравселенной много действеннее, — возможно, в сотни раз. А это значит, что протоны с большей легкостью удерживаются вместе вопреки собственному электростатическому отталкиванию и что ядру для достижения стабильности требуется меньше нейтронов.

Плутоний-186, устойчивый в их вселенной, содержит либо слишком много протонов, либо слишком мало нейтронов, чтобы сохранить устойчивость в условиях нашей вселенной, где ядерное взаимодействие не столь эффективно. Оказавшись в нашей вселенной, плутоний-186 начинает испускать позитроны, высвобождая при этом энергию. Каждый испущенный таким образом позитрон означает, что в ядре один протон превратился в нейтрон. В конце концов двадцать протонов ядра превращаются в нейтроны, и плутоний-186 становится вольфрамом-186, который в условиях нашей вселенной устойчив. На протяжении этого процесса из каждого ядра выделяются двадцать позитронов, которые сталкиваются с двадцатью электронами, вступают с ними во взаимодействие и аннигилируют, опять-таки высвобождая энергию. Таким образом, с каждым ядром плутония-186, посланным к нам, наша вселенная теряет двадцать электронов.

Наш же вольфрам-186, попадая в паравселенную, оказывается там неустойчивым по прямо противоположным причинам. По законам паравселенной он содержит или слишком много нейтронов, или слишком мало протонов. Ядра вольфрама-186 начинают испускать электроны, непрерывно высвобождая энергию. Каждый же испущенный электрон означает, что нейтрон превращается в протон, и в конце концов возникает плутоний-186. И с каждым ядром вольфрама-186, посланным в паравселенную, она приобретает двадцать электронов.

Такой обмен плутонием и вольфрамом между нашей вселенной и паравселенной может происходить бесконечно с выделением энергии то там, то здесь, причем заключением цикла для каждого отдельного ядра будет переход двадцати электронов из нашей вселенной к ним.

И обе стороны получают энергию. Явление это можно назвать своего рода «Межвселенским Электронным Насосом».

Претворение этой идеи в жизнь и создание реального Электронного Насоса, ставшего мощнейшим источником энергии, осуществилось с ошеломляющей быстротой, и каждый новый успех укреплял престиж Хэллема.

Глава 3

У Ламонта не было причин сомневаться в том, что этот престиж вполне заслужен. Задумав написать историю вопроса, он не без труда добился приема у Хэллема и вошел в кабинет с чувством, похожим на благоговение. (Впоследствии у него от одной мысли об этой телячьей восторженности начинали гореть уши, и он постарался изгладить ее из своей памяти, что ему отчасти и удалось.)

Хэллем держался снисходительно. За тридцать лет он вознесся на такие высоты славы, что можно было только удивляться, почему у него еще не течет кровь из носа. С возрастом он приобрел внушительность, хотя и лишенную одухотворенности. Его грузная фигура казалась представительной, а грубым чертам своего лица он научился придавать выражение умудренного спокойствия. Но он по-прежнему легко багровел, а его самовлюбленность и обидчивость стали присловьем.

Перед тем как принять Ламонта, Хэллем позаботился навести о нем справки и был во всеоружии. Он сказал:

— Вы доктор Питер Ламонт и занимаетесь паратеорией — довольно плодотворно, как я слышал. Я помню вашу диссертацию. О паратермоядерной реакции, не так ли?

— Совершенно верно, сэр.

— Ну так напомните мне подробности. Расскажите мне о ваших выводах. Неофициально, разумеется, слово вы говорите с профаном. Ведь в конце-то концов, — он добродушно засмеялся, — в известном смысле я и есть профан. Я же всего только радиохимик, как вам, быть может, известно, и не ахти какой теоретик, разве

что иной раз позволяю себе выдвинуть концепцию-другую.

В тот момент Ламонт принял все это за чистую монету. Да, возможно, слова Хэллеме вовсе и не были столь оскорбительно наглыми, как казалось ему потом. Но в дальнейшем Ламонт обнаружил (и, во всяком случае, уверил себя), что они были типичны для хэллемовского метода ознакомления с сутью чужих исследований. А потом Хэллем бойко рассуждал на эти темы, как правило — а вернее никогда, — не утруждая себя упоминанием о том, кому он обязан своими сведениями.

Но тот, более юный Ламонт был только польщен и сразу же заговорил — словоохотливо и с тем же увлечением, которое обычно охватывает человека, когда он рассказывает о своих открытиях.

— Ну конечно, я сделал совсем не так уж много, доктор Хэллем. Ведь устанавливать физические законы паравселенной — паразаконны — дело очень рискованное. У нас слишком мало исходных данных. Я начал с того немногого, что нам известно, и не позволял себе никаких предположений, если они не опирались на уже имеющийся материал. Можно с достаточной уверенностью заключить, что при более сильном ядерном взаимодействии слияние легких ядер должно происходить с меньшими затруднениями.

— Параслияние, — поправил Хэллем.

— Совершенно верно, сэр. Задача, следовательно, сводилась к установлению частных случаев. Над математикой пришлось-таки поломать голову, но после нескольких преобразований все стало много проще. Оказывается, например, что в паравселенной у гидрида лития термоядерная реакция начинается при температуре на четыре порядка ниже, чем здесь. У нас, чтобы взорвать гидрид лития, требуется энергия атомной бомбы, а в паравселенной для этого достаточно, так сказать, простого динамитного заряда. Возможно даже, что там гидрид лития вспыхнет от спички, но это маловероятно. Мы им предлагали гидрид лития, поскольку термоядерная энергия может быть у них там чем-то вроде природного ресурса, но они его не тронули.

— Да, я знаю.

— Совершенно очевидно, что для них слишком опасно. Ну, как использовать нитроглицерин в ракетных двигателях тоннами — только еще рискованнее.

— Отлично. А кроме того, вы ведь работаете над историей Насоса?

— Для собственного удовольствия, сэр. И если это вас не слишком затруднит, сэр, не смогли бы вы ознакомиться с рукописью, когда она будет готова? Ведь никто не знает всю подоплеку этих событий так, как ее знаете вы, сэр, и ваши замечания были бы поистине неоценимыми. Да если бы сейчас у вас нашлось для меня несколько лишних минут...

— Попробую найти. Так что же вам хотелось бы узнать? — сказал Хэллем с улыбкой, не подозревая, что ему уже больше никогда не захочется улыбаться в присутствии Ламонта.

— Эффективный и практический Насос, профессор Хэллем, был создан в потрясающе короткий срок, — начал Ламонт. — Едва проект Насоса...

— Проект Межвселенского Электронного Насоса, — поправил Хэллем, все еще улыбаясь.

— Да, конечно, — Ламонт кашлянул. — Я просто употребил сокращенное название. Достаточно было начать, а уж само конструирование протекало удивительно быстро и без каких-либо видимых затруднений.

— Совершенно справедливо, — сказал Хэллем с легким самодовольством. — Меня постоянно уверяют, что это моя заслуга, что все объясняется моим энергичным и прозорливым руководством, но мне не хотелось бы, чтобы вы в вашей книге излишне это подчеркивали. Мы привлекли к работе над проектом немало высокоталантливых людей, и мне было бы неприятно, если бы чрезмерное преувеличение моей роли привело к некоторому затушевыванию блестящей работы отдельных членов группы.

Ламонт досадливо мотнул головой. Все это не относилось к делу. Он сказал:

— Меня интересует другое. Я имел в виду разумные существа той вселенной. Паралюдей, как их принято называть. Ведь начали они. Мы открыли их после первой замены вольфрама на плутоний. Но они-то открыли нас первыми, причем чисто теоретически, без той подсказ-

ки, которую получили от них мы. А та железная фольга, которую они переслали...

Вот тут-то улыбка Хэллема исчезла — исчезла навсегда. Он нахмурился и сказал, повысив голос:

— Символы расшифровке не поддались. Они ни в коей мере...

— Но, сэр, ведь геометрические фигуры, несомненно, были понятны. Я ознакомился с материалами, и нет никаких сомнений, что они представляют собой своего рода чертеж Насоса. По-моему...

Хэллем гневно скрипнул креслом.

— Хватит измышлений, молодой человек. Всю работу сделали мы, а не они.

— Да... Но разве не правда, что они...

— Что «они», что?!

Ламонт наконец осознал, какую бурю чувств он вызвал, но по-прежнему не понимал ее причины. Он сказал нерешительно:

— Что они более высоко развиты, чем мы, и что, в сущности, все сделали они. Разве это не так, сэр?

Хэллем, совсем пунцовый, с усилием поднялся на ноги.

— Конечно, нет! — закричал он. — Никакой мистики в этом вопросе я не допущу. Ее и без того хватает. Послушайте, молодой человек! — Он надвинулся на ошеломленного Ламонта, который все еще продолжал растерянно сидеть, и погрозил ему толстым пальцем. — Если вы в своей истории исходите из того, что мы были марионетками, которых паралюди дергали за ниточки, то Первая станция не станет ее публиковать, да и никто ее не опубликует, если это будет зависеть от меня. Я не допущу, чтобы человечество унижали, чтобы паралюдям отводили роль богов.

Ламонт сделал единственное, что ему оставалось, — он ушел. Ушел, ничего не понимая, расстроенный тем, что, действуя из самых лучших побуждений, он почему-то вызвал только гнев и озлобление.

А затем его исторические источники начали пересыхать один за другим. Люди, которые неделю назад охотно отвечали на его вопросы, теперь ничего не помнили и не находили времени для дальнейших бесед.

Вначале Ламонт сердился и недоумевал, а потом в нем начали нарастать ожесточение и злоба. Он оценил собранный материал с новой точки зрения и принялся требовать и настаивать там, где прежде вежливо просил. Когда они с Хэллемом случайно оказывались рядом на совещаниях или официальных приемах, Хэллем хмурился, делая вид, будто не замечает Ламонта, а Ламонт в свою очередь начинал презрительно морщиться.

В результате Ламонт обнаружил, что на избранной им ниве паратеории его явно не ждет ничего хорошего, и решительно обратился ко второй своей профессии — профессии историка науки.

Глава 6 (продолжение)

-Ох, какой идиот! — пробормотал Ламонт, все еще во власти воспоминаний о тех днях. — Видел бы ты, Майк, в какую панику он впал при одном только предположении, что инициатива принадлежала им. Теперь я просто не понимаю, как можно было с первого взгляда не догадаться, каким образом это на него подействует. Радуйся, что тебе с ним работать не приходилось.

— Я и радуюсь, — сказал Бროновский скучным голосом. — Хотя и ты не ангел, если уж на то пошло.

— Не жалуйся! В твоей работе тебе никто палок в колеса не вставляет.

— Зато ею никто и не интересуется. Кому нужна моя работа, если не считать меня самого и еще пятерых человек в мире? Ну, может, шестерых. Помнишь?

Ламонт помнил.

— Ну, ладно-ладно, — сказал он.

Глава 4

Добродушная вялость Броновского могла обмануть только совсем не знавших его людей. Он обладал на редкость острым умом, и, раз взявшись за какую-нибудь задачу, терзал ее до тех пор, пока не находил решения или не оставлял от нее лишь жалкие клочья, которые явно доказывали, что она вообще решения не имеет.

Взять хотя бы этрусские надписи, принесшие ему известность. Этрусский язык был живым еще в первом веке нашей эры, но культурный шовинизм древних римлян уничтожил его с такой тщательностью, что от него не осталось почти никаких следов. Буквы отдельных надписей, сохранившихся, несмотря на вакханалию римской враждебности и — что еще хуже — всеобщее равнодушие, походили на греческие, что позволяло угадывать звучание слов. Но этим все и исчерпывалось. У этрусского языка словно бы не было родственных среди соседних языков, он казался очень древним и, возможно, даже не был индоевропейским.

Это навело Броновского на мысль обратиться к другому языку, который тоже словно бы не был родственным ни одному из соседних языков, который тоже казался очень древним и, возможно, даже не был индоевропейским, — но язык этот был вполне живым, и говорили на нем в области, расположенной не так уж далеко от тех мест, где некогда обитали этруски.

Язык басков? Броновский задумался. И положил в основу своих исследований баскский язык. Он не был тут первым, но его предшественники после тщетных

попыток в конце концов отступались от этой идеи. Броновский не отступился.

Это была тяжелейшая работа, тем более что баскский язык, сам по себе на редкость трудный, оказался более чем скромным подспорьем. Но чем дольше занимался Броновский своими исследованиями, тем тверже становилась его уверенность, что между древними обитателями северной Италии и северной Испании, несомненно, существовала определенная культурная связь. У него набралось достаточно данных, чтобы построить убедительную гипотезу о широко заселявших Западную Европу пракельтах, язык которых явился предком и этрусского, и баскского, хотя в своем дальнейшем развитии они очень разошлись. К тому же следовало учитывать, что этрусский язык остановился в своем развитии, а баскский продолжал развиваться еще две тысячи лет, испытав при этом значительное воздействие испанского. Логически вывести, какова была его структура в эпоху Древнего Рима, а затем связать полученные результаты с проблемами этрусского языка — значило поистине совершить редкостный по трудности интеллектуальный подвиг, и понятно, что филологи всего мира были поражены, когда Броновскому удалось это сделать.

Правда, содержание памятников этрусской письменности оказалось удивительно неинтересным и для истории не дало почти ничего — чуть ли не все они были ритуальными надгробными надписями. Но сам факт перевода был ошеломителен и в ходе дальнейших событий послужил для Ламонта спасительной соломинкой.

Однако далеко не вначале. Честно говоря, Ламонт только пять лет спустя после прочтения надписей впервые узнал, что когда-то существовали какие-то там этруски. Затем Броновский был приглашен выступить с докладом на ежегодных чтениях в университете, и хотя Ламонт обычно пренебрегал своим долгом преподавателя и пропускал чтения, но на лекцию Броновского он пришел.

Не потому, что осознавал важность темы или испытывал какое бы то ни было любопытство. Просто он тогда ухаживал за аспиранткой кафедры романских языков, и, не пойдя он на чтения, ему пришлось бы отправиться на музыкальный фестиваль, а эта перспек-

тива увлекала его еще меньше. Роман этот был мимолетным, и никаких серьезных намерений у Ламонта не было, но тем не менее на лекцию он попал из-за него.

Впрочем, лекция ему скорее понравилась. Сама загадочная этрусская цивилизация возбудила у него лишь легкий отвлеченный интерес, зато идея расшифровки неизвестного языка показалась ему увлекательной. Подрастком он любил решать ребусы, но потом оставил их вместе с прочими детскими забавами ради куда более сложных ребусов, которые предлагает природа, и в конце концов посвятил себя паратеории.

И на лекции Броновского он вновь пережил мальчишескую радость неторопливого извлечения смысла из того, что на первый взгляд казалось случайным набором рисунков и знаков, когда трудности делали победу только слаще. Броновский же был ребусником первой величины, и Ламонт испытывал прямо-таки наслаждение, слушая рассказ о том, как логика упорядочивала и истолковывала неведомое и бесформенное.

Но даже это тройное совпадение — появление Броновского в университете, ламонтовское детское увлечение ребусами и флирт с хорошенькой аспиранткой, водившей своих поклонников на доклады и фестивали, — не привело бы ни к чему, если бы на следующий же день Ламонт не отправился на роковую аудиенцию к Хэллему и не погубил свою карьеру — причем безвозвратно, как он довольно скоро убедился.

Едва выйдя от Хэллема, Ламонт решил поговорить с Броновским о проблеме, которая ему самому представлялась совершенно очевидной, хотя Хэллем и пришел в бешенство при одном намеке на нее. Ламонт считал необходимым нанести ответный удар, потому что был прав, потому что именно его правота навлекла на него начальственный гнев, — а для этого в первую очередь следовало доказать справедливость той идеи, которая этот гнев вызвала. Конечно, паралюди более высоко развиты! Прежде он об этом, по правде говоря, не задумывался — это как-то само собой разумелось и особого значения не имело. Но теперь вопрос приобрел решающее значение. Он должен доказать, что прав, — вбить эти доказательства в глотку Хэллема, и, по возможности, боком, чтобы труднее было проглотить.

Благоговение перед великим ученым уже успело угаснуть настолько, что Ламонт с наслаждением смаковал такую перспективу.

Броновский еще не уехал, и Ламонт, разыскав его, ворвался к нему чуть ли не силой.

Загнанный в угол Броновский держался с изысканной любезностью.

Ламонт нетерпеливо выслушал его вежливые фразы, назвал себя и сразу же перешел к делу.

— Доктор Броновский, — сказал он, — я страшно рад, что успел поймать вас до отъезда. Надеюсь, я сумею уговорить вас остаться тут на более длительный срок.

Броновский ответил:

— Возможно, это будет не так уж трудно. Меня приглашают к вам в университет читать курс.

— И вы думаете согласиться?

— Я еще не решил. Но это не исключено.

— Нет, вы должны согласиться. Вы сами это поймете, когда выслушаете меня. Доктор Броновский, чем, собственно, вы можете заняться теперь, когда вы уже расшифровали этрусские надписи?

— Я занимался не только этим, молодой человек. (Он был старше Ламонта на пять лет.) Я археолог, а этрусская культура не исчерпывается надписями, так же как итальянская культура доклассического периода не исчерпывается одними этрусками.

— Но ведь вряд ли в этой области есть задачи, столь же увлекательные, как прочтение этрусских надписей?

— Тут вы правы.

— Тогда, наверно, вы будете рады найти проблему, еще более увлекательную, еще более сложную и в триллион раз более злободневную!

— Что вы имеете в виду, доктор... Ламонт, не так ли?

— У нас есть надписи, не связанные ни с какой мертвой культурой. И даже с Землей. И даже со всей вселенной. У нас есть то, что мы называем парасимволами.

— Я о них слышал. И даже видел их.

— Но в таком случае неужели вам не захотелось взяться за решение этой проблемы, доктор Бროновский? Не захотелось узнать, что они означают?

— Нет, не захотелось, доктор Ламонт, поскольку никакой проблемы тут нет.

Ламонт бросил на него подозрительный взгляд.

— Вы что, их уже прочли?

Броновский покачал головой.

— Вы меня не поняли. Проблемы нет, потому что их вообще нельзя прочесть. И я этого не могу. И никто другой не сможет. Для этого нет исходной точки. Когда речь идет о земном языке, даже самом мертвом, можно с достаточной уверенностью рассчитывать, что найдется живой язык или мертвый, но уже известный, который окажется с ним в родстве, пусть самом отдаленном. И даже если такой аналогии не отыщется, можно исходить хотя бы из того, что на этом языке писали люди и их мыслительные процессы были человеческими, сходными с нашими. Это уже опора, хотя и слабенькая. Но к парасимволам ни один такой способ не применим, то есть они слагаются в задачу, заведомо не имеющую решения. А задача без решения — не задача.

Ламонт сдерживался, чтобы не перебить его, лишь с большим трудом. Но тут его терпение иссякло:

— Вы ошибаетесь, доктор Броновский! Не подумайте, что я хочу учить вас вашей профессии, но вы ведь не знаете ряда фактов, которые установили люди моей профессии. Мы имеем дело с паралюдьми, о которых нам практически ничего не известно. Мы не знаем, как они выглядят, как они мыслят, в каком мире обитают. То есть мы не знаем почти ничего о самом главном, о самом основном. В этом отношении вы правы.

— Но соль, по-видимому, заключается в «почти», не правда ли?

Броновский как будто несколько не заинтересовался. Он достал из кармана пакетик с инжиром, распечатал его, сунул один в рот и протянул пакетик Ламонту, но тот покачал головой.

— Вот именно! — объявил Ламонт. — Нам известен факт решающей важности. По развитию они стоят выше нас. Во-первых, они умеют осуществлять обмен через Межвселенское Окно, нам же достается чисто

пассивная роль... — Не договорив фразы, он спросил: — Вы что-нибудь знаете о Межвселенском Электронном Насосе?

— Достаточно, чтобы следить за вашими рассуждениями, доктор Ламонт, до тех пор, пока вы ограничиваетесь общими положениями.

Ламонт заговорил, не дослушав:

— Во-вторых, они прислали нам объяснения, как сконструировать нашу часть Насоса. Мы не смогли в них разобраться, но чертежи все-таки подсказали нам верный путь. В-третьих, они каким-то образом воспринимают нас. Во всяком случае, они, например, узнают, когда мы предлагаем им вольфрам. Они узнают его местонахождение и действуют соответственно. Мы ни на что аналогичное не способны. Есть еще частности, но и этого вполне достаточно, чтобы показать, насколько паралюди выше нас по развитию.

— Мне кажется, — заметил Бროновский, — что тут вы одиноки. Полагаю, ваши коллеги с вами не согласны.

— О да! Но почему вы так решили?

— А потому что, на мой взгляд, вы ошибаетесь.

— Факты, на которые я ссылаюсь, верны, так как же я могу ошибаться?

— Вы ведь доказываете только, что паралюди опередили нас в техническом отношении. Но как это связано с умственным развитием? Вот послушайте! — Бროновский встал, снял куртку и расположился в кресле поудобнее. Его полное мягкое тело уютно расслабилось, словно непринужденная поза помогала ему думать. — Примерно двести пятьдесят лет назад в гавань Токио вошла американская эскадра под командованием Мэтью Перри. Японцы, в ту эпоху отрезанные от остального мира, внезапно столкнулись с технической культурой, заметно превосходившей их собственную, и мудро решили, что открытое сопротивление было бы неразумным. Большая страна с давними военными традициями и многомиллионным населением оказалась бессильной перед несколькими чужеземными кораблями. Но доказывает ли это, что американцы стояли по умственному развитию выше японцев или просто что западная культура шла несколько иным путем? Разумеется, верно второе — не прошло и пятидесяти лет, как японцы

освоили западную технику, а еще через полвека стали в один ряд с ведущими индустриальными странами мира, несмотря на то что примерно тогда же потерпели сокрушительное военное поражение.

Ламонт, который слушал с большим вниманием, сказал:

— Я об этом думал, доктор Броновский, хотя и не знал про японцев, — у меня слишком мало времени, чтобы подробно знакомиться с историей прошлых веков, а жаль! Но тут другое. Речь идет не только о техническом превосходстве, а и об умственном развитии.

— Но ведь это только ваши догадки. Почему вы, собственно, так думаете?

— А потому что они прислали нам инструкции. Они очень хотели, чтобы мы установили свою часть Насоса, и искали способ, как подтолкнуть нас на это. Сами они к нам попасть не могут — ведь даже железная фольга, на которой были выбиты их инструкции (а железо и у них и у нас самый устойчивый из элементов), даже она постепенно сделалась настолько радиоактивной, что ее стало опасно хранить целыми кусками. Но, конечно, прежде чем принять необходимые меры, мы сняли точные копии.

Он умолк, чтобы перевести дух, и с досадой подумал, что говорит слишком взволнованно и настойчиво. Так ведь можно оттолкнуть, вместо того чтобы увлечь.

Броновский смотрел на него с любопытством.

— Ну хорошо. Они присылали нам инструкции. Какой, собственно, вывод вы пытаетесь из этого сделать?

— А вот какой: по их мнению, мы способны понять, что они нам пишут. Неужели они настолько глупы, что стали бы отправлять нам послания, иногда довольно длинные, если бы считали, что мы их не поймем?.. Без их чертежей мы ничего не смогли бы сделать. Если же они были уверены, что мы поймем, значит, они считают, что существа вроде нас, с технической культурой примерно их уровня (а это они каким-то образом установить сумели — еще одно подтверждение моей точки зрения) должны находиться примерно на той же ступени умственного развития, что и они, и без труда разберутся в их символах.

— С тем же успехом это можно считать доказательством их наивности, — спокойно возразил Броновский.

— То есть, по-вашему, они полагают, будто возможен всего один устный и письменный язык и что разумные обитатели другой вселенной говорят и пишут так же, как они сами? Согласитесь, это уж слишком.

— Предположим даже, что вы правы, — сказал Броновский. — Но что вы, собственно, хотите от меня? Я видел парасимволы. Думаю, в мире не найдется археолога или филолога, который бы их не видел. И я не понимаю, что я мог бы сделать. Думаю, и все остальные сказали бы то же. За двадцать с лишним лет дело не сдвинулось с места.

— Потому что все эти двадцать лет никто всерьез и не пытался что-нибудь сделать, — горячо возразил Ламонт. — Управление Насосными станциями вовсе не хочет, чтобы символы были прочитаны.

— Но отчего?

— А вдруг прямое сообщение с паралюдми неопровержимо докажет, что их развитие выше? Вот тогда уже не удастся скрыть, что создатели Насоса — лишь номинальные его творцы, а это непереносимо для их самомнения. И, таким образом, — Ламонт старался говорить без злости, но это ему не удавалось, — Хэллем утратит право называться Отцом Электронного Насоса.

— Ну хорошо, предположим, символами захотели бы заняться всерьез. Что это дало бы? Ведь хотеть еще не значит мочь.

— Можно было бы заручиться сотрудничеством паралюдей. Можно было бы написать в паравселенную. Этого даже не пытались сделать, хотя ничего невозможного тут нет. Можно было бы подложить письмо на железной фольге под крупинку вольфрама.

— Вот как? Они что же, по-прежнему высматривают вольфрам, хотя Насос уже действует?

— Нет. Но они заметят вольфрам и сообразят, что мы стараемся привлечь их внимание. И вообще можно изготовить фольгу из вольфрама и написать прямо на ней. Если они заберут наше послание и хоть что-то поймут, то ответят, используя свои новые знания. Например, составят сравнительную таблицу своих слов и наших или используют наши слова в окружении своих.

Это будет обмен — они нам, мы им, они нам и так далее.

— Причем львиную долю работы выполняют они, — добавил Броновский.

— Вот именно.

Броновский покачал головой.

— Ну и что тут интересного? Меня, во всяком случае, это не прельщает.

Ламонт испепелил его гневным взглядом.

— Но почему? Или, по-вашему, вам будет мало чести? Славы вам не хватит? Вы что, такой уж специалист в вопросах славы? Да какую, собственно, славу принесли вам эти этрусские надписи, черт побери? Ну утерли вы нос пятерым другим специалистам. Или даже шестерым. Вот для них одних во всем мире вы победитель, авторитет, и они вас ненавидят. А еще что? Ну читаете вы лекции перед полусотней слушателей, которые на другой день уже не помнят вашей фамилии. Вас это прельщает?

— Не впадайте в мелодраму.

— Ладно, не буду. И найду кого-нибудь другого. Времени уйдет больше, но, как вы совершенно правильно заметили, львиную долю работы выполняют паралоуди. В конце-то концов я и сам справлюсь.

— Вам это официально поручено?

— Нет, не поручено. Ну и что? Или это для вас еще одна причина держаться в сторонке? Блюдете академическую этику? Так нет же правил, запрещающих заниматься переводом, и почему я не имею права положить кусочек вольфрама на свой письменный стол? Я не стану сообщать о посланиях, которые могу получить взамен, и в этом смысле несколько отступаю от общепринятых норм научных исследований. Но когда ключ к переводу будет найден, кто об этом вспомнит? Согласны ли вы работать со мной, если я гарантирую вам полное отсутствие неприятностей и обещаю сохранить ваше участие в тайне? В результате вы лишитесь славы, но, может быть, свое спокойствие вы цените выше? Ну что ж, — Ламонт пожал плечами. — Если мне придется работать одному, то по крайней мере не надо будет тратить время и силы на то, чтобы оберегать чье-то спокойствие.

Он встал, собираясь уйти. Оба были рассержены и держались теперь с той сухой корректностью, которая возникает между собеседниками, настроенными враждебно, но соблюдающими внешнюю вежливость.

— Полагаю, — сказал Ламонт, — мне необязательно просить вас считать нашу беседу конфиденциальной? Броновский тоже поднялся.

— О, разумеется, — ответил он холодно, и они учтиво пожали друг другу руки.

Ламонт решил, что на Броновского ему рассчитывать не приходится, и принялся убеждать себя, что он и сам может отлично справиться со всеми трудностями перевода.

Однако два дня спустя Броновский явился к Ламонту в лабораторию и сказал без всякого вступления:

— Я уезжаю, но в сентябре вернусь. Я принял приглашение работать здесь, так что, если это вас по-прежнему устраивает, я посмотрю тогда, может ли у меня что-нибудь получиться с переводом этих ваших символов.

Ламонт не успел даже оправиться от удивления и поблагодарить его, как Броновский сердито вышел из комнаты, словно согласиться ему было даже неприятнее, чем отказаться.

Со временем они подружились. И со временем Ламонт узнал, что заставило Броновского изменить первоначальное решение. На другой день после их спора Броновский был приглашен в преподавательский клуб на званый завтрак, на котором присутствовал весь цвет университетской администрации во главе, разумеется, с ректором. Во время завтрака Броновский объявил о своем согласии работать в университете, упомянув, что необходимое официальное заявление пришлет несколько позже, и все выразили удовольствие по этому поводу.

Ректор сказал:

«Поистине, это великолепное перо в шляпу нашего университета, что в его стенах будет трудиться прославленный переводчик айтасских надписей! Для нас это большая честь».

Конечно, никто даже не намекнул ректору на его ляпсус, и Броновский продолжал сиять улыбкой, правда, теперь несколько вымученной. После завтрака заве-

дующий кафедрой древней истории сказал в извинение ректора, что тот родом из Миннесоты и большой патриот своего штата, который знает много лучше античности, а поскольку озеро Айтаска является истоком великой Миссисипи, такая оговорка вполне естественна.

Но этот эпизод, словно подкреплявший насмешки Ламонта над его славой, несколько уязвил Броновского.

Когда Ламонт услышал эту историю, он расхохотался.

— Можешь не продолжать, — заявил он. — Я ведь и сам через это прошел. Ты сказал себе: «Черт подери, я сделаю такое, что даже этот олух вынужден будет запомнить».

— Что-то в этом роде, — согласился Броновский.

Глава 5

Однако год работы не принес практически никаких результатов. Их послания в конце концов попали по назначению, они получили ответные послания. И — ничего.

— Ну попробуй догадаться, — лихорадочно требовал Ламонт. — Возьми хоть с потолка. И испробуй на них.

— Я этим и занимаюсь, Пит. Что ты нервничаешь? На этрусские надписи я потратил двенадцать лет. А ты что же, думал, на это потребуется меньше времени?

— Черт возьми, Майк. Двенадцать лет — это невымыслимо.

— А почему, собственно? Послушай, Пит, я ведь замечаю, что с тобой творится что-то неладное. Весь последний месяц ты был просто невозможен. Мне казалось, мы с самого начала знали, что дело быстро не пойдет и нам надо запастись терпением. Мне казалось, ты понимаешь, что у меня, кроме того, есть моя работа в университете. И ведь я уже несколько раз задавал тебе этот вопрос. Ну так я его повторю: почему ты вдруг так заторопился?

— Потому что заторопился, — резко ответил Ламонт. — Потому что хочу, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки.

— Поздравляю! — сухо сказал Броновский. — Представь себе, и я хочу того же. Послушай, уж не собираешься ли ты скончаться во цвете лет? Твой врач случайно не предупредил тебя, что ты неизлечимо болен?

— Да нет же, нет! — скрипнув зубами, сказал Ламонт.

— Так что же с тобой?

— Ничего, — и Ламонт поспешно ушел.

В тот момент, когда Ламонт решил заручиться помощью Бронзовского, его просто злило тупое упрямство Хэллема, не желавшего допустить даже мысли о том, что паралюди могут стоять по развитию выше землян. И стремясь установить с ними прямую связь, он хотел только доказать, что Хэллем не прав. И ничего больше — в первые месяцы.

Но у него почти сразу же начались всяческие неприятности. Опять и опять его заявки на новое оборудование оставались без внимания, время, положенное ему для работы с электронной вычислительной машиной, урезывалось, на заявление о выдаче ему командировочных сумм он получил пренебрежительный отказ, а предложения, которые он вносил на межфакультетских совещаниях, даже не рассматривались.

Кризис наступил, когда освободившаяся должность старшего сотрудника, на которую все права имел Ламонт, была отдана Генри Гаррисону, много уступавшему ему и в стаже, и, главное, в способностях. Ламонт кипел от возмущения. Теперь ему уже было мало просто продемонстрировать свою правоту — он жаждал разоблачить Хэллема в глазах всего мира, сокрушить его.

Это чувство ежедневно, почти ежечасно подогревалось поведением остальных сотрудников Насосной станции. Ламонт был слишком колюч, чтобы пользоваться всеобщей любовью, но тем не менее многие ему симпатизировали.

Гаррисон же испытывал большую неловкость. Это был тихий молодой человек, старавшийся сохранять добрые отношения со всеми, и на его лице, когда он остановился в дверях ламонтовской лаборатории, было написано боязливое смущение. Он сказал:

— Привет, Пит. Найдется у вас для меня пара минут?

— Хоть десять, — хмуро сказал Ламонт, избегая его взгляда.

Гаррисон вошел и присел на краешек стула.

— Пит, — сказал он. — Я не могу отказаться от этого назначения, но хотел бы вас заверить, что я о нем

не просил. Это была для меня полнейшая неожиданность.

— А кто вас просит отказываться? Мне наплевать.

— Пит, что у вас вышло с Хэллемом? Если я откажусь, назначат еще кого-нибудь, но только не вас. Чем вы допекли старика?

Этого Ламонт не вынес.

— Скажите-ка, что вы думаете о Хэллеме? Что он за человек, по-вашему? — набросился он на бедного Гаррисона.

Гаррисон совсем растерялся. Он пожевал губами и почесал нос.

— Ну-у... — сказал он и умолк.

— Великий человек? Замечательный ученый? Блистательный руководитель?

— Ну-у...

— Ладно, так я вам сам скажу. Он шарлатан! Самозванец! Правдой и неправдой урвал себе сладкий кусок, а теперь трясется, как бы его не потерять! Он знает, что я его насквозь вижу. Вот этого-то он и не может мне простить!

Гаррисон испустил неловкий смешок.

— Неужто вы вошли к нему и сказали...

— Нет, прямо я ему ничего не говорил, — утрюмо перебил Ламонт. — Но придет день, и я скажу. Только он и без этого знает. Он понимает, что меня ему провести не удалось, пусть я пока и молчу.

— Послушайте, Пит, ну для чего вам это ему показывать? Я ведь тоже не считаю, что он такой уж гений, но зачем, собственно, кричать об этом на всех перекрестках? Погладьте его по шерстке. Ведь ваша карьера в его руках.

— Да неужто? А у меня в руках его репутация. Я его разоблачу! Я покажу, что у него за душой ничего нет.

— Каким образом?

— А уж это мое дело, — пробормотал Ламонт, который в ту минуту не мог бы ответить на этот вопрос даже самому себе.

— Но это же смешно, — сказал Гаррисон. — У вас нет никаких шансов на победу. Он сотрет вас в порошок. Пусть он на самом деле не Эйнштейн и не Оппенгеймер, но мир-то считает его выше их. В глазах всех обитателей

земного шара он — Отец Электронного Насоса и, пока Насос служит ключом к райской жизни, они останутся глухи. До тех пор Хэллем неуязвим, и надо быть сумасшедшим, чтобы вступать с ним в борьбу. Какого черта, Пит! Скажите ему, что он великий человек, и проглотите пилюлю. Очень вам нужно быть вторым Денисоном!

— Вот что, Генри! — крикнул Ламонт, внезапно приходя в ярость. — Шли бы вы заниматься своими делами!

Гаррисон вскочил и вышел, не сказав больше ни слова. Ламонт обзавелся еще одним врагом или, во всяком случае, потерял еще одного друга. Но, поразмыслив, он решил, что оно того стоило, так как этот разговор натолкнул его на новую идею.

Суть всех рассуждений Гаррисона исчерпывалась одной фразой: «...пока Электронный Насос служит ключом к райской жизни... Хэллем неуязвим».

Эти слова звенели в ушах Ламонта, и он впервые задумался не о Хэллеме, а о самом Электронном Насосе.

Действительно ли Электронный Насос — ключ к райской жизни? Или, черт подери, тут есть какой-то подвох?

История показывает, что во всем новом обычно кроется какой-то подвох. А как обстоит дело с Электронным Насосом?

Ламонт, специалист по паратеории, конечно, знал, что проблема «подвоха» в свое время уже возникала. Едва было установлено, что работа Электронного Насоса в конечном счете сводится к перекачке электронов из нашей вселенной в паравселенную, со всех сторон слышались вопросы: «А что произойдет, когда будут перекачаны все электроны?»

Ответ был самый успокоительный. При той интенсивности перекачки, которая полностью покроеет всю практическую потребность человечества в энергии, запаса электронов во вселенной хватит по меньшей мере на триллион триллионов лет, помноженный на триллион, то есть на срок, который неизмеримо превосходит возможный период существования как вселенной, так и паравселенной, взятых вместе.

Следующее возражение было более хитрым. Перекачать все электроны нельзя даже теоретически. По мере их перекачки общий отрицательный заряд паравсе-

ленной будет увеличиваться, так же как и общий положительный заряд вселенной. С каждым годом по мере возрастания разницы перекачка электронов будет затрудняться все больше, поскольку требуется преодолевать противодействие противоположных зарядов. Да, конечно, непосредственно перекачивались нейтральные атомы, но сопровождающее это процесс возмущение орбитальных электронов создавало эффективный заряд, который колоссально увеличивался благодаря наступавшим вслед за этим радиоактивным превращениям.

Если бы заряды непрерывно накапливались в точках перекачки, их воздействие на перекачиваемые атомы с возмущенными электронами почти немедленно оборвало бы весь процесс, но, разумеется, тут вступала в действие диффузия. Накапливающийся заряд диффундировал в атмосферу, и его воздействие на процесс перекачки следовало рассчитывать с учетом этого момента.

В результате возрастания общего положительного заряда Земли положительно заряженный солнечный ветер начинал отклоняться от нашей планеты на все большем расстоянии, а ее магнитосфера увеличивалась. Благодаря работам Макфарленда (того самого, кому, по убеждению Ламонта, принадлежала идея, обернувшаяся Великим Прозрением) удалось показать, что определенное равновесие обеспечивалось солнечным ветром, уносившим прочь все больше и больше накапливающихся положительно заряженных частиц, которые отталкивались от земной поверхности все выше в экзосферу. С нарастанием интенсивности перекачки, со вступлением в строй очередной Насосной станции общий положительный заряд Земли слегка увеличивался и магнитосфера на несколько миль расширялась. Изменение это, однако, было незначительным, а положительно заряженные частицы уносились солнечным ветром и распределялись по внешним областям Солнечной системы.

И все-таки даже при самой стремительной диффузии заряда неизбежно должно было наступить время, когда локальная разность зарядов вселенной и паравселенной возрастет настолько, что процесс прекратится, причем на это должна была уйти лишь малая доля того времени, которое потребовалось бы на перекачку всех электро-

нов, — примерно одна триллионная одной триллионной.

То есть это означало, что перекачка может продолжаться триллион лет. Один-единственный триллион. Но и его было достаточно. Совершенно достаточно. За триллион лет мог исчезнуть не только человек, но и сама Солнечная система. А если человек (или какой-нибудь его наследник и преемник) будет существовать и тогда, он, уж конечно, сумеет найти наилучший выход из положения. Ведь за триллион лет можно сделать очень много.

Со всем этим Ламонт должен был согласиться.

Тут он попробовал взглянуть на проблему под другим углом и припомнил рассуждения Хэллема в одной из статей, рассчитанной на самых неискушенных читателей. Он отыскал эту статью и с некоторой брезгливостью перечитал ее: прежде чем идти дальше, необходимо было проверить, что именно утверждает Хэллем.

В статье он нашел такое место:

«Из-за действия вездесущей силы тяготения мы привыкли связывать выражение «под гору» со своего рода неизбежным изменением, которое мы можем использовать для получения энергии, которую в свою очередь мы можем преобразовать в полезную работу. В далеком прошлом текущая под гору вода вращала колеса, которые приводили в действие машины вроде насосов и турбин. Но что случится, когда вся вода стечет?

Дальнейшая работа окажется невозможной до тех пор, пока вода не будет поднята на гору, — а это требует работы. И для того чтобы вернуть воду на гору, требуется больше работы, чем можно получить, пока она течет вниз. Работа всегда сопровождается потерей энергии. К счастью, тут за нас работает Солнце. Оно испаряет воду из океанов, водяные пары поднимаются высоко в атмосферу, образуют там облака, и в конце концов вода возвращается на Землю в виде осадков — дождя или снега. В результате вода проникает в почву на всех уровнях, вновь питая источники и потоки. Вот почему на Земле всегда есть вода, которая течет под гору.

Но длиться вечно это не может. Солнце способно поднимать воду вверх в виде водяных паров только потому, что оно само, если выразиться образно, имея в виду ядерную энергию, течет под гору. И течет со скоростью, неизмеримо превосходящей скорость самых стремительных земных рек, причем нам неизвестны силы, которые способны были бы вновь поднять его на гору, когда оно протечет все.

Все до единого источники энергии в нашей вселенной текут под гору, и это от нас не зависит. Все течет под гору в одном направлении, и мы способны временно заставить поток течь обратно на гору, только воспользовавшись находящимся где-нибудь поблизости более мощным устремлением вниз. Если мы хотим получить вечный источник полезной энергии, нам требуется дорога, которая в обоих направлениях уходит под гору. Таков парадокс нашей вселенной. Ведь само собой разумеется, что склон, уходящий вниз, одновременно является склоном, ведущим вверх.

Но должны ли мы ограничиваться одной лишь нашей вселенной? Поразмислим о паравселенной. И там тоже дороги в одном направлении ведут под гору, а в противоположном — на гору. Однако эти дороги не совпадают с нашими. И возможно отправиться из паравселенной в нашу по дороге, которая ведет под гору и будет вести по-прежнему под гору, когда мы захотим пойти по ней из нашей вселенной в паравселенную, — это возможно потому, что физические законы всех вселенных различны.

Электронный Насос использует дорогу, которая ведет под гору в обоих направлениях. Электронный Насос...»

Ламонт еще раз перечитал название статьи. «Дорога, ведущая под гору в обоих направлениях».

Он задумался. Конечно, он прекрасно знал и эту концепцию, и ее термодинамические следствия. Но почему бы не проверить исходные допущения? Ведь именно они составляют слабое звено любой теории. Что если допущения, считающиеся верными по определению, в действительности неверны? Каковы будут следствия,

если исходить из иных предпосылок? Противоположных?

Он начал искать вслепую, но не прошло и месяца, как к нему пришло ощущение, знакомое любому ученому, — ощущение, что каждый кусочек мозаики ложится на нужное место и досадные аномалии перестают быть аномалиями... Это ощущалась близость Истины.

Именно с этой минуты он и начал подгонять Бронзовского.

Затем в один прекрасный день он заявил:

— Я собираюсь еще раз поговорить с Хэллемом.

Бронзовский поднял брови.

— Для чего?

— Для того чтобы он меня выгнал.

— Это в твоём духе, Пит! Если твои неприятности начинают идти на убыль, тебе словно чего-то не хватает.

— Ты не понимаешь. Необходимо, чтобы он отказался выслушать меня. Я не хочу, чтобы потом говорили, будто я действовал через его голову, будто он не знал.

— Не знал о чем? О переводе парасимволов? Так они же еще не переведены. Не забегай вперед, Пит.

— Ах, дело не в этом! — но больше Ламонт ничего не сказал.

Хэллем не облегчил Ламонту его задачу — прошло несколько недель, прежде чем он наконец выбрал время, чтобы принять своего неуживчивого подчиненного. Но и Ламонт намеревался ничего Хэллему не спускать. Он вошел в кабинет, оцетинившись всеми невидимыми иголками. Хэллем встретил его ледяным взглядом и спросил резко:

— Что это за кризис вы обнаружили?

— Кое-что прояснилось, сэр, — ответил Ламонт бесцветным голосом. — Благодаря вашей статье.

— А? — Хэллем сразу оживился. — Какой же это?

— «Дорога, ведущая под гору в обоих направлениях». Вы программировали ее для «Мальчишек», сэр.

— Ну и что же?

— Я считаю, что Электронный Насос вовсе не ведет под гору в обоих направлениях, если мне будет позволено воспользоваться вашей метафорой, которая, кстати, не так уж и подходит для образного описания второго закона термодинамики.

Хэллем нахмурился.

— Что, собственно, вы имеете в виду?

— Мне будет проще объяснить это, сэр, если я выведу уравнение для полей обеих вселенных и продемонстрирую взаимодействие, которое до сих пор не рассматривалось, — на мой взгляд, совершенно напрасно.

С этими словами Ламонт направился к тиксо-табло и поспешно набрал уравнения, не переставая быстро говорить.

Он знал, что Хэллем оскорбится и выйдет из себя — эти области математики были ему не по зубам.

И он добился своей цели. Хэллем проворчал:

— Послушайте, молодой человек, у меня сейчас нет времени заниматься дискуссиями по отдельным аспектам паратеории. Пришлите мне развернутый доклад, а пока ограничьтесь кратким изложением, если вам действительно есть что сказать.

Ламонт отошел от табло, пренебрежительно морщась.

— Ну хорошо, — сказал он. — Второй закон термодинамики описывает процесс, который неизбежно исключает крайние состояния. Вода не бежит под гору — на самом деле происходит выравнивание экстремальных значений гравитационного потенциала. Вода с такой же легкостью потечет в гору, если она окажется под давлением. Можно получить работу за счет использования двух разных температурных уровней, но в конце концов температура сравняется на какой-то промежуточной точке: нагретое тело остынет, холодное — нагреется. И остывание и нагревание одинаково представляют собой проявление второго закона термодинамики и в соответствующих условиях одинаково возможны.

— Не учите меня основам термодинамики, молодой человек! Что вам все-таки нужно? У меня мало времени.

Ламонт сказал, не меняя выражения и словно не замечая, что его подгоняют:

— Электронный Насос работает за счет выравнивания противоположностей. В данном случае противоположностями являются физические законы двух вселенных. Условия, обеспечивающие существование этих законов, какими бы эти условия ни были, поступают из одной вселенной в другую, и конечным результатом этого

процесса будут две вселенные с одинаковыми физическими законами, представляющими собой нечто среднее между нынешними. Поскольку это неминуемо вызовет какие-то пока еще не ясные, но весьма значительные изменения в нашей вселенной, необходимо со всей серьезностью взвесить, не следует ли остановить Насосы и полностью и навсегда прекратить перекачивание.

Ламонт твердо рассчитывал, что именно тут Хэллем взорвется и лишит его возможности продолжать объяснения. И Хэллем не обманул его ожиданий. Он вскочил с такой стремительностью, что опрокинул кресло. Пинком отшвырнув кресло в сторону, он шагнул к Ламонту.

Тот быстро отодвинулся вместе со стулом и тоже встал.

— Идиот! — кричал Хэллем, задыхаясь от ярости. — Вы что же, думаете, никто на станции до сих пор и не подозревал об уравнивании физических законов? Вы смеее тратить мое время на пересказ того, что я знал, когда вы пешком под стол ходили! Убирайтесь вон и в любой момент, когда вам вздумается подать заявление об уходе, считайте, что я его принял!

Ламонт покинул кабинет, добившись того, чего хотел, и тем не менее его душила ярость при одной только мысли, что Хэллем посмел так с ним обойтись.

Глава 6 (окончание)

-В о всяком случае, — сказал Ламонт, — теперь путь расчищен. Я сделал попытку объяснить ему положение вещей. Он не захотел слушать. А потому я предпринимаю следующий шаг.

— А именно? — спросил Броновский.

— Я намерен добиться приема у сенатора Бэрта.

— У главы комиссии по техническому прогрессу и среде обитания?

— Вот именно. Значит, ты про него слышал?

— А кто про него не слышал? Но зачем, Пит? Что ты можешь сообщить ему такого, что его заинтересует? Перевод тут ни при чем, Пит. Я снова задаю тебе все тот же вопрос — что тебя тревожит?

— Как я тебе объясню? Ты не знаешь паратеории.

— А сенатор Бэрт ее знает?

— Думаю, лучше, чем ты.

Броновский укоризненно покачал головой.

— Пит, довольно играть в прятки. Может быть, и я знаю то, чего не знаешь ты. Мы не можем работать вместе, если будем работать друг против друга. Либо я член этого мозгового треста, состоящего из нас двоих, либо нет. Скажи мне, что тебя тревожит, и я тоже тебе кое-что скажу. Или вообще кончим это.

Ламонт пожал плечами.

— Хорошо. Если хочешь, я объясню. И раз уж я разделаюсь с Хэллом, так, пожалуй, будет даже лучше. Дело в том, что Электронный Насос представляет собой передатчик физических законов. В паравселенной сильное ядерное взаимодействие, в сто раз сильнее, чем у нас, из чего следует, что для нас более характерно

деление ядер, а для них — слияние. Если Электронный Насос будет действовать и дальше, неминуемо наступит равновесие, когда сильное ядерное взаимодействие будет одинаковым в обеих вселенных — у нас примерно в десять раз сильнее, чем сейчас, а у них — во столько же раз слабее.

— Но ведь это же известно?

— Разумеется. Это стало очевидным чуть ли не с самого начала. Даже до Хэллема дошло. Вот почему этот сукин сын так разъярился. Я принялся объяснять ему со всеми подробностями, будто думал, что он об этом никогда даже не слышал, и он сразу начал орать.

— Но в чем все-таки суть? Если взаимодействие уравнивается, это опасно?

— Само собой. А ты как думаешь?

— Я ничего не думаю. И когда же оно уравнивается?

— При нынешней скорости перекачки — через десять в тридцатой степени лет.

— А это долго?

— Пожалуй, хватит на то, чтобы триллион триллионов вселенных вроде нашей сменили друг друга, — чтобы каждая возникла, отжила свой срок, состарилась и уступила место следующей.

— О черт! Так из-за чего же тут копыа ломать?

— А из-за того, — начал Ламонт, выговаривая слова четко и неторопливо, — что цифра эта, между прочим официальная, была выведена на основании некоторых предпосылок, которые, на мой взгляд, не верны. И если исходить из других предпосылок, которые, на мой взгляд, верны, то нам уже сейчас грозят неприятности.

— Например?

— Ну предположим, Земля за пять минут превратится в облачко газа — это, по-твоему, достаточная неприятность?

— Из-за перекачки?

— Из-за перекачки.

— А мир паралоюдей? Ему тоже грозит гибель?

— Я в этом убежден. Опасность другого рода, но все-таки опасность.

Броновский вскочил и начал расхаживать по комнате. Его каштановые волосы были густыми и длинными. Он запустил в них обе пятерни.

— Если, по-твоему, паралюди так уж умны, зачем же они создали Насос? Ведь они раньше нас должны были понять, насколько он опасен.

— Мне это приходило в голову, — ответил Ламонт. — Вероятно, они наткнулись на идею перекачки совсем недавно и, подобно нам, слишком увлеклись непосредственными благами, которые она приносит, а о последствиях просто не задумались.

— Но ведь ты-то уже сейчас определил, какие будут последствия. Так что же они, тупее тебя?

— Все зависит от того, когда их интересуют эти последствия, да и интересуют ли вообще. Насос настолько полезная штука, что как-то не хочется искать в нем изъяны. Я и сам не стал бы в этом копаться, если бы не... Кстати, Майк, а о чем ты хотел мне рассказать?

Броновский остановился перед Ламонтом, посмотрел ему в глаза и сказал:

— По-моему, мы чего-то добились.

Ламонт секунду смотрел на него диким взглядом, потом вцепился в его рукав.

— С парасимволами? Да говори же, Майк!

— Видишь ли, когда ты был у Хэллема... Как раз когда ты с ним говорил. Я в первый момент не вполне разобрался, потому что не знал, в чем дело. Но теперь...

— Так что же?

— Я все-таки не совсем уверен. Видишь ли, они передали кусок фольги с пятью знаками...

— Ну?

— ...похожими на наши буквы. Их можно прочесть.

— Что?!

— Вот погляди.

И Броновский, как заправский фокусник, извлек неизвестно откуда полоску фольги. По ней, совершенно не похожие на изящные и сложные спирали и разноцветные блески парасимволов, растянулись пять корявых, совсем детских букв: СТРАК.

— Что это может значить, как по-твоему? — с недоумением спросил Ламонт.

— Я прикидывал и так и эдак, но, мне кажется, скорее всего это слово «страх», написанное с ошибкой.

— Так вот почему ты меня допрашивал? Ты подумал, что кто-то у них испытывает страх?

— Да, и решил, что тут может быть какая-то связь с твоим явно нервным состоянием в последние месяцы. Откровенно говоря, Пит, я терпеть не могу, когда от меня что-то старательно скрывают.

— Ну ладно тебе. Но давай не торопиться с выводами. Раз дело идет об обрывках фраз, тебе и карты в руки. Так, значит, по-твоему, паралюдям Электронный Насос начинает внушать страх?

— Вовсе не обязательно, — сказал Броновский. — Я ведь не знаю, в какой мере они способны воспринимать то, что происходит в нашей вселенной. Если они каким-то способом ощущают вольфрам, который мы им предлагаем, если они ощущают наше присутствие, то не исключено, что они ощущают и наши настроения. Может быть, они хотят нас успокоить, убедить, что причин для страха нет.

— Так почему же они так прямо и не написали — «не надо страха»?

— А потому, что настолько хорошо они нашего языка еще не знают.

— Хм-м. Ну в таком случае Бэрту об этом рассказывать, пожалуй, рано.

— Да, не стоит. Слишком двусмысленно. И вообще я бы на твоём месте подождал обращаться к Бэрту. Кто знает, что они пытаются сообщить!

— Нет, Майк, я ждать не могу. Я знаю, что прав, и времени у нас остается очень мало.

— Ну что ж. Только ведь, отправившись к Бэрту, ты сожжешь свои корабли. Твои коллеги тебе этого не простят. Кстати, а не поговорить ли тебе со здешними физиками? Один ты не можешь повлиять на Хэллему, но все вместе...

Ламонт замотал голову.

— Ничего не выйдет. Тут выживают только бесхребетные субъекты. И против него ни один из них открыто не пойдет. Уговорить их нажать на Хэллему? А ты не пробовал скомандовать вареным макаронам, чтобы они стали по стойке «смирно»?

Добродушное лицо Броновского стало непривычно хмурым.

— Возможно, ты и прав.

— Я знаю, что я прав, — хмуро ответил Ламонт.

Глава 7

Для того чтобы добиться приема у сенатора, потребовалось довольно много времени, и эта проволочка выводила Ламонта из себя, тем более что паралюди больше не присылали буквенных сообщений. Никаких, хотя Броновский переслал не менее десятка полос с тщательно подобранными комбинациями парасимволов, а также вариантами «страк» и «страх».

Ламонт не мог понять, зачем ему понадобилось такое количество вариантов, но Броновский, казалось, очень на них рассчитывал.

Однако ничего не произошло, а Бэрт наконец принял Ламонта.

Глаза сенатора на худом морщинистом лице были цепкими и пронизывающими. Он достиг весьма почтенного возраста (комиссию по техническому прогрессу и среде обитания он возглавлял с незапамятных времен). К своим обязанностям сенатор относился с величайшей серьезностью, что неоднократно доказывал делом.

Бэрт поправил старомодный галстук, давно уже превратившийся в его эмблему.

— Сынок, я могу уделить вам только полчаса, — сказал он и поднес к глазам часы на широком браслете.

Ламонта это не смутило. Он не сомневался, что заставит сенатора забыть о времени. И он не стал начинать с азов — на этот раз его цель была иной, чем во время беседы с Хэллемом. Он сказал:

— Я не стану излагать математические доказательства, сенатор. Полагаю, вам и так известно, что благодаря перекачиванию происходит смешение физических законов двух вселенных.

— Перемешивание, — спокойно заметил сенатор, — причем полное равновесие будет достигнуто через десять в тридцатой степени лет. Я верно помню эту цифру? — Изогнутые брови придавали его изрытому морщинами лицу вечно удивленный вид.

— Совершенно верно. Но цифра эта опирается на допущение, что законы, просачивающиеся от нас к ним и наоборот, распространяются во все стороны от точки проникновения со скоростью света. Это только предположение, и я считаю, что оно ошибочно.

— Почему же?

— Измерена только скорость смещения внутри плутония сто восемьдесят шесть, переданного в нашу вселенную. Вначале оно протекает чрезвычайно медленно — предположительно из-за высокой плотности вещества, — а затем начинает непрерывно убыстряться. Если добавить к плутонию менее плотное вещество, скорость смещения начнет возрастать гораздо стремительнее. Измерений такого рода было сделано немного, но если положиться на них, то в вакууме скорость проникновения должна стать равной скорости света. Иновселенским законам требуется определенное время, чтобы проникнуть в атмосферу, заметно меньше времени, чтобы достичь ее верхних слоев, и практически мгновение, чтобы оттуда умчаться по всем направлениям в космос со скоростью триста тысяч километров в секунду, тотчас разреживаясь до полной безобидности.

Ламонт умолк, обдумывая, как перейти к дальнейшему, и сенатор сразу же уловил его нерешительность.

— Однако... — подсказал он тоном человека, берегущего свое время.

— Это очень удобное предположение, правдоподобное и не сулящее никаких неприятностей. Но что если проникновению иновселенских законов препятствует не вещество, а самая структура нашей вселенной?

— А что такое — «самая структура»?

— Мне трудно объяснить это словами. Существует математическое выражение, которое, по-моему, тут подходит... но на словах ничего не получится. Структура вселенной — это то, что определяет ее физические законы. Структура нашей вселенной, например, делает

обязательным сохранение энергии. Именно структура паравселенной, сконструированная, так сказать, не вполне по нашему образцу, и делает их ядерное взаимодействие в сто раз более сильным, чем у нас.

— И что же?

— Если проникновение идет в самую структуру, сэр, то наличие вещества независимо от его плотности имеет лишь второстепенное значение. Скорость проникновения в вакууме больше, чем в плотном веществе, но не намного. Скорость проникновения в космосе может быть чрезвычайно большой по сравнению с земными условиями и все же во много раз уступать скорости света.

— Из чего следует...

— ...что иновселенская структура не рассеивается так быстро, как нам казалось, но, образно говоря, нагромождается в пределах Солнечной системы, где концентрация ее оказывается заметно выше, чем мы предполагали.

— Так-так, — кивнул сенатор. — И сколько же понадобится времени, чтобы космос в пределах Солнечной системы достиг равновесия? Наверное, цифра будет меньше десяти в тридцатой степени?

— Гораздо меньше, сэр. Думаю, даже меньше десяти в десятой степени. На это уйдет что-нибудь около пятидесяти миллиардов лет плюс-минус два-три миллиарда.

— Сравнительно немного, но вполне достаточно, э? И повода тревожиться сейчас у нас нет, э?

— Нет, сэр, боюсь, что есть. Неправимое произойдет задолго до того, как будет достигнуто равновесие. Благодаря перекачиванию сильное ядерное взаимодействие в нашей вселенной с каждым мгновением становится все сильнее.

— Настолько, что это поддается измерению?

— Пожалуй, нет, сэр.

— Хотя перекачивание продолжается уже двадцать лет?

— Да, сэр.

— Так где же повод для тревоги?

— Видите ли, сэр, от степени сильного ядерного взаимодействия зависит скорость, с какой водород внутри солнечного ядра превращается в гелий. Если взаимодействие станет сильнее, хотя бы даже в самой ничтожной мере, скорость слияния ядер водорода и превращения их в ядра гелия внутри Солнца возрастет уже заметно. Равновесие же между тяготением и излучением внутри Солнца весьма хрупко, и если нарушить его в пользу излучения, как сейчас делаем мы...

— И что же?

— Это вызовет колоссальный взрыв. По законам нашей вселенной такая небольшая звезда, как наше Солнце, не способна стать сверхновой. Но, если они изменятся, это перестанет быть невозможным. И, насколько я могу судить, никакого предупреждения не будет. Когда процесс достигнет критической точки, Солнце взорвется, и через восемь минут после этого мы с вами перестанем существовать, а Земля превратится в расширяющееся газовое облако.

— И сделать ничего нельзя?

— Если равновесие уже необратимо нарушено, то ничего. Если же еще не поздно, необходимо прекратить перекачивание.

Сенатор кашлянул.

— Прежде чем согласиться принять вас, молодой человек, я навел о вас справки, так как вы были мне неизвестны. В частности, я обратился к доктору Хэллему. Вы с ним знакомы, я полагаю?

— Да, сэр, — голос Ламонта оставался ровным, хотя уголки его губ задергались. — Я с ним очень хорошо знаком.

— Он ответил мне, — продолжал сенатор, покосившись на листок у себя под рукой, — что вы безмозглый склочник, страдающий явным помешательством, и что он самым решительным образом требует, чтобы я вас ни в коем случае не принимал.

Ламонт сказал, стараясь сохранить хладнокровие:

— Это его слова, сэр?

— Его собственные.

— Так почему же вы меня приняли, сэр?

— При обычных обстоятельствах, получи я от Хэллема такой отзыв, я бы вас не принял. Я ценю свое время, и безмозглых склочников и явных помешанных ко мне, Бог свидетель, является более чем достаточно, и даже с самыми лестными рекомендациями. Но мне не понравилось хэллемовское «требую». От сенаторов не требуют, и Хэллему полезно зарубить это себе на носу.

— Так вы мне поможете, сэр?

— В чем?

— Ну... прекратить перекачку.

— Прекратить? Нет. Это невозможно.

— Но почему? — почти крикнул Ламонт. — Вы ведь глава комиссии по техническому прогрессу и среде обитания, и ваша прямая обязанность — запретить перекачку, как и всякий другой технический процесс, который наносит среде обитания непоправимый ущерб. А можно ли представить себе ущерб страшнее и непоправимее того, которым грозит перекачивание?

— О, разумеется, разумеется! При условии, что вы правы. Но ведь пока все в конечном счете сводится к тому, что вы просто исходите из иных предположений, нежели те, которые приняты всеми. Однако кто определит, какая система предположений верна, а какая нет?

— Сэр, моя гипотеза делает понятными несколько моментов, которым принятая теория объяснения не дает.

— В таком случае ваши коллеги должны были бы принять ваши поправки, а тогда вы вряд ли пришли бы ко мне, не так ли?

— Сэр, мои коллеги не хотят мне верить. Этому мешают личные интересы.

— А вам личные интересы мешают поверить, что вы можете и ошибаться... Молодой человек, на бумаге я обладаю огромной властью, но осуществить ее могу, только если на моей стороне будет общественное мнение. Разрешите, я преподам вам урок практической политики.

Он поднес к глазам часы, откинулся в кресле и улыбнулся. Подобные предложения были не в его привычках, но утром в редакционной статье «Земных новостей» он был назван «тончайшим политиком, украшением

Международного конгресса», и это все еще приятно щекотало его самолюбие.

— Большое заблуждение полагать, — начал он, — будто средний человек хочет, чтобы среда обитания оберегалась, а его жизнь ограждалась от гибели, и проникнется благодарностью к идеалисту, который будет бороться за эти цели. Он просто ищет личных удобств. Это ясно показал кризис среды обитания в двадцатом веке. Когда стало известно, что сигареты повышают вероятность заболевания раком легких, казалось бы, наиболее разумным выходом было покончить с курением вообще, однако желанным выходом стала сигарета, не вызывающая рака. Когда стало ясно, что двигатели внутреннего сгорания загрязняют атмосферу, наиболее очевидным выходом было вовсе отказаться от таких машин, однако желанный выход лежал в создании двигателей, которые не загрязняли бы воздух. Так вот, молодой человек, не просите, чтобы я остановил перекачивание. На него опираются экономика и благосостояние всей планеты. Лучше подскажите мне способ, как сделать перекачку безопасной для Солнца и избежать взрыва.

— Такого способа нет, сенатор. Тут мы имеем дело с основой основ, и играть с этим нельзя. Надо прекратить перекачивание.

— Но при этом вы можете предложить только возврат к положению, которое существовало до появления Электронного Насоса?

— Иного выхода не существует.

— Тогда вам нужно представить четкие и неопровержимые доказательства своей правоты.

— Лучшим доказательством, — сказал Ламонт сухо, — был бы взрыв Солнца. Но, вероятно, вы не хотите, чтобы я зашел так далеко?

— Не вижу в этом необходимости. Почему вы не можете заручиться поддержкой Хэллема?

— Потому что он мелкий человечиска, который вдруг оказался Отцом Электронного Насоса. Так может ли он признать, что его дитя губит Землю?

— Я понимаю вас, но в глазах всего мира он действительно Отец Электронного Насоса, и только его слово могло бы иметь достаточный вес в подобном вопросе.

Ламонт покачал головой.

— Чтобы он добровольно пошел на это? Да он скорее сам взорвет хоть десять солнц.

— Ну так заставьте его, — сказал сенатор. — У вас есть теория, но ничем не подкрепленная теория немногого стоит. Неужели нет способа проверить ее? Скорость радиоактивного распада урана, например, зависит от внутриядерных взаимодействий. Изменяется ли эта скорость так, как предсказывает ваша теория вопреки общепринятой?

Ламонт снова покачал головой.

— Обычная радиоактивность зависит от слабого ядерного взаимодействия, и, к сожалению, эксперименты не позволяют сделать окончательных выводов, а к тому времени, когда картина прояснится, будет уже поздно.

— Что-нибудь еще?

— Существует еще специфическое взаимодействие пионов, то есть пи-мезонов, в котором могли бы уже и сейчас обнаружиться четкие изменения. Есть даже лучший путь: некоторые комбинации «кварк — кварк» в последнее время ведут себя странно, и я убежден, что мог бы доказать...

— Ну вот видите!

— Да, но получить эти данные, сэр, можно только с помощью большого синхрофазотрона на Луне, а работа с ним расписана по минутам на много лет вперед — я выяснял это. Разве что кто-нибудь нажмет на кнопки...

— То есть я нажму?

— Да, вы, сенатор.

— Нет, сынок. Пока доктор Хэллем так вас аттестует, — узловатым пальцем сенатор постучал по лежащему перед ним листку, — я этого сделать не могу.

— Но существование мира...

— Докажите!

— Пристрелите Хэллема, и я докажу.

— Докажите, и я пристрелю Хэллема.

Ламонт глубоко вздохнул.

— Сенатор! Предположим, существует хотя бы ничтожная доля процента вероятности того, что я прав. Неужели от нее можно так просто отмахнуться? Ведь она означает все: человечество, саму нашу планету. Неужели ради них не стоит бороться?

— Вы хотите, чтобы я бросился в бой во имя благородной цели? Заманчиво, ничего не скажешь. Отдать жизнь свою за други своя — это красиво. Кто из порядочных политиков порой не видел в мечтах, как он всходит на костер под ангельское пение. Но, доктор Ламонт, решиться на такой шаг можно только веря, что борьба все-таки не совсем безнадежна. Надо верить, что твое дело может победить, пусть шансы и невелики. Если я поддерживаю вас, я ничего не добьюсь. Чего стоит ваше ничем не подкрепленное слово против того, что дает перекачка? Могу ли я потребовать, чтобы люди отказались от удобств и благосостояния, которые обеспечил им Насос, потому лишь, что единственный человек кричит «волк!», причем остальные ученые не соглашались с ним, а высокочтимый Хэллем называет его безмозглым идиотом? Нет, сэр, во имя заведомой неудачи я на костер не пойду.

— Ну так помогите мне получить доказательства, — умоляюще сказал Ламонт. — Вам ведь не обязательно делать это открыто. Если вы боитесь...

— Я не боюсь, — перебил Бэрт резко. — Я трезво смотрю на вещи, и только. Доктор Ламонт, ваши полчаса давно истекли.

Ламонт посмотрел на сенатора с отчаянием, но лицо Бэрта было теперь холодным и замкнутым. Ламонт повернулся и вышел.

Сенатор Бэрт не стал приглашать следующего посетителя. Минуты шли, а он все теребил галстук и хмуро смотрел на закрытую дверь. А что если этот одержимый прав? Что если он вопреки очевидности все-таки прав?

Да, конечно, было бы очень приятно подставить ножку Хэллему, ткнуть его лицом в грязь и подержать так... Но этого не произойдет. Хэллем неуязвим. У него с Хэллемом была только одна стычка, со времени которой прошло десять лет. Он тогда был прав, абсолютно прав, а Хэллем молот чепуху, и дальнейшее развитие событий показало это достаточно ясно. И тем не менее

Бэрт был тогда публично отшлепан и в результате чуть было не проиграл на выборах.

Бэрт кивнул, словно отвечая на свои мысли. Ради благой цели можно рискнуть местом сенатора, но не вторичным унижением. Он позвонил, приглашая следующего посетителя, и поднялся ему навстречу со спокойной приветливой улыбкой.

Глава 8

Если бы Ламонт еще верил, что его научная карьера все-таки не совсем кончена, он, возможно, не решился бы на свой следующий шаг. Джошуа Чен был сомнительной фигурой, и всякий, кто прибегал к его помощи, сильно компрометировал себя в глазах властей предрежащих. Чен был бунтарем-одиночкой, который, однако, заставлял прислушиваться к себе: во-первых, потому что вкладывал в каждую свою кампанию неистовую энергию, а во-вторых, потому что сумел превратить свою организацию в силу, с которой нельзя было не считаться, — политический талант, которому завидовало немало видных общественных деятелей.

Быстрота, с какой Электронный Насос вытеснил прежние энергетические источники, в определенной степени объяснялась именно его усилиями. Достоинства Электронного Насоса были ясны и очевидны (что может быть яснее абсолютной дешевизны и очевиднее отсутствия какого бы то ни было загрязнения окружающей среды?), и все-таки, если бы не Джошуа Чен, те, кто предпочитал атомную энергию просто в силу ее привычности, могли бы дольше сопротивляться такому новшеству.

Да, когда Чен начинал бить в свои барабаны, к нему прислушивались.

И вот он сидит перед Ламонтом — круглолицый, с широкими скулами, унаследованными от деда-китайца.

Чен спросил:

— Я хотел бы знать совершенно точно — вы выступаете только от своего имени?

— Да, — напряженно ответил Ламонт. — Хэллем меня не поддерживает. Честно говоря, Хэллем утверждает, что я сумасшедший. А вам, чтобы начать действовать, нужно одобрение Хэллема?

— Я ни в чем одобрения не нуждаюсь, — ответил Чен с вполне понятным высокомерием. Он задумался, а затем спросил: — Так вы говорите, что в техническом отношении паралюди нас опередили?

Ламонт стал теперь осторожнее и старательно избегал слова «развитие». «Опередили в техническом отношении» звучало не так вызывающе, а означало практически то же самое.

— Это следует хотя бы из того, — ответил он, — что они способны пересылать вещество из одной вселенной в другую, а мы этого еще не умеем.

— В таком случае, если Насос опасен, зачем они установили его у себя? И почему продолжают им пользоваться?

Ламонт стал осторожнее не только в выборе слов. Он мог бы, например, ответить, что Чен не первый задает ему этот вопрос. Но он ничем не выдал досадливого нетерпения, которое могло бы показаться обидным, и ответил спокойно:

— Вероятно, вначале они, так же как и мы, видели в Насосе только безопасный источник энергии. Но у меня есть основания считать, что теперь он внушает им такую же тревогу, как и мне.

— Но ведь это опять-таки только ваше мнение. Никаких реальных свидетельств, подкрепляющих его, нет.

— Да, пока я таких свидетельств представить еще не могу.

— А одного вашего слова мало.

— Но можем ли мы пойти на риск...

Мало, профессор, мало! А доказательств у вас нет. Я заслужил свою репутацию не стрельбой куда попало. Нет, я каждый раз поражал цель, потому что твердо знал, что я делаю и зачем.

— Но когда я получу доказательства...

— Тогда я вас поддержу. Если ваши доказательства меня убедят, то, поверьте, ни Хэллем и никакие другие правительственные организации ничего не смогут сде-

лать: общественное мнение возьмет верх. Итак, раздобудьте доказательства и приходите ко мне снова.

— К тому времени будет уже поздно.

Чен пожал плечами.

— Возможно. Но куда более вероятно другое: вы убедитесь, что ошибались и никаких доказательств попросту не существует.

— Нет, я не ошибаюсь, — Ламонт перевел дыхание и заговорил доверительно: — Мистер Чен! В нашей вселенной, возможно, существуют триллионы триллионов обитаемых планет, среди которых, конечно, можно насчитать миллиарды с высокоразвитой жизнью и технической культурой. Такое же положение, скорее всего, существует и в паравселенной. Отсюда неизбежно следует, что в прошлом обеих вселенных многие планеты и парапланеты вступали в обоюдный контакт и начинали перекачку. Наверное, существуют десятки, если не сотни Насосов в тех точках, где эти вселенные соприкасаются.

— Это уже чистейшие домыслы. Но если и так, то что отсюда следует?

— А то, что в десятках, если не в сотнях, случаев смещение физических законов локально достигало критической точки и солнце данной планеты взрывалось. Возможно, возникал цепной эффект: энергия сверхновой в совокупности с изменениями физических законов вызывала взрывы соседних звезд, а это в свою очередь приводило к дальнейшим взрывам. И со временем происходил взрыв центральной линзы галактики или одной из ее ветвей.

— Но лишь в вашем воображении, ведь так?

— Почему же? В нашей вселенной существуют сотни квазаров — крохотных тел, по размерам равных лишь нескольким Солнечным системам, но излучающих свет, которого хватило бы на сто обычных больших галактик.

— Вы хотите сказать, что квазары возникают в результате перекачки?

— Это вполне вероятно. Ведь открыли их полтора века назад, но астрономы до сих пор не могут объяснить, каков источник их энергии. Во вселенной нет

ничего, что хотя бы отдаленно подходило для такой роли. Разве не логично предположить...

— А паравселенная? В ней тоже полно квазаров?

— Думаю, что нет. Там другие условия. Паратеория не оставляет сомнения, что слияние ядер происходит там заметно легче, а потому в среднем их звезды должны быть намного меньше наших. Выделение энергии, равной энергии нашего Солнца, там требует значительно меньшего запаса легко сливающихся ядер водорода. Звезда такой величины, как наше Солнце, взорвалась бы там мгновенно. С проникновением наших законов в паравселенную слияние ядер водорода в ней слегка затрудняется, и паразвезды начинают понемногу остывать.

— Ну это не так страшно, — заметил Чен. — С помощью перекачки они могут получать всю необходимую им дополнительную энергию. По вашим предположениям получается, что у них все обстоит отлично.

— Только на первый взгляд, — сказал Ламонт, вдруг осознав, что до сих пор он вообще как-то не задумывался о ситуации в паравселенной. — Если у нас произойдет взрыв, перекачка прекратится. Они не смогут продолжать ее без нас. Другими словами, они останутся с остывающей звездой, но без энергии, получаемой от перекачки. В сущности, их положение даже хуже: мы-то исчезнем в мгновенной вспышке, а они будут обречены на длительную агонию.

— У вас поразительное воображение, профессор, — сказал Чен, — но для меня этого мало. Я не представляю себе, как можно отказаться от перекачки, противопоставив ей лишь силу вашего воображения. Да отдасте ли вы себе отчет в том, что такое Насос для человечества? Это ведь не только гарантия даровой, чистой и неиссякаемой энергии. Взгляните на дело шире. Насос освобождает человечество от каждодневной борьбы за существование. Впервые оно получило возможность посвятить свою коллективную мысль полному развитию заложенного в нем потенциала. Например, несмотря на все успехи медицины за последние два с половиной века, средняя продолжительность человеческой жизни лишь немного превышает сто лет. А ведь геронтологи вновь и вновь повторяют, что теоретически бессмертие

вполне достижимо, — однако этой проблеме пока не уделяется достаточно внимания.

— Бессмертие! — гневно перебил Ламонт. — Это же мыльный пузырь!

— Вы, бесспорно, специалист по мыльным пузырям, профессор, — ответил Чен. — Тем не менее я намерен добиваться принятия программы исследований по проблемам бессмертия. Но она окажется неосуществимой, если перекачка будет остановлена. Тогда нам придется вернуться к дорогой энергии, к скудной энергии, к грязной энергии. И людям, населяющим Землю, вновь придется думать только о том, как бы прожить завтрашний день, а мечта о бессмертии действительно останется мыльным пузырем.

— Это-то будет в любом случае. Какое уж тут бессмертие, когда никто из нас не проживет даже и нормального срока своей жизни!

— Ну ведь это только ваше предположение.

Ламонт взвесил все «за» и «против» и решил рискнуть:

— Мистер Чен, в начале нашего разговора я упомянул, что по некоторым причинам мне не хотелось бы касаться того, почему я считаю возможным судить о настроении паралюдей. Но, пожалуй, без этого не обойтись. Мы получили от них фольгу с символами.

-- Да, я знаю. Но разве вы способны их понять?

— Мы получили слово, составленное из наших букв.

Чен сдвинул брови, потом сунул руки в карманы, вытянул короткие ноги и откинулся на спинку стула.

— Какое же?

— «Страх»! — Ламонт не счел нужным сообщать об ошибке в последней букве.

— Страх... — повторил Чен. — И как же вы это толкуете?

— По-моему, ясно, что перекачка вызывает у них серьезные опасения.

— Ничего подобного. Что им мешает в этом случае просто остановить Насос? Я думаю, они действительно боятся, — но того, что Насос остановим мы. Они уловили ваше намерение, а если мы последуем вашему совету и остановим Насос, им также придется его остановить. Вы же сами говорили, что продолжать пе-

рекачку без нас они не смогут. Эта палка ведь о двух концах. И неудивительно, если они боятся.

Ламонт ничего не ответил.

— Как видно, вам такое объяснение в голову не приходило, — сказал Чен. — Ну в таком случае мы начнем борьбу за бессмертие. Мне кажется, подобная кампания будет более популярной.

— Популярной... — медленно повторил Ламонт. — Я ведь не знал, что для вас важно. Сколько вам лет, мистер Чен?

Чен вдруг замигал и отвернулся. Он быстро встал и, сжимая кулаки, поспешно вышел из комнаты.

Позже Ламонт заглянул в биографический справочник. Чену было шестьдесят лет, а его отец умер в шестьдесят два года. Но какое это имело значение!

Глава 9

— Судя по твоему лицу, тебе опять не повезло, — сказал Броновский.

Ламонт сидел в лаборатории, уставившись на носки своих ботинок, и думал о том, что они сильно поцарапаны. Он кивнул.

— Да.

— И великий Чен тоже не стал тебя слушать?

— Он ничего не хочет делать. Ему нужны доказательства. Они все требуют доказательств и старательно опровергают любой довод. На самом же деле они попросту хотят сохранить свой проклятый Насос, или свою репутацию, или свое место в истории. А Чен хочет бессмертия.

— А ты чего хочешь, Пит? — мягко спросил Броновский.

— Избавить человечество от грозящей ему опасности, — сказал Ламонт, но, заметив усмешку в глазах Броновского, добавил: — Ты мне не веришь?

— О, верю, верю! Но чего ты хочешь на самом деле?

— Ну ладно, черт побери! — Ламонт с силой хлопнул ладонью по столу. — Я хочу быть правым, а это у меня уже есть, потому что я прав!

— Ты уверен?

— Уверен! И я ни о чем не беспокоюсь, потому что добьюсь своего. Знаешь, когда я вышел от Чена, то чуть было не презирал себя.

— Ты — себя?

— Да, себя. И за дело. Мне все время в голову лезла мысль: Хэллем преграждает мне все пути. До тех пор пока Хэллем против меня, у них у всех есть предлог не

верить мне. Пока Хэллем стоит передо мной, как каменная стена, я обречен на неудачу. Так почему же я не попробовал прибегнуть к уловкам? Почему не подмазался к нему? Почему не попытался действовать через него, вместо того чтобы доводить его до белого каления?

— И ты думаешь, у тебя что-нибудь получилось бы?

— Наверняка нет. Но от отчаянья чего не придет в голову! Например, я мог бы отправиться на Луну. Бесспорно, когда я только-только раздражил Хэллему, о гибели Земли и речи не было, но ведь потом-то я сознательно испортил все еще больше. Впрочем, ты совершенно верно заметил, что от Насоса он все равно не отказался бы, как бы я его ни улещал.

— Но сейчас ты, по-видимому, себя больше не презираешь?

— Нет. Потому что мой разговор с Ченом не прошел впустую. Я понял, что напрасно теряю время.

— Да уж!

— Я не о том. Выход из положения вовсе не обязательно искать на Земле. Я сказал Чену, что наше Солнце может взорваться, а парасолнце уцелеет, но паралюдям все равно придется плохо, так как их часть Насоса без нашей работать не будет. Без нас они не смогут продолжать перекачку, понимаешь?

— А что тут непонятного?

— Но ведь наоборот-то выходит то же самое: мы не сможем продолжать перекачку без них. А раз так, не все ли равно, остановим мы Насос или нет? Пусть это сделают паралюди.

— А если не сделают?

— Но они же передали нам: С-Т-Р-А-К. А это значит, что они боятся. По мнению Чена, они боятся нас — боятся, что мы остановим Насос. Но я с ним не согласен. Они испытывают совсем другой страх. Я ничего Чену не возразил — я просто промолчал, и он решил, что мне нечего сказать. Но он ошибся. Я только задумался о том, как нам убедить паралюдей, чтобы они остановили Насос. Мы должны этого добиться. Я больше ни на что не рассчитываю. И теперь все дело за тобой, Майк. Ты — надежда мира. Втолкуй им это. Как хочешь, но втолкуй.

Броновский засмеялся детским радостным смехом.

— Пит, — сказал он, — ты гений!

— А-а! Заметил наконец!

— Нет, я серьезно. Ты отгадываешь то, что я собираюсь сказать, прежде чем я успеваю открыть рот. Я посылал полоску за полоской, располагая их символы в том порядке, который, по-моему, означает «Насос», и ставил рядом наше слово. И я использовал все клочки сведений, которые мы собрали за это время, чтобы расположить их символы в порядке, означающем одобрение, и опять-таки поставил рядом соответствующее земное слово. Конечно, я не знал, действительно ли передаю что-то осмысленное или попадаю пальцем в небо, а ответа никакого не приходило, и я уже решил, что дело безнадежно.

— А мне ты даже не считал нужным рассказывать, чего добиваешься?

— Ну это уж моя часть работы. А сам-то ты мне сразу объяснил паратеорию?

— Но что дальше?

— Вчера я послал всего два наших слова: НАСОС ПЛОХО.

— Ну и?..

— Ну и сегодня утром я наконец получил ответ. Очень простой и недвусмысленный: ДА НАСОС ПЛОХО ПЛОХО ПЛОХО. Вот посмотри.

Ламонт взял фольгу дрожащими пальцами.

— Тут ведь не может быть ошибки? Это же подтверждение?

— Да, конечно. Кому ты это покажешь?

— Никому, — твердо ответил Ламонт. — Я ничего больше доказывать не буду. Они мне заявят, что я подделал фольгу, так какой смысл терять время? Пусть паралюди остановят Насос, и он остановится у нас. Только своими усилиями мы его вновь запустить не сможем. И тогда вся станция примется изо всех сил доказывать, что я был прав, что Насос действительно опасен.

— Это еще откуда следует?

— А что им останется делать, когда разъяренные толпы начнут требовать, чтобы Насос снова был запущен, а они его запустить не смогут? Ты со мной согласен?

— Не берусь судить. Меня беспокоит другое.

— А именно?

— Если паралюди убеждены, что Насос опасен, почему они его уже не остановили? Я недавно воспользовался удобным случаем и проверил. Насос работает как ни в чем не бывало.

Ламонт нахмурился.

— Ну, скажем, односторонняя остановка их не устраивает. Они считают нас равноправными партнерами и хотят, чтобы мы сделали это по взаимному согласию. Ведь так может быть, верно?

— Конечно. Но ведь, с другой стороны, систему нашего общения никак нельзя назвать совершенной. Не исключено, что они попросту не уловили смысла слова ПЛОХО. А вдруг я совершенно исказил их символы и они решили, что ПЛОХО по-нашему значит ХОРОШО?

— Этого не может быть!

— Ну что ж, надейся. Но ведь надежда еще никого не спасала.

— Майк, ты продолжай посылать. Используй как можно больше слов, которыми пользуются они. Тут ты мастер. В конце концов они узнают необходимые слова и ответят яснее, а тогда мы объясним, что просим их остановить Насос.

— Мы не уполномочены на такие заявления.

— Конечно, но они-то этого не знают. А нас человечество в конце концов признает героями.

— Предварительно свернув нам шеи?

— Тем более... Дальнейшее зависит от тебя, Майк, и я уверен, что все решится в ближайшие дни.

Глава 10

Но ничто не решилось. Миновали две недели — и ни одной полоски. Ожидание становилось невыносимым.

Особенно тяжело оно сказалось на Бронзовском. От его недавнего радостного возбуждения не осталось и следа. И в этот день он вошел в лабораторию Ламонта, угрюмо нахмурившись.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Наконец Бронзовский сказал:

— По всему университету только и разговоров, что тебя выгоняют...

Подбородок Ламонта покрывала двухдневная щетина. Лаборатория выглядела какой-то запыленной, словно бы уже покинутой. Ламонт пожал плечами.

— Ну и что? Это меня не трогает. Неприятно другое: «Физический бюллетень» не взял мою статью.

— Но ты ведь этого и ждал?

— Да, но я думал, что они объяснят почему. Укажут на ошибки, на неточности, на неверные выводы. Чтобы я мог возразить.

— А они обошлись без объяснений?

— Ни единого слова. По мнению рецензентов, статья для опубликования не подходит — кавычки закрыть. Они просто отмахнулись от нее... Перед такой всеобщей глупостью как-то теряешься. Если бы человечество обрекало себя на катастрофу по бесшабашности или порочности, честное слово, мне было бы легче. Но очень уж унижительно и обидно погибать из-за чьего-то тупого упрямства и глупости. Какой смысл быть мыслящими существами, если мы должны кончить вот так?

— Из-за глупости, — пробормотал Броновский.

— А как еще ты это назовешь? Например, от меня сейчас требуют официальных объяснений: мне полагается представить основания, почему меня не следует увольнять за величайшее из преступлений — за то, что я прав.

— Откуда-то стало известно, что ты побывал у Чена?

— Да! — Ламонт устало потер пальцами веки. — По-видимому, я настолько сильно наступил ему на ногу, что он не поленился пожаловаться Хэллему. И теперь я обвиняюсь в том, что пытался сорвать работу Насоса, сея панику с помощью бездоказательных и ложных утверждений, а это противоречит профессиональной этике и делает мое дальнейшее пребывание на станции невозможным.

— Все это они могут обосновать достаточно веско.

— Вероятно. Но это неважно.

— Что ты намерен предпринять?

— А ничего! — отрезал Ламонт. — Пусть делают, что хотят. Я рассчитываю на бюрократическую волокиту. Официальное оформление подобной истории займет недели, а то и месяцы, а ты пока работай. Паралюди успеют нам ответить.

Броновский болезненно поморщился.

— А если нет? Пит, может, тебе вернуться к той идее...

Ламонт встрепнулся.

— К какой идее?

— Объяви, что ты ошибался. Покайся. Бей себя в грудь. Уступи.

— Ни за что! Черт возьми, Майк! Ведь мы ведем игру, в которой ставка — весь мир, каждое живое существо!

— Да, но насколько это касается тебя лично? Ты не женат. Детей у тебя нет. Я знаю, что твой отец умер. Я ни разу не слышал, чтобы ты упомянул про свою мать или каких-нибудь родственников. По-моему, ты ни к кому не испытываешь любви или горячей привязанности. Ну так брось все это и живи спокойно.

— А ты?

— И я. С женой я развелся, детей у меня нет, а милые отношения с милой женщиной будут продолжаться.

ся, пока не оборвутся. Живи, пока можешь! Радуйся жизни!

— А завтра как?

— А это уж не наша забота. Во всяком случае, смерть будет мгновенной.

— Я не способен принять подобную философию... Майк! Майк, да что это с тобой? Ты просто не хочешь сказать прямо, что у нас ничего не выйдет? Что ты не считаешь установить связь с паралюдьми?

Броновский отвел глаза.

— Видишь ли, Пит, — сказал он, — я получил ответ. Вчера вечером. Я решил подождать и подумать, но думать, собственно, не о чем... Вот читай.

Ламонт взял фольгу, ошеломленно посмотрел на нее и начал читать. Знаков препинания не было.

НАСОС НЕ ОСТАНОВИТЬ НЕ ОСТАНОВИТЬ МЫ НЕ
ОСТАНОВИТЬ НАСОС МЫ НЕ СЛЫШАТЬ ОПАСНОСТЬ
НЕ СЛЫШАТЬ НЕ СЛЫШАТЬ НЕ СЛЫШАТЬ ВЫ ОСТАНО-
ВИТЬ ПОЖАЛУЙСТА ВЫ ОСТАНОВИТЬ ВЫ ОСТАНОВИТЬ
ЧТОБЫ МЫ ОСТАНОВИТЬ ПОЖАЛУЙСТА ВЫ ОСТАНО-
ВИТЬ ОПАСНОСТЬ ОПАСНОСТЬ ОПАСНОСТЬ ОСТАНО-
ВИТЬ ОСТАНОВИТЬ ОСТАНОВИТЬ НАСОС

— Черт побери, — пробормотал Броновский. —
Ведь это вопль отчаяния!

Ламонт смотрел на фольгу и молчал.

— Насколько я могу понять, — начал Броновский, —
кто-то у них там похож на тебя. Пара-Ламонт, так
сказать. Он тоже не может заставить своего пара-Хэл-
лема остановить перекачку. И пока мы умоляем их
спасти нас, они умоляют нас спасти их.

— Но если показать это... — глухо произнес Ла-
монт.

— Они скажут, что ты лжешь, что ты подделал эту
фольгу, чтобы оправдать твой порожденный психозом
кошмар.

— Про меня-то они скажут, но ведь про тебя этого
сказать нельзя. Ты поддержишь меня, Майк. Ты офици-
ально заявишь, что получил эту фольгу, и расскажешь,
при каких обстоятельствах.

Броновский густо покраснел.

— А что пользы? Они ответят, что в паравселенной отыскался маньяк вроде тебя и что двое сумасшедших нашли общий язык. Они скажут, что это сообщение свидетельствует лишь об одном: те, кто в паравселенной представляют ответственное руководство, убеждены в отсутствии какой бы то ни было опасности.

— Майк, но будем же драться!

— А что пользы, Пит? Ты сам сказал — глупость. Может быть, паралоид опередили нас в техническом отношении, может быть, они даже, как ты утверждаешь, стоят выше нас по развитию, но ведь ясно, что глупы они не меньше нашего, и на этом все кончается. Тут я согласен с Шиллером.

— С кем?

— С Шиллером. Был такой немецкий драматург лет триста назад. В пьесе о Жанне д'Арк он сказал примерно следующее: «Против глупости сами боги бороться бессильны». А я не бог, и тем более не стану бороться. Брось, Пит, и займись чем-нибудь другим. Возможно, на наш век времени хватит, а если нет, так ведь изменить все равно ничего нельзя. Извини, Пит. Ты отлично дрался, но ты потерпел поражение, и я больше в этом не участвую.

Он вышел, и Ламонт остался один. Он сидел неподвижно, только его пальцы бесцельно барабанили и барабанили по столу. Где-то в глубинах Солнца протоны соединялись чуть более бурно, и с каждым мгновением это «чуть» увеличивалось, увеличивалось, увеличивалось, приближая тот миг, когда хрупкое равновесие нарушится...

— И никто на Земле не успеет понять, что я был прав! — крикнул Ламонт и замигал, стараясь удержать слезы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ...САМИ БОГИ...

Глава 1а

Дуа легко ускользнула от остальных. Она всегда опасалась, что это вызовет неприятности, но почему-то все обходилось благополучно. Более или менее.

А с другой стороны — что тут, собственно, такого? Ун, правда, возражал против этого со своим обычным высокомерием. «Не броди, — говорил он. — Ты же знаешь, как это раздражает Тритта». О своем раздражении он не упоминал — рационалы не сердятся из-за пустяков. И тем не менее он опекал Тритта почти так же заботливо, как Тритт опекал детей.

Правда, если она настаивает, Ун всегда позволяет ей делать то, что она хочет, и даже вступает за нее перед Триттом. Иногда он даже не скрывает, что гордится ее способностями, ее независимостью... «Как левник он вовсе не так уж плох», — подумала она с рассеянной нежностью.

Ладить с Триттом труднее, и он очень хмуро смотрит на нее, когда она бывает... ну, когда она бывает такой, какой ей хочется. Впрочем, правники иначе не могут. Для нее-то он, конечно, правник, но ведь он еще и пестун, а потому дети заслоняют от него все остальное. Это и к лучшему — в случае неприятностей всегда можно рассчитывать, что кто-нибудь из детей отвлечет его внимание.

Не то чтобы Дуа очень считалась с Триттом. Если бы не синтез, она бы, наверное, вообще его игнорировала. Другое дело Ун. Он сразу показался ей удивительно интересным: от одного его присутствия ее очертания теряли четкость и начинали мерцать. И то, что он рационал, делало его только еще интереснее. Она не

понимала почему. Но это тоже было одной из ее странностей. Ну она уже привыкла к своим странностям... почти привыкла.

Дуа вздохнула.

Когда она была ребенком и еще ощущала себя законченной личностью, самодостаточным существом, а не частью триады, она осознавала эти странности гораздо острее. Потому что их подчеркивали другие. Даже такая мелочь, как выход на поверхность под вечер...

Как ей нравилась поверхность в вечерние часы! Остальные эмоционали пугались холода, сгущающихся теней — они коалесцировали, едва она начинала описывать свои впечатления. Сами они с удовольствием выходили в теплое время дня, расстилались и ели, но оттого-то она и не любила поверхность в дневные часы: их болтовня наводила на нее скуку.

Конечно, не есть она не могла, но насколько приятнее питаться по вечерам, когда еды, правда, очень мало, зато кругом все тускло-багровое и она совсем-совсем одна! По правде сказать, в разговорах с другими эмоционалями она изображала поверхность куда более холодной и унылой, чем на самом деле, — просто чтобы посмотреть, как они, пытаясь вообразить подобный холод, становятся жесткими по краям — в той мере, конечно, в какой молодые эмоционали вообще способны обрести жесткость. Потом они начинали шептаться о ней, смеялись... и оставляли ее в одиночестве.

Маленькое солнце уже почти достигло горизонта и тонуло в таинственной алости, которую, кроме нее, никому было видеть. Она разосталась, утолщилась по спинно-вентральной оси и принялась поглощать слабую жиденькую теплоту, неторопливо ее усваивая, смакуя чуть кисловатый, почти неуловимый вкус длинных волн. (Ни одной из знакомых ей эмоционалей этот вкус не нравился. Но не могла же она объяснить, что для нее он неразрывно связан со свободой — со свободой быть одной, без других.)

Даже сейчас пустынность, знобящий холод и глубокие багровые тона словно возвратили ее в дни детства, когда она еще не стала частью триады. И вдруг Дуа с поразительной ясностью словно вновь увидела перед собой своего собственного пестуна, который неуклюже

выбирался на поверхность, мучимый вечными опасениями, что она причинит себе какой-нибудь вред.

С ней он был особенно заботлив — ведь пестуны всегда лелеют крошку-серединку даже больше, чем крошку-левого и крошку-правого. Ее это раздражало, и она мечтала о том дне, когда он ее покинет. Ведь со временем все пестуны обязательно исчезали — и как же она тосковала без него, когда этот день настал!

Он вышел на поверхность предупредить ее — бережно и осторожно, хотя пестунам очень трудно облекать чувства в слова. В тот день она убежала от него — не потому, что хотела его подразнить, и не потому, что догадалась, о чем он хочет ее предупредить, а просто ей было весело. Днем она отыскивала удивительно удобное местечко далеко от других эмоционалей, наелась до отвала и испытала то щекотное чувство, которое требует разрядки в движениях и действиях. Она ползала по камням, запуская свои края в их поверхность. Она знала, что в ее возрасте делать это стыдно, что так играют только малыши, но зато какое приятное ощущение — бодрящее и в то же время баюкающее!

И тут наконец пестун ее нашел. Он долго стоял возле нее и молчал, а глаза у него делались все меньше и плотнее, точно он хотел задержать каждый лучик отражающегося от нее света, вобрать в них ее образ и сохранить его навсегда.

Сначала она тоже смотрела на него — в смущении, думая, что он заметил, как она забиралась в камни, и что ему стыдно за ее поведение. Но она не уловила излучения стыда и в конце концов спросила виновато:

«Ну что я сделала, папочка?»

«Дуа, время настало. Я ждал этого. И ты, наверное, тоже».

«Какое время?»

Она знала, но упрямо не хотела знать. Ведь если верить, что ничего нет, то, может быть, ничего и не будет. Она до сих пор не избавилась от этой привычки. Ун говорил, что все эмоционали такие — снисходительным голосом рационала, сознающего свое превосходство.

Пестун сказал:

«Я должен перейти. И больше меня с вами не будет».

А потом он только смотрел на нее, и она тоже молчала.

И еще он сказал:

«Объясни остальным».

«Зачем?»

Дуа сердито отвернулась, ее очертания расплылись, стали смутными, словно она старалась разредиться. Да она и старалась разредиться — совсем. Только, конечно, у нее ничего не получилось. Наконец ей стало больно, боль сменилась немотой, и она опять сконцентрировалась. А пестун против обыкновения не побранил ее и не сказал даже, что неприлично так растягиваться — вдруг кто-нибудь увидит?

Она крикнула:

«Им ведь все равно!» — и тут же ощутила, что пестуну больно. Он же по-прежнему называл их «крошка-левый» и «крошка-правый», хотя крошка-левый думал теперь только о занятиях, а крошке-правому не терпелось войти в триаду — ничем другим он больше не интересовался. Из них троих только она, Дуа, еще чувствовала... Но ведь она была младшей, как и все эмоционали, а у эмоционалей все происходило не так.

Пестун сказал только:

«Ты им все-таки объясни».

И они продолжали смотреть друг на друга.

Ей не хотелось ничего им объяснять. Они стали почти чужими. Не то что в раннем детстве. Тогда они и сами с трудом разбирались, кто из них кто — левый брат, правый брат и сестра-серединка. Они были еще прозрачными и разреженными — постоянно перепутывались, проползали друг сквозь друга и прятались в стенах. А взрослые и не думали их бранить.

Но потом братья стали плотными, серьезными и больше не играли с ней. А когда она жаловалась пестуну, он ласково отвечал: «Ты уже большая, Дуа, и не должна теперь разреживаться».

Она не хотела слушать, но левый брат отодвигался и говорил: «Не приставай. Мне некогда с тобой возиться». А правый брат теперь все время оставался совсем жестким и стал хмурым и молчаливым. Тогда она не

могла понять, что с ними случилось, а пестун не умел объяснить. Он только повторял время от времени, точно урок, который когда-то выучил наизусть: «Левые — рационалы, Дуа, а правые — пестуны. Они взрослеют каждый по-своему, своим путем».

Но ей их пути не нравились. Они уже перестали быть детьми, а ее детство еще не кончилось, и она начала гулять вместе с другими эмоционалями. Они все одинаково жаловались на своих братьев. Все одинаково болтали о будущем вступлении в триаду. Все расстилались на солнце и ели. И с каждым днем сходство между ними росло, и каждый день они говорили одно и то же.

Они ей опротивели, и она начала искать одиночества, а они в отместку прозвали ее «олевелая эм». С тех пор как она в последний раз слышала эту дразнилку, прошло уже много времени, но стоило ей вспомнить, и она словно вновь слышала их жиденькие пронзительные голоски, твердившие: «Олевелая эм, олевелая эм!» Они дразнили ее с тупым упоением, потому что знали, как это ей неприятно.

Но ее пестун оставался с ней прежним, хотя, наверное, замечал, что все над ней смеются. И неуклюже старался оберегать ее от остальных. Он даже иногда выходил следом за ней на поверхность, хотя и чувствовал себя там очень тягостно. Но ему нужно было удостовериться, что с ней ничего не случилось.

Как-то раз она увидела, что он разговаривает с Жестким. Пестунам разговаривать с Жесткими было трудно — она это знала еще совсем крошкой. Жесткие разговаривали только с рационалами.

Она перепугалась и отпульсировала, но все-таки успела услышать, как ее пестун сказал: «Я хорошо о ней забочусь, Жесткий-ру».

Неужели Жесткий спрашивал про нее? Может быть, про ее странности? Но в ее пестуне не ощущалось виноватости. Даже с Жестким он говорил про то, как он о ней заботится. И ее охватила неясная гордость.

И вот теперь он прощался с ней, и внезапно независимость, которую Дуа так предвкушала, утратила свои очертания и стала твердым пиком одиночества. Она сказала:

«Но почему ты должен перейти?»

«Должен, серединка моя».

Да, должен. Она это знала. И каждый рано или поздно должен перейти. Наступит день, когда и она, вздохнув, скажет: «Я должна».

«Но откуда ты знаешь, что время настало? Если ты можешь выбирать, так почему ты не хочешь назначить другое время и остаться подольше?»

Он ответил:

«Так решил твой левый породитель. Триада должна делать то, что он говорит».

Своего левого породителя и породительницу-середину она видела очень редко. Они были не в счет. Ей нужны не они, а только правый породитель, ее пестун, ее папочка, такой кубический, с совсем ровными гранями. Ни плавных изгибов, как у рационалов, ни зыбкости эмоционалей — она всегда заранее знала, что он сейчас скажет. Ну почти всегда.

И теперь он, конечно, ответит: «Этого я крошке-эмоционали объяснить не могу».

Так он и ответил.

Дуа сказала в порыве горя:

«Мне будет грустно без тебя. Я знаю, ты думаешь, что я тебя не слушаюсь, что ты мне не нравишься, оттого что не позволяешь мне ничего делать. Но уж лучше ты мне совсем ничего не позволяй. Я не буду злиться, только бы ты был со мной».

А пестун просто стоял и смотрел. Он не умел справляться с такими порывами и, приблизившись к ней, образовал руку. Было видно, как ему трудно. Но он, весь дрожа, продолжал удерживать руку, и его очертания стали мягкими — самую чуточку.

Дуа сказала: «Ой, папочка!», и заструила свою руку вокруг, и сквозь ее вещество его рука казалась зыбкой и мерцающей. Но Дуа была очень внимательна и не прикоснулась к нему — ведь ему это было бы неприятно.

Потом он убрал руку, и пальцы Дуа остались сомкнутыми вокруг пустоты. Он сказал:

«Вспомни про Жестких, Дуа. Они о тебе позаботятся. А мне... мне пора».

Он удалился, и больше она его никогда не видела.

И вот теперь она смотрела на закат, вспоминала и досадливо ощущала, что ее долгое отсутствие уже сердит Тритта и скоро он примется ворчать на Уна, а Ун примется растолковывать ей ее обязанности...

Ну и пусть.

Глава 16

У н рассеяннo ощущал, что Дуа бродит где-то по поверхности. При желании он мог бы сказать, в каком направлении она от него находится, и даже на каком расстоянии. Впрочем, осознай он свое ощущение, он был бы недоволен, так как способность взаимно ощущать друг друга на расстоянии давно уже начала притупляться, и это было ему приятно, хотя он сам не понимал почему. Таков был естественный ход вещей — тело с возрастом продолжало развиваться.

У Тритта способность к взаимному ощущению на расстоянии не притупилась, но теперь она сосредоточивалась почти исключительно на детях. Развитие, безусловно, полезное, но, с другой стороны, роль пестуна, несмотря на свою бесспорную важность, в сущности, довольно проста. Рационалы куда сложнее, с грустной гордостью подумал Ун.

Вот Дуа, конечно, была настоящей загадкой. Она так мало походила на прочих эмоционалей. Тритта это сбивало с толку, и он все больше замыкался в себе. Ун тоже порой испытывал недоумение и неловкость, но он, кроме того, ощущал ту особую силу, с какой Дуа индуцировала упоение жизнью, а одно, по всей видимости, было неотъемлемо от другого. И эта радость полностью искупала то раздражение, которое она иногда вызывала у него.

И, возможно, странные привычки Дуа также являются необходимым компонентом целого. Она даже как будто интересуется Жестких, а ведь обычно они обращают внимание только на рационалов. И вновь его охватила

гордость: тем лучше для триады, если в ней незаурядна даже эмоциональ.

Все идет так, как должно идти. В этом заключалась основа, и он надеялся, что так будет до конца. Когда-нибудь он осознает, что настало время перейти, и тогда он не будет хотеть ничего другого. Так ему сказали Жесткие — они заверяли в этом всех рационалов, но добавили, что нужный момент ему точно укажет его внутреннее сознание. От них же он тут не должен ждать ни помощи, ни совета.

«Когда ты сам скажешь себе, — объяснял ему Лостен, медленно и внятно, как принято у Жестких, когда они говорят с Мягкими, словно подбирая понятия полегче, — что знаешь, почему ты должен перейти, тогда ты перейдешь, и твоя триада перейдет вместе с тобой».

И Ун ответил:

«Сейчас мне не хотелось бы перейти, Жесткий-ру. Еще столькому можно научиться».

«Разумеется, левый мой. Ты чувствуешь так, потому что ты еще не готов».

Ун подумал тогда: «Но я ведь всегда буду чувствовать, что должен научиться еще многому. Так как же я почувствую, что готов?»

Но вслух он этого не сказал. Он твердо знал, что поймет, когда время для этого настанет.

Он поглядел на себя и в забывчивости чуть было не выбросил глаз вперед на придатке — даже самым зрелым рационалам бывают иногда свойственны чисто детские импульсы. А ведь это совершенно не нужно. Он способен ощущать себя не менее точно и тогда, когда его глаз плотно сидит на предназначенном для него месте. Он с удовольствием убедился, что в меру плотен — красивый четкий абрис, ровные изгибы закругляются в изящно сопряженные овоиды.

Его тело не обладало ни загадочно пленительным мерцанием, как у Дуа, ни приятной кубичностью Тритта. Он любит их обоих, но не стал бы меняться с ними внешностью. И, уж конечно, разумом. Естественно, вслух он этого никогда не скажет — зачем обижать их? — но он каждый день радуется, что на его долю не выпали ни ограниченное сознание Тритта, ни — тем более! — прихотливость мыслительных процессов Дуа.

Впрочем, их, вероятно, не огорчают недостатки подобных типов мышления — ведь они ничего другого не знают.

Он вновь смутно ощутил далекое присутствие Дуа и сознательно погасил это ощущение. Сейчас его к ней не влекло. Не то чтобы он нуждался в ней меньше обычного, но просто другие интересы были сильнее. Созревание рационала проявляется именно в том, что он получает все больше и больше удовольствия от чисто интеллектуальных занятий наедине с самим собой или в обществе Жестких.

Он постепенно привыкал к Жестким, все сильнее привязывался к ним. Он чувствовал, что так и должно быть: ведь он — рационал, а Жесткие, в известном смысле, — сверхрационалы. Он как-то сказал об этом Лостену, самому внимательному из Жестких и, как ему почему-то казалось, самому молодому. Лостен излучил веселость, но промолчал. Но ведь это же означало, что он не сказал «нет»!

Жесткие всегда были рядом с тех пор, как Ун помнил себя. Его пестун почти все свое внимание и время отдавал последнему ребенку — крошке-эмоционали. Это было вполне естественно. То же произойдет и с Триттом, когда отпочкуется их последний ребенок — если только это когда-нибудь случится. Ун заимствовал такое уточнение от Тритта, который теперь постоянно повторял это «если», чтобы упрекнуть Дуа.

Но так вышло даже лучше. Пестун был все время занят, и Ун получил возможность начать образование сравнительно рано. К тому времени когда произошла их встреча с Триттом, он уже почти избавился от детских привычек и успел узнать очень многое.

И все-таки их встреча, наверное, навсегда сохранится в его памяти. Словно бы она произошла вчера и они не прожили с тех пор уже такой срок. Разумеется, он видел пестунов своего поколения, но, собственно говоря, пестунами они становились, только когда начинали взращивать первого ребенка, а до этого однозначность их мышления была далеко не такой явной. Совсем маленьким он играл со своим правым братом и не замечал никаких различий в их интеллектах (хотя раз-

личия существовали уже тогда — теперь, вспоминая, он это ясно видел).

Он примерно представлял себе и роль пестуна в триаде, потому что, конечно, еще в детстве слышал про синтез.

Но когда появился Тритт, когда Ун увидел его в первый раз, все изменилось. Впервые в жизни он ощутил какую-то особую внутреннюю теплоту и интерес к чему-то помимо мыслительных процессов и приобретения знаний. Он хорошо помнил, как его смутила эта потребность в другом существе.

Тритт, конечно, воспринял их встречу как нечто само собой разумеющееся. Пестуны ведь твердо чувствуют, что их назначение — быть основой триады, а потому не испытывают ни смущения, ни застенчивости. Как, впрочем, и эмоционали. Какую-то сложность это представляет только для рационалов.

«Вы, рационалы, слишком много думаете», — сказал Жесткий, которому Ун изложил свои сомнения. Но такой ответ только еще больше запутал Уна — разве можно «думать слишком много»?

Тритт, когда они встретились, тоже только-только простился с детством и еще плохо умел замыкаться в себе — от радости он стал по краям совсем прозрачным, и такое неумение вести себя даже шокировало Уна. Чтобы рассеять неловкость, он спросил:

«Мы ведь прежде не встречались, правый?»

«Я тут прежде никогда не бывал. Меня сюда привели», — ответил Тритт.

Оба они прекрасно знали, что произошло: их встречу устроили нарочно. Кто-то (пестун, думал Ун тогда, но позже он понял, что это был один из Жестких) решил, что они подойдут друг другу — и не ошибся.

Интеллектуальной близости между ними, конечно, не было. Да и откуда? Ведь Ун стремился учиться, стремился постигать как можно больше нового — это было для него главным и, если не считать триады, единственным, что занимало все его помыслы. Тритт же вообще не понимал, что значит «учиться». Все, что Тритт знал, он знал изнутри, и не мог этому ни научиться, ни разучиться.

В те первые дни Ун с упоением впитывал сведения об их мире, о его Солнце, об истории и устройстве жизни, обо всех «о», какие только существовали во вселенной, не выдерживал и начинал рассказывать о них Тритту.

Тритт слушал безмятежно, явно ничего не понимая, но ему нравилось слушать, а Уну нравилось излагать свои знания, хотя бы и впустую.

Но именно Тритт, подчиняясь заложенной в нем потребности, бессознательно стал организующим началом триады. Ун прекрасно помнил тот полдень, когда после краткого обеда принялся было сообщать Тритту сведения, которые узнал за утро. Их более плотное вещество поглощало пищу так быстро, что им достаточно было просто прогуляться на солнце, тогда как эмоционали грелись в его лучах часами, свертывались и разреживались, словно нарочно стараясь затянуть этот процесс.

Ун, попросту не замечавший эмоционалей, говорил так, как будто кругом никого не было, но Тритт, который прежде только молча смотрел на них, теперь вдруг утратил обычную невозмутимость.

Неожиданно он приблизил к Уну почти вплотную и выбросил протуберанец с такой поспешностью, что это оскорбило чувство формы, присущее Уну как всякому рационалу. Ун как раз впивал на десерт теплый ветерок, и небольшой участок его верхнего овоида замерцал. Тритт с видимым усилием уменьшил плотность протуберанца и приложил его к мерцающему пятну, заполняя пустоты там, где верхний слой оболочки Уна был разрежен. Ун с неудовольствием отстранился. Эти детские игры были ниже его достоинства.

«Не надо, Тритт», — сказал он раздраженно.

Тритт недоуменно помахал протуберанцем.

«Но почему?»

Ун уплотнился, как мог, стараясь сделать оболочку совсем жесткой.

«Я не хочу».

«А что тут такого?» — продолжал недоумевать Тритт.

Ун сказал первое, что пришло ему на ум:

«Мне больно».

Собственно говоря, это было не так. Во всяком случае, не физически. Но ведь Жесткие всегда старались избегать прикосновения Мягких. Случайное взаимоприкосновение оболочек причиняло им сильную боль. Правда, если быть честным до конца, строение Жестких заметно отличается от строения Мягких. Они попросту совсем другие.

Тритт не поверил. Он инстинктивно знал, что тоже ощутил бы эту боль, а потому сказал обиженно:

«Не обманывай!»

«Видишь ли, для синтеза нужна еще эмоциональ».

И Тритт сказал:

«Так давай подыщем себе эмоциональ».

Давай подыщем! Прямолинейность Тритта была поразительной. Ну как ему объяснить, что на все есть свой порядок?

«Это не так просто, правник мой», — начал он мягко.

Но Тритт нетерпеливо перебил:

«Пусть ее найдут Жесткие. Ты ведь с ними дружишь. Ну так попроси их».

Ун пришел в ужас.

«Я не могу, пойми же! Время еще не настало, — продолжал он, бессознательно переходя на поучающий тон. — Не то я бы об этом знал. А пока время не настанет...»

Тритт не слушал.

«Тогда я попрошу!»

«Нет! — Ун совсем растерялся. — Ты в это не вмешивайся. Говорят же тебе, время еще не настало. Мне надо думать об образовании. Очень легко быть пестуном и ничему не учиться, но...»

Он тут же пожалел о своих словах, да к тому же они были ложью. Просто он старался избегать всего, что могло бы оказаться неприятным для Жестких и испортить их хорошее отношение к нему. Но Тритт несколько не обиделся, и Ун тут же сообразил, что пестун не видит ничего заманчивого и почетного в способности учиться, а потому даже не заметил его упрека.

С тех пор Тритт все чаще и чаще заговаривал об эмоционали. Каждый раз Ун с еще большей самозабвенностью погружался в занятия, стараясь уйти от разрешения этой проблемы.

И все-таки он порой с трудом удерживался, чтобы не заговорить о ней с Лостеном.

Лостена он знал лучше и ближе всех остальных Жестких, потому что Лостен специально им интересовался. Жестким была свойственна удручающая одинаковость — они не изменялись, никогда не изменялись. Их форма была зафиксирована раз и навсегда. Глаза у них находились всегда на одном и том же месте, и место это у них у всех было одним и тем же. Их оболочка была не то чтобы действительно жесткой, но она никогда не приобретала прозрачности, никогда не мерцала, не утрачивала четкости и не обладала проникающими свойствами.

Они были ненамного крупнее Мягких, но зато гораздо тяжелее. Их вещество было значительно более плотным, и они всячески остерегались соприкосновения с разреженными тканями Мягких.

Как-то раз, когда Ун был совсем еще крошкой и его тело струилось с такой же легкостью, как тело его сестры, к нему приблизился Жесткий.

Он так никогда и не узнал, кто именно это был, но — как ему стало ясно позднее — крошки-рационалы вызвали большой интерес у всех Жестких. Ун тогда потянулся к Жесткому — просто из любопытства. Жесткий еле успел тогда отскочить, а потом пестун выбрал Уна за то, что он хотел прикоснуться к Жесткому.

Выговор был таким строгим, что Ун запомнил его навсегда. Став старше, он узнал, что атомы в тканях Жестких расположены очень тесно, и поэтому Жесткие испытывают боль даже от самого легкого соприкосновения с тканями Мягких. А уж о проникновении и говорить не приходилось. Ун думал тогда, что и Мягким, возможно, становится при этом больно. Но потом другой юный рационал рассказал ему как случайно столкнулся с Жестким. Жесткий перегнулся пополам, а он ничего не почувствовал — ну прямо ничегошеньки. Однако Ун заподозрил, что его приятель хвастает.

Были и другие запреты. В детстве он любил ползать по стенам пещеры, — когда он проникал в камень, ему становилось тепло и приятно. Это было обычным развлечением всех крошек. Но когда он подрос, это пере-

стало у него получаться с прежней легкостью. Правда, он еще мог разреживать оболочку и почесывать ее внутри камней, но как-то его застал за этим занятием пестун, и ему снова влетело. Он заспорил: ведь сестра только и делает, что лазает в стены, он сам видел!

«Ей можно, — сказал пестун. — Она ведь эмоциональ».

В другой раз Ун, поглощая учебную запись (он тогда уже сильно вырос), машинально выбросил парочку протуберанцев с такими разреженными краями, что их можно было протаскивать друг сквозь друга. Это было забавно и помогало слушать, но пестун увидел и... Ун даже теперь поежился, вспомнив, как он его стыдил за такие детские шалости.

Про синтез он тогда ничего толком не знал. Он учился, он вбирал в себя массу сведений, но они не имели никакого отношения к назначению и смыслу триады. Тритту тоже никто ничего не объяснял, но он был пестун, и знания ему заменял инстинкт. Ну, разумеется, когда наконец появилась Дуа, все стало ясно само собой, хотя она, по-видимому, знала обо всем этом даже меньше, чем сам Ун.

А в том, что она появилась, заслути Уна не было никакой. Все сделал Тритт — Тритт, который так боялся Жестких, что всегда старательно избегал встречи с ними, Тритт, который во всем остальном был так покладист и уступчив, Тритт, который вдруг оказался способным упрямо настаивать на своем... Тритт... Тритт... Тритт...

Ун вздохнул. Тритт вторгся в его мысли потому, что был уже близко. Он ощутил, что Тритт раздражен, и понял, что Тритт снова будет требовать, требовать, требовать... Последнее время Ун все чаще с горечью замечал, что почти не бывает свободен от посторонних забот. А ведь именно сейчас ему, как никогда прежде, нужно было сосредоточиться, разобраться в своих мыслях...

— Ну что тебе, Тритт? — спросил он.

Глава 1в

Тритт осознал свою кубичность. Но не думал, что она безобразна. Он вообще не задумывался о форме своего тела. А если бы вдруг и задумался, то решил бы, что она прекрасна. Его тело отвечало своему назначению, и отвечало наилучшим образом.

Он спросил:

— Ун, где Дуа?

— Где-то снаружи, — промямлил Ун, словно ему было все равно.

Тритту стало обидно, что судьба триады заботит только его одного. С Дуа нет никакого сладу, а Уну все равно.

— Почему ты ее отпустил?

— А как я мог ее остановить? И что тут плохого, Тритт?

— Ты сам знаешь что. Двое крошек у нас есть. Но что толку без третьей? А в нынешние времена взрастить крошку-серединку очень трудно. Она не отпочкуется, если Дуа будет мало есть. А она опять где-то бродит на закате. Разве на закате можно наесться досыта?

— Она просто не любит есть много.

— А мы просто останемся без крошки-серединки. Ун! — голос Тритта стал вкрадчивым. — Ведь без Дуа настоящего синтеза быть не может. Ты же сам говорил!

— Ну довольно! — буркнул Ун.

Тритт, по обыкновению, не понял, почему Уна так раздражает упоминание о самых простых и житейских вещах. Но он не отступал.

— Не забывай, это я раздобыл Дуа!

Но, может быть, Ун и вправду не помнит? Может быть, Ун вообще не думает о триаде и о том, как она важна? Порой Тритт испытывал такую безнадежность, что просто готов был... готов был... Собственно говоря, он не представлял, что мог бы сделать, и чувствовал только тупую безнадежность. Как в те далекие дни, когда им пора было получить эмоциональ, а Ун ничего не хотел делать.

Тритт знал, что не умеет говорить длинно и запутанно. Но, если у пестунов нет дара речи, они зато умеют думать! И думают о том, что по-настоящему важно. Вот Ун всегда толкует про атомы и энергию. Будто они кому-нибудь нужны — эти его атомы и энергия! Ну а Тритт думает о триаде и о детях.

Ун как-то упомянул, что Мягких постепенно становится все меньше и меньше. Неужели это его не заботит? Неужели и Жестких это тоже не заботит? Неужели это заботит только одних пестунов?

Всего лишь две формы жизни во всем мире — Мягкие и Жесткие. А пища падает с неба вместе с солнечными лучами.

Ун однажды сказал, что солнце остывает. Пищи становится меньше, сказал он, а потому сокращается и число людей. Тритт этому не поверил. Солнце ни чуточки не остыло с того времени, как он был крошкой. Просто людей перестала заботить судьба триад. Слишком много развелось поглощенных своим учением рационалов и глупых эмоционалей.

Лучше бы все Мягкие занялись тем, что по-настоящему важно. Вот как Тритт. Он занимается триадой. Отпочковался крошка-левый, потом крошка-правый. Дети растут и крепнут. Но необходима еще крошка-серединка. А ее взрастить труднее всего. Но без нее не сможет образоваться новая триада!

Почему Дуа стала такой? С ней всегда было трудно, но все-таки не так, как теперь.

Тритт ощутил смутную злость на Уна. Ун говорит и говорит всякие жесткие слова, а Дуа слушает. Ведь Ун готов без конца разговаривать с Дуа, точно она — рационал. А для триады это вредно.

Ун-то мог бы это сообразить!

Однако Тритту не все равно. И всегда Тритту приходится делать то, что необходимо сделать. Ун дружил с Жесткими, но он и не подумал с ними поговорить. Им нужна была эмоциональ, а Ун ничего про это не говорил. Он разговаривал с Жесткими про энергию, а про то, в чем нуждалась триада, молчал.

Это он, Тритт, все устроил! И Тритт с гордостью вспомнил, как все произошло. Он увидел, что Ун разговаривает с Жестким, направился прямо к ним, без всякой дрожи перебил их и заявил твердым голосом:

«Нам нужна эмоциональ».

Жесткий повернулся и посмотрел на него. Тритт еще ни разу в жизни не видел Жесткого так близко. Он был весь цельный — когда одна его часть поворачивалась, с ней поворачивались и все остальные. У него были протуберанцы, которые могли двигаться самостоятельно, но при этом они не меняли своей формы. Жесткие никогда не струились, они были несимметричны и неприятны на вид. И уклонялись от прикосновений.

Жесткий спросил:

«Это верно, Ун?»

С Триттом он говорить не стал.

Ун распластался. Распластался над самой поверхностью камней. Таким распластанным Тритт его еще никогда не видел. Он сказал:

«Мой правник излишне ревностен. Мой правник... он... он...»

Тут Ун начал заикаться, раздуваться и не мог дальше говорить.

А Тритт говорить мог. Он сказал:

«Без эмоционали мы не можем синтезироваться».

Тритт знал, что Ун онемел от смущения, но ему было все равно. Время пришло.

«А ты, левый мой, — сказал Жесткий, по-прежнему обращаясь только к Уну, — ты тоже так считаешь?»

Жесткие говорили почти как Мягкие, но гораздо более резко, почти без переходов. Их было трудно слушать. То есть ему, Тритту. А Ун как будто привык, и ему слушать было нетрудно.

«Да», — промямлил наконец Ун.

Только тут Жесткий повернулся к Тритту.

«Напомни мне, юный правый, как давно ты знаком с Уном?»

«Достаточно давно, чтобы подумать об эмоционали, — сказал Тритт. Он старательно удерживал все свои грани и углы. Он не позволял себе бояться — слишком важной была его цель. — И меня зовут Тритт», — добавил он.

Жесткому как будто стало весело.

«Да, выбор оказался неплохим. Вы с Уном очень друг другу подходите, но тем труднее выбрать для вас эмоциональ. Впрочем, мы почти уже решили. То есть я решил, и уже давно, однако надо убедить других. Наберись терпения, Тритт».

«Все мое терпение кончилось».

«Я знаю. И все-таки подожди», — Жесткий опять говорил так, словно ему было весело.

Когда Жесткий оставил их вдвоем, Ун округлился и стал гневно разреживаться. Он сказал:

«Тритт, как ты мог? Ты знаешь, кто это?»

«Ну, Жесткий».

«Это Лостен. Мой специальный руководитель. Я не хочу, чтобы он на меня сердился».

«А чего ему сердиться? Я говорил вежливо».

«Ну неважно», — Ун уже почти принял нормальную форму.

Значит, он перестал злиться. Тритт почувствовал большое облегчение, хотя и постарался это скрыть. А Ун тем временем продолжал:

«Это же очень неловко, когда мой дурак-правый вдруг подходит и начинает разговаривать с моим Жестким».

«А почему ты сам не захотел?»

«Всему есть свое время».

«Только почему-то для тебя оно никогда своим не бывает».

Но потом они помирились и перестали спорить. А вскоре появилась Дуа.

Ее привел Лостен. Тритт этого не заметил. Он не смотрел на Жесткого, он видел только Дуа. Но после Ун объявил ему, что ее привел Лостен.

«Вот видишь! — сказал Тритт. — Я с ним поговорил, и потому он ее привел».

«Нет, — ответил Ун. — Просто наступило время. Он все равно привел бы ее. Даже если бы ни ты, ни я ничего ему не сказали».

Тритт ему не поверил. Он твердо знал, что они получили Дуа только благодаря ему.

И конечно, второй такой Дуа в мире быть не могло! Тритт видел много эмоционалей. Они все были привлекательны, и он обрадовался бы любой из них. Но, увидев Дуа, он понял, что никакая другая эмоциональ им не подошла бы. Только Дуа. Одна только Дуа.

И Дуа знала, что ей полагается делать. Совершенно точно знала. А ведь ей никто ничего не показывал, говорила она им потом. И ничего не объяснял. Даже другие эмоционали, потому что она старалась держаться от них подальше.

И все-таки, когда они все трое оказались вместе, каждый знал, что ему надо делать.

Дуа начала разреживаться. Тритту еще не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь так разреживался. Он даже не представлял себе, что подобное разреживание возможно. Она превратилась в сверкающую цветную дымку, которая заполнила все вокруг. Он был ослеплен. Он двигался, не сознавая, что движется. Он погрузился в туман, который был Дуа.

Это совсем не походило на погружение в камни. Тритт не чувствовал никакого сопротивления или трения. Он словно парил. Он осознал, что тоже начинает разреживаться — легко, без тех отчаянных усилий, которых это обычно требовало. Теперь, когда Дуа пронизывала его всего, он в свою очередь без малейшего напряжения рассеялся в густой дым. Ему казалось, что он струится, исчезая и растворяясь в радости.

Смутно он увидел, что с другой, левой, стороны приближается Ун, тоже расходясь дымом.

Затем он соприкоснулся с Уном, смешался с ним. Он перестал чувствовать, перестал сознавать. Он не понимал — он ли окружает Уна, Ун ли окружает его. А может быть, они окружали друг друга или были раздельны.

Все растворилось в чистой радости бытия.

Она заслонила и смела и чувства, и сознание.

Потом они опять стали каждый сам по себе. Синтез длился много суток. Так полагалось. И чем полнее он был, тем больше времени занимал. Но для них все исчерпывалось кратким мгновением. И память не сохраняла ничего.

Ун сказал:

«Это было чудесно».

А Тритт молчал и смотрел на Дуа.

Она коалесцировала, закручивала спирали, подергивалась. Из них троих только она, казалось, никак не могла прийти в себя.

«После, — сказала она торопливо. — Все после. А сейчас отпустите меня».

И она кинулась прочь. Они ее не остановили. Потрясение еще не прошло. Но так продолжалось и дальше. После синтеза она всегда исчезала. Каким бы полным он ни оказывался. Словно у нее была потребность в одиночестве.

Это беспокоило Тритта. Он замечал в ней все новые и новые отличия от прочих эмоционалей. А надо бы наоборот: ей следовало во всем походить на них.

Ун придерживался другого мнения. Он много раз повторял: «Ну почему ты не оставишь ее в покое, Тритт? Она не такая, как все остальные, но это потому, что она лучше остальных. С кем еще мы могли бы получить такой полный синтез? А ничто хорошее даром не дается».

Тритт не понял, но не стал в этом разбираться. Он знал только, что ей следует вести себя так, как полагается. Он сказал:

«Я хочу, чтобы она поступала правильно».

«Я понимаю, Тритт. Я понимаю. Но все-таки оставь ее в покое».

Сам Ун часто бранил Дуа за ее странные привычки, а Тритту этого делать не позволял.

«У тебя нет такта, Тритт», — объяснял он.

Но Тритт не знал толком, что такое такт.

И вот теперь... С момента первого синтеза прошло очень много времени, а крошки-эмоционали у них все нет и нет. Сколько еще можно ждать? И так уж они слишком затянули. А Дуа только все больше и больше времени проводит в одиночестве.

Тритт сказал:

— Она слишком мало ест.

— Когда настанет время... — начал Ун.

— Ты только и знаешь, что говоришь: «настанет время, не настанет время». Если на то пошло, ты ведь так и не выбрал времени, чтобы раздобыть нам Дуа. А теперь у тебя все нет время для крошки-эмоционали. Дуа должна...

Но Ун отвернулся. Потом он сказал:

— Она на поверхности, Тритт. Если ты хочешь отправиться за ней, точно ты ее пестун, а не правник, так и отправляйся. Но я говорю: оставь ее в покое.

Тритт попятился. Он хотел бы многое сказать, только не знал как.

Глава 2а

Дуа смутно улавливала, что ее левник и правник волнуются и препираются из-за нее, но это только усилило ее возмущение.

Если кто-нибудь из них явится за ней сюда (возможно даже, они поднимутся оба), все завершится синтезом, а сама мысль об этом выводила ее из себя. Для Тритта важны только дети — уже отпочковавшиеся и, главное, их сестра, которой еще нет. А Тритт умеет поставить на своем. Заупрямившись, он подчиняет себе триаду. Уцепится за какую-нибудь примитивную идею и будет требовать и требовать, пока Ун и Дуа не уступят. Но на этот раз она не уступит. Ни за что...

И ей не стыдно. Ничуть не стыдно! Ун и Тритт гораздо ближе между собой, чем с ней. Она способна разрезываться сама, а они — только благодаря ее посредничеству (уж из-за одного этого они могли бы больше с ней считаться!). Тройственный синтез вызывает приятное ощущение, было бы глупо это оспаривать. Но она испытывает почти то же, когда проникает в каменные стены... уж от себя-то она скрывать не будет, что иногда тайком это проделывает. Ну а Тритт и Ун давно утратили это умение, и, кроме синтеза, у них других радостей нет.

Впрочем, это не совсем так. Ун утверждает, что приобретение знаний или, как он выражается, «интеллектуальное развитие» — огромная радость. И она сама, Дуа, испытывала нечто подобное. Во всяком случае, настолько, что может об этом судить. Хотя удовольствие получаешь не такое, как при синтезе, но

по-своему оно ничуть не меньше, и Ун предпочитает его всему на свете.

А вот у Тритта все иначе. У него нет других радостей, кроме синтеза и детей. Никаких. И когда он начинает настаивать со всем упрямством глупости, Ун уступает, и она, Дуа, тоже вынуждена уступать.

Как-то раз она взбунтовалась:

«Но что происходит, когда мы синтезируемся? Ведь мы вновь становимся самими собой только через много часов, а то и дней. Что происходит за это время?»

Тритт был шокирован.

«Так было всегда. Иначе не бывает».

Ун смутился. Он с утра до ночи только и делает, что смущается.

«Видишь ли, Дуа, это необходимо. Из-за... из-за детей».

Выговаривая последнее слово, он запульсировал.

«Почему ты пульсируешь? — резко сказала Дуа. — Мы давно взрослые, мы синтезировались уж не знаю сколько раз, и нам всем известно, что без этого нельзя взрастить детей. Ну и говорил бы прямо. Только я ведь спрашивала о другом: почему синтез занимает столько времени?»

«Потому что это сложный процесс, — ответил Ун, все еще пульсируя. — Потому что он требует значительной энергии. Дуа, образование детской почки продолжается очень долго, и ведь почка далеко не всегда завязывается. А условия непрерывно ухудшаются... И не только для нас», — добавил он поспешно.

«Ухудшаются?» — тревожно переспросил Тритт. Но Ун больше ничего не сказал.

Со временем они взрастили ребенка — крошку-рационала, левульку, который так клубился и разреживался, что все трое прямо мерцали от умиления, и даже Ун брал его в ладони и позволял ему менять форму, пока Тритт наконец не вмешивался и не отбирал малыша. Ведь именно Тритт хранил его в своей инкубаторной сумке весь период формирования. От Тритта он отпочковался, когда обрел самостоятельность. И Тритт же продолжал его опекать.

После рождения крошки-левого Тритт начал бывать с ними гораздо реже. И Дуа радовалась, не вполне понимая почему. Одержимость Тритта ее раздражала, но одержимость Уна, как ни странно, была ей приятна. Она все более четко ощущала его... его важность. В рационалах было что-то такое, что давало им возможность отвечать на вопросы, а ей все время хотелось спрашивать его то об одном, то о другом. И она скоро заметила, что он отвечает охотнее, когда Тритта нет рядом.

«Но почему это занимает столько времени, Ун? Мы синтезируемся, а потом не знаем, что происходило в течение нескольких суток. Мне это не нравится».

«Ведь нам ничего не грозит, Дуа, — убеждал ее Ун. — Подумай сама — с нами же никогда ничего не случилось, верно? И ты ни разу не слышала, чтобы с какой-нибудь другой триадой случилось несчастье, верно? Да и вообще тебе не следует задавать вопросов».

«Потому что я эмоциональ? Потому что другие эмоционали вопросов не задают? Ну так, если хочешь знать, я других эмоционалей терпеть не могу. А вопросы задавать буду!»

Она четко ощущала, что Ун смотрит на нее так, словно в жизни не видел никого прекраснее, и из чистого кокетства начала чуточку разреживаться — самую чуточку.

Ун сказал:

«Но ты ведь вряд ли сумеешь понять, Дуа. Для того чтобы вспыхнула новая искра жизни, требуется огромное количество энергии».

«Вот ты всегда говоришь про энергию. А что это такое? Объясни, но поточнее».

«Ну, это то, что мы едим».

«А почему же ты тогда не скажешь просто — «пища»?»

«Потому что пища и энергия — не совсем одно и то же. Наша пища поступает от солнца — это один вид энергии. Но существуют и другие виды, которые в пищу не годятся. Когда мы едим, мы расстилаемся и поглощаем свет. Для эмоционалей это особенно трудно, потому

что они очень прозрачные. То есть свет проходит сквозь них и не поглощается».

Как чудесно узнать, в чем тут дело, думала Дуа. Собственно, она все это знала, но не знала нужных слов — умных жестких слов, которыми пользовался Ун. А благодаря им все, что происходило, становилось более четким и осмысленным.

Теперь, когда она стала взрослой и больше не боялась дразнилок, когда ей выпала честь войти в триаду Уна, Дуа порой присоединялась к другим эмоционалям, стараясь не обращать внимания на болтовню и скученность. Ведь время от времени ей все-таки хотелось поесть поплотнее, чем обычно, да и синтез после этого проходил удачнее. К тому же она иногда почти разделяла блаженную радость остальных эмоционалей, улавливая то удовольствие, которое они получали, выгибаясь и растягиваясь под солнечными лучами, томно утолщаясь и сжимаясь, чтобы стать как можно более плотными и эффективнее поглощать теплоту.

Но для Дуа вполне достаточно было незначительной доли того, что поглощали другие, словно были не в силах насытиться. Они как-то по-особому жадно подергивались, а Дуа этого не умела, и ей становилось невыносимо наблюдать такое чудовищное обжорство.

Так вот почему рационалы и пестуны столь мало задерживаются на поверхности! Их толщина позволяет им быстро насытиться и вернуться в пещеры. Эмоционали же извиваются на солнце часами — ведь едят они дольше, а энергии им требуется больше (во всяком случае, для синтеза).

Эмоциональ обеспечивает энергию, объяснял Ун (пульсируя так, что его сигналы стали почти невнятными), рационал — почку, а пестун — инкубаторную сумку.

После того как Дуа узнала все это, ей стало понятней, почему Тритт так злится, когда она спускается к ним по-прежнему прозрачная, а не матово клубясь от пресыщения. Но почему, собственно, они должны быть недовольны? Разреженность, которую она сохраняет, только придает синтезу особую прелесть. Другие триады, должно быть, захлебываются энергией, просто чав-

кают, но ведь в легкости и воздушности, конечно, тоже есть свое неповторимое очарование. И ведь крошка-левый и крошка-правый отпочковались, как им и положено, разве нет?

Но, конечно, крошка-эмоциональ, сестра-серединка, требовала куда больше энергии, и Дуа никак не могла накопить ее достаточно.

Даже Ун начал заговаривать об этом:

«Ты поглощаешь слишком мало солнечного света, Дуа».

«Больше, чем нужно», — поспешно сказала Дуа.

«Триада Гении только что отпочковала эмоциональ».

Дуа недолюбливала Гению. Она ее никогда не любила. Гения была дурочкой даже по нормам эмоционалей. И Дуа сказала высокомерно:

«А, так значит, она этим хвастает? В ней нет ни малейшей деликатности. Уж конечно, она шепчет всем, кто только готов слушать: «Я знаю, милочка, об этом вслух не говорят, но мой левник и мой правник, ты только представь себе...», — Дуа воспроизвела трепетные верещащие сигналы Гении с такой убийственной точностью, что Ун излучил веселость. И тем не менее он сказал:

«Пусть Гения пустышка, но она взрастила эмоциональ, а Тритт очень расстроен. Мы образовали триаду раньше их...»

Дуа отвернулась.

«Я поглощаю столько солнца, сколько могу выдержать. Я питаюсь, пока не теряю способности двигаться. Не понимаю, что вы от меня хотите».

«Не сердись, — сказал Ун. — Я обещал Тритту поговорить с тобой. Он думает, что ты меня послушаешься».

«А, Тритт просто считает странным, что ты рассказываешь мне про науку. Он не понимает... Или ты хотел бы, чтобы у вас была середина такая же, как в остальных триадах?»

«Нет, — ответил Ун твердо. — Ты не похожа на других, и я этому рад. А если тебя интересует наука, то позволь, я тебе еще кое-что объясню. Солнце дает теперь меньше пищи, чем в древние времена. Световой

энергии становится все меньше, и впитывать ее приходится много дольше. Рождаемость снижается из века в век, и население мира уменьшилось по сравнению с прошлым во много раз».

«Я тут ничем помочь не могу!» — сердито сказала Дуа.

«Зато Жесткие как будто могут. Их численность также сокращается...»

«А они тоже переходят?» — Дуа вдруг почувствовала, что это ей интересно. Почему-то ей всегда казалось, что Жесткие бессмертны, — что они не рождаются и не умирают. Кто, например, хоть раз видел крошку Жесткого? У них не бывает детей. Они не синтезируются. Они не едят.

Ун ответил задумчиво:

«Мне кажется, они переходят. Но о себе они со мной не разговаривают. Я даже не знаю точно, как они едят. Но есть они, конечно, должны. И они рождаются. Вот сейчас, например, среди них появился новый. Я его еще не видел... Ну да дело не в этом. Видишь ли, они пытаются создать искусственную пищу...»

«Знаю, — сказала Дуа. — Я ее пробовала».

«Как? А я ничего об этом не слышал!»

«О ней болтала компания эмоционалей. Они слышали, что Жесткие ищут желающих ее попробовать, и все боялись, идиотки. Говорили, что от нее можно навсегда стать жесткой, разучиться синтезироваться».

«Какие глупости!» — раздраженно перебил Ун.

«Конечно. И я вызвалась попробовать. Тут уж им пришлось замолчать. С ними не хватит никакого терпения, Ун».

«Ну и как тебе показалась новая пища?»

«Мерзость! — резко сказала Дуа. — Грубая и горькая. Конечно, другим эмоционалям я про это не сказала».

«Я ее пробовал, — заметил Ун. — И право, она все-таки не настолько плоха».

«Рационалы и пестуны не обращают внимания на вкус пищи».

Но Ун продолжал:

«Это ведь только первые попытки. Жесткие сейчас напряженно работают над ее улучшением. И особенно Эстуолд — тот новый, о котором я упоминал, тот, которого я еще не видел. Судя по словам Лостена, таких Жестких, как он, еще никогда не бывало. Гениальный ученый».

«А почему же ты его не видел?»

«Но ведь я просто Мягкий. Или, по-твоему, они мне обо всем говорят и все показывают? Наверное, когда-нибудь я его увижу. Он открыл новый источник энергии, который может нас спасти...»

«Мне искусственная пища не нравится», — вдруг заявила Дуа и заструилась прочь.

Разговор этот происходил не так давно, и хотя с тех пор Ун ни разу не упоминал про Эстуолда, она знала, что скоро опять о нем услышит, и теперь на закате тревожно размышляла о будущем.

Она видела искусственную пищу один-единственный раз — светящийся шар, что-то вроде маленького солнца в особой пещере, отведенной для него Жесткими. Дуа вновь ощутила горечь этой пищи.

А если они ее улучшат? Сделают приятной? Или даже восхитительной? Тогда ей придется есть до полного насыщения, и ее охватит желание разреживаться...

Она страшилась этого самопроизвольного импульса к разреживанию. Он был похож на чувство, которое заставляло ее разреживаться, чтобы мог осуществиться синтез левника и правника. Такое самопроизвольное разреживание покажет, что она готова к возвращению крошки-серединки. А она... она не хочет этого!

Она далеко не сразу сказала правду даже себе. Она не хочет возвращать эмоциональ! Ведь после рождения всех троих детей неизбежно наступит время перехода, а она не хочет переходить. Ей вспомнился день, когда ее пестун навсегда ее покинул. Нет, с ней так не будет! Она была полна яростной решимости.

Остальные эмоционали ни о чем подобном не задумывались. Ведь они — пустышки, совсем не такие, как она. Как она — чудака Дуа, олевелая эм. Так они ее прозвали, ну она и будет такой! До тех пор пока она не

отпочкует третьего ребенка, она не перейдет, она останется жить.

А потому третьего ребенка не будет. Никогда. Никогда!

Но как это устроить! Как помешать Уну догадаться? А если Ун догадается, что тогда?

Глава 26

Ун выжидающе смотрел на Тритта. Он почти не сомневался, что на поверхность за Дуа Тритт подниматься не станет. Это значило бы оставить детей одних, чего он всегда избегал. Тритт молча медлил, а затем удалился — в сторону детской ниши.

Ун почувствовал облегчение. Не без горечи, конечно: ведь Тритт, рассердившись, замкнулся в себе, отчего взаимный контакт ослабел и возник барьер раздражения. Естественно, что Уну взгрустнулось — словно упала жизненная пульсация.

Но, может быть, и Тритт чувствует то же? Нет, это было несправедливо: Тритту хватает его особого отношения к детям.

Ну а Дуа... Кто способен сказать, что чувствует Дуа? Да и вообще любая эмоциональ? Они настолько своеобразны, что рядом с ними левые и правые кажутся совершенно одинаковыми — если, конечно, не считать интеллекта. Но, даже и учитывая капризность эмоционалей, разве кто-нибудь способен сказать, что чувствует Дуа? Именно Дуа?

Вот почему Ун испытал облегчение, когда Тритт удалился. Дуа и в самом деле превратилась в загадку. Задержка с третьим ребенком действительно становилась опасной, а Дуа не только не прислушивалась к уговорам, но, наоборот, делалась все более упрямой. А в нем, в Уне, пробуждалось странное беспричинное беспокойство. Ему никак не удалось определить, что это такое, и он решил обсудить вопрос с Лостеном.

Ун отправился в пещеры Жестких. Он спешил и двигался одним непрерывным струением, которое, од-

нако, было гораздо изящнее легкомысленных всплесков и стремительных скачков, которые характеризовали кривую движения эмоционалей или забавного переваливания тяжеловесных пестунов.

В его памяти всплыл мысленный образ: Тритт неуклюже гоняется за крошкой-рационалом, который в нежном возрасте почти не уступал в неуловимости молодым эмоционалям. В конце концов Дуа заблокировала крошку и вернула его в нишу, а Тритт нерешительно ахал, не зная, то ли хорошенько встряхнуть маленькую искорку жизни, то ли закутать ее в свое вещество. Ради детей Тритт умел разреживаться самым удивительным образом, а когда Ун его поддразнивал, Тритт, вообще не понимавший шуток, отвечал совершенно серьезно: «Пестунам можно, когда это нужно детям».

Ун гордился своим струением — грациозным и в то же время полным достоинства. Как-то он рассказал об этом Лостену — своему Жесткому руководителю, которому говорил о себе все. Лостен ответил: «А не кажется ли тебе, что эмоционалям и пестунам их манера передвижения нравится не меньше? Если вы думаете по-разному и действуете по-разному, то и удовольствие вам должны доставлять разные вещи, не так ли? Видишь ли, триада не исключает индивидуальности».

Однако Ун не совсем понимал, что такое индивидуальность. По-видимому, это значит — быть самому по себе? Каждый Жесткий, бесспорно, всегда сам по себе. У них нет триад. Но как они это выдерживают?

Когда Ун впервые задался этим вопросом, он был совсем еще маленьким. Его взаимоотношения с Жесткими только-только завязывались, и внезапно он сообразил, что ничего толком о них не знает. Откуда он, собственно, взял, будто у Жестких нет триад? Конечно, такая легенда бытует среди Мягких, но верна ли она? Поразмыслив, он решил, что нужно спросить, а не принимать чужие утверждения на веру.

И он спросил: «Ру, вы левый или правый?» (Позже при одном воспоминании об этом Ун начинал пульсировать. Надо быть поразительно наивным, чтобы обратиться к Жесткому с таким вопросом! И его нисколько не утешала мысль, что каждый рационал обязательно в той

или иной форме задавал его Жесткому. Да, рано или поздно, но это случалось всегда, причем чаще — рано.)

Лостен ответил невозмутимо: «Ни то и не другое, крошка-левый. Жесткие не делятся на левых и правых». «И у них нет се... эмоционалей?»

«Серединок? — и форма перманентной сенсорной области Жесткого изменилась (позже Ун убедился, что подобные изменения ассоциируются с весельем или удовольствием). — Нет. Серединок у нас тоже нет. Только Жесткие — и все одинаковые».

Тогда Ун спросил — сам не зная каким образом, почти против воли:

«Но как вы выдерживаете?»

«У нас ведь все по-другому, крошка-левый. Мы к этому привыкли».

Неужели Ун мог бы привыкнуть к чему-либо подобному? До сих пор его жизнь была неразрывно связана с родительской триадой, и он твердо знал, что в будущем, причем не таком уж отдаленном, станет членом собственной триады. Как же можно жить иначе?

Он иногда размышлял об этом с полным напряжением. Впрочем, он всегда размышлял с полным напряжением, что бы его ни занимало. И порой он как будто улавливал, что это значит. У Жесткого есть только он сам. Ни левого брата, ни правого, ни сестры-серединки, ни синтеза, ни детей, ни пестунов — ничего этого у Жестких нет: ничего, кроме интеллекта, кроме исследования вселенной.

Возможно, им этого достаточно. Становясь старше, Ун начинал все глубже постигать радость познания. Ее было достаточно... почти достаточно. Но тут он вспоминал Тритта, Дуа и решал, что даже вся вселенная не может заменить их вполне.

Разве что... Странно, но порой ему начинало казаться, будто со временем, в определенной ситуации, в определенных условиях... Затем мимолетное прозрение будущего угасало бесследно. А потом опять вдруг вспыхивало, и все чаще ему чудилось, что оно держится дольше и должно вот-вот запечатлеться в памяти.

Но сейчас важно другое. Надо что-то придумать с Дуа.

Он двигался по знакомой дороге. В первый раз его вел по ней пестун (скоро и Тритт поведет по ней их собственного маленького рационала, их крошку-левого).

Ну и, конечно, он вновь погрузился в воспоминания.

Как тогда было страшно! Рядом другие маленькие рационалы пульсировали, мерцали, меняли форму, как ни сигналили им пестуны, чтобы они оставались плотными, гладкими и не позорили триаду. А один маленький левый, приятель Уна, распластался и утончился совсем по-детски и не желал уплотняться, несмотря на все уговоры пестуна, изнемогавшего от смущения. (Тем не менее он стал прекрасным учеником... «Хотя до Уна ему и далеко», — не без самодовольства заключил Ун.)

В тот их первый школьный день с ними знакомилось много Жестких. Жесткие останавливались перед каждым маленьким рационалом, специальными способами определяли тип его вибрации и затем решали принять ли его сейчас или выждать новый срок, а если принять, то какой курс обучения подойдет ему больше всего.

Когда Жесткий приблизился к нему, Ун, напрягая все свои силы, разгладился и заставил себя не мерцать.

Жесткий сказал (и Ун, впервые услышав непривычные тона его голоса, с перепугу чуть было не забыл, что он теперь большой и должен сохранять плотность):

«Очень устойчивый рационал. Как ты определяешь себя, левый?»

В первый раз Уна назвали «левый», а не «левулечка» или «левуленька», и он проникся неведомой прежде устойчивостью, а потому сумел выговорить твердо: «Ун, Жесткий-ру», отчеканив вежливое обращение, совсем как наставлял его пестун.

Ун смутно помнил, как его водили по пещерам Жестких, где он видел их приборы, их машины, их библиотеки и терялся от непонятных зрелищ и звуков. Впрочем, помнил он не столько их, сколько свое отчаяние, свой страх. Что они с ним сделают?

Пестун объяснил ему, что он будет учиться. Но что такое «учиться»? Он не знал, а когда спросил пестуна, оказалось, что тот тоже не знает, хотя и был старше Уна.

Только через некоторое время он обнаружил, что это очень приятный процесс — чрезвычайно приятный, хотя и не без своих отрицательных сторон.

Сперва его руководителем стал Жесткий, который первым назвал его «левым». Этот Жесткий научил его воспринимать смысл волновых записей, и вскоре то, что прежде казалось ему недоступным для понимания кодом, превратилось в слова — такие же осмысленные и понятные, как те, которые он произносил с помощью своих вибраций.

Но затем первый Жесткий перестал появляться, и его сменил другой. Ун не сразу заметил, что у него другой руководитель (в те ранние дни все Жесткие казались ему одинаковыми, и он не умел различать их голоса). Но потом он все-таки разобрал, что это другой Жесткий. Мало-помалу он уверился в своем открытии и почувствовал страх. Такая замена была непонятной, а потому пугала. В конце концов он собрался с духом и спросил:

«Где мой руководитель, Жесткий-ру?»

«Гамалдан?.. Он больше не будет руководить тобой, левый».

Ун на минуту утратил дар речи. Затем он все-таки сказал:

«Но ведь Жесткие не переходят...» — он не решился закончить эту фразу.

Новый Жесткий промолчал и ничего не объяснил.

И так бывало всегда. В дальнейшем Ун убедился, что Жесткие избегают говорить о себе. Обо всем остальном они рассказывали охотно и подробно. Но о себе — ничего.

Некоторые факты в конце концов убедили Уна, что Жесткие тоже переходят, что они не бессмертны (хотя большинство Мягких было твердо уверено в обратном). Но Жесткие хранили молчание. Иногда Ун и другие рационалы-ученики обсуждали это между собой — неуверенно, боязливо. Каждый подмечал что-то, что, казалось, неопровержимо свидетельствовало о бренности Жестких, и все они думали: «Неужели?», но избегали очевидного вывода и торопились переменить тему.

Жесткие как будто были равнодушны к тому, что молодые рационалы подмечают свидетельства их брен-

ности. Они и не думали их скрывать. Но сами об этом никогда не говорили. А если их об этом спрашивали прямо (что порой оказывалось неизбежным), они ничего не отвечали — ни «да» ни «нет».

Однако, если они переходят, значит, они должны и рождаться, но и об этом от них нельзя было ничего узнать, и Ун ни разу не видел крошки-Жесткого.

Ун полагал, что Жесткие получают энергию от камней, а не от солнца, — вернее, что они вводят в свое тело черный каменный порошок. И так думал не он один. Но другие ученики сердито отказывались верить этому. Однако прийти к окончательному выводу было нельзя, потому что никто из них своими глазами не видел, как едят Жесткие, а те хранили молчание.

В конце концов Ун привык к этой сдержанности как к неотъемлемому их свойству. Возможно, размышляя он, причиной тут индивидуальность Жестких — то, что они не создают триад. Из-за этого они словно окружают себя оболочкой скрытности.

А потом Ун узнал такие важные и серьезные вещи, что они совсем заслонили от него загадки жизни Жестких. Например, он узнал, что мир сжимается... уменьшается...

Это сказал ему Лостен, его новый руководитель.

Ун задал вопрос о пустующих пещерах, которые бесконечными анфиладами уходили в самые недра мира, и Лостен, казалось, был доволен.

«Ты побаивался спросить об этом, Ун?»

(Теперь он был Ун, а не просто один из бесчисленных левых. Он всякий раз испытывал гордость, когда какой-нибудь Жесткий называл его по имени. А таких было немало. Ун усваивал знания с поразительной легкостью, и обращение по имени подчеркивало его исключительность. Лостен не раз упоминал, как он доволен тем, что Ун занимается именно у него.)

После некоторых колебаний Ун признался, что ему действительно было страшно спросить. Признаваться в недостатках Жестким было легче, чем однокашникам-рационалам, и куда легче, чем Тритту... Нет, Тритту он вообще не признался бы... (Разговор этот происходил в то время, когда Дуа еще не стала членом из триады.)

«Так почему же ты спросил?»

Ун снова заколебался, но потом все-таки сказал медленно:

«Я боюсь необитаемых пещер, потому что, когда я был маленьким, мне рассказывали, будто они полны всяких ужасов. Но по собственному опыту я этого не знаю. Мне известно лишь то, что мне рассказывали другие дети, которые тоже по собственному опыту знать этого не могли. Я хочу знать о них правду, и желание это выросло настолько, что любопытство во мне теперь пересиливает страх».

Лостен как будто был доволен.

«Очень хорошо! Любопытство — полезное чувство, а страх пользы не приносит. Твое внутреннее развитие, Ун, не оставляет желать ничего лучшего. И помни: твоё внутреннее развитие — вот что в конечном счете важнее всего. А наша помощь играет второстепенную роль. Раз ты хочешь узнать, то мне легко будет объяснить, что эти пещеры действительно необитаемы. Они пусты. В них нет ничего, кроме ненужных вещей, оставленных там в прошлые времена».

«Кем оставленных Жесткий-ру?»

Эту официально-почтительную форму обращения Ун теперь употреблял лишь в тех случаях, когда вдруг ощущал, насколько больше его Лостен осведомлен в том или ином вопросе.

«Теми, кто жил в них в прошлые времена. Множество циклов тому назад мир населяли сотни тысяч Жестких и миллионы Мягких. Нас стало гораздо меньше, Ун, чем было когда-то. Всего триста Жестких и менее десяти тысяч Мягких».

«Почему?» — Ун был потрясен. (Жестких осталось всего триста! Почти прямое признание, что Жесткие тоже переходят... но задумываться об этом пока не время.)

«Потому что энергии становится все меньше. Солнце остывает. И с каждым циклом становится все труднее жить и возвращать детей».

(А это разве не значит, что Жесткие тоже возвращают детей? И еще одно: следовательно, Жесткие также получают пищу от солнца, а не из камней. Но и эти мысли Ун решил обдумать после.)

«Так будет продолжаться и дальше?» — спросил Ун.

«Да, пока солнце совсем не истощится и не перестанет давать пищу».

«Значит ли это, что мы все перейдем? И Жесткие, и Мягкие?»

«А можно ли сделать иной вывод?»

«Но нельзя же допустить, чтобы мы все перешли. Если нам нужна энергия, а солнце истощается, так надо найти другие источники. Другие звезды».

«Видишь ли, Ун, остальные звезды тоже истощаются. Наша вселенная приближается к своему концу».

«А мы можем получать пищу только от звезд? Других источников энергии не существует?»

«Нет. Конец наступает для всех источников энергии по всей вселенной».

Ун недовольно обдумал это, а потом сказал:

«Ну а другие вселенные? Мы не должны погибнуть только потому, что гибнет наша вселенная».

Он весь пульсировал и с непростительной невежливостью расширился, стал почти прозрачным и заметно выше, чем Жесткий.

Однако Лостен излучил только большое удовольствие. Он сказал:

«Великолепно, левый мой. Об этом необходимо рассказать остальным».

От смущения и радости Ун мгновенно сжался до нормальных размеров. Ведь еще никто — кроме, конечно, Тритта — не обращался к нему с ласково-доверительным «левый мой».

И вскоре Лостен сам привел к ним Дуа. Ун тогда подумал, нет ли тут связи с их разговором, но со временем оставил эти мысли. Слишком уж часто твердил Тритт, что это ему они обязаны появлением Дуа — кто, как не он, попросил Лостена? И Ун, совсем запуставшись, вовсе перестал обдумывать эту тему.

И вот сейчас он снова идет к Лостену. С тех пор как он узнал, что вселенная приближается к концу и что (как вскоре выяснилось) Жесткие упорно ищут средства все-таки выжить, прошло много времени. Он уже стал специалистом в самых разных областях науки, и Лостен даже объявил, что физику Ун знает настолько полно, насколько ее вообще способен воспринять Мягкий. А

тут новые рационалы достигли возраста обучения, и они с Лостеном виделись теперь все реже и реже.

Лостен занимался с двумя рационалами-подростками в радиационной камере. Он увидел Уна сквозь стеклянную стену и вышел к нему, тщательно закрыв за собой дверь.

— Левый мой! — сказал он, протягивая свои конечности. При виде этого дружеского движения Ун, как и прежде, испытал безрассудное желание сжать их, но сумел сдержаться. — Как поживаешь?

— Я не хочу мешать вам, Лостен-ру.

— Мешать? Эти двое прекрасно позанимаются и сами. Вероятно, они только рады, что я ушел. Мне кажется, им надоедает все время меня слушать.

— Ну уж этого не может быть, — сказал Ун. — Я всегда готов был слушать вас без конца. И конечно, их ваши объяснения увлекают не меньше.

— Ну-ну, спасибо на добром слове. Я часто вижу тебя в библиотеке, и мне говорили, что твои успехи в завершающих занятиях по-прежнему блестящи, но я немножко скучаю без своего лучшего ученика. Как поживает Тритт? Все еще по-пестунски упрям?

— Он с каждым днем становится упрямее. Триада только им и держится.

— А Дуа?

— Дуа? Я ведь искал вас... Вам известно, какая она особенная?

Лостен кивнул.

— Да, я знаю, — сказал он с выражением, которое Ун научился истолковывать как грусть.

Он немного поколебался, а потом решил говорить прямо.

— Лостен-ру, — начал он, — ее привели к нам, к Тритту и ко мне, именно потому, что она особенная?

— А тебя это удивило бы? Ты ведь и сам особенный. И ты не раз говорил мне, что Тритт бывает не таким, как другие пестуны.

— Да, — убежденно сказал Ун. — Он совсем не такой.

— И значит, естественно, что для вашей триады требовалась особенная эмоциональ, не так ли?

— Но ведь особенность бывает разная, — задумчиво сказал Ун. — Некоторые своеобразные привычки Дуа сердят Тритта и тревожат меня. Можно мне с вами посоветоваться?

— Разумеется.

— Она... она избегает синтеза.

Но Лостен слушал невозмутимо, как будто речь шла о самых обычных вещах.

Ун продолжал:

— В тех случаях, когда она соглашается, разреживание ей как будто приятно не меньше, чем нам, и все-таки соглашается она очень редко.

— А что ищет в синтезе Тритт? — спросил Лостен. — Помимо приятного ощущения от разреживания? Что важно для него?

— Дети, конечно, — ответил Ун. — Я им рад, и Дуа тоже, но ведь Тритт — пестун. Вам это понятно? (Уну вдруг показалось, что Лостен не способен уловить все тонкости внутренних взаимоотношений триады.)

— В какой-то мере, — ответил Лостен. — Следовательно, насколько я могу судить, Тритт получает от синтеза нечто большее чем просто удовольствие. А как ты сам? Чем тебя привлекает синтез?

Ун задумался.

— По-моему, вы знаете. Он дает мне своего рода интеллектуальную стимуляцию.

— Да, я знаю. Но мне нужно было проверить, насколько ты отдаешь себе в этом отчет. Я хотел убедиться, помнишь ли ты. Ведь ты не раз говорил мне, как, выходя из синтезированного состояния, которое сопряжено с загадочной и полной утратой ощущения времени — и, по правде сказать, ты действительно исчезал на довольно долгие сроки, — ты обнаруживал, что вопросы, прежде трудные и неразрешимые, вдруг стали ясными и понятными, что твои знания расширились.

— Мой интеллект словно бы оставался активным и на протяжении этого интервала полной утраты сознания, — сказал Ун. — У меня создается впечатление, будто это время, хотя я и не замечал его и не ощущал собственного существования, было мне необходимо и давало мне возможность сосредоточиться на чисто ум-

ственных процессах, от которых меня ничто не отвлекало, как случается при нормальных обстоятельствах.

— Да, — согласился Лостен. — Когда ты снова являлся ко мне, твоё мышление словно бы совершало качественный скачок. Для вас, рационалов, это обычно, хотя нельзя не признать, что никто ещё не развивался такими гигантскими скачками, как ты. Я совершенно искренне считаю, что за всю историю в мире не было другого такого рационала.

— Нет, правда? — пробормотал Ун, стараясь удерживать свою радость в пристойных границах.

— Впрочем, я могу и ошибаться... — Лостена как будто развеселила внезапность, с какой Ун перестал мерцать, — но пока оставим это. Суть в том, что тебе, как и Тритту, синтез даёт что-то сверх самого синтеза.

— Да. Безусловно.

— А что получает от синтеза Дуа — сверх самого синтеза?

Наступило долгое молчание.

— Не знаю, — сказал наконец Ун.

— И ты её не спрашивал?

— Нет.

— В таком случае, — продолжал Лостен, — если для тебя и Тритта синтез — не самоцель, но в какой-то мере лишь средство, а для Дуа он не приносит ничего дополнительного, то и привлекать её он должен меньше, чем вас.

— Но ведь другие эмоционали... — начал Ун, оправдываясь.

— Другие эмоционали не похожи на Дуа. Ты сам не раз говорил мне это и, по-моему, с гордостью.

Уну стало стыдно.

— Мне казалось, что причина не в этом.

— А в чём же?

— Это очень трудно объяснить. Мы, как члены триады, знаем друг друга, ощущаем друг друга и в какой-то мере представляем собой три части, из которых складывается единая личность. Личность неясная, которая то вырисовывается, словно в дымке, то снова исчезает. Почти всегда это происходит где-то за гранью сознания. Если мы стараемся сосредоточиться и понять, всё сразу как бы расплывается, не оставляя сколько-нибудь чёткого

образа. Мы... — Ун растерянно помолчал. — Очень трудно объяснить триаду тому, кто...

— Но все-таки я попытаюсь понять. Тебе кажется, что ты уловил какие-то тайные мысли Дуа? То, что она хотела бы скрыть от вас?

— Если бы я знал! Но это лишь смутное впечатление, которое порой теплится на самой периферии моего сознания.

— Ну и?..

— Иногда мне кажется, что Дуа просто не хочет возвращать крошку-эмоциональ.

Лостен внимательно посмотрел на него.

— У вас ведь, если не ошибаюсь, пока только двое детей? Крошка-левый и крошка-правый?

— Да, всего двое. Как вы знаете, взрастить эмоциональ очень трудно.

— Я знаю.

— А Дуа и не пытается поглощать необходимое количество энергии. Скорее, даже наоборот. У нее всегда находится множество объяснений, но я им не верю. Мне кажется, она почему-то не хочет, чтобы у нас была эмоциональ. Сам я... ну, если Дуа действительно предпочла бы подождать, я предоставил бы решать ей. Но ведь Тритт — пестун, и он настаивает. Ему нужна крошка-эмоциональ. Без нее его потребность заботиться о детях не находит удовлетворения. И я не могу лишать Тритта его права. Даже ради Дуа.

— А если Дуа не хочет взрастить крошку-эмоциональ по какой-нибудь вполне рациональной причине, ты с ней посчитался бы?

— Конечно. Но я, а не Тритт. Для него нет ничего важнее детей.

— Но ты постарался бы убедить его? Уговорить не торопиться?

— Да. Насколько это в моих силах.

— А ты замечал, что Мягкие... — Лостен запнулся в поисках подходящего слова и употребил обычное выражение Мягких: — ...что они практически никогда не переходят до появления детей? Всех трех? Причем эмоциональ обязательно бывает последней?

— Я это знаю, — ответил Ун, недоумевая, почему Лостен решил, что ему могут быть неизвестны столь элементарные сведения.

— Другими словами, появление крошки-эмоционали означает приближение времени перехода.

— Но ведь не раньше, чем эмоциональ вырастет настолько, чтобы...

— Тем не менее переход превращается в неизбежность. Так, может быть, Дуа не хочет переходить?

— Но это же немыслимо, Лостен! Переход — это как синтез: если время для него наступило, он совершается сам собой. Как тут можно хотеть или не хотеть? (Ах да, ведь Жесткие не синтезируются, а потому, возможно, им это непонятно!)

— А что если Дуа решила вообще избежать перехода? Что бы ты сказал тогда?

— Но ведь мы обязательно должны перейти. Если Дуа хочет просто отложить возвращение последнего ребенка, я мог бы уступить ее желанию и, пожалуй, сумел бы уговорить Тритта. Но если она решила вообще не переходить, это недопустимо.

— Почему?

Ун задумался.

— Мне трудно объяснить, Лостен-ру. Но каким-то образом я знаю, что мы обязательно должны перейти. С каждым циклом это мое ощущение растет и крепнет. Иногда мне даже кажется, что я понимаю, в чем тут дело.

— Порой я готов думать, что ты философ, Ун, — суховаато заметил Лостен. — Но давай рассуждать. Когда крошка-эмоциональ появится и подрастет, Тритт выпестует всех положенных ему детей и спокойно примет переход, ощущая, что ему было дано изведать всю полноту жизни. И сам ты примешь переход с удовлетворением, как завершающий этап в твоем стремлении обогащаться все новыми знаниями. А Дуа?

— Я не знаю, — сказал Ун расстроено. — Другие эмоционали всю жизнь только и делают, что болтают друг с другом, и, очевидно, находят в этом какое-то удовольствие. Но Дуа всегда держалась и держится особняком.

— Да, она необычна. И ей совсем ничто не нравится?

— Она любит слушать, как я рассказываю про мои занятия, — пробормотал Ун.

— Не надо стыдиться этого, Ун. Все рационалы рассказывают своим правникам и серединам о своих занятиях. Да, конечно, все вы делаете вид, будто этого никогда не случается, тогда как на самом деле...

— Но Дуа меня слушает, Лостен-ру, по-настоящему.

— В отличие от прочих эмоционалей? Охотно верю. А тебе никогда не казалось, что после синтеза она тоже начинает лучше понимать?

— Пожалуй... Но я как-то не обращал внимания...

— Да, поскольку ты убежден, что эмоционалы неспособны разбираться в подобных предметах. Но в Дуа как будто есть многое от рационала.

(Ун взглянул на Лостена с внезапной тревогой. Как-то раз Дуа рассказала ему, какой несчастной чувствовала она себя в детстве. Только один раз: о визгливых выкриках других эмоционалей, о гадком прозвище, которое они ей дали — «олевелая эм». Неужели Лостен каким-то образом узнал про это?.. Но нет — его взгляд, устремленный на Уна, оставался невозмутимым.)

— Мне тоже так казалось. И я горжусь, что это так! — вдруг не выдержал Ун.

— И очень хорошо, что гордишься, — заметил Лостен. — Но почему бы не сказать ей об этом? А если ей нравится пестовать в себе рациональность, так почему бы не помочь ей? Учи ее тому, что знаешь, более систематически. Отвечай на ее вопросы. Или это покрывает вашу триаду позором?

— Пусть покрывает!.. И, собственно, что тут позорного? Тритт заявит, что это напрасная трата времени, но я сумею его уговорить.

— Втолкуй ему, что Дуа, если у нее возникнет ощущение полноты жизни, перестанет бояться перехода и скорее согласится взрастить крошку-эмоциональ.

Ун ощутил такую радость, словно можно было больше не опасаться катастрофы, которая уже казалась неминуемой. Он сказал торопливо:

— Вы правы. Я чувствую, что вы правы. Лостен-ру, вы все понимаете! Раз вы возглавляете Жестких, проект контакта с той вселенной не может потерпеть неудачу!

— Я? — Лостен излучил веселость. — Ты забыл, что сейчас нас возглавляет Эстуолд. Проект многим обязан ему. Без Эстуолда работа почти не продвинулась бы.

— Да, конечно...

Ун немного приуныл. Он еще не видел Эстуолда. И никто из Мягких с ним не встречался, хотя некоторые и утверждали, будто видели его издали. Эстуолд был новый Жесткий. Новый в том смысле, что Ун в детстве ни разу не слышал его имени. А ведь это, скорее всего, означало, что Эстуолд — молодой Жесткий и был крошкой-Жестким, когда Ун был крошкой-Мягким.

Но сейчас Уна это не интересовало. Сейчас он хотел только одного — вернуться домой. Конечно, он не мог коснуться Лостена в знак признательности, но он еще раз горячо поблагодарил его и радостно поспешил назад.

Радость его была отчасти эгоистичной. Ее порождала не только надежда взрастить крошку-эмоциональ и не только мысль о том, как будет доволен Тритт. Даже сознание, что Дуа обретет полноту жизни, было не главным. В эти минуты он с восторгом предвкушал то, что ждало его самого. Он будет учить! И ведь ни один из рационалов не может даже мечтать о подобном счастье! В чьей еще триаде есть такая эмоциональ, как Дуа?

Если только Тритт сумеет понять, что это необходимо, все будет чудесно. Надо поговорить с Триттом, убедить его набраться терпения.

Глава 2в

Тритт чувствовал, что больше терпеть нельзя. Да, он не понимает, почему Дуа поступает так, а не иначе. Он и не хочет ничего понимать. Это его не интересует. Откуда ему знать, почему эмоционали ведут себя так, как они себя ведут! А Дуа к тому же и ведет себя не так, как они.

Она никогда не думает о важном. Она любит смотреть на солнце. А сама рассеивается до того, что свет и пища проходят сквозь нее. И объясняет, что так красивее. Но ведь это неважно. Важно есть досыта. И при чем тут красота? Да и вообще — что такое красота?

И с синтезом она все время что-то придумывает. Один раз даже сказала: «Давайте обсудим, что, собственно, происходит. Мы ведь никогда не говорим и даже не думаем про это».

А Ун твердит одно: «Не мешай ей, Тритт. Так лучше».

Ун чересчур уж терпеливый. Только и знает, что повторять — не надо торопиться, надо подождать, и все будет хорошо. Или говорит, что ему нужно обдумать вопрос.

А что значит «обдумать вопрос»? Неизвестно. То есть это значит, что Ун ничего делать не станет.

Вот как было тогда с Дуа. Ун и сейчас бы еще обдумывал вопрос. А он, Тритт, пошел и сказал, что им нужна эмоциональ. Вот как надо.

А теперь Ун говорит, что Дуа надо оставить в покое, и ничего не делает. А как же крошка-эмоциональ? Самое-самое важное? Ну ладно, раз Ун хочет обдумывать вопрос, тогда Тритт сам возьмется за дело.

И он уже взялся. Пока эти мысли мелькали в его сознании, он все продвигался и продвигался по длинному коридору и только сейчас заметил, какой большой путь уже проделал. Может, это и есть «обдумывать вопрос»? Нет, он не будет бояться. Он не повернет назад.

Тритт осторожно огляделся. Да, это дорога к пещерам Жестких. Скоро он поведет по ней своего левенького. Ун как-то показал ему эту дорогу.

Он не знал, что будет делать, когда доберется туда. Но страха он не чувствовал. Ему нужна крошка-эмоциональ. И Жесткие позаботятся, чтобы она у него была. Привели же они Дуа, когда он попросил!

Но только кого просить? Первого Жесткого, который ему встретится? Нет, он ведь уже все решил. Он же помнит имя. Он скажет его и будет говорить с тем Жестким, которого так зовут.

И он помнит не только имя. Он даже помнит, как услышал это имя в первый раз. Это случилось, когда левенький впервые нарочно изменил свою форму. (Какой это был день! «Ун, скорее! Аннис собрался в овал и стал совсем твердым! Сам! Дуа, да посмотри же!» И они примчались. Аннис был у них тогда один. Им ведь столько времени пришлось ждать второго! Они примчались, а левенький как раз уплотнился в уголке. Он закручивал края и расползался по своей постельке, словно жидкий. Ун сразу ушел, потому что ему было некогда. А Дуа сказала: «Ничего, Тритт, он сейчас опять это сделает!» Они ждали и ждали, но Аннис больше не пожелал овалиться.)

Тритт тогда обиделся, что Ун не захотел ждать. Он бы его выбрал, но Ун выглядел таким усталым! Его овоид был весь покрыт морщинками, а он даже не пробовал их разгладить. И Тритт встревожился:

«Случилось что-нибудь плохое, Ун?»

«Просто у меня был тяжелый день, и, боюсь, до следующего синтеза я так и не сумею разобраться с дифференциальными уравнениями». (Тритт не был уверен, верно ли он запомнил жесткие слова. Во всяком случае, Ун сказал что-то в этом роде. Ун все время говорил жесткие слова.)

«Ты хочешь синтезироваться сейчас?»

«Ничего не выйдет. Я как раз видел, что Дуа отправилась на поверхность, а ты знаешь, она не любит, чтобы мы уводили ее оттуда. Время терпит. И еще вот что — появился новый Жесткий».

«Новый Жесткий?» — повторил Тритт без всякого интереса.

Ему вообще не нравилось, что Ун всегда ищет общества Жестких. Ни один из рационалов, живущих по соседству, не занимался с таким усердием тем, что Ун называл «образованием». Это было нечестно. Ун думает только об образовании. Дуа думает только о том, чтобы бродить одной по поверхности. И никто, кроме Тритта, не думает о триаде и не заботится о ней.

«Его зовут Эстуолд», — сказал Ун.

«Эстуолд?!» — Тритту вдруг стало чуточку интересно. Может быть, потому что он очень старательно настраивался на чувства Уна.

«Я его еще не видел, но они только о нем и говорят, — глаза Уна уплотились, как бывало всегда, когда он думал о своем. — Благодаря ему у них уже есть новое изобретение».

«А что это такое?»

«Позитронный На... Ты не поймешь, Тритт. Это одна новая вещь, которой обзавелись Жесткие. Она революционизирует весь мир».

«А что это такое — революционизирует?»

«Все станет другим».

Тритт сразу встревожился.

«Не надо, чтобы Жесткие все делали другим».

«Они все сделают лучше. Другое вовсе не обязательно значит плохое. Ну, во всяком случае, это придумал Эстуолд. Он удивительно умен. Такое у меня чувство».

«А почему он тебе не нравится?»

«Я этого не говорил».

«Но ты ощущаешься так, словно он тебе не нравится».

«Ничего подобного, Тритт. Просто... ну просто... — Ун засмеялся. — Мне завидно. Жесткие настолько умны, что ни один Мягкий не может и мечтать с ними сравниться, но я с этим свыкся — ведь Лостен постоянно повторяет мне, что я удивительно умен... наверное, он имел в виду — для Мягкого. А теперь появился

Эстуолд, и даже Лостен не помнит себя от восхищения. А я — ничто, пустое место».

Тритт выпятил переднюю плоскость, чтобы коснуться Уна, чтобы напомнить ему, что он не один. Ун посмотрел на него и улыбнулся.

«Но все это глупости. Как бы ни были умны Жесткие, а Тритта ни у одного из них нет!»

Потом они все-таки отправились искать Дуа. И надо же так случиться — она как раз кончила свои блуждания и сама спускалась вниз! Синтез получился очень полный, хотя длился всего один день. Тритту тогда было не до синтезов. Он боялся надолго отлучиться от маленького Анниса, хотя за ним, конечно, в это время присматривали другие пестуны.

После этого Ун время от времени упоминал про Эстуолда. Только он всегда называл его просто Новый, даже когда прошло уже много дней. Сам он его еще ни разу не видел. «Мне кажется, я его бессознательно избегаю, — сказал он как-то, когда с ним была Дуа. — Потому что он слишком хорошо осведомлен о новом изобретении. Я не люблю получать готовые сведения, гораздо интереснее самому все узнавать».

«Про Позитронный Насос?» — спросила тогда Дуа.

«Еще одна ее странность, — с раздражением подумал Тритт. — Дуа умела выговаривать жесткие слова не хуже самого Уна. А эмоционали это не полагается».

И Тритт решил попросить Эстуолда. Ведь Ун говорил, что он удивительно умный. А раз Ун его не видал, Эстуолд уже не сможет сказать: «Я обсудил это с Уном, Тритт. Ты напрасно беспокоишься».

Все почему-то считают, что говорить с рационалами — значит говорить с триадой. А на пестунов никто даже внимания не обращает. Но уж теперь придется все-таки обратиться!

Он уже двигался внутри Жестких пещер, и вдруг его поразила странность всего того, что было вокруг. Он не видел ничего привычного. Все здесь было чужим, неправильным и пугало своей непонятностью. Но он подумал, что ему надо поговорить с Эстуолдом, и страх уменьшился. «Мне нужна крошка-серединка», — повторил он про себя и собрался с силами настолько, что смог двигаться дальше.

В конце концов он увидел Жесткого. Только одного. Он что-то делал. Нагибался над чем-то и что-то делал. Ун однажды сказал ему, что Жесткие всегда работают над своими... ну, над этими. Тритт не помнил, над чем, да и помнить не хотел.

Он приблизился к Жесткому ровным движением и остановился.

— Жесткий-ру! — сказал он.

Жесткий посмотрел на него, и воздух между ними завибрировал. Тритт вспомнил, как Ун рассказывал, что воздух всегда вибрирует, когда Жесткие говорят между собой. Но тут Жесткий словно бы наконец увидел Тритта по-настоящему и сказал:

— Да это же правый! Что ты тут делаешь? Ты привел своего левого? Разве семестр начинается сегодня?

Тритт и не старался понять, о чем говорит Жесткий. Он спросил:

— Где я могу найти Эстуолда, руководитель?

— Кого-кого?

— Эстуолда.

Жесткий долго молчал, а потом сказал:

— А какое у тебя дело к Эстуолду, правый?

Тритт упрямо посмотрел на него.

— Мне надо поговорить с ним об очень важном. Вы и есть Эстуолд, Жесткий-ру?

— Нет... А как тебя зовут, правый?

— Тритт, Жесткий-ру.

— А-а! Ты ведь правый в триаде Уна?

— Да.

Голос Жесткого словно стал мягче.

— Боюсь, ты сейчас не сможешь повидать Эстуолда. Его тут нет. Но, может быть, ты захочешь поговорить с кем-нибудь другим?

Тритт молчал, не зная, что ответить.

Тогда Жесткий сказал:

— Возвращайся домой. Поговори с Уном. Он тебе поможет. Ведь так? Возвращайся домой, правый.

И Жесткий отвернулся. Он, казалось, был занят чем-то, что совсем не касалось Тритта, и Тритт продолжал стоять в нерешительности. Потом он двинулся в другую пещеру, струясь совсем бесшумно. Жесткий даже не посмотрел в его сторону.

Сначала Тритт не понимал, почему он свернул именно сюда. Просто он ощущал, что так будет лучше. А потом вдруг все стало ясно. Вокруг была легкая теплота пищи, и незаметно для себя он уже поглощал ее.

Тритт подумал, что вроде бы он и не был голоден — и все-таки он ест и получает от этого удовольствие.

Солнца нигде не было видно. Тритт инстинктивно посмотрел вверх, но, конечно, увидел только потолок пещеры. И тут он подумал, что на поверхности такой вкусной пищи ему ни разу попробовать не приходилось. Он с удивлением посмотрел по сторонам и задумался. А потом удивился еще больше — тому, что задумался.

Ун порой раздражал его, задумываясь о множестве вещей, которые не имели никакой важности. И вот теперь он — Тритт! — вдруг тоже задумался. Но ведь он задумался об очень важной вещи. Внезапно ему стало ясно, до чего она важная. На мгновение весь замерцав, он понял, что не смог бы задуматься, если бы что-то внутри не подсказало ему, насколько это важно.

Он сделал все очень быстро, поражаясь собственной храбрости. А затем отправился обратно. Поравнявшись с Жестким — с тем, которого он спрашивал про Эстуолда, — он сказал:

— Я возвращаюсь домой, Жесткий-ру.

Жесткий ответил что-то невнятное. Он по-прежнему делал что-то, наклонялся над чем-то, занимался глупостями и не замечал самого важного.

«Если Жесткие действительно так могущественны и умны, — подумал Тритт, — то как же они могут быть такими глупыми?»

Глава 3а

Дуа почти незаметно для самой себя направилась в сторону Жестких пещер. Солнце село, а это все-таки была хоть какая-то, но цель. Что угодно, лишь бы оттянуть возвращение домой, где Тритт опять будет ворчать и требовать, а Ун смущенно советовать, не веря в пользу этих советов. К тому же Жесткие пещеры манили ее сами по себе.

Она давно ощущала их притягательную силу — собственнo говоря, с тех пор как перестала быть крошкой — и теперь уже больше не могла притворяться перед собой, будто ничего подобного нет. Эмоционалям не полагалось испытывать подобные влечения. Правда, у иных из них в детстве проскальзывали такие наклонности (теперь Дуа была уже достаточно взрослой и опытной, чтобы понимать это), но увлечение проходило само собой, а если оно оказывалось слишком сильным, то его быстро гасили.

Впрочем, когда она сама было крошкой, она упрямо продолжала интересоваться и миром, и солнцем, и пещерами, и... ну всем, чем только возможно, и ее пестун все чаще повторял: «Ты не такая, как все, Дуа моя. Ты странная серединка. Что с тобой будет дальше?»

Сначала они никак не могла взять в толк, почему узнавать новое значит быть странной и не такой, как другие. Но очень скоро убедилась, что пестун просто не способен отвечать на ее вопросы, и однажды попросила своего левого породителя объяснить ей что-то. А он сказал только — и не с ласковым недоумением, как пестун, но резко, почти грубо: «Зачем ты об этом

спрашиваешь, Дуа?», и поглядел на нее испытующе и строго.

Она в испуге ускользнула и больше никогда не задавала ему вопросов.

А потом настал день, когда другая маленькая эмоциональ, ее сверстница, взвизгнула: «Олевелая эм!» — после того, как она сказала... Дуа уже не помнила, что она тогда сказала, но в тот момент это представлялось ей вполне естественным. Она растерялась, ей почему-то стало стыдно, и она спросила у своего левого брата, который был гораздо старше ее, что такое «олевелая эм». Он замкнулся в себе, смутился — смущение она восприняла очень четко — и пробормотал: «Не знаю», хотя ей было ясно, что он это прекрасно знает.

Поразмыслив, она пошла к своему пестуну и спросила: «Я олевелая эм, папочка?»

Он сказал: «А кто тебя так назвал, Дуа? Не надо повторять нехорошие слова».

Она обвилась вокруг его ближнего уголка, немножко подумала и сказала:

«А это очень нехорошо?»

«С возрастом у тебя это пройдет», — сказал он и выпятился так, что она начала раскачиваться и вибрировать. Она всегда очень любила эту игру, но на этот раз ей не хотелось играть, — ведь нетрудно было догадаться, что, в сущности, он ничего не ответил. Она заструилась прочь, раздумывая над его словами. «С возрастом у тебя это пройдет». Значит, сейчас у нее «это» есть. Но что «это»?

Даже тогда у нее не было настоящих подруг среди эмоционалей. Они любили перешептываться и хихикать, а она предпочитала струиться по каменным обломкам, которые нравились ей своей зазубренностью. Но некоторые из ее сверстниц-середин относились к ней без враждебности и не так ее раздражали. Например, Дораль. Она была, конечно, не умнее остальных, но зато от ее болтовни иногда становилось весело. (Дораль, когда выросла, вошла в триаду с правым братом Дуа и очень молодым левым из другого пещерного комплекса — этот левый показался Дуа не слишком симпатичным. Затем Дораль взрастила крошку-левого и почти сразу же — крошку-правого, а за ними через самый

короткий промежуток последовала крошка-серединка. Сама Дораль стала теперь такой плотной, что казалось, будто в их триаде два пестуна, и Дуа не понимала, как они вообще могут синтезироваться. И тем не менее Тритт все чаще многозначительно говорил при ней о том, какую замечательную триаду помогла создать Дораль.)

Как-то, когда они с Доралью сидели вдвоем, Дуа шепнула:

«Дораль, а ты не знаешь, что такое «олевелая эм»?»

Дораль захихикала, собралась в комок, словно стараясь стать как можно незаметнее, и ответила:

«Это эмоциональ, которая держится, точно рационал. Ну знаешь, как левый. Поняла? «Олевелая эм» — это значит «левая эмоциональ». Поняла?»

Разумеется, Дуа поняла. Стоило немножко подумать, и это стало очевидным. Она бы и сама разобралась, если бы могла вообразить подобное. Она спросила:

«А ты откуда знаешь?»

«А мне говорили старшие эмоционали», — вещество Дорали закрутилось, и Дуа почувствовала, что ей это почему-то неприятно.

«Это неприлично!» — добавила Дораль.

«Почему?»

«Ну потому, что неприлично. Эмоционали не должны вести себя, как рационалы».

Прежде Дуа вообще не задумывалась над такой возможностью, но теперь она поразмыслила и спросила:

«Почему не должны?»

«А потому! И знаешь, что еще неприлично?»

Дуа почувствовала невольное любопытство.

«Что?»

Дораль ничего не ответила, но внезапно часть ее резко расширилась и задела Дуа, которая от неожиданности не успела втянуться. Ей стало неприятно, она сжалась и сказала:

«Не надо!»

«А знаешь, что еще неприлично? Можно забраться в камень!»

«Нет, нельзя», — заявила Дуа. Конечно, глупо было так говорить, ведь Дуа сама нередко забиралась во внешние слои камней, и ей это нравилось. Но хихиканье Дорали так ее уязвило, что она почувствовала гадли-

вость и тут же убедила себя, что ничего подобного не бывает.

«Нет, можно. Это называется камнеедство. Эмоционали могут залезать в камни, когда захотят. А левые и правые — только пока они крошки. Они, когда вырастут, смешиваются между собой, а с камнями не могут».

«Я тебе не верю! Ты все выдумала!»

«Да нет же! Ты знаешь Димиту?»

«Не знаю».

«А ты вспомни. Ну такая, с уплотненным уголком из Пещеры В».

«Та, которая струится как-то боком?»

«Ага. Это ей уголок мешает. Ну так она один раз залезла в камень вся целиком — только уголок торчал наружу. А ее левый брат все видел и рассказал пестуну. Что ей за это было! С тех пор она и правда от камней шарахается».

Дуа тогда ушла встревоженная и расстроенная. После этого они с Доралью долгое время вообще не разговаривали, да и потом их полудружеские отношения не возобновились. Но ее любопытство росло и росло.

Любопытство? Почему бы прямо не сказать — «олевелость»?

Однажды, убедившись, что пестуна поблизости нет, она проникла в камень — потихоньку и совсем немножко. Она уже позабыла, как это бывало в раннем детстве. Но, кажется, тогда она так глубоко все-таки не забиралась. Ее пронизывала приятная теплота, однако выбравшись наружу, она испытала такое чувство, будто камень оставил на ней след и теперь все догадуются, чем она занималась.

Тем не менее она продолжала свои попытки, с каждым разом все более смело, и совсем перестала внутренне смущаться. Правда, по-настоящему глубоко в камень она никогда не забиралась.

В конце концов пестун поймал ее и выбранил. После этого она стала более осторожной. Но теперь она была старше и знала, что ничего особенного в ее поведении нет, — как бы ни хихикала Дораль, а почти все эмоционали лазали в камни, причем некоторые открыто этим хвастали.

С возрастом, однако, эта привычка исчезала, и, насколько Дуа знала, ни одна из ее сверстниц не вспоминала детские проказы после того, как вступала в триаду. Она же — и это было ее заветной тайной, которой она не делилась ни с кем, — раза два позволила себе погрузиться в камень и после вступления в триаду. (Оба раза у нее мелькала мысль, — а что если узнает Тритт?.. Такая перспектива не сулила ничего хорошего, и у нее портилось настроение.)

Она находила для себя неясное оправдание в том, что ее сверстницы смеялись над ней и дразнили. Вопль «олевелая эм!» преследовал ее повсюду, внушая ей ощущение неполноценности и стыда. В ее жизни наступил период, когда она начала прятаться, лишь бы не слышать этой клички. Вот тогда-то в ней окончательно окрепла любовь к одиночеству. Оставаясь одна, она находила утешение в камнях. Камнеедством, прилично оно или нет, заниматься можно было только в одиночку, а ведь они обрекли ее на одиночество.

Во всяком случае, так она убеждала себя.

Один раз она попыталась ответить им тем же и закричала дразнившим ее эмоционалам:

«А вы все — оправелые эм, оправелые, оправелые!»

Но они только засмеялись, и Дуа, потерпев поражение, ускользнула от них совсем расстроенная. Но ведь она сказала правду! Когда эмоционали достигали триадного возраста, они начинали интересоваться крошками и колыхались вокруг них совсем по-пестунски, а это Дуа находила отвратительным. Сама она никогда подобного интереса не испытывала. Крошки — это крошки, и опекать их должны правые братья.

Дуа становилась старше, и ее перестали дразнить. Тут сыграло известную роль и то, что она сохраняла юную разреженную структуру и умела струиться, как-то по-особенному матово клубясь, — ни у одной из ее сверстниц это не получалось. А уж когда левые и правые начали проявлять к ней все более живой интерес, остальные эмоционали быстро обнаружили, что их насмешки обращаются против них же самих.

И тем не менее... тем не менее теперь, когда никто не посмел бы говорить с Дуа пренебрежительно (ведь всем пещерам было известно, что Ун — самый выдаю-

щийся рационал своего поколения и что Дуа — середина его триады), именно теперь к ней пришло твердое сознание, что она действительно «олевела эм» и останется такой навсегда.

Однако теперь она была убеждена, что ничего неприличного в этом нет — ну совершенно ничего. И все-таки порой ловила себя на мысли, что ей лучше было бы появиться на свет рационалом, и вся сжималась от стыда. Но, может быть, и другие эмоционали иногда... или хотя бы очень редко... А может быть, именно поэтому — хотя бы отчасти — она не хочет взрастить крошку-эмоциональ?... Потому что она сама — не настоящая эмоциональ... и плохо выполняет свои обязанности по отношению к триаде...

Ун как будто не имел ничего против ее олевелости. И, уж конечно, никогда не употреблял этого слова. Наоборот, ему нравилось, что ей интересна его жизнь, ему нравились ее вопросы, — он отвечал на них с удовольствием и радовался, что она понимает его ответы. Он даже защищал ее, когда Тритт начинал ревновать... ну, собственно, не ревновать, а сердиться, потому что их поведение противоречило его узким и незыблемым представлениям о жизни.

Ун иногда водил ее в Жесткие пещеры, стараясь показать, чего он стоит, и открыто гордился тем, что умеет произвести на нее впечатление. И он действительно производил на нее впечатление, хотя больше всего Дуа поражалась не его знаниям и уму — в них она не сомневалась, — а его готовности разделить эти знания с ней. (Она хорошо помнила, с какой резкостью ее левый породитель оборвал ее только потому, что она попыталась задать ему вопрос.) И особенно остро она ощущала свою любовь к Уну именно в те минуты, когда он позволял ей разделять с ним его жизнь. Однако это тоже было свидетельством ее олевелости.

Возможно даже (она вновь и вновь возвращалась к этой мысли), что именно олевелость сближала ее с Уном, отдаляя от Тритта, и, наверное, именно поэтому упрямая узость правника была ей так неприятна. Ун никогда не выражал своего отношения к такому необычному положению вещей в их триаде, но Тритт, пожалуй, смутно ощущал что-то неладное и, хотя был не способен

понять, в чем дело, все же улавливал достаточно, чтобы чувствовать себя несчастным, и не разбираясь в причинах.

Когда она впервые попала в Жесткие пещеры, ей довелось услышать разговор двух Жестких. Конечно, тогда она не поняла, что они разговаривают. Просто воздух вибрировал очень сильно и неравномерно, отчего у нее где-то глубоко внутри возник неприятный зуд. Она даже начала разреживаться, чтобы вибрации проходили насквозь, не задевая ее. Но тут Ун сказал:

«Это они разговаривают». И поспешил добавить, предвосхищая ее недоуменный вопрос: «По-своему. Мы так не можем. Но они друг друга понимают».

Дуа сразу сумела уловить это совершенно непривычное для нее представление — и радость познания нового стала еще больше потому, что Ун был очень доволен ее сообразительностью. (Он как-то сказал: «У всех рационалов, которых я знаю, эмоционали — совершенные дурочки. Мне удивительно повезло». А она ответила: «Но другим рационалам нравятся как раз дурочки. Почему ты не такой, как они?» Ун не стал отрицать, что другим рационалам нравятся дурочки, а просто заметил: «Я никогда над этим не размышлял, и, на мой взгляд, это не стоит размышлений. Просто я горжусь тобой и горд своей гордостью».)

Она спросила:

«А ты понимаешь, что говорят Жесткие, когда они говорят по-своему?»

«Не совсем — ответил Ун. — Я не успеваю воспринимать различия в колебаниях. Иногда мне удается уловить ощущение общего смысла их речи — особенно после синтеза. Но далеко не всегда. Улавливать ощущения — это, собственно, свойство эмоционалей, но беда в том, что эмоциональ не способна воспринять смысл того ощущения, которое она улавливает. А вот ты, пожалуй, сумела бы».

Дуа застеснялась.

«Я бы побоялась. А вдруг им это не понравится?»

«Ну попробуй! Мне очень интересно знать, получится ли у тебя что-нибудь. Проверь, сможешь ли ты понять, о чем они говорят».

«Ты правда этого хочешь?»

«Правда. Если они поймают тебя на этом и рассердятся, я скажу, что это я тебе велел».

«Обещаешь?»

«Обещаю».

Сама почти вибрируя, Дуа рискнула настроиться на Жестких и замерла в полной пассивности, которая дает возможность воспринимать чужие ощущения.

Она сказала:

«Возбуждение! Они волнуются. Из-за кого-то нового».

«Может быть, это Эстуолд», — заметил Ун.

Так Дуа в первый раз услышала это имя. Она сказала:

«Как странно!»

«Что странно?»

«Я ощущаю солнце. Очень большое солнце».

Ун стал серьезным.

«Да, они могут говорить про это».

«Но как же так? Где оно?»

Тут Жесткие заметили их, подошли поближе и ласково поздоровались, выговаривая слова так, как их выговаривают Мягкие. Дуа ужасно смутилась, и ей стало страшно, — а вдруг они знают, что она на них настраивалась? Но они, даже если и заметили это, ничего ей не сказали.

(Потом Ун объяснил ей, что подсмотреть, как Жесткие разговаривают между собой по-своему, удастся очень редко. Они всегда считаются с присутствием Мягких и, увидев их, тотчас оставляют свою работу. «Они нас любят, — сказал Ун. — И они очень добрые».)

Ун и после этого иногда водил ее в Жесткие пещеры — обычно в те часы, которые Тритт всецело посвящал детям. Он не считал нужным сообщать Тритту об этих их прогулках. Тритт непременно заговорил бы о том, что Ун без конца потакает Дуа, и она, того и гляди, вовсе перестанет питаться, а тогда какой же будет толк от синтеза?.. С Триттом невозможно было и двух слов сказать без того, чтобы он так или иначе не упомянул про синтез.

Три раза она отправлялась в Жесткие пещеры совсем одна, хотя и пугалась собственной смелости. Правда, Жесткие, которые ей встречались, всегда были ласковы, или «очень добрые», как выразился Ун. Но они не

принимали ее всерьез. Когда она задавала вопросы, они были довольны, но в то же время посмеивались — это она ощущала совершенно ясно. И отвечали так просто, что их слова не содержали никаких сведений. «Это машина, Дуа, — говорили они. — Может быть, Ун сумеет объяснить тебе, что это такое».

Интересно, а был ли среди них Эстуолд? У нее не хватало храбрости спрашивать Жестких, как их зовут. И по имени она знала только Лостена, с которым ее познакомил Ун и о котором она много слышала раньше. Иногда ей казалось, что вот этот Жесткий или вон тот, наверное, и есть Эстуолд. Ун говорил об Эстуолде с величайшим почтением и с некоторой обидой.

Насколько она поняла, Эстуолд был так поглощен чрезвычайно важной работой, что почти никогда не заглядывал в пещеры, куда допускались Мягкие.

Она свела воедино то, о чем ей в разное время сообщал Ун, и мало-помалу поняла, что мир получает все меньше и меньше пищи. Впрочем, Ун почти никогда не говорил «пища», а только «энергия», объяснив, что так ее называют Жесткие.

Солнце остывало, оно умирало, но Эстуолд открыл, как можно добывать энергию из неимоверной дали, которая лежит дальше солнца, дальше семи звезд, светящихся в темном небе. (Ун как-то объяснил, что семь звезд — это семь солнц, только находящихся очень далеко, и что есть еще много звезд, еще более далеких, а потому их нельзя увидеть. Это услышал Тритт и спросил, зачем нужны звезды, если их нельзя увидеть, а потом заявил, что ничему этому не верит. Ун терпеливо произнес: «Ну, Тритт, оставь». Дуа как раз собиралась сказать примерно то же, что и Тритт, но после этого удержалась и промолчала.)

А теперь получалось, что в будущем энергии станет опять много — и уже навсегда. Пищи будет сколько угодно, — как только Эстуолд и другие Жесткие сумеют сделать новую энергию достаточно вкусной.

Всего несколько дней назад она сказала Уну:

«Помнишь, как давным-давно, когда ты в первый раз привел меня в Жесткие пещеры и я настраивалась на Жестких, я сказала, что поймала ощущение большого солнца?»

Он не сразу сообразил, о чем она говорит.

«Я что-то не помню. Но продолжай, Дуа. Почему ты об этом заговорила?»

«Я все думаю — ведь это большое солнце и есть источник новой энергии?»

А Ун ответил с радостью:

«Отлично, Дуа! Это не совсем точно, но такая интуиция у эмоционали — это великолепно!»

Дуа, хмуро перебирая все эти воспоминания, медленно двигалась и двигалась вперед. Она добралась до Жестких пещер и только тут заметила, что совсем утратила представление о времени и пространстве. Она уже подумала, что слишком задержалась и, пожалуй, лучше будет все-таки вернуться домой и вытерпеть неизбежные упреки Тритта, как вдруг... словно причиной этому была мысль о Тритте... она ощутила Тритта совсем рядом.

Ощущение было удивительно сильным, и мелькнувшая было у нее мысль, что она вопреки всякой вероятности уловила его чувство через расстояние, отделяющее ее от домашней пещеры, тут же исчезла. Нет-нет! Он здесь, в Жестких пещерах, неподалеку от нее.

Но что он тут делает? Ищет ее? Собирается бранить ее здесь?! Или ему взбрело на ум пожаловаться Жестким? Нет, уж этого она не вынесет...

Но чувство холодного ужаса тут же угасло, сменившись изумлением. Тритт вовсе не думал о ней. Он не чувствовал ее присутствия. Она воспринимала только всепоглощающую решимость, к которой примешивались робость и страх перед тем, что он намеревался сделать.

Дуа могла бы проникнуть глубже и хотя бы в общих чертах узнать, что он собирается сделать и почему, но ничего подобного ей и на ум не пришло. Раз уж Тритт не знает, что она тут, важно одно — чтобы он этого так и не узнал.

И она почти инстинктивно совершила то, что всего мгновение назад показалось бы ей невероятным, недопустимым ни при каких обстоятельствах.

Быть может (как она решила позже), все случилось оттого, что совсем недавно она вспоминала свои разговоры с Доралью и детское камнеедство (у камнеедства

было сложное взрослое название, но детское смущало ее меньше).

Но как бы то ни было, не отдавая себе отчета в том, что она делает... в том, что уже сделала... Дуа торопливо скользнула в ближайшую стену.

Глубоко внутрь! Вся целиком!

Она ужаснулась своему поступку, но ей тут же стало легче оттого, что ее уловка оказалась не напрасной: Тритт прошел совсем рядом с ней, но в нем ни на миг не возникло даже смутного ощущения, что он мог бы сейчас дотронуться до своей эмоционали.

Впрочем, Дуа уже больше не думала о том, зачем Тритт явился в Жесткие пещеры, ищет он ее или нет.

Она попросту забыла про Тритта.

В это мгновение она не испытывала ничего, кроме всепоглощающего изумления. Ведь даже в детстве она ни разу не смешивалась с камнем целиком и не встречала эмоционали, которая призналась бы в чем-нибудь подобном (хотя у каждой из них была наготове сплетня именно про такой случай с кем-то из подруг). И, уж конечно, ни одна взрослая эмоциональ не проникала в камни целиком — да и не смогла бы, как бы ни старалась. Дуа ведь была удивительно разрежена даже для эмоционали (Ун часто и с гордостью говорил ей это), чему способствовало ее нежелание есть как следует (о чем постоянно твердил Тритт).

Случившееся доказывало степень ее разреженности куда весомее любых упреков правника. Ей стало стыдно, и она почувствовала жалость к Тритту.

Но тут же испытала другой и более мучительный стыд: что если ее обнаружат? Если кто-нибудь увидит, что взрослая эмоциональ...

Вдруг какой-нибудь Жесткий задержится в этой пещере как раз в ту минуту... Нет, никакие силы не заставят ее покинуть камень, если будет хоть малейшая опасность, что ее заметят... Но сколько времени можно оставаться в камне? И что произойдет, если ее обнаружат прямо в нем?

В тот же миг она ощутила Жестких и тут же, сама не зная как, поняла, что они далеко.

Она помедлила, стараясь успокоиться. Камень, окружавший и пронизывавший ее, придавал какую-то туск-

лость ее восприятию, но не притуплял его. Наоборот, оно даже обострилось. Она по-прежнему ощущала равномерное продвижение Тритта, уходящего все дальше и дальше, — причем так, словно он был рядом. И она воспринимала Жестких, хотя они находились через один пещерный комплекс от нее. Она их словно видела! Каждого в отдельности, каждого на его месте. Она улавливала малейшие оттенки их вибрирующей речи и даже кое-что понимала!

Никогда еще она не воспринимала с такой остротой. Ей даже не грезилось, что можно так воспринимать.

А потому Дуа, хотя она и могла бы сейчас выбраться из камня, твердо зная, что вокруг никого нет и никто ее не увидит, осталась там, где была. Ее удерживало удивление и еще тот странный жаркий восторг, который она испытывала от процесса понимания. Ей хотелось пролить его.

Ее восприимчивость достигла такой степени, что она даже осознала, чем объясняется подобная чувствительность. По словам Уна, после синтеза он начинал без труда разбираться в том, что прежде казалось недоступным пониманию. Что-то в периоды синтеза невероятно повышало восприимчивость — поглощение и усвоение убыстрялись и усиливались. Все дело тут в более тесном расположении атомов, объяснял Ун.

Правда, Дуа не знала, что такое «более тесное расположение атомов», но одно было ясно: это состояние наступает при синтезе, а разве то, что происходит с ней сейчас, не похоже на синтез? Ведь она словно синтезировалась с камнем.

При синтезе триады вся совокупность их общей восприимчивости доставалась Уну. Благодаря этому рационал расширял свое понимание, сохраняя его и после окончания синтеза. Но в этом подобии синтеза все сознание принадлежит ей одной. Ведь тут нет никого, кроме нее и камня. И значит, «более тесное положение атомов» (так ведь?) служит только ей.

Уж не потому ли камнеедство считается гадкой привычкой? Потому что оно уравнивает эмоционалей с рационалами? Или только она, Дуа, способна на это благодаря своей разреженности (или, быть может, оле-велости)?

Но тут Дуа перестала размышлять и только воспринимала, все больше увлекаясь. Она чувствовала, что Тритт возвращается, проходит мимо, удаляется, — но ее сознание лишь машинально зарегистрировало все это. И столь же машинально, даже не удивившись, она заметила, что из Жестких пещер той же дорогой уходит Ун. Она настроилась только на Жестких, только на них, и старалась как можно глубже и полнее улавливать смысл того, что воспринимала.

Дуа выбралась из камня лишь много времени спустя. И она уже больше не боялась, что ее могут заметить: ее новая восприимчивость и чувствительность служили надежной гарантией против этого.

Она заструилась домой, поглощенная своими мыслями.

Глава 36

Когда Ун вернулся домой, его там ждал Тритт, но Дуа еще не появлялась. Тем не менее Тритта это, казалось, не волновало. То есть он несомненно был взволнован, но по какой-то другой причине. Его чувства были настолько сильны, что Ун улавливал их с большой четкостью, однако он не стал в них разбираться. Ему нужна была Дуа, и он вдруг поймал себя на том, что присутствие Тритта его сейчас раздражает — только потому, что Тритт не Дуа.

Это его удивило. Ведь от самого себя он не мог скрывать, что из них двоих всегда больше любил Тритта. Разумеется, все члены идеальной триады должны составлять единое целое и относиться друг к другу одинаково, не делая различия даже между собой и остальными двумя. Однако такой триады Ун еще никогда не встречал — и меньше всего к идеалу приближались именно те, кто громко хвастал, что их триада полностью ему соответствует. Один из трех всегда оказывался чуточку в стороне и обычно признавал это.

Но только не эмоционали! Они оказывали друг другу взаимную внутриадную поддержку в степени, недоступной ни для рационалов, ни для пестунов. Недаром поговорка гласит: «У рационала — руководитель, у пестуна — дети, а у эмоционали — все другие эмоционали».

Эмоционали обсуждали между собой жизнь своих триад, и если какая-нибудь жаловалась на пренебрежение или остальные внушали ей, будто она позволяет помыкать собой, ее отсылали домой с визгливыми наставлениями отвердеть и требовать! А поскольку синтез

в значительной мере зависел от эмоционали и ее настроения, левый и правый обычно всячески ей потакали и баловали ее.

Но ведь Дуа была такой неэмоциональной эмоциональю! Ее как будто вовсе не задевало, что Ун и Тритт не так близки с ней, как между собой, а среди эмоционалей у нее не было подруг, которые растолковали бы ей ее права.

Уну нравилось, что она так живо интересуется его занятиями, нравилась ее сосредоточенность и удивительная быстрота понимания, но это была интеллектуальная любовь. А по-настоящему дорог ему был медлительный глупый Тритт, который так хорошо знал свое место и не вносил в их жизнь ничего, кроме самого нужного, самого главного — спокойной и надежной привычности.

И вот теперь Ун злился на Тритта!

Он спросил:

— Тритт, ты не знаешь, где сейчас Дуа?

Тритт не ответил прямо, а сказал только:

— Я занят. Я с тобой потом поговорю. У меня дела.

— А где дети? Ты что, тоже уходил? В тебе чувствуются следы другого места.

В голосе Тритта появилась явная досада.

— Дети хорошо воспитаны. Они остаются там, гда за ними всегда могут приглядеть другие пестуны. Ун, они ведь давно уже не крошки.

Но ничего не сказал про ощущение «другого места», которое от него исходило.

— Извини. Я просто хотел бы знать, где Дуа.

— А ты бы почаще этого хотел, — сказал Тритт. — Ты ведь все время твердишь, чтобы я оставил ее в покое. Ну вот и ищи ее сам.

И Тритт удалился в дальнюю часть домашней пещеры.

Ун глядел вслед своему правнику с некоторым удивлением. При других обстоятельствах он непременно постарался бы проанализировать совершенно необычное волнение, которое пробивалось даже сквозь врожденную пестунскую невозмутимость. Что натворил Тритт?

...Но где же все-таки Дуа? С каждой минутой его тревога нарастала, и он тут же забыл про Тритта.

Беспокойство обострило восприимчивость Уна. Среди рационалов было даже принято гордиться низкой чувствительностью. Способность улавливать ощущения не принадлежала к сфере разума, это было преимущественно свойство эмоционалей. И Ун, рационал из рационалов, всегда особенно ценил в себе способность мыслить, а не чувствовать. Тем не менее теперь он как мог широко раскинул свою бедную сеть чувственного восприятия и даже вдруг на мгновение пожалел, что он не эмоциональ и сеть эта так несовершенна.

Однако оказалось, что она в какой-то мере эффективна. Во всяком случае, он ощутил приближение Дуа на довольно большом (по крайней мере для него) расстоянии и поспешил ей навстречу. Кроме того, с такого расстояния он острее обычного воспринял ее разреженность. Она была как легкая дымка, не больше...

«Тритт прав, — с внезапной жгучей тревогой подумал Ун. — Надо заставить Дуа питаться, синтезироваться — необходимо пробудить в ней интерес к жизни».

Эта мысль настолько завладела им, что он даже не увидел ничего странного в том, как Дуа заструилась вокруг него, словно они были у себя дома, вдали от посторонних глаз. Она говорила:

— Ун, мне необходимо узнать... так много, так много!

Он отстранился — все-таки следовало считаться с принципами! Но постарался сделать это как можно осторожнее, чтобы Дуа не подумала, что он недоволен.

— Пойдем! — сказал он. — Я просто вышел к тебе навстречу. Скажи, что ты хочешь узнать, и я объясню, если знаю сам.

Они быстро двигались к дому, и Ун охотно приспособивался к волнистому струению, обычному для эмоционалей.

Дуа сказала:

— Расскажи мне про другую вселенную. Почему она не такая? И чем она не такая? Расскажи мне все-все.

Дуа совершенно не представляла себе, как много она хочет узнать. Но Ун это себе представлял. Он ощутил неизмерное богатство собственных сведений и чуть было не спросил: «Откуда ты узнала про другую вселенную столько, что она тебя заинтересовала?»

Но он удержался. Дуа возвращалась со стороны Жестких пещер. Может быть, с ней разговаривал Лостен, предположив, будто Ун все-таки слишком гордится статусом рационала и не снизойдет до того, чтобы удовлетворить любознательность своей середины.

«Как будто я на это способен!» — подумал Ун с полным сознанием своей ответственности. Не нужно ничего спрашивать. Он просто объяснит ей все, что сможет.

В домашней пещере их хлопотливо встретил Тритт.

— Если хотите разговаривать, так идите в комнату Дуа. У меня тут много дел. Мне нужно присмотреть, чтобы дети привели себя в порядок и сделали все упражнения. Времени синтезироваться у меня нет. И не думайте!

О синтезировании ни Ун, ни Дуа не думали, тем не менее они послушно свернули в комнату Дуа. Дом принадлежит пестуну. Рационалу открыты Жесткие пещеры на нижних уровнях, эмоциональ всегда может отправиться на поверхность. У пестуна же есть только дом. А потому Ун поспешил ответить:

— Хорошо, Тритт, мы не будем тебе мешать.

А Дуа излучила нежность и сказала:

— Мне приятно увидеть тебя, правый мой.

(Ун спросил себя, не объясняется ли ее нежность отчасти тем, что Тритт против обыкновения не стал требовать синтеза. Нельзя отрицать, что Тритт действительно придает синтезу излишнее значение. Другие пестуны далеко не так настойчивы.)

У себя в комнате Дуа вдруг уставилась на кормильник, хотя обычно она старалась даже не смотреть в его сторону.

Установить кормильник придумал Ун. Он знал о существовании подобных приспособлений и объяснил Тритту, что, раз уж Дуа не хочет питаться рядом с другими эмоционалями, можно без всякого труда доставлять солнечную энергию прямо в пещеру — пусть Дуа питается дома.

Тритт пришел в ужас. Никто же так не делает! Все будут смеяться! Триада покроет себя позором! Почему Дуа не хочет вести себя как полагается?

«Конечно, это было бы лучше, Тритт, — сказал тогда Ун. — Но раз уж она не ведет себя как полагается, так почему бы не помочь ей? Что тут, собственно, плохого? Она будет питаться дома, наберется энергии — а от этого станет лучше и ей, и нам, — и, может быть, она даже начнет выходить на поверхность с другими эмоционалями».

Тритт согласился, и даже Дуа согласилась, хотя и после долгих уговоров, но настояла при этом на самой простой конструкции. А потому Уну при конструировании кормильника пришлось ограничиться двумя примитивнейшими стержнями, которые служили электродами и передавали в пещеру солнечную энергию. Они были установлены так, чтобы Дуа могла поместиться между ними. Впрочем, пользовалась она ими очень редко.

Однако на этот раз Дуа долго смотрела на кормильник, а потом сказала:

— Тритт его украсил... Или это ты, Ун?

— Я? Ну конечно, нет.

У основания обоих электродов были выложены узоры из цветной глины.

— Наверное, он решил таким способом напомнить, чтобы я не забыла поесть, — заметила Дуа. — А я и правда проголодалась. К тому же, пока я буду есть, Тритт нас перебивать не станет, ведь верно?

— Разумеется, — сказал Ун с глубоким убеждением. — Тритт способен был бы остановить мир, если бы вдруг подумал, что его вращение мешает тебе питаться.

— Ну... я и правда проголодалась, — повторила Дуа.

Уну показалось, что он уловил ощущение виноватости. Из-за Тритта? Из-за того, что она голодна? Но почему Дуа должна чувствовать себя виноватой, если ей захотелось есть? Или она занималась чем-то таким, что поглотило очень много энергии, и теперь испытывает...

Он раздраженно отбросил эти мысли. Избыток рациональности, пожалуй, все-таки не украшает рационала. Несомненно, прослеживание каждой частной идеи наносит ущерб главному. А сейчас главным был разговор с Дуа.

Она расположилась между электродами. Для этого ей пришлось сжаться, и Ун еще отчетливей осознал, какая она маленькая. Тут он понял, что и сам голоден.

Он заметил это потому, что свечение электродов представлялось ему более ярким, чем обычно, а кроме того, он ощущал вкус пищи даже на таком расстоянии, и вкус этот казался ему восхитительным. А ведь, проголодавшись, всегда воспринимаешь вкус пищи острее и на большем расстоянии... Ну ничего, он поест попозже.

— Не молчи, левый мой, — сказала Дуа. — Расскажи мне про ту вселенную. Я хочу знать.

Она приняла (бессознательно?) форму овоида — форму рационала, словно убеждая его говорить с ней, как с рационалом.

— Всего я объяснить не могу, — начал Ун. — То есть научную сторону. У тебя ведь нет нужной подготовки. Но я постараюсь говорить как можно проще и понятнее, а ты слушай и не перебивай. Когда я кончу, ты скажешь, что для тебя осталось неясным, и тогда я попробую тебе это растолковать. Ну, во-первых, я хочу тебе напомнить, что все на свете состоит из мельчайших частиц, которые называются атомами и в свою очередь состоят из еще более мелких субатомных частиц.

— Да-да! — сказала Дуа. — Благодаря этому мы и можем синтезироваться.

— Совершенно верно. Ведь в действительности мы состоим почти из пустоты. Частицы эти разделены значительными расстояниями, и твои частицы могут перемешиваться с частицами Тритта и моими потому, что каждая структура беспрепятственно входит в пустоты другой структуры. Но вещество все же не распадается, потому что эти крохотные частицы обладают способностью удерживать друг друга даже через разделяющее их расстояние. В систему их объединяют силы притяжения, из которых самая могучая — та, которую мы называем ядерной силой. Она удерживает главные из субатомных частиц в тесных скоплениях, которые располагаются на довольно значительных расстояниях друг от друга, но тем не менее остаются вместе благодаря действию более слабых сил. Тебе это понятно?

— Не все, — ответила Дуа.

— Ничего. Мы вернемся к этому позже... Вещество может существовать в различных состояниях. Оно может быть очень разреженным, как в эмоционалах, — как в тебе, Дуа. Или же оно может быть более плотным,

как в рационалах и пестунах. Или еще плотнее, как в камнях. Оно может быть и очень сжатым, то есть сгущенным, — как в Жестких. Потому-то они и Жесткие. Они состоят сплошь из частиц.

— Значит, в них вовсе нет пустоты? Ты это имеешь в виду?

— Нет, не то чтобы вовсе... — Ун запнулся, подыскивая подходящее объяснение. — В них пустоты много, но гораздо меньше, чем в нас. Частицам обязательно требуется определенное количество пустого пространства, и если они его займут, другие частицы уже не могут в него втиснуться. Если же их вгоняют насильно, возникает боль. Вот почему Жесткие не любят, чтобы мы к ним прикасались. У нас, у Мягких, пустого пространства между частицами больше, чем им требуется, а потому находится место и другим частицам.

Дуа, по-видимому, не могла полностью охватить эту мысль, и Ун заторопился.

— В другой вселенной правила другие. У них ядерная сила слабее, чем у нас. А значит, их частицам требуется больше пустого пространства.

— Почему?

Ун покачал верхним овоидом.

— Потому что... Ну, потому что волновые формы частиц там распространяются дальше. Понятнее я объяснить не могу. Раз ядерная сила слабее, частицам требуется больше пространства, и два отдельных объема вещества неспособны смешиваться с такой же легкостью, как в нашей вселенной.

— А мы можем увидеть ту вселенную?

— О нет! Это невозможно. Мы можем только сделать некоторые выводы из ее основных законов, которые нам известны. Однако Жесткие умеют очень многое. Мы научились пересылать туда вещество и получать вещество от них. Мы можем изучать их вещество, понимаешь? И мы создали Позитронный Насос. Ты ведь про него знаешь?

— Ну, ты говорил, что с его помощью мы получаем энергию. Но я не знала, что он работает, потому что существует другая вселенная... А какая она? У них там есть звезды и миры, как у нас?

— Превосходный вопрос, Дуа! — Ун теперь наслаждался ролью учителя даже сильнее, чем раньше, потому что, так сказать, заручился одобрением Жестких. (До сих пор ему все время мешало ощущение, что пытаться объяснить эмоционали подобные вещи не совсем прилично.) Он продолжал: — Мы не можем увидеть другую вселенную, но, зная ее законы, можем представить себе, какой она должна быть. Видишь ли, звезды светят благодаря тому, что простые комбинации частиц постепенно преобразуются в более сложные. Мы называем это ядерным слиянием.

— И у них в той вселенной тоже так?

— Да. Но, поскольку ядерная сила у них слабее, слияние происходит гораздо медленнее. Отсюда следует, что звезды в той вселенной должны быть гораздо, гораздо больше, иначе происходящего в них слияния будет недостаточно для того, чтобы они сияли. В той вселенной звезды величиной с наше солнце были бы холодными и мертвыми. А если бы наши звезды были больше, то происходящее в них слияние количественно настолько увеличилось бы, что они мгновенно взорвались бы. Отсюда следует, что число наших маленьких звезд в нашей вселенной должно в тысячи раз превышать число их больших звезд в их вселенной.

— Но у нас же только семь... — начала было Дуа и тут же поправилась. — Ах да, я забыла!

Ун снисходительно улыбнулся. Так легко забыть об остальных неисчислимых звездах, если их можно видеть только с помощью специальных приборов!

— Да, это бывает. Но тебе не скучно меня слушать?

— Совсем нет! — воскликнула Дуа. — Мне очень интересно. Даже пища приобретает какой-то особенно приятный вкус! — и она блаженно заколыхалась между электродами.

Ун обрадовался — он еще никогда не слышал, чтобы Дуа говорила о еде без пренебрежения.

— Разумеется, срок жизни их вселенной много больше, чем нашей, — продолжал он. — Здесь у нас ядерное слияние происходит с такой скоростью, что все частицы должны войти в более сложные соединения за миллион циклов.

— Но ведь есть еще множество других звезд!

— Конечно. Но видишь ли, этот процесс происходит в них во всех одновременно. И вся наша вселенная умирает. В той вселенной, где звезд много меньше, но они гораздо больше по величине, слияние происходит настолько медленнее, что их звезды живут в тысячи, в миллионы раз дольше, чем наши. Впрочем, сравнивать трудно, так как не исключено, что у них и у нас время движется с разной скоростью. — Помолчав, он добавил с неохотой: — Этого я и сам хорошенько не понимаю. Это одно из положений теории Эстуолда, а я ее еще толком не изучал.

— Значит, все это открыл Эстуолд?

— Не все, но многое.

— До чего же чудесно, что мы научились получать пищу из той вселенной, — сказала Дуа. — Ведь теперь уже не страшно, что наше солнце умрет. Всю необходимую пищу нам даст та вселенная.

— Именно.

— Но ничего плохого не происходит? У меня такое... такое чувство, что не все хорошо.

— Ну, — сказал Ун, — для того чтобы Позитронный Насос работал, мы передаем вещество то туда, то сюда, и в результате обе вселенные чуть-чуть смешиваются. Наша ядерная сила слегка ослабевает, а потому слияние в нашем солнце немного замедляется и оно остывает быстрее. Но убыстрение это ничтожно мало, а к тому же мы теперь можем обойтись и без Солнца.

— Нет, мое чувство «что-то плохо» не связано с этим. Но, если ядерная сила становится чуточку слабее, значит, атомы начинают занимать больше пространства — верно? А что же произойдет с синтезированием?

— Оно чуть-чуть затруднится, но пройдут миллионы циклов, прежде чем синтезирование станет по настоящему трудным. Не исключено, что придет день, когда оно окажется вовсе невозможным, и Мягкие вымрут. Однако прежде пройдут миллионы и миллионы циклов, а если мы не будем получать пищу из той вселенной, мы все погибнем от голода гораздо раньше.

— Нет, «что-то плохо» я ощущаю не поэтому... — Дуа говорила все медленнее, потом ее голос замер.

Она изгибалась между электродами, и Ун с радостью думал, что она стала заметно больше и плотнее, как

будто его объяснения питали ее не хуже, чем солнечная энергия.

Лостен был прав! Знания приносят ей ощущение полноты жизни! Ун никогда еще не чувствовал в Дуа такой беззаботной упоенности. Она сказала:

— Ун, спасибо тебе, что ты мне все объяснил. Ты — замечательный левник.

— Хочешь, чтобы я продолжал? — польщенно спросил Ун (он был необыкновенно доволен). — Ну так что еще тебя интересует?

— Очень-очень многое. Но только не теперь, Ун. А теперь, Ун, теперь... Ты знаешь, чего я хочу?

Ун понял сразу, но он боялся что-нибудь сказать: слишком редко Дуа сама заговаривала о синтезе, и он боялся спугнуть ее настроение. Если бы Тритт не возился с детьми...

Но Тритт уже был в комнате. Неужели он ждал за дверью?... Но если и так? Сейчас не время думать об этом.

Дуа заструилась из пространства между электродами, и Ун был ошеломлен ее красотой. Теперь она была между ним и Триттом. Сквозь ее дымку Тритт весь мерцал, и его очертания вспыхивали невероятными красками.

Такого еще никогда не бывало. Никогда!

Ун старался продлить это мгновение, но его вещество атом за атомом уже смешивалось с Дуа, с Триттом, и мысли исчезли, растворились в невероятной, невыразимой радости бытия.

Никогда еще со дня возникновения триады период вневременного бессознательного существования не продолжался так долго.

Глава 3в

Тритт был доволен. Он получил от синтеза все, чего хотел. Все прошлые не шли с этим ни в какое сравнение. Мысль о том, что произошло, переполняла его ликованием. Но он молчал. Он чувствовал, что говорить об этом не надо.

Ун и Дуа тоже были счастливы. Он это ощущал. И даже дети так и светились.

Но счастливей всех был он, Тритт, — а как же иначе?

Он слушал разговоры Уна с Дуа и ничего не понимал. Но теперь это не имело больше никакого значения. Его не задевало, что им как будто вполне достаточно друг друга. У него была своя радость, а потому он слушал с удовольствием.

Как-то Дуа сказала:

— Значит, они действительно пытаются вступить в общение с нами?

(Тритт так и не разобрался, что это были за «они», хотя понял, что «вступать в общение» попросту означает «разговаривать». Почему бы так прямо и не сказать? Иногда ему хотелось вмешаться. Но, если он задаст вопрос, Ун ответит только: «Да ну же, Тритт!», а Дуа нетерпеливо заклубится.)

— Несомненно, — ответил Ун. — Жесткие в этом уверены. На веществе, которое мы получаем, иногда есть метки, и Жесткие говорят, что подобные метки вполне могут служить для общения. Сначала Жесткие даже сами использовали метки, чтобы объяснить тем существам, как сконструировать их часть Позитронного Насоса.

— Интересно, а как выглядят те существа? Ты можешь себе это представить?

— Исходя из законов той вселенной, мы можем установить свойства ее звезд, потому что это просто. Но как установить свойства живых существ? Нет, мы никогда не узнаем, какие они.

— А не могли бы они сообщить это?

— Пожалуй... если бы мы понимали, что они сообщают. Но мы не понимаем их меток.

Дуа как будто огорчилась.

— Неужели и Жесткие не понимают?

— Не знаю. Во всяком случае, мне они про это не говорили. Лостен как-то сказал, что совершенно не важно, какие они, лишь бы Позитронный Насос работал и мощность его становилась больше.

— Может быть, у него не было времени и он не хотел, чтобы ты ему мешал?

— Я никогда ему не мешаю, — обиженно ответил Ун.

— Ты ведь понимаешь, что я хотела сказать. Просто ему не хотелось говорить об этом подробно.

Тут Тритт перестал слушать. А они еще долго спорили, надо ли просить Жестких, чтобы Дуа позволили посмотреть на метки. Дуа сказала, что она попробовала бы уловить их смысл.

Тритт даже рассердился. Ведь Дуа — всего только Мягкая, и даже не рационал. Наверно, зря Ун столько ей рассказывает. Она уже воображает себя неведомо кем...

Тритт заметил, что Ун тоже рассердился. Сначала он засмеялся. Потом сказал, что все это слишком сложно для эмоционали. А потом вообще замолчал. И Дуа долго к нему ластилась, а он никак не хотел мириться.

А один раз рассердилась Дуа — просто в бешенство пришла.

Сначала все было очень тихо. Они пустили к себе детей. И Ун позволил им возиться возле него. Даже когда Торун, правуленька, начал его тянуть, он не рассердился, хотя потерял при этом форму самым потешным образом. Но он только смеялся и начал сам менять форму. Верный признак, что он в хорошем настроении. Тритт отдыхал в уголке, и все, что происходило, было ему очень приятно.

Дуа тоже смеялась над бесформенностью Уна и, поддразнивая, заструила свое вещество по его шишкам. А ведь Тритт знал, что ей хорошо известно, какой чувствительной бывает поверхность левых, когда они утрачивают форму овоида.

Дуа говорила:

— Я все думаю, Ун... Если законы той вселенной понемножку переходят к нам через Позитронный Насос, так значит, и наша вселенная по капельке отдает им свои?

Ун охнул от ее прикосновения и отдернулся, но так, чтобы не напугать малышей.

— Если ты хочешь, чтобы я отвечал, так перестань, серединка ты эдакая, — пропыхтел он.

Дуа перестала его щекотать, и он сказал:

— Отличное предположение, Дуа. Ты поразительна! Ну конечно, смешение — двусторонний процесс... Тритт, уведи малышей, хорошо?

Но они уже сами удрали. Да и какие они малыши? Вон какие выросли! Аннис скоро начнет свое образование, а Торун уже оквадратился, как настоящий пестун.

Тритт остался и начал думать о том, что Дуа выглядит очень красивой, когда Ун ведет с ней такие разговоры.

— Но если те законы замедляют реакции в нашем солнце и 'охлаждают его, — сказала Дуа, — значит, наши законы ускоряют реакции в тех солнцах и нагревают их?

— Совершенно верно, Дуа. Ни один рационал не сделал бы более точного вывода.

— И намного нагреваются их солнца?

— Нет. Они становятся чуточку теплее, лишь самую чуточку.

— Но у меня именно тут появляется чувство «что-то плохо», — сказала Дуа.

— Видишь ли, беда в том, что их солнца слишком уж велики. Если наши маленькие солнца остывают чуть быстрее, это никакого значения не имеет. Даже если они вообще погаснут, это не страшно до тех пор, пока у нас есть Позитронный Насос. Но на огромные, колоссальные звезды самое легкое нагревание может подействовать очень сильно. В каждой из этих звезд столько

вещества, что даже самое ничтожное ускорение ядерного слияния заставит ее взорваться.

— Как взорваться? А что тогда будет с людьми?

— С какими людьми?

— С теми, которые живут в той вселенной.

Ун некоторое время недоумевающе смотрел на нее, а потом ответил:

— Я не знаю.

— Ну а что случилось бы, если бы вдруг взорвалось наше солнце?

— Оно не может взорваться.

(Тритт был не в силах понять, отчего они так волнуются. Ну как солнце может взорваться? Дуа словно бы рассердилась, а Ун смутился.)

Дуа сказала:

— Ну а все-таки? У нас тут станет тогда очень горячо?

— Наверное.

— И мы все погибнем, ведь так?

Ун промолчал, а затем сказал с явной досадой:

— Но, Дуа, ведь это не имеет ни малейшего значения! Нашему солнцу взрыв не грозит, и, пожалуйста, не задавай глупых вопросов.

— Ты сам просил меня задавать вопросы, Ун! И это имеет значение, потому что Позитронный Насос может работать только в обеих вселенных сразу. И без них у нас ничего не получится.

Ун внимательно посмотрел на нее:

— Я ведь тебе этого не говорил!

— Но я ощущаю!

— Ты чересчур много ощущаешь, Дуа... — сказал Ун.

И вот тут Дуа начала кричать вне себя от ярости. Тритт никогда еще не видел ее такой.

— Не уклоняйся от темы, Ун! И не замыкайся в себе, не делай вид, будто я полная дура — просто эмоциональ, и больше ничего. Ты сам говорил, что я скорее похожа на рационала, и неужели так трудно сообразить, что Позитронный Насос без тех существ работать не будет? Если люди в той вселенной погибнут, Позитронный Насос остановится, а наше солнце станет еще холоднее, и мы все умрем с голоду. Как по-твоему, имеет это значение или нет?

Ун тоже начал кричать:

— Вот и видно, сколько ты знаешь! Нам нужна их помощь потому, что концентрация энергии очень низка и мы вынуждены обмениваться с ними веществом. Но если то солнце взорвется, возникнет гигантский поток энергии, которого хватит на миллионы циклов. Энергии будет столько, что мы сможем получать ее непосредственно, без передачи вещества. А потому они нам не нужны, и то, что произойдет, не имеет ни малейшего значения...

Они теперь почти соприкасались. Тритт был охвачен ужасом. Он понимал, что должен что-то сказать, развести их в разные стороны, уговорить. Но он все не мог придумать, что бы такое сказать. А потом и придумывать не пришлось.

К их пещере приблизился Жесткий. И не один Жесткий, а целых три. Они что-то говорили, но их невозможно было расслышать.

Тритт пронзительно крикнул:

— Ун, Дуа!

И умолк, весь дрожа. Он с испугом ощутил, что они пришли для того...

И он решил уйти.

Но один из Жестких протянул свой постоянный непрозрачный протуберанец и сказал:

— Останься.

Он говорил резко, неласково, и Тритт испугался еще больше.

Глава 4а

Дуа пылала гневом. Он так ее переполнял, что она была буквально не в состоянии ощутить присутствие Жестких. Гнев слагался из отдельных элементов, и каждый элемент сам по себе пронизывал ее всю целиком: Ун хотел ей солгать; целый мир людей обречен на гибель; она так легко усваивает знания, а ей не давали учиться. Каждое из этих ощущений говорило о чем-то неправильном и плохом, и каждое это ощущение было невыносимо.

После того раза, когда ей пришлось спрятаться в камне, она еще дважды побывала в Жестких пещерах. Дважды, никем не замеченная, она погружалась в камень и каждый раз улавливала что-то и понимала. А потом, когда Ун начинал ей объяснять, она заранее знала, каким будет это объяснение.

Так почему Жесткие не стали учить ее, как они учили Уна? Почему они занимаются только с рационалами? Или у нее есть эта способность потому лишь, что она — «олевелая эм», плохая середина триады? Ну и тем более пусть учат, раз она такая. А оставлять ее без знаний плохо и неправильно.

В конце концов она все-таки начала улавливать слова Жесткого. Она увидела Лостена, но говорил не он, а незнакомый Жесткий, который стоял впереди. Она его не знала, — но ведь кого из них она знает? Этот Жесткий спросил:

— Кто из вас недавно был в нижних пещерах? В Жестких пещерах, как вы их называете?

Дуа не ощутила ничего, кроме возмущения. Они узнали про ее камнеедство, а ей все равно! Пусть

рассказывают всем, кому хотят. Да она и сама им скажет!

— Я бывала. Много раз.

— Одна? — спокойно спросил Жесткий.

— Одна. Много-много раз! — выкрикнула Дуа. (Была она там всего три раза, но разве сейчас время считать!)

— Ну и, конечно, я постоянно бываю в нижних пещерах, — пробормотал Ун.

Жесткий не стал его слушать, а повернулся к Тритту и сказал резко:

— А ты, правый?

Тритт пошел рябью.

— Бывал, Жесткий-ру.

— Один?

— Да, Жесткий-ру.

— Часто?

— Всего раз.

Дуа почувствовала досаду. Бедняга Тритт перепугался совершенно напрасно. Ведь это делала она, и она сумеет постоять за себя.

— Он тут ни при чем, — сказала она. — Этим занималась я.

Жесткий неторопливо повернулся к ней.

— Чем? — спросил он.

— Ну... тем, — когда настал решительный момент, у нее все-таки не хватило твердости прямо сказать, чем она занималась. Нет, только не при Уне!

— Хорошо, мы поговорим и с тобой. Но сначала все-таки ответь мне, правый... Тебя зовут Тритт, не так ли? Так зачем ты отправился один в нижние пещеры?

— Поговорить с Жестким, которого зовут Эстуолд, Жесткий-ру.

Тут Дуа, не выдержав, снова вмешалась:

— Это вы Эстуолд?

— Нет, — коротко ответил Жесткий.

Ун недовольно сморщился, словно он смутился оттого, что она не узнала Жесткого. Но ей было все равно! А Жесткий спросил у Тритта:

— Что ты унес из Жестких пещер?

Тритт не ответил.

Жесткий сказал, не излучая никакого чувства:

— Мы знаем, что ты кое-что взял. Но мы хотим выяснить, знал ли ты, что берешь. Это ведь могло кончиться очень плохо.

Тритт продолжал молчать, но тут вмешался Лостен и ласково попросил:

— Пожалуйста, ответь, Тритт. Мы знаем теперь, что это был ты, а нам не хотелось бы прибегать к строгости.

— Я взял питательный шар, — промямлил Тритт.

— А-а! — Это снова заговорил первый Жесткий. — И что же ты с ним сделал?

И тут Тритт не выдержал.

— Я взял его для Дуа, — бормотал он. — Она не хотела есть. Я взял его для Дуа.

Дуа подскочила и закоалесцировала от удивления.

Жесткий тут же повернулся к ней.

— Ты об этом знала?

— Нет.

— А ты? — обратился он к Уну.

Ун стоял неподвижно, как замороженный. Он ответил:

— Нет, Жесткий-ру.

Несколько мгновений воздух дрожал от неприятных вибраций: Жесткие разговаривали между собой, словно не замечая триады.

То ли периоды камнеедства обострили ее восприимчивость, то ли этому способствовал недавний взрыв гнева, — Дуа не знала, в чем тут было дело, и не хотела в этом разбираться, но, как бы то ни было, она улавливала смысл... Нет, не слов, а общего хода их разговора...

Они заметили пропажу некоторое время назад. Поиски они начали, не поднимая шума. И лишь с большой неохотой пришли к выводу, что виновниками должны быть Мягкие. В результате расследования они сосредоточили внимание на триаде Уна — с еще большей неохотой. (Почему? Дуа не сумела уловить причину этой неохоты.) По их мнению, ни Ун, ни Дуа виновниками быть не могли. Ун просто не сделал бы такой глупости. Подозревать Дуа было бы нелепо. Ну а о Тритте они даже думать не стали.

Затем третий Жесткий (тот, который пока ни к кому из триады не обращался) припомнил, что как-то видел Тритта в Жестких пещерах («Верно!» — подумала Дуа.

В тот самый день, когда она впервые забралась в камень. Она же тогда ощутила присутствие Тритта. Но только она совсем про это забыла.)

Однако подобное предположение выглядело настолько невероятным, что они пришли сюда только после того, как все остальные поиски ничего не дали, а дальнейшее промедление могло привести к серьезным последствиям. Они были бы рады посоветоваться с Эстуолдом, но, когда подозрение пало на Тритта, Эстуолда с ними уже не было.

Все это Дуа восприняла за единый миг и уставилась на Тритта с удивлением и злостью.

Лостен обеспокоенно провибрировал, что все обошлось благополучно, что у Дуа прекрасный вид и что это можно считать полезным экспериментом. Жесткий, с которым Тритт разговаривал в Пещере, соглашался с Лостеном, но третий все еще излучал озабоченность.

Впрочем, Дуа уже не следила за ними с прежним вниманием. Она смотрела на Тритта.

Первый из Жестких спросил:

— Тритт, а где сейчас питательный шар?

Тритт показал им.

Шар был спрятан очень надежно, а проводники, хотя и выглядели неказисто, вполне отвечали своему назначению.

Жесткий спросил:

— Ты сам все это сделал, Тритт?

— Да, Жесткий-ру.

— А откуда ты знал, что надо делать?

— Я поглядел, как это было устроено в Жестких пещерах. И сделал все точно так же, как было там.

— А ты не подумал, что можешь причинить вред своей середине?

— Я ей не повредил! Я ни за что не стал бы делать ей плохо. Я... — Тритт как будто на мгновение потерял дар речи, а потом сказал: — Я не хотел делать ей плохо. Я думал о том, чтобы ее накормить. Я сделал так, чтобы пища текла в кормильник, а кормильник я украсил. Я хотел, чтобы она начала есть. И она начала есть! В первый раз за долгое-долгое время она поела досыта. И мы синтезировались, — он умолк, а потом страстно выкрикнул: — И у нее наконец достало энергии взрос-

тить крошку-эмоциональ. Она сгустила почку из Уна и отдала ее мне. И почка теперь растет у меня в сумке. У меня в сумке растет крошка-эмоциональ!

Дуа не могла говорить. Она откинулась назад и устремила к двери так беспорядочно, что Жесткие не успели ее отстранить. Она ударилась о протуберанец того, кто стоял впереди, пронизала его насквозь и вырвалась с резким звуком.

Протуберанец бессильно повис, а Жесткий излучил сильнейшую боль. Ун хотел было обогнуть его и догнать Дуа, но Жесткий сказал, хотя это и далось ему с большим трудом.

— Оставь ее. И так уже допущено слишком много ошибок. Мы примем меры.

Глава 46

У ну казалось, что все происходит в каком-то кошмаре. Дуа исчезла. Жесткие ушли. Остался только Тритт. Но Тритт молчал.

«Как все это могло случиться? — мучительно думал Ун. — Как мог Тритт один найти дорогу в Жесткие пещеры? Как мог он взять аккумулятор, заряженный Позитронным Насосом и хранящий энергию гораздо более высокой концентрации, чем солнечный свет? Как он мог рискнуть...»

Сам Ун никогда на это не решился бы! Так как же смог это сделать Тритт, неуклюжий, невежественный Тритт? Или и он незауряден? Ун — умнейший рационал, Дуа — любознательная эмоциональ, а Тритт — предприимчивый и смелый пестун?

Он сказал:

— Тритт, как ты мог?

— А что я такого сделал? — горячо возразил Тритт. — Я накормил ее. Накормил досыта, как она никогда еще не ела. И мы наконец взрастили крошку-эмоциональ. Мы ведь и без того ждали слишком долго. А если бы мы стали дожидаться, пока Дуа сама накопит энергию, так не дождались бы этого и до перехода.

— Но разве ты не понимаешь, Тритт? Ты мог причинить ей вред. Это ведь не обычный солнечный свет, а экспериментальный источник энергии, возможно, настолько концентрированной, что она не годится для прямого употребления.

— Я не понимаю того, что ты говоришь, Ун. Какой вред? Я пробовал пищу, которую Жесткие готовят раньше. У нее был плохой вкус. Ты ведь тоже

пробовал. Вкус у нее был очень противный, и все-таки никакого вреда она нам не причиняла. Из-за ее мерзкого вкуса Дуа и прикоснуться к ней не пожелала. А потом я нашел питательный шар. У него был хороший вкус. Я сам поел, и вкус был очень приятный. А как может приятное причинять вред? И ведь Дуа ела, ты сам видел. Ей понравилось. И энергии хватило на крошку-эмоциональ. Так что же я сделал плохого?

Ун больше не пытался объяснять. Он сказал только:

— Дуа очень рассердилась.

— Ничего, пройдет.

— Не знаю. Послушай, Тритт, она ведь не похожа на остальных эмоционалей. Поэтому с ней так трудно ладить, но поэтому же она умеет сделать жизнь такой полной и прекрасной. А теперь неизвестно, согласится ли она еще когда-нибудь синтезироваться.

Все грани Тритта были четкими и прямыми. Он сказал:

— Ну и что?

— Как — «ну и что»? Уж от тебя-то я ждал таких слов меньше всего. Или ты не хочешь больше синтезироваться?

— Нет, почему же. Но если она не захочет, то пусть. Я получил мою третью крошку, и мне теперь все равно. Я, конечно, знаю, что в прежние времена Мягкие иногда повторяли все рождения во второй раз. Но мне все равно. С меня хватит и наших троих детей.

— Но, Тритт, значение синтеза не исчерпывается только детьми.

— Разве? Да, я помню, ты как-то говорил, что после синтеза быстрее приобретаешь знания. Ну так приобретай их медленнее. Мне все равно. Я получил мою третью крошку.

Ун отвернулся, весь дрожа, и рывками заструился из комнаты. Какой смысл бранить Тритта? Он все равно не поймет. Да и он сам — действительно ли он понимает?

Как только третья крошка отпочкуется и немного подрастет, нужно ждать времени перехода. И сигнал подаст он. Он должен будет сказать, когда наступит пора перехода, а переходить надо без страха. Иначе — позор или что-то даже еще хуже. Но без синтезирования — откуда ему взять решимость? Даже теперь, ког-

да возвращены все трое детей? Синтезирование каким-то образом должно уничтожить страх. Быть может, потому что синтезирование само похоже на переход. Сознание на какой-то срок отключается, однако ничего плохого не происходит. Словно ты и не существуешь вовсе, и все-таки это отвечает какой-то глубочайшей потребности. Синтезирование поможет ему набраться храбрости, чтобы встретить переход без страха и без...

О солнце и все прочие звезды! Ведь это же никакой не «переход»! К чему такая велеречивость? Он знает другое слово, которое, правда, употребляют только дети, чтобы подразнить старших. И это слово — «умереть». Они не переходят, они умирают. И он должен приготовиться к тому, чтобы умереть без страха, чтобы Дуа и Тритт умерли вместе с ним.

А он не знает как... И без синтеза не сможет...

Глава 4в

Тритт остался в комнате один. Ему было страшно, так страшно! Но он твердо решил не показывать вида. Он получил свою третью крошку. Он чувствует ее в сумке. Вот сейчас.

Только это и важно.

Только это одно и важно.

Но тогда почему же где-то в самой глубине прячется упрямое смутное ощущение, что важно не только это?

Глава 5а

Дуа испытывала нестерпимый стыд. Прошло очень много времени, прежде чем ей наконец удалось справиться с собой настолько, чтобы собраться с мыслями. Сначала она хотела только одного: уйти как можно дальше и как можно скорее от пещеры, которая стала для нее отвратительной. И она мчалась, мчалась, сама не зная куда, не разбирая дороги, не замечая ничего по сторонам.

По ночам порядочные Мягкие не поднимаются на поверхность — на это не решится ни одна даже самая взбалмошная эмоциональ. А сейчас была ночь. И Дуа с чем-то похожим на радость подумала, что солнце взойдет еще не скоро. Ведь Солнце означало пищу, а теперь — после того что с ней сделали, — при одной мысли о пище она ощущала ненависть и омерзение.

На поверхности было холодно, но Дуа почти не замечала этого. Да и ей ли бояться холода, думала она, после того как ее раскормили, чтобы она выполнила свое назначение — раскормили и тело, и сознание! Нет, теперь голод и холод — ее единственные друзья.

Тритта она видела насквозь. Бедняга, его так легко понять! Все его действия подчиняются только врожденным инстинктам, и он даже заслуживает похвалы за мужество, с каким следовал велениям этих инстинктов. Он так смело унес из Жестких пещер питательный шар. (И она, она сама ощутила тогда его присутствие и, конечно, поняла бы, что он затеял, но только Тритт, ошеломленный собственной дерзостью, совсем перестал думать. А ее восприятие было притуплено — ведь ее тоже ошеломили дерзость того, что она сделала, и

новые ощущения, которые ей открылись. Вот почему она, как выяснилось теперь, не заметила самого важного!)

Тритт принес этот шар домой и соорудил нелепую ловушку, старательно украсив кормильник, чтобы подманить ее. А она вернулась, остро сознавая свою разреженность, стыдясь ее, жалея Тритта. И от стыда, от жалости она уступила, она поела... и помогла взрастить эмоциональ.

После этого единственного раза, как и прежде, ела очень мало и больше не пользовалась кормильником. У нее просто не было желания, а Тритт не настаивал. У него был довольный вид (еще бы!), и она перестала чувствовать себя виноватой. А питательный шар Тритт так и оставил в тайнике. Он, наверное, побоялся отнести его обратно. Своего он добился и проще было не трогать шар и поскорее забыть про его существование.

...Пока его не изобличили.

Но умный Ун, разгадав план Тритта, конечно, заметил, что к электродам что-то подключено, и, конечно, понял — зачем. Разумеется, Тритту он ничего не сказал, — ведь это только смутило бы и напугало бедного правника, а Ун всегда заботливо оберегал Тритта от всех неприятностей.

Да и зачем ему было что-то говорить? Он и без этого сумел сделать все необходимое, чтобы глупая затея Тритта принесла нужные результаты.

Пора отказаться от иллюзий и посмотреть правде в глаза. Она, конечно, заметила бы вкус питательного шара, уловила бы его особую терпкость, осознала бы, что перенасыщается, не испытывая даже легкой сытости, — если бы Ун не отвлекал ее разговорами!

Они действовали против нее вдвоем, пусть даже Тритт этого и не подозревал. Но она! Как она могла не заметить фальши, когда Ун вдруг превратился во внимательного наставника и начал с такой охотой отвечать на все ее вопросы? Как могла она не заметить его тайных побуждений? Да, она была им нужна, но лишь как средство для завершения новой триады, а сама она для них — ничто.

Ну ладно же...

Тут Дуа вдруг ощутила, насколько она устала, и поспешила забраться в узкую расселину, чтобы спря-

таться от пронзительного холодного ветра. Две из семи звезд оказались в поле ее зрения, и она рассеянно смотрела на них, занимая свои внешние чувства пустяками, чтобы полнее сосредоточиться на внутренних мыслях.

У нее больше нет иллюзий.

— Меня предали, — бормотала она. — Предали!

Неужели Ун и Тритт неспособны видеть ничего, кроме самих себя?

Тритт, конечно, так уж устроен, что готов хоть весь мир обречь на гибель, лишь бы получить своих крошек. В нем говорит только инстинкт. Но Ун?

Ун мыслит. Так неужели ради возможности мыслить он согласен спокойно принести в жертву все остальное? Неужели все, что создает разум, служит лишь тому, чтобы оправдывать его же собственное существование, а прочее не имеет для него никакой цены? Эстуолд сконструировал Позитронный Насос, — но разве можно использовать его, не задумываясь, подчиняя ему само существование мира, и Жестких, и Мягких, ставя их в зависимость от обитателей той вселенной? А что если те остановят его, что если мир останется без Позитронного Насоса после того, как он успеет остудить солнце?

Но нет. Те люди его не остановят. Их убедили воспользоваться Насосом, так убедят пользоваться им и дальше, до тех самых пор, пока они не погибнут, а тогда рационалы, и Жесткие, и Мягкие, перестанут в них нуждаться.

Вот как она, Дуа, теперь, когда она перестала быть нужна, должна будет перейти — иначе говоря, погибнуть.

И ее, и тех людей одинаково предали.

Незаметно для себя она все глубже и глубже погружалась в камень. Она уже не видела звезд, не ощущала ветра, не сознавала окружающего. Она превратилась в чистую мысль.

Эстуолд — вот кого она ненавидит! Олицетворение эгоизма и жестокости. Он изобрел Позитронный Насос и готов спокойно уничтожить целый мир, населенный, быть может, тысячами, а то и десятками тысяч разумных существ. Он настолько замкнут в себе, что никогда

нигде не показывается, и обладает такой силой, что даже другие Жесткие его как будто боятся.

Ну а она вступит с ним в борьбу. Она принудит его остановиться!

Люди той вселенной помогли установить Позитронный Насос после того, как с ними был налажен контакт с помощью меток. Об этом говорил Ун. Где хранятся эти метки? Какие они? Нельзя ли использовать их для новых контактов?

Удивительно, как ясны ее мысли. Поразительно. И какой жгучее наслаждение — использовать мысль, чтобы взять верх над безжалостными служителями мысли!

Помешать ей они не смогут. Ведь она способна проникать туда, куда ни один Жесткий, ни один рационал, ни один пестун проникнуть не смогут, а ни одна эмоциональ не посмеет.

Возможно, когда-нибудь они ее все-таки поймают, но ей все равно. Она будет добиваться своего любой ценой — да, любой! Пусть даже ей придется прятаться в камне, жить в камне, обшаривать Жесткие пещеры, воровать пищу из аккумуляторов, если у нее не останется другого выхода, или впитывать солнечный свет на поверхности, скрываясь среди других эмоционалей.

Она преподаст им всем хороший урок, а потом пусть делают с ней, что хотят. Тогда они даже будет готова перейти... тогда, но не раньше!

Глава 56

У н присутствовал при отпoczynании новой крошки-эмоционали, безупречной во всех отношениях, но не испытал никакого восторга. Даже Тритт, который заботился о ней со всем пестунским тщанием, выглядел каким-то притихшим.

Миновало уже много дней, и Уну начинало казаться, что Дуа исчезла навсегда. Нет, она не перешла. Мягкий может перейти только вместе с остальными двумя членами триады. Но с ними ее не было. Словно она перешла, не переходя.

С тех пор как она умчалась, узнав, что помогла взрастить новую крошку, он видел ее один раз. Всего один раз. И это было уже давно.

Он тогда поднялся на поверхность в нелепой надежде отыскать ее и наткнулся на скопление эмоционалей. Они захихикали (рационал, прогуливающийся возле скопления эмоционалей, — это такая редкость!) и кокетливо истончились (дуры!), только чтобы продемонстрировать свою эмоциональность.

Ун испытывал к ним безразличное презрение, и ни один из его ровных изгибов даже не замерцал. Он сразу начал думать о Дуа — о том, как она непохожа на них. Дуа никогда не истончалась просто так, из желания быть привлекательной, и потому была особенно привлекательна. И, конечно, если бы она принудила себя присоединиться к скоплению дурочек, ее сразу можно было бы узнать, потому что она не только не истончилась бы, а, наоборот, уплотнилась — наперекор остальным.

Ун обвел взглядом нежащихся на солнце эмоционалей и увидел, что одна из них действительно осталась плотной.

Он повернулся и кинулся к ней, не обращая внимания на пронзительные вопли остальных эмоционалей, которые шарахались от него, матово клубились и взвизгивали, опасаясь слипнуться друг с другом, — что если такое случится на глазах у всех, да еще в присутствии чужого рационала!

Это действительно была Дуа. Она не попыталась скрыться, а спокойно осталась на месте.

«Дуа, — сказал он робко, — когда ты вернешься домой?»

«У меня нет дома, Ун», — ответила она. Без гнева, без ненависти, отчего ему стало совсем страшно.

«Дуа, как ты можешь сердиться на Тритта за его поступок? Ты же знаешь, что бедняга не умеет думать».

«Но ты-то умеешь, Ун! И ты отвлекал мое сознание, пока он старался перекармливать мое тело, ведь так? Твое умение думать подсказало тебе, что ты скорее сумеешь поймать меня в ловушку, чем он».

«Нет, Дуа! Нет!»

«Что — нет? Разве ты не притворялся, будто хочешь учить меня, делиться со мной знаниями?»

«Да, но я не притворялся. Я на самом деле этого хотел. И вовсе не из-за того, что устроил Тритт. Про его затею я ничего не знал».

«Не верю!»

Она неторопливо заструилась прочь. Он последовал за ней. Теперь они были совсем одни среди багровых отблесков солнца.

Дуа повернулась к нему.

«Разреши задать тебе один вопрос, Ун. Почему ты хотел учить меня?»

«Потому что хотел. Потому что мне нравится учить, потому что это мне интереснее всего на свете. Не считая того, чтобы учиться самому, конечно».

«И еще синтезироваться... Но неважно, — добавила она, предупреждая его возражения. — Не объясняй, что ты имеешь в виду сознание, а не инстинкт. Если ты сказал правду, что тебе нравится учить, если я все-таки

могу верить твоим словам, может быть, ты сумеешь понять то, что я тебе сейчас скажу.

С тех пор как я рассталась с вами, Ун, я узнала очень много. Каким образом — не имеет значения. Но это так. И я теперь эмоциональ только физически. А во всем, что по-настоящему важно, я рационал, хотя мне хотелось бы верить, что чувствовать я умею лучше остальных рационалов. И среди многого другого, Ун, я узнала, что мы такое, — и ты, и я, и Тритт, и все прочие триады на планете. Я узнала, что мы такое и чем были всегда».

«А именно?» — спросил Ун. Он был готов покорно слушать столько времени, сколько ей захочется, лишь бы она потом вернулась с ним домой. Он вытерпит любое испытание, сделает все, что от него может потребоваться. Но она должна вернуться... и что-то неясное, смутное внутри него говорило, что вернуться она должна добровольно.

«Что мы такое, Ун? Да, в сущности, ничего, — ответила она равнодушным голосом, почти со смехом. — Странно, правда? Жесткие — единственный вид по-настоящему живых существ на планете. Разве они тебя этому не учили? Да, по-настоящему живы только они одни, потому что и ты, и я, и все Мягкие — не живые существа. Мы — машины, Ун. Это так, и потому-то живыми можно назвать только Жестких. Неужели они тебя этому не учили, Ун?»

«Дуа, это вздор», — ошеломленно пробормотал Ун. Голос Дуа стал более резким.

«Да, машины, Ун! Машины, которые Жесткие сначала собирают, а потом уничтожают. Живут только они — Жесткие. Только они. Про это они почти не разговаривают. Зачем? Они ведь и так знают. Но я научилась думать, Ун, и вывела правду из отдельных намеков. Они живут чрезвычайно долго, но в конце концов все же умирают. Теперь они уже не в состоянии иметь детей — Солнце дает для этого слишком мало энергии. И хотя умирают они редко, детей у них нет, и их число очень медленно, но сокращается. И у них нет молодежи, которая создавала бы новое, порождала бы новые мысли, а потому старые, живущие долго-долго Жесткие томятся от скуки. И что же они, по-твоему, делают, Ун?»

«Что?» — невольно спросил Ун с ужасом, к которому примешивался виноватый интерес.

«Они конструируют механических детей, которых можно учить. Ты же сам сказал, что тебе ничего не надо, — только учить, и учиться самому, и, может быть, еще синтезироваться. Рационалы созданы по образу сознания Жестких. Жесткие не синтезируются, учиться самим им очень трудно, потому что они и так уже знают невероятно много. Так какое же удовольствие им остается? Только учить. И рационалы создаются лишь для одной цели, — чтобы их можно было учить. Эмоционалы и пестуны создаются как необходимые части самовозобновляющихся машин, которые изготавливают новых рационалов. А новые рационалы требуются постоянно, потому что старые становятся ненужными, едва их научат всему, чему можно научить. Когда старые рационалы вбирают в себя все, что могут, они уничтожаются, но их позаботились заранее утешить сказочкой о том, будто они «переходят». И с ними, разумеется, переходят эмоционалы и пестуны. Ведь после того как они способствовали появлению материала для новой триады, от них больше нет никакой пользы.

«Дуа, это невероятно», — с трудом выговорил Ун.

У него не было доводов, чтобы опровергнуть ее бредовую систему, но он был непоколебимо убежден, что она ошибается. Однако где-то глубоко внутри он ощутил щемящее сомнение: а вдруг это убеждение просто привито ему? Нет, не может быть. Ведь тогда бы и Дуа носила в себе такое же убеждение... Или она потому и отличается от других эмоционалей, что ее изготовили небрежно?.. О чем он думает! Нет, он такой же сумасшедший, как она.

«Ты как будто взволнован, Ун? Так ли уж ты абсолютно уверен, что я ошибаюсь? Ну конечно, теперь у них есть Позитронный Насос, и они будут получать столько энергии, сколько им может потребоваться. Если не сейчас, так в недалеком будущем. Скоро у них опять появятся дети. Если уже не появились. Надобность в Мягких машинах отпадет, и мы все будем уничтожены... Ах, прошу прощения! Мы все перейдем».

«Нет, Дуа! — категорически сказал Ун, стараясь образумить не столько ее, сколько себя. — Не знаю,

откуда ты набралась этих идей, но Жесткие — не такие. Нас не уничтожают».

«Не обманывай себя, Ун. Они именно такие. Ради своей пользы они готовы уничтожить мир тех людей — целую вселенную, если понадобится. Так неужели они поколеблются уничтожить горстку Мягких, которые им не нужны? Но они допустили один просчет. Каким-то образом произошла путаница, и сознание рационала попало в тело эмоционали. Я ведь «олевелая эм», тебе это известно? Меня так дразнили в детстве. Но я действительно «олевелая эм». Я способна мыслить, как рационал, и я способна чувствовать, как эмоциональ. И я воспользуюсь своими особенностями, чтобы бороться с Жесткими».

Ун не знал, что делать. Конечно, Дуа обезумела, но сказать ей об этом он не решался. Ее необходимо уговорить, чтобы она вернулась с ним. Он сказал убежденно:

«Дуа, когда мы переходим, нас не уничтожают».

«Да? Ну а что же случается?»

«Я... я не знаю. По-моему, мы переходим в другой мир, более прекрасный и счастливый, и становимся... становимся... Ну, много лучше, чем мы сейчас».

Дуа рассмеялась.

«Где ты это слышал? Это тебе Жесткие рассказали?»

«Нет, Дуа. В этом меня убеждают мои собственные мысли. Я очень много думал, после того как ты нас покинула».

«Ну так думай меньше и не будешь так глуп, — сказала Дуа. — Бедный Ун! Прощай же».

И она заструилась прочь, совсем разреженная. Она казалась очень усталой.

«Подожди, Дуа! — крикнул Ун ей вслед. — Неужели ты не хочешь увидеть свою крошку-серединку?»

Она не ответила.

«Когда ты вернешься домой?»

Она продолжала молчать.

Он не стал ее преследовать и только с тоской смотрел, как она исчезает вдали.

Ун не сказал Тритту о том, что встретил Дуа. Зачем? Больше с тех пор он ее не видел. Он завел привычку бродить возле тех мест, где любили питаться эмоциона-

ли, и отправлялся туда снова и снова, хотя нередко замечал, что вслед за ним на поверхность выбираются пестуны и глядят на него с тупым подозрением. (По сравнению с большинством пестунов Тритт казался интеллектуальным гигантом.)

Отсутствие Дуа с каждым днем отзывалось внутри его все более мучительно. И с каждым проходящим днем внутри него рос странный безотчетный страх, как-то связанный с ее отсутствием. Но в чем тут было дело, он не понимал.

Как-то, вернувшись в пещеру, он застал там Лостена, который дожидался его. Лостен вежливо и внимательно слушал Тритта, который показывал ему новую крошку, всячески стараясь, чтобы этот легкий клочок дымки не прикоснулся к Жесткому.

— Да, она прелестна, Тритт, — сказал Лостен. — Так ее зовут Дерала?

— Дерола, — поправил Тритт. — Я не знаю, когда вернется Ун. Он теперь всегда где-то бродит...

— Я здесь, Лостен, — торопливо сказал Ун. — Тритт, унес крошку, будь так добр.

Тритт унес Деролу, а Лостен с явным облегчением обернулся к Уну и сказал:

— Вероятно, ты очень счастлив, что триада завершена.

Ун попытался что-то вежливо ответить, но ничего не придумал и продолжал уныло молчать. Одно время он чувствовал, что между ним и Жесткими возникло нечто вроде дружбы, он ощущал себя в чем-то равным им и разговаривал с ними свободно и просто. Но безумие Дуа все омрачило и испортило. Ун знал, что она ошибается, и все-таки сейчас он почувствовал в присутствии Лостена ту же скованность, которую испытывал в давно прошедшие дни, когда считал, что стоит неизмеримо ниже их, как... словно... машина?

— Ты видел Дуа? — спросил Лостен. Это был настоящий вопрос, а не вежливое начало беседы.

— Всего один раз, Жес... — (он чуть было не сказал «Жесткий-ру», словно ребенок или пестун!) — Всего один раз, Лостен. Она не хочет возвращаться домой.

— Она должна вернуться, — негромко сказал Лостен.

— Я не знаю, как это устроить.

Лостен хмуро посмотрел на него.

— Тебе известно, что она делает?

Ун не осмеливался поднять на него глаза. Может быть, Лостен узнал про сумасшедшие теории Дуа? Как он в этом случае поступит?

И Ун ничего не ответил, ограничившись отрицательным жестом.

— Она ведь совершенно необычная эмоциональ, — сказал Лостен. — Ты это знаешь, Ун, не так ли?

— Да, — вздохнул Ун.

— Как и ты — на свой лад, и как Тритт — на свой. Не думаю, что в мире найдется еще один пестун, у которого хватило бы смелости и предприимчивости, чтобы стащить аккумулятор, или сметки, чтобы использовать его так, как использовал Тритт. Вы трое составляете такую необычную триаду, каких, насколько мы можем судить, еще не было.

— Благодарю тебя.

— Но оказалось, что такая триада таит в себе неприятные неожиданности, которых мы не предвидели. Мы хотели, чтобы ты учил Дуа, рассчитывая, что это наиболее мягкий и действенный способ подтолкнуть ее на добровольное выполнение той функции, которую она должна выполнить. Но мы не предвидели, что Тритту вздумается совершать столь самоотверженный поступок, а также, если сказать правду, совершенно не ожидали, что неизбежная гибель той вселенной подействует на Дуа таким странным образом.

— Мне следовало бы осторожнее отвечать на ее вопросы, — тоскливо ответил Ун.

— Это не помогло бы. Она умеет сама узнавать то, что ее интересует. А мы и этого не предвидели. Ун, мне очень грустно, но я обязан сказать тебе следующее: Дуа теперь представляет собой смертельную опасность. Она пытается остановить Позитронный Насос.

— Но ей с этим не справиться! Она не может до него добраться, а кроме того, у нее нет необходимых знаний.

— Добраться до него она может без труда... — Лостен нерешительно помолчал. — Она прячется в коренных породах, где мы ее не можем достать.

Ун не сразу понял смысл этих слов. Он растерянно пробормотал:

— Ни одна взрослая эмоциональ никогда... Дуа ни за что...

— Нет, это так. Не трать времени на бесплодные возражения... Она способна проникнуть в любую пещеру. От нее ничего нельзя скрыть. Она изучила метки, которые мы получали из той вселенной. У нас нет прямых доказательств, но иначе никак нельзя объяснить то, что происходит.

— А-а-а! — Ун раскачивался взад и вперед, и вся его поверхность помутнела от стыда и горя. — И Эстуолд знает об этом?

— Пока еще нет, но со временем несомненно узнает, — угрюмо сказал Лостен.

— Зачем ей понадобились эти метки?

— Она старается найти способ послать сообщение в ту вселенную.

— Но она же не умеет ни переводить, ни передавать.

— Она учится и тому и другому. Об этих метках она знает даже больше самого Эстуолда. Она — крайне опасное явление: эмоциональ, которая способна мыслить и вышла из-под контроля.

Ун вздрогнул. Вышла из-под контроля? Словно речь идет о машине!

— Но ведь это не может быть настолько уж опасно! — сказал он.

— К сожалению, может. Она передала одно сообщение и, боюсь, она советует тем существам, чтобы они остановили их часть Позитронного Насоса. Если они его остановят до того, как взорвется Солнце, мы тут ничего сделать не сможем.

— Но ведь тогда...

— Ей необходимо помешать, Ун.

— Но... но как? Вы намерены взорвать... — его голос пресекся.

Ему смутно припомнилось, что у Жестких есть какие-то приспособления для высверливания пещер в коренных породах, — приспособления, которые перестали применяться с тех пор, как сотни циклов тому назад численность мирового населения начала сокращаться. Что если Жесткие решили найти Дуа в глубине камня и взорвать его вместе с ней?

— Нет! — категорически сказал Лостен. — Мы не способны причинить Дуа вред.

— Эстуолд мог бы...

— Эстуолд тоже не способен причинить ей вред.

— Так что же делать?

— Все зависит от тебя, Ун. От тебя одного. Мы бессильны, и нам остается только рассчитывать на тебя.

— На меня? Но что я могу?

— Думай об этом, — настойчиво сказал Лостен. — Думай!

— Но о чем?

— Больше я тебе ничего не имею права сказать, — ответил Лостен страдальчески. — Думай! Времени остается так мало.

Он повернулся и ушел — с быстротой, необычной для Жестких. Он торопился так, словно не доверял себе и опасался сказать что-то лишнее.

Ун беспомощно смотрел ему вслед, охваченный смятением и ужасом.

Глава 5в

У Тритта было много дел. Крошки всегда требуют забот, но даже два юных левых и два юных правых, взятые вместе, вряд ли могли бы причинить столько забот, сколько одна крошка-серединка, да к тому же серединка такая безупречная, как Дерола. Нужно было следить, чтобы она проделывала все упражнения, успокаивать ее, не давать ей забираться во все, с чем она соприкасалась, улещать и утоваривать, чтобы она сгустилась и отдохнула.

Он даже не замечал, что уже очень давно не видит Уна, — впрочем, ему было все равно. Для него теперь не существовало никого, кроме Деролы. А потом вдруг он увидел Уна в углу его собственной ниши. Ун радужно переливался от напряженных мыслей. Тут Тритт вдруг вспомнил и спросил:

— Лостен сердился из-за Дуа?

Ун вздрогнул и очнулся.

— Лостен?.. Да, он очень сердился. Дуа причиняет большой вред.

— Ей надо вернуться домой, правда?

Ун пристально посмотрел на Тритта.

— Тритт, — сказал он, — мы должны убедить Дуа, чтобы она вернулась домой. Но прежде ее надо отыскать. Ты можешь это сделать. Ведь у нас новая крошка, и поэтому твоя пестунская восприимчивость снова обострилась. Используй ее, чтобы найти Дуа.

— Нет, — возмущенно и растерянно сказал Тритт. — Она для Деролы. И не годится тратить ее на то, чтобы искать Дуа. А кроме того, раз Дуа не возвращается, когда она так нужна нашей крошке-серединке... и ведь

она сама была прежде крошкой-серединкой! — то мы должны научиться жить без нее, и все тут.

— Тритт, разве ты не хочешь больше синтезироваться?

— Новая триада завершена.

— Но синтезирование этим не исчерпывается.

— А где искать Дуа? — спросил Тритт. — Я нужен крошке Дероле. Она еще совсем маленькая. Я не могу оставить ее без присмотра.

— Жесткие позаботятся, чтобы с Деролой ничего не случилось. А мы с тобой пойдем в Жесткие пещеры и отыщем Дуа.

Тритт обдумал эти слова. Ему было все равно, есть Дуа или нет. И почему-то ему даже было почти все равно, есть ли Ун или нет. Важнее всего Дерола. И он сказал:

— Как-нибудь сходим. Когда Дерола подрастет. А раньше нельзя.

— Тритт, — настойчиво сказал Ун. — Мы должны найти Дуа, а не то... А не то у нас отнимут крошек.

— Кто отнимет? — спросил Тритт.

— Жесткие.

Тритт молчал. Ему нечего было сказать. Он ни разу не слышал ни о чем подобном. И не мог даже представить себе, что это возможно. А Ун говорил:

— Тритт, нам пора переходить. И теперь я знаю — почему. Я думал об этом все время после того, как Лостен... Но неважно. Дуа и ты — вы тоже должны перейти. Теперь, когда я понял почему, ты почувствуешь, что должен перейти. И я надеюсь... я верю, Дуа тоже почувствует, что она должна перейти. И надо, чтобы это произошло как можно скорее, потому что она губит наш мир.

Тритт отступил к стене.

— Ун, не смотри на меня так!.. Ты меня заставляешь... ты меня заставляешь...

— Я тебя не заставляю, Тритт, — грустно сказал Ун. — Просто я понял, и поэтому ты должен... Но нам необходимо найти Дуа.

— Нет, нет! — Тритт испытывал невыразимые муки, пытаясь воспротивиться. В Уне было что-то новое, страшное, и его, Тритта, существование неумолимо приближалось к концу. Больше не будет Тритта, и не

будет крошки-серединки. Все другие пестуны ухаживали за своими серединками очень долго, а он должен лишиться своей почти сразу.

Это несправедливо. Несправедливо!

Тритт сказал, задыхаясь:

— Это Дуа виновата. Так пусть она перейдет первой!

Ун ответил с мертвящим спокойствием:

— По-другому нельзя. Мы должны все сразу...

И Тритт понял, что это так... что это так... что это так...

Глава 6а

Дуа чувствовала себя истончившейся, холодной, совсем прозрачной. После того как Ун отыскал ее на поверхности, она оставила попытки отдыхать там и поглощать солнечный свет. А энергией из аккумуляторов Жестких она могла питаться лишь изредка, от случая к случаю. Она боялась надолго покидать свой надежный приют в камне, а потому ела торопливо и никогда не бывала сыта.

Она непрерывно ощущала голод, который казался еще сильнее оттого, что постоянное пребывание в камне было очень утомительно. Она словно терпела теперь наказание за то, что прежде предпочитала любоваться закатами и питалась кое-как.

Если бы она не была так увлечена работой, то вряд ли выдержала бы усталость и голод. Порой ей даже хотелось, чтобы Жесткие ее уничтожили — но только после того, как она добьется своего.

Пока она оставалась в камне, Жесткие ничего не могли против нее предпринять. Иногда она ощущала их рядом с камнем. Они боялись. Порой ей казалось, что они боятся за нее, но это было нелепо. С какой стати им бояться за нее — бояться, что она перейдет от голода и истощения? Нет, этого не может быть, — они боятся ее, боятся машины, которая отказалась работать по их предназначениям. Невероятность этого приводит их в трепет, они цепенеют от ужаса.

И Дуа старательно избегала Жестких. Она всегда знала, где они находятся, а потому они не могли ни поймать ее, ни помешать ей. Они были не в состоянии поставить охрану повсюду. К тому же ей, по-видимому,

удавалось глушить ту слабую восприимчивость, которой они все-таки обладали.

Она клубами вырывалась из камня и изучала копии меток, полученных из той вселенной. Они не знали, что именно это было ее целью. Но, если бы они и спрятали копии куда-нибудь еще, она все равно нашла бы их. И даже уничтожь они все копии, это им уже не помогло бы, — Дуа помнила все метки до последней черточки.

Сперва она не могла в них разобраться, но от постоянного пребывания в камне ее восприимчивость все больше обострялась и метки становились понятными, хотя сознанием она их по-прежнему не понимала. Она не знала, что означают эти символы, но они вызывали в ней ощущения.

Она выбрала нужные метки и поместила их там, откуда они должны были попасть в ту вселенную. Метки были такие: СТРАК. Нет, она не знала, каков их смысл. Однако эта комбинация внушала ей страх, и Дуа постаралась запечатлеть этот страх в метках. Может быть, те существа, изучая метки, тоже испытывают страх.

Когда начали приходить ответы, Дуа улавливала в них волнение. Ей удавалось увидеть не все ответы. Иногда Жесткие находили их первыми. Конечно, теперь они уже знали, чем она занимается. Но они не умели истолковывать метки, не могли даже уловить вложенные в них чувства.

А потому ей было все равно. Что бы ни думали Жесткие, остановить ее они не смогут, и она доведет дело до конца.

Теперь она ожидала меток, в которых было бы заключено нужное ей чувство. И они появились:

НАСОС ПЛОХО.

Каждую метку пронизывали страх и ненависть, на которые она надеялась. И она переслала их обратно, повторив несколько раз, чтобы было больше страха, больше ненависти... Теперь те люди поймут. Теперь они остановят Насос. Жестким придется найти какой-нибудь другой источник энергии, разработать другой способ ее получения. Нельзя, чтобы энергия принесла смерть тысячам и тысячам обитателей той вселенной.

Она спохватилась, что отдыхает слишком долго, перегрузившись внутри камня в какое-то странное оцепенение. Ей мучительно хотелось есть, и она выжидала удобного момента, чтобы выбраться наружу. Но, как ни томила ее мысль о пище в аккумуляторе, еще больше ей хотелось бы найти его пустым. Она мечтала высосать из него всю пищу до последней частицы, зная, что новой порции в него не поступит, что ее задача выполнена.

Наконец она выбралась наружу и, забыв об осторожности, сосала и сосала содержимое аккумулятора. Она жаждала опустошить его, убедиться, что энергии в него больше не поступает... Но он был неисчерпаем... неисчерпаем... неисчерпаем...

Дуа вздрогнула и с омерзением отодвинулась от аккумулятора. Значит, Позитронный Насос по-прежнему работает. Неужели ей не удалось убедить обитателей той вселенной? Или они не получили ее метки? Не уловили их смысла?

Надо попробовать еще раз. Надо сделать так, чтобы все было ясно, абсолютно ясно. Она использует все комбинации символов, в которых улавливает ощущение опасности, все комбинации, которые в той вселенной должны сложиться в мольбу остановить Насос.

Вне себя от отчаяния Дуа начала вплавлять символы в металл, неистово расходуя энергию, которую только что всосала из аккумулятора. И расходовала до тех пор, пока не осталось ничего, ее вновь сковала невероятная усталость.

НАСОС НЕ ОСТАНОВИТЬ НЕ ОСТАНОВИТЬ МЫ НЕ
ОСТАНОВИТЬ НАСОС МЫ НЕ СЛЫШАТЬ ОПАСНОСТЬ
НЕ СЛЫШАТЬ НЕ СЛЫШАТЬ НЕ СЛЫШАТЬ ВЫ ОСТАНО-
ВИТЬ ПОЖАЛУЙСТА ВЫ ОСТАНОВИТЬ ВЫ ОСТАНОВИТЬ
ЧТОБЫ МЫ ОСТАНОВИТЬ ПОЖАЛУЙСТА ВЫ ОСТАНО-
ВИТЬ ОПАСНОСТЬ ОПАСНОСТЬ ОПАСНОСТЬ ОСТАНО-
ВИТЬ ОСТАНОВИТЬ ОСТАНОВИТЬ НАСОС.

Больше у нее не было сил. Ее терзала свирепая боль. Она поместила метки туда, откуда они должны были попасть в ту вселенную, но не стала ждать, чтобы Жесткие переслали их, сами того не подозревая. В глазах у нее мутилось, она чувствовала, что энергии в

ней нет больше совсем, и все-таки повернула рукоятки, как это делали Жесткие.

Металл исчез, а с ним и пещера, вдруг заполнившаяся фиолетовым мерцанием, которое туманило мысли. Она... переходит... от истощения...

Ун... Тритт...

Глава 6б

И Ун появился. Он никогда еще не струился с такой стремительностью. Вначале он полагался на восприимчивость Тритта, обострившуюся с появлением новой крошки, но, когда расстояние сократилось, его более тупые чувства тоже начали улавливать близость Дуа. Он уже сам воспринимал прерывистые угасающие вспышки ее сознания и рвался вперед, а Тритт, как мог, поспевал за ним, задыхаясь и вскрикивая:

— Скорее! Скорее!

Ун нашел ее в глубоком обмороке. Жизнь в ней еле теплилась, и она стала совсем крошечной, — он даже не представлял, что взрослая эмоциональ может так уменьшиться.

— Тритт, — распорядился он. — Неси сюда аккумулятор. Нет-нет! Не трогай ее. Она так истончилась, что ее нельзя нести. Если она погрузится в пол...

В пещеру входили Жесткие. Конечно, они опоздали, — ведь они не способны воспринимать на расстоянии другие существа. Нет, без него и Тритта они не успели бы спасти ее. И она не перешла бы! Нет, она по-настоящему погибла бы... и... с ней погибло бы нечто неизменно важное, о чем она даже не подозревала.

Теперь она медленно впитывала концентрированную энергию и с нею жизнь, а Жесткие молча стояли возле них.

Ун поднялся — новый Ун, который совершенно точно знал, что происходит. Сердитым жестом он властно отослал Жестких... и они ушли. Молча. Не возражая.

Дуа шевельнулась.

— Она оправилась, Ун? — спросил Тритт.

— Тише, Тритт, — сказал Ун. — Дуа, ты меня слышишь?

— Ун? — она всколыхнулась и прошептала: — Мне показалось, что я уже перешла.

— Нет, Дуа, пока еще нет. Сначала ты должна поесть и отдохнуть.

— А Тритт тоже здесь?

— Вот я, Дуа, — сказал Тритт.

— Не старайся вернуть меня к жизни, — сказала Дуа. — Все кончено. Я сделала то, что хотела сделать. Позитронный Насос... скоро остановится. Я верю в это. И Мягкие по-прежнему будут нужны Жестким, и Жесткие позаботятся о вас, и уж, во всяком случае, о детях.

Ун ничего не сказал и сделал Тритту знак молчать. Он давал Дуа энергию небольшими порциями, медленно, очень медленно, делая перерывы, чтобы дать ей отдохнуть.

Дуа бормотала:

— Хватит, хватит!

Ее вещество трепетало все сильнее.

Но он продолжал ее кормить.

Потом он заговорил:

— Дуа, ты ошиблась, — сказал он. — Мы не машины. Я знаю совершенно точно, что мы такое. Я бы пришел к тебе раньше, если бы узнал это раньше, но я понял, только когда Лостен попросил меня подумать. И я думал. Со всем напряжением. И все-таки это чуть было не вышло преждевременно.

Дуа застонала, и Ун умолк.

— Послушай, Дуа, — сказал он после паузы. — В нашем мире действительно есть только один вид живых существ, и живут в нем действительно только Жесткие. Ты уловила это, и тут ты не ошиблась. Но отсюда вовсе не следует, что Мягкие — машины, а не живые существа. Нет, просто мы принадлежим к этому же виду. Мягкие — это первичная форма Жестких. Мы появляемся на свет, как Мягкие, становимся взрослыми, как Мягкие, а потом мы переходим в Жестких. Ты поняла?

— Что? Что? — спросил Тритт тихо и растерянно.

— погоди, Тритт, — сказал Ун. — Не сейчас. Потом ты тоже поймешь. А пока я говорю для Дуа.

Он следил за тем, как Дуа обретает матовость.

— Послушай, Дуа! — сказал он потом. — Всякий раз, когда мы синтезируемся, когда синтезируется любая триада, мы образуем Жесткого. Каждый Жесткий триедин, потому-то он и Жесткий. И весь срок утраты сознания в период синтезирования мы живем в форме Жесткого. Но лишь временно, а потом, выходя из синтеза, мы все забываем. И долго оставаться Жесткими мы не можем, нам необходимо возвращаться в мягкое состояние. Однако всю жизнь мы развиваемся от стадии к стадии. Отпочкование каждого ребенка отмечает такую стадию. Появление третьего ребенка — крошки-эмоционали — открывает путь к заключительной стадии, когда сознание рационала само, без содействия остальных двух, обретает память о кратких периодах существования в форме Жесткого. Тогда и только тогда он становится способен провести безупречный синтез, который создаст Жесткого уже навсегда и обеспечит триаде новую единую интеллектуальную жизнь, посвященную приобретению знаний. Я ведь говорил тебе, что переход — это как бы новое рождение. Тогда я лишь нащупывал эту неясную мысль, но теперь я говорю то, что знаю твердо.

Дуа смотрела на него, сияясь улыбнуться. Она сказала:

— Как ты можешь настолько обманываться, Ун? Будь это так, почему Жесткие не рассказали тебе об этом раньше? Да и всем нам тоже?

— Они не могли, Дуа. Когда-то, тысячи тысяч циклов тому назад, синтезирование представляло собой лишь соединение атомов тела. Но в результате эволюции у первоначальных форм постепенно развились разные типы сознания. Слушай, Дуа. Синтезирование включает в себя и слияние сознаний, а это процесс гораздо более сложный и тонкий. Рационал может слить их правильно и навсегда, только когда он созреет для этого. Зрелость же наступает в тот момент, когда он сам, без чьей-либо помощи, постигает сущность происходящего, когда его сознание наконец становится способным вместить воспоминания о том, что происходило в периоды временных слияний. Если рационалу объяснить все заранее, естественность развития будет безнадежно искажена, он уже не сумеет определить правильный момент для безупречного синтеза, и новый Жесткий получится

ущербным. Когда Лостен умолял меня думать, он очень рисковал. И не исключено, что... Хотя я надеюсь... Видишь ли, Дуа, мы ведь особый случай. Из поколения в поколение Жесткие старательно подбирали триады так, чтобы появлялись особо одаренные новые Жесткие. И наша триада — лучшая из тех, которые им удалось до сих пор подобрать. А особенно ты, Дуа. Особенно ты. Лостен — это слившаяся триада, чьей крошкой-серединкой когда-то была ты. Какая-то его часть была твоим пестуном. Он следил за тобой. Он привел тебя к нам с Триттом.

Дуа приподнялась. Голос ее стал почти нормальным.

— Ун! Ты придумал все это, чтобы утешить меня!

Но, опередив Уна, ей ответил Тритт:

— Нет, Дуа! Я это тоже чувствую. Да, чувствую. Я не совсем понял, что, но я это чувствую.

— Он говорит правду, Дуа, — сказал Ун. — И ты это тоже почувствуешь. Разве ты уже не припоминаешь хоть немного, как мы были Жестким в период нашего синтеза? Разве ты не хочешь еще раз синтезироваться? В последний раз? В самый последний?

Он помог ей подняться. В ней чувствовался жар, и она, хоть и сопротивлялась, уже начала разреживаться.

— Если ты сказал правду, Ун, — произнесла она, задыхаясь, — если мы должны стать Жестким, то по твоим словам получается, что мы будем кем-то очень важным. Ведь так?

— Самым важным. Самым лучшим, который когда-либо синтезировался. Я не преувеличиваю... Тритт, стань вот тут. Мы не расстанемся, Тритт. Мы будем вместе, как нам всегда хотелось. И Дуа тоже. И ты тоже, Дуа.

— Тогда мы сможем убедить Эстуолда, что Насос надо остановить, — сказала Дуа. — Мы заставим...

Синтезирование началось. В комнату один за другим входили Жесткие. Ун еле различал их, потому что он уже сливался с Дуа.

Этот синтез не был похож на прежние — ни упоенного восторга, ни острой радости бытия, а лишь непрерывный, спокойный, блаженно-безмятежный процесс. Он чувствовал, что становится единым с Дуа, весь мир словно хлынул в его/ее обостренное восприятие. По-

зитронный Насос все еще работал — он/она чувствовали это ясно. Почему он работает?

Он был также с Триттом — его/ее/его сознание исполнилось ощущением горькой потери. О мои крошки...

И он вскрикнул — последний крик, рожденный еще сознанием Уна, но каким-то образом кричала Дуа:

— Нет, мы не сможем остановить Эстуолда. Эстуолд — это мы! Мы...

Крик, который был криком Дуа и не ее криком, оборвался — Дуа перестала быть. И больше никогда не будет Дуа. И Уна. И Тритта. Никогда.

Глава 7 абв

Эстуолд шагнул к стоящим в молчании Жестким и печально сказал с помощью звуковых вибраций:
— Теперь я навсегда с вами. Нам предстоит сделать так много...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

...БОРОТЬСЯ БЕССИЛЬНЫ?

Глава 1

Селена Линдстрем просияла профессиональной улыбкой и пошла дальше. Ее легкая пружинистая припрыжка уже больше не удивляла туристов, и теперь им даже начинало казаться, что в этой непривычной походке есть своя грациозность.

— Пора перекусить! — объявила она жизнерадостно. — Завтрак исключительно из продуктов местного производства, уважаемые дамы и господа. Вкус может показаться вам несколько непривычным, но все они высокопитательны... Вот сюда, сэр. Я знаю, вы не станете возражать, если я посажу вас с дамами... Одну минутку. Места хватит для всех... Мне очень жаль, но дежурное блюдо всего одно, хотя напитки вы можете заказать по желанию. Сегодня телятина... Нет-нет. И вкус и консистенция создаются искусственным образом, но общий результат превосходен, можете мне поверить.

Затем она села сама, не удержавшись от легкого вздоха, и даже любезная улыбка на ее лице чуть-чуть поблекла.

Один из туристов остановился у стула напротив.

— Разрешите? — спросил он.

Селена бросила на него внимательный оценивающий взгляд. Он казался безобидным, она привыкла, с полным на то основанием, полагаться на свою проницательность.

— О, пожалуйста! — ответила она. — Но ведь вы, по-моему, тут с кем-то?

Он покачал головой.

— Нет. Я один. Но в любом случае общество земляшек меня не особенно прельщает.

Селена снова поглядела на него. Лет около пятидесяти, лицо усталое, но глаза живые и умные. Ну и, конечно, впечатление неуклюжей грузности, которое всегда производят земляне, впервые попавшие в условия лунного тяготения. Она сказала:

— Земляшки — это чисто лунное словечко, и к тому же довольно грубое.

— Я ведь сам с Земли, — ответил он, — а потому, мне кажется, имею право его употреблять. Но, конечно, если вам неприятно...

Селена только пожала плечами, словно говоря: «Как вам угодно!»

Глаза у нее были чуть раскосыми, как у большинства лунных девушек, но волосы цвета спелой пшеницы и крупноватый нос никак не вязались с традиционным представлением о восточных красавицах. Однако, несмотря на неправильные черты лица, она была очень привлекательна.

Землянин глядел на металлический флажок с ее именем, который она носила на груди слева. И Селена ни на секунду не усомнилась, что интересуется его действительно флажок.

— А тут много Селен? — спросил он.

— О да! Они исчисляются по меньшей мере сотнями. Так же, как Синтии, Дианы и Артемиды. Но особенно популярны Селены, хотя половина знакомых мне Селен предпочитает сокращение Лена, а вторая половина именует себя Селиями.

— А какое сокращение выбрали вы?

— Никакого. Я — Селена. Все три слога. Се-ЛЕ-на, — произнесла она, подчеркнуто выделив ударный слог. — Так называют меня те, кто вообще меня называет по имени.

Губы землянина сложились в улыбку — с некоторой неловкостью, словно для них это было что-то не вполне привычное. Он сказал:

— А когда вас спрашивают, на что вы сели, Селена?

— Больше он этого вопроса не повторит! — ответила она с полной серьезностью.

— Но спрашивают?

— Дураков в мире хватает.

К их столику подошла официантка и быстрыми плавными движениями расставила блюда.

На землянина это произвело явное впечатление. Он повернулся к официантке и сказал:

— Они у вас словно парят в воздухе.

Официантка улыбнулась и отошла к следующему столику. Селена сказала предостерегающе:

— Только не вздумайте ей подражать. Она привыкла к нашей силе тяжести и умеет ею пользоваться.

— Другими словами, я все перебыю?

— Во всяком случае, вы устроите нечто очень эффектное.

— Ну хорошо. Не буду!

— Но кто-нибудь непременно попробует! Тарелка спланирует на пол, он попытается поймать ее на лету и свалится со стула. Я пробовала предупреждать, но, конечно, это не помогает, и бедняга потом только сильнее смущается. А все остальные хохочут. То есть остальные туристы. А мы столько раз видели такие спектакли, что нам уже не смешно, да к тому же потом кому-то приходится все это убирать.

Землянин с большой осторожностью поднес вилку ко рту.

— Да, вы совершенно правы. Даже простейшие движения даются с некоторым трудом.

— Нет, вы быстро освоитесь. Во всяком случае с несложными операциями вроде еды. Ходьба, например, дается тяжелее. Мне еще не приходилось видеть землянина, который был бы способен бегать тут по-настоящему. То есть легко и быстро.

Некоторое время они ели молча. Потом землянин спросил:

— А что означает это «Л»?

Он опять глядел на ее флажок, на котором было написано: «Селена Линдстрем, Л.»

— Всего лишь «Луна», — ответила Селена равнодушно. — Чтобы отличать меня от иммигрантов. Я родилась здесь.

— Неужели?

— А что тут удивительного? Люди живут и работают на Луне уже более пятидесяти лет. Или вы полагали, что

у них не может быть детей? У многих лунорожденных есть уже внуки.

— А сколько вам лет?

— Тридцать два года.

На его лице отразилось неподдельное удивление, но он тут же пробормотал:

— Ах да, конечно.

Селена подняла брови.

— Значит, вы понимаете? Большинству землян приходится объяснять, в чем тут дело.

— Ну я достаточно осведомлен для того, чтобы сообразить, что большинство внешних признаков возраста появляется в результате неминуемой победы силы тяжести над тканями тела — вот почему обвисают щеки и животы. Поскольку сила тяжести на Луне равна лишь одной шестой силы тяжести на Земле, нетрудно догадаться, что люди тут должны выглядеть молодыми очень долго.

— Да, но только выглядеть, — сказала Селена. — У нас тут нет ничего похожего на бессмертие, и средняя продолжительность жизни соответствует земной. Однако старость мы, как правило, переносим лучше.

— Ну это уже немало... Но, конечно, у медали есть и обратная сторона? — он как раз отхлебнул кофе. — Вам, скажем, приходится пить вот это... — он умолк, подыскивая нужное слово, но, по-видимому, оно оказалось не слишком удобопроизносимым, потому что он так и не закончил фразы.

— Мы могли бы ввозить продукты питания и напитки с Земли, — сказала она, улыбнувшись. — Но в таких мизерных количествах, что их хватило бы лишь для очень ограниченного числа людей и к тому же на очень ограниченный срок. Так какой же смысл отнимать ради этого место у по-настоящему важных грузов? Да мы и привыкли к этому пойлу. Или вы хотели употребить слово покрепче?

— Не для кофе, — сказал он. — Я приберегал его для еды. Но «пойло» вполне подойдет... Да, кстати, мисс Линдстрем, в программе нашей поездки я не нашел упоминания о посещении синхрофазотрона.

— Синхрофазотрона? — она почти допила кофе и уже поглядывала по сторонам, выбирая момент, чтобы

встать и собрать группу. — Это собственность Земли, и он не входит в число достопримечательностей, которые показывают туристам.

— Вы хотите сказать, что доступ к нему для лунян закрыт?

— О, ничего подобного! Его штат укомплектован почти одними лунянами. Просто правила пользования синхрофазотроном устанавливает Земля, и туристам его не показывают.

— А мне бы очень хотелось взглянуть на него!

— Да, конечно... А вы принесли мне удачу, — весело добавила она. — Ни одна тарелка и ни один турист не очутились на полу!

Она встала из-за стола и сказала:

— Уважаемые дамы и господа! Мы отправляемся дальше через десять минут. Пожалуйста, оставьте на столах все, как есть. Если кто-нибудь хочет привести себя в порядок, туалетные комнаты направо. Сейчас мы отправимся на пищевую фабрику, благодаря которой мы смогли пообедать так, как пообедали.

Глава 2

Квартира Селены была, разумеется, небольшой и умещалась, по сути, в одной комнате, но догадаться об этом сразу было трудно. Три панорамных окна сверкали звездами, которые двигались медленно и беспорядочно, образуя все новые и новые созвездия, не имевшие даже отдаленного сходства с настоящими. При желании Селена могла поменять настройку и созерцать их словно в сильный телескоп.

Бэррон Невилл не выносил этих звездных видов и всегда сердито их выключал, повторяя каждый раз: «Как только ты их терпишь? Из всех моих знакомых одной тебе нравится эта безвкусица. И ведь этих туманностей и звездных скоплений в действительности даже не существует!»

А Селена спокойно пожимала плечами и отвечала: «А что такое «существует в действительности?» Откуда ты знаешь, что те, которые можно увидеть с поверхности, действительно существуют? А мне они дают ощущение свободы и движения. Неужели я не могу обставить свою квартиру, как мне нравится?»

После этого Невилл бормотал что-то невнятное и без особой охоты шел к окнам, чтобы вновь их включить, а Селена говорила: «Оставь!»

Мебель отличалась округлостью линий, а стены были покрыты неярким геометрическим орнаментом на приятно приглушенном фоне. Нигде не было ни одного изображения, которое хотя бы отдаленно напоминало живое существо.

«Живые существа принадлежат Земле, — говорила Селена. — А тут Луна».

Вернувшись домой в этот вечер, она, как и ожидала, увидела у себя в комнате Невилла. Он полулежал на маленькой легкой кушетке, задрав ногу в сандалии. Вторая сандалия валялась рядом на полу. На его груди, там, где он ее задумчиво почесывал, проступили красные полосы.

Селена попросила:

— Бэррон, сварь кофе, ладно? — и, грациозно изогнувшись, одним гибким движением сбросила платье на пол и носком ноги отшвырнула его в угол. — Уф! — сказала она. — Какое облегчение! Пожалуй, хуже всего в этой работе то, что приходится одеваться, как земляшке.

Невилл, который возился в кухонной нише, ничего не ответил. Он слышал это десятки раз. Через минуту он спросил с раздражением:

— Что у тебя с подачей воды? Еле капает.

— Разве? — рассеянно сказала она. — Ну, значит, я перерасходовала. Ничего, сейчас натечет.

— Сегодня у тебя были какие-нибудь неприятности?

— Нет, — Селена пожала плечами. — Обычная канитель. Смотришь, как они все ковыляют, как притворяются, будто еда им не противна, и наверняка все время думают про себя, предложат им ходить раздетыми или нет... Бррр! Ты только представь себе, как это выглядело бы!

— Ты, кажется, становишься ханжой?

Бэррон вернулся к столу, неся две чашечки кофе.

— Не понимаю, причем тут ханжество. Дряблая кожа, отвислые животики, морщины и всякие микроорганизмы. Карантин карантин, только они все равно нашпигованы всякими микробами... А у тебя ничего нового?

Бэррон покачал головой. Для лунынина он был сложен очень плотно. Привычка постоянно щуриться придавала хмурое, почти угрюмое выражение его лицу.

«А если бы не это, — подумала Селена, — оно было бы очень красиво».

Он сказал:

— Да ничего особенного. Мы по-прежнему ждем смены представителя. Прежде всего надо посмотреть, что такое этот Готтштейн.

— А он может помешать?

— Не больше, чем нам мешают сейчас. В конце-то концов, что они могут сделать? Подослать шпиона? Но как земляшку ни переодевай, за лунянина он сойти не сможет! — Тем не менее в его голосе слышалась тревога.

Селена внимательно смотрела на него, со вкусом прихлебывая кофе.

— Но ведь и лунянин внутренне может быть вполне убежденным земляшкой.

— Конечно, но как их узнаешь? Иногда мне кажется, что я не могу доверять даже... Ну да ладно. Я трачу уйму времени на мой синхрофазотронный проект и ничего не могу добиться. Все время что-то оказывается более срочным.

— Возможно, они тебе попросту не доверяют, да и неудивительно! Вольно же тебе расхаживать с видом заядлого заговорщика!

— Ничего подобного! Я бы с величайшим восторгом раз и навсегда ушел из синхрофазотронного комплекса, но тогда они и правда встревожатся... Если ты растратила свою водную квоту, Селена, о второй чашке кофе, наверное, не стоит и думать?

— Да, не стоит. Но если уж на то пошло, то ведь ты усердно помогал мне транжирить воду. На прошлой неделе ты дважды принимал у меня душ.

— Я верну тебе водяной талон. Мне и в голову не приходило, что ты все подсчитываешь.

— Не я, а водомер.

Она допила свой кофе и, задумчиво посмотрев на дно чашки, сказала:

— Они всегда строят гримасы, когда пьют наш кофе. То есть туристы. Не понимаю почему. Я его всегда пью с удовольствием. Ты когда-нибудь пробовал земной кофе, Бэррон?

— Нет, — ответил он резко.

— А я пробовала. Всего раз. Один турист тайком провез несколько пакетиков кофе — растворимого, как он его назвал. И предложил мне попробовать, рассчитывая на... Ну ты понимаешь. По его мнению, это был справедливый обмен.

— И ты попробовала?

— Из любопытства. Очень горький, с металлическим привкусом. Просто омерзительный. Тут я объяснила этому туристу, что смешанные браки не входят в лунные обычаи, и он тоже приобрел горький и металлический привкус.

— Ты мне об этом прежде не рассказывала! И он себе что-нибудь позволил?

— А собственно, какое тебе дело? Нет-нет, он себе ничего не позволил. Не то с непривычки к нашей силе тяжести он у меня полетел бы отсюда до коридора номер первый. Кстати, — продолжала она после паузы, — меня сегодня обхаживал еще один земляшка. Подсел ко мне за обедом.

— И что же он предложил тебе взамен... «ну ты понимаешь», по твоему столь изящному выражению?

— Он просто сидел и ел.

— И поглядывал на твою грудь?

— Нет, только на именной флажок... Но в любом случае не все ли тебе равно, на что он поглядывал? Или, по-твоему, я только и думаю о том, чтобы завести роман с землянином и любоваться, как он хорохорится наперекор непривычной силе тяжести? Да, конечно, подобные случаи бывали, но не со мной, и, насколько мне известно, ни к чему хорошему такие романы не приводили. С этим вопросом все ясно? Могу ли я вернуться к моему обеденному собеседнику? Которому почти пятьдесят? Впрочем, он и в двадцать явно не был сногшибательным красавцем. Правда, лицо у него интересное, не стану отрицать.

— Ну ладно, ладно. Портрет его меня не интересует. Так что же он?

— Он спрашивал про синхрофазотрон.

Невилл вскочил, слегка пошатнувшись (обычное следствие быстрых движений при малой силе тяжести).

— Что именно?!

— Да ничего особенного. Что с тобой? Ты просил, чтобы я тебе рассказывала о туристах все вплоть до мелочей, если эти мелочи хоть в чем-то выходят за рамки стандартного поведения. Ну так вот, о синхрофазотроне меня еще никто ни разу не спрашивал.

— Ну хорошо! — он помолчал, а затем спросил уже спокойнее: — Почему его интересует синхрофазотрон?

— Не имею ни малейшего представления, — ответила Селена. — Он просто спросил, нельзя ли его посмотреть. Может быть, он любит осматривать научные учреждения. А может быть, он просто это придумал, чтобы заинтересовать меня.

— Что ему, кажется, и удалось! Как его зовут?

— Не знаю. Я не спросила.

— Почему?

— Потому что он меня нисколько не заинтересовал. Ты уж выбирай что-нибудь одно! Впрочем, сам его вопрос показывает, что он — простой турист. Будь он физиком, ему бы не пришлось задавать таких вопросов. Его пригласили бы туда и без них.

— Дорогая моя Селена! — сказал Невилл. — Ну хорошо, я повторю все с азов. При нынешнем положении вещей любой человек, задающий вопросы про синхрофазотрон, уже потенциально опасен, а поэтому нам нужно знать о нем как можно больше. И почему, собственно, он обратился с таким вопросом именно к тебе? — Невилл быстро прошелся по комнате, словно сбрасывая излишек энергии. Потом сказал: — Ты специалистка по таким вещам. Он показался тебе интересным?

— Как мужчина?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Перестань увливать, Селена!

Она ответила с явной неохотой:

— Он интересен, в нем даже есть что-то интригующее. Но я не могу сказать, что именно. В его словах и поведении не было ничего хоть сколько-нибудь необычного.

— Интересен, в нем есть что-то интригующее? В таком случае тебе нужно встретиться с ним еще раз.

— Ну, предположим, мы встретимся — и что же я должна буду делать?

— Откуда я знаю? Это уж тебе виднее. Узнай его имя. Выясни все, что будет возможно. Используй свои несомненные умственные способности для интеллектуального вынюхивания.

— Ну ладно, — ответила она. — Приказ начальства? Будет исполнено.

Глава 3

По размерам резиденция представителя Земли ничем не отличалась от стандартной лунной квартиры. На Луне не было лишнего пространства — в том числе и для высокопоставленных землян. Никакие соображения престижа не могли изменить того факта, что на Луне люди жили глубоко под поверхностью планеты в условиях малой силы тяжести, и даже самому прославленному из землян пришлось бы смириться с отсутствием такой недоступной роскоши, как простор.

— Человек привыкает ко всему! — вздохнул Луис Монтес. — Я прожил на Луне два года, и порой у меня возникало желание остаться тут и дольше, но... Я уже не молод. Мне пошел пятый десяток, и если я не хочу остаться тут навсегда, то должен уехать немедленно, или я уже не сумею вновь приспособиться к полной силе тяжести.

Конраду Готтштейну было только тридцать четыре года, а выглядел он еще моложе. Его лицо было круглым, с крупными чертами — среди лунян такой тип лица настолько редок, что оно стало неременной принадлежностью земляшек на лунных карикатурах. Однако фигура у него была сухощавой и стройной — посылать на Луну дородных землян, как правило, избегали, — а потому его голова казалась непропорционально большой.

Он сказал (произнося слова общепланетного эсперанто с несколько иным акцентом, чем Монтес):

— Вы как будто извиняетесь.

— Вот именно, вот именно! — воскликнул Монтес. (Если лицо Готтштейна производило впечатление безмя-

тежного благодушия, то лицо Монтеса, изборожденное глубокими складками, было печальным до комизма.) — И даже в двух отношениях. Я испытываю потребность оправдываться, потому что я покидаю Луну — очень привлекательный и интересный мир. И чувствую себя виноватым, потому что ощущаю такую потребность. Мне стыдно, что я словно побаиваюсь принять на себя бремя Земли — и силу тяжести, и все прочее.

— Да, могу себе представить, что эти добавочные пять шестых дадутся вам не очень легко, — сказал Готтштейн. — Я пробыл на Луне всего несколько дней, и уже нахожу, что одна шестая земной силы тяжести — прекрасная штука.

— Ну вы перемените мнение, когда ваше пищеварение взбунтуется и вам неделями придется жить на касторке, — со вздохом заметил Монтес. — Впрочем, это пройдет... Но, хотя вы и ощущаете легкость во всем теле, лучше все-таки не изображайте из себя легкую серну. Для этого требуется большое уменье.

— Я понимаю.

— О нет, Готтштейн, вам только кажется, будто вы понимаете. Вы ведь еще не видели кенгуровой припрыжки?

— Видел по телевизору.

— Ну это совсем не то. Надо самому попробовать. Лучший способ быстрого передвижения по ровной лунной поверхности. Вы отталкиваетесь обеими ступнями, словно для прыжка в длину на Земле. В воздухе вы выносите ноги вперед, а в последний момент опускаете их и снова отталкиваетесь. И так далее. По земным меркам это происходит довольно-таки медленно, поскольку тяжесть, обеспечивающая толчок, невелика, зато с каждым прыжком человек покрывает свыше двадцати футов, а для того чтобы удерживаться в воздухе — то есть если бы тут был воздух, — необходимы лишь минимальные мышечные усилия. Ощущение такое, будто ты летишь...

— Значит, вы пробовали? Вы умеете передвигаться кенгуровой припрыжкой?

— Да, я пробовал, но у землянина это по-настоящему получиться не может. Мне удавалось сделать до пяти прыжков подряд — вполне достаточно, чтобы возник-

ло ощущение полета и чтобы захотелось прыгать дальше. Но тут вы обязательно допускаете просчет, слишком замедляете или убыстряете движения и катитесь кубарем четверть мили, если не больше. Луняне вежливы и никогда над вами не смеются. Сами же они начинают с раннего детства, и для них это все просто и естественно.

— Это ведь их мир, — усмехнулся Готтштейн. — А вы представьте себе, как они выглядели бы на Земле.

— Но ведь они в таком положении оказаться никак не могут. Им пути на Землю нет. Тут мы имеем перед ними преимущество. Нам открыты и Земля, и Луна. А они способны жить только на Луне. Мы порой забываем об этом, потому что подсознательно путаем лунян с грантами.

— С кем, с кем?

— Так они называют иммигрантов с Земли. Тех, кто почти постоянно живет на Луне, но родился и вырос на Земле. Иммигранты могут при желании вернуться на Землю, но у настоящих лунян ни кости, ни мышцы не приспособлены к тому, чтобы выдерживать земное тяготение. В начале лунной истории это не раз приводило к подлинным трагедиям.

— Вот как?

— К сожалению. Родители возвращались на Землю с детьми, которые родились на Луне... Мы про это как-то забываем. Это ведь были годы решительного перелома, и смерть горстки детей прошла в тот момент почти незамеченной. Внимание человечества было поглощено общемировой ситуацией и ее окончательным разрешением в конце двадцатых годов. Но здесь, на Луне, помнят всех лунян, не выдержавших жизни в условиях земной силы тяжести... По-моему, это помогает им ощущать себя самостоятельными и независимыми.

— Мне казалось, что на Земле я получил всю необходимую информацию, — сказал Готтштейн, — но, по-видимому, мне предстоит узнать еще очень многое.

— Изучить Луну полностью по сведениям, поступающим на Землю, попросту невозможно, а потому я подготовил для вас исчерпывающее резюме. То же сделал для меня мой предшественник. Вы убедитесь, что Луна необычайно интересна, а в некоторых отношениях и способна довести человека до помешательства. Вряд

ли вы пробовали на Земле лунную пищу, а никакие описания не помогут вам приготовиться к тому, что вас ждет... И все-таки вам придется смириться с необходимостью: выписывать сюда земные деликатесы было бы плохой политикой. Тут мы едим и пьем продукты исключительно местного производства.

— Вы ведь прожили на них два года. Надеюсь, и я тоже выдержу.

— Два года — но с некоторыми перерывами. Нам полагается через регулярные промежутки проводить несколько дней на Земле. И эти отпуска обязательны, хотим мы того или нет. Но вас, вероятно, предупредили?

— Да, — ответил Готтштейн.

— Как бы вы ни следили здесь за своим физическим состоянием, вам все-таки необходимо время от времени напоминать вашим костям и мышцам, что такое полная сила тяжести. А уж попав на Землю, вы отъедаетесь вволю. Ну и, кроме того, порой удастся провезти тайком кое-какие лакомства.

— Мой багаж, разумеется, был подвергнут тщательному осмотру, — сказал Готтштейн. — Но потом я обнаружил в кармане пальто банку тушенки. Я совсем про нее забыл, а таможенники не заметили.

Монтес улыбнулся и сказал нерешительно:

— Я подозреваю, что вы намерены поделиться со мной.

— Нет, — торжественно ответил Готтштейн, наморщив свой толстый короткий нос. — Я намеревался произнести со всем трагическим благородством, на какое я только способен: «О Монтес, съешь ее всю сам — твоя нужда больше моей!», — последнюю фразу он произнес с запинкой, поскольку ему редко приходилось ставить глаголы общепланетарного эсперанто во второе лицо единственного числа.

Улыбка Монтеса стала шире, однако он с сожалением покачал головой.

— Спасибо, но ни в коем случае. Через неделю я получу возможность есть любую земную пищу в любых количествах. Вам же в ближайшие годы она будет перепадать лишь изредка, и вы вновь и вновь будете раскаиваться в нынешней своей щедрости. Оставьте всю банку себе... Прошу вас. Я вовсе не хочу, чтобы в

дальнейшем мы меня люто возненавидели. — Он дружески положил руку на плечо Готтштейна и посмотрел ему в глаза. — Кроме того, — продолжал он, — нам с вами предстоит разговор на весьма важную тему, а я не знаю, как его начать, и эта тушенка послужила бы мне удобным предлогом, чтобы снова его оттянуть.

Готтштейн тотчас спрятал банку. Его круглое лицо было органически не способно принять выражение сосредоточенности, но голос стал очень серьезным:

— Значит, есть что-то, о чем вы не могли сообщить в своих донесениях на Землю?

— Я пытался, Готтштейн, но все это достаточно зыбко, а Земля не сумела или не пожелала разобраться в моих намеках, и вопрос повис в воздухе. Возможно, вам удастся добиться чего-то более определенного. Я от души на это надеюсь. По правде говоря, я не просил о продлении срока моих полномочий, в частности, именно потому, что ответственность слишком велика, а я не сумел убедить Землю.

— Если судить по вашему тону, это действительно что-то очень серьезное.

— Да, если судить по тону! Но я отдаю себе отчет, что выглядит все довольно глупо. На Луне постоянно живет около десяти тысяч человек, и уроженцы Луны не составляют из них и половины. Им не хватает ресурсов, им мешает теснота, они живут на очень суровой планете, и все же... все же...

— И все же? — подсказал Готтштейн.

— Тут что-то происходит — я не знаю точно, что именно, но, возможно, что-то опасное.

— То есть как — опасное? Что они, собственно, могут сделать? Объявить Земле войну? — казалось, Готтштейн с трудом сдерживает улыбку.

— Нет-нет. Все это гораздо тоньше. — Монтес провел рукой по лицу и раздраженно протер глаза. — Разрешите, я буду с вами откровенным. Земля утратила прежний дух.

— Что вы под этим подразумеваете?

— Ну а как это назвать по-другому? Примерно в то время, когда на Луне появилось первое поселение, Земля пережила экологический перелом. Полагаю, мне не надо вам о нем рассказывать?

— Разумеется, — хмуро ответил Готтштейн. — Но ведь в конечном счете Земля от него выиграла, не так ли?

— О, без сомнения! Но он оставил после себя непреодолимое недоверие к технике, определенную апатию, ощущение, что всякая перемена чревата рискованными побочными следствиями, которые трудно предвидеть заранее. Многообещающие, но опасные исследования были прекращены, потому что даже полный их успех, казалось, не оправдывал сопряженного с ними риска.

— Насколько я понимаю, вы говорите о программе генетического конструирования?

— Да, это наиболее яркий пример, но, к сожалению, не единственный, — ответил Монтес с грустью.

— Честно говоря, отказ от генетического конструирования меня лично нисколько не огорчает. С самого начала и до конца это была цепь срывов и неудач.

— Человечество утратило шанс на развитие интуитивизма.

— Но ведь так и осталось неясным, насколько интуитивизм был бы полезен, а вот его возможные минусы были более чем очевидны... Кстати, а как же Луна? Какие еще нам нужны доказательства, что Земля вовсе не погрузилась в апатию?

— Наоборот! — вскричал Монтес. — Лунная колония — это наследие эпохи, предшествовавшей перелому, последний бросок человечества вперед, а затем началось отступление.

— Вы преувеличиваете, Монтес.

— Не думаю. Земля отступила, человечество отступило повсюду, кроме Луны. Луна олицетворяет замечательнейшее завоевание человека не только физически, но и психологически. Это мир, где нет живой и уязвимой природы, где можно не опасаться нарушить хрупкое равновесие сложной среды обитания. На Луне все, что необходимо человеку, создано самим человеком. Луна — мир, сотворенный человеком с начала и до конца. У него нет прошлого.

— Ну и что же?

— На Земле нам мешает тоска по пасторальному единению с природой, которого никогда в действительности и не было. Но даже существуй оно когда-то, возродить его все равно было бы невозможно. А у Луны

нет прошлого, о котором можно мечтать или тосковать. Тут есть только одна дорога — вперед. — Монтес, казалось, загорался от собственных слов все больше и больше. — Готтштейн, я наблюдал эти два года. Вам предстоит наблюдать тоже два года, если не больше. Луна охвачена огнем — огнем деятельности. Причем поле этой деятельности все время расширяется. И физически — каждый месяц бурятся все новые коридоры, оборудуются все новые жилые комплексы, обеспечивая дальнейший рост населения. И в смысле ресурсов — все время открываются новые строительные материалы, новые источники воды, новые залежи полезных ископаемых. Расширяются поля солнечных аккумуляторов, растут электронные заводы... Полагаю, вам известно, что эти десять тысяч человек здесь, на Луне, обеспечивают всю Землю миниэлектронными приборами и прекрасными биохимическими препаратами?

— Да, я знаю, что это довольно важный их источник.

— Земля предается приятному самообману. Луна — основной ее источник. А в недалеком будущем может стать и единственным. Они здесь, на Луне, растут и интеллектуально. Готтштейн, я убежден, что на Земле не найдется ни одного начинающего молодого ученого, который иногда — а может быть, и далеко не иногда — не мечтал бы со временем уехать на Луну. Ведь во многих областях техники Луна начинает занимать ведущие позиции.

— Вероятно, вы имеете в виду синхрофазотрон?

— И его тоже. Когда был построен на Земле последний синхрофазотрон? И это лишь наиболее яркий пример, но отнюдь не единственно важный. И даже не самый важный. Если хотите знать, то решающий фактор в области науки на Луне — это...

— Нечто столь секретное, что мне о нем не сообщили?

— Нет. Нечто столь очевидное, что его просто не замечают. Я имею в виду десять тысяч интеллектов, отборных человеческих интеллектов, которые и по убеждению, и по необходимости посвятили себя служению науке.

Готтштейн беспокойно заерзал и хотел подвинуть стул. Но стул был привинчен к полу, и Готтштейн едва не соскользнул на ковер. Монтес удержал его за локоть.

— Простите! — досадливо покраснев, пробормотал Готтштейн.

— Ничего, вы скоро освоитесь со здешней силой тяжести.

Но Готтштейн не слушал.

— Согласитесь все-таки, что вы сильно преувеличиваете, Монтеc. Ведь Земля — это вовсе не такая уж отсталая планета. Например, Электронный Насос. Он создан Землей. Не один лунянин не принимал участия в работе над ним.

Монтеc покачал головой и пробормотал что-то по-испански — на своем родном языке. Судя по всему, что-то очень энергичное. Потом он спросил на эсперанто:

— Вам доводилось встречаться с Фредериком Хэллемом?

Готтштейн улыбнулся.

— А как же. Отец Электронного Насоса! По-моему, он вытатуировал этот титул у себя на груди.

— Ваша улыбка и ваши слова — уже аргумент в мою пользу. Спросите себя: а мог ли человек вроде Хэллема действительно создать Электронный Насос? Тем, кто предпочитает не размышлять над такими вопросами, это представляется само собой разумеющимся. Но стоит задуматься, и сразу становится ясно, что у Насоса вообще не было отца. Его изобрели паралюди, обитатели паравселенной, каковы бы они ни были и какой бы ни была она. Хэллему же случайно досталась роль их орудия. Да и вся Земля для них — всего лишь средство, помогающее достижению какой-то их цели.

— Но мы сумели извлечь пользу из их инициативы.

— Да, как коровы умеют извлечь пользу из сена, которым мы их снабжаем. Насос — вовсе не доказательство прогресса человечества. Скорее, наоборот.

— Ну если Насос, по-вашему, символизирует шаг назад, то подобный шаг назад можно только приветствовать. Мне не хотелось бы остаться без него.

— Мне тоже! Но речь идет о другом. Насос удивительно хорошо отвечает нынешнему настроению Земли. Неисчерпаемый источник энергии, абсолютно даровой, если не считать расходов на оборудование и содержание станции, и никакого загрязнения среды обитания! Но на Луне нет Электронных Насосов.

— Так ведь они тут и не нужны, — заметил Готтштейн. — Солнечные аккумуляторы, насколько мне известно, с избытком обеспечивают Луну необходимой энергией, тоже абсолютно даровой, если не считать расходов на оборудование и обслуживание, и тоже не загрязняющей среду обитания... Я верно запомнил закливание?

— О да, вполне. Но ведь солнечные аккумуляторы созданы человеком. Вот о чем я говорю. Кстати, на Луне собирались установить Электронный Насос, и такая попытка была сделана.

— И что же?

— Ничего не вышло. Паралюди не забрали вольфрам. Не произошло ровно ничего.

— Я этого не знал. А почему?

Монтес выразительно поднял брови и развел руками.

— Кто может знать? Отчего не предположить, например, что паралюди живут на планете, не имеющей спутника, и не в состоянии представить себе второй обитаемый мир в близком соседстве с первым? Или же, отыскав то, что им было нужно, они попросту прекратили дальнейшие поиски? Как знать? Важно другое: они не забрали вольфрама, а сами мы без них ничего сделать не смогли.

— Сами мы... — задумчиво повторил Готтштейн. — Под этим вы подразумеваете землян?

— Да.

— А луняне?

— Они в этом участия не принимали.

— Но Электронный Насос их интересовал?

— Не знаю... Этим, собственно, и объясняются моя неуверенность, мои опасения. У лунян... и особенно у родившихся тут... существует собственная точка зрения. Я не знаю их намерений, их планов. И мне ничего не удалось выяснить.

Готтштейн задумался.

— Ну что, собственно, они могут сделать? Какие у вас есть основания полагать, что они злоумышляют против нас? А главное, какой вред они в силах причинить Земле, даже если бы и захотели?

— Я ничего не могу ответить. Все они — очень обаятельные и умные люди. Мне кажется, в них нет ни

ненависти, ни злобы, ни даже страха. Но вдруг мне это только кажется? Я тревожусь именно потому, что ничего не знаю твердо.

— Если не ошибаюсь, научно-исследовательские установки на Луне подчинены Земле?

— Совершенно верно. Синхрофазотрон. Радиотелескоп на обратной стороне. Трехсотдюймовый оптический телескоп... Другими словами, большие установки, которые действуют уже пятьдесят с лишним лет.

— А что было добавлено с тех пор?

— Землянами? Очень мало.

— А лунянами?

— Не могу сказать точно. Их ученые работают на больших установках. Но я однажды проверил их табели. В них есть большие пробелы.

— Какие пробелы?

— Значительную часть времени они проводят где-то еще. Так, словно у них есть собственные лаборатории.

— Но ведь это естественно, если они производят миниэлектронное оборудование и высококачественные биохимические препараты?

— Да, и все-таки... Готтштейн, говорю же вам — я не знаю. И эта моя неосведомленность внушает мне страх.

Они помолчали. Потом Готтштейн спросил:

— Насколько я понял, Монтеc, вы рассказали мне все это для того, чтобы я был настороже и постарался без шума выяснить, чем занимаются луняне?

— Пожалуй, — невесело сказал Монтеc.

— Но ведь вы даже не знаете, действительно ли они чем-то занимаются.

— И все-таки я убежден, что это так.

— Странно! — сказал Готтштейн. — Мне следовало бы убеждать вас, что ваши необъяснимые страхи абсолютно беспочвенны... и тем не менее очень странно...

— Что именно?

— На том же корабле, что и я, летел еще один человек. То есть летела большая группа туристов, но лицо одного показалось мне знакомым. Я с этим человеком не разговаривал — просто не пришлось — и сразу же забыл о нем. Но этот наш разговор опять мне о нем напомнил...

— А кто он?

— Мне как-то довелось быть членом комиссии, рассматривавшей некоторые вопросы, связанные с Электронным Насосом. А точнее, вопрос о безопасности его использования. То недоверие к технике, о котором вы говорили, — Готтштейн улыбнулся. — Да, мы все проверяем и перепроверяем. Но так ведь и надо, черт побери. Я уже забыл подробности, но на одном из заседаний комиссии я видел человека, который теперь летел вместе со мной на Луну. Я убежден, что это он.

— По-вашему, тут что-то кроется?

— Не знаю. Но его лицо ассоциируется у меня с чем-то тревожным. Я постараюсь вспомнить. Во всяком случае, полезно будет затребовать список пассажиров и посмотреть, не значится ли в нем какая-нибудь знакомая фамилия. Как ни жаль, Монтес, но вы, кажется, обратили меня в свою веру.

— О чем тут жалеть! — ответил Монтес. — Наоборот, я очень рад. Ну а этот человек, возможно, просто турист и уедет через две недели. И все-таки очень хорошо, что я заставил вас задуматься.

Готтштейн бормотал, не слушая его:

— Он физик... или, во всяком случае, ученый. В этом я убежден. И он ассоциируется у меня с какой-то опасностью...

Глава 4

-Здравствуйте! — весело сказала Селена.

Землянин оглянулся и сразу ее узнал.

— Селена! Я не ошибаюсь? Вы ведь — Селена?

— Правильно. Имя вы вспомнили совершенно точно.

Ну как вам тут нравится?

— Очень! — серьезно сказал землянин. — Я как-то по-новому понял, в каком неповторимом веке мы живем. Еще совсем недавно я был на Земле и чувствовал, насколько я устал от своего мира, устал от самого себя. И тут я подумал: живи я сто лет назад, у меня не было бы другого способа покинуть свой мир, кроме одного — умереть. Но теперь я могу уехать на Луну! — и он улыбнулся невеселой улыбкой.

— И что же, на Луне вы чувствуете себя счастливее? — спросила Селена.

— Немножко, — он огляделся. — Но где же туристы, которых вы пасете?

— Сегодня я свободна, — ответила она, засмеявшись. — Возможно, я возьму еще два-три свободных дня. Это ведь очень скучная работа.

— Как же вам не повезло? Только решили отдохнуть и сразу же наткнулись на туриста.

— Вовсе я на вас не наткнулась. Я вас специально разыскивала. И должна сказать, это было нелегкой задачей. А вам все-таки не следовало бы бродить в одиночестве.

Землянин посмотрел на нее с любопытством.

— А зачем, собственно, вы меня разыскивали? Вы что, так любите землю?

— Нет, — ответила она с непринужденной откровенностью. — Они мне до смерти надоели. Я, в принципе, отношусь к ним без особых симпатий, а оттого что мне постоянно приходится иметь с ними дело в силу моих профессиональных обязанностей, они милей не становятся.

— И все-таки вы специально меня разыскивали. а ведь нет такой силы на Земле, то есть я хотел сказать — на Луне, которая могла бы убедить меня, будто я молод и красив.

— Ну, это ничего не изменило бы! Земляне меня совершенно не интересуют, как известно всем, кроме Бэррона.

— В таком случае, почему же вы меня разыскивали?

— Потому что в человеке интересны не только молодость и красота, и еще потому, что вами заинтересовался Бэррон.

— А кто такой Бэррон? Ваш приятель?

Селена засмеялась.

— Несколько больше чем приятель.

— Я именно это и имел в виду. У вас есть дети?

— Сын. Ему десять лет. Он живет в интернате для мальчиков. Я избавляю вас от необходимости задавать мне следующий вопрос. Его отец — не Бэррон. Возможно, Бэррон будет отцом моего следующего ребенка, если мы с ним не разойдемся к тому времени, когда я получу право иметь второго ребенка. Если я такое право получу... Впрочем, в этом я не сомневаюсь.

— Вы очень откровенны.

— Разумеется. Какой смысл придумывать несуществующие секреты? Вот если бы... Ну а чем бы вы хотели заняться сейчас?

Они шли по коридору, пробитому в молочно-белой породе. Его отполированные стены были инкрустированы дымчатыми осколками «лунных топазов», которые валялись на лунной поверхности практически повсюду. Сандалии Селены, казалось, почти не прикасались к полу, а на землянине были башмаки на толстой, утяжеленной свинцом подошве, и только благодаря им каждый шаг не был для него мукой.

Движение в коридоре было одностороннее. Время от времени их нагоняли миниатюрные электромобили и бесшумно проносились мимо.

Землянин сказал:

— Чем бы я хотел заняться? У этого предложения слишком широкий спектр. Лучше задайте граничные условия, чтобы я ненароком не нарушил каких-либо запретов.

— Вы физик?

— Почему вы об этом спросили? — спросил землянин после небольшой паузы.

— Только чтобы услышать, как вы мне ответите. А что вы физик, я и так знаю.

— Откуда?

— А кто еще попросит задать «граничные условия»? Тем более что, едва попав на Луну, тот же человек в первую очередь пожелал осмотреть синхрофазотрон.

— Ах, так вот почему вы постарались меня найти? Потому что решили, будто я физик?

— Поэтому Бэррон послал меня разыскать вас. Он ведь физик. А я согласилась, потому что вы мне показались не похожим на обычных землян.

— В каком смысле?

— Ничего особенно лестного для вас, если вы напрашиваетесь на комплименты. Просто вы как будто не питаете особой любви к остальным землянам?

— Откуда вы это взяли?

— Я видела, как вы держитесь с остальными членами вашей группы. И вообще я это как-то чувствую. Ведь на Луне обычно оседают те земляне, которые недолго живут своих сопланетников. Что возвращает меня к моему первому вопросу... Чем бы вы хотели заняться? Скажите, и я определю граничные условия. То есть в смысле объектов осмотра.

Землянин внимательно посмотрел на нее.

— Все как-то странно, Селена. У вас сегодня выходной. Ваша работа настолько вам неинтересна и даже неприятна, что вы с радостью взяли бы еще два-три свободных дня. Однако отдыхать вы намерены, опять исполняя свои профессиональные обязанности, причем ради одного меня... И все из-за мимолетного любопытства.

— Не моего, а Бэррона. Он пока занят, так почему бы не послужить вам гидом, пока он не освободится? К тому же это совсем другое дело! Неужели вы сами не понимаете? Моя работа заключается в том, чтобы нанять десятка два земляшек... Вас не обижает, что я употребила это определение?

— Я сам им пользуюсь.

— Да. Потому что вы землянин. Но туристы с Земли считают его насмешливой кличкой, и им не нравится, когда ее употребляет лунянин.

— То есть лунатик?

Селена покраснела.

— Вот именно.

— Ну так давайте не придавать значения словам. Вы ведь начали что-то говорить мне про вашу работу.

— Так вот. Я обязана не допускать, чтобы эти двадцать земляшек сломали себе шеи. Я должна водить их по одному и тому же маршруту, произносить одни и те же фразы, следить, чтобы они ели, пили и ходили, соблюдая все правила и инструкции. Они осматривают положенные по программе достопримечательности и проделывают все, что принято проделывать, а я обязана быть безупречно вежливой и по-матерински заботливой.

— Ужасно! — сказал землянин.

— Но мы с вами можем делать, что захотим. Вы готовы рисковать, а я не обязана следить за тем, что я говорю.

— Я ведь вам уже сказал, что вы спокойно можете называть меня земляшкой.

— Ну так, значит, все в порядке. Я провожу свой выходной день в обществе туриста. Итак, чем бы вы хотели заняться?

— На это ответить нетрудно. Я хотел бы осмотреть синхрофазотрон.

— Только не это. Возможно, Бэррон что-нибудь устроит, после того как вы с ним поговорите.

— Ну, в таком случае, я, право, не знаю, что тут еще может быть интересного. Радиотелескоп, насколько мне известно, находится на обратной стороне, да и не такая уж это новинка... Предлагайте вы. Что обычно осматривают туристы?

— Существует несколько маршрутов. Например, бассейны с водорослями. Нет, не фабрика, где они обрабатываются в стерильных условиях. Ее вы уже видели. Это комплекс, где их выращивают. Однако они очень сильно пахнут, и земляшки... земляне находят этот запах не слишком аппетитным... Земляш... земляне и так давятся нашей едой.

— Это вас удивляет? А вы знакомы с земной кухней?

— Практически нет. И думаю, что земная еда мне вряд ли понравится. Это ведь вопрос привычки.

— Да, наверное, — ответил землянин со вздохом. — Если бы вам подали настоящую говядину, жесткие волокна и жирок, пожалуй, отбили бы у вас аппетит.

— Можно побывать на окраине, где ведется пробивка новых коридоров. Но тогда надо надеть защитные костюмы. Есть еще заводы...

— Я полагаюсь на ваш выбор, Селена.

— Хорошо, я возьму это на себя, но только если вы честно ответите мне на один вопрос.

— Пока я не услышу вопроса, я не могу обещать, что отвечу на него.

— Я сказала, что земляшки, которым не нравятся другие земляшки, обычно остаются на Луне. Вы не стали возражать. Значит, вы намерены остаться на Луне?

Землянин уставился на тупые носки своих тяжелых башмаков. Он сказал, не поднимая глаз:

— Селена, визу на Луну я получил с большим трудом. Меня предупредили, что я слишком стар для такой поездки и, если мое пребывание на Луне затянется, мне, скорее всего, нельзя будет вернуться на Землю. А потому я заявил, что намерен поселиться на Луне навсегда.

— И вы не лгали?

— В тот момент я еще не решил. Но теперь я думаю, что, вероятно, останусь.

— Странно! После такого заявления они тем более должны были бы вас не пустить.

— Почему?

— Обычно Земля предпочитает, чтобы ее физики не оставались на Луне насовсем.

Губы землянина тронула горькая улыбка.

— В этом отношении мне никаких препятствий не чинили.

— Что ж, раз вы намерены стать одним из нас, вам, пожалуй, следует осмотреть гимнастический комплекс. Земляне часто изъявляют желание посетить его, но, как правило, мы предпочитаем их туда не водить, хотя официально это не запрещено. Иммигранты — другое дело.

— А почему такие сложности?

— Ну, например, мы занимаемся там практически нагими. А что тут, собственно, такого? — в ее голосе появилась досада, словно ей надоело оправдываться. — Температура в городе поддерживается оптимальная, чистота везде стерильная, а то, что общепринято, ничьего внимания не привлекает. Кроме, конечно, туристов с Земли. Одни туристы возмущаются, другие хихикают, а третьи и возмущаются, и хихикают. А нам это мешает. Менять же ради них мы ничего не собираемся и потому просто стараемся их туда не пускать.

— А как же иммигранты?

— Пусть привыкают. Они ведь сами скоро будут одеваться по лунной моде. А им посещать спортивный комплекс нужнее, чем урожденным лунянам.

— И мы тоже должны будем раздеться? — спросил он весело.

— Как зрители? Зачем же? Можно, конечно, но лучше не надо. Вам с непривычки будет неловко, да и с эстетической точки зрения вы поступите разумнее, если не станете спешить.

— Вы прямолинейны, ничего не скажешь.

— Что же делать? Взгляните правде в глаза. А поскольку я упражняться не собираюсь, то и мне проще обойтись без переодевания.

— Но наше появление никаких возражений не вызывает? То есть мое присутствие там — присутствие земляшки с не слишком эстетической внешностью?

— Не вызовет, если вы придете со мной.

— Ну хорошо, Селена. А идти далеко?

— Мы уже почти пришли. Вот сюда.

— А, так вы с самого начала собирались показать мне ваш гимнастический комплекс?

— Я подумала, что это может оказаться интересным.

— Почему?

— Ну я просто так подумала, — улыбнулась Селена. Землянин покачал головой.

— Я начинаю думать, что вы никогда ничего просто так не думаете. Дайте-ка я попробую догадаться. Если я останусь на Луне, мне необходимо будет время от времени заниматься гимнастикой, чтобы мышцы, кости, а может быть, и внутренние органы функционировали как следует.

— Совершенно верно. Это необходимо нам всем, но иммигрантам с Земли — особенно. Довольно скоро вы начнете посещать спортивный комплекс каждый день.

Они вошли в дверь, и землянин остановился как вкопанный.

— Впервые я вижу тут что-то, что напоминает Землю!

— Чем?

— Размерами. Мне и в голову не приходило, что на Луне есть такие огромные помещения. Письменные столы, конторское оборудование, секретарши...

— В шортах, — невозмутимо dokonчила Селена.

— Согласен, что здесь сходство с Землей кончается.

— У нас есть скоростная шахта и лифты для земляшек. Комплекс расположен на нескольких уровнях... Минутку!

Селена подошла к одному из столов и вполголоса заговорила с секретаршей. Землянин тем временем с доброжелательным любопытством посматривал по столам.

— Все в порядке, — сказала Селена, вернувшись. — И сейчас как раз начинается довольно интересный матч. Я знаю обе команды — на них стоит посмотреть.

— Послушайте, а это место производит внушительное впечатление. Очень внушительное.

— Если вы имеете в виду размеры, то этот комплекс все-таки тесноват, хотя он и больше остальных двух. Пока у нас их три. Это самый большой.

— Почему-то мне очень приятно, что, несмотря на спартанские условия Луны, вы позволяете себе пожертвовать такое количество свободного пространства на развлечения.

— Как на развлечения? — Селена даже обиделась. — Почему вы так решили?

— Но ведь вы сказали — матч? То есть речь идет об игре?

— Дело не в названии. На Земле у вас есть возможность устраивать спортивные состязания ради развлечения. Десять человек соревнуются, десять тысяч смотрят. На Луне все по-другому. То, что для вас — развлечение, для нас — жизненная необходимость... Вот сюда. Мы поедem на лифте, так что придется немного подождать.

— Простите. Я вовсе не хотел вас обидеть.

— Я не обиделась, но попробуйте немножко подумать. Вы, земляне, приспособлялись к земной силе тяжести добрых триста миллионов лет — с того самого момента, как живые организмы выбрались на сушу. Вы можете обходиться и без упражнений. А у нас еще не было времени приспособиться к лунной силе тяжести.

— Однако у вас уже выработался свой тип.

— У тех, кто родился и вырос в условиях лунной силы тяжести, кости и мышцы, естественно, менее массивны, чем у земляшек, но это лишь внешнее различие. Наш организм все же плохо к ней приспособлен и требует постоянной тренировки, чтобы функционировать нормально. И это касается, в частности, таких сложных и тонких функций, как пищеварение, выделение гормонов и тому подобное. Оттого что мы придаем упражнениям форму веселой игры, они не становятся пустым развлечением... Но вот и лифт.

Землянин невольно попятился, и Селена продолжала все с тем же легким раздражением, словно устав от необходимости непрерывно объяснять и оправдываться:

— Вам, конечно, не терпится сказать, что это не лифт, а плетеная кошелка. Еще ни один землянин не сел в него без такого вступления. Но в условиях лунной силы тяжести он достаточно прочен.

Лифт медленно пошел вниз. Они были в нем одни. Землянин заметил:

— По-видимому, им пользуются очень редко.

На этот раз Селена улыбнулась.

— Вы совершенно правы. Скоростная шахта быстрее и приятнее.

— А что это такое?

— Именно то, о чем говорит название... Мы приехали. Нам ведь надо было спуститься всего на два уровня. Скоростная шахта — это вертикальная труба с поручнями. Человек спускается или поднимается, придерживаясь за них. Но земляшек мы предпочитаем возить на лифтах.

— Слишком опасно?

— Сам спуск вовсе не опасен. Поручнями можно пользоваться, точно лестницей. Но молодые ребята обычно летят вниз с большой скоростью, а земляшки не умеют увертываться. Ну а столкновения бывают довольно болезненными. Но со временем вы привыкните. Собственно говоря, то, что вы увидите сейчас, — это тоже своего рода скоростная шахта, предназначенная для любителей острых ощущений.

Они направились к барьеру, отгораживавшему широкий круглый провал. У барьера, облокотившись на него, стояли люди, одетые по большей части в легкие сандалии и шорты. Все непринужденно разговаривали, кое-кто ел. У многих через плечо были надеты сумки. Проходя мимо юноши, который с аппетитом выскребал зеленоватую массу из бумажного стаканчика, землянин невольно поморщился.

— С зубами на Луне дело, наверное, обстоит не так уж хорошо, — сказал он.

— Да, не слишком, — согласилась Селена. — Будь у нас такая возможность, мы предпочли бы обходиться совсем без них.

— Без зубов?

— Ну, возможно, не совсем. Мы, наверное, сохранили бы резцы и клыки из косметических соображений. А кроме того, они бывают полезны. И их нетрудно чистить. Но для чего нам коренные зубы? Как свидетельство нашего земного происхождения?

— И вы что-нибудь для этого делаете?

— Нет, — ответила Селена сдержанно. — Генетическое конструирование запрещено. На этом настаивает Земля.

Она наклонилась над барьером и сказала:

— Лунная площадка для игр!

Землянин заглянул за барьер. Шахта уходила вертикально вниз футов на пятьсот и имела в поперечнике

около пятидесяти футов. К ее гладким розовым стенам словно в хаотическом беспорядке были прикреплены металлические перекладки. Кое-где они отходили от стен перпендикулярно, а некоторые полностью пересекали ее по диаметру.

Окружающие не обратили на землянина никакого внимания. Одни, скользнув взглядом по его одежде и лицу, равнодушно отворачивались. Другие приветственно махали рукой Селене и тоже отворачивались. Сильнее подчеркнуть полное отсутствие интереса они, пожалуй, не могли бы, хотя ничего демонстративного в их поведении не было.

Землянин опять заглянул в шахту. Стройные фигуры на дне казались непропорционально укороченными, потому что он смотрел на них сверху. Он заметил, что на одних были красные трико, а на других — синие. Чтобы различать команды, решил он. Трико, по-видимому, выполняли еще и защитную функцию, так же как сандалии, перчатки и эластичные повязки на коленях и на локтях.

— А, — пробормотал он, — женщины участвуют наравне с мужчинами.

— Совершенно верно, — сказала Селена. — Тут все решает ловкость, а не сила.

Раздался негромкий барабанный бой, и двое участников начали стремительно подниматься по противоположным стенкам шахты. Первые секунды они оба взбирались словно по приставной лестнице, но затем их движения убыстрились, и они только отталкивались от перекладин, звонко хлопая по ним ладонями.

— На Земле невозможно проделать это с таким изяществом, — восхищенно сказал землянин и тут же поправился. — То есть вообще невозможно.

— И дело ведь не только в малой силе тяжести, — заметила Селена. — Вот попробуйте и сами убедитесь! Для этого требуется долгая и упорная тренировка.

Гимнасты добрались до барьера и вспрыгнули на площадки, игравшие роль трамплинов. Одновременно перекувырнувшись в воздухе, они начали спуск.

— Они умеют двигаться очень быстро, когда хотят, — заметил землянин.

— Еще бы! — ответила Селена под всплеск аплодисментов. — Я прихожу к выводу, что у землян, никогда не бывавших на Луне, идея передвижения по Луне твердо ассоциируется со скафандрами. Другими словами, они рисуют себе мысленную картину лунной поверхности. Там передвижение действительно бывает медленным. Скафандр заметно увеличивает массу, а это означает большую инерцию при малой силе тяжести, которая могла бы ей противодействовать.

— Вы правы, — сказал землянин. — В мои школьные годы я видел все классические фильмы о первых космонавтах — их движения больше всего напоминали движения пловца под водой. И от этого представления потом трудно избавиться, даже если знаешь, что теперь все уже не так.

— Ну, теперь мы и на поверхности умеем передвигаться очень быстро, несмотря на скафандры и все прочее, — объявила Селена. — А уж тут, в недрах планеты, мы передвигаемся так же быстро, как земляне у себя дома. Правильное использование мускулатуры вполне компенсирует слабое притяжение.

— Но вы умеете, кроме того, двигаться и медленно, — землянин внимательно следил за гимнастами.

Если вверх они буквально взлетали, то спуск сознательно старались замедлить. Они планировали и по перекадинам теперь хлопали для того, чтобы затормозить падение, а не ускорить подъем, как было вначале. Наконец они достигли пола, и вверх начала подниматься новая пара. Затем настала очередь третьей пары, четвертой... Пара за парой, то от одной команды, то от другой, состязались в виртуозности.

Движения партнеров были на редкость согласованными, и от пары к паре они становились все более сложными и разнообразными. Особенно громкие аплодисменты заслужили гимнасты, которые одновременно оттолкнулись, пронеслись через шахту навстречу друг другу по пологой параболе и, красиво разминувшись в воздухе, ухватились за поручни — каждый за тот, от которого оттолкнулся партнер.

— Боюсь, у меня не хватит опыта, чтобы по достоинству оценить тонкости этого искусства, — заметил землянин. — Они все — урожденные луняне?

— Разумеется, — ответила Селена. — Комплекс открыт для всех граждан Луны, и многие иммигранты показывают совсем неплохие результаты. Но такой виртуозности могут достичь лишь те, чьи родители освоились с лунной силой тяжести задолго до их рождения. Они не только физически заметно более приспособлены к здешним условиям, но и проходят необходимую подготовку с самого раннего детства. Большинству из соревнующихся нет еще и восемнадцати лет.

— Вероятно, это опасно даже в лунных условиях.

— Да, переломы не такая уж редкость. Смертельных случаев, по-моему, не было ни разу, но один гимнаст сломал позвоночник, и наступил полный паралич. Это было ужасно! Все произошло у меня на глазах... Но погодите, сейчас начнется вольная программа.

— Какая-какая?

— До сих пор проделывались обязательные упражнения, заданные заранее.

Барабанный бой стал глуше. Гимнаст внезапно взмыл в воздух, одной рукой ухватился за поперечную перекладину, перевернулся вокруг нее, вытянувшись в струнку, и спланировал на пол.

Землянин не упустил ни одного его движения.

— Это поразительно, — сказал он. — Он крутился вокруг перекладины, как настоящий гиббон.

— А это что такое? — спросила Селена.

— Гиббон? Человекообразная обезьяна — собственно говоря, единственная из человекообразных обезьян, которая еще живет в лесах на воле. Они... — он взглянул на лицо Селены и поспешил добавить: — Я не имел в виду ничего обидного, Селена. Гиббоны — удивительно грациозные создания.

— Я видела обезьян на картинках, — хмуро ответила Селена.

— Однако вряд ли вы видели гиббонов в движении... Возможно, некоторые земляшки называют лунян «гиббонами», вкладывая в это слово не менее оскорбительный смысл, чем вы — в тех же «земляшек». Но я ничего подобного в виду не имел.

Он облокотился на барьер, не спуская глаз с гимнастов. Казалось, они танцуют в воздухе.

— А как на Луне относятся к иммигрантам с Земли, Селена? — вдруг спросил он. — К тем, кто решил остаться тут на всю жизнь? Поскольку они могут не все, на что способны луняне...

— Это не имеет никакого значения. Гранты — такие же граждане, как и мы. И официально им предоставляются те же возможности.

— То есть как — официально?

— Но вы же сами сказали, что им не все по силам. И определенные различия существуют. Например, в чисто медицинском плане. Как правило, их здоровье бывает несколько хуже. Если они переезжают в зрелом возрасте, то выглядят старше... старше своих лет.

Землянин смущенно отвел взгляд.

— А браки между иммигрантами и лунянами разрешены?

— Конечно. Чем их гены хуже? Да мой собственный отец был грантом, хотя по матери я лунянка во втором поколении.

— Но ваш отец, вероятно, приехал сюда совсем... О господи! — он вцепился в барьер и судорожно перевел дух. — Я думал, он промахнулся.

— Он? — сказала Селена. — Да это же Марко Фор. Он любит выбрасывать руку в самый последний момент. Собственно говоря, это считается дешевым трюком, и настоящие чемпионы никогда к нему не прибегают. Но тем не менее... Мой отец приехал на Луну, когда ему было двадцать два года.

— Да, это, вероятно, оптимальный вариант. Молодой организм, способный легко адаптироваться, никаких прочных эмоциональных связей с Землей...

Селена внимательно следила за гимнастами.

— Вон опять Марко Фор. Когда он не старается привлекать к себе внимание, он по-настоящему хорош. И его сестра почти ему не уступает. Вместе они творят из движений настоящую поэзию. Смотрите, смотрите! Сейчас они сойдутся на одной перекладине и будут вертеться вокруг нее, словно одно тело, брошенное поперек нее. Он иногда бывает несколько экстравагантен, но координация у него безупречна.

Все гимнасты поднялись вверх и выстроились вдоль внутренней стороны барьера, держась за него одной

рукой — красные напротив синих. Руки, обращенные к провалу, были подняты. Аплодисменты стали громче. У барьера собралась теперь довольно большая толпа.

— А почему бы не установить тут сиденья? — спросил землянин.

— С какой стати? Это ведь не зрелище, а упражнения. И мы предпочитаем, чтобы число зрителей ограничивалось теми, кто может с удобством встать прямо у барьера. И вообще нам следует быть в шахте, а не здесь.

— Другими словами, Селена, вы тоже способны проделывать все эти трюки?

— Ну не все, но значительную часть. Это умеют все луняне. Но я далеко не так ловка, как они. И я никогда не была членом команды... Сейчас начнется коктейль — вольные упражнения для всех сразу. Вот это действительно опасно. Обе десятки будут в воздухе одновременно. Задача каждой стороны — сбросить вниз противников.

— По-настоящему сбросить?

— Насколько выйдет.

— И бывают несчастные случаи?

— Иногда. В теории подобные упражнения не одобряются. Вот их и правда считают пустым развлечением, а численность нашего населения не настолько велика, чтобы мы могли спокойно терять полезных членов общества ради игры. Тем не менее коктейль пользуется большой популярностью, и нам не удастся собрать достаточное число голосов, чтобы запретить его официально.

— А вы за что проголосовали бы, Селена?

Она порозовела.

— А, неважно! Начинается! Смотрите внимательно.

Барабаны вдруг оглушительно загремели, и гимнасты молниеносно прыгнули вперед. На мгновение в воздухе образовался настоящий клубок, но, когда он распался, каждый гимнаст успел ухватиться за перекладину. Они напряженно выжидали. Затем один прыгнул. За ним второй, и опять в воздухе хаотично замелькали тела. Это повторилось еще раз. И еще.

— Счет очков тут довольно сложен, — сказала Селена. — Каждый прыжок приносит очко, как и каждое касание. Два очка, если заставишь противника промах-

нуться, и десять, если он окажется на полу. Штрафы за различные недозволенные приемы.

— А кто ведет счет?

— Предварительное решение выносят судьи. В спорных случаях по требованию гимнаста просматривается видеозапись. Впрочем, довольно часто и по записи ничего решить нельзя.

Неожиданно раздались возбужденные крики: девушка в синем пронеслась мимо юноши в красном и звонко хлопнула его по бедру. Тот попытался увернуться, но не успел и, хватаясь за перекладину, неуклюже ударился коленом о стену.

— Куда он смотрел? — негодуя спросила Селена. — Он же так ее и не заметил!

Борьба разгоралась, и землянин уже не пытался следить за всеми ее перипетиями. Порой гимнаст только касался перекладины и не успевал за нее ухватиться. Тогда все зрители наклонялись над барьером, словно готовые прыгнуть ему на помощь. Марко Фор получил удар по кисти, и кто-то крикнул: «Штраф!»

Фор не сумел схватить перекладину и упал. На взгляд землянина падение это было довольно медленным. Фор гибко изворачивался, протягивал руку то к одной перекладине, то к другой, но каждый раз чуть-чуть не доставал до них. Остальные гимнасты замерли, словно на время падения игра прерывалась.

Фор падал уже довольно быстро, хотя дважды слегка притормозил, успев хлопнуть ладонью по перекладине.

До пола оставалось совсем немного, но тут Фор сделал резкое движение в сторону и повис головой вниз, зацепившись правой ногой за поперечный брус. Раскинув руки, он висел так в десяти футах над полом, пока не смолкли аплодисменты, а затем вывернулся и мгновенно взлетел вверх по перекладинам.

— Его сбили запрещенным приемом? — спросил землянин.

— Если Джин Вонг действительно схватила Марко за запястье, а не хлопнула по нему, то за это полагается штраф. Но судья признал честную блокировку, и не думаю, чтобы Марко потребовал проверки по видеозаписи. Он мог бы остановить свое падение гораздо раньше, но он обожает эффектные трюки в последний

момент. Когда-нибудь он не рассчитает и сломает руку или ногу... Ого!

Землянин удивленно оглянулся на нее, но Селена смотрела не в шахту.

— Это один из секретарей представителя Земли, и, по-видимому, он ищет вас, — сказала она.

— Но почему...

— А кого же еще? Ни к кому другому у него тут дела быть не может.

— Но с какой стати... — начал было землянин.

Однако секретарь — судя по его сложению и походке, тоже землянин или недавний иммигрант — направился прямо к нему, явно чувствуя себя неловко под обращенными на него взглядами, в которых за равнодушием пряталась легкая насмешка.

— Сэр, — сказал он, — представитель Готтштейн просит вас...

Глава 5

Квартира Бэррона Невилла была не такой уютной, как квартира Селены. Повсюду валялись книги, печатное устройство компьютера в углу было открыто, а на большом письменном столе царил полный хаос. Окна были просто матовыми.

Едва войдя, Селена скрестила руки на груди и сказала:

— Бэррон, человек, живущий среди такого беспорядка, вряд ли может мыслить логично.

— Уж как-нибудь! — ворчливо ответил Бэррон. — А почему ты не привела своего землянина?

— Его затребовал к себе представитель. Новый представитель.

— Готтштейн?

— Вот именно. Почему ты не мог освободиться раньше?

— Потому что мне нужно было время, чтобы сориентироваться. Нельзя же действовать вслепую.

— Ну, в таком случае делать нечего, придется подождать, — сказала Селена.

Невилл покусал ноготь на большом пальце и свирепо уставился на обгрызенный край.

— Просто не знаю, как следует оценить сложившуюся ситуацию... Что ты о нем скажешь?

— Он мне нравится, — решительно ответила Селена. — Держится для земляшки очень неплохо. Соглашался идти, куда я его вела. Ему было интересно. Он воздерживался от категорических суждений, не смотрел сверху вниз... А я ведь нет-нет да и говорила ему не слишком приятные вещи.

— Он опять спрашивал про синхрофазотрон?

— Нет. Но ему и не нужно было спрашивать.

— Почему?

— Я ведь сказала ему, что ты хочешь с ним встретиться, и упомянула, что ты физик. Поэтому, мне кажется, все вопросы он намерен задавать тебе.

— И ему на показалось странным, что у гида его группы вдруг оказался знакомый физик?

— Что тут странного? Я сказала, что ты мой приятель. А для таких отношений профессия большого значения не имеет, и даже физик может снизойти до презренного гида при условии, что этот гид — достаточно привлекательная женщина.

— Селена, хватит!

— Ах, так... Послушай, Бэррон, по-моему, если бы он плел какую-нибудь тайную паутину и искал моего общества только потому, что рассчитывал с моей помощью добраться до тебя, он держался бы более напряженно. Чем сложнее и нелепее заговор, тем он уязвимее и тем больше нервничает тот, кто заинтересован в его успехе. А я нарочно вела себя чрезвычайно непосредственно. Я говорили обо всем, кроме синхрофазотрона. Я повела его на коктейль.

— И что же он?

— Ему было интересно. Он держался совершенно спокойно и наблюдал за гимнастами с большим любопытством. Я не знаю, чего он хочет, но никаких коварных замыслов он, по-видимому, не вынашивает.

— Ты уверена? А почему же представитель так поспешно потребовал его к себе и помешал нашей встрече? По-твоему, это хороший признак?

— Не вижу, почему его надо считать дурным. Приглашение, переданное в присутствии двух десятков лунян, тоже как-то не выглядит тонким коварством.

Невилл откинулся, заложив руки за голову.

— Селена, будь добра, воздержись от безосновательных выводов. Они меня раздражают. Начать хотя бы с того, что он никакой не физик. А ведь тебе он говорил, что он физик?

Селена задумалась.

— Нет. Это сказала я. А он не стал отрицать. Но сам он ничего подобного прямо не утверждал. И все-таки... все-таки я убеждена, что он физик.

— Это ложь через умолчание, Селена. Возможно даже, что он искренне считает себя физиком, но он не получил соответствующего образования и никогда как физик не работал. Да, он что-то там кончил, но научной работой никогда не занимался. Пытался, но у него ничего не вышло. Не нашлось лаборатории, которая захотела бы его взять. Он занесен в черный список Фреда Хэллеме и много лет возглавляет этот список.

— Это точно?

— Я все проверил, можешь не сомневаться. Ты же сама меня упрекнула, что я так задержался... Все выглядит настолько замечательным, что это даже подозрительно.

— Но почему? Я что-то не понимаю.

— Не кажется ли тебе, что такой человек прямо-таки напрашивается на наше доверие? Ведь он явно не должен питать к Земле добрых чувств.

— Если твои сведения точны, то рассуждать можно и так.

— Сведения-то точны! То есть в том смысле, что, наводя справки, я получил именно эти факты. Ну а вдруг кто-то как раз и добивается, чтобы мы рассуждали именно так?

— Бэррон, это нестерпимо! Почему тебе повсюду мерещатся заговоры? Бен не похож...

— Бен? — иронически переспросил Невилл.

— Да, Бен! — твердо повторила Селена. — Бен не похож на человека, который нянчится с тайной обидой. И он не пытался создать у меня впечатление, будто он — человек, который нянчится с тайной обидой.

— О да! Но ему удалось создать у тебя впечатление, что он приятный и интересный человек. Ты ведь сама это сказала, верно? И даже подчеркнула. А может быть, он именно этого и добивался?

— Ты ведь отлично знаешь, что меня не так легко провести.

— Что же, подождем, пока я сам с ним не познакомлюсь.

— А, иди ты к черту, Бэррон! Я встречалась с тысячами разных землян. Это моя работа. У тебя нет ни малейших оснований иронизировать над моими вывода-

ми. И ты это знаешь. Наоборот, у тебя есть все основания им доверять.

— Ну хорошо, увидим. Не сердись. Просто необходимость ждать... А не скрасить ли нам ее? — и он гибким движением поднялся на ноги.

— У меня что-то нет настроения.

Селена тоже поднялась и, сделав едва заметное движение, ускользнула в сторону.

— Ты злишься, потому что я подверг сомнению твои выводы?

— Я злюсь потому, что... А, черт, ну почему ты не наведешь порядок у себя в комнате?

И с этими словами она ушла.

Глава 6

-Я бы с удовольствием угостил вас чем-нибудь земным, доктор, — сказал Готтштейн, — но из принципиальных соображений мне было запрещено везти с собой земные продукты. Глубокоуважаемые луняне считают, что приезжие с Земли не должны жить в особых условиях, так как это создает искусственные барьеры. А потому мне положено вести, елико возможно, лунный образ жизни, но, боюсь, мою походку не скроешь. С этой чертовой силой тяжести шутки плохи!

— Совершенно с вами согласен, — сказал землянин. — И позвольте принести вам мои поздравления по поводу вашего вступления в должность...

— Ну я еще не вполне вступил в нее.

— Тем не менее я вас поздравляю. Но, естественно, я несколько недоумеваю, почему вы пожелали меня видеть.

— Мы летели на одном корабле и вместе прибыли сюда.

Землянин вежливо слушал.

— Но мое знакомство с вами восходит к более давнему времени, — продолжал Готтштейн. — Нам довелось встретиться несколько лет назад... Правда, встреча была довольно мимолетней.

— Боюсь, я не помню, — спокойно сказал землянин.

— Это неудивительно. Было бы странно, если бы вы меня запомнили. Я в то время был сотрудником сенатора Бэрта, который возглавлял... как и теперь возглавляет... комиссию по техническому прогрессу и среде обитания.

В то время он пытался собрать материал против Хэллема... Фредерика Хэллема.

Землянин сел прямее.

— Вы знаете Хэллема? — спросил он.

— За время моего пребывания на Луне вы — второй, кто задает мне этот вопрос. Да, я его знаю. Хотя и не очень близко. И я разговаривал со многими людьми, которые его знают. Как ни странно, их мнение обычно совпадало с моим. Хэллема почитает вся планета, но тем, кто встречается с ним лично, он почему-то внушает довольно мало симпатии.

— Довольно мало? Вовсе никакой, как мне кажется, — сказал землянин.

Готтштейн продолжал, словно его не перебивали:

— В то время мне было поручено — сенатором, я имею в виду — заняться Электронным Насосом и проверить, не сопровождаются ли его установка и эксплуатация неоправданными расходами и личным обогащением. Такое расследование вполне отвечало задачам комиссии, но, между нами говоря, сенатор надеялся обнаружить что-нибудь, компрометирующее Хэллема. Его тревожило чрезмерное влияние, которое тот приобрел в науке, и он хотел как-то подорвать хэллемовский престиж. Но у него ничего не вышло.

— Последнее очевидно. Хэллем силен, как никогда.

— Никаких темных махинаций обнаружить не удалось, и, уж во всяком случае, Хэллем оказался совершенно чист. Он скрупулезно честен.

— В этом смысле — пожалуй. У власти есть своя рыночная цена, которая вовсе не обязательно измеряется деньгами.

— Но меня заинтересовало другое, хотя продолжить расследование в этом направлении я тогда не мог. Среди тех, кого опрашивала комиссия, нашелся человек, который возражал не против власти Хэллема, а против самого Электронного Насоса. Я присутствовал при беседе с ним, хотя сам в ней активного участия не принимал. Этим человеком были вы, не так ли?

— Я помню разговор, о котором вы говорите, — осторожно сказал землянин. — Но вас я все-таки не припоминаю.

— Тогда меня поразило, что у кого-то нашлись чисто научные возражения против Электронного Насоса. Вы произвели на меня такое впечатление, что на корабле ваше лицо сразу же показалось мне знакомым. А потом я припомнил и все остальное. В список пассажиров я не заглядывал, а решил просто положиться на свою память. Вы ведь доктор Бенджамин Эндрю Денисон, не так ли? Землянин вздохнул.

— Бенджамин Аллан Денисон. Совершенно верно. Но, собственно, какое это имеет значение? Мне несколько не хочется ворошить прошлое, сэр. Я сейчас на Луне и хотел бы начать все заново. С самого начала, если потребуется. Черт побери, я же думал изменить имя!

— Это не помогло бы. Я ведь узнал ваше лицо. У меня нет никаких возражений против вашего намерения начать новую жизнь, доктор Денисон. И я не собираюсь вам мешать. Но мне хотелось бы выяснить одно обстоятельство, которое вас затрагивает лишь косвенно. Я не помню точно, какие возражения против Электронного Насоса вы тогда выдвигали. Вы не изложили бы их снова?

Денисон опустил голову. Пауза затягивалась, но новый представитель Земли не прерывал ее. Он даже постарался не кашлянуть. Наконец Денисон сказал:

— В сущности, обоснованных аргументов у меня не было. Простая догадка, опасения, что напряженность сильного ядерного поля может измениться. Короче говоря, ничего конкретного.

— Ничего? — Готтштейн все-таки откашлялся. — Извините, но мне хотелось бы разобраться. Я вам уже сказал, что вы тогда очень меня заинтересовали. Но в тот момент у меня не было возможности этим заняться, а сейчас мне вряд ли удастся получить нужные сведения. Сенатор тогда потерпел поражение, а потому принял все меры, чтобы этот факт не стал достоянием гласности. Но кое-что я все-таки припоминаю. Одно время вы были сослуживцем Хэллема. И вы не физик.

— Совершенно верно. Я был радиохимиком. Как и он.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, но начало вашей карьеры было многообещающим, не так ли?

— Это подтверждается объективными фактами. И у меня никогда не было склонности к переоценке собственной личности. Я действительно показал себя блестящим исследователем.

— Поразительно, сколько подробностей я, оказываюсь, помню! Хэллем, с другой стороны, особых надежд не подавал.

— Да, пожалуй.

— Тем не менее ваша научная карьера оборвалась. И когда мы с вами беседовали... вы ведь сами к нам пришли, насколько я помню... вы работали на фабрике игрушек.

— В косметической фирме, — сдавленным голосом поправил Денисон. — Мужская косметика. Что не послужило хорошей рекомендацией в глазах вашей комиссии.

— Да, конечно. К сожалению, это обстоятельство не придавало весомости вашим словам. Вы, кажется, были коммивояжером?

— Нет, я заведовал отделом сбыта. И представьте себе, справлялся со своими обязанностями опять-таки блестяще. Когда я решил бросить все и уехать на Луну, я был уже вице-президентом компании.

— А Хэллем имел к этому какое-нибудь отношение? К тому, что вы должны были бросить научные исследования?

— С вашего разрешения я предпочел бы оставить эту тему, сэр! — сказал Денисон. — Теперь это уже не имеет ни малейшего значения. Я практически присутствовал при том, как Хэллем открыл конверсию вольфрама и начались события, которые в конце концов привели к появлению Электронного Насоса. Что произошло бы, не окажись я в этот момент там, сказать не берусь. Вполне возможно, что месяц спустя и Хэллем, и я умерли бы от лучевой болезни или через полтора месяца стали бы жертвами ядерного взрыва. Не хочу гадать. Во всяком случае, я оказался там, и Хэллем стал тем, чем он стал, отчасти благодаря мне, а я по той же причине стал тем, чем стал. И к черту подробности. Вам довольно этого? Потому что ничего больше вы от меня не услышите!

— Пожалуй, довольно. Значит, у вас есть основания относиться к Хэллему с личной неприязнью.

— Да, в те дни я к нему, безусловно, нежных чувств не питал. Как, впрочем, и сейчас.

— Так не были ли ваши возражения против Электронного Насоса продиктованы желанием покончить с Хэллемом?

— Это допрос? — сказал Денисон.

— Что? Конечно, нет. Я просто хотел бы получить у вас некоторые справки в связи с Электронным Насосом и рядом других проблем, которые меня интересуют.

— Ну что ж. Можете считать, что личные чувства сыграли тут некоторую роль. Из-за неприязни к Хэллему мне хотелось верить, что его престиж и популярность опираются на обман. И я начал раздумывать над Электронным Насосом, надеясь обнаружить какой-нибудь недостаток.

— И поэтому обнаружили?

— Нет! — Денисон гневно стукнул кулаком по ручке кресла и в результате взвился над сиденьем. — Нет, не поэтому. Да, я обнаружил сомнительное звено. Но по-настоящему сомнительное. Во всяком случае, с моей точки зрения. И я, безусловно, не подтасовывал факты ради того, чтобы подставить Хэллему ножку.

— О подтасовке и речи нет, доктор Денисон, — поспешно сказал Готтштейн. — Разумеется, я ни о чем подобном не думал. Но, как известно, попытка делать выводы на самой грани известных фактов обязательно требует каких-то допущений. И вот на этой зыбкой почве вполне честный выбор того или иного допущения может бессознательно зависеть от... гм... от эмоциональной направленности. Вот почему не исключено, что свои допущения вы выбирали с заранее заданной антихэллемовской направленностью.

— Это бесплодный разговор, сэр. В то время мне казалось, что мой вывод достаточно обоснован. Но я ведь не физик. Я радиохимик. То есть был когда-то радиохимиком.

— Как и Хэллем. Однако сейчас он самый знаменитый физик мира.

— И тем не менее он радиохимик, причем на четверть века отставший от современных требований науки.

— Ну о вас того же сказать нельзя. Вы ведь приложили все усилия, чтобы переквалицифироваться в физика.

— Я вижу, вы по-настоящему покопались в моем прошлом, — еле сдерживаясь, сказал Денисон.

— Но я же сказал вам, что вы произвели на меня большое впечатление. Все-таки поразительно, как все воскресает в памяти! Но сейчас мне хотелось бы спросить вас о другом. Вам известен физик Питер Ламонт?

— Мы встречались, — с неохотой буркнул Денисон.

— Как по-вашему, можно назвать его блестящим исследователем?

— Я недостаточно хорошо его знаю для подобных заключений. И вообще не люблю злоупотреблять такими словами.

— Но, как по-вашему, можно считать, что он берет свои теории не с потолка?

— Если нет прямых доказательств обратного, то, на мой взгляд, безусловно.

Готтштейн осторожно откинулся на спинку кресла, весьма хрупкого на вид. На Земле оно, безусловно, не выдержало бы его веса.

— Можно вас спросить, как вы познакомились с Ламонтом? Вы уже что-нибудь знали о нем? Или никогда до этого о нем не слышали?

— У нас было несколько встреч, — сказал Денисон. — Он собирался написать историю Электронного Насоса — полную и исчерпывающую. Другими словами, полное изложение дурацких мифов, которыми все это обросло. Мне польстило, что Ламонт меня разыскал, что я его интересую. Черт побери, сэр, мне польстило, что он вообще знает о моем существовании! Но что я мог ему рассказать? Только поставил бы себя в глупое положение. А мне это надоело. Надоело мучиться, надоело жалеть себя.

— Вам известно, чем занимался Ламонт в последнее время?

— Что вы имеете в виду, сэр? — осторожно спросил Денисон.

— Примерно полтора года назад Ламонт побывал у Бэрта. Я уже давно ушел из комиссии, но мы с сенато-

ром иногда встречаемся. И он рассказал мне об их разговоре. Он был встревожен. Он считал, что Ламонт, возможно, прав и Электронный Насос действительно следует остановить, но не видел никаких путей для принятия практических мер. Меня это тоже встревожило...

— Всеобщая тревога, — саркастически заметил Денисон.

— Но теперь мне пришло в голову... Поскольку Ламонт говорил с вами, то...

— Погодите, сэр! Не продолжайте. Мне кажется, я понимаю, к чему вы клоните, а это, поверьте, будет совершенно лишним. Если вы ждете, что я стану утверждать, будто Ламонт присвоил мою идею и я опять оказался жертвой, то вы ошибаетесь. Говорю вам это со всей категоричностью. У меня не было никакой теории. Все ограничивалось смутной догадкой. Она меня беспокоила. Я сообщил о ней. Мне не поверили. И я махнул на все рукой. Поскольку у меня не было возможности найти доказательства, я больше к этому вопросу не возвращался. В разговоре с Ламонтом я ни о чем подобном не упоминал. Мы говорили только о первых днях зарождения Насоса. Если его теория и напоминает мою догадку, он пришел к ней самостоятельно. И, судя по всему, его выводы выглядят гораздо убедительнее и опираются на строгий математический анализ. Я вовсе не считаю, будто приоритет принадлежит мне. Ничего подобного!

— По-видимому, теория Ламонта вам знакома.

— В последние месяцы она приобрела некоторую известность. У него нет возможности выступить в печати, никто не относится к его предупреждениям серьезно, но о них говорят. И слухи дошли даже до меня.

— Ах так, доктор Денисон. Но, видите ли, я к ним отношусь серьезно. Ведь, как вы понимаете, эти предупреждения я слышу не впервые. Сенатор же ничего не знал о первом — о вашем — предупреждении, поскольку оно не имело никакого отношения к финансовым махинациям, которые он тогда пытался обнаружить. А человек, возглавлявший расследование — это был не я, — счел вашу идею, простите меня, маниакальной. Но я с ним не был согласен. И когда этот вопрос всплыл

снова, я встревожился. Я хотел поговорить с Ламонтом, но ряд физиков, с которыми я сначала проконсультировался...

— Включая Хэллему?

— Нет. Хэллему я не видел. Но те, с которыми я консультировался, заверили меня, что гипотеза Ламонта абсолютно безосновательна. И все-таки я, наверное, повидался бы с ним, но тут мне предложили эту новую должность... и я приехал сюда. Как и вы. Теперь вы понимаете, почему я пригласил вас к себе. Вы считаете, что ваша идея и идея доктора Ламонта верны?

— То есть приведет ли дальнейшее использование Электронного Насоса к взрыву Солнца, а может быть, и всей ветви нашей Галактики?

— Вот именно.

— Что я могу вам ответить? Мое предположение — не более чем догадка. Что же касается теории Ламонта, то я знаком с ней лишь понаслышке. Она ведь нигде не публиковалась. Но, если бы я и мог ознакомиться с полным ее изложением, весьма вероятно, что в математическом смысле она окажется для меня недоступной... Да и что толку? Ламонт никого не сможет убедить. Хэллем раздался с ним, как раньше раздался со мной, а если бы ему и удалось, так сказать, действовать через голову Хэллему, широкая публика вряд ли ему поверит, поскольку предлагаемые им меры противоречат ее интересам. Отказаться от Электронного Насоса не хочет никто, а легче опорочить теорию Ламонта, чем искать выход из положения.

— Но вы все еще принимаете это близко к сердцу?

— Да, конечно. То есть я считаю, что мы идем к гибели, и мне очень не хотелось бы, чтобы так случилось на самом деле.

— А потому вы приехали на Луну, рассчитывая сделать что-то, чего Хэллем, ваш старинный враг, не позволял вам сделать на Земле?

— Вы, по-видимому, тоже склонны к догадкам, — после паузы ответил Денисон.

— Неужели? — невозмутимо сказал Готтштейн. — Может быть, я по-своему блестящ. Но я угадал правильно?

— Быть может. Я еще не отказался от надежды вновь заняться наукой. И был бы очень рад, если бы

помог избавить человечество от призрака надвигающейся катастрофы, либо установив, что никакой угрозы вообще не существует, либо подтвердив ее наличие с тем, чтобы ее можно было устранить.

— Ах так. Доктор Денисон, я хотел бы поговорить с вами вот о чем. Мой предшественник, мистер Монтез, убеждал меня, что фронт передовой научной мысли находится теперь на Луне. Он считает, что число людей, выдающихся по уму, энергии и инициативе, тут непропорционально велико.

— Возможно, он прав, — сказал Денисон. — Я об этом судить не берусь.

— Возможно, он прав, — задумчиво повторил Готтштейн. — Но в таком случае не считаете ли вы, что это может помешать вам добиться своей цели? Что бы вы ни сделали, люди будут говорить и думать, будто это достижение лунной науки. И каким бы ценными ни были результаты ваших исследований, ваши заслуги не получат должного признания... Что, конечно, будет несправедливо.

— Мне надоела гонка за признанием, мистер Готтштейн. Я хотел бы найти для себя занятие более интересное, чем обязанности вице-президента косметической фирмы, курирующего ультразвуковые депиляторные средства. Вернувшись в науку, я обрету то, что мне нужно. И если я сделаю что-нибудь, по моему мнению, стоящее, мне будет этого вполне достаточно.

— Но не мне. Ваши заслуги будут оценены по достоинству. Я как представитель Земли сумею представить факты землянам таким образом, что вы получите признание, на которое имеете право. Ведь, наверное, и вам свойственно обычное человеческое желание получить то, что вам причитается.

— Вы очень любезны. Ну а взамен?

— Вы циничны, но ваш цинизм извинителен. А взамен мне нужна ваша помощь. Мистер Монтез не сумел установить, какого рода исследованиями заняты ученые на Луне. Научные контакты Земли и Луны явно недостаточны, и координация работ, ведущихся на обеих планетах, была бы равно полезна для них обеих. Конечно, без некоторого недоверия дело не обойдется, но, если

бы вам удалось его рассеять, для нас это было бы не менее ценным, чем любые ваши научные открытия.

— Но, сэр, как вы и сами прекрасно понимаете, я не слишком подхожу для того, чтобы убедить лунян в благожелательности и справедливости научных кругов Земли.

— Доктор Денисон, не следует все-таки судить о всех землянах по одному злопамятному администратору от науки. Скажем так: мне надо быть в курсе ваших научных успехов, чтобы я мог гарантировать вам заслуженное признание, но, как вам известно, сам я не ученый, и, если бы вы объяснили мне их в свете нынешнего состояния науки на Луне, я был бы вам весьма признателен. Ну как, вы согласны?

— Все это довольно сложно, — сказал Денисон. — Сообщение о предварительных результатах может нанести непоправимый вред репутации ученого, если оно будет сделано преждевременно — по неосторожности или в результате излишнего энтузиазма. Мне было бы крайне тяжело и неприятно обсуждать ход моих исследований с кем бы то ни было, пока я не буду твердо убежден, что иду по верному пути. Мой прежний опыт — ну хотя бы с комиссией, членом которой вы были, — приучил меня к осторожности.

— Я все прекрасно понимаю, — благожелательно сказал Готтштейн. — Разумеется, вы сами примете решение, когда именно будет иметь смысл информировать меня... Но уже очень поздно, и вы, вероятно, хотите спать...

Поняв, что их разговор окончен, Денисон попрощался и ушел, а Готтштейн еще долго сидел, задумчиво глядя перед собой.

Глава 7

Денисон открыл дверь, нажав на ручку. Она открывалась автоматически, но спросонок он забыл, где находится нужная кнопка.

Темноволосый человек с хмурым лицом сказал:

— Извините... Я, кажется, пришел слишком рано.

Денисон машинально повторил последнее слово, стараясь собраться с мыслями:

— Рано?... Нет... Это я проспал.

— Я вам звонил. Мы договорились...

И тут Денисон вспомнил:

— Да-да. Вы ведь доктор Невилл?

— Совершенно верно. Можно, я войду?

С этими словами он перешагнул порог. Комната Денисона была совсем крохотной, и постель со смятыми простынями занимала добрую ее половину. Негромко жужжал вентилятор.

— Надеюсь, вам спалось неплохо? — с безразличной вежливостью осведомился Невилл.

Денисон взглянул на свою пижаму и провел ладонью по всклокоченным волосам.

— Нет, — ответил он неожиданно для самого себя. — Я провел совершенно жуткую ночь. Вы разрешите мне привести себя в порядок?

— Ну конечно. А я, если хотите, пока приготовлю вам завтрак. Вы ведь, я полагаю, еще плохо знакомы с нашим кухонным оборудованием?

— Буду вам очень благодарен, — ответил Денисон.

Минут через двадцать он вернулся, побрившись и приняв душ. Теперь на нем были брюки и майка. Он сказал:

— Я, кажется, сломал душ: вода вдруг перестала течь, и мне не удалось снова его включить.

— Подача воды ограничена, и когда квота израсходована, краны автоматически отключаются. Вы на Луне, доктор Денисон. Я взял на себя смелость приготовить омлет и бульон для нас обоих.

— Омлет?

— Мы пользуемся этим обозначением, хотя для землян оно, возможно, означает что-то совсем другое.

— А! — сказал Денисон и, опустившись на стул, без особого воодушевления попробовал упругую желтоватую массу, которую Невилл назвал омлетом. Он напряг всю свою волю, чтобы не поморщиться, а затем мужественно подцепил на вилку новый кусок.

— Со временем вы привыкнете, — заметил Невилл. — А калорийность этого продукта очень высока. И учтите, что пища с большим содержанием белка в условиях малой силы тяжести вообще снижает потребность в еде.

— Тем лучше, — деликатно кашлянув, сказал Денисон.

— Селена мне говорила, что вы намерены остаться на Луне, — продолжал Невилл.

— Да, я так думал... — Денисон протер глаза. — Но эта ночь прошла настолько мучительно, что, боюсь, у меня может не хватить решимости.

— Сколько раз вы падали с кровати?

— Дважды... Так, значит, это в порядке вещей?

— Все приезжие с Земли обязательно проходят через это. Пока вы бодрствуете, вы способны приравнивать свои движения к лунной силе тяжести. А во сне вы ворочаетесь точно так же, как на Земле. Но, во всяком случае, ушибы практически исключены.

— Второй раз я проснулся уже на полу и совершенно не помнил падения. А как вы умудряетесь спать спокойно?

— Не забывайте регулярно проверять сердце, давление и прочие функции организма. Перемена силы тяжести может плохо сказаться на них.

— Да, меня неоднократно об этом предупреждали, — нехотя ответил Денисон. — Через месяц я должен

явиться на прием к врачу, а пока меня снабдили всяческими таблетками.

— Впрочем, — сказал Невилл таким тоном, словно ему надоело говорить о пустяках, — через неделю, возможно, вы уже полностью адаптируетесь... Но вам нужно одеться как следует. Ваши брюки просто невозможны, а эта легкая рубашка без рукавов совершенно бесполезна.

— Вероятно, у вас имеются магазины, где я могу купить подходящую одежду?

— Конечно. И думаю, Селена будет рада помочь вам в свободное время. Она говорила мне, что вы производите весьма приятное впечатление, доктор Денисон.

— Очень рад это слышать, — Денисон проглотил ложку бульона, некоторое время переводил дух, а потом с угрюмым упорством зачерпнул вторую.

— Селена почему-то решила, что вы физик, но, разумеется, она ошибается.

— По образованию я радиохимик.

— Но в этой области вы работали недолго, доктор Денисон. Мы здесь, конечно, несколько в стороне, но кое-что известно и нам. Вы ведь одна из жертв Хэллема.

— А почему вы употребляете множественное число? Разве этих жертв так много?

— Как вам сказать. Вся Луна — одна из его жертв.

— Луна?

— В определенном смысле.

— Я что-то не понимаю.

— У нас на Луне нет Электронных Насосов. Потому что с нами паравселенная сотрудничать не стала. Ни один кусок вольфрама не был конвертирован.

— Но, доктор Невилл, все-таки вряд ли это можно приписать козням Хэллема.

— От обратного — вполне можно. Почему, собственно, инициатива установки каждого Электронного Насоса обязательно должна исходить от паравселенной, а не от нас?

— Насколько мне известно, у нас не хватает для этого необходимых знаний.

— А откуда же они возьмутся, если всякие исследования в этой области запрещены?

— А разве они запрещены? — с некоторым удивлением спросил Денисон.

— Практически, да. Если тем, кто ведет такую работу, никак не удастся получить доступ к синхрофазотрону и к другим большим установкам, которые контролирует Земля и, следовательно, Хэллем, это равносильно прямому запрещению.

Денисон протер глаза.

— Боюсь, мне скоро снова придется лечь спать... Прошу прощения, я вовсе не имел в виду, что вы нагоняете на меня скуку. Но скажите, так ли уж нужен Луне Электронный Насос? Ведь солнечные аккумуляторы с лихвой покрывают все ее потребности в энергии.

— Они привязывают нас к Солнцу, доктор Денисон. Они привязывают нас к поверхности!

— А-а... Но как вы думаете, доктор Невилл, чем, собственно, объясняется столь негативная позиция Хэллема?

— На этот вопрос легче ответить вам. Вы ведь знакомы с ним лично, а я нет. Он предпочитает не напоминать лишний раз широкой публике, что Электронный Насос создан паралюдьми, а мы — всего лишь их подручные. Если же мы на Луне сами решим эту проблему, то мы и положим начало истинной эре Электронного Насоса, а он останется ни при чем.

— Зачем вы мне все это говорите? — спросил Денисон.

— Чтобы сэкономить время. Обычно мы принимаем земных физиков с распростертыми объятиями. Мы на Луне чувствуем себя изолированными, жертвами сознательной политики земных научных центров, а такое посещение значит для нас очень много хотя бы уже потому, что рассеивает это ощущение изолированности. А физик-иммигрант способен помочь нам даже еще больше, и мы предпочитаем сразу ввести его в курс и пригласить работать с нами. Мне искренне жаль, что вы не физик.

— Я этого никогда не утверждал, — сказал Денисон с раздражением.

— Но вы изъявили желание осмотреть синхрофазотрон. Почему?

— Ах, вот что вас беспокоит! Ну я попробую объяснить. Моя научная карьера была погублена четверть века назад. И вот я решил найти для моей жизни какое-то оправдание, вернуть ей смысл, а сделать это возможно только вдали от Хэллема, то есть здесь, на Луне. По образованию я радиохимик, но это ведь не означало, что я не могу пробовать свои силы в другой области. Парафизика — наиболее современный раздел физики, да и всей науки вообще, и я попытался заняться ею самостоятельно, чувствуя, что это даст мне наибольшие шансы вновь обрести себя в науке.

Невилл кивнул.

— Вот как! — произнес он с явным сомнением.

— Да, кстати, раз уж вы заговорили об Электронном Насосе... Вы что-нибудь слышали о теории Питера Ламонта?

Невилл прищурился.

— Нет. Я не припоминаю этой фамилии.

— Да, он пока еще не знаменит. И, возможно, так и останется в полной неизвестности — по той же причине, что и я. Он встал Хэллему поперек пути... Вчера кое-что напомнило мне о нем, и я начал думать... Отличное занятие для бессонной ночи! — он снова зевнул.

— Ну и что же? — нетерпеливо спросил Невилл. — Почему вы заговорили об этом... как его зовут?

— Питер Ламонт. Он занимался паратеорией и выдвинул небезынтересную гипотезу. По его мнению, дальнейшая работа Электронного Насоса приведет к усилению сильного ядерного взаимодействия в пределах Солнечной системы, в результате чего Солнце постепенно будет разогреваться все больше, и в какой-то критический момент произойдет фазовое превращение, которое завершится взрывом.

— Чепуха! Вы знаете, какие изменения в космических масштабах способно произвести максимальное использование Насоса в человеческих масштабах? Пусть вы всего лишь физик-самоучка, но и вам должно быть сразу ясно, что Насос не успеет оказать заметного влияния на вселенную за все время естественного существования Солнечной системы!

— Вы уверены?

— Конечно! А вы?

— Не знаю. Ламонт, бесспорно, действует из личных побуждений. Мне довелось разговаривать с ним, и он произвел на меня впечатление очень увлекающегося и эмоционального человека. Если вспомнить, как раздался с ним Хэллем, будет только естественно предположить, что им руководит иступленная ненависть.

Невилл нахмурился.

— А вы уверены, что он действительно в немилости у Хэллема?

— Я в этом вопросе эксперт.

— А вам не приходило в голову, что подобные сомнения в безопасности Насоса могли быть посеяны опять-таки с единственной целью помешать Луне обзавестись собственным Насосом?

— Посеяв при этом всеобщую панику и отчаяние? Ну, разумеется, это чепуха. С тем же успехом можно щелкать орехи при помощи ядерных взрывов. Нет, я убежден в искренности Ламонта. По правде говоря, когда-то и мне при всем моем невежестве пришлось в голову нечто подобное.

— Потому что и вами тоже руководит ненависть к Хэллему.

— Я ведь не Ламонт. И следовательно, воспринимаю все по-другому. Собственно, у меня была некоторая надежда разобраться в этом вопросе на Луне без помех со стороны Хэллема и без ламонтовских эмоций.

— Здесь, на Луне?

— Да, здесь, на Луне. Я надеялся, что смогу воспользоваться синхрофазотроном.

— Поэтому вы о нем и спрашивали?

Денисон кивнул.

— Вы и правда думали, что сможете воспользоваться синхрофазотроном? Вы знаете, какая на него очередь?

— Я надеялся, что заручусь помощью кого-нибудь из лунных ученых.

Невилл засмеялся и покачал головой.

— У нас возможностей немногим больше, чем у вас... Но вот что мы могли бы вам предложить. У нас есть собственные лаборатории. Мы можем предоставить вам рабочее место и даже кое-какие приборы. Не берусь судить, насколько все это будет вам полезно, но не исключено, что вы чего-нибудь и добьетесь.

— Как по-вашему, позволят ли мне эти приборы вести исследования в области паратеории?

— Отчасти, я полагаю, это будет зависеть от вашей изобретательности. Вы рассчитываете найти подтверждение теории этого вашего Ламонта?

— Или опровержение. Если что-нибудь получится.

— Ну, в любом случае, ее можно только опровергнуть, в этом я не сомневаюсь.

— Но ведь вы знаете, что я по образованию не физик? — спросил Денисон. — Так почему же вы с такой готовностью предлагаете мне место в лаборатории?

— Потому что вы с Земли. Я ведь сказал вам, что мы это ценим, а тот факт, что в физике вы самоучка, может сыграть и положительную роль. Селена высказалась в вашу пользу, а я придаю этому, возможно, больше значения, чем следовало бы. Нас сближает и то, что мы — жертвы Хэллема. Если вы хотите восстановить вашу репутацию, мы вам поможем.

— Простите мой цинизм. А что вы рассчитываете получить взамен?

— Вашу помощь. В сношениях между учеными Земли и Луны существует некоторая натянутость. Вы добровольно приехали с Земли на Луну и могли бы послужить сближению обеих планет к их взаимной пользе. Вы уже наладили контакт с новым представителем Земли, и, возможно, восстанавливая свою репутацию, вы заодно укрепите и нашу.

— Другими словами, если я подорву влияние Хэллема, это будет полезно и лунной науке?

— Все, чего бы вы ни добились, будет полезно... Но, пожалуй, вам действительно надо еще поспать. Зайдите ко мне в ближайшие день-два, и я выясню вопрос с лабораторией. А кроме того... — он обвел взглядом тесную комнатку, — мы постараемся подыскать вам и более удобное жилье.

Они пожали друг другу руки, Невилл ушел.

Глава 8

Готтштейн продолжал:

— И все-таки, с какими бы неприятностями ни было сопряжено ваше пребывание на Луне, я думаю, сегодня, расставаясь с ней, вы не можете не испытывать сожаления.

— И даже очень большого, — выразительно пожал плечами Монтес. — Как только подумаю о земной силе тяжести. Одышка, боль в ногах, испарина. Я буду все время мокрым от пота.

— Рано или поздно и мне придется пройти через это.

— Послушайте моего совета — обязательно летайте на Землю не реже чем раз в два месяца. Что бы ни говорили вам доктора, какие бы изометрические упражнения вы ни проделывали, непременно каждые шестьдесят дней возвращайтесь на Землю минимум на неделю. Старайтесь, чтобы ваше тело сохраняло ее ощущение.

— Попробую, насколько это будет от меня зависеть... Ах да! Я побеседовал с моим другом.

— С каким это?

— С моим спутником по кораблю. Мне казалось, что я его уже видел раньше. И я не ошибся. Некий Денисон, радиохимик. Как оказалось, я очень хорошо помню все, что с ним связано.

— То есть?

— Мне запомнилась одна его навязчивая идея, и я попытался вызвать его на откровенность. Он противился с большой ловкостью. И рассуждал очень логично. Настолько логично, что мои подозрения еще больше укрепились. Некоторым типам маньяков свойственна

весьма изящная логичность. Это своего рода защитный механизм.

— Боже мой, — с видимой досадой сказал Мон-тес. — Я что-то запутался. С вашего разрешения я на минутку присяду. Когда то и дело лихорадочно прикидываешь, все ли упаковано как следует, и предвкушаешь первую встречу с земным тяготением, поневоле хочется отдышаться... Так в чем же заключается его навязчивая идея?

— В свое время он пытался убедить нас, что Электронный Насос опасен. Что его применение приведет к взрыву вселенной.

— Неужели? А это правда?

— Надеюсь, что нет. В тот момент от него отмахнулись, и довольно грубо. Когда ученые работают на пределе понимания, они начинают нервничать. Один мой знакомый психиатр называл это синдромом «кто знает?». Если, несмотря на все ваши усилия, вам не удастся получить нужных данных, вы говорите: «Кто знает, что произойдет?», а дальше начинает работать воображение.

— Да, но если физики говорят нечто подобное, пусть даже не все...

— В том-то и дело, что они ничего подобного не говорят. Во всяком случае, официально. Существует такое понятие, как ответственность ученого, и журналы не публикуют заведомого вздора... Вернее, того, что они считают вздором. Видите ли, эта идея снова всплыла. Физик по фамилии Ламонт обратился к сенатору Бэрту, к Чену, этому самозванному спасителю среды обитания, и еще к некоторым влиятельным людям, стараясь убедить их в реальности угрозы космического взрыва. Ему никто не верит, но слухи ползут и ползут, ничего не теряя от пересказа.

— И этот человек — тот, который приехал с вами на Луну, — тоже так думает?

Готтштейн широко улыбнулся.

— Боюсь, что да. Черт побери, ночью, когда мне не спится... между прочим, я то и дело падаю с кровати... я и сам готов поверить. Возможно, он надеется, что сумеет здесь подтвердить свою теорию экспериментально.

— Ну и?..

— Пусть подтверждает. Я даже намекнул, что мы ему поможем.

— Рискованно! — покачал головой Монтес. — Мне не нравится официальное поощрение навязчивых идей.

— Но ведь нельзя совершенно исключить возможность, что даже навязчивая идея может оказаться верной. Впрочем, дело не в этом. Если нам удастся устроить его здесь, на Луне, благодаря ему мы сумеем узнать, что, собственно, тут происходит. Он хотел бы восстановить свою репутацию, и я дал ему понять, что он может рассчитывать на наше содействие, если поведет себя соответствующим образом... Я буду держать вас в курсе... По-дружески, так сказать.

— Спасибо, — сказал Монтес. — Ну, счастливо оставаться.

Глава 9

- Да, он мне не понравился, — сердито повторил Невилл.

— Но почему? Из-за того, что он земляшка? — Селена сняла пушинку с груди и критически ее оглядела. — Она не от моей блузы. Нет, все-таки очистка воздуха поставлена из рук вон плохо.

— Этот Денисон — пустышка. Он не парафизик. По его собственным словам, он самоучка, и это блистательно подтверждается тем, что он явился сюда с на редкость дурацкими предвзятыми идеями.

— Например?

— Ну он считает, что Электронный Насос взорвет вселенную.

— Он это сказал?

— Я знаю, что он это думает... Ах, мне известны все эти аргументы, я их слышал десятки раз. Но это не так, вот и все.

— А может быть, — заметила Селена, подняв брови, — ты просто не хочешь, чтобы это было так.

— Хоть ты-то не начинай! — буркнул Невилл.

Наступила короткая пауза. Потом Селена сказала:

— Ну и что же ты думаешь с ним делать?

— Предоставлю ему место для работы. Как ученый он ничто, но все-таки от него может быть польза. Он достаточно бросается в глаза — новый представитель Земли с ним уже беседовал.

— Я знаю.

— Ну, его история достаточно романтична: человек с погубленной карьерой пытается обрести себя и восстановить свою репутацию.

хорошо. Если на Луне начнет работать романтический землянин, стараясь найти подтверждение своим маниакальным идеям, представителю Земли будет чем заняться. Денисон послужит нам ширмой, ложным следом. И кто знает, возможно, благодаря ему мы сумеем получить более точные сведения о том, что происходит на Земле... Продолжай поддерживать с ним дружбу, Селена.

Глава 10

Селена засмеялась. В наушниках Денисона ее смех звучал металлически. В скафандре она выглядела непривычно толстой и неуклюжей. Она сказала:

— Ну, не робейте, Бен! Бояться совершенно нечего. Да еще такому старожилу! Ведь вы здесь уже месяц.

— Двадцать восемь дней, — пробурчал Денисон. У него было ощущение, что скафандр его душит.

— Нет, месяц! — стояла на своем Селена. — Когда вы приехали, Земля была совсем на ущербе. Как и сейчас, — она указала на узкий серп Земли, ослепительно сверкавший в южной части небосвода.

— Погодите немножко. Тут ведь я не такой храбрый, как внизу. Что если я упаду?

— И пусть. Сила тяжести по вашим меркам мала, уклон невелик, а скафандр у вас крепкий. Если вы упадете, то спокойно скользите и катитесь. Так даже интересней.

Денисон неуверенно огляделся. В холодном сиянии Земли черно-белый лунный пейзаж был удивительно красивым и совсем не таким, как при солнечном свете — за неделю до этого Денисон ездил осматривать солнечные аккумуляторы, которые простирались в Море Дождей от горизонта до горизонта. Теперь белизна была серебристой и нежной, и даже чернота словно смягчилась и обретала полутона из-за отсутствия резких контрастов лунного дня. Звезды сияли непривычно ярко, а Земля... Земля с ее белыми спиралями на голубом фоне, кое-где переходящем в коричневый, была прекрасной и манящей.

— Можно, я ухвачусь за вас? — спросил он.

— Конечно. На самый верх я вас не поведу. Вы испробуете свои силы на скате для начинающих. Постарайтесь идти со мной в ногу. Я не буду торопиться.

Он как мог приспособливался к ее широкому пружинистому шагу. Склон, по которому они поднимались, был покрыт пылью. Денисон следил, как она взмetyвается из-под его подошв и тут же оседает в безвоздушной пустоте. Ему с большим трудом удавалось идти в ногу с Селеной.

— Прекрасно, — сказала она, крепко держа его под руку. — Для земляшки просто отлично... то есть для гранта, хотела я сказать.

— Спасибо.

— И получилось скверно. «Грант» вместо «иммигрант» ничем не лучше «землянина». В таком случае скажем — для человека вашего возраста вы идете отлично.

— Ну нет! Это еще хуже! — Денисон еле переводил дух, чувствуя, что его лоб становится все более влажным.

— Перед тем как опустить стопу, старайтесь немного оттолкнуться другой ногой, — сказала Селена. — Это удлиняет шаг и снимает нагрузку. Нет, нет, не так... Вот посмотрите!

Денисон с облегчением остановился. Селена, которая в движении, несмотря на скафандр, снова показалась ему тонкой и изящной, ушла вперед, по-особому подсакивая. Прыжки были стелющимися и длинными. Потом она вернулась и опустилась на колени рядом с ним.

— Шагните, Бен, только не торопясь, а я стукну вас по ноге, когда надо будет оттолкнуться.

После нескольких неудачных попыток Денисон сказал:

— Нет, это куда трудней, чем бегать на Земле! Можно я отдохну?

— Отдыхайте. Просто вы еще не умеете координировать работу мышц и боретесь сам с собой, а вовсе не с непривычной силой тяжести... Ну хорошо. Садитесь и переведите дух. Но вообще идти нам недалеко.

— А если я лягу на спину, я не раздавлю баллоны? — спросил Денисон.

— Конечно, нет. Но ложиться тем не менее не стоит. Особенно прямо на голый камень. Температура поверхности всего лишь сто двадцать по Кельвину или, если вам так больше нравится, сто пятьдесят градусов ниже нуля, а потому чем меньше площадь соприкосновения с почвой, тем лучше. На вашем месте я бы села.

— Ну хорошо, — Денисон, покряхтивая, осторожно сел лицом к северу, так, чтобы не видеть Землю. — Взгляните-ка на звезды!

Селена села напротив него. Она чуть повернула голову, и в свете Земли он смутно различил за стеклом скафандра ее лицо.

— Но ведь звезды видны и с Земли, — сказала она удивленно.

— Не так, как здесь. Даже в безоблачную погоду воздух поглощает часть их света. От различий температуры в разных слоях атмосферы они мерцают, а в электрическом зареве над городами и вовсе теряются.

— М-да!

— А вам тут нравится, Селена? На поверхности?

— Нельзя сказать, чтобы очень, но иногда бывает даже приятно. Ну конечно, я как гид постоянно сопровождаю сюда туристов.

— А на этот раз меня?

— Когда, наконец, вы поймете, Бен, что это совсем не одно и то же? Для туристов существует один-единственный маршрут, очень легкий и неинтересный. Не думаете ли вы, что мы приводим туристов на скат? Это спорт для лунян и грантов. И в основном для грантов.

— По-видимому, он все же не слишком популярен. Тут нет никого, кроме нас.

— Это ничего не значит. Посмотрели бы вы, что здесь делается в дни состязаний! Но вам тогда поверхность понравилась бы, наверное, куда меньше.

— Не скажу, чтобы она так уж нравилась мне сейчас. Значит, скольжение — это в основном иммигрантский вид спорта?

— Пожалуй. Луняне, как правило, не слишком любят поверхность.

— А доктор Невилл?

— Вас интересует, как он относится к поверхности?

— Да.

— Честно говоря, не думаю, чтобы он хоть раз поднимался сюда. Завзятый горожанин. А почему это вас заинтересовало?

— Когда я сказал, что хочу осмотреть солнечные аккумуляторы, он как будто не имел ничего против, но сам отправиться со мной не пожелал. Я прямо его об этом попросил, чтобы было кому задавать вопросы, а он отказался, причем в довольно резкой форме.

— Надеюсь, вы нашли кому задавать вопросы?

— О да. И, кстати, он тоже был иммигрантом... Возможно, отношение доктора Невилла к Электронному Насосу объясняется как раз этим.

— О чем вы говорите?

— Ну... — Денисон откинулся и поочередно взбросил ноги, с ленивым удовольствием следя за тем, как они медленно поднимаются и опускаются. — А ведь приятно! Послушайте, Селена... Я имел в виду вот что: Невилл почему-то жаждет установить на Луне Электронный Насос, хотя вам вполне достаточно солнечных аккумуляторов. На Земле мы ими воспользоваться не можем, потому что там для солнечного света слишком много помех и Солнце не может служить таким же постоянным и надежным источником энергии во всех диапазонах волн, как здесь. В Солнечной системе вообще нет небесного тела, более подходящего для использования солнечных аккумуляторов, чем Луна. Даже Меркурий уступает ей, потому что там слишком жарко. Но солнечные аккумуляторы привязывают вас к поверхности, а раз вы ее не любите...

Селена вдруг вскочила.

— Вставайте, Бен! Довольно сидеть! Вы уже достаточно отдохнули. Вставайте!

Не без труда поднявшись на ноги, Денисон упрямо продолжал:

— А Электронный Насос означал бы, что никому из лунян уже не придется выходить на поверхность, если они сами этого не захотят.

— Тут подъем будет круче, Бен. Мы пойдем вон к тому гребню. Видите, вон там, где земной свет срезается почти точно по горизонтали?

Дальше они шли молча, Денисон заметил, что склон сбоку от них выровнен и уходит вниз широкой полосой, очищенной от пыли.

— Нет, начинающим по скату подниматься не стоит. Он слишком гладок, — сказала Селена, словно в ответ на его мысли. — Держите свое честолюбие в узде, а не то вы потребуете, чтобы я сейчас же обучила вас кенгуровой припрыжке.

Еще не договорив, она сделала кенгуровый прыжок, на лету повернулась к Денисону и объявила:

— Вот мы и пришли. Садитесь, я надену...

Денисон сел лицом к спуску и посмотрел на скат с некоторой опаской.

— Неужели по нему и правда можно скользить?

— Ну конечно. Из-за малой силы тяжести вы на Луне ступаете менее плотно, чем на Земле, а это снижает трение. На Луне гораздо легче поскользнуться, чем на Земле. Вот почему полы у нас в коридорах и комнатах всегда шероховатые — это вовсе не небрежность, как иногда думают земляне. Хотите послушать мою лекцию на эту тему? Ту, которую я читаю туристам?

— Лучше не надо, Селена.

— А к тому же мы наденем коньки.

У нее в руке он увидел небольшой баллон с зажимами и двумя узкими трубками.

— Что это такое? — спросил Денисон.

— Баллончик со сжиженным газом. Он будет выбрасывать струйки газа прямо вам под подошвы, и эта тонкая газовая подушка практически уничтожит трение. Вы будете двигаться, словно в невесомости.

— Мне это не нравится, — строго сказал Денисон. — Использовать на Луне газ для подобных целей — непростительное расточительство!

— Ну послушайте! Неужели, по-вашему, мы стали бы использовать для коньков углекислый газ? Или кислород? Начнем с того, что это природный газ. Это аргон. Он вырывается из лунных пород тоннами, накопившись там за миллиарды лет распада калия сорок... Опять-таки цитата из моей лекции, Бен. Практического применения на Луне аргон почти не находит, а мы можем кататься на коньках хоть миллион лет, не исто-

шив его запасов... Ну вот, ваши коньки и надеты. Погодите, сейчас я надену свои.

— А как они действуют?

— Автоматически. Едва вы начнете скользить на них, откроется клапан и начнется подача газа. Запаса хватит всего на несколько минут, но больше вам и не понадобится. — Она встала и помогла встать ему. — Повернитесь лицом прямо к склону... Смелее, Бен! Уклон ведь совсем небольшой. Вот поглядите, он кажется ровным, как стол.

— Нет, не кажется, — мрачно ответил Денисон. — На мой взгляд, он даст сто очков вперед любому обрыву.

— Чепуха. А теперь слушайте и запоминайте. Разведите ноги примерно на шесть дюймов и одну чуть-чуть выставьте вперед — неважно, левую или правую. Колени подогните. Не наклоняйтесь навстречу ветру, потому что ветра тут нет. Ни в коем случае не оглядывайтесь и не смотрите вверх, но по сторонам при необходимости смотреть можно. А главное, достигнув ровной площадки, не торопитесь остановиться — вы разовьете заметно большую скорость, чем вам будет казаться. Просто дождитесь, чтобы газ весь вышел, и тогда благодаря трению вы постепенно остановитесь.

— Я все пере забуду.

— Отлично будете помнить. Да и я в любую минуту приду вам на помощь. Если же я не успею вас поддерживать и вы упадете, не пытайтесь встать или остановиться. Спокойно кувыркайтесь или скользите на спине. Тут нет ни одного опасного выступа.

Денисон слотнул и посмотрел вперед. Скат, уходящий к югу, был залит земным светом. Крохотные неровности, окруженные пятнышками тени, сверкали особенно ярко, и от этого поверхность ската казалась рябой. Почти прямо перед ним в черном небе висел рельефный серп Земли.

— Готовы? — спросила Селена, упершись рукой в его спину.

— Готов, — со вздохом сказал Денисон.

— Ну, в путь! — она толкнула его вперед.

И Денисон почувствовал, что начинает двигаться. Сначала движение было медленным. Он поглядел через плечо на Селену и пошатнулся.

— Не беспокойтесь, — сказала она. — Я рядом.

Внезапно он перестал ощущать под ногами каменный скат — баллон начал подавать газ.

На мгновение Денисону показалось, будто он стоит неподвижно. Его грудь не встречала сопротивления воздуха, подошвы ни за что не задевали. Но когда он снова оглянулся на Селену, то обнаружил, что искры света и пятнышки тени убегают назад со все возрастающей скоростью.

— Глядите на Землю, — раздался у него над ухом голос Селены. — До тех пор пока вы не наберете скорость. Чем быстрее вы будете двигаться, тем устойчивее будете держаться на ногах... Не забывайте подгибать колени! Вы отлично скользите, Бен!

— Для гранта! — пропыхтел Денисон.

— И какое же у вас впечатление?

— Я точно лечу, — ответил он. Пятнышки света и тени по обеим сторонам уносились назад, сливаясь в смутные полосы. Он покосился влево, потом вправо, надеясь избавиться от ощущения, будто поверхность летит назад, и почувствовать, наконец, что это он, он сам устремляется вперед. Но едва это ему удалось, как он тут же вновь устоялся на серп Земли, стараясь сохранить равновесие. — Боюсь, это сравнение мало что вам скажет, — добавил он. — Ведь на Луне полет — понятие абстрактное.

— Ну для меня оно уже стало конкретным. По вашим словам, полет похож на скольжение, а это ощущение мне очень хорошо знакомо.

Селена без всякого труда держалась наравне с ним.

Денисон скользил уже так стремительно, что чувствовал свое движение, даже когда смотрел прямо перед собой. Лунный пейзаж впереди распахивался и обтекал его с обеих сторон.

— Какую скорость можно развить при скольжении? — спросил он.

— На настоящих гонках были зарегистрированы скорости свыше ста миль в час, — конечно, на более

крутых склонах. Ваш предел будет около тридцати пяти миль.

— Мне кажется, я уже двигаюсь много быстрее.

— На самом деле это не так. Ну, Бен, мы уже почти спустились на равнину, а вы так и не упали. Продержитесь еще немного. Газ сейчас кончится, и вы ощутите трение. Но не вздумайте тормозить сами. Спокойно скользите дальше.

Селена еще не договорила, как Денисон почувствовал под башмаками твердую поверхность. Одновременно возникло ощущение огромной скорости, и он сжал кулаки, стараясь удержаться и не вскинуть руки, словно отвращая столкновение, которого не могло быть. Он знал, что стоит ему приподнять руки, и он опрокинется на спину.

Он прищурился и задержал дыхание. Когда ему уже начало казаться, что его легкие вот-вот лопнут, Селена сказала:

— Безупречно, Бен. Безупречно. Я еще ни разу не видела, чтобы грант не упал во время своего первого скольжения. А потому, если вы все-таки упадете, не расстраивайтесь. Ничего позорного в этом нет.

— Нет уж, я не упаду, — прошептал Денисон, хрипло вздохнул и широко открыл глаза. Земля по-прежнему была все такой же безмятежной и равнодушной, но он двигался медленнее, гораздо, гораздо медленнее... — Селена, я остановился или нет! — спросил он. — Я никак не могу понять.

— Вы стоите. Нет, не двигайтесь. Прежде чем мы вернемся в город, вам следует отдохнуть... Черт побери, ведь я его где-то здесь оставила!

Денисон смотрел на нее, не веря своим глазам. Она поднималась по склону вместе с ним, она скользила вниз вместе в нем, — но он еле держался на ногах от усталости, а она носилась вокруг кенгуровыми прыжками. Шагах в ста от него она нагнулась и воскликнула:

— А! Вот он!

Ее голос звучал в его ушах так же громко, как и прежде, когда она была рядом.

Через секунду Селена вернулась, держа под мышкой пухлый пластмассовый сверток.

— Помните, когда мы поднимались, вы спросили меня, что это такое, а я ответила, что вы сами увидите на обратном пути?

Она аккуратно развернула широкий мешок.

— Называется это лунным ложем, — сказала Селена. — Но мы говорим просто «ложе». Прилагательное «лунный» у нас здесь разумеется само собой.

Она привинтила баллончик к ниппелю и повернула кран.

Мешок начал наполняться. Денисон прекрасно знал, что звуков в безвоздушном пространстве не бывает, и все-таки ждал, что вот-вот услышит шипение.

— Не торопитесь упрекать нас за расточительство! — сказала Селена. — Это тоже аргон.

Мешок тем временем превратился в тахту на шести толстых ножках.

— Ложе вас вполне выдержит, — сообщила Селена. — Оболочка практически нигде не соприкасается с поверхностью, а вакуум помогает сохранять теплоту.

— Неужели оно еще и горячее? — с изумлением спросил Денисон.

— При выходе из баллончика аргон нагревается, но очень относительно. Максимальная его температура равна примерно двумстам семидесяти градусам Кельвина — почти достаточно, чтобы растопить лед, и более чем достаточно для того, чтобы ваш скафандр терял теплоту не быстрее, чем вы ее вырабатываете. Ну, ложитесь.

И Денисон лег, испытывая невыразимое блаженство.

— Чудесно, — сказал он с удовлетворенным вздохом.

— Нянюшка Селена обо всем позаботилась.

Она появилась из-за его спины, скользнула в сторону, приставив ступню к ступне, словно на коньках, оттолкнулась и изящно опустилась возле ложа на локоть и бедро.

Денисон даже присвистнул.

— Как это у вас получается?

— Тренировка. Только не вздумайте мне подражать. В лучшем случае разобьете локоть. Но учтите, если я начну замерзать, вам придется потесниться.

- Ну, поскольку мы оба в скафандрах...
- Весьма любезно! Как вы себя чувствуете?
- Неплохо. Уж это ваше скольжение!

— А что? Не понравилось? Вы ведь поставили настоящий рекорд по отсутствию падений. Вы не рассердитесь, если я расскажу про это в городе моим знакомым?

— Пожалуйста. Ужасно люблю, когда меня хвалят... Но неужели вы собираетесь еще раз тащить меня на скат?

— Сейчас? Конечно, нет. Я и сама не стану спускаться два раза подряд. Мы просто подождем здесь, чтобы ваше сердце пришло в норму, а потом вернемся в город. Протяните ноги в мою сторону, и я сниму с вас коньки. В следующий раз я вас научу, как их снимать и надевать.

— Скорее всего, следующего раза не будет.

— Будет, не сомневайтесь. Разве вы не испытывали удовольствия?

— Иногда. В промежутках между припадками ужаса.

— Ну, так в следующий раз припадков ужаса будет меньше, а потом еще меньше, и в конце концов останется одно удовольствие. Я еще сделаю из вас чемпиона.

— Ну уж нет. Для этого я слишком стар.

— Не на Луне. У вас только вид такой.

Денисона окутывал неизъяснимый лунный покой. Он лежал лицом к Земле. Именно ее присутствие в небе помогло ему сохранить равновесие во время спуска, и он испытывал к ней тихую благодарность.

— Вы часто выходите на поверхность, Селена? — спросил он. — То есть я хочу сказать — одна или в небольшой компании. Не во время состязаний.

— Можно сказать — никогда. Если кругом нет людей, все это действует на меня угнетающе. Я даже сама немножко удивлена, как это я решилась отправиться сюда сегодня.

Денисон неопределенно хмыкнул.

— А вас это не удивляет?

— А почему это должно меня удивить? Я считаю, что всякий человек поступает так, как поступает, либо

потому, что хочет, либо потому, что должен, и в каждом случае это касается его, а не меня.

— Спасибо, Бен. Нет, я не иронизирую. В вас очень подкупает то, что вы в отличие от других грантов не требуете, чтобы мы укладывались в ваши представления и понятия. Мы, луняне, обитаем под поверхностью — мы пещерные люди, коридорные люди. Ну и что тут плохого?

— Ничего.

— Но послушали бы вы земляшек! А я гид и должна их слушать. Все их мнения и соображения я слышала тысячи раз, и чаще всего на меня обрушивается вот что, — Селена заговорила с прищепыванием, типичным для землян, объясняющихся на общепланетном эсперанто: — «Но, милочка, как вы можете все время жить в пещерах? Неужели вас не угнетает ощущение вечной тесноты? Неужели вам не хочется увидеть синее небо, деревья, океан, почувствовать прикосновение ветра, вдохнуть запах цветов?..» Бен, я могла бы продолжать так часами! А потом они спохватываются: «Впрочем, вы ведь, наверное, даже не знаете, что такое синее небо, и море, и деревья, так что и не тоскуете без них...» Как будто мы не смотрим земных телепрограмм! Как будто у нас нет доступа к земной литературе как зрительной, так и звуковой, а иногда и олифакторной.

Денисону стало весело.

— И какой же полагается давать ответ в подобных случаях?

— Да никакой. Говоришь просто: «Мы к этому привыкли, мадам». Или «сэр», но почти всегда такие вопросы задают женщины. Мужчины, как ни странно, больше интересуются лунной модой. А знаете, что бы я с радостью ответила этим дурам?

— Скажите, скажите. Облегчите душу.

— Я бы им сказала: «Послушайте, мадам, а на черта нам сдалась ваша хваленая планета? Мы не хотим вечно болтаться на поверхности и ждать, что свалимся оттуда или нас сдует ветром. Мы не хотим, чтобы нам в лицо бил неочищенный воздух, чтобы на нас лилась грязная вода. Не нужны нам ваши микробы, и ваша вонючая трава, и ваше дурацкое синее небо, и ваши дурацкие

белые облака. Когда мы хотим, то можем любоваться Землей на нашем собственном небе. Но подобное желание возникает у нас не часто. Наш дом — Луна, и она такая, какой ее сделали мы. Какой мы хотели ее сделать. Она принадлежит нам, и мы создаем свою собственную экологию. Отправляйтесь к себе на Землю, и пусть ваша сила тяжести оттянет вам живот до колен!» Вот что я сказала бы.

— Ну и прекрасно! Теперь всякий раз, когда вам нестерпимо захочется высказать очередной туристке десяток горьких истин, поберегите их для меня, и вам станет легче.

— Знаете что? Время от времени какой-нибудь грант предлагает разбить на Луне земной парк — уголок с земными растениями, выращенными из семян или даже из саженцев, а может быть, и с кое-какими животными. Кусочек родного дома — вот как это обычно формулируется.

— Насколько я понимаю, вы против?

— Конечно, против! Кусочек чьего родного дома? Наш родной дом — Луна. Гранту, который мечтает о «кусочке родного дома», следует просто поскорее уехать к себе домой. Гранты иной раз бывают хуже земляшек.

— Учту на будущее, — сказал Денисон.

— К вам это не относится... пока.

Наступило молчание, и Денисон решил, что Селена сейчас предложит вернуться в город. Конечно, по некоторым соображениям откладывать это надолго не стоит. Но, с другой стороны, он давно не испытывал такого физического блаженства. А на сколько, собственно, рассчитан запас кислорода в его баллоне? От этих размышлений его отвлек голос Селены:

— Бен, можно задать вам один вопрос?

— Пожалуйста. Если вас интересует моя личность, то у меня секретов нет. Рост — пять футов девять дюймов. Вес на Луне — двадцать восемь фунтов. Когда-то был женат. Давно развелся. Один ребенок — дочь, ныне взрослая и замужняя. Учился в университете...

— Нет, Бен, я говорю серьезно. Можно задать вам вопрос про вашу работу?

— Конечно, можно, Селена. Правда, я не знаю, сумею ли я объяснить вам...

— Ну... Вы же знаете, что Бэррон и я...

— Да, знаю, — почти оборвал ее Денисон.

— Мы разговариваем. Он мне кое-что рассказывает. Он упомянул, например, что, по вашему мнению, Электронный Насос может взорвать вселенную.

— Ту ее часть, в которой находимся мы. Не исключено, что он может превратить нашу ветвь Галактики в квазар.

— Нет, вы правда в это верите?

— Когда я приехал на Луну, — сказал Денисон, — я еще сомневался. Но теперь я верю. Я убежден, что это произойдет, и произойдет неизбежно.

— И когда, как по-вашему?

— Вот этого я точно сказать не берусь. Может быть, через несколько лет. Может быть, через несколько десятилетий.

Снова наступило молчание. Потом Селена пробормотала:

— Бэррон так не думает.

— Я знаю. И не пытаюсь его переубеждать. Нежелание верить нельзя сломить фронтальной атакой. В этом и была ошибка Ламонта.

— Кто такой Ламонт?

— Извините, Селена, я задумался.

— Нет, Бен! Объясните мне. Пожалуйста! Я хочу знать.

Денисон повернулся на бок лицом к ней.

— Ладно, — сказал он. — Я вам расскажу. Ламонт — физик и живет на Земле. Он попытался предупредить мир об опасности, таящейся в Электронном Насосе, но потерпел неудачу. Людям нужен Насос. Нужна дешевая энергия. Настолько нужна, что они не желают верить в ее опасность, в необходимость отказаться от нее.

— Но как они могут продолжать ею пользоваться, если она грозит всеобщей гибелью?

— Для этого достаточно не поверить, что она грозит гибелью. Самый легкий способ решения проблемы — попросту отрицать ее наличие. Как и делает ваш друг

доктор Невилл. Его пугает поверхность, а потому он внушает себе, будто солнечные аккумуляторы не отвечают своему назначению, хотя любому непредвзятому человеку ясно, что для Луны это идеальный источник энергии. Установка Насоса позволит ему никогда больше не покидать коридоров, а потому он не желает верить, что Насос опасен.

— Не думаю, чтобы Бэррон отказался поверить, если ему будут представлены реальные доказательства. А такие доказательства у вас правда есть?

— По-моему, да. Это просто поразительно, Селена. Все опирается на некоторые тончайшие факторы во взаимодействии «кварк — кварк». Вы понимаете, о чем я говорю?

— Да, понимаю. Я столько разговаривала с Бэрроном о самых разных проблемах, что у меня есть некоторое представление обо всем этом.

— Ну, сначала я полагал, что мне для этого понадобится лунный синхрофазотрон. Его поперечник равен двадцати пяти милям, он оснащен магнитами из сверхпроводников и может развивать энергию свыше двадцати тысяч гигаэлектронвольт. Но оказалось, что у вас тут есть установка, которую вы называли пионотроном. Она умещается в небольшой комнате и выполняет все функции синхрофазотрона. Луну можно поздравить с поистине замечательным шагом вперед.

— Благодарю вас, — польщенно сказала Селена. — То есть от имени Луны.

— Ну так вот: проведя исследования с помощью пионотрона, я убедился, что напряженность сильного ядерного взаимодействия возрастает, и возрастает именно с такой скоростью, о которой говорит Ламонт, а не с той, которую указывает общепринятая теория.

— И вы сообщили об этом Бэррону?

— Нет. Я думаю, он все равно не поверит. Он скажет, что полученные мною результаты неубедительны. Он скажет, что я допустил ошибку. Он скажет, что я не учел всех факторов. Он скажет, что моя методика неверна... Но все это будет означать одно — ему нужен Электронный Насос, и он не желает от него отказаться.

— И, по-вашему, выхода нет?

— Есть, конечно. Меры принять можно, но только не те прямолинейные меры, на которых настаивает Ламонт.

— А именно?

— Он считает, что надо отказаться от Насоса. Но нельзя повернуть прогресс вспять. Нельзя загнать цыпленка в яйцо, а вино в виноградную лозу. Если вы хотите, чтобы маленький ребенок отпустил ваши часы, не стоит объяснять ему, что он должен их отдать, а лучше предложить взамен что-нибудь еще более интересное.

— А что, например?

— Вот тут-то я и не уверен. У меня, правда, есть одна мысль, очень простая — настолько простая, что она может оказаться вообще бесплодной. Мысль, основанная на том очевидном факте, что число «два» бессмысленно и существовать не может.

Наступило долгое молчание. Примерно через минуту Селена сказала напряженно:

— Дайте я попробую догадаться, что вы имеете в виду.

— Я и сам этого хорошенько не знаю.

— И все-таки я попробую. Есть своя логика в предположении, что наша вселенная — одна и никакой другой нет и существовать не может. Ведь сами мы существуем только в ней, наш опыт говорит нам только о ней. Но вот у нас появились доказательства, что есть еще одна вселенная — та, которую мы называем паравселенной, — и теперь уже глупо, смехотворно глупо считать, что вселенных всего две. Если существует еще одна вселенная, значит, их может быть бесконечно много. Между единицей и бесконечностью в подобных случаях никаких осмысленных чисел существовать не может. Не только два, но любое конечное число тут нелепо и невозможно.

— Я так и рассуж... — начал было Денисон и вдруг оборвал фразу на полуслове. Вновь воцарилось молчание.

Потом Денисон приподнялся, сел, поглядел на скрытую в скафандре женщину и сказал:

— По-моему, нам пора возвращаться.

— Я ведь пыталась угадать, и ничего больше, — сказала Селена.

— Нет, — сказал он. — Не знаю, в чем тут дело, но это не просто догадка.

Глава 11

Бэррон Невилл уставился на нее, не в силах произнести ни слова. Селена ответила ему невозмутимым взглядом. Звездная панорама в ее окнах опять изменилась. Теперь в одном из них плыла почти полная Земля.

— Но зачем? — наконец выдал он из себя.

— Это вышло случайно, — ответила Селена. — Я вдруг уловила суть и так увлеклась, что не смогла удержаться. Мне следовало бы сразу тебе все рассказать, а не откладывать неделю за неделей, но я опасалась, что это подействует на тебя именно так, как подействовало.

— Так он знает? Дура!

Селена нахмурилась.

— А что он, собственно, знает? То, о чем все равно довольно скоро догадался бы, — что я на самом деле не гид, а твоя интуистка. Причем интуистка, которая не имеет ни малейшего представления о математике. Так пусть себе знает! Ну хорошо, у меня есть интуиция, но что из этого следует? Сколько раз ты мне повторял, что моя интуиция не имеет никакой цены, если не подкреплять ее математическим анализом и экспериментальными наблюдениями? Сколько раз ты мне повторял, что самое, казалось бы, четкое интуитивное заключение может все-таки быть неверным? Так неужели чистый интуизм покажется ему заслуживающим внимания?

Невилл побелел, но Селена не могла решить — от гнева или от страха. Он сказал:

— Ведь ты же не такая. Разве твои интуитивные выводы не оказывались всякий раз безошибочными? Когда ты была твердо убеждена в их правильности?

— Но ведь он-то этого не знает!

— Он догадается. Он пойдет к Готтштейну.

— И что же он скажет Готтштейну? О наших истинных планах ему ведь ничего не известно.

— Ах, не известно?

— Да!

Селена вскочила и отошла к окну, потом обернулась к Бэррону и крикнула:

— Да! Да! И подло с твоей стороны намекать, будто я способна предать тебя и остальных. Если ты не веришь в мою честность, так поверь хотя бы в мой здравый смысл. Зачем мне им о чем-нибудь рассказывать? Какое вообще все это имеет значение, когда и они, и мы, и все обречены на гибель?

— Ну, пожалуйста, Селена! — брезгливо отмахнулся Невилл. — Только не это!

— Нет, ты все-таки выслушай. Он был со мной откровенен и рассказал о своих исследованиях. Ты меня прячешь, точно секретное оружие. Ты говоришь мне, что я ценнее любого прибора, любого в меру талантливого ученого. Ты играешь в таинственность, требуешь, чтобы для всех я оставалась простым гидом, дабы мои замечательные способности всегда были в распоряжении лунян. Вернее, в твоём распоряжении. И чего ты добился?

— У нас есть ты, ведь так? А долго ли, по-твоему, ты останешься на свободе, если они узнают...

— Ты постоянно твердишь об этом. Но назови мне хоть одного человека, которого лишили свободы, которому помешали! Где хоть малейшие реальные признаки великого заговора против нас, который мерещится тебе повсюду? Земляне не допускают тебя и твою группу к своим большим установкам главным образом потому, что ты сам их на это провоцируешь, а не из-за каких-то черных замыслов. Впрочем, нам это пошло только на пользу, потому что в результате мы создали собственные более чувствительные приборы и более мощные установки.

— На основе твоих теоретических прозрений, Селена!

— Не спорю, — улыбнулась Селена. — Бен отозвался о них с большой похвалой.

— Ты и твой Бен! На черта тебе нужен этот жалкий земляшка?

— Он иммигрант. И я получаю от него сведения, которые мне необходимы. Ты мне их обеспечишь? Ты до того боишься, как бы про меня не узнали, что не позволяешь мне встречаться с другими физиками. Только ты, и никто кроме тебя. И то только потому, что ты мой... Да, наверное, и на это ты пошел исключительно из соображений конспирации.

— Ну что ты, Селена! — Он кое-как сумел придать своему голосу нежность, и все-таки его слова прозвучали нетерпеливо.

— Собственно говоря, это меня не трогает. Ты объяснил мне, какая передо мной стоит задача, и я стараюсь сосредоточиться на ней одной. И иногда мне кажется, что я вот-вот нащупаю решение, пусть и без всякой математики. Мне вдруг совершенно ясно представляется, что надо сделать, но потом мысль ускользает... А, да пусть! Раз Насос уничтожит нас гораздо раньше... Ведь я же тебе говорила, что обмен напряженностями полей внушает мне большие опасения.

— Селена, я тебя спрашиваю, — сказал Невилл. — Готова ты безоговорочно утверждать, что Насос нас уничтожит? Не «может уничтожить», не «вероятно уничтожит», а «неизбежно уничтожит»?

Селена сердито мотнула головой.

— Нет, не могу. Все достаточно зыбко. Нет, я не могу сказать — «неизбежно». Но разве в таком вопросе «вероятно» — это мало?

— О Господи!

— Не возводи глаза к потолку! Не усмехайся! Ты ведь и не подумал проверить эту гипотезу экспериментально. А я тебе говорила, как это можно сделать!

— Пока ты не начала слушать своего земляшку, ты и не тревожилась вовсе!

— Он иммигрант. Так ты проверишь или нет?

— Нет! Я ведь объяснял тебе, что твои предположения невыполнимы. Ты не экспериментатор, и то, что тебе представляется теоретически возможным, вовсе не обя-

зательно окажется осуществимым в реальном мире приборов, случайностей и недостоверности.

— Так называемый реальный мир твоей лаборатории! — Ее лицо покраснело от негодования, она поднесла к подбородку сжатые кулаки. — Сколько времени ты тратишь, чтобы получить достаточно приличный вакуум... А ведь там, наверху, куда я показываю, там, на поверхности, вакуума сколько угодно и температура временами приближается к абсолютному нулю. Почему ты не ставишь эксперименты на поверхности?

— Это ничего не даст.

— Откуда ты знаешь? Ты просто не хочешь попробовать. А Бен Денисон попробовал. Он сконструировал специальный прибор для поверхности и успел получить с его помощью необходимые данные, когда ездил осматривать солнечные аккумуляторы. Он звал тебя поехать с ним, но ты не захотел. Помнишь? Это очень простой прибор — такой, что даже я могу объяснить тебе его принцип, после того как его объяснили мне. Бен включил его при дневной температуре, а потом при ночной, и этого оказалось достаточно, чтобы затем провести серию экспериментов с пионотроном.

— Как все у тебя просто получается!

— А это и было просто. Едва он понял, что я — интуистка, как в отличие от тебя начал мне объяснять! Он объяснил, почему он считает, что сильное ядерное взаимодействие увеличивается вокруг Земли поистине катастрофически. Еще несколько лет — и Солнце взорвется, а нарастающее сильное ядерное взаимодействие распространится волнами...

— Нет! Нет и нет! — закричал Невилл. — Я видел его результаты. Это ерунда.

— Ты их видел?

— Конечно. Неужели ты думала, что я позволю ему работать в наших лабораториях и не буду проверять, чем он занимается? Я видел его результаты, и они ровным счетом ничего не стоят. Он рассматривает столь малые отклонения, что они вполне укладываются в пределы ошибок опыта. Если ему угодно верить, будто эти отклонения значимы, и если ты хочешь этому верить, так валяйте. Но никакая вера не изменит того факта, что они не стоят ничего.

— А чему хочешь верить ты, Бэррон?

— Мне нужна истина.

— Но разве ты не решил заранее, какой должна быть эта истина? Тебе нужен Электронный Насос для того, чтобы ты мог больше не подниматься на поверхность, ведь так? И потому все, что может помешать, автоматически перестает быть истиной.

— Я не буду с тобой спорить. Да, мне нужен Электронный Насос и то, другое, тоже. Только их сочетание даст нам то, что требуется. Ты уверена, что ты не...

— Нет!

— Но ты ему все-таки скажешь?

Селена подбежала к нему, взлетая в воздух в такт сердитому перестуку сандалий.

— Я ему ничего не скажу. Но мне нужны сведения. Раз от тебя я их получить не могу, так я обращусь к нему. Он, во всяком случае, ставит эксперименты! Мне надо поговорить с ним, узнать, что, собственно, он рассчитывает установить. Если ты мне мешаешь, ты никогда не получишь того, что тебе нужно. И можешь не опасаться, что он меня опередит. Он слишком привык к системе земных представлений и не рискнет сделать последний вывод. А я рискну.

— Ну хорошо. Но и ты тоже не забывай разницы между Землей и Луной. Луна — твой мир. Другого у тебя нет. Этот человек, этот твой Денисон, этот Бен, это иммигрант, раз уж тебе так хочется, приехал на Луну с Земли и может, если захочет, снова вернуться на Землю. А ты уехать на Землю не можешь. Ты навсегда связана с Луной. Навсегда!

— Лунная дева, — с насмешкой сказала Селена.

Он продолжал, не слушая:

— А что до пресловутого взрыва, так объясни мне: если риск, связанный с изменениями основных констант вселенной, столь велик, то почему паралюди, технически настолько нас опередившие, не прекратят перекачку?

Не дожидаясь ответа, он вышел.

Селена уставилась на захлопнувшуюся дверь, стиснув зубы. Потом она пробормотала:

— Почему? А потому что условия у них другие, чем у нас, сукин ты сын, ничтожество!

Но она говорила сама с собой — Невилл ее уже не слышал.

Селена пнула ногой рычаг, опускавший постель, и кинулась на нее вне себя от злости. Намного ли ближе она теперь к той цели, которую Бэррон и его группа так давно поставили перед собой?

Ни на шаг.

Энергия... Всем требуется энергия! Волшебное слово! Рог изобилия! Единственный ключ ко вселенскому изобилию!.. Но ведь энергией исчерпывается далеко не все.

Если найти энергию, удастся найти и то, другое. Если найти ключ к энергии, ключ к тому, другому, обнаружится сам собой. Да, так и случится, если только ей удастся уловить какую-нибудь тонкость, которая сразу же станет очевидной. (Боже мой, она настолько заразилась от Бэррона его подозрительностью, что даже думает «то, другое»!)

Ни один землянин этой тонкости не уловит, так как у землян нет никаких оснований искать ее.

И потому Бен Денисон обнаружит эту тонкость, сам того не заметив, а воспользуется его открытием она, Селена.

Но только... Если вселенная должна погибнуть, к чему все это?

Глава 12

Денисон испытывал неловкость и смущение. Он то и дело подтягивал несуществующие брюки. Он был совсем голым, если не считать коротеньких трусов и сандалий. Ну и, разумеется, он нес одеяло.

Селена, тоже в лунном туалете, засмеялась:

— Послушайте, Бен, у вас вполне приличный торс. И кожа почти не дряблая. Можете считать, что лунная мода вам к лицу.

— Угу, — пробурчал Денисон и перекинул одеяло через плечо, старательно задрапировав живот, но Селена тотчас сдернула одеяло.

— Отдайте-ка его мне, — сказала она. — Какой же из вас выйдет лунянин, если вы с таким упорством будете цепляться за земные предрассудки и привычки?

— Селена, крутом нас люди, а вы надо мной издеваетесь! — взмолился Денисон. — Дайте мне освоиться.

— Ну осваивайтесь. Но вы могли бы заметить, что встречные на нас даже не смотрят.

— Это они на вас не смотрят. А меня так и едят глазами. Возможно, им еще не приходилось видеть таких дряхлых уродов.

— Не исключено, — сказала Селена весело. — Ну что же, пусть привыкают.

Денисон утрюмо шагал рядом с ней, болезненно ощущая каждый седой волосок у себя на груди, каждую складку на животе. Только когда коридор сузился и обезлюдел, он перестал стесняться своего вида и начал поглядывать по сторонам уже почти спокойно.

— Сколько мы прошли? — спросил он.

— Вы устали? — огорченно воскликнула Селена. — Надо было взять электророллер. Я все время забываю, что вы с Земли.

— И очень хорошо. Разве это не предел мечтаний иммигранта? Я нисколько не устал. Ну, разве самую чуточку. Вот только я все время мерзну.

— Самообман и больше ничего, Бен, — твердо сказала Селена. — Вы просто подсознательно убеждены, что вам должно быть холодно, поскольку на вас нет привычной одежды. Выкиньте это из головы.

— Легко сказать! — вздохнул он. — Но иду я все-таки терпимо?

— Отлично идете. Вы у меня еще закенгурите.

— И стану чемпионом самых крутых скатов. Вы, кажется, совсем забыли, что я человек в годах. Нет, но сколько мы все-таки прошли?

— Мили две.

— Ого! А какова же общая длина коридоров?

— Боюсь, этого я не знаю. Жилые коридоры составляют лишь относительно небольшую часть всей системы. Есть коридоры рудных разработок, геологические, промышленные, микологические... Думаю, их общая длина достигает несколько сотен миль.

— А карты у вас есть?

— Конечно. Не можем же мы работать вслепую.

— Я не о том. У вас сейчас с собой какая-нибудь карта есть?

— Нет... Я не стала их брать. В этом секторе мне карты не нужны. Я тут знаю каждый поворот. Еще с детских лет. Это же старые коридоры. Почти все новые коридоры — а в год мы прокладываем их в среднем две-три мили — расположены в северном секторе. Вот туда я без карты ни за что не пошла бы. Я там и с картой могу заблудиться.

— А куда мы идем?

— Я обещала показать вам замечательную вещь, самую редкую на Луне. Такую, что туристам ее никогда не показывают.

— Неужто у вас на Луне есть алмазы?

— Это лучше всяких алмазов.

Стены коридора тут не были отполированы. Неяркие люминесцентные плафоны освещали их шероховатую

серую поверхность. Тепло было по-весеннему, и вентиляция работала так безупречно, что не ощущалось ни малейшего сквозняка. Трудно было поверить, что камень и пыль всего в двухстах футах у них над головой то накаляются, пока Солнце совершает свой двухнедельный путь по небосклону, то охлаждаются чуть ли не до абсолютного нуля, когда оно на две недели скрывается за горизонтом.

— А утечки воздуха быть не может? — спросил Денисон, который вдруг с легкой дрожью осознал, что почти сразу же за этим сводом начинается океан безвоздушного пространства, простирающийся в бесконечность.

— Нет. Стены абсолютно герметичны. И оборудованы всевозможными защитными приспособлениями. Если давление воздуха в какой-нибудь секции снизится хотя бы на десять процентов, раздастся такой вой сирены, какого вы в жизни не слышали, и повсюду загорятся сигналы и указатели, которые скоро выведут вас в безопасное место.

— И часто это бывает?

— Нет, очень редко. По-моему, за последние пять лет ни один человек не погиб из-за нехватки воздуха. — После краткой паузы она добавила воинственно: — А у вас на Земле бывают всякие стихийные бедствия! Сильное землетрясение или цунами может уничтожить тысячи жизней.

— Не надо ничего доказывать, Селена! — Денисон поднял руки. — Сдаюсь!

— Ладно, — сказала она. — Я не собиралась так взвизгивать... Слышите?

Она остановилась, прислушиваясь.

Денисон тоже прислушался, но ничего не услышал. Внезапно он с тревогой оглянулся.

— Как тихо! Почему тут никакого нет? Вы уверены, что мы не заблудились?

— Это ведь не естественная пещера с неисследованными ходами, какие есть у вас на Земле. Я видела их фотографии.

— Да. Как правило, это известковые пещеры, созданные водой. Но, разумеется, на Луне подобные явления невозможны.

— И, значит, заблудиться мы не можем, — улыбнулась Селена. — А то, что мы тут одни, объясняется, если хотите, суеверием.

— Чем-чем? — Денисон удивленно и недоверчиво поднял брови.

— Ой, не надо! — сказала Селена. — Уберите эти морщины. Вот так. А знаете, вы очень посвежели за последнее время. Теперь вам понятно, что могут сделать малая сила тяжести и систематические упражнения?

— А также попытки держаться наравне с изящными голыми интуистками, у которых на редкость много выходных дней и на редкость мало занятий, более интересных, чем показ лунных достопримечательностей даже в свободное время.

— Вот вы опять говорите со мной, как с гидом. А кроме того, я вовсе не голая.

— Ну уж если на то пошло, нагота — куда менее опасная вещь, чем интуизм... Но о каком суеверии вы говорили?

— Пожалуй, я выразилась не совсем удачно, и суеверие тут ни при чем. Просто все как-то избегают этого коридора.

— Но почему?

— А вот сейчас увидите.

Они пошли дальше, и вскоре Селена сказала негромко:

— Ну, а теперь слышите?

Они опять остановились, и Денисон напряженно прислушался. Потом он спросил:

— Вы имеете в виду это легкое постукивание? Тук-тук... Да?

Селена побежала — длинными низкими прыжками, отталкиваясь то одной ногой, то другой, как делают луняне, когда они не очень торопятся. Денисон тоже побежал, стараясь подражать ее движениям.

— Вот тут! Тут!

Денисон взглянул туда, куда нетерпеливо указывала пальцем Селена.

— Господи! — сказал он. — Откуда она здесь?

Из скалы одна за другой появлялись и падали капли прозрачной жидкости, которая могла быть только водой. Капля неторопливо сменяла каплю и падала в керамический желобок, вделанный в стену.

— Из камней. У нас же на Луне есть вода. Большую ее часть мы добываем из гипса. Нам хватает, тем более что мы умеем ее экономить.

— Это я заметил! Мне еще ни разу не удалось толком принять душ. Честное слово, я не понимаю, как вы все тут умудряетесь оставаться чистыми.

— Но я же вам объясняла. Сперва надо облиться. Затем отключить воду и обрызгаться моющим препаратом. Растереть его... Ах, Бен, сколько раз я должна повторять одно и то же! К тому же на Луне запачкаться трудно... И вообще мы говорили не об этом. Кое-где вода встречается в чистом виде — обычно в форме льда вблизи поверхности в тени, отбрасываемой горами. Когда коридор проходит рядом с такими отложениями, лед начинает таять, и вода капает, пока не истощится ее запас. В этом месте она капает уже восемь лет.

— Но причем тут суеверие?

— Естественно, что вода — основа основ жизни на Луне. Мы пьем ее, моемся, выращиваем с ее помощью нашу пищу, получаем из нее кислород. Короче говоря, она нам нужна всюду и везде. И самородная вода, разумеется, вызывает чувство, похожее на благоговение. Как только появились эти капли, бурение туннеля в эту сторону было прекращено. И даже стены оставлены необработанными.

— Да, это действительно отдает суеверием.

— Нет, скорее, тут можно говорить об уважении. Все думали, что залежь иссякнет через два-три месяца. Обычно так и бывает. Но прошел год, и начало казаться, что эти капли неиссякаемы. Им даже дали название «Вечный источник». Это место так и на картах помечено. Ну и вполне понятно, люди начинают думать, что все это имеет какой-то скрытый смысл и что истощение Вечного источника явится дурным предзнаменованием.

Денисон расхохотался.

— Нет, конечно, никто серьезно в это не верит, — горячо заговорила Селена, — и все-таки... Ведь, конечно, источник на самом деле вовсе не вечен и должен когда-нибудь истощиться. Собственно говоря, теперь капли появляются вдвое медленнее, чем вначале. То есть он уже иссякает. Ну и, наверное, никому не хочется стать свидетелем того, как Вечный источник

вдруг пересохнет. Вот вам вполне рациональное объяснение того факта, что сюда мало кто заглядывает.

— Насколько я понимаю, сами вы этого чувства не разделяете.

— Дело не в том. Просто, по моему твердому убеждению, это произойдет не сразу, а настолько постепенно, что никто не сможет с уверенностью сказать — «вот упала последняя капля» и испытать суеверный страх. А потому — зачем вообще об этом беспокоиться?

— Совершенно справедливо.

— Тем более что мне хватает других поводов для беспокойства. — Переход к другой теме выглядел почти естественным. — И мне хотелось бы обсудить их с вами, пока мы одни.

С этими словами Селена расстелила одеяло и села на него, поджав ноги.

— Так вот зачем вы меня сюда привели! — Денисон лег на бок лицом к ней и оперся на локоть.

— На поверхности было бы удобнее, но о том, чтобы выйти туда незаметно, нечего и думать. Догадаться же, что мы пошли именно сюда, трудно, а это, пожалуй, единственное место в городе, где нам заведомо никто не помешает.

Селена умолкла, словно не зная, что сказать дальше.

— Ну и? — спросил Денисон.

— Бэррон очень сердит. Просто взбешен.

— И неудивительно. Как еще он мог отнестись к тому, что мне известно про ваш интуизм? Я ведь вас, по-моему, предупреждал. Неужели так уж обязательно было ему об этом рассказывать?

— Как-то неприятно скрывать что-нибудь от человека, с которым... Впрочем, для него это, по-видимому, уже в прошлом.

— Мне очень жаль, что из-за меня...

— Вы тут ни при чем. Все уже шло к концу само собой. Меня гораздо больше волнует, что он наотрез отказывается признать ваше толкование тех данных, которые вы получили, работая с пионотроном после наблюдений на поверхности.

— Но я же говорил вам, что так и будет.

— Он сказал, что видел ваши результаты.

— Да, видел! Скользнул по ним глазами и что-то буркнул.

— Как, в сущности, грустно! Неужели человек всегда верит только в то, во что хочет верить, не считаясь с фактами?

— Во всяком случае, до последней возможности. А иной раз и дольше.

— А вы?

— То есть насколько ничто человеческое мне не чуждо? Разумеется, и я — не исключение. Вот я, например, не верю, что я действительно стар. Я верю, что я чрезвычайно обаятелен. Я верю, что вы ищете моего общества только поэтому... даже вопреки тому, что вы все время сворачиваете разговор на физику.

— Я серьезно.

— Ну что ж! Полагаю, Невилл сказал вам, что обнаруженные мною отклонения более чем укладываются в пределы возможной ошибки, а потому сомнительны. Это безусловно так... И все-таки я предпочитаю верить, что они несут в себе именно то подтверждение, в поисках которого я и проводил эти эксперименты.

— И верите только потому, что хотите верить?

— Не совсем. На это можно посмотреть и следующим образом: предположим, Насос безвреден, а я упорно отстаиваю мнение, что он опасен. В этом случае я буду выглядеть дураком и моя репутация ученого очень пострадает. Но в глазах весьма важных лиц я и так выгляжу дураком, а репутации ученого у меня вообще нет никакой.

— Но почему, Бен? Вы не в первый раз на что-то намекаете. Почему бы вам не рассказать мне все?

— Да рассказывать-то, по правде говоря, почти нечего. В двадцать пять лет я был еще настолько мальчишкой, что не сумел найти себе развлечения умнее, чем дразнить дурака за то лишь, что он дурак. Но он-то вести себя умнее не мог, так что настоящим дураком в сущности был я. А в результате мои насмешки загнали его на такую высоту, куда он без них никогда бы не забрался...

— Вы говорите про Хэллему?

— Именно. И чем выше он поднимался, тем ниже падал я, пока не свалился на Луну.

— А это так уж плохо?

— Нет. По-моему, даже очень хорошо. А потому сделаем вывод, что в конечном счете он оказал мне немалую услугу... И вернемся к тому, о чем я говорил. Итак, ошибочно считая Насос опасным, я ничего не теряю. С другой стороны, ошибочно считая Насос безвредным, я способствую гибели мира. Да, конечно, большая часть моей жизни уже позади, и, наверное, я мог бы внушить себе, что у меня нет особых причин любить человечество. Однако вред мне причинила лишь горстка людей, и если я в отместку погублю всех остальных, то выйдет нечто совсем уж несоразмерное. Ну а если вам требуются не столь благородные причины, Селена, то вспомните, что у меня есть дочь. Перед моим отъездом на Луну она говорила, что подумывает о ребенке. Таким образом, весьма вероятно, что в недалеком будущем я стану — увы, увы! — дедушкой. И почему-то мне хочется, чтобы мой внук прожил весь отпущенный ему срок жизни. А потому я предпочитаю считать, что Насос опасен, и действовать, исходя из этого убеждения.

— Но ведь я об этом и спрашиваю, — взволнованно сказала Селена. — Опасен Насос или нет? Мне нужно знать истину, а не разбираться, кто во что хочет верить.

— Об этом, скорее, я должен спросить у вас. Вы ведь интуистка. Так что же говорит ваша интуиция?

— Вот это меня и мучит, Бен. У меня нет твердой уверенности. Пожалуй, я ощущаю, что Насос опасен, но, возможно, потому что мне этого хочется.

— Допустим. Но почему вам этого хочется?

Селена виновато улыбнулась и пожала плечами.

— Наверное, мне было бы приятно поймать Бэррона на ошибке. Слишком уж он категоричен и агрессивен, когда бывает в чем-то убежден.

— Мне это понятно. Вам хотелось бы посмотреть, какое у него будет лицо, когда ему придется пойти на попятный. Я по собственному опыту знаю, каким жгучим бывает такое желание. Ведь если Насос опасен и я сумею это доказать, меня, возможно, ждет слава спасителя человечества, но, честное слово, сейчас я думаю только о том, какую физиономию скорчит Хэллем. Не слишком достойное чувство, и потому я, скорее всего,

заявлю, что заслуга принадлежит Ламонту в не меньшей мере, чем мне — а это, кстати, чистая правда, — и ограничусь тем, что буду любоваться лицом Ламонта, пока он будет любоваться физиономией Хэллема. Такое злорадство через посредника все-таки менее мелочно... Но я, кажется, договорился до полной чепухи. Скажите, Селена...

— Ну, Бен?

— Когда вы обнаружили, что вы интуистка?

— Сама не знаю.

— Вероятно, в колледже вы занимались физикой?

— Да. И математикой, но она у меня не шла. Впрочем, физика мне тоже на слишком давалась. Но, когда я совсем заходила в тупик, мне вдруг становилось ясно, каким должен быть ответ. Вернее сказать, я видела, что надо сделать, чтобы получить верный ответ. Очень часто ответ действительно получался верный, но, когда меня спрашивали, каким образом я к нему пришла, я начинала путаться. Преподаватели были убеждены, что я пользуюсь шпаргалкой, но поймать меня на этом не могли.

— А они не подозревали, что вы интуистка?

— Думаю, что нет. Я ведь сначала и сама была в полном неведении, а потом... Ну, я влюбилась в одного физика. В будущего отца моего ребенка. И как-то, когда у нас не нашлось другой темы для разговора, он начал рассказывать мне о физической проблеме, над которой он тогда работал, а я вдруг сказала: «Знаешь, что, по-моему, нужно?» — и изложила ему мысль, которая почему-то пришла мне в голову. Он испробовал мой вариант — смеха ради, как объяснял потом, — и получил то, что искал. Собственно говоря, тогда-то и зародился пионотрон, который нравится вам больше синхрофазотрона.

— Как! Это была ваша идея? — Денисон подставил палец под каплю и собрался уже слизнуть ее, но потом все-таки спросил: — А эту воду можно пить?

— Она совершенно стерильна, — сказала Селена, — и поступает отсюда в общий резервуар для обычной обработки. Но она насыщена сернистыми и углеродистыми соединениями и вряд ли вам понравится.

Денисон вытер палец о шорты.

— Так это вы изобрели пионотрон?

— Нет. Я только предложила идею, а развили и осуществили ее другие — в частности, Бэррон.

Денисон помотал головой.

— А знаете, Селена, вы ведь редкий феномен. Вас бы должны изучать специалисты по молекулярной биологии.

— Вы так думаете? Меня эта перспектива что-то не увлекает.

— Лет пятьдесят назад был период сильного увлечения генетическим конструированием. А затем оно...

— Я знаю, — перебила Селена. — Оно ни к чему не привело, и его даже запретили — насколько можно запретить, научные исследования. Мне известны люди, которые продолжают заниматься этой темой.

— Специализируясь на интуизме?

— По-моему, нет.

— А! Но ведь я к этому и веду. В то время, когда генетическое конструирование достигло наибольшего расцвета, была произведена попытка стимулировать интуицию. Практически все великие ученые обладали высокоразвитой интуицией, и возникло мнение, что именно она лежит в основе оригинального мышления. Вывод о том, что особая интуиция связана с какой-то специфической комбинацией генов, напрашивался сам собой, и было выдвинуто немало гипотез о характере такой комбинации.

— Мне кажется, таких комбинаций может быть очень много.

— А мне кажется, что ваша интуиция вас опять не подвела, если это заключение подсказала вам она. Однако кое-кто считал, что в этой комбинации решающую роль играет очень маленькая группа связанных генов, если не один какой-то ген, так что можно говорить о некоем «гене интуиции»... Затем генетическому конструированию пришел конец.

— Как я и сказала.

— Но незадолго до этого, — продолжал Денисон, словно не заметив, что она его перебила, — была предпринята попытка изменить гены так, чтобы повысить степень интуизма, и, по утверждению некоторых, она увенчалась определенным успехом. Если это так, то по законам наследственности... А из родителей вашего

отца или матери никто не принимал участие в этих экспериментах?

— Насколько мне известно, нет, — ответила Селена. — Но отрицать этого категорически я не могу. Что-нибудь подобное не исключено... Однако с вашего разрешения, я ничего выяснять не стану. Предпочитаю оставаться в неведении.

— В этом есть смысл. Генетическое конструирование породило столько опасений и кривотолков, что вряд ли тот, на кого оно наложило свой отпечаток, может рассчитывать на благожелательное отношение окружающих... Утверждалось, например, что интуизм неотделим от некоторых крайне нежелательных качеств.

— Разрешите вас поблагодарить!

— Так ведь не я же это утверждаю! Во всяком случае, интуиция пробуждает зависть и враждебность в других людях. Даже такой кроткий и во все отношениях симпатичный интуист, как Майкл Фарадей, вызывал зависть и ненависть у Хэмфри Дэви. А способность вызывать зависть — тоже своего рода нежелательное качество. Вот и в вашем случае...

— Неужели я вызываю у вас зависть и ненависть? — спросила Селена.

— У меня-то, пожалуй, нет. А у Невилла?

Селена промолчала.

— К тому времени, когда вы сблизились с Невиллом, — продолжал Денисон, — среди ваших знакомых, вероятно, уже было известно, что вы — интуистка?

— Ну, известно — это слишком сильно сказано. Вероятно, кто-нибудь и подозревал, но здешние физики любят делиться успехом не больше, чем земные, а потому, я думаю, они убедили себя, что мои идеи были лишь случайной, хотя и счастливой догадкой, не больше. Но Бэррон, конечно, знал.

— А-а, — многозначительно протянул Денисон.

Губы Селены чуть дернулись.

— У меня такое ощущение, что вам хочется сказать: «А, так вот почему он с вами связался».

— Нет, Селена, ничего подобного. В вас вполне можно влюбиться и без всякой задней мысли.

— Мне тоже так кажется, но одно другого не исключает, а Бэррон не мог не заинтересоваться моим

интуизмом. Почему бы и нет? Но он настоял, чтобы я по-прежнему работала гидом. Он заявил, что я — важная статья естественных ресурсов Луны и он не желает, чтобы Земля монополизировала меня, как она монополизировала синхрофазотрон.

— Оригинальная идея. Но, с другой стороны, чем меньше людей знает, что вы интуистка, тем больше шансов, что вся честь открытия останется за ним.

— Сейчас вы говорите совсем как Бэррон.

— Неужели? А не бывает так, чтобы он сердился на вас, когда ваша интуиция оказывается особенно плодотворной?

Селена пожала плечами.

— Бэррон склонен к подозрительности. У нас у всех есть свои недостатки.

— Так благоразумно ли с вашей стороны проводить со мной столько времени с глазу на глаз?

— Вы недовольны тем, что я его защищаю, — резко сказала Селена. — И он меня вовсе к вам не ревнует. Вы же с Земли. Не стану от вас скрывать, что он, наоборот, скорее поощряет наше знакомство. Он считает, что с вашей помощью, я могу многому научиться.

— Ну и как, научились? — холодно спросил Денисон.

— Да. Но для меня это в наших отношениях вовсе не самое главное — я ведь не Бэррон.

— А что же главное для вас?

— Вы сами прекрасно знаете, — сказала Селена. — Но раз вам так хочется услышать, я скажу: ваше общество мне интересно и приятно. В противном случае я уже давно выяснила бы все, что могло бы меня интересовать.

— Ну хорошо, Селена. Значит, мы друзья?

— Да, друзья.

— В таком случае можно мне спросить, что вы, собственно, от меня узнали?

— Этого сразу не объяснишь. Как вам известно, сами мы не можем запустить Насос потому, что не умеем устанавливать контакт с паравселенной, хотя они его устанавливают, когда хотят. Это может объясняться их превосходством — или умственным, или техническим...

— Что совсем не одно и то же, — вставил Денисон.

— Знаю. Потому-то я и сказала — «или-или». Но вполне вероятно, что мы вовсе не так уж неразвиты или отсталы, а просто нащупать их много труднее, чем нас. Если сильное ядерное взаимодействие в паравселенной сильнее, чем в нашей, их солнца, да и планеты тоже, должны быть значительно меньше наших. А потому нащупать именно их планету гораздо сложнее. Не исключено и другое объяснение, — продолжала Селена. — Скажем, они ориентируются по электромагнитным полям. Электромагнитное поле планеты занимает гораздо большее пространство, чем сама планета, что заметно облегчает поиски. Но отсюда следует, что Луну в отличие от Земли они заметить не в состоянии, так как у Луны электромагнитного поля практически нет. Возможно, нам тут не удастся установить Насос именно по этой причине. А если их небольшие планеты не имеют электромагнитного поля, у нас вообще нет шансов их обнаружить.

— Любопытная гипотеза! — заметил Денисон.

— Теперь рассмотрим межвселенский обмен свойствами, который ослабляет их сильное ядерное взаимодействие и заставляет остывать их солнца, а наше ядерное взаимодействие, наоборот, усиливает, что приводит к нагреванию и взрыву наших солнц. Что отсюда следует? Предположим, они способны добывать энергию односторонне, без нашей помощи, но с крайне низким коэффициентом полезного действия. В обычных условиях этот способ явно бесполезен. А потому для получения концентрированной энергии они нуждаются в нас — в том, чтобы мы снабжали их вольфрамом сто восемьдесят шесть и принимали от них плутоний сто восемьдесят шесть. Но предположите, что наша ветвь Галактики взорвется и превратится в квазар. В результате концентрация энергии в районе бывшей Солнечной системы неизмеримо возрастет и будет сохраняться на этом уровне миллионы лет. А после образования квазара они даже при самом низком коэффициенте полезного действия будут без труда получать всю энергию, какая им нужна. Поэтому наша гибель не будет иметь для них ни малейшего значения. Собственно говоря, логично предположить, что им даже выгодно, чтобы мы взорва-

лись. Ведь мы можем остановить перекачку по множеству самых разных причин, и они будут бессильны ее возобновить. А после взрыва энергия начнет поступать к ним практически сама, без малейших помех... Вот почему те, кто доказывает: «Если Насос так опасен, то почему же паралюди, столь интеллектуально и технически развитые, его не остановят?» — лишь демонстрируют полнейшее непонимание сути дела.

— К этому аргументу прибежал Невилл?

— Да.

— Но ведь парасолнце будет все больше остывать?

— Ну и что? — нетерпеливо бросила Селена. — Зачем им солнце, если у них есть Насос?

Денисон сказал решительно:

— Я вам скажу что-то, чего вы не знаете, Селена. По слухам, Ламонт получил от паралюдей сообщение, что Насос опасен, но что остановить его они не могут. Разумеется, никто на Земле не отнесся к этому серьезно. Но вдруг это правда? Вдруг Ламонт действительно получил подобное сообщение? В таком случае напрашивается предположение, что не для всех паралюдей приемлема мысль об уничтожении мира, населенного разумными существами, которые к тому же столь охотно и доверчиво начали с ними сотрудничать. Но эта горстка не сумела переубедить практичное и несентиментальное большинство.

— Вполне возможно, — кивнула Селена. — Все это я знала — то есть вывела интуитивно — до знакомства с вами. А потом вы сказали, что никакое число, лежащее между единицей и бесконечностью, не имеет смысла. Помните?

— Конечно.

— Так вот: совершенно очевидно, что наша вселенная и паравселенная различаются в первую очередь степенью сильного ядерного взаимодействия, а потому до сих пор все исследования велись только в этом направлении. Но ведь это не единственное взаимодействие, существуют еще три — электромагнитное, слабое ядерное и гравитационное, — напряженность которых относится друг к другу, как сто тридцать к одному, единица к десяти в минус десятой степени и единица к десяти в минус сорок второй степени. Однако

если их четыре, то почему не бесконечное множество? Просто все остальные настолько слабы, что не могут воздействовать на нашу вселенную и не поддаются обнаружению.

— Если взаимодействие настолько слабое, что не поддается обнаружению и не оказывает никакого воздействия, то его можно считать практически несуществующим, — заметил Денисон.

— В нашей вселенной! — отрезала Селена. — А кто может знать, что существует и чего не существует в паравселенной? При бесконечном множестве возможных взаимодействий, каждое из которых может бесконечно варьироваться в напряженности по сравнению с любым из них, принятым за норму, число возможных вселенных может быть бесконечным.

— Бесконечность континуума... И, скорее, алеф-один, чем алеф-нуль...

Селена сдвинула брови.

— А что это означает?

— Неважно. Продолжайте.

— А потому вместо того, чтобы взаимодействовать с единственной паравселенной, которая навязала себя и, возможно, не отвечает нашим потребностям, почему бы не попытаться установить, какая из бесконечного множества вселенных подходит нам больше всего и легче остальных поддается обнаружению? Давайте придумаем такую вселенную, поскольку она все равно должна существовать, а потом займемся ее поисками.

Денисон улыбнулся.

— Селена, я и сам об этом думал. И хотя нет закона, который устанавливал бы, что я не способен ошибаться, все же маловероятно, чтобы блестящая личность вроде меня заблуждалась, если другая блестящая личность вроде вас независимо пришла к такому же выводу... А знаете, что?

— Нет, — сказала Селена.

— Ваша чертова лунная еда начинает мне нравиться. Во всяком случае, я к ней привыкаю. Пойдемте домой и перекусим. А потом начнем разрабатывать план дальнейших действий... И знаете, что еще?

— Нет.

— Раз уж мы будем работать вместе, можно я вас поцелую? Как экспериментатор интуистку.

Селена задумалась.

— Вероятно, для вас, как и для меня, это не первый поцелуй в жизни. Так, может быть, не надо вводить дополнительных определений?

— Что же, обойдемся без них. Но я не знаю техники поцелуев на Луне. Что я должен делать, чтобы не допустить какой-нибудь промашки?

— Положитесь на инстинкт, — злокозненно сказала Селена.

Денисон осторожно заложил руки за спину и наклонился к Селене. Затем, несколько секунд спустя, он завел их ей за плечи.

Глава 13

-А потом я его сама поцеловала, — задумчиво сообщила Селена.

— Вот как? — зло переспросил Бэррон Невилл. — К чему такая самоотверженность?

— Ну, особой самоотверженности тут не требовалось, — она улыбнулась. — Все получилось очень трогательно. Он чрезвычайно боялся сделать что-нибудь не так и даже заложил руки за спину. Наверное, для равновесия. А может быть, опасался переломать мне кости.

— Избавь меня от подробностей. Когда мы получим от тебя то, что нам требуется?

— Как только у меня что-нибудь выйдет, — ответила Селена бесцветным голосом.

— А он не узнает?

— Он интересуется только энергией.

— И еще он желает спасти мир, — насмешливо сказал Невилл. — И стать героем. И утереть всем нос. И целоваться с тобой.

— А он этого и не скрывает. Не то, что ты.

— Ну, положим! — зло буркнул Невилл. — Но я желаю только одного: чтобы у меня хватило терпения ждать.

Глава 14

-А хорошо, что день все-таки кончился, — заметил Денисон, критически разглядывая толстый рукав своего скафандра. — Я никак не могу привыкнуть к лунному Солнцу. Да и не хочу привыкать. Оно настолько немислимо, что даже этот костюм кажется мне чуть ли не собственной кожей?

— За что такая немилость к Солнцу? — спросила Селена.

— Неужели вы его любите?

— Нет, конечно. Терпеть его не могу. Но ведь я его практически никогда не вижу. А вы же зем... Вы должны были к нему привыкнуть.

— На Земле оно другое. А тут оно пылает на черном небе и пожирает звезды, вместо того чтобы просто их затмевать. Тут оно жгучее, свирепое и опасное. Солнце здесь — враг, и пока оно в небе, мне все время кажется, что наши попытки снизить напряженность поля обречены на неудачу.

— Уж это чистейшее суеверие, Бен, — сказала Селена с легким раздражением. — При чем тут Солнце? К тому же мы находились в тени кратера, совсем в ночной обстановке. И звезды были видны. И вокруг темнота.

— Нет, — возразил Денисон. — А освещенная полоса поверхности на севере? Мне страшно не хотелось туда смотреть, но я ничего не мог с собой поделать. А стоило поглядеть, и я прямо ощущал, как жесткое ультрафиолетовое излучение бьет в стекла моего скафандра.

— Глупости! Во-первых, какое может быть ультрафиолетовое излучение в отраженном свете? А во-вторых, скафандр защищает вас от любого излучения.

— Не от теплового. Во всяком случае, недостаточно.

— Но теперь же ночь!

— Вот именно! — с большим удовлетворением произнес Денисон. — Я ведь с этого и начал.

Он огляделся с непроходящим изумлением. Земля висела в небе на положенном месте — ее широкий серп теперь выгибался к юго-западу. Прямо над ним горел Орион — охотник, встающий со сверкающего кресла. По горизонту разливалось мерцание мягкого земного света.

— Какая красота! — воскликнул он и без всякого перехода вдруг спросил: — Селена, пионотрон что-нибудь показывает?

Селена, которая молча смотрела в небо, отошла к приборам, которые стояли тут, в тени кратера, уже три смены лунного дня и ночи.

— Пока ничего, — ответила она. — Но это хороший знак. Напряженность поля держится чуть выше пятидесяти.

— Надо бы ниже, — сказал Денисон.

— Можно еще снизить, — ответила Селена. — Я уверена, что все параметры подходят.

— И магнитное поле?

— В этом я не уверена.

— Но если его усилить, возникнет неустойчивость.

— Не должна бы. Я чувствую.

— Селена, я верю в вашу интуицию вопреки чему угодно, но только не фактам. Ведь мы уже пробовали, и каждый раз возникала неустойчивость.

— Я знаю, Бен. Но параметры были не совсем такими. Напряженность сохраняется на пятидесяти двух поразительно долгое время. И раз мы начинаем удерживать ее часами вместо минут, то появляется возможность увеличить магнитное поле в десять раз не на секунды, как раньше, а на минуты... Ну, попробуем?

— Подождем, — сказал Денисон.

Селена нерешительно помедлила, потом отошла от приборов.

— Бен, вы все еще скучаете по Земле? — спросила она.

— Нет. Как ни странно, совершенно не скучаю. Я думал, что буду тосковать по синему небу, по зеленой траве, по обилию прозрачной струящейся воды — по всему тому, что принято считать особым очарованием Земли. Но я нисколько не тоскую по ним. Они мне даже не снятся.

— Это бывает, — сказала Селена. — Во всяком случае, некоторые гранты утверждают, что ностальгия им незнакома. Разумеется, они составляют незначительное меньшинство, и еще никому не удалось определить, что их объединяет. Выдвигались самые разные гипотезы — от полной эмоциональной тупости, то есть неспособности что-либо вообще чувствовать, до избытка эмоциональности, заставляющей их бессознательно вообще отрицать ностальгию, чтобы она не вызвала серьезного нервного срыва.

— Что касается меня, то все, по-моему, обстоит очень просто. Последние двадцать лет моей жизни на Земле были не слишком приятными, а тут мне, наконец, удалось посвятить себя работе, в которой я нашел свое призвание... К тому же ваша помощь... Более того, Селена, само общение с вами...

— Очень любезно, что помощь вы упомянули прежде общения, — ответила Селена, сохраняя полную серьезность. — Ведь никакая помощь вам, в сущности, не нужна. Не притворяетесь ли вы, будто не можете без нее обойтись только потому, что вам нравится мое общество?

— Не могу решить, какой ответ вам было бы приятнее услышать, — засмеялся Денисон.

— А вы испробуйте правду.

— Но я и сам ее не знаю. И то и другое мне очень дорого. — Он обернулся к пионотрону. — Напряженность поля все еще сохраняется, Селена?

Стекло, закрывавшее лицо Селены, блеснуло в земном свете. Она сказала:

— Бэррон утверждает, что отсутствие ностальгии естественно и свидетельствует о душевном здоровье. Он утверждает, что, хотя тело человека приспособилось к Земле и вынуждено приспосабливаться к Луне, к

человеческому мозгу ни то ни другое не относится. Человеческий мозг качественно настолько отличается от любого другого, что его можно считать особым явлением. У него не было времени, чтобы прочно связать себя с Землей, а потому он способен просто принять иные условия, не приспособляясь к ним. По словам Бэррона, не исключено, что лунные пещеры являются для мозга оптимальной средой, поскольку их можно рассматривать как своего рода увеличенную черепную коробку.

— И вы этому верите? — с веселой усмешкой спросил Денисон.

— В устах Бэррона это все выглядит очень правдоподобным.

— Ну и не менее правдоподобным было бы предположение, что лунные пещеры позволяют сублимировать пресловутое подсознательное стремление человека вернуться вновь в материнское лоно. Собственно говоря, — добавил он задумчиво, — я с тем же успехом мог бы доказать, ссылаясь на контролируемые температуру и давление, а также на высокую усвояемость и консистенцию лунной пищи, что лунная колония... простите, Селена, — лунный город представляет собой сознательно созданную идеальную среду обитания для нерожденного младенца.

— Думаю, Бэррона вы бы ни на секунду не убедили, — заметила Селена.

— Куда там!

Денисон взглянул на земной серп, стараясь различить облачные слои по его краю. Он умолк и даже не сразу заметил, что Селена снова отошла к пионотрону.

Затем Денисон перевел взгляд с Земли в ее звездном венке на зубчатый горизонт, над которым время от времени взметывалось что-то вроде клубов дыма.

Он заметил это явление еще в прошлую лунную ночь и, решив, что это пыль, поднятая падением метеорита, с некоторой тревогой спросил у Селены, так ли это.

Она ответила с полным равнодушием:

«Земля чуть-чуть смещается в небе из-за либрации Луны, и передвижение ее света по неровностям почвы создает оптические иллюзии. Например, если отражение света происходит за небольшим возвышением, то

кажется, будто там взлетает облачко пыли. Эти явления очень часты, и мы не обращаем на них никакого внимания».

Он тогда возразил:

«Но ведь это может быть и метеорит! А метеориты часто попадают в людей?»

«Конечно. В вас, наверное, их угодило уже немало. Но в скафандре это не чувствуется».

«Я говорю не о микроскопических частицах, о настоящих — о таких, которые действительно способны поднять пыль... или убить человека».

«Ну бывают и такие. Но они падают редко, а Луна велика. До сих пор от них никто еще не пострадал».

И теперь, глядя в небо, Денисон вдруг понял, почему он опять вспомнил про метеориты — между звездами мелькала яркая точка. Но он тут же сообразил, что метеориты горят только в земной атмосфере, а на Луне они падают темными и холодными — ведь на ней нет воздуха.

Эта яркая точка в небе могла быть только созданием человеческих рук, но Денисон не успел разобраться в своих впечатлениях, как она уже превратилась в маленький ракетолет, который через минуту опустился на поверхность неподалеку от него.

Из ракетолета вышла одинокая фигура. Водитель остался в кабине — темное бесформенное пятно на освещенном фоне.

Денисон спокойно ждал. На поверхности Луны действовали свои законы вежливости, продиктованные особенностями работы в скафандрах: первым всегда называл себя вновь прибывший.

— Представитель Готтштейн, — раздался в его наушниках знакомый голос. — Впрочем, я так ковыляю, что об этом легко догадаться.

— Бен Денисон, — ответил Денисон.

— Да, я так и предполагал.

— Вы искали именно меня?

— Совершенно справедливо.

— В космоблохе? Но почему вы не...

— Почему я не воспользовался тамбуром П-четыре? — перебил Готтштейн. — До него ведь всего полмили. Да, безусловно, но меня интересовали не только вы.

— Вероятно, я не должен задавать вопросов. Но мне непонятно, что вы, собственно, имеете в виду.

— У меня нет причин что-нибудь скрывать. Вы ведь ставите эксперименты на поверхности, и вполне естественно, что они меня заинтересовали. Вы согласны?

— Я не делаю из этого тайны, а интересоваться не возбраняется никому.

— Но о подробностях вашего эксперимента не осведомлен ни один человек. Известно, конечно, что ваша работа как-то связана с проблемой Электронного Насоса, но и только.

— Предположение вполне логичное.

— Так ли? Насколько я знаю, подобные эксперименты требуют сложнейшего оборудования. Иначе они не дадут никаких результатов. Как вы понимаете, сам я в этом ничего не смыслю, но я обращался за справками к квалифицированным консультантам. И во всяком случае очевидно, что установка, которой вы пользуетесь, совсем не похожа на то, о чем мне говорили. Вот мне и пришло в голову, что, возможно, интересоваться мне следует совсем не вами. Ведь пока мое внимание сосредотачивается на вас, где-то может происходить нечто куда более важное.

— А с какой целью использовать меня как ширму?

— Не знаю. Если бы я мог ответить на этот вопрос, то тревожился бы меньше.

— Так, значит, за мной следили?

— А как же, — усмехнулся Готтштейн. — С самого момента вашего прибытия на Луну. Однако пока вы работали тут на поверхности, мы осмотрели все окрестности в радиусе десятков миль. Возможно, это покажется вам странным, доктор Денисон, но сейчас на лунной поверхности чем-то, что выходит за рамки обычных рутинных работ, занимаетесь только вы и ваша помощница.

— И что тут странного?

— А то, что вы, следовательно, убеждены в плодотворности своих экспериментов с этой штукой, названия которой я не знаю. Поскольку я не сомневаюсь в вашей компетентности, то, мне кажется, было бы интересно послушать, если бы вы согласились объяснить мне, чем занимаетесь.

— Я ставлю парафизические эксперименты, мистер Готтштейн, так что слухи вас не обманули. И могу добавить только, что пока мне еще не удалось добиться чего-нибудь определенного.

— Ваша помощница, если не ошибаюсь — гид Селена Линдстрем Л.?

— Совершенно верно.

— Странный ассистент.

— Она умна, интересуется парафизикой, обучает меня тонкостям лунного поведения и очень привлекательна.

— А к тому же готова работать с землянином?

— С иммигрантом, который намерен при первой возможности получить лунное гражданство.

К ним подошла Селена, и в их шлемах раздался ее голос:

— Здравствуйте, мистер Готтштейн. Я не люблю ни подслушивать, ни вмешиваться в чужие разговоры, но в скафандре слышно все, о чем говорят в пределах видимости.

— Добрый вечер, мисс Линдстрем, — повернулся к ней Готтштейн. — Я и не собирался делать тайну из нашей беседы. Так, значит, вы интересуетесь парафизикой?

— Очень!

— И неудачные эксперименты вас не обескураживают?

— Они ведь не такие уж неудачные, — ответила Селена. — Просто доктор Денисон не вполне в курсе.

— Что?! — Денисон повернулся на каблуках так резко, что чуть не опрокинулся на спину. Из-под его ног вырвалось облако пыли.

Они все трое стояли теперь лицом к пионотрону. Над ним на высоте человеческого роста пылала огненная точка, похожая на пухлую звезду.

— Я увеличила напряженность магнитного поля, — сказала Селена, — а ядерное поле оставалось устойчивым, не менялось, потом началось рассеивание, усилилось и...

— Образовалась протечка! — докончил Денисон. — Черт! А я и не видел, как это произошло.

— Я прошу у вас прощения, Бен, — сказала Селена. — Но ведь сначала вы о чем-то задумались. Потом явился мистер Готтштейн, и я не удержалась от соблазна попробовать самой.

— Объясните же, что я, собственно, вижу, — попросил Готтштейн.

— Вы наблюдаете спонтанное излучение энергии веществом, которое просачивается из другой вселенной в нашу, — сказал Денисон.

Едва он договорил, как свет над пионотроном вдруг погас, и одновременно в сотне шагов от них вспыхнула другая, чуть более тусклая звезда.

Денисон кинулся к пионотрону, но Селена с лунной грацией стремительно скользнула вперед и оказалась там намного раньше него. Она отключила поле, и дальняя звезда погасла.

— Видите ли, место протечки неустойчиво, — сказала она.

— В весьма малой степени, — возразил Денисон. — Учитывая, что смещение на один световой год теоретически так же возможно, как и смещение на сотню ярдов, эти сто ярдов можно считать чудом устойчивости.

— И тем не менее такого чуда еще мало, — категорически заявила Селена.

— Простите, так ли я понял то, о чем вы говорите? — перебил их Готтштейн. — Значит, вещество может просачиваться в нашу вселенную и тут, и там, и где угодно?

— Вовсе не где угодно, — ответил Денисон. — Вероятность протечки падает с увеличением расстояния до пионотрона, причем очень стремительно. Зависит это от целого ряда факторов, и, должен сказать, нам удалось добиться просто поразительной устойчивости. Тем не менее смещение на несколько сотен ярдов не исключено, чему вы сами были свидетелем.

— А не могла ли она сместиться в город или внутрь наших скафандров?

— Да нет же! — с досадой ответил Денисон. — Возможность протечки — во всяком случае, такой, какую можно получить с помощью наших методов, — определяется, в частности, плотностью вещества, уже присутствующего в нашей вселенной. Вероятность того, что место протечки сместится из вакуума туда, где атмо-

сфера будет иметь хоть одну сотую плотности воздуха в городе или внутри наших скафандров, практически равна нулю. Попытка добиться протечки где-нибудь еще, кроме вакуума, заведомо обречена на неудачу — вот почему мы сразу начали свои эксперименты здесь, на поверхности.

— Значит, ваша установка не похожа на Электронный Насос?

— Нисколько, — сказал Денисон. — Электронный Насос осуществляет обмен веществом. А тут мы имеем дело с однонаправленной протечкой. Да и поступает это вещество не из паравселенной.

— Не поужинаете ли вы у меня сегодня, доктор Денисон? — вдруг спросил Готтштейн.

— Вы приглашаете только меня? — нерешительно спросил Денисон.

Готтштейн любезно поклонился в сторону Селены. Впрочем, поклон этот не сделал бы чести и цирковому медведю.

— Я буду счастлив видеть мисс Линдстрем у себя в любой другой день, — сказал он, — но на этот раз мне необходимо поговорить с вами наедине, доктор Денисон.

— Идите, идите, — деловито распорядилась Селена, заметив, что Денисон все еще колеблется. — Завтра я принимаю новую группу туристов, а вам нужно время, чтобы подумать о том, как устранить неустойчивость протечки.

— Ну в таком случае... Селена, а вы сообщите мне, когда у вас будет следующий выходной?

— По-моему, я этого от вас еще ни разу не скрывала. Да мы и раньше встретимся... Собственно, вы оба уже можете отправляться ужинать, а я отключу приборы.

Глава 15

Бэррон Невилл переминался с ноги на ногу — будь комната обширнее, а сила тяжести побольше, он метался бы из угла в угол, но в лунных условиях он только делал скользящий шаг то вправо, то влево, не двигаясь с места.

— Значит, ты утверждаешь, что установка работает? Это верно, Селена? Ты не ошиблась?

— Нет, я не ошиблась, — ответила Селена. — Повторяю это в пятый раз. Я считала.

Но Невилл, казалось, не слышал ее. Он сказал торопливым шепотом:

— Следовательно, появление Готтштейна ничему не помешало? Он не пытался прекратить эксперимент?

— Нет. С какой стати?

— И не было никаких признаков, что он намерен употребить власть...

— Послушай, Бэррон, какую, собственно, власть он мог бы употребить? Земля пришлет сюда полицейских или как? И ведь... ты знаешь, что они не могут нас остановить.

Невилл вдруг застыл.

— Они не знают? Все еще не знают?

— Конечно, нет. Бен смотрел на звезды, а потом явился Готтштейн. И я попробовала добиться протечки поля, что мне удалось. А то, другое, получилось раньше. Установка Бена...

— При чем тут он? Это же была твоя идея.

Селена покачала головой.

— Я высказала только неопределенную догадку. Вся разработка принадлежит ему.

— Но ведь ты можешь точно все воспроизвести? Ради всего лунного, не обращаться же нам за этим к земляшке!

— Я думаю, что сумею воспроизвести достаточно полно для того, чтобы наши сами смогли довести все до конца.

— Ну ладно. Так идем!

— погоди, Бэррон. Не торопись.

— Почему?

— Нам ведь нужна и энергия.

— Но мы же ее получили!

— Не совсем. Место протечки неустойчиво. Крайне неустойчиво.

— Это, по-видимому, можно устранить, ты же сама сказала.

— Я сказала, что мне так кажется.

— Для меня этого вполне достаточно.

— И все-таки будет лучше, если Бен доведет дело до конца и добьется полной устойчивости.

Наступила напряженная пауза. Худое лицо Невилла исказилось, стало враждебным.

— Ты думаешь, что я этого сделать не сумею? Так?

— Ты выйдешь со мной на поверхность, чтобы продолжать работу? — спросила Селена.

Вновь наступило молчание. Потом Невилл сказал сквозь стиснутые зубы:

— Твой сарказм неуместен. И я не хочу долго ждать.

— Я ведь не могу приказывать законам природы. Но думаю, долго ждать тебе не придется... А теперь, с твоего разрешения, я хотела бы вернуться к себе и лечь спать. У меня завтра с раннего утра туристы.

Невилл взглянул в сторону своей спальной ниши, как будто собираясь пригласить ее остаться, но ничего не сказал. Селена, словно ничего не заметив, устало кивнула ему и ушла.

Глава 16

-Откровенно говоря, я надеялся, что мы будем видеться чаще, — сказал Готтштейн с улыбкой, нагибаясь над липкой и приторно сладкой массой, которую подали на десерт.

— Ваш любезный интерес к моей работе для меня очень лестен, — сказал Денисон. — Если неустойчивость протечки удастся устранить, то, пожалуй, мое открытие — то есть мое и мисс Линдстрем, разумеется, — будет иметь довольно большое значение.

— Вы говорите с обычной для ученого осмотрительностью... я не стану оскорблять вас, предлагая вам лунную замену ликера. Как ни твердо мое решение пользоваться только лунными продуктами, эту пародию на земные напитки я все-таки пить не в силах... Не могли бы вы объяснить мне как человеку, далекому от науки, в чем, собственно, заключается значение вашего открытия?

— Попробую, — осторожно сказал Денисон. — Начнем с паравселенной. Сильное ядерное взаимодействие в ней интенсивнее, чем у нас, а потому в паравселенной реакция синтеза, поддерживающая горение звезды, требует относительно малого количества протонов. Массы вещества, эквивалентные нашим звездам, в паравселенной мгновенно взрывались бы — там существует несравненно больше звезд, чем у нас, но они гораздо меньше наших. Теперь вообразим мир, в котором сильное ядерное взаимодействие заметно менее интенсивно, чем у нас. В этом случае даже колоссальные количества протонов будут стремиться к слиянию настолько слабо, что для поддержания жизни звезды

потребуется гигантское количество водорода. Такая антипаравселенная, то есть вселенная, противоположная по своим свойствам паравселенной, будет содержать гораздо меньше звезд, чем наша, но уж эти звезды будут огромными. Собственно говоря, если бы сильное ядерное взаимодействие можно было в необходимой степени ослабить, получилась бы вселенная, состоящая всего из одной звезды, которая включала бы все вещество этой вселенной. Такая звезда обладала бы неимоверной плотностью, но реакции протекали бы в ней чрезвычайно медленно, а ее излучение, возможно, было бы примерно таким же, как у нашего Солнца.

— Если я не ошибаюсь, — перебил его Готтштейн, — существует теория, что именно такой была наша собственная вселенная до Большого Взрыва — единым колоссальным телом, включавшим все вещества вселенной.

— Совершенно верно, — сказал Денисон. — Собственно говоря, антипаравселенная, которую я обрисовал, представляет собой то, что некоторые называют «космическим яйцом», или сокращенно «космо». И для того, чтобы получить одностороннюю протечку, нам необходима как раз такая космовселенная. Паравселенная с ее крохотными звездами представляет собой практически пустое пространство. Можно зондировать ее без конца, но так ни на что и не наткнуться.

— Но ведь паралюди нас отыскиали?

— Да. Возможно, они ориентировались по магнитным полям. Однако есть основания полагать, что у планет паравселенной магнитных полей нет вовсе либо они очень слабы, а это крайне затрудняет наши поиски. Зондируя же космовселенную, мы просто не можем потерпеть неудачу. Ведь космо — уже само по себе целая вселенная, и в каком бы месте в нее ни проникнуть, мы всюду наткнемся на вещество.

— Но как вы осуществляете зондирование?

Денисон ответил после краткого молчания.

— Все это мне объяснить трудно. Связующим звеном сильного ядерного взаимодействия являются пионы. Интенсивность взаимодействия зависит от массы пионов, а массу эту в некоторых специфических условиях можно изменить. Лунные физики разработали пионот-

рон — прибор, который позволяет создать необходимые условия. Стоит уменьшить или увеличить массу пиона, и он становится частью какой-то другой вселенной — входом в нее, пограничным пунктом. Если снизить массу до соответствующей степени, пион окажется частью космической вселенной, чего мы и добиваемся.

— И можно всасывать вещество из... из космической вселенной? — спросил Готтштейн.

— Ну это-то просто. С появлением входа вещество начинает просачиваться к нам само. В этот момент оно подчиняется собственным законам и сохраняет устойчивость. Затем на него постепенно начинают действовать законы нашей вселенной, сильное ядерное взаимодействие становится в нем более интенсивным, происходит ядерное слияние и высвобождается огромное количество энергии.

— Но если оно сверхплотно, то почему не расширяется мгновенно и не исчезает?

— Даже это дало бы энергию. Но тут большую роль играет электромагнитное поле, и в данном случае поле битвы остается за сильным ядерным взаимодействием, так как мы контролируем электромагнитное поле. Но, чтобы объяснить это более или менее научно, мне потребуется очень много времени.

— Значит, светящийся шар, который я видел на поверхности, не что иное, как космическое вещество, в котором началось слияние ядер?

— Совершенно верно.

— И эту энергию можно использовать для полезных целей?

— Конечно. И в неограниченных количествах. Ведь вы наблюдали появление в нашей вселенной всего лишь микропрограмма космического вещества. А теоретически его можно получать хоть тоннами.

— Так, значит, мы можем теперь отказаться от Электронного Насоса?

Денисон покачал головой.

— Нет. Использование космической энергии также меняет свойства вселенной. По мере обмена физическими законами сильное ядерное взаимодействие постепенно становится все более интенсивным в космической вселенной и все менее интенсивным — в нашей. В результате скорость

ядерного слияния в космическом яйце нарастает, и оно нагревается. И в конце концов...

— И в конце концов, — подхватил Готтштейн, задумчиво прищурившись и скрестив руки на груди, — происходит Большой Взрыв.

— Вот именно.

— По-вашему, как раз это произошло в нашей вселенной десять миллиардов лет назад?

— Кто знает? Космогонисты все еще ломают головы над тем, почему космическое яйцо взорвалось тогда, когда оно взорвалось, а не раньше и не позже. Одно из предложенных объяснений предполагало существование пульсирующей вселенной, в котором космическое яйцо взрывается, едва образовавшись. Гипотеза эта была отвергнута, и, по последним предположениям, космическое яйцо существует значительный отрезок времени, а затем по неизвестным причинам утрачивает устойчивость.

— И, возможно, это происходит потому, что его энергию начинает заимствовать другая вселенная?

— Вполне вероятно. Но это вовсе не подразумевает обязательного вмешательства разумных существ. Не исключено возникновение и самопроизвольных протечек.

— А когда Большой Взрыв произойдет, мы по-прежнему сможем добывать энергию из космовселенной?

— Не берусь судить, но пока об этом можно не думать. Скорее всего, проникновение нашего сильного ядерного взаимодействия в космовселенную будет длиться миллионы лет, прежде чем оно достигнет критического уровня. А к тому же, безусловно, существуют и другие космовселенные, причем число их бесконечно.

— Ну а изменения в нашей вселенной?

— Сильное ядерное взаимодействие ослабевает. И медленно, чрезвычайно медленно наше Солнце остывает.

— А мы сможем компенсировать его остывание с помощью космоэнергии?

— Это не понадобится! — убежденно воскликнул Денисон. — По мере того как сильное ядерное взаимодействие в нашей вселенной станет ослабляться в результате действия космонасоса, оно в равной степени будет возрастать благодаря Электронному Насосу. Если

мы начнем получать энергию таким двойным способом, физические законы будут меняться в пара- и космовселенной, но у нас останутся неизменными. Мы в данном случае — перевалочный пункт, а не конечная станция. Впрочем, за судьбу конечных станций нам тоже тревожиться нечего. Паралюди, по-видимому, как-то приспособились к остыванию своего солнца, которое никогда особенно горячим не было. Ну а в космовселенной, бесспорно, никакой жизни быть не может. Собственно говоря, создавая там условия для Большого Взрыва, мы тем самым открываем путь к развитию новой вселенной, в которой со временем может возникнуть жизнь.

Готтштейн задумался. Его круглое лицо было спокойным и непроницаемым. Несколько раз он кивал, как будто отвечая на собственные мысли, а потом сказал:

— Знаете, Денисон, а ведь это заставит мир прислушаться! Теперь уже никто не захочет отрицать, что Электронный Насос сам по себе опасен.

— Да, внутреннее нежелание признать его опасность исчезнет, поскольку доказательство ее уже само по себе предлагает оптимальный выход из положения, — согласился Денисон.

— К какому сроку вы можете подготовить статью? Я гарантирую, что она будет опубликована немедленно.

— А вы можете дать такую гарантию?

— Если ничего другого не останется, я опубликую ее отдельной брошюрой по своему ведомству.

— Сначала нужно найти способ стабилизировать протечку.

— Да, конечно.

— А пока я хотел бы договориться с доктором Питером Ламонтом о соавторстве, — сказал Денисон. — Он мог бы взять на себя математическую часть — мне она не по силам. К тому же направление моих исследований мне подсказала его теория. И еще одно, мистер Готтштейн...

— А именно?

— По-моему, совершенно необходимо, чтобы в этом участвовали лунные физики. Скажем, третьим автором вполне мог бы стать доктор Бэррон Невилл.

— Но зачем? К чему ненужные осложнения?

— Без их пионотрона мне ничего не удалось бы сделать.

— В таких случаях, по-моему, достаточно просто выразить в статье благодарность... А разве доктор Невилл работал с вами?

— Непосредственно? Нет.

— Так зачем же вмешивать еще и его?

Денисон старательно стряхнул соринку с брюк.

— Так будет дипломатичнее, — сказал он. — Ведь космонасосы придется установить на Луне.

— А почему не на Земле?

— Ну, во-первых, нам нужен вакуум. Это ведь односторонняя передача вещества, а не двусторонняя, как в Электронном Насосе, а потому для нее требуются другие условия. Поверхность Луны предоставляет в наше распоряжение естественный и неограниченный вакуум, тогда как создание необходимого вакуума на Земле потребует колоссальных усилий и материальных затрат.

— Но тем не менее это возможно?

— Во-вторых, — продолжал Денисон, пропуская его вопрос мимо ушей, — если поместить слишком близко друг от друга два столь мощных источника энергии, поступающей, так сказать, с противоположных концов шкалы, в середине которой находится наша вселенная, может произойти своего рода короткое замыкание. Четверть миллиона миль вакуума, разделяющие Землю с ее Электронными Насосами и Луну с космонасосами, послужат надежной, а вернее сказать, совершенно необходимой изоляцией. Ну а раз нам придется использовать Луну, то благоразумие, да и простая порядочность требуют, чтобы мы считались с самолюбием лунных физиков и привлекли их к работе.

— Так рекомендует мисс Линдстрем? — улыбнулся Готтштейн.

— Думаю, она была бы того же мнения, но идея эта настолько очевидна, что я додумался до нее сам.

Готтштейн встал и трижды подпрыгнул на месте, поднимаясь и опускаясь с обычной на Луне жутковатой медлительностью. При этом он ритмично сгибал и разгибал колени. Потом снова сел и осведомился:

— Вы пробовали это упражнение, доктор Денисон?

Денисон покачал головой.

— Его рекомендуют для ускорения кровообращения в нижних конечностях. Вот я и прыгаю всякий раз, когда чувствую, что отсидел ногу. Мне вскоре предстоит съездить на Землю, и я стараюсь не слишком привыкать к лунной силе тяжести... Не поговорить ли нам с мисс Линдстрем, доктор Денисон?

— О чем, собственно? — спросил Денисон изменившимся тоном.

— Она гид.

— Да. И вы уже это говорили.

— И еще я говорил, что физик, казалось бы, мог выбрать себе не столь странную помощницу.

— Я ведь физик-любитель, так почему бы мне и не выбрать помощницу без профессиональных навыков?

— Довольно шуток, доктор Денисон! — Готтштейн больше не улыбался. — Я позаботился навести о ней справки. Ее биография крайне интересна, хотя, по-видимому, никому и в голову не приходило ознакомиться с ней. Я твердо убежден, что она интуистка.

— Как и очень многие из нас, — заметил Денисон. — Не сомневаюсь, что и вы по-своему интуист. А уж я — во всяком случае. По-своему, конечно.

— Тут есть некоторая разница, доктор Денисон. Вы — профессиональный ученый, и притом блестящий. Я — профессиональный администратор, и надеюсь, неплохой... А мисс Линдстрем работает гидом, хотя ее интуиция настолько развита, что может помочь вам в решении сложнейших вопросов теоретической физики.

— Она почти не получила специального образования, — поколебавшись ответил Денисон. — И хотя ее интуизм очень высокого порядка, он почти не коррелируется с сознанием.

— Не был ли кто-нибудь из ее родителей в свое время связан с программой по генетическому конструированию?

— Не знаю. Но меня это не удивило бы.

— Вы ей доверяете?

— В каком смысле? Она мне во многом помогла.

— А вам известно, что она жена доктора Бэррона Невилла?

— Насколько я знаю, их отношения официально не оформлены.

— На Луне официальное оформление браков вообще не принято. А не тот ли этот Невилл, которого вы намерены пригласить в соавторы вашей статьи?

— Да.

— Простое совпадение?

— Нет. Невилл интересовался мной и, по-моему, попросил Селену помогать мне.

— Это она вам сказала?

— Она сказала, что он мною интересуется. Мне кажется, ничего странного тут нет.

— А вам не приходило в голову, доктор Денисон, что она помогала вам в собственных интересах и в интересах доктора Невилла?

— Разве их интересы расходятся с нашими? Она помогала мне без каких-либо условий.

Готтштейн переменил позу и подвигал плечами, словно проделывая очередное упражнение.

— Доктор Невилл не может не знать, что его близкая приятельница — интуистка, — сказал он. — И было бы только естественно, если бы он сам использовал ее способности. Так почему она работает гидом? Не для того ли, чтобы с какой-то целью маскировать эти способности?

— Такая логика, насколько мне известно, типична для доктора Невилла. У меня же нет привычки повсюду подозревать бессмысленные заговоры.

— Но почему вы решили, что бессмысленные? Когда моя космоблоха висела над лунной поверхностью, за несколько минут до того, как над вашей установкой образовался пылающий шарик, я глядел вниз, на вас. Вы стояли в стороне от пионотрона.

Денисон попытался вспомнить.

— Совершенно верно. Я загляделся на звезды. Поднимаясь на поверхность, я всегда на них смотрю.

— А что делала мисс Линдстрем?

— Я не видел. Она ведь сказала, что усиливала магнитное поле, пока не возникла протечка.

— И она всегда работает с установкой без вас?

— Нет. Но ее нетерпение понять нетрудно.

— Должен ли этот процесс сопровождаться каким-нибудь выбросом?

— Я вас не понимаю.

— И я себя тоже. В земном сиянии промелькнула какая-то смутная искра, словно что-то пролетело мимо. Но что именно — я не знаю.

— И я не знаю, — сказал Денисон.

— Но это не могло быть каким-нибудь естественным побочным следствием вашего эксперимента?

— Вроде бы нет.

— Так что же делала мисс Линдстрем?

— Не знаю.

Оба умолкли. Молчание становилось все напряженнее. Потом Готтштейн сказал:

— Насколько я понял, вы теперь попыгаете устранить неустойчивость протечки и начнете работать над статьей. Я со своей стороны предприму необходимые шаги, а когда буду на Земле, подготовлю опубликование статьи и сообщу о вашем открытии ответственным лицам.

Денисон понял, что разговор окончен, и встал. Готтштейн добавил с непринужденной улыбкой:

— И подумайте о докторе Невилле и мисс Линдстрем.

Глава 17

На этот раз звезда была гораздо более пухлой и яркой. Денисон почувствовал ее жар на стекле скафандра и попятился. В излучении несомненно присутствовали рентгеновские лучи, и хотя в надежности экранирования сомневаться не приходилось, все-таки не стоило заставлять его работать на полную мощность.

— По-моему, это то, что надо, — пробормотал Денисон. — Полная устойчивость.

— Безусловно, — сказала Селена.

— Ну так отключим и вернемся в город.

Их движения были вялыми и медлительными. Денисон ощущал непонятный упадок духа. Все волнения остались позади. Теперь уже можно было не опасаться неудачи. Соответствующие земные организации зарегистрировали новое открытие, и дальше все будет зависеть не от него. Он сказал:

— Пожалуй, можно приступать к статье.

— Наверное, — осторожно ответила Селена.

— Вы поговорили с Невиллом еще раз?

— Да.

— Он не изменил своего решения?

— Нет. Он участвовать не будет. Бен...

— Что?

— Я убеждена, что уговаривать его нет смысла. Он не желает участвовать в программе, какой бы она ни была, если в ней участвует Земля.

— Но вы объяснили ему ситуацию?

— Во всех подробностях.

— И он все-таки не хочет...

— Он сказал, что будет говорить с Готтштейном. Тот обещал принять его, когда вернется с Земли. Может быть, Готтштейну удастся его переубедить. Но не думаю.

Денисон пожал плечами — жест совершенно бессмысленный, поскольку скафандру он не передался.

— Я его не понимаю.

— А я понимаю, — негромко сказала Селена.

Денисон промолчал. Он закатил пионотрон и остальную аппаратуру в каменную нишу и спросил:

— Все?

— Да.

Они молча вошли в тамбур П-4. Денисон начал медленно спускаться по лестнице. Селена скользнула мимо, хватаясь за каждую третью перекладину. Денисон уже и сам умел спускаться этим способом достаточно ловко, но на сей раз он тяжело переступал с перекладины на перекладину словно назло собственному желанию приспособиться к Луне.

В раздевальне они сняли скафандры и убрали их в шкафчики. Только тут Денисон наконец сказал:

— Вы не пообедаете со мной, Селена?

— Вы чем-то расстроены? — спросила она встревоженно. — Что случилось?

— Да ничего. Просто в таких случаях всегда возникает ощущение растерянности и пустоты. Так как насчет обеда?

— С удовольствием.

По настоянию Селены они отправились обедать к ней. Она объяснила:

— Мне надо поговорить с вами, а в кафетерии это неудобно.

И вот теперь, когда Денисон вяло пережевывал нечто отдаленно напоминавшее телятину под ореховым соусом, Селена вдруг сказала:

— Бен, вы все время молчите. И так уже неделю.

— Ничего подобного! — возразил Денисон, сдвигнув брови.

— Нет, это так! — Она поглядела на него с дружеской озабоченностью. — Не знаю, многого ли стоит моя интуиция вне физики, но, по-моему, вас тревожит что-то, о чем вы не хотите мне рассказать.

Денисон пожал плечами.

— На Земле поднялся шум. Готтштейн перед отъездом туда нажимал на кнопки величиной с тарелку. Доктор Ламонт ходит в героях, и меня приглашают вернуться, как только статья будет написана.

— Вернуться на Землю?

— Да. По-видимому, и я попал в герои.

— И вполне заслуженно.

— Полное признание моих заслуг — вот что мне предлагают, — задумчиво произнес Денисон. — Любой университет, любое государственное учреждение будут счастливы предложить мне место на выбор.

— Но ведь вы этого и хотели?

— Хочет этого, по-моему, Ламонт. И хочет, и несомненно получит, и будет рад. А я не хочу.

— Так чего же вы хотите?

— Остаться на Луне.

— Почему?

— Потому что это клинок человечества, и я хочу быть частью его острия. Я хочу заняться установкой космонасосов, а устанавливать их будут только здесь, на Луне. Я хочу работать над паратеорией с помощью приборов, которые способна создать ваша мысль, Селена... Я хочу быть с вами. Но вы, Селена, вы останетесь со мной?

— Паратеория интересует меня так же, как и вас.

— А разве Невилл позволит вам продолжать?

— Бэррон? Мне? Вы стараетесь оскорбить меня, Бен?

— Что вы!

— Или я неправильно вас поняла? Вы ведь намекнули, что я работаю с вами по указанию Бэррона?

— А разве не так?

— Да, он мне это предложил. Но работала я с вами не потому. Я сама этого захотела. Вероятно, он воображает, будто может мной распоряжаться по своему усмотрению, но это верно лишь до тех пор, пока его желания совпадают с моими — вот как было в случае с вами. Меня возмущает, что он думает, будто я ему подчинена, и меня возмущает, что так думаете вы.

— А ваши отношения?

— Но при чем тут это? Если рассуждать подобным образом, то почему, собственно, он должен распоряжаться мной, а не я им?

— Так, значит, вы можете и дальше работать со мной, Селена?

— Конечно, — ответила она холодно. — Если захочу.

— Но вы хотите?

— Пока да.

И тут Денисон улыбнулся.

— Теперь я понимаю, что всю эту неделю меня грызла тревога, — а вдруг вы не захотите или не сможете. И подсознательно боялся завершения экспериментов: ведь это могло означать, что мы с вами расстанемся. Простите меня, Селена. Я не хочу докучать вам сентиментальной привязанностью дряхлого земляшки...

— Ну ваш интеллект, Бен, дряхлым никак не назовешь. Да и вообще привязанности бывают разными. Мне нравится разговаривать с вами.

Наступило молчание. Улыбка Денисона увяла. Потом он снова улыбнулся, но уже механически.

— Завидую своему интеллекту, — пробормотал он, отвернувшись, покачал головой и опять поглядел на Селену.

Она смотрела на него почти с тревогой.

— Селена, — сказал он, — протечка между вселенными не исчерпывается только энергией. По-моему, вы об этом уже думали.

Молчание затягивалось, становилось мучительным, и наконец Селена сказала:

— Ах, это...

Они продолжали смотреть друг на друга — Денисон смущенно, а Селена почти виновато.

Глава 18

-Я пока еще не обрел свою лунную форму, — сказал Готтштейн. — Но знали бы вы, Денисон, чего мне стоило обрести земную форму! А вам, пожалуй, это и вовсе не удастся. Так что лучше оставьте всякую мысль о возвращении.

— Я и не думаю об этом, — сказал Денисон.

— Жаль, конечно. Вы были бы там первым человеком. Ну а Хэллем...

— Мне хотелось бы поглядеть на его физиономию, — вздохнул Денисон с некоторой грустью. — Впрочем, это не слишком похвальное желание.

— Львиная доля, конечно, достанется Ламонту. Он ведь там, в самой гуще событий.

— Я рад. Он меньшего и не заслуживает... Так вы считаете, что Невилл действительно придет?

— Безусловно. Я жду его с минуты на минуту... А знаете что? — произнес Готтштейн заговорщицким шепотом. — Пока его еще нет... Хотите шоколадный батончик?

— Что?

— Шоколадный батончик. С миндальной начинкой. Но только один! У меня их мало.

Недоумение на лице Денисона сменилось недоверчивой улыбкой.

— Настоящий шоколад?

— Да.

— Ну коне... — Вдруг его лицо посуровело. — Нет, спасибо.

— Нет?

— Нет! Пока шоколад будет таять у меня во рту, я затоскую по Земле. По всему, что есть на ней. А этого я себе позволить не могу и не хочу... Не угощайте меня шоколадом. Не показывайте мне его. Я даже запаха его боюсь.

Готтштейн смутился.

— Вы правы, — сказал он и неловко переменял тему. — Сенсация вышла колоссальная. Конечно, мы попытались замять скандал с Хэллемом. Он сохранит какой-нибудь из своих почетных постов, однако реального влияния у него не будет.

— Сам он с другими так не деликатничал, — заметил Денисон, но без особого жара.

— Это ведь не ради него. Наука не может не понести значительного ущерба, если вдруг объявить дутым авторитет, который столько времени слыл непререкаемым. А добрая слава науки важнее личной судьбы Хэллема.

— Я принципиально с этим не согласен, — возразил Денисон. — Наука должна честно признавать свои ошибки.

— Всему есть время и место... А, вот и доктор Невилл!

Готтштейн придал своему лицу непроницаемое выражение, а Денисон повернулся к двери.

Бэррон Невилл вошел тяжелой походкой, лишенной какого бы то ни было лунного изящества. Он отрывисто поздоровался, сел, заложив ногу за ногу, и выжидательно посмотрел на Готтштейна. Было совершенно ясно, что первым он не заговорит.

Представитель Земли сказал:

— Рад вас видеть, доктор Невилл. Я узнал от доктора Денисона, что вы не захотели поставить свое имя под статьей о космонасосе, которая, как мне кажется, обещает стать классическим основополагающим трудом в этой области.

— А зачем мне это? — сказал Невилл. — То, что происходит на Земле, меня не интересует.

— Вам известны эксперименты с космонасосом? И их значение?

— Да, конечно. Я в курсе всего происходящего так же, как вы или доктор Денисон.

— Тогда я обойдусь без предисловий. Я только что вернулся с Земли с точными планами на будущее. Три большие космостанции будут построены в трех точках лунной поверхности, выбранных с таким расчетом, что хотя бы одна из них в каждый данный момент будет обязательно находиться в ночной тени. А чаще и две. Каждая станция, пока она остается в тени, будет вырабатывать энергию, в основном просто излучая ее в пространство. Главное назначение этих станций — компенсация нарушений в напряженности поля, вызываемых Электронным Насосом.

— В ближайшие годы, — перебил Денисон, — они должны работать с большой мощностью, чтобы восстановить в нашем секторе то положение, которое было до появления Насоса.

Невилл кивнул.

— А Лунный город сможет пользоваться этой энергией? — спросил он затем.

— В случае необходимости. По нашему мнению, солнечные аккумуляторы вполне обеспечивают вас энергией. Но если вам понадобится дополнительный источник...

— Очень любезно с вашей стороны, — с подчеркнутой иронией сказал Невилл. — А кто будет строить космостанции и следить за их работой?

— Мы надеемся, что луняне, — сказал Готтштейн.

— Вы знаете, что луняне! — возразил Невилл. — Землянам никогда с такой задачей не справиться.

— Мы это понимаем и надеемся на сотрудничество лунных граждан, — сказал Готтштейн официальным тоном.

— А кто будет решать, сколько надо вырабатывать энергии, какое ее количество использовать для местных нужд и сколько излучать в пространство? Кто будет принимать решения?

— Это установки межпланетного значения, — ответил Готтштейн. — И ведать ими будет специальная организация.

— Как видите, работать будут луняне, а руководить земляне, — объявил Невилл.

— Нет, — спокойно ответил Готтштейн. — Речь идет о простой целесообразности, и только.

— Это все слова. А суть одна: мы работаем, вы решаете... Нет, господин представитель Земли. Мы отвечаем — нет.

— То есть вы отказываетесь строить космостанции?

— Мы их построим, господин представитель, но они будут нашими. И мы сами будем решать, сколько энергии получать и как ею пользоваться.

— Все это не так просто. Вам ведь постоянно придется поддерживать контакт с Землей, поскольку энергия космонасосов должна точно уравнивать энергию Электронного Насоса.

— В какой-то мере так оно и будет. Но у нас другие планы. Я могу познакомить вас с ними теперь же. При соприкосновении вселенных неисчерпаемой становится не только энергия.

— Мы отдаем себе отчет в том, что закон сохранения не ограничивается одной энергией, — перебил Денисон.

— Вот и прекрасно! — Невилл смерил его враждебным взглядом. — Такому же закону подчиняется также количество движения и угловой момент. До тех пор пока предмет реагирует с полем тяготения, в котором он находится, и только с ним, он пребывает в состоянии свободного падения и сохраняет массу. Для того чтобы он начал двигаться в другом направлении, ему необходимо приобрести ускорение, а для этого какая-то его часть должна претерпеть обратное движение.

— Как ракетный корабль, — перебил Денисон, — который выбрасывает некоторую массу в одном направлении, чтобы двигаться с ускорением в противоположном.

— Я не сомневаюсь, что вам все это известно, доктор Денисон, — сухо сказал Невилл. — Я объясняю мистеру Готтштейну. Потеря массы может быть сведена до минимума, если скорость ее отбрасывания резко возрастает, поскольку количество движения равно произведению массы на скорость. Тем не менее даже при самой колоссальной скорости какая-то масса должна отбрасываться. Если же необходимо придать ускорение колоссальной массе, то и отбрасывать придется тоже колоссальную массу. Если, например, Луну...

— Как Луну?! — воскликнул Готтштейн.

— Именно Луну, — невозмутимо ответил Невилл. — Если Луну потребовалось бы сдвинуть с орбиты и выбросить за пределы Солнечной системы, закон сохранения количества движения оказался бы, по всей вероятности, непреодолимым препятствием. Но, если бы удалось перенести импульс в другую вселенную, Луне можно было бы придать любое ускорение без какой-либо потери массы. Так на Земле, если судить по картинке в книге, которую я читал в детстве, вы плывете на плоту против течения, отталкиваясь с помощью шеста.

— Но для чего? То есть для чего вам нужно придавать ускорение Луне?

— Неужели это неясно? К чему нам душное соседство Земли? У нас есть необходимая нам энергия и удобный мир, который мы можем осваивать еще много столетий. Так почему бы нам и не отправиться куда-нибудь еще? И мы это сделаем. Я пришел сообщить вам, что воспрепятствовать нам вы не можете, а потому для всех будет лучше, если вы не станете вмешиваться. Мы передадим импульс в космическую вселенную и сойдем с орбиты. Как строить космостанции, нам известно. Мы будем производить всю необходимую нам энергию, а также избыток для нейтрализации изменений, которые возникают из-за работы ваших собственных силовых установок.

— Очень любезно с вашей стороны производить ради нас избыточную энергию, — насмешливо сказал Денисон. — Но объясняется это, конечно, отнюдь не вашим альтруизмом. Ведь если этого не сделать, Электронный Насос взорвет Солнце еще задолго до того, как вы пересечете хотя бы одну орбиту Марса, и от вас тоже останется только облачко газа.

— Не спорю, — сказал Невилл. — Но мы будем производить избыточную энергию, так что этого не произойдет.

— Нет, это невозможно! — с тревогой воскликнул Готтштейн. — Вы не должны покидать свою орбиту. Ведь когда вы удалитесь на большое расстояние, космостанции уже не будут нейтрализовать действие Электронных Насосов. Так ведь, Денисон?

Денисон пожал плечами.

— Когда они уйдут за орбиту Сатурна, могут начаться неприятности, если я сейчас правильно все прикинул. Но для этого им понадобится столько лет, что мы вполне успеем построить космостанции и вывести их на бывшую лунную орбиту. Собственно говоря, мы в Луне не нуждаемся. И она может отправляться, куда ей заблагорассудится. Но только она останется тут.

— Это почему же? — с легкой улыбкой спросил Бэррон. — Нас остановить невозможно. У землян нет способа навязать нам свою волю.

— Луна останется тут потому, что тащить ее куда-нибудь всю целиком бессмысленно. Чтобы придать такой массе сколько-нибудь заметное ускорение, понадобятся годы и годы. Вы будете ползти. Лучше начните строительство космических кораблей. Гигантов в милю длиной с самодостаточной экологией, а энергию им будет обеспечивать собственный космонасос. Снабдите их космодвигателями, и вы будете творить чудеса. Даже если на строительство кораблей понадобится двадцать лет, они меньше чем за год достигнут той точки, в которой оказалась бы к тому времени Луна, начини она свое движение сегодня. И курс такие корабли будут способны менять за ничтожную долю времени, которое потребовалось бы на подобный маневр Луны.

— А некомпенсированные космостанции? Что они натворят во вселенной?

— Энергия, нужная кораблю или даже целому флоту, будет заметно меньше той, которая потребовалась бы для движения планеты, к тому же она будет распределяться по огромным областям вселенной. Пройдут миллионы лет, прежде чем изменения станут хоть сколько-нибудь значимыми. Зато вы приобретете маневренность. Луна же будет двигаться так медленно, что нет смысла сталкивать ее с места.

— А мы никуда и не торопимся, — презрительно бросил Невилл. — Нам нужно только одно — избавиться от соседства с Землей.

— Но ведь это соседство дает Луне немало полезного. Приток иммигрантов, культурный обмен. Да и просто сознание, что совсем рядом — живая жизнь, люди, разум. И вы хотите отказаться от всего этого?

— С радостью!

— Все луняне? Или лично вы? Вы ведь нетипичны, Невилл. Вы боитесь выходить на поверхность. А другие луняне выходят, — может быть, без особого удовольствия, но и без страха. Для них недра Луны — не единственный возможный мир, как для вас. Для них они не тюрьма, как для вас. Вы страдаете неврозом, от которого другие луняне свободны, — во всяком случае, такой степени он не достигает ни у кого. Но если вы уведете Луну от Земли, вы сделаете из нее тюрьму для всех. Она превратится в планету-темницу, все обитатели которой — как пока еще только вы один — начнут бояться ее поверхности, откуда уже не будет виден другой обитаемый мир. Но, возможно, вам как раз это и нужно?

— Мне нужна независимость. Мне нужен мир, который был бы полностью свободен от посторонних влияний.

— Так стройте корабли. В любом количестве. Едва вам удастся передать импульс в космосселенную, как вы без труда достигнете скорости, близкой к скорости света. Вы сможете исследовать нашу Галактику на протяжении жизни одного поколения. Неужели вы не хотите отправиться в путь на таком корабле?

— Нет, — ответил Невилл брезгливо.

— Не хотите или не можете? Или, куда бы вы ни отправились, вам необходимо тащить с собой всю Луну? Так почему же вы навязываете свою идиосинкразию всем остальным?

— Потому что так будет, и все! — отрезал Невилл.

Денисон сказал ровным тоном, хотя его щеки пылали:

— А кто дал вам право говорить так? В Лунном городе есть много людей, которые, возможно, не разделяют вашего мнения.

— Вас это не касается.

— Нет, касается. Я — иммигрант и намерен в ближайшее время получить право гражданства. И я не хочу, чтобы мою судьбу решали, не спрашивая моего мнения, — тем более чтобы ее решал человек, который не способен выйти на поверхность и который хочет сделать свою личную тюрьму тюрьмой для всех. Я расстался с Землей, но для того лишь, чтобы поселиться на Луне, в четверти миллиона миль от родной планеты. Я не давал

согласия, чтобы меня увлекали от нее навсегда неведомо на какое расстояние.

— Ну так возвращайтесь на Землю, — равнодушно перебил Невилл. — Время еще есть.

— А граждане Луны? А остальные иммигранты?

— Решение принято.

— Нет, оно еще не принято... Селена!

В дверях появилась Селена. Ее лицо было серьезно, в глазах прятался вызов. От небрежной позы Невилла не осталось и следа. Обе его подошвы со стуком впечатались в пол. Он спросил:

— И долго ты ждала в соседней комнате, Селена?

— Я пришла раньше тебя, Бэррон, — ответила она.

Невилл посмотрел на нее, потом на Денисона, потом опять на нее.

— Вы... вы вдвоем... — пробормотал он, тыча в них пальцем.

— Я не совсем понимаю, что ты подразумеваешь под этим «вдвоем», — перебила Селена. — Но Бен уже давно узнал о передаче импульса.

— Селена тут ни при чем, — вмешался Денисон. — Мистер Готтштейн заметил какой-то летящий предмет в тот момент, когда никто не мог знать, что он наблюдает за установкой. Я понял, что Селена экспериментирует с чем-то, о чем я еще не думал, и сообразил, что это может быть передача импульса. А потом...

— Ну ладно, вы знали, — сказал Невилл. — Но это ровно ничего не меняет.

— Нет, меняет, Бэррон! — воскликнула Селена. — Я обсудила все это с Беном, и мне стало ясно, что я слишком часто принимала твои слова на веру, и совершенно напрасно. Пусть я не могу поехать на Землю. Пусть я даже не хочу этого. Но я убедилась, что мне нравится видеть ее в небе, когда у меня появляется такое желание. Мне не нужно пустого неба! Потом я поговорила с другими членами группы. И оказалось, что далеко не все они хотят отправляться в бесконечные странствия. Большинство считает, что надо строить корабли для тех, кто стремится к звездам, а те, кто хочет остаться, пусть остаются.

— Ты говорила об этом! — задыхаясь, крикнул Невилл. — Кто тебе дал право...

— Оно и так принадлежало мне, Бэррон. Да это и неважно. Большинство против тебя.

— Из-за этого... — Невилл вскочил и угрожающе шагнул к Денисону.

— Пожалуйста, успокойтесь, доктор Невилл, — поспешно сказал Готтштейн. — Вы уроженец Луны, но все-таки я думаю, что с нами двумя вам не справиться.

— С тремя, — поправила Селена. — И я тоже уроженка Луны. Все это сделала я, Бэррон, а не они.

— Послушайте, Невилл, — после некоторого молчания заговорил Денисон. — Земле в конечном счете все равно — останется Луна на орбите или нет. Земля без труда построит взамен космические станции. Это гражданам Луны не все равно. Селене. И мне. И всем остальным. Вас никто не лишает права проникнуть в космос, бежать туда, искать там свободы. Самое большее через двадцать лет те, кто захочет покинуть Луну, смогут это сделать. Включая и вас, если у вас хватит мужества расстаться со своей норой. А те, кто захочет остаться, останутся.

Невилл медленно опустился на стул. Он понял, что потерпел поражение.

Глава 19

В квартире Селены теперь каждое окно представляло панораму Земли. Селена сказала:

— Большинство проголосовало против него, Бен. Подавляющее большинство.

— Но он вряд ли откажется от своих планов. Если во время строительства станции начнутся трения, общественное мнение Луны может склониться на его сторону.

— Но ведь можно обойтись и без трений.

— Разумеется. Да и вообще в истории не бывает счастливых развязок. Просто на смену одной благополучно решенной проблеме приходят новые. Пока мы удачно справились с очередным затруднением. А о следующих будем думать, когда они возникнут. Ну а с постройкой звездных кораблей все вообще переменится.

— И я уверена, что мы своими глазами увидим, как это будет.

— Вы-то увидите, Селена.

— И вы, Бен. Не кокетничайте своим возрастом. В конце концов, вам всего сорок восемь лет.

— А вы полетите на звездном корабле, Селена?

— Нет, не полечу. Годы будут уже не те, да и расставаться с Землей в небе мне и тогда вряд ли захочется. Вот мой сын, возможно, полетит... И знаете что, Бен...

Она замолчала, и Денисон осторожно спросил:

— Что, Селена?

— Я получила разрешение на второго ребенка. Хотите быть его отцом?

Денисон посмотрел ей прямо в глаза. Она не отвела взгляда.

— Биологический отбор?

— Ну конечно... Комбинация генов должна получиться очень интересной.

Денисон отвернулся.

— Я польщен, Селена.

— Но что тут такого? — сказала Селена, точно оправдываясь. — Это же разумно. Хорошая наследственность крайне важна. И естественное генетическое конструирование, оно же... ну... естественно.

— Да, конечно.

— И это вовсе не единственная причина... Ведь вы мне нравитесь.

Денисон кивнул, но продолжал молчать.

— И в конце концов, любовь биологией не исчерпывается, — уже сердито сказала Селена.

— Не спорю, — сказала Денисон. — Во всяком случае, я вас люблю помимо биологических соображений.

— Ну, если уж на то пошло, биологические соображения могут диктоваться как раз любовью.

— И с этим не спорю, — сказал Денисон.

— Кроме того... — пробормотала Селена. — А, черт...

Денисон нерешительно шагнул к ней. Она стояла и ждала. И тут уж он поцеловал ее без дальнейших колебаний.

Содержание

Конец вечности, роман <i>перевод с английского Ю. Эстрина</i>	7
Сами боги, роман <i>перевод с английского И. Гуровой</i>	249

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

Полное собрание фантастических произведений

Книга одиннадцатая

Составитель В. Быстров

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редактор Б. Клюева

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Г. Бочарова, Е. Ошуркова

Оператор компьютерной верстки Н. Амосова

Цветные иллюстрации и форзац А. Кириллов

Оформление шмуцтитолов Д. Затравкин

Подписано в печать 1.07.93. Формат 84x108/32.

Усл. печ. листов 30,66. Тираж 100 000 экз. Заказ №1862

Издательская фирма «Полярис».

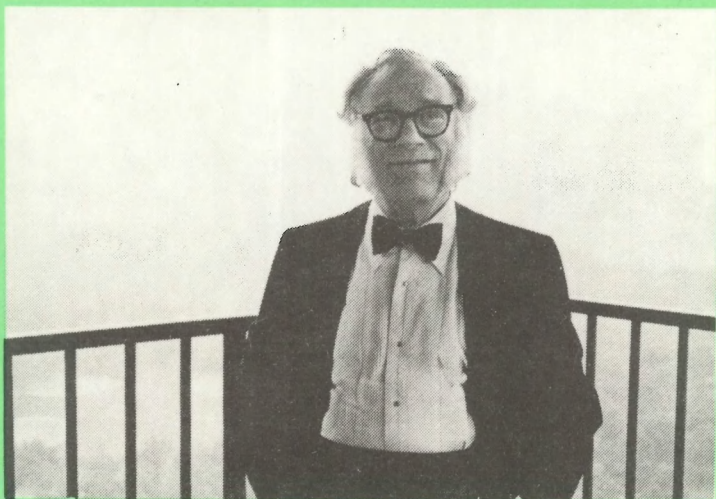
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

Московская типография №7.

Министерство печати и информации Российской Федерации.

121019, г. Москва, пер. Аксакова, д. 13

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher